

ФАШИЗМ, НЕОФАШИЗМ

**и их преступная
практика**

Сборник статей памяти
Елены Дмитриевны Строгановой

Издательство «Весь Мир»

ФАШИЗМ, НЕОФАШИЗМ и их преступная практика

Сборник статей памяти
Елены Дмитриевны Строгановой

Елена Дмитриевна Строганова
1941 – 2019

Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования
«Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского
и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж) Министерства обороны Российской Федерации

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт славяноведения Российской академии наук»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт всеобщей истории Российской академии наук»

ФАШИЗМ, НЕОФАШИЗМ и их преступная практика

Сборник статей памяти
Елены Дмитриевны Строгановой

Отв. ред. А.А. Богдашкин

Москва
Издательство «Весь Мир»
2021

УДК 94(100) «19/20»

ББК 63.3(0)

Ф 30

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук *А.А. Богдашкин* (отв. ред.);

д-р ист. наук *Т.В. Волокитина*; д-р полит. наук, профессор
А.С. Железняков; канд. ист. наук *А.М. Ипатов*; д-р ист. наук,
профессор *А.С. Намазова*; канд. ист. наук *В.В. Теплухин*

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор *В.В. Согрин*;

д-р ист. наук, профессор *О.Е. Петрунина*

Отпечатано в России

© ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия
им. проф. Н.Е. Жуковского
и Ю.А. Гагарина», 2020

© ФНИСЦ РАН, 2020

© Институт славяноведения РАН, 2020

© Институт всеобщей истории РАН, 2020

ISBN 978-5-7777-0842-7

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Часть I. Общие проблемы	12
<i>Богдашкин А.А.</i> Социально-экономические теории фашизма в марксистской историографии СССР, Великобритании и США 1920-х – 1930-х гг.	12
<i>Любин В.П.</i> Итальянская историография фашизма: подходы левых и правых	64
<i>Полунин Е.С.</i> Распространение фашизма среди немецких меньшинств и диаспор в период между двумя мировыми войнами	83
<i>Лебедева Н.С.</i> Фашистский экспансионизм, преступная практика гитлеризма и их разоблачение на Нюрнбергском процессе	117
<i>Бровко Л.Н.</i> Фашистские государства в Европе и христианская церковь	138
<i>Некрасова Т.А.</i> Коалиция «держав Оси»: структура и взаимные обязательства	148
<i>Сотников А.И.</i> Политика фашистских режимов и музыкальное искусство	162
<i>Глухова А.В.</i> Дискурс фашизма и неофашизма в контексте новых угроз и праворадикальных вызовов XXI века	181

Часть II. Итальянский и германский фашизм	192
<i>Князева С.Е.</i> Итальянский фашизм в контексте итальянской идентичности: социокультурные практики	192
<i>Токарева Е.С.</i> Специфика церковно- государственных отношений в фашистской Италии (1922–1943)	202
<i>Пилько Н.С.</i> Политика денационализации итальянских фашистских властей в Юлийской крайне (1922–1941 гг.)	211
<i>Зинич М.С.</i> Преступления фашистов против культуры. (По материалам Нюрнбергского процесса)	222
<i>Шендриков Е.А.</i> Понимание сущности фашизма в войсках Воронежского фронта (1942–1943 гг.)	234
Часть III. Фашизм и неофашизм в странах Западной Европы	249
<i>Кирсанова Н.В.</i> Франкистская политика насильственной ассимиляции каталонцев (конец 30-х – начало 40-х гг. XX в.)	249
<i>Намазова А.С.</i> Лингвистический раскол и особенности распространения фашизма в Бельгии (1919–1945 гг.)	256
<i>Комаров А.А.</i> Квислинговская пропаганда и освобождение Северной Норвегии Красной Армией	282
<i>Дуров В.И.</i> Разновидности фашизма на Британских островах в межвоенный период: попытка компаративного анализа	290

<i>Дегтярев В.И.</i> Характеристика неофашизма в трудах А.А. Галкина	309
---	-----

Часть IV. Фашизм и диктаторские режимы в странах Восточной Европы 323

<i>Лопатина Е.Б.</i> Фашизм или авторитаризм: историографические дискуссии о режиме «санации» в Польше	323
--	-----

<i>Печенкин С.В.</i> Фашистская дипломатия: отношения между нацистской Германией и квазифашистским режимом в Польше	338
---	-----

<i>Сератионова Е.П.</i> Радола Гайда и чешский фашизм	350
--	-----

<i>Лепехина Г.И.</i> Фашизм в Болгарии: дискуссии о режиме царя Бориса III	362
---	-----

<i>Волокитина Т.В.</i> Метаморфозы национальной памяти. Болгарский генерал Христо Луков: фашист или герой-патриот?	373
--	-----

<i>Теплухин В.В.</i> Распространение фашизма на постсоветской Украине	385
--	-----

Часть V. Фашизм за пределами Европы 395

<i>Окунева Л.С.</i> К вопросу о влиянии фашизма на ибероамериканские правые режимы 1930-х – 1950-х гг.	395
---	-----

<i>Мазуров И.В.</i> О фашизме в Японии	403
--	-----

<i>Скоробогатых Н.С.</i> Фашизм в Австралии (1920-е – 1930-е гг.): мифы или реальность	425
---	-----

<i>Ипатов А.М.</i> Распространение фашизма среди русской эмиграции за пределами Европы	459
---	-----

Строганова Е.Д. Был ли фашистским режим Хуана Доминго Перона в Аргентине? Дискуссии о сущности перонизма в зарубежной историографии и социально-политических науках	482
Копеев М.Ю. Между фашизмом и либерализмом: режим Ли Сынмана и идеология «народного единства» в Южной Корее	519
Балезин А.С. Иди Амин – «африканский Гитлер». К вопросу о фашизме в Африке	542
Иванов Н.С. Болсонару: бразильский ультраправый или «неолиберальный фашист»?	557
Авторы	569

*А.А. Богдашкин, Т.В. Волокитина,
А.С. Железняков, А.М. Ипатов, А.С. Намазова*

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий сборник статей основан на материалах проходившей в мае 2019 г. в Военном учебно-научном центре Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» Всероссийской научно-теоретической конференции «Фашизм, неонацизм и их преступная практика». Вряд ли стоит подробно останавливаться на актуальности этой темы. Безусловно, всем нам хотелось бы говорить о фашизме и неонацизме в прошедшем времени, однако ростки этой преступной идеологии и практики продолжают пускать свои побеги и в современных условиях в совершенно различных местах нашей планеты. Даже в ряде государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, идет открытое прославление лиц, сотрудничавших в годы Великой Отечественной войны с гитлеровскими оккупационными властями.

Все эти обстоятельства заставляют историков, философов, политологов, социологов, специалистов других специальностей вновь обращаться к изучению причин зарождения фашистского движения в период после Первой мировой войны, а также проведению всестороннего анализа деятельности движений и режимов фашистского толка.

Следует отметить, что в современной исторической науке ведутся активные споры о сущности феномена фашизма. Ряд исследователей полагает, что фашизма как международного явления не существовало вовсе. Различия между диктаторскими режимами, установленными в период между двумя мировыми войнами в Италии, Германии, Португалии и Испании были слишком существенными, чтобы объединять типологию этих режимов в рамках одного явления. Само слово «фашизм», по убеждению этих исследователей, якобы служило лишь орудием в политической борьбе, при помощи которого представители левых сил дискредитировали своих оппонентов.

Вместе с тем, прошедшие в историографии в последние годы дискуссии убедительно свидетельствуют, что фашизм как международный феномен существовал. Основные лозунги и методы их реализации зародившегося в 1919 г. в Италии фашистского движения во главе с Бенито Муссолини, и сумевшего добиться власти

в октябре 1922 г., оказались достаточно популярными за пределами этой страны. Во многих европейских государствах возникли правозащитные организации, которые копировали программные документы и лозунги итальянских фашистов. На опыт Муссолини стали ориентироваться в своей практической деятельности все оказавшиеся в то время у власти европейские диктаторы. Принципы корпоративизма активно внедряли в жизнь диктаторские режимы, утвердившиеся тогда в Венгрии, Австрии, Болгарии, Польше, Румынии, Словакии, Литве, Латвии, Эстонии. Ими руководствовался генерал Мигель Примо де Ривера, захвативший на время власть в Испании (1923–1930 гг.). Явные черты сходства с режимом Муссолини отличали так называемое «Новое государство», провозглашенное в Португалии Антониу ди Оливейра Салазаром, оказавшимся у руля власти вскоре после военного переворота 1926 года. Еще более притягательной оказалась немецкая разновидность глобального фашизма – национал-социализм, который возник в 1919 г. в Мюнхене и захватил власть в стране в январе 1933 г. На волне мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. деятельность реакционных фашистских движений активизировалась практически во всех европейских странах. В феврале 1934 г. во Франции фашистско-ориентированные структуры предприняли попытку антиправительственного переворота, которая в результате скоординированных действий политических партий рабочего класса потерпела провал. В июне 1936 г. в Испании праворадикальные заговорщики, опиравшиеся на верхушку вооруженных сил, подняли мятеж против законно избранного правительства, опиравшегося на поддержку Народного фронта. В стране началась гражданская война. При этом фашистские Италия, Германия и Португалия на протяжении всего конфликта оказывали мятежникам всестороннюю, и, прежде всего, военную поддержку. В 1939 г. республиканские силы потерпели поражение. В Испании был установлен диктаторский режим во главе с Франсиско Франко.

Влияние фашизма стало распространяться за пределами европейского континента. Во многом сходные политические партии и организации возникли практически во всех странах Латинской Америки, США, английских доминионах, а также ряде государств Азии и Африки. Многие латиноамериканские и азиатские диктаторы пополнили свой идейный и практический арсенал за счет установок и опыта Муссолини, Гитлера, Салазара и Франко.

Несмотря на свое сокрушительное поражение во Второй мировой войне, фашизм не был полностью сметен с исторической

арены. «Холодная война» и формировавшаяся в западном мире атмосфера антикоммунизма позволила многим последователям Муссолини и Гитлера избежать судебного преследования. Практически сразу после окончания войны в европейских государствах стали возникать неофашистские партии и организации. Многие зарубежные историки полагают, что практика неофашизма оказала определенное влияние на характер режима «черных полковников» в Греции, военные режимы в странах Латинской Америки. С сожалением приходится констатировать, что фашистские идеи не были уничтожены, и их носители продолжают свою деятельность в наши дни.

Все эти проблемы, вне всякого сомнения, являются убедительной причиной для появления настоящего сборника статей. Следует отметить, что значительная часть публикуемых материалов посвящена не только изучению классических форм фашизма. Во многих статьях рассмотрена деятельность фашистских движений, которые не смогли достичь власти. Подробно анализируется характер диктаторских режимов в странах Восточной Европы, Испании, Португалии и Латинской Америки. Отдельный раздел посвящен проявлениям фашизма и неофашизма за пределами европейского континента.

Настоящий сборник статей посвящен памяти нашей коллеги – историка, политолога и социолога, известного специалиста по Аргентине и стран Латинской Америки Елены Дмитриевны Строгановой, которая принимала активное участие во всех организованных в Военно-воздушной академии исторических конференциях, начиная с 2015 года. В последние годы жизни Елена Дмитриевна активно занималась изучением феномена фашизма и его проявлением в странах Латинской Америки. Ее работы по этой проблеме получили достаточно высокую оценку отечественных и зарубежных исследователей. В настоящем сборнике публикуется ее статья «Был ли фашистским режим Хуана Доминго Перона в Аргентине? Дискуссии о сущности перонизма в зарубежной историографии и социально-политических науках», которая, вне всякого сомнения, будет интересна не только специалистам по этому региону, но и широкому кругу историков, социологов и политологов, занимающихся изучением иных стран.

Редакционная коллегия и авторский коллектив надеется, что публикация представленных в сборнике статей будет способствовать активизации в российской науке исследований о фашизме и правом радикализме.

Часть I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

А.А. Богдашкин

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ФАШИЗМА В МАРКСИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СССР, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США 1920-х – 1930-х гг.

Вот уже более 100 лет в мировой исторической науке и смежных гуманитарных дисциплинах не прекращаются споры о сущности феномена фашизма. Многие ученые отрицают само его существование в качестве международного явления, ограничивая фашизм рамками движения и режима, существовавшего в Италии. Даже те исследователи, которые признают «международный фашизм», расходятся в оценках этого феномена. По мнению известного современного английского историка К. Пэссмора, на сегодняшний день существует практически столько же дефиниций фашизма, сколько и исследователей, которые занимаются его изучением¹.

На протяжении длительного времени многие, если не большинство, историков, социологов и политологов рассматривали фашизм как результат острейшего социально-экономического кризиса. Начиная с 1980-х гг. подобные подходы стали подвергаться критике, что во многом определялось новой международной идеологической конъюнктурой, сформировавшейся после прихода М. Тэтчер и Р. Рейгана к власти в Великобритании и США. В этот период была отвергнута кейнсианская доктрина, предусматривавшая активное вмешательство государства в экономику. В западных странах проведена масштабная приватизация государственной собственности. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. государства социалистического лагеря вступили на путь радикальных рыночных реформ. Влияние марксизма на развитие мировой научной мысли существенно ослабло². Некоторые исследователи вообще предложили отказаться от

¹ См.: Пэссмор К. Транснациональная история фашизма и национал-социализма на примере Франции // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 311.

² Критические оценки вклада марксистской историографии в изучение феномена фашизма см., напр.: Davies P.J., Lynch D. The Routledge Companion to Fascism and the Far Right. London, 2002. P. 51–54.

таких понятий как «класс» при изучении всеобщей истории межвоенного периода³.

Эти факторы оказали влияние на процесс осмысления феномена фашизма. Историография данной проблемы ощущала на себе все возрастающее воздействие презентизма. Современные социокультурные противоречия, ставшие питательной средой для активизации радикальных движений, были автоматически перенесены на период между двумя мировыми войнами⁴. Известный британский историк, претендовавший на создание универсального определения фашизма, Р. Гриффин вообще заявил о случайности поддержки Гитлера средним классом.

Лишь в последнее время ряд исследователей стали подчеркивать недопустимость подобного рода методологического подхода и необходимость более тщательного изучения социальных и экономических причин происхождения и прихода к власти фашистских движений. Не менее важен и всесторонний анализ социальной и экономической политики фашистских режимов⁵. В XXI в. некоторые зарубежные историки специально обратились к анализу теорий фашизма, которые разрабатывали идеологи рабочего движения в межвоенный период, поскольку именно в их работах были приняты первые попытки социально-экономического анализа этого феномена⁶.

Действительно, анализ марксистской литературы о фашизме 1920-х – 1930-х гг. представляется весьма важным, поскольку именно в этот период в ней были сформулированы основные социально-экономические интерпретации, вокруг которых продолжают споры в международной историографии и других гума-

³ Об этой тенденции и ее критике подробнее см.: *The Rise of Nazi Regime: Historical Reassessments* / eds. by Ch.S. Maier, S. Hoffmann and A. Gould. Cambridge (Mass.), 1986.

⁴ См. особенно: *Griffin R.* The Nature of Fascism. London – New York, 1993; *Eatwell R.* Fascism: a History. London, 1995 и др.

⁵ См. об этом, напр.: *Mann M.* Fascists. Cambridge, 2004; *Paxton R.O.* The Anatomy of Fascism. New York, 2004; *Roberts D.D.* Fascist Interaction: Proposals for New Approach to Fascism and Its Era, 1919–1945. New York – Oxford, 2016; *Боннел Э.Д.* Германские элиты и захват власти нацистами в 1933 г. // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 173–182.

⁶ *Hodgson K.* Fighting Fascism: the British Left and the Rise of Fascism, 1919–39. Manchester, 2013; *Young L.* Fascism for the British Audience: the Communist Party of Great Britain's Analysis of Fascism in Theory and Practice // Fascism: Journal of Comparative Fascist Studies. 2014. Vol. 3. № 2. P. 93–116; *Vial's Ch.* Haunted by Hitler: Liberals, the Left, and the Fight against Fascism in the United States. Amherst, 2014.

нитарных науках. Попытаемся дать обзор взглядов марксистских исследователей СССР, Великобритании и США – стран, которые в 1941 г. сформировали Антигитлеровскую коалицию. Антифашизм, вне всякого сомнения, был ее идеологическим фундаментом. Поэтому предпринятый ранее исследователями этих стран анализ сущности фашизма, безусловно, оказал влияние на формирование интерпретаций фашизма в годы Второй мировой войны.

Руководители СССР, Великобритании и США в годы войны были уверены, что ее причины вызваны экономическими факторами. Они были согласны с тем, что агрессия Германии и ее союзников носила империалистический характер и была подготовлена руководством военно-промышленного комплекса фашистских государств⁷.

Следует отметить, что абсолютное большинство авторов, обращающихся к осмыслению причин появления фашизма и установления фашистских диктатур в 1920-е – 1930-е гг., направляли основное внимание на социально-экономическую подоплеку этих процессов⁸. Подобного рода подход был характерен как для противников фашизма, так и его сторонников, число которых в Великобритании и США было весьма значительным⁹. Изучались и другие аспекты фашистского феномена. Американский исследователь К. Вайлз недавно подчеркнул, что марксистский анализ в значительно большей степени учитывал неэкономические аспекты фашизма, чем признают современные ученые¹⁰. Однако разработанная ими экономическая интерпретация фашистского феномена также обладает своим потенциалом. Как справедливо отмечал отечественный историк Ю.В. Галактионов, «марксист-

⁷ См. об этом, напр.: *Baars G. Capitalism's Victor's Justice? The Hidden Stories Behind the Prosecution of Industrialists Post-WWII // The Hidden Histories of War Crimes Trials / eds. by K. Heller and G. Simpson. Oxford, 2013. P. 165, 168.*

⁸ См. об этом: *Vials Ch. Op. cit. P. 74.*

⁹ Подробнее см.: *Pugh M. 'Hurrah for the Blackshirts!': Fascists and Fascism in Britain between the Wars. London, 2006; Woodbridge S. Reaction or Revolution? Early Interwar Assessments of the Nature of British Fascism in the 1920s // Storia e Futuro: Rivista di Storia e Storiografia on line. 2020. № 52. URL: <https://storiaefuturo.eu/reaction-or-revolution-early-interwar-assessments-of-the-nature-of-british-fascism-in-the-1920s/> (дата обращения 20.05.2020); *Diggins Jh.P. Flirtation with Fascism: American Pragmatic Liberals and Mussolini's Italy // The American Historical Review. 1966. Vol. 71. № 2. P. 487–506; idem. Mussolini and Fascism: the View from America. Princeton, 2015.**

¹⁰ См. об этом: *Vials Ch. Op. cit. P. 72.*

ская методология давала достаточно возможностей для высокого качества исследований»¹¹.

Попытаемся выделить основные социально-экономические теории, выдвинутые марксистскими исследователями СССР, Великобритании и США в 1920-е – 1930-е гг., и проследить их эволюцию. По справедливому замечанию известного российского ученого А.А. Галкина, именно в этот период были изданы первые работы о фашизме, основанные на историко-социологическом анализе этого феномена, который в последующем не осуществлялся в советской науке вплоть до конца 1960-х гг.¹² Анализ отечественных исследований фашизма будет в основном ограничиваться рамками книг и статей, опубликованных в научных журналах того периода¹³.

Бесчинства итальянских фашистов против активистов рабочих партий и профсоюзов заставляли теоретиков рабочего движения приступить к осмыслению деятельности зарождавшихся новых политических партий и организаций крайне правого толка. Практически сразу после возникновения фашистского движения в Италии они стали рассматривать фашизм в качестве глобального явления и не ограничивали это движение рамками одного государства. Так, коммунисты стремились выявить угрожающую аналогию между назначением Муссолини руководителем правительства Италии

¹¹ Галактионов Ю.В. Германский фашизм в зеркале историографии 20–40-х годов. Кемерово, 1996. С. 145.

¹² См.: Галкин А.А. «Я считаю себя апологетом политической социологии» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб., 1999. С. 320.

¹³ О взглядах на фашизм теоретиков Коммунистического Интернационала и советских партийно-государственных деятелей уже написано не мало исследований. См.: Галактионов Ю.В. Германский фашизм в зеркале историографии 20–40-х годов; он же. Национал-социализм в Германии: проблемы изучения и преодоления. Избранные труды. Кемерово, 2006; Макулов С.С. Стереотипность в изображении итальянского фашизма в советской прессе и публицистике 1920–1930-х гг. // Власть. 2017. № 12. С. 95–98; Lopukhov B.R. Il problema del fascismo italiano negli scritti di autori sovietici // Studi Storici. 1965. Anno 6. № 2 P. 239–257; Cammett Jh.M. Communist Theories of Fascism, 1920–1935 // Science and Society. 1967. Vol. 31. № 2. P. 149–163 и др. Самый обстоятельный анализ проблемы представлен во вступительной статье к сборнику документов «Коминтерн против фашизма»: Дамье В.В., Комолова Н.П., Корчагина М.Б., Шириня К.К. Введение // Коминтерн против фашизма. Документы / отв. ред. Н.П. Комолова. М., 1999. Также см.: Богдашкин А.А. Советская и постсоветская историография о причинах установления фашистских диктатур в странах Западной Европы // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 41–49.

и триумфом адмирала М. Хорти в Венгрии. Для них «марш на Рим» и связанные с ним события были единым фундаментом «заговора против пролетариата», который репетируется в Венгрии и успешно испытан в Италии. Лидеры коммунистического движения были убеждены, что эти процессы являются прелюдией к более широкому общеевропейскому контрреволюционному наступлению на рабочий класс¹⁴. Зарождение фашизма руководители Коминтерна связывали со своими общими представлениями о кризисе капитализма, обострением социально-классовых конфликтов и стремлением сил реакции сохранить господство монополистической буржуазии при помощи капиталистической диктатуры¹⁵.

Оценки советских авторов

В советской печати 1920-х – 1930-х гг. было опубликовано огромное количество заметок, статей и книг, посвященных анализу сущности фашизма, его социальной базы и выполняемых им функций. Многие из авторов представляли европейские коммунистические партии, которые первыми ощутили на себе фашистский террор. Однако советские исследователи и публицисты также оказывали влияние на обсуждение сущности столь опасного для рабочего движения социально-политического феномена. В своих первых публикациях они в значительной степени опирались на разработки зарубежных соратников. Хотя многие из них, работая в советских дипломатических ведомствах или корреспондентских пунктах за рубежом, учитывали и опыт собственных наблюдений.

Важно отметить, что эти публикации не были простым копированием решений Коминтерна и высказываний руководителей советского государства. Авторы в своем анализе, безусловно, обращались к основным положениям работ В.И. Ленина, «к его оценкам политического и экономического кризиса в странах капитала после Первой мировой войны»¹⁶. Однако они также стремились обобщить как можно большее количество информации из стран, в которых фашистское движение рвалось к власти. При анализе

¹⁴ См.: *Kallis A.* 'Fascism', 'Para-fascism' and 'Fascistization': On the Similarities of Three Conceptual Categories // *European History Quarterly*. 2003. Vol. 33. № 2. P. 220.

¹⁵ Подробнее см.: Коминтерн против фашизма.

¹⁶ *Лолухов Б.Р.* Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968. С. 387. Подробнее см.: *Деборин Г.А.* Ленинский анализ империализма и фашизм // Памяти Ленина. Сборник статей к 10-летию со дня смерти. М.–Л., 1934. С. 595–694.

фашизма ими были рассмотрены и частично использованы также теории немарксистских исследователей.

Следует признать, что появление на международной арене фашистских и других крайне правых политических движений оказалось неожиданным не только для марксистских теоретиков. Никогда ранее в истории представители среднего класса, составлявшие основу массовой базы фашистских организаций, не сумели создать каких-либо влиятельных политических партий и движений. Их попытки сформулировать последовательные и жизнеспособные требования с самого начала не имели успеха, поскольку мелкая буржуазия не была гомогенным классом. Она состояла из различных элементов, некоторые из которых открыто конфликтовали друг с другом¹⁷.

Многие исследователи самых различных убеждений полагали, что «борьба между промышленными и финансовыми олигархами и рабочими определит историю европейской цивилизации на последующие сто лет, так же как борьба между капиталистами и крупными землевладельцами определила ее прошлое»¹⁸. Марксисты, разделяя подобные взгляды, считали, что низшие слои буржуазии по мере развития капитализма будут пролетаризироваться, а, следовательно, станут неотъемлемой частью организованного рабочего движения. Нет ничего удивительного в том, что в советской печати накануне прихода Муссолини к власти высказывались мнения, согласно которым в рядах итальянской фашистской партии происходит процесс постепенного перерождения: из орудия крупной буржуазии она якобы превращается в «массовую демократическую организацию». Звучали предположения, что крупная буржуазия Италии должна будет столкнуться с угрозой «взбунтовавшейся черни»¹⁹.

К подобного рода умозаключениям приходили и теоретики социал-реформистского крыла рабочего движения. Так, официальная пресса Лейбористской партии Великобритании накануне назначе-

¹⁷ Подробнее см.: *Niebuhr R. Pawns for Fascism – Our Lower Middle Class // The American Scholar. 1937. Vol. 6. № 2. P. 145–146; Barnes J. The Social Basis of Fascism // Pacific Affairs. 1936. Vol. 9. № 1. P. 26–27.*

¹⁸ *Niebuhr R. Op. cit. P. 146.*

¹⁹ *О-уй П. Фашизм // Коммунистический Интернационал. 1922. № 23. С. 6039, 6042.* Подобные оценки происходящего разделяли и некоторые видные руководители Коминтерна, в частности К.Б. Радек. Подробнее см.: *Пантелеев М.М. Коминтерн против фашизма: упущенный шанс // Преподавание истории в школе. 2021. № 1. С. 35–36.*

ния Муссолини премьер-министром Италии писала, что, зародившись как консервативное и антирабочее движение, фашизм «превратился в революционное движение, основным врагом которого было буржуазное правительство Италии. В то время как крупный бизнес все еще поддерживает фашизм в финансовом отношении, он делает это под принуждением». В ряде публикаций лидеры лейбористов даже выражали восхищение итальянским диктатором, который, де, сумел осуществить «бескровную революцию». Только после интервенции Италии на остров Корфу в 1923 г. и кризиса Маттеотти 1924 г.²⁰ лейбористы стали отказываться от своих прежних иллюзий и переходить на антифашистские позиции²¹.

В отличие от английских лейбористов, которых в определенных отношениях прельщал антикоммунизм итальянских фашистов, большая часть теоретиков Коминтерна подчеркивали контрреволюционный националистический характер фашизма. Известный в те годы коминтерновский деятель и исследователь, профессор факультета общественных наук Московского университета, ставший в последующем членом-корреспондентом АН СССР, Н.Л. Мещеряков утверждал, что итальянский фашизм по своей сути является типичной буржуазно-помещичьей организацией, «в распоряжении которой находятся темные массы несознательных промышленных и сельскохозяйственных рабочих, крестьян, люмпен-пролетариев и мелкобуржуазной молодежи». Автор был убежден, что Муссолини образовал фашистскую партию не для борьбы с «империалистами других стран», а для подавления выступлений итальянского пролетариата²². Сторонники таких взглядов, вульгаризируя разработанную В.И. Лениным теорию об империализме как высшей и последней стадии капитализма, исходили из неизбежности в самом

²⁰ Кризис Маттеотти – острейший политический кризис в фашистской Италии, связанный с убийством депутата парламента, социалиста Дж. Маттеотти, который заявил о фальсификации фашистами парламентских выборов 1924 г. В знак протеста против расправы над Маттеотти оппозиционные депутаты парламента образовали так называемый «Авентинский блок», ставший параллельным политическим центром. Из-за нерешительности лидеров оппозиции Муссолини сумел собрать собственные силы и ликвидировать остатки демократических свобод в Италии.

²¹ Подробнее см.: *Keserich Ch. The British Labour Press and Italian Fascism, 1922–25 // Journal of Contemporary History. 1975. Vol. 10. № 4. P. 579–582.*

²² *Мещеряков Н. Предисловие // Международный фашизм. М. – Пг., 1923. С. 4–5; он же. Последняя форма буржуазной диктатуры // Там же. С. 19, 22.*

ближайшем будущем гибели международной системы капиталистических отношений.

Однако значительная часть советских авторов тех лет пытались показать, что развитие событий вряд ли будет столь прямолинейным. В обосновании своих позиций они также ссылались на заявления Ленина, допускавшего возможность «отступления компартий и рабочего движения»²³. В результате в СССР появлялись работы, в которых давалась более сложная оценка характера фашистского движения. Так, автор книги «Очерки фашизма в Италии» (1923) Д.А. Антонов высказал суждение, что фашистское движение в первую очередь выражает интересы мелкой буржуазии, а крупная буржуазия просто использует его как орудие против революции²⁴. Вопрос о соотношении массовой базы и социальных функций фашизма вызывал достаточно острые дискуссии в руководящих органах Коммунистического Интернационала. Так на V конгрессе Коминтерна (1924 г.), несмотря на утверждения многих его делегатов о том, что средние слои выступают лишь в качестве пассивного материала, из которого формируется фашизм, в итоговой резолюции было отмечено, что фашизм является мелкобуржуазным движением²⁵.

Весьма интересными были опубликованные в СССР в 1920-е гг. труды видного представителя анархистского движения Г.Б. Сандомирского²⁶, усматривавшего существенные различия между фашизмом и другими буржуазными политическими силами. Автор подчеркивал, что во всех странах фашизм является средством, при помощи которого имущие классы пытаются организовать «превентивную контрреволюцию». Однако фашисты, по его убеждению, не удовлетворены теми методами борьбы, которыми традиционное капиталистическое государство пытается подавить революционное движение²⁷.

Сандомирский признавал, что подъем рабочего движения, начавшийся в Италии под воздействием Октября 1917 г., являлся

²³ Ленин В.И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1982. С. 293.

²⁴ Антонов Д. Очерки фашизма в Италии. М., 1923. С. 25.

²⁵ Итоговая резолюция конгресса носила весьма противоречивый характер. Подробнее об этом см.: Богдашкин А.А. Указ. соч. С. 44; Пантелеев М.М. Указ. соч. С. 36–37.

²⁶ Сандомирский Г. Фашизм. Ч. 1–2. М., 1923; он же. Черные блузы. (Фашизм и молодежь). – М., 1924; он же. Фашизм и молодежь. М., 1925; он же. Теория и практика европейского фашизма. М., 1929.

²⁷ Сандомирский Г. Фашизм. М. – Пг., 1923. С. 143.

одной из важнейших причин появления фашизма и активизации его деятельности. Однако главным фактором происхождения итальянского фашизма автор считал исключительно болезненное состояние «умов, которое было порождено ... войной и ее ужасающими экономическими последствиями»²⁸. Именно этот тезис был подвергнут особой критике Н.Л. Мещеряковым, который утверждал, что фашизм возник бы и без Первой мировой войны, «если бы классовая борьба обострилась достаточно сильно». Исследователь подчеркивал, что «связь между фашизмом и национализмом» ни в коем случае не была органической²⁹.

В 1920-е гг. советскими исследователями и коминтерновскими теоретиками разрабатывалась еще одна социально-экономическая теория фашизма. Ее авторы обращали внимание на широкую поддержку фашистского движения Италии крупными землевладельцами, а также на то, что приход Муссолини к власти происходил в период наиболее ожесточенных конфликтов в деревне. К тому же, уже в 1920 г. крупные промышленники Италии нанесли серьезный удар по позициям рабочего движения. В тот период наблюдатели из разных стран отмечали, что на протяжении многих лет сохранившееся со старых времен аграрное лобби довольно успешно осуществляло балансирующую роль между интересами «доверительного капитала и пролетариата». Экономическое законодательство Бисмарка в Германии и Столыпина в царской России было, по их мнению, «хитрым маневром остатков феодальной аристократии, направленного на сдерживание агрессивных амбиций класса капиталистов»³⁰. Высказывались предположения, что при помощи фашизма аграрии вновь пытались усилить свое влияние на принимаемые экономические и политические решения. Видимо, учитывая эти тенденции, ряд теоретиков Коминтерна сумели добиться, чтобы в принятом на IV конгрессе «Манифесте к итальянским рабочим» было указано, что фашизм является преимущественно орудием крупных землевладельцев, а промышленная и торговая буржуазия с тревогой наблюдает за разгулом свирепой реакции, в которой они усматривают ни что иное как «черный большевизм»³¹.

²⁸ Там же. С. 20.

²⁹ Рецензия Н. Мещерякова на книгу Г. Сандомирского «Фашизм» // Печать и революция. Журнал литературы, искусства, критики и библиографии. 1923. Кн. III. С. 155.

³⁰ Barnes J. Op. cit. P. 27.

³¹ Цит. по: Cammett Jh.M. Op. cit. P. 150.

Бывший полпред СССР в Риме Н.И. Иорданский утверждал, что фашизм был порожден крестьянско-кулацкой стихией, которая «притягивает к себе мелкобуржуазные элементы городского населения, служащих государственных учреждений и частных предприятий, учащуюся молодежь и часть интеллигенции»³². Подобные суждения высказывались и в первых публикациях о германской разновидности фашизма³³.

Только по мере укрепления фашистского режима в Италии, выразившегося в том числе в его полноценном сотрудничестве с промышленной элитой страны³⁴, в советской печати стали более активно звучать голоса тех, кто сводил сущность фашизма к его инструментальным функциям³⁵. Поражение революционных выступлений 1923 г. в Болгарии, Польше и Германии, а также наметившаяся стабилизация социально-экономической и политической обстановки в западноевропейских капиталистических странах способствовали появлению в советской печати публикаций, в которых термин «фашизм» стал использоваться чрезмерно расширенно. Некоторые авторы к числу фашистских стали причислять традиционные буржуазные партии³⁶.

Резкое ухудшение отношений между коммунистическими и социал-реформистскими партиями Западной Европы оказало серьезное влияние на осмысление сущности фашизма в советской литературе. После молчания немецких социал-демократов по поводу разгона коалиционных рабочих правительств в Саксонии и Тюрингии, капитуляции Лейбористской партии Великобритании во время всеобщей стачки 1926 г. и др.³⁷ ряд руководителей и теоретиков Коминтерна стали заявлять об отсутствии принципиальной разницы между фашизмом и социал-демократией. Это позиция была обусловлена не только неудачей попытки коммунистов

³² Иорданский Н. Судьбы фашизма // Международный фашизм. С. 76.

³³ См., напр.: Шахновская С. Развал силы и сила развала буржуазной Германии. М., 1924. С. 63.

³⁴ Подробнее см.: Гальярди А. Промышленная элита фашистского режима // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 88–98.

³⁵ См. особенно: Варга Е. Пути развития итальянского капитализма // Мировое хозяйство и мировая политика. 1927. № 8.

³⁶ Подробнее см.: Богдашкин А.А. Указ. соч. С. 45.

³⁷ Подробнее об этом см.: Орлова М.И. Уроки немецкого Октября. Очерк развития немецкой марксистской историографии революционного кризиса 1923 г. в Германии. М., 1965; Klugmann J. The History of the Communist Party of Great Britain. Vol. 2: 1925–1926 The General Strike. London, 1987; Thorpe A. The British Communist Party and Moscow, 1920–43. Manchester, 2000.

ряда европейских стран осуществить пролетарскую революцию, но и усилившейся в их адрес критикой со стороны социал-реформистского движения. Нельзя не учитывать также и имеющиеся факты сотрудничества социал-демократии с силами откровенной реакции³⁸. Некоторые участники V конгресса Коминтерна при поддержке председателя его исполкома Г.Е. Зиновьева утверждали, что социал-демократия выполняет аналогичные с фашизмом функции, поскольку она является последовательной защитницей буржуазного строя. Так были заложены основы получившей широкое распространение в конце 1920-х – начале 1930-х гг. теории социал-фашизма.

Тем не менее, в Советском Союзе дискуссии о сущности фашизма продолжались. В 1928 г. была опубликована интересная работа С.М. Слободского «Социальная сущность фашизма». В ней подробно рассматривалась сущность создаваемой в фашистской Италии корпоративистской системы трудовых отношений. Автор справедливо разоблачал ее антипролетарский характер и был убежден, что капиталисты Италии использовали фашизм, чтобы при помощи террора принудить рабочих к заключению классового мира на основе принципов корпоративизма. Тем не менее, Слободский полагал, что фашистское движение включает в свой состав две фракции – собственно фашистскую и националистическую. Первая – состояла из мелкой буржуазии, служащих, низших слоев интеллигенции и неорганизованного пролетариата и несла на себе отпечаток мелкобуржуазного анархо-синдикализма. Вторая – включала крупных промышленников и их доверенных лиц, исповедовавших националистические и империалистические взгляды и надевавшихся укоренить в итальянском обществе антидемократические и антипролетарские тенденции. При этом исследователь подчеркивал,

³⁸ В Германии, например, для подавления организованных коммунистами выступлений правительство, в котором важную роль занимали руководители социал-демократической партии, вступило в альянс не только с регулярной армией, но и военизированным образованием крайне правого толка – фрайкором (Добровольческим корпусом). В Австрии для выполнения аналогичных задач был использован хаймвер (отряды самообороны). По мнению многих современных историков, появление подобного рода организаций стало предтечей образования в этих странах полноценного фашистского движения. (См., напр.: *Morgan Ph. Fascism in Europe, 1919–1945. London – New York, 2003. P. 21–38*). Известно, что с 1927 г. Муссолини стал оказывать поддержку хаймверу. (См. об этом, напр.: *Rabinbach A. The Austrian Socialist Experiment: Social Democracy and Austromarxism, 1918–1934. Boulder, P. 40–43*).

что объединение этих двух фракций даже после прихода фашизма к власти не было полным³⁹.

Весьма интересный анализ классовой сущности фашизма был дан в публикациях советских юристов Д.А. Магеровского и Е.Б. Пашуканиса⁴⁰. Магеровский попытался сформулировать собственное определение фашизма. Фашизм, по его убеждению, является «режимом диктатуры империалистической буржуазии, устанавливаемый в целях восстановления разлагающихся капиталистических отношений и подавления классовой борьбы пролетариата, опирающийся не только на классовые организации крупной буржуазии, но и на организации мелкой городской и сельской буржуазии, и на некоторые организации пролетариата, непосредственно руководимые империалистической буржуазией, и осуществляющий свои мероприятия через диктатуру единой партии, при помощи централизованного или децентрализованного террора»⁴¹.

При этом исследователь усматривал серьезные отличия социально-политических систем фашистских и традиционных буржуазных режимов. Автор подчеркивал, что фашистский режим не просто пытается заставить рабочих «насильственно отдавать большее количество своего прибавочного продукта». Он хочет, чтобы это делалось добровольно. Особенно важным представляется замечание Магеровского о том, что и капиталисты, согласно теории фашизма, тоже должны были «ограничивать себя ... и рассматривать собственность как социальную функцию». Главнейшим постулатом фашизма, по мнению ученого, является «выдвижение интересов производства на первый план и требование во имя интересов нации и производства отказа от борьбы социальных групп и классов»⁴².

Согласно выводам Пашуканиса, режим Муссолини нельзя рассматривать как диктатуру мелкой буржуазии или аграриев. Это «диктатура крупного промышленного и финансового капитала». Массовую базу раннего фашистского движения, по его мнению, составил новый слой мелкой буржуазии – техническая интелли-

³⁹ Слободской С. Социальная сущность фашизма. М.–Л., 1928. С. 41–42.

⁴⁰ Магеровский Д. Фашизм и фашистское государство // Советское право. Журнал института советского права. 1926. № 6(24). С. 3–19; он же. Фашистское государство. М., 1928; Пашуканис Е. К характеристике фашистской диктатуры // Вестник Коммунистической Академии. 1927. Кн. XIX. С. 62–91.

⁴¹ Магеровский Д. Фашизм и фашистское государство. С. 5.

⁴² Там же. С. 8, 16.

генция и служащие, который «своим социальным положением связан с развитием техники и капиталистическим прогрессом и более приспособлен для выполнения служебной роли при крупном капитале». Именно эти слои, понесшие во время Первой мировой войны существенные материальные потери и озлобленные усилением влияния пролетариата, который вследствие своей большей организованности и массовости имел большие возможности оказывать политическое давление на правительство, были первыми, кто откликнулся на призывы фашистов. Исследователь подчеркивал, что «озлобление мелкобуржуазной и средней интеллигенции против рабочих и явилось той базой, на которой фашизм мог сколотить первое свое ядро. В дальнейшем это движение должно было неизбежно сомкнуться с самой крайней реакцией, с помещичьими и монархическими группировками и с финансовым капиталом, образовав с ними единый фронт»⁴³.

При этом Пашуканис отметил, что хотя крупный капитал Италии и идет на соглашение с фашизмом, он «относится к нему с известной долей подозрительности». Весьма важным и во многом передовым для советской историографии того времени был вывод автора, согласно которому «Муссолини, имея в своем распоряжении массовую политическую организацию, которая включает в себя мелкобуржуазные и даже пролетарские слои, может балансировать» между различными классами и группами. Однако, подчеркивал исследователь, чтобы сохранять эту массовую базу, итальянский диктатор должен «делать ей известные демагогические уступки. По существу он должен подрывать возможность установления прочного буржуазного порядка, он должен продолжать и углублять борьбу между фашистскими и антифашистскими элементами буржуазии: Он не может не разжигать этой борьбы»⁴⁴.

Установление в 1920-е гг. диктаторских режимов в Венгрии, Польше, ряде других стран Восточной Европы, как и военный переворот 1926 г. в Португалии, то есть в странах с крайне слабым уровнем развития капитализма, также способствовали более детальному анализу многогранного фашистского феномена⁴⁵. Находившиеся в подполье коммунистические партии этих стран

⁴³ Пашуканис Е. Указ. соч. С. 69–70.

⁴⁴ Там же. С. 70–71.

⁴⁵ Уже в 1920-е – 1930-е гг. появились первые исследования о фашизме в странах Латинской Америки. Подробнее см.: *Строгонова Е.Д.* Изучение латиноамериканского фашизма в советской и постсоветской историографии // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 285.

охарактеризовали пришедшие к власти режимы как фашистские и заявили о необходимости последовательной борьбы против них. Так, за организованным коммунистами в сентябре 1923 г. в Болгарии вооруженным восстанием против правительства А. Цанкова прочно «закрепилась оценка как “первого в мире” антифашистского выступления»⁴⁶.

Тем не менее, далеко не все советские авторы были согласны с подобного рода выводами. В частности, уже упоминавшийся Магеровский полагал неверным подводить под фашизм венгерский и болгарский политические режимы: «здесь мы имеем феодально-помещичью диктатуру, осуществляемую в интересах этого класса и опирающуюся, кроме этого класса, на военные силы и лишь на незначительные кадры буржуазии. Подобный режим не характерен ни для современной Италии, ни для других империалистических государств, где мы наблюдаем фашистское движение». Фашистские режимы, по убеждению исследователя, являются исключительным продуктом эпохи империализма⁴⁷. Такого рода подходы также отличались своей однобокостью, поскольку не учитывали как факты создания во многих странах Восточной Европы движений и партий классического фашистского типа, так и очевидный процесс фашизации существовавших в регионе диктаторских режимов⁴⁸.

Весьма нетривиальные суждения о сущности германского фашизма были характерны для изданной в 1935 г. под псевдонимом Эрнст Генри книги «Гитлер над Европой» советского разведчика С.Н. Ростовского (Л.А. Хентова). Как и авторы многих других работ, исследователь отмечал, что «мелкая буржуазия подняла Гитлера на щит и дала ему вооруженную силу». Однако реальной движущей силой германского фашизма, по его убеждению, выступали

⁴⁶ Волокитина Т.В. Царь болгар Борис III: от конституционной монархии к режиму личной власти (1918–1935) // Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие. Сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 16–17 мая 2018 г.). Воронеж, 2018. С. 228.

⁴⁷ Магеровский Д. Фашизм и фашистское государство. С. 3–4.

⁴⁸ Подробнее о фашизации см.: Kallis A. Op. cit. (на русском языке: Каллис А. Есть ли у фашизма будущее: размышления об истории печально известного понятия // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 10–13); Робертс Д.Д. В поиске осмысления фашизма: взаимовлияние фашистских сил между двумя мировыми войнами // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 23–27. Однако необходимо отметить, что термин «фашизация» был введен в научный оборот еще в 1920-е – 1930-е гг. Он активно обсуждался и использовался теоретиками Коминтерна.

немецкие производители угля и стали⁴⁹. В этой публикации была предпринята первая в советской историографии попытка дифференцировать отношение различных групп внутри германского капитала по отношению к гитлеровскому движению. Генри пытался обосновать тезис, согласно которому возглавляемая Ф. Тиссенем группировка рурских промышленников была той наиболее реакционной силой, которая в борьбе с другими фракциями германского крупного бизнеса сделала ставку на Гитлера и в конечном счете приведет Германию к новой мировой войне⁵⁰.

Автор указывал, что после прихода Гитлера к власти германская мелкая буржуазия потерпела поражение и не оказывала существенного влияния на социально-экономический и политический курс фашистского режима. Однако он полагал, что крупная и мелкая буржуазия выступали в качестве двух самостоятельных сил, которые стояли за нацистским движением⁵¹. Правда, во введении к книге редакция сочла необходимым отметить неправомерность данного суждения, поскольку, согласно ее мнению, мелкая буржуазия не могла выполнять какой-либо самостоятельной роли.

Достаточно обсуждаемой в советской литературе 1920-х – начала 1930-х гг. была разработанная правым немецким коммунистом А. Тальгеймером так называемая теория бонапартизма. Согласно его представлениям, фашистский режим был аналогом бонапартистской диктатуры, которая возникла в условиях равновесия противоборствующих сил и подчинила себе все классы общества⁵². Эта теория не получила поддержки советских исследователей, а в конце 1920-х гг. была подвергнута самой резкой критике. Так, П.Л. Лапинский заявил о существовании принципиального различия между бонапартизмом и фашизмом: первый – в любом его виде представлял собой внешнеполитическую оболочку «бурного расцвета капитализма», второй же появился на исторической сцене в период его упадка и неизбежной гибели⁵³.

⁴⁹ Генри Э. Гитлер над Европой / пер. с англ. М., 1935. С. 19.

⁵⁰ Современный английский историк Д. Стоун отмечает актуальность появления книги Генри. См.: Stone D. Responses to Nazism in Britain, 1933–1939. Before War and Holocaust. Basingstoke, 2012. P. 50.

⁵¹ Генри Э. Указ. соч. С. 35–36.

⁵² Подробнее об этой теории см.: Kitchen M. Fascism. London, 1976. P. 71–82; Duffer J. Bonapartism, Fascism and National Socialism // Journal of Contemporary History. 1976. Vol. 11. № 4, Special Issue: Theories of Fascism. P. 109–128.

⁵³ Лапинский П. Кризис капитализма и социал-фашизм. (Очерки о третьем периоде). М.–Л., 1930. С. 130.

Подобного рода критика стала возможной в атмосфере абсолютного господства теории социал-фашизма. После 1928 г., с началом так называемого «третьего периода» в деятельности Коминтерна, верх в его руководстве взяла левая фракция, пользовавшаяся поддержкой И.В. Сталина. Ее теоретики заявляли о повсеместном нарастании революционного подъема и требовали ужесточения критики социал-демократических партий и особенно левых социалистов, поскольку их деятельность якобы тормозила развитие революционного процесса. Выдвигался тезис о всеобщей фашизации буржуазных режимов и перерастании буржуазной демократии в фашизм. Безусловно, появление таких интерпретаций было главным образом результатом резкого ухудшения для СССР с 1927 г. международной обстановки, а не слепой веры в возможность скорой победы социализма по всему миру. Тем не менее, мировой экономический кризис 1929–1933 гг. усилил позиции сторонников таких взглядов, ошибочно ожидавших наступления новой волны войн и пролетарских революций⁵⁴. Большинство публиковавшихся в этот период работ было посвящено критике не столько «национал-», сколько «социал-» фашизма. Такая ситуация продолжалась даже после прихода Гитлера к власти в Германии⁵⁵. Теория «социал-фашизма» способствовала путанице в понимании сущности фашизма и имела крайне негативные последствия для возможности формирования антифашистского движения.

Однако было бы неверным возлагать ответственность за провал попыток образовать единый рабочий фронт против фашизма исключительно на руководителей Коминтерна и входивших в его состав секций. Европейские социал-демократы со своей стороны также вносили весьма неприглядный вклад в противостояние с потенциальными союзниками. Их правые лидеры говорили об отсутствии принципиальных различий между фашистским и коммунистическим движением. Нельзя не признать, что все же коммунисты первыми осознали губительность своей предыдущей тактики и обратились к социалистам с предложением отбросить распри и скоординировать усилия по борьбе с фашистской реакцией. Руководители социал-демократических партий и Рабочего

⁵⁴ Подробнее см.: *Богдашкин А.А.* Указ. соч. С. 45–47; *In Search of Revolution: International Communist Parties in the Third Period* / ed. by M. Worley. London, 2004.

⁵⁵ См., напр.: *Лапнинский П.* Указ. соч.; *Минский Г.* Социал-фашисты у власти. М.–Л., 1930; *Жестяников Л.* Фашизм и социал-фашизм. М.–Л., 1932 и др.

Социалистического Интернационала, напротив, длительное время оставляли без ответа призывы лидеров коммунистического движения⁵⁶.

Тем не менее, даже в этот период в СССР продолжали выходить исследования, посвященные различным аспектам социальной и экономической политики собственно фашистских режимов. Так, известный историк А.М. Панкратова предприняла попытку определить политику германского фашизма по отношению к рабочему классу. Подчеркивая мелкобуржуазный состав и антипролетарскую направленность гитлеровской партии, она одновременно обращала внимание на то, что немецкие фашисты прилагают значительные усилия для привлечения рабочих на свою сторону⁵⁷. Ряд исследователей подробно рассмотрели политику фашистских властей Италии и Германии в отношении крестьянства⁵⁸.

Последовавшие за событиями 1934 г. во Франции изменения в стратегии и тактике коммунистического движения, признание необходимости сотрудничества не только с социалистами, но и другими демократическими силами с целью ликвидации фашистской угрозы⁵⁹, потребовали внесения корректировок в теорию происхождения и функций фашизма. На состоявшемся в 1935 г. VII конгрессе Коминтерна было однозначно зафиксировано, что приход к власти фашизма является не простой сменой одного буржуазного правительства другим. Речь идет о замене буржуазной демократии открытой террористической диктатурой⁶⁰. В основополагающих документах конгресса содержалось определение фашизма, принятого еще в 1933 г. на XIII пленуме Исполкома Коминтерна. Согласно ему, фашизм – есть «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала»⁶¹.

⁵⁶ Подробнее см.: *Haslam J. The Comintern and the Origins of the Popular Front 1934–1935 // The Historical Journal. 1979. Vol. 22. № 3. P. 673–691.*

⁵⁷ См.: *Панкратова А.М. Фашизм и рабочий класс Германии // Борьба классов. 1933. № 6. С. 9–29.*

⁵⁸ См., напр.: *Антонов В. Аграрный кризис в Италии и фашистская политика // Аграрные проблемы. 1931. № 3–4; Громов Ф. Аграрные «теории» германского фашизма // Аграрные проблемы. 1935. № 1 и др.*

⁵⁹ Подробнее см.: *Лейбсон Б.М., Шириня К.К. Поворот в политике Коминтерна. М., 1965; Шириня К.К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934–1939 гг.). М., 1979.*

⁶⁰ *Димитров Г. Избранные произведения. Т. 1. София, 1967. С. 608.*

⁶¹ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. (Сборник документов) / отв. ред. К.К. Шириня. М., 1975. С. 120.

Такое определение фашизма выполняло важную роль в практической деятельности коммунистического движения второй половины 1930-х гг. Из него осознанно был исключен вопрос о мелкобуржуазной социальной базе фашистских движений, поскольку средние слои города и деревни рассматривались теперь в качестве необходимых союзников в борьбе с фашистской опасностью. Из определения следовало, что фашизм не является инструментом в руках всего капиталистического класса, а выражает интересы его наиболее агрессивных фракций, что предполагало возможность образования для борьбы против них широкого Народного фронта.

С повестки дня был снят и вопрос о фашизме как инструменте в руках крупных землевладельцев. Во многом это связано с тем, что после установления гитлеровской диктатуры коммунисты стали считать национал-социализм классическим проявлением фашизма, а влияние аграрной элиты в Германии было меньшим, чем в Италии. К тому же, ход исторического развития подтверждал стремление старой земледельческой аристократии к образованию консервативной коалиции с крупной буржуазией, направленной против левых сил и на защиту буржуазного строя⁶². Аграрная элита стала рассматриваться в качестве основного союзника крупного капитала. Видимо исходя из подобного рода представлений советские исследователи определяли в качестве фашистских лагерь франкистских мятежников во время гражданской войны в Испании и салазаровский режим в соседней Португалии⁶³.

Следует признать, что новая стратегия Коминтерна способствовала росту влияния коммунистических партий как в рабочем движении, так и в парламентах западноевропейских государств. Это был важный шаг в деле расширения массовой базы антифашистского движения. Однако теоретический анализ феномена фашизма с этого момента стал возможен исключительно в рамках разработанных VII конгрессом Коминтерна документов. Количество научных публикаций, посвященных сущности фашизма, изданных в Советском Союзе во второй половине 1930-х гг. уменьшилось.

⁶² Подробнее об этом см.: *Maier Ch. S. Recasting Bourgeois Europe: Stabilization in France, Germany, and Italy in the Decade after World War I. Princeton, 1975. P. 6–7.*

⁶³ Испания в борьбе против фашизма. Сборник статей и материалов / сост.: О. Волжина. М., 1936; *Варга Е. С. Португалия и фашистская интервенция в Испании. М., 1937; Аксанов Е. Португалия и ее роль в фашистской интервенции в Испании. М., 1937; Дашевский Г. А. Фашистская пятая колонна в Испании. М., 1938 и др.*

Начавшаяся в 1936 г. гражданская война в Испании и другие события международного масштаба способствовали тому, что основная часть печатных материалов была посвящена главным образом проблемам антифашистской борьбы и агрессивной дипломатии фашистских государств.

Тем не менее, в решениях VII конгресса Коминтерна было прописано, что фашизм умеет приспосабливать свою демагогию к потребностям самых различных социальных слоев. Он «обставляет свой приход к власти как “революционное” движение против буржуазии от имени “всей нации” и за “спасение” нации»⁶⁴. Это способствовало появлению исследований, в которых был принят анализ социальной демагогии фашистских движений. Так, А. Сидоров в книге «Фашизм и городские средние слои в Германии» (1936) указывал, что члены фашистской партии в борьбе за расширение массовой базы своих сторонников активно используют «антикапиталистическую демагогию», вплоть до «“социалистической” фразеологии»⁶⁵. Антисемитизм, направленный против еврейских собственников, по мнению советских исследователей, активно использовался фашистами в пропагандистских целях, чтобы прикрыть реальную классовую сущность созданного ими движения.

Исключительно негативную роль на процесс осмысления сущности фашизма в СССР оказали политические репрессии 1930-х гг., а также попытка партийно-политического руководства страны заклеймить своих противников как фашистов или их пособников. В большей части публиковавшихся в СССР в 1936–1938 гг. работ о фашизме говорилось о его «троцкистско-зиновьевской разновидности»⁶⁶. Многие авторы появившихся ранее в Советском Союзе трудов о фашизме были признаны виновными в антисоветской деятельности и расстреляны⁶⁷. По мере нарастания противоречий

⁶⁴ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. С. 124.

⁶⁵ Сидоров А. Фашизм и городские средние слои в Германии. М., 1936. С. 109.

⁶⁶ См. особенно: Против фашистского мракобесия и демагогии. Сборник научных статей / под. ред. И. Дворкина, А. Деборина, М. Каммари, М. Митина, М. Савельева. М., 1936. Утверждения о том, что троцкизм сросся с фашизмом, активно пропагандировались в публикациях, посвященных судам над «троцкистско-зиновьевским антипартийным центром». См., напр.: Враги народа. (К итогам процесса антисоветского троцкистского центра). Сборник статей. М., 1937; Приговор народа. М, 1937 и др.

⁶⁷ Среди репрессированных оказались Г. Сандомирский, Д. Магеровский и Е. Пашуканис.

в правительствах Народного фронта во Франции и Испании, а также более отчетливых проявлений политики «умиротворения» агрессоров, проводимой Великобританией и Францией, ряд советских авторов перестали усматривать различия в политических позициях разнообразных группировок крупного капитала⁶⁸.

Тем не менее, чрезвычайно важным представляется появление в Советском Союзе работ, в которых подчеркивалась неизбежность новой мировой войны⁶⁹. В книге, посвященной итало-эфиопской войне, ее автор, Т. Коррадов, акцентировал внимание на том, что эта кампания «не явилась неожиданностью и была подготовлена всей предшествующей политикой итальянского фашизма». Исследователь был уверен, что колониальные устремления Муссолини и его приспешников не ограничатся Восточной Африкой. Внешняя политика итальянского империализма, по его убеждению, являлась продолжением внутренней политики муссолиниевского режима⁷⁰. По мнению абсолютного большинства советских ученых и публицистов, социально-экономические противоречия, присущие всем фашистским режимам, неизбежно приведут их к необходимости полномасштабной военной экспансии⁷¹.

Взгляды британских марксистов

В Великобритании и Соединенных Штатах Америки коммунисты также первыми обратили внимание на опасность распространения в мире фашистских движений. Их теоретики предприняли попытки осуществить классовый анализ фашизма и на его основании выработать стратегию и тактику антифашистской борьбы в своих странах. Безусловно, коммунистические партии Великобритании и США никогда не могли сравниться по численности и влиянию с компартиями стран континентальной Европы. Тем не менее,

⁶⁸ См., напр.: *Дворкин И.* Противоречия фашистской диктатуры в Германии // Против фашистского мракобесия и демагогии.

⁶⁹ См., напр.: Абиссиния (Эфиопия). Сборник статей. М., 1936; *Коррадов Т.* Фашистская Италия под знаком войны. М., 1936; Борьба революционной Испании против фашизма. (Сборник статей и материалов). Сталинград, 1936; Испанский народ в борьбе против фашизма. Саратов, 1936; Фашистские агрессоры готовят мировую войну. Сборник статей. Л., 1938 и др.

⁷⁰ *Коррадов Т.* Указ. соч. С. 3–4.

⁷¹ Подробнее см.: Фашистские агрессоры готовят мировую войну; Фашистская Германия – очаг войны. Сборник. М., 1938; *Вишнев С.* Как вооружаются фашистские поджигатели войны. М., 1939; *Любимов Н.Н.* Финансы фашистских государств. М., 1939; *Сегалл Я.Е.* Авантюристическая политика и идеология германского фашизма. М., 1939 и др.

в межвоенный период отдельные английские коммунисты являлись депутатами парламента⁷². Весьма существенную роль Коммунистическая партия Великобритании (КПВ) играла в профсоюзном движении страны, особенно в Шотландии и Уэльсе. В партии состояло большое количество британских интеллектуалов. Ее членами были известные английские историки (Э. Хобсбаум, К. Хилл, Р. Хилтон, Ч. Хобдей, А.Л. Мортон и др.), труды которых до сих пор получают высочайшую оценку мирового исторического сообщества⁷³. Весьма интересный анализ фашизма представили и теоретики других левых партий Британии.

Первые публикации об итальянском фашизме появились в изданиях левых партий уже в апреле 1919 г., когда отряды итальянских чернорубашечников осуществили поджог редакции Социалистической партии. Первоначально, как и советские авторы, британские коммунисты и другие левые группы типа «Социалистической федерации рабочих» (СФР)⁷⁴ рассматривали фашистское движение как «белую гвардию», не имевшую собственной идеологии. Ее деятельность, по их убеждению, была инициирована правящим классом и направлена на подавление рабочего движения. Причины роста влияния и захвата власти итальянскими фашистами революционные левые Великобритании объясняли деятельностью реформистского крыла социалистической партии. Оно, по их убеждению, отказалось использовать события «красного двухлетия» в интересах рабочего класса и подавить фашистское движение. Среди определенных групп британских левых в момент прихода Муссолини к власти существовали иллюзии о том, что установление фашистского режима «окончательно развеет любую веру в парламентские методы и возвестит о начале последней битвы» пролетариата⁷⁵.

Со временем социально-экономический анализ фашизма в трудах теоретиков левого движения Великобритании претерпел эволюцию. В газетах марксистских партий стала появляться информация

⁷² За период с 1920 по 1950 гг. в парламент Великобритании было избрано 5 коммунистов.

⁷³ Подробнее см.: *Branson N. History of the Communist Party of Great Britain. Vol. 3: 1927–1941. London, 1985; Thompson W. The Good Old Cause: British Communism, 1920–1991. London, 1992; Morgan D. The Good Old Cause: Communist Intellectuals and the English Radical Tradition. London, 2020.*

⁷⁴ Социалистическая федерация рабочих – преимущественно женская политическая партия, существовавшая в Великобритании в 1914–1924 гг., во главе с Сильвией Панкхерст. Основное внимание ее члены сосредотачивали на проблеме избирательного права для женщин.

⁷⁵ *Hodgson K. Op. cit. P. 31, 34–35.*

о достаточно «пестром» социальном составе итальянской фашистской партии. Это движение рассматривалось как «агент работодателей и землевладельцев». Приводились многочисленные данные о финансовой и политической поддержке Муссолини промышленниками и финансистами. Однако КПВ пыталась также объяснить присутствие в Национальной фашистской партии Италии (НФП) бывших видных деятелей социалистической партии. Все они рассматривались как предатели, которые, приняв националистические идеи, полностью отказались от принципов социализма⁷⁶.

Британские коммунисты отмечали, что в фашистской партии Италии состоят «лишенные корней» бывшие солдаты, а также другие разрозненные элементы. Их называли «негодьями худшего типа..., дегенератами и отбросами общества». Коммунисты указывали также на широкое присутствие в итальянском фашистском движении мелкой буржуазии и крестьянства. По их мнению, в этом не было ничего удивительного. Английские марксисты были убеждены, что эта аморфная масса, набранная из рядов наименее экономически защищенных, придерживавшихся регрессивных политических взглядов и лишенных отчетливых классовых интересов элементов общества, была «особенно нестабильной и подверженной мобилизации контрреволюционными силами». Разнообразный социальный состав фашистских сил свидетельствовал, по убеждению марксистских авторов, об эффективности демагогии лидеров этого движения. Значительная часть левых интеллектуалов и журналистов Великобритании высказывала мнение, что фашизм был «межклассовым движением, мобилизованным вокруг реакционной социальной и экономической повестки дня»⁷⁷.

По мере становления диктатуры Муссолини в Италии на страницах печатных изданий КПВ и других левых организаций появлялись публикации, в которых указывалось на назревание существенных противоречий внутри фашистского режима. Отмечалось, что некоторые чернорубашечники пытаются использовать в своих интересах вновь обретенную власть, чтобы взимать «неофициальные сборы с бизнеса». Поднимался вопрос о возможности сохранения власти в руках «дуче» в случае, если он не сможет контролировать своих подчиненных. Британские коммунисты замечали, что «многие капиталисты, которые изначально предлагали фашистам деньги за их грязную работу», теперь высказывают определенное

⁷⁶ Ibid. P. 56–57.

⁷⁷ Ibid. P. 57–58.

недовольство деятельностью возглавляемого Муссолини кабинета министров. Тем не менее, любые сомнения относительно исхода борьбы внутри итальянского фашизма были развеяны, когда Муссолини усилил свое влияние на партию после кризиса Маттеотти, а внутри самого движения ведущие позиции стали занимать консервативные элементы⁷⁸.

Британские левые вновь стали оценивать фашизм как режим, являвшийся «внешним проявлением преобладания крупного капитала». Главные теоретики существовавшей в Англии просветительской и политической марксистской организации «Плебская лига» и КПВ согласились с тем, что разгадку итальянских событий следует искать в том, что «промышленные капиталисты (теперь сотрудничающие с банкирами) достигают полного контроля над государством. Фашизм – это их творение...». Тем не менее, британские левые не могли отрицать, что поддержка режима Муссолини простиралась за пределы тех групп, которые довольствовались плодами его правления. Многие из них были убеждены, что фашизм, в отличие от традиционных «белых движений», обладал собственной идеологией. Именно в среде британских марксистов появились первые признаки осознания различий между фашизмом и более ранними формами реакции, что также привело их к более глубокому пониманию сути фашизма. Они были одними из первых, кто пришел к выводу о том, что фашизм существует не просто как итальянское явление, а обладает «международным потенциалом, которого не хватало менее изощренным белогвардейцам»⁷⁹.

Коммунистическая партия Великобритании разработала собственный подход к определению фашизма уже в 1926 г., который учитывал как позицию его «буржуазных спонсоров», так и интересы среднего класса. Британские коммунисты считали, что мелкая буржуазия представляла собой «разношерстную группу», которая не имела прямого отношения к промышленности и «жила за счет излишков» современного капитализма. Для отстаивания своих политических позиций мелкая буржуазия должна была делать выбор между образованием альянсов либо с рабочим классом, либо с крупным капиталом – двумя группами, которые угрожали ее интересам. И она выбрала сотрудничество с крупной буржуазией. Однако коммунисты полагали, что влиятельные промышленные и аграрные покровители фашизма видели в этом движении больше,

⁷⁸ Ibid. P. 60.

⁷⁹ Ibid. P. 61, 64–65.

чем просто возможность защитить свое положение в стране. Воспитанные в традициях английского антиколониального движения,⁸⁰ они подчеркивали прямое участие экономической элиты в экспансионистской программе итальянского фашизма. Согласно их заявлениям, партнерство между крупным капиталом и фашистским государством неизбежно должно было привести к усилению империалистической экспансии и мировой войне⁸¹.

Сравнительно рано британские левые обратили внимание на зарождение фашизма в Германии. Они следили за развитием крайне правого движения в этой стране, начиная с 1919 г. Еще в 1922 г. КПВ отмечала, что ситуация в Германии в случае углубления социально-экономического кризиса может развиваться по итальянскому сценарию. По мнению коммунистов, там, как и в других странах, «терпимость к “демократическим” формам и “конституционным” методам существует до тех пор, пока они служат гарантией прав буржуазии и буржуазного порядка». События в Баварии, где «реакционный режим ... предоставил убежище правым террористическим группам», были для них очевидным доказательством правоты подобных представлений⁸².

Социальный состав гитлеровской партии по аналогии с итальянским фашистским движением оценивался британскими коммунистами как мелкобуржуазный. Левые партии согласились с тем, что нацизм не сумел в должной мере проникнуть в ряды рабочего класса. Однако КПВ была готова признать, что некоторые немецкие рабочие находились под влиянием «якобы социалистического содержания» программы нацистов. «Немецкий фашизм может создать массовую базу только при помощи заявлений о своей приверженности “социализму”» и одновременном подчеркивании провала «социализма», – констатировали английские коммунисты. Безусловной считали они и поддержку гитлеровского движения со стороны крупного капитала. Английские марксисты акцентировали внимание на том, что во время гиперинфляции 1922–1923 гг. «огромные массы мелких собственников, мелких предпринимателей, правительственных чиновников и представителей всех видов профессиональных сословий обанкротились или лишились

⁸⁰ Подробнее об этом см.: *Суслина И.Л.* Формирование политических взглядов Р. Палма Датта // Проблемы всеобщей истории и историографии: сборник научных публикаций памяти профессора В.В. Гусева. Воронеж, 2008. С. 176–204.

⁸¹ *Hodgson K.* Op. cit. P. 65–66.

⁸² *Ibid.* P. 72–74.

работы». Немецкий капитализм в условиях кризиса больше не имел возможности оказывать им поддержку и, чтобы не допустить полного перехода мелкой буржуазии на сторону рабочего движения была создана фашистская партия при полной поддержке крупных трестов Германии⁸³.

Большое внимание английские коммунисты уделяли критике устанавливаемой в Италии корпоративистской модели устройства производственных отношений и деятельности Высшего экономического совета нацистского режима. Попытки итальянских фашистов представить корпоративизм как особую идеологию были отвергнуты значительным числом британских левых. По их убеждению, он был «всего лишь прикрытием насильственного поддержания капиталистического правления». Заявления нацистов о том, что они, создавая упорядоченные картели, вмешивались в организацию производства в интересах нации, подвергались критике со стороны КПВ. Английские коммунисты справедливо указывали, что картелизация экономики была хорошо развита еще в Веймарской республике и уже к 1933 г. была здесь самой масштабной в мире⁸⁴.

До начала до начала 1930-х гг. обсуждение теоретических проблем фашизма в рядах КПВ и других левых групп Англии ограничивалось рамками издаваемой ими прессы. Только в 1930-е гг. идеологи британского коммунистического движения опубликовали первые крупные монографии о сущности фашизма, которые оказали влияние на осмысление этого феномена далеко за пределами их страны. Происходившие в самой Великобритании в годы мирового экономического кризиса события заставили теоретиков КПВ обратить более пристальное внимание на сущность фашизма.

Особую тревогу среди коммунистов и ряда других левых организаций вызвали события в Англии августа 1931 г. Тогда десять из 21 члена лейбористского правительства отказались поддержать предложение премьер-министра Р. Макдональда о мерах дополнительной экономии, которые неизбежно должны были привести к ухудшению положения английских рабочих. Учитывая сложившуюся ситуацию, лейбористское правительство ушло в отставку. Однако уже на следующий день Макдональд сформировал новый кабинет с участием наиболее видных консерваторов и либералов, который стали называть «национальным». В ответ на эти действия

⁸³ Ibid. P. 75–76.

⁸⁴ Ibid. P. 168, 83.

Лейбористская партия исключила из своих рядов Макдональда и двух других вошедших в новое правительство членов, которые в последующем основали национал-лейбористскую партию⁸⁵. В том же году богатый аристократ, бывший министр в лейбористском правительстве и член парламента О. Мосли создал «Новую партию», которая, по его замыслу, должна была «разрушить “связку” двух главных политических партий и предложить обществу “чрезвычайные” решения»⁸⁶.

КПВ сразу же разглядела присутствие в программе «Новой партии» идей корпоративизма, которые сочетались с требованиями установления политической диктатуры. Лидер компартии Г. Поллит без колебаний назвал созданную Мосли организацию «первой формой открыто фашистской организации (Великобритании – А.Б.), направленной против рабочих». Один из руководителей КПВ У. Раст утверждал, что ряд представителей правящего класса ищут «сильную личность», чтобы справиться с экономическим кризисом. Он полагал, что «британский Гитлер может выйти из рядов ... социалистов», как это было в Италии и Польше⁸⁷. Учитывая, что Муссолини смог за сравнительно короткое время встать на путь сотрудничества с экономической и политической элитой страны, британские коммунисты постоянно говорили о возможности повторения итальянского сценария октября 1922 г. в Англии. Высказывались и предположения, согласно которым «национальное правительство» Великобритании подготавливает почву для установления в стране полноценного фашистского режима⁸⁸.

В 1934 г. была опубликована книга главного теоретика КПВ, второго секретаря ЦК партии Р.П. Датта «Фашизм и социальная революция». В ней была предпринята попытка на основе определения фашизма, разработанного XIII пленумом исполкома Коминтерна, представить классовый анализ этого международного феномена. Автор критиковал разработанные теории, согласно которым фашизм оказался «третьей политической силой», выражавшей интересы мелкой буржуазии. Датт был убежден, что,

⁸⁵ Подробнее см.: *Трухановский В.Г.* Новейшая история Англии. М., 1958. С. 191–192.

⁸⁶ *Вудбридж С.* Расовый фашизм в Британии // *Берегиня*. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 155.

⁸⁷ Цит. по: *Hodgson K.* Op. cit. P. 106.

⁸⁸ Подробнее см.: *Morgan K.* Against Fascism and War: Ruptures and Continuities in British Communist Politics, 1935–41. Manchester – New York, 1989. P. 23–24; *Young L.* Op. cit. P. 100–101.

несмотря «на путанную, заведомо лицемерную антикапиталистическую пропаганду», которую фашизм вел на первоначальной стадии для завоевания масс, его «с самого начала поддерживают, финансируют и субсидируют представители крупной буржуазии, крупные помещики, финансисты и промышленники». Исследователь подчеркивал, что ни в одной стране фашистские движения не смогли самостоятельно завоевать власть: и в Италии, и в Германии они получили ее «сверху», из рук буржуазной элиты. Датт акцентировал внимание на том, что после установления «законченной фашистской диктатуры ее лидеры стали проводить политику в интересах монополистического капитала. «Весь аппарат фашизма, – утверждал идеолог КПВ, – был обращен против его прежних сторонников, которые были настолько наивны, что ожидали от него антикапиталистических действий и требовали “второй революции”»⁸⁹.

Фашизм, согласно определения Датта, является движением «смешанных – преимущественно, мелкобуржуазных – элементов, а также люмпен-пролетариев и деморализованных рабочих, финансируемое и руководимое финансовым капиталом, крупными промышленниками, землевладельцами и финансистами в целях сокрушения революции рабочего класса и разгрома его организаций»⁹⁰. При этом в одной из статей Датт писал о том, что при анализе фашизма марксистские теоретики не должны основываться исключительно на определении XIII пленума Исполкома Коминтерна. Он настаивал на необходимости выявления тех черт фашизма, которые отличают его от других контрреволюционных диктатур. «Отличительная черта фашизма, – подчеркивал Датт, – состоит не в степени его реакционности, терроризма или шовинизма, а в особом социально-политическом аппарате для проведения этого террора, то есть в особой системе социальной демагогии, имеющей целью создать реакционное массовое движение»⁹¹.

Большой резонанс имела также работа под названием «Угроза фашизма» (1933), которая вышла из-под пера попутчика КПВ, бывшего лейбориста и парламентского секретаря Мосли, члена «Новой партии» Дж. Стрэчи. Он разорвал все отношения с Мосли как только понял, что его патрон придерживается сугубо фашистских

⁸⁹ Датт Р.П. Фашизм и социалистическая революция / пер. с англ. М., 1935. С. 71–72.

⁹⁰ Там же. С. 72.

⁹¹ Датт Р.П. О некоторых проблемах фашизма // Коммунистический Интернационал. 1935. № 10. С. 30

взглядов⁹². Позднее Стрэчи вступил в английскую компартию и принял самое активное участие в борьбе против фашизма⁹³. В большинстве своих положений, касавшихся социально-экономических функций фашизма, автор солидаризировался с позицией Датта. Однако в его работе анализ социально-экономической системы фашистских режимов был более подробным. Решительной критике исследователь подверг фашистский постулат, согласно которому, он представляет собой «третий путь» построения социально-экономических отношений и противостоит, как социализму, так и капитализму. Автор был убежден, что «идея корпоративного государства, как и все утверждения фашистов о том, что они могут излечить наши беды путем планирования, являются чистым обманом»⁹⁴.

Рассматривая противоречивые суждения идеологов корпоративизма, Стрэчи утверждал, что итальянское корпоративное государство представляет собой чистого рода капитализм. Его становление также сопровождается «нестабильностью, кризисами, страданиями и упадком, а также формой крепостного права для работников, навязываемой принудительным арбитражем, который теперь запрещает работнику отказаться от выполнения трудовых обязанностей. Все остальное – чистый блеф!». Итальянские рабочие, по убеждению автора, остались по-прежнему бедными, неуверенными в себе и преследуемыми безработицей, как и в других капиталистических странах. Крестьяне Италии по-прежнему выполняют тяжелый изнурительный труд, «работая каждый день по шестнадцать часов». Итальянский «нижний средний класс страдает от той же неуверенности и давления со стороны капиталистических объединений»⁹⁵. Следует подчеркнуть, что эти выводы не были пустыми пропагандистскими выпадами. Стрэчи подробно приводил читателям выдержки из выступлений фашистских лидеров и социально-экономического

⁹² Подробнее см.: *Worley M. Oswald Mosley and the New Party. Basingstoke – New York, 2010. P. 53–54.* См. также: *Рудая О.И.* Джон Стрэчи и его книга «Угроза фашизма» // *Международный научный журнал «Символ науки».* 2015. № 4. С. 51–52.

⁹³ В 1940 г. через несколько месяцев после заключения договора о ненападении между Германией и СССР и кардинальными изменениями в стратегии Коминтерна и его английской секции Стрэчи вышел из рядов КПВ, хотя и заявлял, что позиция советского руководства является прагматичной с точки зрения государственно-национальных интересов. Подробнее см.: *Newman M. John Strachey. Manchester – New York, 1989. P. 80–81.*

⁹⁴ *Strachey Jh. The Menace of Fascism. New York, 1933. P. 81, 97.*

⁹⁵ *Ibid. P. 93–95.*

законодательства фашистской Италии. Безусловно, его сочинение можно рассматривать как важное средство в просветительской работе британских коммунистов.

Написанные в обстановке начала 1930-х гг. книги Датта и Стрэчи содержали суждения, характерные для международного коммунистического движения так называемого «третьего периода». То было время, когда коммунисты в своей тактико-стратегической линии руководствовались исключительно лозунгом «класс против класса» и борьбы против социал-демократии. Датт и Стрэчи выдвигали тезис, согласно которому противоречия внутри буржуазии и стремление к антидемократическим методам в управлении государством должны были неизбежно привести к установлению фашистских режимов. Сговор руководителей лейбористской партии и государства определялся британскими коммунистами как «“социал-фашизм” в Великобритании»⁹⁶.

Однако подобного рода оценки не были слепым подражанием выработанной в Москве «официальной линии». При помощи этих положений можно было достаточно хорошо описать сложную политическую и социально-экономическую ситуацию в самой Британии после поражения всеобщей стачки 1926 г. и усиления репрессивных действий властей против левых сил. Судебный процесс против ветерана профсоюзного движения Т. Манна способствовал появлению новых категоричных суждений руководителей и теоретиков КПВ относительно фашизма, фашизации и «социал-фашизма». Не осталось незамеченным ими и назначение главным редактором официального журнала национал-лейбористской партии Ф. Йейтса-Брауна, одного из первых в Англии сторонников Муссолини и корпоративистской идеологии⁹⁷.

Тем не менее, несмотря на заявления КПВ, согласно которым «Макдональд и Мосли идут рука об руку», это вовсе не означало, что они рассматривали Макдональда как фашиста. Английские коммунисты хотели тем самым подчеркнуть, что, «находясь у власти, оба будут действовать для сохранения основ существующего экономического порядка». В то же время КПВ отмечала, что «лейбористы при Макдональде не были фашистами, но своими действиями в правительстве руководство партии “на практике еще более полно сливается в союз с монополистическим капиталом и репрессиями против рабочих”»⁹⁸.

⁹⁶ Young L. Op. cit. P. 97.

⁹⁷ Ibid. P. 97, 99, 102.

⁹⁸ Hodgson K. Op. cit. P. 116.

Сравнивая фашистские и другие буржуазные социально-экономические системы, теоретики английского коммунистического движения выявили тот факт, что мировой капитализм вступил в новую фазу своего развития. Прямо не заявляя об этом, но исследуя новую производственную политику Муссолини, они пришли фактически к тем же выводам, которые смогли сделать профессиональные историки несколько десятилетий спустя. Муссолини и Гитлер почувствовали дух эпохи, поняв, что некоторые промышленники были готовы улучшить положение рабочих в случае существенного роста получаемой ими прибыли. Именно поэтому так называемая «политика производства» оказалась наиболее приоритетной в программе фашистских диктаторов⁹⁹.

Весьма важное значение для развития общественно-политической мысли Великобритании тех лет имел выход в свет в 1934 г. книги сторонника КПВ, исследователя немецкой литературы из Кембриджского университета Р. Паскаля «Нацистская диктатура». По его убеждению, приход Гитлера к власти был обусловлен позицией крупных промышленников и землевладельцев страны, а гитлеровская Германия стала «государством монополистического капитализма». Это диктатура «не группы гангстеров или политической партии, а диктатура ведущих промышленных и финансовых групп». Исследователь подчеркивал, что политика этих групп неизбежно приведет к войне¹⁰⁰. На протяжении многих лет Паскаль выступал решительным критиком германского фашизма. В 1936 г. на конференции университетских преподавателей-германистов Британии он предпринял попытку добиться принятия заявления, осуждающего преследование в Германии евреев и ученых либеральных взглядов. Однако большинство его коллег не решилось пойти на этот шаг¹⁰¹.

После прихода Гитлера к власти в Германии английские коммунисты стали постепенно осознавать необходимость изменения своей тактики, по крайней мере, по отношению к Лейбористской

⁹⁹ Подробнее см.: *Богдашкин А.А.* Американская историография о последствиях Первой мировой войны и формирования послевоенного мироустройства для крупного бизнеса Германии, Франции и Италии // *Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие. Сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции* (г. Воронеж, 16–17 мая 2018 г.). Воронеж, 2018. С. 28–31.

¹⁰⁰ *Pascal R.* The Nazi Dictatorship. London, 1934. P. VII, 268.

¹⁰¹ Подробнее см.: *Swales M.* Pascal, Roy (1904–1980) // *Oxford Dictionary of National Biography*. URL: <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/62054> (дата обращения 15.05.2020).

партии. К тому же и многие лейбористы стали подвергать Макдональда не менее бичующей критике. Появление созданного Мосли «Британского союза фашистов» в 1934 г., по мнению коммунистов, еще более усугубляло сложную ситуацию в Великобритании. После VII конгресса Коминтерна КПВ пересмотрела свои прежние установки относительно антифашистской борьбы, призвав все левые и демократические силы к образованию Народного фронта. Некоторые изменения произошли и в анализе социально-экономической сущности самого фашистского феномена.

Исключительно важной представляется оценка, которую дал в 1937 г. известный марксистский экономист, член КПВ М. Добб, выделивший две основные функции фашизма. Ученый повторил весьма важный для коммунистов тезис о разрушении фашизмом «независимых организаций рабочего класса, причем не в интересах “среднего класса” или “маленького человека”, а ... крупного бизнеса». Одновременно он подчеркнул, что фашизм при помощи интенсивной пропаганды и практических мероприятий стремится подготовить общество к необходимости территориальной экспансии. Добб указал, что для выполнения этих целей фашизм использует «уникальную демагогию “радикализма”, привязанную к высоко модернизированной пропагандистской машине, и стремится создать для себя социальную базу в массовых организациях»¹⁰².

Автор обращал внимание на «дворцовый» характер так называемой фашистской «революции» и подчеркивал, что после захвата власти вовсе не массы, а крупный капитал управляет созданным диктаторским режимом. Корпоративное государство, по его мнению, использовалось в качестве «механизма для предоставления государственных санкций и поддержки предпринимателей». Добб выделял три исторических предпосылки установления фашистских диктатур: во-первых, отсутствие возможности у крупного капитала найти приемлемое решение для выхода из тупика, созданного ограничением инвестиций; во-вторых, готовность поддержать фашизм достаточно многочисленным, но неорганизованным и «подавленным средним классом», а также деклассированными элементами; в-третьих, политическая разобщенность рабочего класса, неготовность его руководителей утвердить свою власть и сопротивляться нападкам со стороны реакции. Одним из важных факторов, способствовавших возникновению фашизма, Добб полагал недовольство

¹⁰² *Dobb M. Political Economy and Capitalism: Some Essays in Economic Tradition. London, 1937. P. 259.*

со стороны крупной и мелкой буржуазии «привилегированным» положением рабочего класса. В то же время ученый отмечал начавшуюся радикализацию «среднего класса», который впервые после 1848 г. был готов объединиться с пролетариатом в отстаивании своих требований. Этот процесс, по его предположению, мог явиться преградой на пути фашизма¹⁰³.

Теоретики британского коммунистического движения всегда подчеркивали, что социальная и экономическая политика фашистских режимов неизбежно приведет к новому широкомасштабному военному конфликту¹⁰⁴. Во второй половине 1930-х гг. Добб предпринял попытку проследить связь между кризисом империализма и зарождением фашистского движения. Ученый указывал, что эта связь была прямой, а не опосредованной. Зависимость экономической ситуации в метрополиях от эксплуатации колоний, а также проблемы, порожденные самой сущностью колониализма, по убеждению автора, были главными причинами формирования фашистских режимов в Италии и Германии. Исследователь не считал простым совпадением установление фашистских диктатур в двух странах, которые по итогам Первой мировой войны столкнулись с огромными колониальными проблемами. Отсутствие необходимых ресурсов, которые планировалось получить в результате передела мира в 1914–1918 гг., согласно интерпретации Добба, явилось основной причиной кризиса, который не сумел разрешить правящий класс. Средние слои, которые до войны обеспечивали свое экономическое положение за счет извлекаемых из колоний ресурсов, теперь оказались в достаточно сложной финансовой ситуации. Наконец, колониальная экономика породила «рабочую аристократию» с соответствующей идеологией и политическим движением¹⁰⁵.

Добб особо подчеркивал, что стремление к колониальной экспансии, причем не только по отношению к «неразвитым странам», но и к крупным государствам, является центральным элементом фашистской идеологии¹⁰⁶. Р.П. Датт в изданной в 1936 г. книге «Мировая политика в 1918–1936 гг.» акцентировал внимание на откровенном стремлении фашистских государств к войне. Процесс перевооружения в гитлеровской Германии, по его убеждению, «превзойдет все предыдущие империалистические модели

¹⁰³ Ibid. P. 259–260; 263–264.

¹⁰⁴ См., напр.: *Damm P.П.* Фашизм и социалистическая революция. С. 185–189; *Strachey Jh.* The Menace of Fascism. P. 57–77.

¹⁰⁵ *Dobb M.* Op. cit. P. 261.

¹⁰⁶ Ibid. P. 262.

организации всего населения, экономики и идеологии как единой скоординированной и четко отлаженной военной машины». Стоящие за германским фашизмом финансовый капитал и Генеральный штаб, согласно заявлению автора, пытаются не только подавить революционное движение внутри Германии. Они будут стремиться пересмотреть итоги войны 1914–1918 гг. и «установить германскую военную гегемонию сначала в Европе, а, в конечном итоге, и в мировом масштабе»¹⁰⁷.

Однако проблема связи фашизма и империализма была одной из самых сложных для теоретиков рабочего движения. Фашистские государства старались представить свои экспансионистские устремления в качестве «благородного дела». Они заявляли, что пытаются вырвать азиатские и африканские народы из тисков западного колониализма, подавить повстанческое коммунистическое движение и ликвидировать их социально-экономическую отсталость¹⁰⁸. В колониальных странах существовали достаточно сильные националистические группировки, симпатизировавшие Италии, Германии и Японии¹⁰⁹.

В соответствии с новой линией Коминтерна, согласно которой только сотрудничество СССР с «западными демократиями» могло предотвратить мировую войну, подготавливаемую фашистскими государствами, КПВ должна была приостановить (по крайней мере временно) критику колониальной политики Англии. На съездах партии практически перестали обсуждаться проблемы антиколониальной борьбы, что вызывало протесты делегатов из британских колоний. В 1937 г. якобы для того, чтобы обеспечить массовую активность профсоюзов и молодежных движений, была распущена Лига против империализма, являвшаяся основным центром антиимпериалистической агитации левых сил¹¹⁰. Многие индусы и

¹⁰⁷ *Dutt R.P.* World Politics, 1918–1936. London, 1936. P. 262.

¹⁰⁸ См. об этом, напр.: *Дюбуа Т.Д.* Идеология и контроль: инструменты авторитаризма в японской Маньчжурии // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 292.

¹⁰⁹ См. об этом, напр.: *Gilroy P.* Black Fascism // Transition. 2000. № 81/82. P. 70–91; *Wien P.* Iraqi Arab Nationalism: Authoritarian, Totalitarian and Pro-Fascist Inclinations, 1932–1941. London, 2008; *Nicosia F.R.* Nazi Germany and the Arab World. Cambridge, 2015; *Захария Б.* Истоки индийского фашизма // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 303–318; *Мотадель Д.* Ислам в политике нацистской Германии (1939–1945) / пер. с англ. М., 2020 и др.

¹¹⁰ См.: *Buchanan T.* 'The Dark Millions in the Colonies are Unavenged': Anti-Fascism and Anti-Imperialism in the 1930s // Contemporary European History. 2016. Vol. 25. № 4. P. 645, 647.

выходцы из стран Карибского бассейна разрывали связи с КПВ и сближались с троцкистскими организациями¹¹¹.

Социально-экономический анализ фашизма в троцкистской литературе мало чем отличался от интерпретации сторонников КПВ. Однако если до VII конгресса Коминтерна Троцкий и его единомышленники подвергали критике сектантский тактико-стратегический курс связанного с Москвой коммунистического движения, то после 1935 г. заявили о предательстве Сталиным и его английскими последователями интересов рабочего движения и их капитуляции перед мелкой буржуазией. Деятельность троцкистов полностью повторяла стратегию Коминтерна «третьего периода».

После того как коммунисты дистанцировались от активной антиимпериалистической борьбы, освободившееся политическое пространство попыталась занять Независимая рабочая партия (НРП), которая, покинув ряды лейбористов в 1932 г.¹¹², перешла на более левые позиции. На страницах журнала НРП «New Leader» публиковалось значительное количество материалов, в которых приводились «параллели между британским империализмом и фашизмом»¹¹³. Именно с этой партией поддерживал связь проживавший в Англии с 1934 г. известный тринидадский историк и журналист марксистских взглядов С.Л.Р. Джеймс. Он последовательно заявлял, что «британский империализм в течение многих лет осуществлял тиранию, сравнимую только с фашизмом. Гитлеру ничего не надо было изобретать в методах и технике фашистского подавления». Джеймс писал в 1937 г., что «надвигающаяся борьба между фашистскими государствами и европейскими империями не может принести пользы колониальным народам». Он утверждал, что логика антифашизма заключалась в том, чтобы признать приоритет европейских интересов в ущерб освободительному движению¹¹⁴.

¹¹¹ См.: *Elnaiem M.* Black Americans in the Popular Front against Fascism: the Era of Anti-Fascist Struggle was a Crucial Moment for Black Radicals of All Stripes // *Daily. Jstor.* 2020. Nov., 12. URL: <https://daily.jstor.org/black-americans-in-the-popular-front-against-fascism/> (дата обращения 11.12.2020). О сложностях в проведении политики Народного фронта в Индии см.: *Das S.* Anti-Imperialist United Front Politics (1936–41) and the Assimilation of Leftism to Indian National Movement // *Proceedings of the Indian History Congress.* 2009–2010. Vol. 70. P. 692–704.

¹¹² Независимая рабочая партия входила в состав Лейбористской партии на правах коллективного члена.

¹¹³ *Buchanan T.* Op. cit. P. 650.

¹¹⁴ Цит. по: C.L.R. James on the “Negro question” / ed. by S. McLemee. Princeton, 2008. P. XII–XIII.

Джеймс вместе со своим давним другом, также выходцем из Тринидада, бывшим влиятельным членом Коммунистической партии США, возглавлявшим Международный профсоюз негритянских рабочих, Дж. Падмором¹¹⁵ создали во время итало-эфиопской войны Международное африканское сервисное бюро. Эта организация стала центром антиколониальной деятельности африканских и карибских интеллектуалов. Исключенный из компартии Падмор был ее председателем, барбадосский профсоюзный деятель К. Брейтуэйт являлся секретарем-организатором, а Джеймс редактировал периодическое издание «International African Opinion». На его страницах обсуждались проблемы антиколониальной борьбы и фашизма¹¹⁶.

Большинство авторов журнала были согласны с утверждением Падмора, что коренная причина войны, «фашистской или любой другой», лежит в стремлении создать колонии. «Политические события последнего времени, – писал видный теоретик негритянского движения, – особенно абиссинский кризис, заставили общественное мнение в Европе и Америке впервые осознать тесную связь, которую колониальный вопрос имеет с современными войнами». Падмор был убежден, что фашизм является «формой империализма: его основное отличие от других европейских буржуазных режимов заключалось в более интенсивном использовании колониальной войны в качестве средства для удовлетворения потребностей своего “избыточного населения”»¹¹⁷.

Итало-эфиопская война, гражданская война в Испании и вооруженный конфликт между Японией и Китаем вызвали серьезную полемику в рядах британских антифашистов. Так, во время испанского конфликта многие коммунисты и левые лейбористы выступили в защиту сохранения британского контроля над Гибралтарским проливом и присутствия там английской военной базы, что ранее казалось немыслимым. Активное участие марокканцев в армии генерала Франко вызывало опасения у левых по поводу возможной вербовки населения из французской зоны Марокко в итальянские и немецкие войска. Высказывались даже мнения об угрозе появления «великой черной армии» Муссолини¹¹⁸.

¹¹⁵ В 1930-е – 1940-е гг. Падмор проживал в Англии.

¹¹⁶ Подробнее см.: *Polsgrove C. Ending British Rule in Africa: Writers in a Common Cause.* Manchester, 2012. P. 25, 29–37; *Matera M.* Black London: the Imperial Metropolis and Decolonization in the Twentieth Century. Oakland, 2015. P. 62–99.

¹¹⁷ Цит. по: *Vials Ch.* Op. cit. P. 86–87.

¹¹⁸ *Buchanan T.* Op. cit. P. 652–654.

Такого рода прогнозы подвергались решительной критике Падмором, Джеймсом и их последователями, утверждавшими, что «мавров можно рассматривать как жертв войны, вынужденных вступить в армию из-за экономических трудностей»¹¹⁹. Падмор заявил, что, если бы испанское правительство Народного фронта стремилось улучшить социально-экономическое положение марокканцев, Франко никогда бы не смог «обмануть» их, и мавры не поддержали бы его дело¹²⁰.

После нападения Японии на Китай многие британские троцкисты и некоторые другие левые стали утверждать, что и эта страна пошла по пути, уже проложенному Великобританией. Более того, до начала войны режим Чан Кайши рассматривался многими коммунистами и другими левыми как одна из разновидностей фашизма¹²¹. Военная миссия гитлеровской Германии осуществляла подготовку китайской армии и была отозвана лишь в апреле 1938 г. Созданному английской компартией «Комитету в защиту Китая» удалось донести до населения страны информацию о бедственном положении китайского народа и преступлениях японской армии. Однако деятельность КПВ по-прежнему подвергалась критике более левыми оппонентами за отказ от борьбы против британского империализма.

В этих условиях британские коммунисты постоянно подчеркивали, что нападение Италии на Абиссинию было не просто империалистической экспансией, а являлось еще особой формой фашистской агрессии, которая приносит человечеству невиданные до сей поры страдания. Ряд британских коммунистов, побывавших в Гонконге, пришли к мысли о кардинальных изменениях, произошедших в политике Англии. Если в течение почти ста лет англичане были озабочены только получением прибыли от китайцев, то «после японской агрессии ... мы действительно стали приносить пользу Китаю», – говорила одна из членов КПВ¹²². Акцентируя внимание на чудовищных преступлениях фашистских захватчиков,

¹¹⁹ Ibid. P. 653.

¹²⁰ Padmore G. *Africa and World Peace*. London, 1937. P. 266.

¹²¹ Такой оценки режима Чан Кайши придерживаются не только левые историки. См.: Дирлик А. Идеологические основы движения «За новую жизнь»: исследование контрреволюции в Китае // Берегния. 777. Соч. 2017. № 2(33). С. 117–144; Kirby W.S. Images and Realities of Chinese fascism // *Fascism Outside Europe: the European Impulse against Domestic Conditions in the Diffusion of Global Fascism* / ed. by S.U. Larsen. New York, 2001. P. 233–268.

¹²² Buchanan T. Op. cit. P. 651, 654–655.

английские коммунисты и многие другие левые политические силы стали выходить за рамки сугубо социально-экономического анализа фашистского феномена, подчеркивая его античеловеческую сущность как одну из отличительных особенностей¹²³.

Все же абсолютное большинство британских левых были убеждены в том, что социально-экономические причины были главными в появлении фашистских движений. В осуществленном теоретиками Лейбористской партии анализе фашизма вряд ли можно найти какие-либо существенные отличия от взглядов коммунистов. Конечно, лейбористы писали, что чрезмерная воинственность рабочего класса способствовала появлению фашизма и его приходу в ряде стран к власти. Во многих публикациях содержались обвинения КПВ и международного коммунистического движения в том, что, поддерживая идею диктатуры пролетариата, они идут практически тем же путем, что и фашисты, которые также устанавливают диктатуру, хотя и других классов. Серьезные расхождения существовали относительно средств антифашистской борьбы¹²⁴. Однако в вопросах социальной базы и экономических функций фашизма разногласия не просматривались¹²⁵.

Руководство Лейбористской партии заявляло о преувеличении коммунистами фашистской угрозы, неоднократно отказывалось от предложений КПВ и НРП образовать Народный фронт. Ее теоретики полагали, что радикализация рабочего движения на основе подобного рода программ будет способствовать усилению влияния фашистов¹²⁶. Видимо поэтому теоретики британского лейборизма написали сравнительно мало работ о фашизме. Большая

¹²³ Большой вклад в разоблачение преступной сущности фашизма сыграл образованный в 1936 г. книжным издателем В. Голланцем, Дж. Стрэчи и лейбористом Г. Ласки «Клуб левой книги». Подробнее о его деятельности и публикациях см.: *Рудая О.И.* Издательская и просветительская деятельность Клуба левой книги в Англии в 1936–1939 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 46–51; *Lewis Jh.* The Left Book Club: an Historical Record. London, 1970.

¹²⁴ Подробнее см.: *Ундасынов И.Н.* Рабочее движение и лейбористская партия Великобритании в период мирового экономического кризиса. М., 1961; *Мочульский Н.Ф.* Рабочее движение в Англии накануне второй мировой войны (1934–1939 гг.). М., 1968; *Fryth J.* Britain, Fascism and the Popular Front. London, 1985; *Copsey N.* Anti-fascism in Britain. Basingstoke, 2000.

¹²⁵ Подробнее см.: *Hodgson K.* Op. cit.

¹²⁶ Подробнее см.: *Copsey N.* 'Every time they made a Communist, they made a Fascist': the Labour Party and Popular Anti-Fascism in the 1930s // *Varieties of Anti-Fascism: Britain in the Inter-War Period* / eds. by N. Copsey and A. Olechnowicz. London, 2010. P. 52–72.

часть этих публикаций принадлежит деятелям левого крыла Лейбористской партии, ряд из которых ранее состояли в КПВ или компартиях других стран. Именно эта часть лейбористов приняла самое активное участие в антифашистских акциях английских коммунистов.

Среди публикаций лейбористов, в которых прослеживалось определенное отличие от традиционной социально-экономической интерпретации фашизма, пожалуй, можно выделить книгу бывшего министра образования в лейбористском правительстве Э. Уилкинсон и эмигрировавшего из нацистской Германии ученого Э. Конце «Почему фашизм?» (1935)¹²⁷. Авторы писали, что в определенный момент фашистское движение, основу которого составляют преимущественно средние классы, оказалось способным выдать себя за защитника всей нации, выступающего как против капиталистов, так и против организованного рабочего движения. Такая позиция, по их убеждению, должна была получить значительную поддержку среди загнанных в тупик рабочих, потому что утверждения фашистов имели под собой определенные основания. Более сложными Уилкинсон и Конце считали отношения между фашистами и крупным капиталом. Согласно их мнению, далеко не все немецкие промышленники финансировали Гитлера в период его борьбы за власть, а большая их часть до 1932 г. предпочитала поддерживать традиционные буржуазные партии. Поэтому усиление позиций крупного капитала при нацистском режиме они связывали не столько с «благодарностью» Гитлера своим ранним финансовым спонсорам, сколько с влиянием экономической элиты в германском обществе, с которым не мог не считаться лидер фашистской партии. Вместе с тем авторы обращали внимание на существенные противоречия в экономической политике фашистов¹²⁸.

Тем не менее, Уилкинсон и Конце также рассматривали фашизм как социально-экономический феномен. «Фашизм, — утверждали они, — это попытка финансового капитала уравновесить ситуацию, увеличить потребление и устранить недовольство масс путем планирования всей экономической, политической и культурной деятельности общества для подготовки к войне при активном сотрудничестве со значительной частью населения»¹²⁹. Подобных взглядов придерживались и другие видные

¹²⁷ Конце был членом Коммунистической партии Германии (КПГ), но в Британии вступил в ряды Лейбористской партии.

¹²⁸ Подробнее см.: Conze E., Wilkinson E. *Why Fascism?* London, 1935.

¹²⁹ Ibid. P. 15.

левые лейбористские интеллектуалы А.Д. Линдси и Г. Ласки¹³⁰. Так, профессор Лондонской школы экономики Ласки считал, что в Германии демократия была «принесена в жертву классовым капиталистическим интересам». Фашизм, по его убеждению, был «проявлением “упадка капитализма”, попыткой сыграть на националистических чувствах с целью оправдания политики внешней экспансии в надежде сгладить недовольство населения положением дел у себя в стране»¹³¹.

Анализ фашизма американскими левыми

Социально-экономический анализ фашизма предпринимали и американские марксисты. Безусловно, влияние, которым пользовались в своей стране Социалистическая партия Америки (СПА) и Коммунистическая партия США (КП США) нельзя сопоставить с позициями лейбористов и коммунистов в Великобритании. Тем не менее, и американские левые обратили внимание на создание фашистских режимов в Европе, а также указали на возможную угрозу фашизма в их стране. По признанию ряда современных исследователей, именно практическая деятельность и публикационная активность коммунистов и их сторонников способствовали широкому распространению антифашистских настроений среди широких слоев американского общества во второй половине 1930-х гг.¹³²

Наибольший интерес к изучению феномена фашизма американские коммунисты проявили во время «великой депрессии». Их анализ фашизма основывался на решениях Коминтерна. Руководители КП США были уверены, что в период кризиса буржуазия, столкнувшись с усилением революционного движения, откажется от парламентской системы и обратится к фашизму как к последнему средству защиты своего классового господства. Они не видели принципиальной разницы между демократическими и фашистскими формами, поскольку,

¹³⁰ Подробнее см.: *Olechnowicz A. Labour Theorises Fascism: A.D. Lindsay and Harold Laski // Varieties of Anti-Fascism. London, 2010. P. 202–223.*

¹³¹ Цит. по: *Суслопарова Е.А. Британский социалист Гарольд Ласки (1893–1950). Страницы биографии // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 145.*

¹³² Подробнее см.: *Braskén K. 'Aid the Victims of German Fascism!': Transatlantic Networks and the Rise of Anti-Nazism in the USA, 1933–1935 // Anti-Fascism in a Global Perspective: Transnational Networks, Exile Communities, and Radical Internationalism / eds by K. Braskén, N. Copsey and D. Featherstone. New York – London, 2021. P. 197–217.*

по их убеждению, «обе были выражением одной и той же власти буржуазии»¹³³.

Особо резкой критике американских коммунистов подвергалась деятельность СПА и Рабочего социалистического интернационала. Однако из публикаций руководителя КП США Э.Р. Браудера видно, что конфронтация между левыми носила обоюдный характер. Лидер американской компартии особо подчеркивал, что буржуазные идеологи, а вслед за ними и лидеры социал-реформистов выделяют в качестве главного признака фашизма «открытый отказ от парламентских форм правления». На этом основании они «объединяют фашизм и коммунизм как две формы диктатуры в противовес демократии, которую они отстаивают». Браудер утверждал, что при помощи этой формулы правящий класс и социал-реформисты пытаются прикрыть «реальные проблемы, стоящие перед рабочим классом», и отвлечь рабочие массы от революционной борьбы. К тому же, по его убеждению, эта теория являлась ничем иным как «связующим звеном между фашизмом и социал-фашизмом»¹³⁴.

Фашизм, как настаивал Браудер, это «всего лишь одна из форм диктатуры класса капиталистов». Появление фашистской угрозы он связывал с упадком капиталистической системы, последовавшим в результате Первой мировой войны. Лидер КП США полагал, что в результате кризиса капиталистический класс европейских государств «больше не мог полагаться на простую работу механизма буржуазной демократии и был вынужден прибегнуть к помощи различных новых инструментов». Браудер писал, что и во время войны, и после ее окончания капиталисты для сохранения диктатуры своего класса активно использовали поддержку «партий Второго Интернационала, социал-демократии и социал-фашистов различных стран. Сегодня социал-фашисты являются главной опорой капитализма среди рабочих масс. Однако, когда приходящий в упадок класс капиталистов почувствовал приближение революционного кризиса, он изобрел другое оружие в виде фашизма»¹³⁵.

Согласно интерпретации Браудера, термин социал-фашизм означал «использование различных социалистических партий для мобилизации трудящихся масс в поддержку приходящего в упадок капитализма». Фашизм же – это «мобилизация под различными

¹³³ Ottanelli F.M. The Communist Party of the United States: From the Depression to World War II. New Brunswick, 1991. P. 53.

¹³⁴ Browder E.R. The Meaning of Social-Fascism: Its Historical and Theoretical Background. New York, 1933. P. 1–2.

¹³⁵ Ibid. P. 2–3.

демагогическими лозунгами прежде всего деклассированных и мелкобуржуазных элементов, а также политически отсталых и обедневших крестьянских масс» для установления исключительной власти финансового капитала. Одновременно подчеркивалось, что фашистские силы призываются прежде всего для физического уничтожения организаций рабочего класса и трудящегося крестьянства. Они поддерживают «капиталистическую диктатуру открытым насилием, пренебрегая формами демократии»¹³⁶.

Таким образом, американские коммунисты не отождествляли социал-демократию и фашизм. Однако они утверждали, что появление фашизма – есть «признак углубления кризиса капитализма, он не решает ни одну из основных проблем кризиса, а обостряет их все». Фашизм, де, еще «больше разрушает капиталистическую мировую систему» и «моральную основу капиталистического правления, дискредитируя буржуазный закон в глазах масс». Фашизм только ускорит разоблачение лидеров социалистов и реформистских профсоюзов, которые по своей сути являются сторонниками капитализма. Более того, Браудер даже заявил, что фашизм «ускорит революцию рабочих, разрушит их демократические иллюзии и тем самым подготовит массы к революционной борьбе за власть»¹³⁷.

Деятельность избранного в 1932 г. президента США Ф.Д. Рузвельта была подвергнута американскими коммунистами решительной критике. Многие из них, включая одного из руководителей КП США У.З. Фостера, говорили об отсутствии принципиальных различий между «Новым курсом» и фашизмом¹³⁸. Один из самых влиятельных теоретиков американской компартии, редактор журнала «Коммунист» А. Биттельман заклеил «Новый курс» «как еще более резкий поворот американской буржуазии к фашизму и войне». Согласно логике коммунистов, это не означало, что режим Рузвельта сам по себе является фашистским. Они старались подчеркнуть, что фашизм есть форма капиталистической диктатуры, которая «органически вырастает из буржуазной демократии». Команда Рузвельта, по их убеждению, пытаясь сохранить капита-

¹³⁶ Ibid. P. 3.

¹³⁷ Цит. по: Ottanelli F.M. Op. cit. P. 57.

¹³⁸ См.: Гречихин А.А. Борьба Коммунистической партии США за единство своих рядов (1927–1972 гг.). М., 1975. С. 65. См. об этом также: Bellush B., Bellush J. A Radical Response to the Roosevelt Presidency: the Communist Party (1933–1945) // Presidential Studies Quarterly. 1980. Vol. 10. № 4, Inaugurating the President and the Vice President. P. 646–648.

листические отношения, приближала Америку к установлению фашистского режима¹³⁹.

Еще более уничижительную критику коммунисты направили в адрес и без того маловлиятельной СПА и ее руководителя Н. Томаса. Некоторые члены КП США заявляли, что американские социал-фашисты и подконтрольные им профсоюзы поддерживают действия Рузвельта «фашистского характера»¹⁴⁰. Впрочем, Томас и СПА со своей стороны также делали весьма резкие заявления в адрес КП США. В опубликованной в 1934 г. работе «Фашизм или социализм? Выбор перед нами» лидер американских социалистов явно пытался выделить черты сходства между фашизмом и коммунизмом, заявляя, что оба эти движения стремятся к установлению диктатуры.

В противовес позиции коммунистов Томас подчеркивал, что «самое новое и самое важное в фашизме, итальянском и немецком, это не его экономика..., а скорее та степень, к которой он привел понятие суверенитета национального государства, осуществляемого при партийной диктатуре». Автору казалось, что такие негативные аспекты американской жизни как гангстеризм и расизм могли благоприятствовать распространению фашизма в США. Он также предупреждал своих читателей, что неспособность правительства преодолеть кризис и ликвидировать безработицу может «вдохновить фашистов на попытку разрешить этот кризис при помощи своих методов». Томас не исключал возможности того, что определенная часть американского среднего класса может приветствовать фашизм: они вполне могли возмущаться стремлением «синих воротничков» достичь статуса среднего класса¹⁴¹. Таким образом, американские социалисты также объясняли возникновение фашизма в большей степени экономическими причинами.

КП США в ответ на позицию социалистов подвергала их деятельность еще более суровой критике. Разумеется, не удержавшись от нее и команда президента США. Безапелляционные заявления американских коммунистов относительно Рузвельта и «Нового курса» были вынуждены комментировать даже руководители Коминтерна П. Тольятти и Р.П. Датт. Ссылаясь на американскую компартию, Датт критиковал те политические группы, которые

¹³⁹ *Bittelman A.* The Communist Party in Action. New York, 1934. P. 10, 25.

¹⁴⁰ *Ottanelli F.M.* Op. cit. P. 70; также см. об этом: *Согрин В.В.* Центральные проблемы истории США. М., 2013. С. 203–204.

¹⁴¹ *Thomas N.* Fascism Or Socialism?: The Choice Before Us. New York, 1934. P. 42–62.

«дезориентировали» рабочий класс своим настойчивым определением «Нового курса» Рузвельта как «формы развития буржуазии к фашизму». По его словам, те, кто настаивал на критике «Нового курса», не видели, что «наиболее реакционные круги американского финансового капитала, подвергающие Рузвельта ожесточенной критике – это и есть та самая сила, которая стимулирует и организует фашистское движение в Соединенных Штатах Америки»¹⁴².

Стоит все же отметить, что отход американских коммунистов от столь непримиримых суждений начался еще до VII конгресса Коминтерна. Важным фактором в этом процессе стали события января 1933 г. в Германии, которые отчетливо показали, что собственно фашизм, а не пролетарская революция, был возможным результатом текущего экономического кризиса. В марте 1933 г. литературный журнал КП США «New Masses» отправил письмо ряду американских писателей с просьбой высказать осуждение происходящих в Германии процессов. В апрельском номере тексты четырнадцати писателей были опубликованы вместе с антифашистским манифестом, написанным Дж. Фриманом. Авторы согласились с тем, что нацизм «разрушит все, что ценится художниками и писателями». Более того, они утверждали, что основная задача текущей повестки дня для рабочего движения должна состоять в создании широкого антифашистского движения, которое не должно ограничиваться существующими классовыми и политическими границами¹⁴³.

В начале 1930-х гг. американские марксисты развивали весьма разнообразные интерпретации фашизма. Рассматривая разработанные ими теории, нельзя не обратить внимания на опубликованную в 1933 г. брошюру «Фашизм», автором которой был С. Ниаринг – радикальный экономист, длительное время сотрудничавший с социалистическим и коммунистическим движением Америки. В ней автор традиционно связывал массовую базу фашизма с мелкой буржуазией. Однако он полагал, что фашизм был организован и профинансирован с целью установления сотрудничества данного класса как с крупным капиталом, так и с рабочими. Основная задача создателей фашистской программы, по мнению Ниаринга, состояла в том, чтобы найти «золотую середину между трестированием, имперской экспансией, а также рационализацией справа и революцией рабочего класса слева». Фашизм, согласно выводам исследователя, стремился объединить имущие и привилегирован-

¹⁴² Цит. по: Ottanelli F.M. Op. cit. P. 86–87.

¹⁴³ Ibid. P. 58.

ные классы, разгромить пролетарскую революцию, организовать самодостаточную нацию и создать сильное государство¹⁴⁴.

Ниаринг отмечал важнейшую роль крупного бизнеса в приходе к власти фашистских партий и усиление его влияния по мере укрепления диктаторских режимов. Правда, при этом он подчеркивал, что фашизм следует рассматривать как революционное движение, поскольку в результате событий октября 1922 г. в Италии и января 1933 г. в Германии средний класс сумел захватить власть. По мнению автора, классовый состав сторонников фашизма и осуществлявшая им политика указывали на то, что он предполагал коренное изменение средств производства, создание нового баланса классовых сил, институциональных отношений и идей¹⁴⁵.

Однако основной вывод Ниаринга состоял в том, что современная «экономика крупной прибыли» не позволит фашистам реализовать провозглашенный ими принцип создания «самодостаточной экономики». Поиск области, в которой экономическая самодостаточность осуществима, приведет их, по мнению Ниаринга, к формам «деревенской экономики», которая характерна для ряда стран Центральной Европы, Индии и Китая. Исследователь утверждал, что экономическая политика фашистских государств будет способствовать «балканизации Западной Европы» и приведет к уничтожению специализированного производства и восстановлению ручного сельскохозяйственного труда. Ее результатом станет уничтожение промышленных и торговых городов, а вместе с ними и населения западного мира. Фашизм, согласно доводам ученого, становится выразителем интересов наиболее реакционных элементов современного общества – землевладельцев, крестьян, мелких торговцев и ремесленников¹⁴⁶. Подобного рода суждения свидетельствуют, что марксистские интеллектуалы в США были разношерстными. Неслучайно Ниаринг за свою жизнь сменил достаточно много партий и организаций левого толка. Однако в данном случае выводы исследователя, вне всякого сомнения, подтверждают многоликость самого фашистского феномена. Автор явно принял на веру и не подверг критическому анализу ряд положений нацистской пропаганды.

Большое значение для понимания сущности фашизма гражданами США сыграли публикации находившихся в европейских

¹⁴⁴ *Nearing S. Fascism...* New York, 1933. P. 8, 13–15.

¹⁴⁵ *Ibid.* P. 19–21, 42–43.

¹⁴⁶ *Ibid.* P. 28–29; 57.

странах американских корреспондентов, среди которых было немало людей с левыми политическими убеждениями. Так, длительное время проживавший в Риме и Берлине американец Э.А. Мауэр был удостоен Пулитцеровской премии в области журналистики за репортаж о восхождении Гитлера к власти и был назначен президентом Берлинской ассоциации иностранной прессы. В 1933 г. он написал ставшую бестселлером книгу «Германия переводит часы назад»¹⁴⁷, вызвавшую крайнее недовольство нацистской партии. Дело дошло до того, что друзьям Мауэра пришлось беспокоиться за его жизнь.

Находившийся в Лондоне американский корреспондент Р.Г. Свинг также вел регулярные передачи о положении в Европе, выступая решительным противником фашизма и Гитлера. Им было прочитано несколько лекций об угрозе фашизма в США и ряде других стран. Будучи обеспокоенным возможностью зарождения фашизма в своей родной стране, Свинг написал книгу «Предтечи американского фашизма»¹⁴⁸ (1935), в которой подробно рассмотрел деятельность таких американских политиков-демагогов, как сенатор Х. Лонг, религиозный деятель и популярный радиопроповедник отец Ч. Кофлин и др.¹⁴⁹ Появление фашизма в Европе и его возможное распространение в США автор связывал преимущественно с социально-экономическими факторами.

Новый этап в процессе осмысления фашизма американскими марксистами начался после VII конгресса Коминтерна. КП США кардинальным образом пересмотрела свою стратегию и тактику антифашистской борьбы. Если в самом начале президентской кампании 1936 г. коммунисты надеялись создать новую партию фермеров и рабочих, которая объединила бы различные радикальные

¹⁴⁷ *Mowrer E.A. Germany Puts the Clock Back. New York, 1933.* В последующем книга неоднократно переиздавалась огромными тиражами.

¹⁴⁸ *Swing R.G. Forerunners of American Fascism. New York, 1935.*

¹⁴⁹ Подробнее о деятельности Лонга и отца Кофлина см.: *Мальков В.Л. Рабочее движение в США в период мирового экономического кризиса (1929–1933). М., 1961. С. 313; он же. «Новый курс» в США. М., 1973. С. 144–152; Наджафов Д.Г. Народ США – против фашизма (1933–1939). М., 1969. С. 61, 356, 367; История США в четырех томах. Том третий / отв. ред. Г.Н. Севастьянов. М., 1985. С. 237–241; Фостер У.З. Очерк политической истории Америки. Второе издание / пер. с англ. М., 1955. С. 576–577. Члены компартии США подвергли деятельность Х. Лонга особо резкой критике, утверждая, что он был американским Гитлером. Подробнее см.: *Haas E.F. Huey Long and the Communists // Louisiana History: the Journal of the Louisiana Historical Association. 1991. Vol. 32. № 1. P. 29–46.**

силы для борьбы против Рузвельта¹⁵⁰, то к ноябрю, не без влияния Москвы, они, по сути, выступили в поддержку «Нового курса»¹⁵¹.

Эти изменения дались американским коммунистам нелегко. Во многих отношениях им было гораздо труднее осуществить данный поворот по сравнению с предыдущими. Коммунисты, которые длительное время занимали «ультралевые» позиции в американской политике, теперь оказались гораздо более умеренными, чем Н. Томас и его сторонники из СПА¹⁵². Произошло это в тот момент, когда американская соцпартия заняла откровенно левацкие позиции, выступив с решительной критикой «Нового курса». Идея образования Народного фронта с участием либералов рассматривалась ими как очередной вариант коммунистического догматизма. Социалисты полагали, что их немедленная цель – «победа над капитализмом, а не над фашизмом»¹⁵³.

Поражение на выборах 1932 г. кандидата от Республиканской партии А. Лэндона было не без оснований воспринято Коммунистической партией США как результат образования коалиции рабочих и фермерских организаций, «представляющих широкие народные массы». Эта коалиция, по мнению компартии, была возрождением «народной демократии», на идеях которой основывались Джефферсон, Джексон и популистское движение 1890-х гг.¹⁵⁴

Протестуя против такой оценки событий лидерами партии, ряд ее активистов стали переходить в троцкистские организации.

¹⁵⁰ В начале 1936 г. американские коммунисты уже не утверждали, что деятельность Рузвельта приближает США к фашизму. Они стали доказывать, что как раз группировки крупного бизнеса с «сильными фашистскими тенденциями» пытаются отстранить действующего президента от власти. Тем не менее, «Новый курс» и его лидер по-прежнему оценивались Браудером и его последователями негативно. См.: *Browder E. What is Communism?* New York, 1936. P. 45–51.

¹⁵¹ Подробнее см.: *Klehr H. The Heyday of American Communism: the Depression Decade.* New York, 1984. P. 186–190.

¹⁵² Ibid. P. 186.

¹⁵³ См.: *Ottanelli F.M. Op. cit.* P. 91; История США. С. 279–280; *Согрин В.В.* Центральные проблемы истории США. С. 220. Лидер американских социалистов Н. Томас заявлял, что только утверждение в США «некой формы социализма» может быть единственной альтернативой фашизму. (См.: *Thomas N. The Socialist's Way Out for the Negro // The Journal of Negro Education.* 1936. Vol. 5. № 1. P. 101). Он полагал невозможным реформирование капитализма и был убежден, что реальны только три варианта его дальнейшего развития – экономический крах, фашизация или замена социализмом. (*Согрин В.В.* Идеология в американской истории: от отцов основателей до конца XX века. М., 1995. С. 202).

¹⁵⁴ *Ottanelli F.M. Op. cit.* P. 92.

Также, как и в Великобритании, некоторые видные деятели негритянского движения не были удовлетворены переменами в стратегии антиколониальной борьбы коммунистов. Уже упоминавшиеся Падмор и Джеймс регулярно публиковали заявления и статьи для афроамериканской аудитории, по-видимому, находя среди нее немало сторонников. В этом нет ничего удивительного, поскольку американская революция, как известно, «упрочив либерально-демократические начала общества, расширила права разных слоев белого населения, но обделила ими чернокожих и индейцев»¹⁵⁵. Принятые в нацистской Германии «нюрнбергские» законы о гражданстве определяли человека с тремя или более предками во втором поколении как неарийца и запрещали смешанные браки. По мнению ряда американцев, это положение перекликалось с критерием «одной капли крови», используемым для классификации мулатов на Юге Америки. Многие левые деятели США считали, что Гитлер пытается экстраполировать принципы «расовой чистоты» американского Юга на территорию Германии¹⁵⁶. Именно поэтому фашизм воспринимался ими как исключительно преступный феномен.

В своих публикациях Падмор утверждал, что тактика, нацеленная на создание Народного фронта, является результатом образования альянса СССР с колонизаторами – Великобританией и Францией. Поддерживавшие его американские интеллектуалы критически относились к новым произведениям левых, написанным в эпоху борьбы за создание Народного фронта против фашизма. Он казался им устаревшим, слишком популистским и лишенным «изошренности пролетарского искусства»¹⁵⁷. Падмор и Джеймс активно пропагандировали идею Троцкого о «перманентной революции» и другие крайне левые концепции, оказавшие исключительно негативное влияние в обстановке тех лет.

Однако указанные исследователи первыми попытались объяснить популярность фашистских режимов среди определенных слоев населения стран Азии, Африки и Латинской Америки. Джеймс особо подчеркивал, что фашистские элементы будут в полной мере использовать негритянскую проблему в Соединенных Штатах, чтобы запутать, дезорганизовать и разделить

¹⁵⁵ *Согрин В.В.* Осмысливая путь в профессии // Новая и новейшая история. 2015. № 2. С. 69.

¹⁵⁶ *Stanton M.* Red, Black, White: the Alabama Communist Party, 1930–1950. Athens, 2019. P. 82.

¹⁵⁷ *Elhaiem M.* Op. cit.

огромные массы людей и ослабить естественного лидера в борьбе с фашизмом – организованное рабочее движение. Отмечая определенные симпатии к фашизму со стороны афроамериканцев и жителей колониальных и полуколониальных стран, исследователь утверждал, что они не являются признаками фашизма как такового.

Национальные движения в азиатских и тихоокеанских странах, подчеркивал Джеймс, уже давно используют гарвеизм¹⁵⁸ и прояпонские настроения лишь как «идеологическую основу для политики, направленной против усиления негритянского национализма в Соединенных Штатах». Движения, которые стремятся «изгнать евреев из Гарлема или Юга», имеют собственную классовую базу. Они являются «реакцией обиженного негра, ищущего экономического облегчения и некоторого оправдания для своей униженной расовой гордости». Автор признавал, что эти движения могут использоваться «фанатичными маргиналами, чернокожими антисемитами или строптивыми негритянскими бизнесменами, но это не меняет их фундаментальную прогрессивную основу». Их позиции, по убеждению Джеймса, не следует путать со взглядами «неудовлетворенной и деморализованной белой мелкой буржуазии, которая ищет убежища в фашизме»¹⁵⁹. Подобные неправомерные заявления в еще большей степени запутывали и без того сложную ситуацию тех лет.

Позиция американских троцкистов по целому ряду аспектов совпадала со взглядами руководителей СПА. Ее лидер Томас полагал, что наиболее вероятным событием, которое может привести к фашистской угрозе в США, будет вступление страны в новую европейскую войну. Американцы, по его мнению, могли прийти к фашистскому режиму в результате смятения умов и отчаяния, вызванных подобным крупным конфликтом. Поскольку фашизм мог возникнуть как следствие войны, противодействие ей стало для руководителя соцпартии приоритетным. Эта мысль полностью совпадала с его пацифистскими принципами. Только события

¹⁵⁸ Гарвеизм – сепаратистское течение в негритянском движении в США. Получило название по имени М. Гарви, выдвинувшего программу переселения американских негров в Африку и создания там негритянского государства. В условиях джимкрузма и жестокого расового угнетения реакционный призыв «Назад в Африку» увлек на время часть американских негров. В 1920-х – 1930-х гг. гарвеизм утратил свое влияние.

¹⁵⁹ *James C.L.R. The Historical Development of the Negroes in American Society // C.L.R. James on the 'Negro Question'. P. 69, 83.*

в Испании заставили Томаса усомниться в правильности такого рода представлений¹⁶⁰.

Тем не менее, в отличие от троцкистов американские социалисты утверждали, что фашизм представляет собой более сложное явление, чем заговор капиталистов. Фашизм, согласно интерпретации Томаса, являлся одной из фаз развития «капитализма, которую крупные промышленники и юнкеры считали предпочтительнее коммунизма и социализма». Этот режим, как подчеркивал лидер СПА, защищает незыблемость частной собственности и сохраняет распределение доходов по классовому принципу. Однако собственники промышленных предприятий и финансисты в фашистских государствах, по мнению Томаса, также имели ряд обязательств: власти вынуждают банки и страховые компании приобретать государственные бумаги, взимают специальные налоги с бизнеса, оставляют за собой право сместить «лидера» предприятия, а также обязывают всех работодателей регулировать социальные условия жизни работников¹⁶¹.

Однако троцкистским и другим крайне левым организациям не удалось потеснить КП США, влияние которой возрастало в условиях провозглашенного в 1937 г. курса на создание Демократического фронта. Эта новая, поддержанная Коминтерном линия предусматривала сотрудничество не только с «верхними слоями среднего класса», но и с «некоторыми либеральными секторами буржуазии»¹⁶². Она способствовала активизации деятельности коммунистов, направленной на возрождение в США профсоюзного движения. За этот период численность американской компартии увеличилась более чем в семь раз. Многие американские интеллектуалы либеральных взглядов стали сотрудничать с коммунистами¹⁶³. Большой популярностью КП США пользовалась и у афроамериканского населения страны¹⁶⁴. Влияние СПА, напротив, стремительно падало.

¹⁶⁰ Подробнее об этом см.: *Gregory R.F. Norman Thomas: the Great Dissenter*. New York, 2008. P. 171.

¹⁶¹ *Thomas N. Labor under the Nazis // Foreign Affairs*. 1936. Vol. 14. № 3. P. 436.

¹⁶² *Klehr H.* Op. cit. P. 207. Американские коммунисты в тот период последовательно придерживались тактики единого фронта с либерально-демократическими и радикальными силами и, по сути, выступали в поддержку Ф. Рузвельта. См.: *Согрин В.В.* Идеология в американской истории. С. 203.

¹⁶³ Подробнее см.: *Мальков В.Л.* Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре». М., 2011. С. 69–72.

¹⁶⁴ Подробнее см.: *Solomon M.* *The Cry Was Unity: Communists and African Americans, 1917–1936*. Jackson, 1998; *Maxwell W.J.* *New Negro, Old Left: African-American Writing and Communism Between the Wars*. New York, 1999; *Mullen B.V.* *Popular Fronts: Chicago and African-American Cultural Pol-*

Представленный коммунистическими теоретиками США анализ фашизма в основном совпадал со взглядами советских и британских марксистских исследователей. Они поддерживали ключевые положения разработанной Р.П. Даттом и Дж. Стречи концепции и рассматривали фашизм в рамках определения Коминтерна¹⁶⁵. Суммируя их положения, современные исследователи приходят к выводу, что левые считали фашизм «правой формой националистического насилия, присущей всем современным капиталистическим обществам»; это движение исповедовало антимарксизм и пыталось установить расовую иерархию. Фашизм, согласно интерпретации американских марксистов, создает «милитаристское, расистское и репрессивное общество, ... одержимое атавистским символизмом, которое в конечном итоге защищает частную собственность и способствует империализму, уничтожая любое пространство для демократии»¹⁶⁶.

В целом следует признать, что теоретики КП США и других марксистских организаций не создали произведений о фашизме, сопоставимых по своей значимости с трудами их английских соратников, не говоря уже о советских исследователях и публицистах. Тем не менее, нельзя не выделить работы американских авторов об испанской разновидности фашизма. Эти книги были написаны очевидцами событий, которые побывали в Испании в период гражданской войны. Среди публикаций такого плана следует отметить работу главного редактора официального органа КП США «Daily Worker» Г. Ганнеса и историка Т.Х. Дрейпера «Испания в восстании» (1936). Представленная ими характеристика испанской разновидности фашизма была более точной по сравнению с позицией советских и британских авторов. Они смогли подробно проанализировать позиции лагеря реакции и роли в нем фалангистского движения. По убеждению исследователей, отсталость национальной крупной промышленности и преобладающее влияние церкви и армии, привели к установлению в Испании «тесного союза между фашистами, землевладельцами, церковью и офицерской хунтой». Ганнес и Дрейпер считали, что крупные капиталисты и иностранные концессионеры сыграли важную, но не первостепенную роль в подготовке фашистского мятежа¹⁶⁷.

itics, 1935–46. Urbana – Chicago, 1999; *Smethurst J.E.* The New Red Negro: the Literary Left and African American Poetry, 1930–1946. New York, 1999 и др.

¹⁶⁵ Подробнее см.: *Diggins Jh.P.* Mussolini and Fascism. P. 448–453.

¹⁶⁶ *Vials Ch.* Op. cit. P. 73.

¹⁶⁷ *Hannes H., Repard T.* Spain in Revolt. New York, 1936. P. 38. Опубликованные работы об Испании в Великобритании носили скорее описательный

* * *

Подведем некоторые итоги. Знакомство с опубликованными в СССР, Великобритании и США работами авторов левых убеждений о фашизме свидетельствует, что марксистская мысль 1920-х – 1930-х гг. не была какой-то «мутной заводью». Это было время острой полемики, в которой коммунисты и социалисты стремились не просто разработать теорию фашизма, но и использовать ее в своей практической деятельности. При более пристальном рассмотрении марксистских публикаций не трудно обнаружить, что их авторы никогда не рассматривали фашизм исключительно как марионетку монополистического капитала и осуществили более многоуровневый классовый анализ фашизма.

Как было отмечено выше, разработка этих теорий была неразрывно связана с деятельностью рабочих партий, международного коммунистического и социалистического движения, процессом становления антифашистской борьбы. Во многих работах содержались догматические и ошибочные суждения. Современные знания о фашизме свидетельствуют, что этот феномен представлял более сложное явление, и он не может полностью укладываться в рамки концепций и оценок эпохи 1920-х – 1930-х гг.

Однако более важным представляется то, что марксистские исследователи уже в те годы смогли сформулировать ряд социально-экономических теорий фашизма, которые до сих пор продолжают разрабатываться историками, политологами и социологами самых разных стран. По-прежнему актуальным остается вопрос о социальной базе фашистских движений, роли крупного бизнеса в становлении и приходе к власти фашистских движений. Появляются и исследования об участии в организации фашизма крупной землевладельческой аристократии. По всем этим проблемам в историографии продолжают ожесточенные споры, и исследователи, как и тогда, не могут найти однозначных ответов на многие вопросы.

Как справедливо подчеркивает современный английский историк Д. Рентон, разработанный в межвоенный период марксистами подход к пониманию сути фашизма, дает убедительные ответы на многие вопросы, которые до сих пор вызывают дискуссии в научном сообществе¹⁶⁸. По мнению другого известного современ-

характер. См., напр.: *Conze E. Spain Today: Revolution and Counter-Revolution. London, 1936; Koestler A. Spanish Testament. London, 1937.*

¹⁶⁸ *Renton D. Fascism: History and Theory. London, 2020. P. 6.*

ного британского исследователя Р.Д.Б. Босворта, руководители итальянской компартии А. Таска, А. Грамши и П. Тольятти произвели «самый полный и самый обстоятельный анализ фашизма в межвоенный период»¹⁶⁹. Не менее важным был и вклад исследователей будущей антифашистской коалиции.

Рассматривая публикации различных авторов, заметно, что несмотря на ряд общих положений, они пытались соотнести сущность фашизма с проблемами, традиционно характерными для их стран. Именно поэтому британские марксисты более подробно разработали сюжеты, касающиеся связи между фашизмом и колониализмом, а американцы – расовые аспекты фашистской политики и их экономическую основу. Однако все авторы убедительно доказали, что фашизм был продуктом серьезнейшего социально-экономического кризиса.

Британский историк К. Ходсон прав, утверждая, что занимающиеся изучением фашизма ученые не должны игнорировать как антипролетарскую направленность фашистских движений, так и ту важную роль, которую сыграли собственники крупных промышленных предприятий и землевладельцы в приходе Муссолини и Гитлера к власти. Именно они в наибольшей степени содействовали подъему фашизма, когда экономический кризис «угрожал существующему балансу сил». Этому есть масса неопровержимых доказательств, и историкам, которые судят о фашизме в иных категориях, еще предстоит привести достаточно убедительные доводы, чтобы опровергнуть утверждение Дж. Стречи, согласно которому «мы не сможем понять фашизм, если не поймем природу капитализма и его кризисов»¹⁷⁰.

Фашизм как исторический феномен, вне всякого сомнения, был обусловлен последовавшим после Первой мировой войны острейшим социально-экономическим кризисом и «великой депрессией» 1929–1933 гг. Именно поэтому современные праворадикальные движения не обладают влиянием, сопоставимым с тем, которое было у их предшественников в 1920-е – 1930-е гг.

¹⁶⁹ *Bosworth R.J.B.* The Italian Dictatorship: Problems and Perspectives in the Interpretation of Mussolini and Fascism. London, 1998. P. 47.

¹⁷⁰ *Hodgson K.* Op. cit. P. 198; *Strachey Jh.* The Nature of Capitalist Crisis. London, 1936. P. 363.

В.П. Любин

ИТАЛЬЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФАШИЗМА: ПОДХОДЫ ЛЕВЫХ И ПРАВЫХ

В 2022 г. исполняется сто лет с момента прихода фашизма к власти в Италии. Это явление наложило отпечаток на всю историю XX века. А сами слова и понятия «фашизм» и «фашист» стали нарицательными и используются для обозначения крайне негативного явления и человека с неприятными, отрицательными качествами. Это тесно связано с отвратительными преступлениями против человечества, издевательствами и убийствами, характеризующими и ставшими определяющей чертой фашизма и фашистов.

Поэтому остаются сверхактуальными научные исследования этого явления и понимание, как можно не допустить нового прихода к власти фашистских и фашиствующих режимов. В данном ряду интересно увидеть, как развивалось и продолжает развиваться изучение данного феномена профессиональными историками, прежде всего, в самой Италии, где в октябре 1922 г. и пришел к власти фашизм.

В отличие от российской, в итальянской историографии принято отделять фашизм, как явление типично итальянское, от нацизма, как явления типично германского. Хотя по своей сути обе диктатуры – фашистская под руководством Б. Муссолини и нацистская под водительством восторгавшегося им в начале их партнерства, быстро превратившегося в неравное, А. Гитлера – весьма близкие явления. В отечественной историографии еще со времен Коминтерна стало принято все подобные режимы подводить под понятие фашизм. Этому следуют отдельные ученые и на Западе.

Как отмечал всемирно известный кинорежиссер Ф. Феллини, – в его фильме «Амаркорд» («Amarcord») – *ama ricordo*, что на местном диалекте его родного города Римини означает «я вспоминаю»), красочно отражены времена фашизма, которые он сам застал и хорошо помнил, – «извечные предпосылки к фашизму именно в провинциализме, в неумении людей понять свои конкретные реальные проблемы, в нежелании углублять – из-за лени, предрассудков, самомнения и соображений личного удобства – свои связи с жизнью»¹. «...Невозможно сражаться с фашизмом,

¹ Феллини Ф. Работа над фильмом – это путешествие // Евтушенко Е.А. Война – это антикультура. М., 1983. С. 96.

не отождествляя его с тем, что есть глупого, подлого, трусливого в нас самих»².

С этим перекликается мнение историка антифашиста К. Казуччи, приведенное в предисловии автора Р. Де Феличе к своему, самому крупному в итальянской историографии, многотомнику. Он посвящен периоду фашизма, рассмотренному через биографию и жизненный путь дуче: «Да, была Италия и были итальянцы, ставшие в определенный момент фашистами, но не переставшие от этого оставаться итальянцами, чтобы потом вернуться к демократии и стать демократами. И задача историографии состоит в том, чтобы проанализировать данный процесс во всей его полноте, без hiatus (отрыва – *лат.* – *В.Л.*), без «скобок»³, не разделяя его компонентов, но показывая их различия и приводя всё это к единству истории»⁴.

Итальянская историография фашизма началась сразу же после создания фашистского движения под руководством Муссолини и последующего его прихода к власти в 1922 г. Политики и ученые (историки, политологи, социологи, философы), а также журналисты и публицисты посвящали фашизму и его диктатуре статьи и монографии. Но по-настоящему глубокое, научное изучение фашизма в Италии началось лишь в 1960-е гг. Выходившие по теме работы содержали в себе явный отпечаток проходившей в стране острой политической борьбы между правыми и левыми силами⁵.

² Там же.

³ Здесь намёк на то, что философ Б. Кроче в книге «История Италии» (*Croce B. Storia d'Italia dal 1871 al 1915. Bari, 1926*) призвал считать годы фашизма периодом, который можно заключить в скобки, если рассматривать итальянскую историю последнего времени в единстве. Подробнее см.: *Григорьева И.В., Филатов Г.С. Итальянская историография (1918–1945) // Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968. С. 155–170, о концепции Кроче: С. 160–162.*

⁴ *De Felice R. Introduzione // Mussolini il rivoluzionario, 1883–1920. Torino, 1965. P. XXX.*

⁵ Борьба противоположных направлений в итальянской историографии часто выплескивалась в острые споры в ходе научных конференций – на регулярных, проходивших поочередно в Москве и в Италии (Рим, Флоренция) встречах итальянских и советских историков, с 1964 г. и до конца 1980-х гг., т.е. в период холодной войны. Одними из магистральных тем, вызывавших оживленную полемику, были кризис либерально-демократического режима в Италии накануне и после ее вступления в Первую мировую войну, зарождение и приход к власти фашизма. Подробнее см.: *Ljubin V.P. Una breccia nella „cortina di ferro“: i convegni degli storici sovietici e italiani negli anni della guerra fredda // 1918–2018: un secolo di storia a Villa Berg. Mosca, 2019. P. 311–325. На рус. яз.: Любин В.П. Прорыв «железного занавеса»: советско-итальянские конференции историков в годы холодной войны // 1918–2018: Век истории в особняке Берг. М., 2019. С. 296–310.*

Среди поднимавшихся узловых проблем в данной дискуссии были такие, как происхождение и приход фашизма к власти, его массовая база, эволюция фашистского режима в 1920–1930-е гг., достижение фашизмом консенсуса, кризис и крушение режима в годы Второй мировой войны, оценки фашизма историками разных направлений и т.п.

Уже в 1956 г. историки либерального направления Дж. Сальваторелли и Дж. Мира выступили с солидного объема монографией «История Италии в период фашизма», вышедшей в прогрессивном издательстве Эйнауди. Она переиздавалась много раз (здесь она цитируется по ее четвертому изданию 1962 г.). Давая ей характеристику, видный советский итальянист Г.С. Филатов подчеркивал, что «первая обширная работа либерально-радикального направления написана историками Л. Сальваторелли и Дж. Мира», авторы «сознательно ограничили свою задачу „систематизацией материала по фашизму“»⁶. Они считали фашизм мелкобуржуазным, полным противоречий движением, что и привело его к неизбежной катастрофе. При этом авторы преуменьшали роль антифашистских политических партий и народных масс, а крах режима приписывали разложению фашистской верхушки и росту оппозиции к монархии⁷.

Сальваторелли и Мира отмечали, что крах режима произошел в ходе Второй мировой войны, когда «к крушению военных фронтов добавилось крушение внутреннего фронта, хотя до самого последнего момента оно явно не проявлялось», так как этого «внутреннего фронта» на деле и не существовало среди итальянских граждан во все время участия страны в войне⁸. Хотя данную монографию можно отнести скорее к попытке пройти между Сциллой интерпретаций итальянской истории периода фашизма со стороны левых и Харибдой интерпретационных подходов со стороны правых и занять центристское место в дискуссии историков, все же это было скорее произведение правого толка, т.е. стоявшее вне рамок сильного марксистского плана историографии в Италии.

В известной степени в этой книге чувствуются отголоски трактовки фашизма со стороны выдающегося итальянского философа Б. Кроче. Как отмечал в своей книге 1973 г. «Фашизм и неофашизм» историк-марксист Энцо Сантарелли, Кроче в 1946 г.

⁶ Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. М., 1973. С. 9.

⁷ Там же.

⁸ Salvatorelli L., Mira G. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1962. P. 1033.

написал, что подрастающей молодежи будет «стыдно» за историю фашизма. А сами молодые люди должны будут пройти долгий путь, приобрести собственный политический и культурный опыт, чтобы научиться «трактовать наиболее интересные и обязывающие проблемы, проводя анализ и создавая историческую реконструкцию фашизма». Хотя уже тогда от нового поколения прозвучала критика в адрес Кроче и его позиции во времена фашизма⁹.

В названной книге Сантарелли воспроизводились (и расширялись в дополнительных очерках) основные положения его вышедшей в 1967 г. (переиздана в 1973 г.) монографии «История фашизма»¹⁰. Во введении, упоминая о дискуссиях среди итальянских историков по поводу фашизма, автор отмечал, что сразу по окончании войны публика начала знакомиться с произведениями видного марксиста А. Грамши¹¹, до того ей неизвестными. Была переиздана книга А. Таска «Рождение и приход к власти фашизма»¹². Послевоенное поколение историков левых взглядов создавало такие книги, как например, монография П. Алатри «Происхождение фашизма», в которой среди прочего рассматривалась тема смены правящего класса¹³. Автор, стоявший на позициях марксизма, как и другие близкие ему историки, например, Э. Раджоньери, сосредотачивал внимание на «кризисе итальянского правящего класса» в ходе Первой мировой войны. Это способствовало заметному ослаблению либерального государства после войны и приходу фашизма к власти в 1922 г.¹⁴ После неудавшейся попытки возглавлявшего правительство в 1919–1920 гг. Ф.С. Нитти вернуть страну на путь «буржуазной реставрации» «реформистским и прогрес-

⁹ Santarelli E. Fascismo e neofascismo. Roma, 1973. P. XIV.

¹⁰ Santarelli E. Storia del movimento e del regime fascista. Roma, 1967. Vol. I–II, 2 ed. *idem*. Storia del fascismo. Roma, 1973. Vol. I–III.

¹¹ См., напр.: Gramsci A. Quaderni del carcere. Torino, 1948–1951. 6 vol. См. также: Грамши А. Избранные произведения: тт. 1–3. М., 1957–1959; он же. Тюремные тетради. Ч. 1. М., 1991. Взгляды Грамши на историю, ставшие основой для последующего развития в Италии марксистской мысли, обобщены в книге: Григорьева И.В. Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1968; она же. История Италии в XX веке. М., 2006.

¹² Tasca A. Nascita e avvento del fascismo. Firenze, 1950.

¹³ Alatri P. Le origini del fascismo. Roma, 1956; 4 ed. 1963. Рус перевод: Алатри П. Происхождение фашизма. М., 1961.

¹⁴ Эта глава добавлена в переиздании книги, в первом варианте, также и в русском издании ее нет. См.: Alatri P. La crisi della classe dirigente nella prima guerra mondiale // *idem*. Le origini del fascismo. Ed. 1963. P. 375–418. В русском издании присутствует другая глава на ту же тему «Истоки фашизма и правящие круги Италии» // Алатри П. Указ. соч. С. 59–156.

систским путем», на сцену выступили силы контрреволюции, и им было суждено пройти параболу фашизма, замечал Алатри¹⁵.

Раджоньери в написанном в основном им самим томе по социально-политической истории 1861–1976 гг. многотомной «Истории Италии»¹⁶ нашел место для сравнения концепций итальянской истории, выдвинутых в 1920-е гг. симпатизировавшим фашизму историком Дж. Вольпе и пытавшемся отстоять свою независимость от фашистского режима Б. Кроче¹⁷. Касаясь приближавшегося краха режима на фоне резкого роста недовольства широких масс из-за участия Италии в войне и следовавших одно за другим поражений, Раджоньери, опираясь на наблюдения историка коммуниста Э. Серени, заключал, что возникала «широкая сеть элементарной солидарности», созрело антифашистское сопротивление, когда партизаны взяли в руки оружие и освободили страну от фашизма¹⁸. История антифашистского сопротивления была освещена в переведенной на русский язык книге историка-марксиста Р. Батталья¹⁹. Это был еще один вклад в марксистское освещение важнейшей темы, связанной с анализом причин краха режима. «В результате движения Сопротивления была, несомненно, вписана славная страница в историю Италии», — отмечал в предисловии к книге лидер Итальянской коммунистической партии (ИКП) П. Тольятти²⁰.

Возвращаясь к изучению истоков фашизма и истории развития фашистского режима, отметим, что поставленный критиками сразу на правый, консервативный фланг, и ставший широко известным благодаря своим исследованиям по истории фашизма, профессор сначала Университета Салерно, а потом Римского университета «Сапьенца» Ренцо Де Феличе прославился благодаря названной многотомной биографии дуче. В ней попутно рассмотрены самые разные аспекты установленного в стране фашисте-

¹⁵ Alatri P. Le origini del fascismo. P. 418.

¹⁶ Большой проект издательства Эйнаути 1970–1990-х годов. После безвременной кончины Э. Раджоньери недостающие части были дописаны его коллегами.

¹⁷ Ragionieri E. Storia d'Italia. Vol. 4. Dall'Unità ad oggi. Tomo 3. Torino, 1976. P. 2262–2263.

¹⁸ Ragionieri E. Op. cit. P. 2320–2321.

¹⁹ Battaglia R. Storia della Resistenza italiana. Torino, 1953. Рус. перевод: Батталья Р. История итальянского движения Сопротивления. М., 1954. См. также: Коломова Н.П. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. М., 1972.

²⁰ Тольятти П. «Книга об истории итальянского Сопротивления» // Батталья Р. Указ. соч. С. 12.

кого режима²¹. Историк попытался представить свою трактовку фашизма как объективистский подход, подкрепляя это массой собранных им документов²². Именно Р. Де Феличе и его работы стали примером и знаменем правого крыла национальной историографии.

В предисловии к первому тому дефеличианской «биографии дуче» видный ученый Делио Кантимори, учитель многих ставших известными во второй половине XX века итальянских историков, отмечал, что в современной историографии имеется очень мало биографий такого типа. И что именно Р. Де Феличе «в состоянии выполнить подобное трудное и комплексное предприятие как написание биографии Муссолини», и возможно лучше, чем другие историки²³. Как отмечалось в аннотации издательства к третьему тому этой биографии – «Муссолини фашист. Организация фашистского государства, 1925–1929», труд Де Феличе все больше приобретал характер «истории фашизма и анализа его многосторонней действительности»²⁴. Вывод автора в конце этого тома: фашистской Италии за семь лет ее существования до 1929 г. так и не удалось устранить у итальянцев ностальгию по свободной предвоенной, дофашистской Италии и симпатию к либерально-демократическим порядкам²⁵. В томах биографии Муссолини, созданной Р. Де Феличе, просматривается отрыв от исторической концепции Кроче и отказ от крочеанства как философии правого крыла интеллектуалов Италии.

Одновременно с первым томом эпопеи Де Феличе в 1965 г. вышла книга профессора Римского университета «Сапьенца» Альберто Аквароне об организации фашистского государства и его скрепах²⁶. Но она не вызвала такого отзвука среди историков Италии и за ее пределами, как случилось с многотомником Де Феличе.

И все же в какой-то мере труды историков немарксистского направления итальянской историографии шли в русле высказанных Б. Кроче в 1920–1940-е гг. оценок фашизма. Крочеанство и разра-

²¹ *De Felice R. Mussolini il rivoluzionario, 1883–1920. Torino, 1965* и последующие тома биографии.

²² При моем общении с ним однажды он поведал, что даже гараж у него был заполнен собранными им первоклассными источниками для освещения избранной тематики.

²³ *De Felice R. Mussolini il rivoluzionario. P. XVII.*

²⁴ *De Felice R. Mussolini il fascista. L'organizzazione dello Stato fascista, 1925–1929. Torino, 1968.*

²⁵ *Ibid. P. 483.*

²⁶ *Aquarone A. Organizzazione dello Stato totalitario. Torino, 1965.*

ботки других консервативного плана философов подкрепляли позиции тех, кто в идеологической борьбе отстаивал правые взгляды.

Выход первого тома труда Р. Де Феличе вызвал острую полемику в итальянском обществе. Позицию марксистского направления представили его тезка Франко Де Феличе и известный российским читателям по переводу своей книги²⁷, а итальянским по большой хрестоматийной подборке выступлений и статей итальянских революционеров и социалистов Гастоне Манакорда²⁸. Они опубликовали статьи в итальянских журналах марксистского направления, возражая против превознесения дуче и чрезмерного расхваливания достижений периода господства фашистской диктатуры²⁹. С ними были солидарны многие ученые и публицисты левых взглядов.

В отечественной историографии тот же Г.С. Филатов, касаясь значения труда Де Феличе, подчеркивал, что итальянский историк выступает против интерпретации фашизма с классовых позиций. Де Феличе придавал особое значение мелкой буржуазии как опоре фашизма. По его мнению, это придавало фашизму новизну в сравнении с другими консервативными и авторитарными режимами, что позволяет говорить о нем как некоей потенциальной альтернативе капитализму. Филатов, как и итальянские историки-марксисты, отвергали такой подход, считая, что без поддержки крупной буржуазии и финансового капитала фашизм не просуществовал бы до Второй мировой войны.

В середине 1970-х гг. Р. Де Феличе в работе «Интерпретации фашизма»³⁰ вновь отстаивал свои взгляды и критиковал подходы своих оппонентов. Он вернулся к этому в опубликованной им за год до своей кончины книге «Красное и черное»³¹, вступив в общенациональную дискуссию 1990-х гг. по теме: что принес итальянцам фашизм? В книге Р. Де Феличе «Краткая история фашизма», изданной позднее, нашли отражение главные события периода фашизма, и подводился своеобразный итог его исследованиям³².

²⁷ Манакорда Г. Итальянское рабочее движение по материалам съездов: от его зарождения до образования социалистической партии (1853–1892 гг.). М., 1955.

²⁸ Il socialismo nella storia d'Italia. A cura di G. Manacorda. Bari, 1966.

²⁹ Manacorda G. Mussolini il rivoluzionario di Renzo De Felice // Studi storici. Roma, 1966. A. 6. № 2. P. 369–376.

³⁰ De Felice R. Interpretazioni del fascismo. Roma; Bari, 1977.

³¹ De Felice R. Rosso e nero. Roma, 1995.

³² De Felice R. Breve storia del fascismo. Firenze, 2002.

Также концентрировано дана суть подходов Де Феличе к отображению фашизма в его небольшой книге «Интервью о фашизме», которое у него взял американский историк и политолог Майкл Ледийн (в первый же год издания с июля по декабрь 1975 г. вышло пять изданий этой тонкой книжечки)³³. В ответ на первый вопрос Ледийна: кого он считает своими учителями, Де Феличе заявил, что не хотел бы считаться чьим-то учеником, но признает, что на него оказали влияние Ф. Шабо, Дж. Де Лука, Д. Кантимори, считавшийся «патриархом марксистской историографии в университетской среде»³⁴. Однако главным было не это, а общность исследовательских интересов. Рассказывая, как он пришел к тематике фашизма от своих прежних тем – яacobинства и истории итальянских евреев при фашизме – Де Феличе отмечал, что «историю фашизма нельзя создать до тех пор, пока не получишь широкий доступ к документации»³⁵. Оба участника интервью попытались провести черту, отделяющую фашизм-движение от фашизма-режима и констатировали, что они не совпадают³⁶.

За свои взгляды Р. Де Феличе получил этикетку историка-«ревизиониста» (подобный же ярлык был присвоен немецкому историку Эрнсту Нольте, выпустившему также в середине 1960-х по сути первую крупную научную монографию в Германии, посвященную изучению трех разновидностей «фашизма»: движение «Аксьон франсез», итальянский фашизм и немецкий нацизм)³⁷. Этих двух историков-«ревизионистов» часто сравнивали и продолжают сравнивать. Но именно они оказались пионерами в Италии и Германии в серьезном изучении (начиная с 1963–1965 гг., когда вышли их первые крупные монографии)

³³ *De Felice R. Intervista sul fascismo / a cura di Michael Ledeen. Roma-Bari, 1975.*

³⁴ *De Felice R. Op. cit. P. 1–2.*

³⁵ *Ibid. P. 5.*

³⁶ *Ibid. P. 27–46.*

³⁷ *Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche: Action française. Italienischer Faschismus. Nationalsozialismus. München, 1963. Рус. перевод: Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001 (издание получилось пиратским, так как разрешения автора, а также издательства на него не было получено, о чем мне сообщил сам Нольте). Интересно предисловие к русскому изданию книги, написанное известным германистом Л.И. Гинцбергом. В нем рассказано о спорах советских (русских) историков с Нольте и неприятии ими многих его положений (*Гинцберг Л.И. Предисловие к русскому изданию // Нольте Э. Указ. соч. С. 3–12*). Переведена и другая его книга: *Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М., 2003.**

фашизма, нацизма и сходных феноменов как эпидемия политической чумы распространившихся в Европе и мире в первой половине XX века³⁸.

В СССР в середине 1960-х гг. в этом же качестве первопроходцев собственно научного изучения фашизма (в данном случае нацизма) выступили А.А. Галкин³⁹, создавший первую крупную научную монографию о нацизме, и Б.Р. Лопухов, автор первой солидной научной монографии о фашизме⁴⁰. Советские историки, издавшие позднее собственные работы о фашизме и нацизме, шли дальше по уже проторенному ими пути. По итальянским сюжетам писал также Г.С. Филатов⁴¹, по немецким – целый ряд историков-германистов. Филатов в попытке первого в нашей историографии обобщения фашистских режимов и выделения отличительных признаков именно итальянского фашизма написал статью об этом⁴². Впоследствии названные темы разрабатывали кроме исследователей поколения участников Великой Отечествен-

³⁸ См. об этом подробнее: Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23); 2015. № 3(26). Рец.: Любин В.П. Фашизм и правый радикализм: Подходы российских и зарубежных ученых на страницах журнала «Берегиня-Сова-777» // Реферативный журнал «История». 2017. № 3. С. 192–203; Любин В.П. Фашистские диктатуры // Реферативный журнал «История». 2012. № 3. С. 141–149. По тематике итальянского фашизма на Всероссийских научно-теоретических конференциях, проводившихся ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в Воронеже, часто выступала замечательная специалистка по итальянской истории XX века З.П. Яхимович. См., напр.: Яхимович З.П. Происхождение итальянского фашизма и его путь к власти // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4 (23). С. 110–118, а также памятную заметку с библиографией её избранных трудов: Памяти Зинаиды Павловны Яхимович (20.08.1931–06.12.2018) // Итоги и последствия Первой мировой войны: Взгляд через столетие. Сб. статей Всероссийской научно-теоретической конференции. (г. Воронеж, 16–17 мая 2018 г.). Воронеж, 2018. С. 413–418. Рец. на этот сб.: Любин В.П. // Реферативный журнал «История». 2020. № 3 (в печати).

³⁹ Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1967 (2-е издание М., 1989).

⁴⁰ Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии, 1919–1929. М., 1968. Предварительно еще раньше автор смог опубликовать историографическую часть своего труда в Италии. См.: Lopukhov B.R. Il problema del fascismo italiano negli scritti di autori sovietici // Studi storici. Roma, 1966. A. 6. № 2. P. 239–257. См. также: Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М, 1977; он же. Эволюция буржуазной власти в Италии. Первая половина XX века. М., 1986.

⁴¹ Филатов Г.С. Восточный поход Муссолини. М., 1968; он же. Крах итальянского фашизма. М., 1973; он же. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. М., 1984.

⁴² Филатов Г.С. Типология фашистских режимов и особенности итальянского фашизма // Фашизм и антидемократические режимы в Европе. М., 1981. С. 9–18.

ной войны, как Галкин и Филатов, уже представители следующего поколения советских историков⁴³.

В итальянской марксистской историографии, в противоположность выходявшему с 1965 по 1990 гг. многотомнику Р. Де Феличе (он и читался в основном специалистами-историками), в 1967 г. появилась двухтомная «История фашизма» Энцо Сантарелли, выпущенная близким к ИКП издательством «Риунити»⁴⁴. (Вскоре она была переиздана уже как трехтомник. Здесь этот труд цитируется по второму изданию 1973 г.). Автор характеризовал фашистский режим как «Капиталистическую диктатуру» (именно так названа вторая часть трехчастной книги). В отличие от Р. Де Феличе он уделял немалое внимание антифашистскому сопротивлению, и в одной из глав второй части характеризовал «Фашизм в Европе и мире».

В третьей части под названием «Война и поражение» Сантарелли сосредотачивался на истории последних лет режима и причинах его краха. Завершая трехтомник, автор подчеркивал значение массового восстания партизан-антифашистов 25 апреля 1945 г. (до сих пор отмечаемого в стране как национальный праздник). Оно ознаменовало крутой поворот в итальянской истории, «перечеркнуло период фашистской диктатуры и открыло путь демократии для итальянского общества». «Народные трибуналы,

⁴³ См., напр.: *Михайленко В.И.* История итальянского фашизма в исследованиях Р. Де Феличе // Проблемы итальянской истории. М., 1987. С. 256–264; *Он же.* Итальянский фашизм: основные вопросы историографии: Свердловск, 1987; *Белоусов Л.С.* Италия: молодежь против фашизма. М., 1987; *он же.* Общественные настроения в период кризиса режима Муссолини // Проблемы итальянской истории. М., 1993. С. 171–193; *он же.* Итальянский рабочий класс в годы фашизма. М., 1996; *он же.* Режим Муссолини и массы. М, 2000; *он же.* Муссолини: диктатура и демагогия. М., 1993, 2-е изд. М., 2016; *Михайленко В.И.* Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2013. № 1(112). С. 6–17; *Любин В.П.* Особенности итальянского фашизма. К дискуссии по интервью проф. В.И. Михайленко // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2014, № 1 (115). С. 8–15. В этой же дискуссии с интересными соображениями по поводу природы итальянского фашизма и его отличия от нацизма выступили российские и зарубежные историки: А.И. Борозняк, М.А. Фельдман, А. Витале, Л. Люкс, О.Э. Терехов // Там же. С. 5–7, 15–30. Об изучении фашизма и отношении к нему в Италии см. также: *Белоусов Л.С., Любин В.П.* Италия времен Муссолини: Взлет и катастрофа // Передача «Власть факта» с М. Ремизовым телеканал «Культура» 14.04.2018. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20903/episode_id/1740112/ (дата обращения: 28.04.2020).

⁴⁴ *Santarelli E.* Storia del movimento e del regime fascista. Roma, 1967. Vol. I–II. 2 ed.; *idem.* Storia del fascismo. Roma, 1973. Vol. I–III.

устранившие Муссолини и фашизм», и «импровизированное ими правосудие означали разрыв с прошлым и пробуждение революционной энергии, открывающей новую эру, в особенности для классов и слоев, больше всех страдавших от диктатуры и войны», они восстали и свергли это иго⁴⁵.

В рецензии на труд Сантарелли⁴⁶ создавшая в СССР школу профессиональных историков-итальянистов К.Ф. Мизиано (мне довелось быть ее аспирантом) писала: «Впервые история итальянского фашизма (причем собственно фашизма, а не Италии за 20 лет фашистской диктатуры) освещается во всей ее хронологической целостности – от самых истоков движения до полного крушения фашистского режима». При этом фашизм исследуется как политическое движение и как политическая, вернее, государственно-политическая система. «Тем самым обусловлены бесспорные достоинства, но и недостатки работы», в числе которых некоторая затянутость вводных глав, неравноценность разделов работы. В книге показывается, как «фашистский режим, не выдержав „испытания“ истории, потерпел поражение – поражение военное, политическое, моральное»⁴⁷. Оценку книги Э. Сантарелли как «первого марксистского труда по всему периоду фашизма» дал также Г.С. Филатов, подчеркнув, что в нем особое место уделено «внутренней проблематике фашизма и его идеологии». Рассматривая массовую базу фашистской диктатуры, т.е. ее опору в основном на мелкую буржуазию, «Сантарелли дает ей совсем иную оценку, чем буржуазные историки», – справедливо подметил Филатов⁴⁸.

Обратившийся одним из первых к анализу фашизма еще в середине 1930-х годов руководитель ИКП П. Тольятти считал, что фашизму удалось создать буржуазную партию «особого типа» со своей собственной вооруженной силой, и на эту партию опиралась его диктатура. В прочитанном им в Москве курсе лекций о фашизме Тольятти предостерегал от недооценки влияния социальной демагогии фашизма на массы.⁴⁹

⁴⁵ Santarelli E. Storia del fascismo. Vol. III. P. 364.

⁴⁶ Сантарелли издал также подборку «Политические сочинения Бенито Муссолини» – Santarelli E. Scritti politici di Benito Mussolini / introduzione e cura di E. Santarelli. Milano, 1979.

⁴⁷ Мизиано К.Ф. E. Santarelli. Storia del movimento e del regime fascista. Roma, 1967, vol. I–II. Э. Сантарелли. История итальянского фашизма. тт. I–II. Рим, 1967 // Новая и новейшая история. 1969. № 1. С. 153–156.

⁴⁸ Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. С. 13.

⁴⁹ Togliatti P. Lezioni sul fascismo. Roma, 1970. Рус. перевод: Тольятти П. Лекции о фашизме. М., 1974; Филатов Г.С. Указ. соч. С. 12.

Оценки Р. Де Феличе не показались на первый взгляд противоречивыми Л.С. Белоусову, определившему его как «корифея итальянской исторической науки»⁵⁰: «Одной из ключевых идей его фундаментальной работы является утверждение о формировании в фашистской Италии в конце 20-х – середине 30-х гг. общественного согласия, ставшего серьезной опорой господствовавшей системы власти»⁵¹. В выводах своей работы о положении рабочего класса Италии во времена фашизма Белоусов все же оспорил данный тезис и заключал: «Правильнее говорить не о консенсусе, ибо согласие означает осознанный выбор, а о пассивном восприятии, способном трансформироваться в активное противодействие в случае серьезного обострения ситуации. Решающим фактором, ускорившим это превращение, стало втягивание Италии во Вторую мировую войну»⁵².

Наибольшие подъемы в дискуссии на тему, что принес Италии фашизм и какие его последствия ощущаются в современности, пришлось на 1990–2000-е гг. В нее вступили не только профессиональные историки, но и многие видные интеллектуалы, представлявшие широкий спектр гуманитарных наук⁵³. Нюансы данной дискуссии отражены в моей работе с анализом новых на тот момент исследований: «Преодоление прошлого: Споры о тоталитаризме»⁵⁴. Вынужден отсылать к ней, чтобы не повторяться.

Позиции представителей левых сил в качестве ответа на вызовы «ревизионизма» Р. Де Феличе и его последователей сконцентрированы в их публичных выступлениях (и в специально подготовленных ими научных монографиях). Н. Транфалья выступил в 1996 г. с книгой «Неудобное прошлое. Фашизм и постфашизм»⁵⁵. Еще ранее в 1991 г. со сходных позиций выступил в монографии «Интерпретация и память о фашизме. Годы режима» историк социалистического движения П. Дж. Дзуннино⁵⁶.

Начатое Р. Де Феличе изучение фашизма впоследствии продолжили его ученики и его последователи. Дж. Парлато

⁵⁰ Белоусов Л.С. Итальянский рабочий класс в годы фашизма. М., 1996. С. 3.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 92.

⁵³ См.: Любин В.П. История определяет современность: дискуссии итальянских интеллектуалов // Современная Италия. М., 2004. С. 169–185.

⁵⁴ Любин В.П. Преодоление прошлого: Споры о тоталитаризме. М., 2005.

⁵⁵ Tranfaglia N. Un passato scomodo. Fascismo e postfascismo. Roma-Bari, 1996.

⁵⁶ Zunnino P.G. Interpretazione e memoria del fascismo. Gli anni del regime. Roma-Bari, 1991.

попытался выделить в фашизме левое крыло, которому якобы не были чужды исповедовавшиеся Б. Муссолини на первом этапе его политической карьеры социалистические идеи⁵⁷, и написал об этом монографию⁵⁸. Ученики Де Феличе, тот же Дж. Парлато, Дж. Перфетти и другие, после смерти Де Феличе, с 1997 г. стали соиздателями созданного им журнала «Nuova storia contemporanea» («Новая современная история»), в котором пропагандировали свои взгляды.

Среди последователей обратим внимание на Эмилио Джентиле, который попытался обобщить в своих работах основные черты фашизма. В его книге «Фашизм. История и интерпретации» прослежена история движения и режима от зарождения до падения, охарактеризованы особенности исторического феномена⁵⁹. Джентиле призывал изучать фашизм как явление определенного времени – «эпохи модернизации и массового общества». По его мнению, без учета всей массы аспектов, способствовавших появлению и развитию феномена, невозможно дать объективную картину, и на первое место надо ставить объективность. «От историка, посвятившего себя изучению фашизма, требуются иные качества, чем, например, от историка медиевиста, – у него совсем другая ответственность в сфере культуры, политики и морали... Задачей историка фашизма становится элементарная научная объективность, т.е. осознание человеческого опыта прошлого через как можно более широкое и строгое изучение документов без того, чтобы переносить на прошлое собственные жизненные идеалы»⁶⁰.

Его тезка историк с той же фамилией Эудженио Джентиле оказался среди тех, кто ведет арьергардные бои прошлых дискуссий с отстаиванием концепции тоталитаризма, когда, как и многие западные авторы, он продолжает линию тех, кому хочется сравнивать режимы в Италии и Германии с советским строем⁶¹. Само

⁵⁷ Подробнее о «сальто» Муссолини, до осени 1914 г. директора социалистической газеты «Аванти!», и его резком переходе в лагерь противников Итальянской социалистической партии см. в монографии: Любин В.П. Социалисты в истории Италии: ИСП и её наследники, 1892–2006. М., 2007. С. 157–161.

⁵⁸ Parlato G. La sinistra fascista. Storia di un progetto mancato. Bologna, 2000.

⁵⁹ Gentile E. Fascismo. Storia e interpretazione. Roma; Bari, 2002. См. мой реферат на эту книгу: Реферативный журнал «История». М., 2004. № 1. С. 6–10.

⁶⁰ Gentile E. Fascismo, cit. P. 311.

⁶¹ См., напр., выступление эмигранта из СССР В. Заславского «Тоталитарные системы в сравнительной перспективе» и ряда российских и итальянских ученых на организованном известным русистом В. Страда в Венеции в 2002 г. colloquio

название его книги «Муссолини против Ленина»⁶² красноречиво об этом свидетельствует. Э. Джентиле считает, что в глазах современников, независимо от их оценок, хвалебных или враждебных, и Ленин, и Муссолини являлись своего рода мистическими фигурами, поскольку были «организаторами двух революций и создателями двух режимов», которые, по мнению многих, обнаруживали сходные черты, несмотря на всю противоположность созданных политических систем⁶³.

Современные итальянские и другие западные историки, изучая фашизм, используют комплексный подход, применяя в исследованиях методы не только исторической науки, но и других общественных наук: социологии, политологии, психологии и т.д. Одно время в Италии, как и в других странах, действительно был широко задействован подход к изучению фашизма с точки зрения тоталитаризма⁶⁴. Фашизм рассматривался параллельно со «сходными», по мнению политологов, режимами, существовавшими в XX веке в нацистской Германии и большевистском Советском Союзе. На Западе выходили монографии и сборники со сравнением тоталитарных режимов⁶⁵.

В последнее время большинство историков отказалось от такого прямолинейного понимания. В российской общественной науке серьезные исследования темы тоталитаризма и связанных с ним феноменов начались в годы перестройки и продолжились в 1990–2000-е годы. В качестве ученых, внесших вклад в его изучение, выступили Ю.И. Грицкий, А.А. Кара-Мурза, Б.С. Орлов, В.П. Любин, В.И. Михайленко, Т.П. Нестерова и др.⁶⁶ Отечественные историки обратились одними из последних к данной теме.

на тему «Тоталитаризм / Тоталитаризмы». Заславский настаивал на значимости и актуальности концепции тоталитаризма: *Zaslavsky V. I sistemi totalitari in prospettiva comparata // Totalitarismo e totalitarismi / a cura di V. Strada. Venezia, 2002 P. 101–132.*

⁶² *Gentile E. Mussolini contro Lenin. Bari; Roma, 2017.*

⁶³ Цит. по: Эман И. Реф. на книгу: Джентиле Э. Муссолини против Ленина. Бари; Рим, 2017 // Реферативный журнал «История». 2019. № 2. С. 191.

⁶⁴ Подробнее см.: Любин В.П. Преодоление прошлого: Споры о тоталитаризме. С. 70–99.

⁶⁵ См., напр.: *Fischella D. Totalitarismo. Un regime del nostro tempo. Roma, 1994; Gleason A. Totalitarianism: the inner history of the cold war. N.Y., Oxford, 1995; Totalitarismus in XX. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung / hrsg. von E. Esse. Baden-Baden, 1996, etc.*

⁶⁶ См., напр.: Михайленко В.И., Нестерова Т.П. Тоталитаризм в XX веке: Теоретический дискурс. Екатеринбург, 2000; Любин В.П., Михайленко В.И., Нестерова Т.П. Тоталитаризм: Спор историков. Екатеринбург, 2003 и др.

В ИНИОН и ИВИ РАН были изданы специальные сборники⁶⁷. Затем группа исследователей из этого института выступала на собранной В. Страда по тематике «Тоталитаризмы» уже упомянутой здесь конференции итальянских и российских обществоведов. Эти исследования отечественной историографии подкреплялись изданием переводов работ западных авторов, в их числе одной из основательниц концепции тоталитаризма Х. Арендт⁶⁸. А тематика истории фашизма стала одной из главных в университетских курсах преподавания истории и политологии в России и странах СНГ⁶⁹.

Что касается сущностных основ когда-то целостной культуры, основанной на воспринятых итальянским обществом антифашистских идеалах (на них собственно и базируется итальянская конституция, как у нас когда-то писали, самая прогрессивная буржуазная конституция), то именно они оказались в последние десятилетия размыты. На место антифашистского консенсуса пришло совершенно другое. Причем появилось оно поначалу как поиски новых подходов к историческому прошлому страны в XX веке, когда Италия оказалась под властью фашистского режима. С исторического ревизионизма с его непродуманными последствиями для политической культуры и общественного консенсуса начался процесс, результаты которого поражают аналитиков⁷⁰.

Один из них, швейцарский историк А. Маттиоли в книге «Да здравствует Муссолини! Реабилитация фашизма в Италии

⁶⁷ См.: Тоталитаризм: что это такое? Сб. Ч. 1–2. М., 1993; Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / рук. авт. коллектива Я.С. Драбкин, Н.П. Комолова. М., 1996. Этот сборник был подкреплен изданием документов Коминтерн против фашизма. Документы / вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Дамье, Н.П. Комолова, М.Б. Корчагина, К.К. Шириня. М., 1999. Все это стало продолжением коллективной монографии История фашизма в Западной Европе / отв. ред. Г.С. Филатов. М., 1978.

⁶⁸ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. И Х. Арендт, и Э. Нольте учились у знаменитого немецкого философа М. Хайдеггера, но, как видим, результаты этого обучения оказались разными, их подходы к тоталитаризму и фашизму (нацизму) оказались диаметрально противоположными.

⁶⁹ См., напр.: Бабков А.М. Фашистские режимы Западной Европы в межвоенный период. Нацистский режим в Германии: установление и «консолидация»: практ. рук-во. Гомель, 2012.

⁷⁰ Подробнее см.: Любин В.П. Историческая и политическая культура Италии: Новая литература 1990–2000-х годов // Реферативный журнал «История». 2011. № 1. С. 139–149.

Берлускони»⁷¹ дал панораму итальянской историографии, состояния итальянского общества и его исторической культуры. Он подчеркивал, что Италия с начала 1990-х гг. переживала реабилитацию фашизма, а ее сторонники искали себе подобных в Западной Европе. Он считает это симптомом всеобъемлющего изменения общества, что изменило и политическую культуру. Приход Берлускони к власти стал возможным вследствие далеко зашедших культурных перемен. Возглавленный им политический блок изменил культуру памяти. В 1990–2000-е гг. произошло размывание сложившегося в послевоенное время широкого антифашистского консенсуса в обществе. Все это свершалось, несмотря на то, что в 1952 г. был принят закон о запрете апологии фашизма.

В трудах историка Р. Де Феличе фашистский режим представлялся как авторитарный, редко прибегавший к насилию, скорее патерналистский, но не тоталитарный и поэтому несравнимый с нацистской диктатурой. Де Феличе, как и в целом, итальянская историография, не придавал значения завоевательным войнам Муссолини и кровавому оккупационному господству в Ливии, Эфиопии и на Балканах. Тот факт, что Итальянская социальная республика, начиная с осени 1943 г., стала пособницей нацистов в уничтожении евреев и в течение немногих месяцев 8500 евреев были отправлены в лагеря смерти в Германии, представлялся как незначительный. Режим Муссолини освобождался от всякой ответственности за соучастие в мегапреступлениях нацистской Германии и воспринимался умеренной диктатурой, заключал А. Маттиоли.

Начиная с 1994 г. в стране прошли три крупных дискуссии по поводу значения Сопротивления в истории Италии. Первую из них вызвала книга Р. Де Феличе «Красное и черное» (1995 г.)⁷², вторую – монография консервативного публициста Эрнесто Галли Делла Лоджия «Гибель родины» (1996 г.)⁷³ и третью – книга

⁷¹ См.: Любин В.П. Рец. на книгу *Mattioli A. Da здравствует Муссолини! Реабилитация фашизма в Италии Берлускони* (*Mattioli A. Viva Mussolini! Die Auswertung des Faschismus im Italien Berlusconi*. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2010) // URL: <http://gefter.ru/archive/9929> (дата обращения: 22.05.2020); Подробнее об исторической культуре: Любин В.П. Политическая и историческая культура Италии // На перекрестке Средиземноморья. «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века. М., 2011. С. 69–81.

⁷² *De Felice R. Rosso e nero*. Milano, 1995.

⁷³ *Galli Della Loggia E. La morte della patria. La crisi dell'idea della nazione tra Resistenza, antifascismo e Repubblica*. Roma-Bari, 1996.

леволиберального журналиста Джанпаоло Панса «Кровь побежденных» (2001 г.)⁷⁴. Выдвинутые в работах трех авторов тезисы были с благодарностью приняты сторонниками берлускониевского правого блока, но отвергнуты представителями левых сил.

Против Р. Де Феличе выступил выдающийся итальянский философ Норберто Боббио, представлявший позиции левых сил⁷⁵. Книгу с сопоставлением их противоположных позиций одному итальянскому издательству удалось напечатать под одной обложкой⁷⁶. На пике всей этой полемики вышел двухтомный словарь, посвященный фашизму⁷⁷. С более взвешенных позиций в своей монографии выступил известный историк Дж. Кароччи, попытавшийся дать свою интерпретацию фашизма⁷⁸. Левым интеллектуалам не нравился пересмотр истории, предпринятый в период правления правых сил во главе с Берлускони. Они нередко выражали свой протест в книгах, выходивших не только в Италии⁷⁹.

В атмосфере ревизионизма история стала полем для политических игр, правые использовали ее в своих политических целях. За попытками реабилитации «парней Сало»⁸⁰, по мнению историка антифашистских убеждений К. Павоне, стоит единственный мотив: реванш. Хотя правые утверждают, что хотят национального примирения. Несмотря на то, что Италия с 10 июня 1940 г. до 8 сентября 1943 г. в качестве теснейшего союзника Германии соучаствовала в устанавливаемом Гитлером «новом европейском

⁷⁴ *Pansa G.* Il sangue die vinti. Milano, 2003. См. также: *Battista P.* Pansa tolse il velo sul sangue dei vinti e arrivò l'anatema della sinistra. Il libro sulla vendette partigiane fu al centro di proteste e accuse (anche da Bocca). Fu trattato come un disertore. E lui reagì con altri volumi sullo stesso tema // *Corriere della sera*. Milano, 2020, 13 genn. // URL: https://www.corriere.it/cronache/20_gennaio_13/pansa-tolse-velo-sangue-vinti-arrivo-l-anatema-sinistra-c906507e-3590-11ea-8d496-5a62eb738d23.shtml (дата обращения: 22.05.2020).

⁷⁵ См. о нем: *Любин В.П.* Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М., 1991; *Он же.* Соединить свободу и справедливость. Норберто Боббио – философ-просветитель XX века // Литературная Газета. 2004. № 7 (5961), 18–24 февр. С.15; *он же.* Философия Норберто Боббио // *Итальянская и испанская философия на рубеже XX–XXI веков*. М, 2005. С. 112–135.

⁷⁶ *Bobbio N., De Felice R., Rusconi G.E.* Italiani, amici nemici. Milano, 1996.

⁷⁷ *Dizionario del fascismo* / a cura di V. de Grazia e S. Luzzatto. Torino, vol. I, 2002; vol. II, 2003.

⁷⁸ *Carocci G.* Storia del fascismo, Roma, 2012.

⁷⁹ *Berlusconis Italia – Italien gegen Berlusconi*. Berlin, 2002.

⁸⁰ «Республика Сало», получившая название от одноименного города на севере Италии, созданное Муссолини марионеточное государство, существовавшее в 1943–1945 гг. в условиях немецкой оккупации.

порядке», сегодня многие итальянцы видят себя в роли жертвы драматических событий, которые связаны с немецкой оккупацией Северной и Центральной Италии. Коллективная память о Второй мировой войне связывается с опытом материальных лишений и страха, но также и с бомбардировками городов авиацией союзников и репрессиями немцев в отношении гражданского населения. К национальной трагедии войны относят расправы партизан Тито над итальянцами в горных ущельях (по-итальянски они называются «фойбы»⁸¹), и последовавший за этим длившийся до 1954 г. исход 300 тыс. итальянцев из Истрии и Далмации. При этом забывают зверства итальянских фашистов на захваченных территориях. Замалчиваются колониальные авантюры, уничтожение десятков тысяч людей, проживавших на захваченных землях.

Исторический ревизионизм в годы правления Берлускони лишь небольшим меньшинством воспринимался как скандальное явление. В центре размышлений культурологов и социологов стояли такие феномены, как популизм, воздействие средств массовой информации и конфликт интересов Берлускони как главы правительства, его мелочная опека над правосудием, нарушения принципов демократии и правового государства. Ревизионистской политике правых в сфере исторической памяти не придавали значения. Хотя серьезные средства массовой информации внутри и за пределами страны и не проходили мимо чрезвычайных случаев апологии фашизма. Как, например, заявление ставшего в 2008 г. мэром Рима Дж. Alemanno (представителя Национального альянса) во время его визита осенью того же года в Израиль, что фашизм стал «абсолютным злом» лишь после введения расовых законов 1938 г. Газеты обратили внимание и на то, что В. Брамбилла, министр туризма правительства Берлускони, на официальном празднике карабинеров в городе Лекко в мае 2009 г. вздернула руку в фашистском «римском приветствии». Этот жест не вызвал требования ее отставки, как это произошло бы в других европейских государствах.

Обобщая сказанное, можно заключить, что в последние десятилетия произошли серьезные изменения в исторической культуре Италии. В результате ревизии истории в духе реабилитации фашистского режима получают иное освещение ключевые для национальной истории периоды истории XX в., связанные

⁸¹ Новый всплеск дискуссии об уничтожении итальянцев югославскими партизанами в этих фойбах приходится на 2019 год, когда она вызвала студенческие беспорядки в итальянских университетах.

с установлением господства фашизма, а сам фашистский режим уже не выглядит кроваво-диктаторским и репрессивным. Разрушение антифашистских постулатов, принижение значения Сопротивления и партизанских формирований в разгроме режима, показывают, что общество не обладает должной сопротивляемостью, антифашистская прививка перестала действовать, а молчаливое большинство относится ко всему этому равнодушно. Если ситуация будет развиваться в том же направлении, можно ждать дальнейших сюрпризов в виде героизации фашистских порядков и фашистских иерархов, полного уничтожения антифашистского консенсуса⁸². В подобных условиях историческая и политическая культура как составные части общенациональной культуры подвергнутся дальнейшим мутациям, и трудно предсказать какими именно они станут в ближайшем будущем.

⁸² Подробнее см.: Любин В.П., Терехова Н.Г. Дуче, фашизм и политика памяти в Италии // Историческая экспертиза. 2018. № 4(17). С. 207–223. URL: https://istorex.ru/vp_lyubin_vp_terekhova_ng_duche_fashizm_i_politika_pamyati_v_italii (дата обращения: 11.05.2020).

Е.С. Полунин

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФАШИЗМА СРЕДИ НЕМЕЦКИХ МЕНЬШИНСТВ И ДИАСПОР В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Фашистские партии и движения проявляли большой интерес к проживающим за границей соотечественникам, в среде которых они сформировали свои зарубежные отделения. Активность зарубежных фашистских центров повлияла на историю не только соответствующих заграничных общин, но и отношений между государствами и фашистскими (и квазифашистскими) движениями, а также фашизма как международного феномена¹. Остановимся подробнее на проникновении идей германского фашизма в среду немецких меньшинств и зарубежных диаспор. Историческое значение этих процессов сложно переоценить. Дело в том, что вокруг групп проживавших за пределами германских границ немцев выстраивались, как территориальные притязания «Третьего рейха», так и его попытки достижения глобальной гегемонии путем распространения германского влияния в идеологии, политике и экономике².

Заграничные ячейки образовывали практически все фашистские и профашистские движения. Подобного рода практика была распространена даже среди маловлиятельных партий. Известно, что Британский союз фашистов О. Мосли создавал так называемые «ядра» своих сторонников по всей Британской империи. Одно из существовавших во Франции фашистских движений – франсисы и функционировавшее среди валлонского населения Бельгии Движение рексистов³ также стремились распространить свое влияние

¹ Известный бразильский историк Ж.Ф. Бертонья отмечает, что на формирование фашистских течений в Латинской Америке повлияла, в том числе, деятельность в регионе отделений итальянской фашистской партии. См.: *Bertonha J.F. A Segretaria Nazionale dei fasci all'estero, a NSDAP-Auslandsorganisation, o servico exterior de la falange e as politicas externas dos partidos fascistas no entre-guerras. O caso latino-americano // Nuevo Mundo Mundos Nuevos [En ligne], Colloques, mis en ligne le 06 juin 2017, consulté le 10 février 2020. URL: <http://journals.openedition.org/nuevomundo/70513>.*

² См. об этом: *Bertonha J.F. Op. cit.; Müller J. Hitler, Lateinamerika und die Welt-herrschaft // Ibero-amerikanisches Archiv. Neue Folge. 1992. Vol. 18. № 1/2. S. 72–73.*

³ Рексизм – бельгийское фашистское движение, у истоков которой стояли представители правых католических организаций. Политический идеал рексистов – корпоративистское бельгийское государство, главенствующую роль в котором должна была играть католическая церковь. Рексистская партия получила поддержку,

среди французских и бельгийских эмигрантов путем образования отделений в других странах. Даже бразильские фашисты – интеграллисты⁴ – предпринимали усилия по установлению своих центров не только на американском, но и на европейском континенте.

Однако наиболее разветвленную сеть своих зарубежных организаций смогли создать сумевшие получить власть итальянские фашисты, немецкие национал-социалисты и испанские фалангисты⁵. Уже в 1923 г., спустя год после захвата Муссолини власти, была основана зарубежная организация итальянской Национальной фашистской партии⁶. 1 мая 1931 г. нацисты образовали зарубежный отдел НСДАП⁷. В 1935 г. руководители тогда еще совсем маловлиятельной испанской фаланги также приняли решение об учреждении заграничного отделения партии. Лишь после окончания Второй мировой войны эти структуры прекратили свое существование⁸.

Что же входило в круг задач членов зарубежных ячеек фашистских партий? Они занимались пропагандой своей идеологии, собирали информацию о своих соотечественниках и странах их проживания, вели подрывную деятельность в пользу страны происхождения⁹. Их конечной целью был захват полного контроля над

в основном, в Валлонии. Рексисты сотрудничали с нацистскими оккупантами и участвовали в репрессиях, были членами дивизии СС «Валлония». После войны Рексистская партия была запрещена.

⁴ Интегрализм – идеология, идеалом которой было единое корпоративистское общество без разделения по политическим признакам. Интегралисты наиболее оптимальными считали исторически сложившиеся государственные структуры, и были сторонниками католической церкви.

⁵ Испанская фаланга – праворадикальная партия, родственная итальянскому фашизму и призывавшая к восстановлению Испании в качестве великой державы. Во франкистской Испании фаланга была правящей партией и распалась в ходе демократизации страны.

⁶ *Bertonha J.F.* Op. cit. Подробнее об образовании и ее деятельности см.: *De Caprariis L.* 'Fascism for Export'? The Rise and Eclipse of the Fasci Italiani all'Estero // *Journal of Contemporary History*. 2000. Vol. 35. № 2. P. 151–183.

⁷ *Smith Jr. A.L.* Hitler's Gau Ausland // *Political Studies*. 1966. Vol. 14. № 1. P. 90.

⁸ *Bertonha J.F.* Op. cit.

⁹ «Третий рейх» создал за рубежом разветвленную агентурную и шпионскую сеть. Кроме зарубежных ячеек НСДАП этой деятельностью занимались Абвер, СД, внешнеполитическая служба нацистской партии, бюро Риббентропа и другие организации. Среди агентов были сотрудники дипломатических миссий и немецких фирм за границей, туристы. Однако информацию для Германии также могли собирать и представители других самых разных профессий: медики, преподаватели, машинистки и другие. Так, в Иране осуществлялся сбор разведданных в отношении СССР и Великобритании. Подробнее см.: *Оришев А.Б.* Политика нацистской Германии

жизнью зарубежных диаспор и меньшинств. Кроме того, они устанавливали связи с прочими фашистскими группами, заграничными отделениями фашистских партий¹⁰. У нацистов этим занимались также внешнеполитическая служба НСДАП, Гитлерюгенд¹¹ и другие организации¹². Наиболее интенсивное взаимодействие и взаимовлияние такого рода наблюдалось в Европе. Как и для многих других фашистских и профашистских движений региона, для фалангистов образцом для подражания вначале были итальянские фашисты, а затем – нацисты. Военная помощь Германии мятежникам способствовала сближению фалангистов с нацистами, активизации деятельности партийных филиалов в соответствующих странах, заимствованию фалангой нацистских идей и практик¹³. Имели место и связи с малыми фашистскими движениями, к примеру, между сторонниками нацизма и вапсами¹⁴ в Эстонии, членами Германо-американского бунда¹⁵ и Серебряными рубашками¹⁶ в США, между нацистским движением мексиканских немцев и Мексиканской

в Иране. СПб., 2005; O'Sullivan A. *Nazi Secret Warfare in Occupied Persia (Iran): the Failure of the German Intelligence Services, 1939–45*. Basingstoke, 2014. P. 14, 16, 18.

¹⁰ *Bertonha J.F.* Op. cit.

¹¹ Гитлерюгенд – молодежная организация НСДАП, членами которой были только юноши, а девушки состояли в Союзе немецких девушек.

¹² *Orlow D.* *The Lure of Fascism in Western Europe: German Nazis, Dutch and French Fascists, 1933–1939*. New York, 2009. P. 17–19, 21.

¹³ *Núñez Seixas X.M.* *Spanish Views of Nazi Germany, 1933–45: A Fascist Hybridization?* // *Journal of Contemporary History*. 2019. Vol. 54. № 4. P. 858–860, 863, 868; *Bowen W.H.* *Spaniards and Nazi Germany: Collaboration in the New Order*. Columbia, 2000. P. 14.

¹⁴ Вапсы – эстонское националистическое движение, его основали демобилизованные военные, оппозиционно настроенные к правящей в стране власти и требовавшие радикальной перестройки государственного строя. Предложенный вапсами проект авторитарного государственного устройства был принят на референдуме в 1933 г. Однако прийти к власти движение не смогло, после государственного переворота К. Пятса вапсы попали под запрет, а активисты были арестованы.

¹⁵ Германо-американский союз – нацистская организация в США, членами которого были американцы немецкого происхождения. Эта выступавшая за дружественные отношения с «Третьим рейхом» и против вступления Соединенных Штатов в войну против Германии организация проводила различные мероприятия и митинги и занималась пропагандой. В годы войны были интернированы члены союза – сторонники уклонения от призыва.

¹⁶ Серебряные рубашки (или Серебряный легион Америки) – фашистская организация в США, основанная У.Д. Пелли. Численность членов организации достигала 15 тыс. человек, в основном, представителей социальных низов. Их форма одежды была схожа с униформой немецких штурмовых отрядов, их особенность – серебряная рубашка с красной маркировкой «L».

революционной акцией¹⁷. Известно даже о контактах германских дипломатов и ячеек НСДАП с арабскими националистическими группировками¹⁸. Связи между фашистскими движениями поддерживались и далеко от Европы: в Латинской Америке – между итальянскими, немецкими и испанскими иммигрантскими группами и отделениями фашистских партий; в Австралии – между местными немцами-нацистами и итальянскими фашистами (во всяком случае, с 1936 г.)¹⁹.

Фашистские движения и их филиалы сочувствовали друг другу, но это не исключало некоторых противоречий, в которых проявлялись разное видение идейных, внешне- и внутривнутриполитических проблем, а также ксенофобия фашистов. Так, расизм и язычество нацистов отталкивали часть фашистов, в частности, среди испанцев, итальянцев и латиноамериканцев²⁰. Режим «австрофашизма», установленный в Австрии в 1933–1934 гг.²¹, запретил в стране деятельность пронацистских организаций²². В свою очередь, отношение некоторых нацистов и их немецких сторонников к представителям соответствующих национальностей было далеким от идеального²³.

¹⁷ Райд Я. Гитлеровская Германия и немецкое национальное меньшинство в Эстонии // Германия и Прибалтика. Межведомственный сборник научных трудов. Латвийский государственный университет им. П. Стучки. Рига, 1978. С. 37–40; Никитин В.А. Подрывная деятельность нацистского рейха в США // Американский ежегодник. 1976. М., 1976. С. 67–69; Müller J. El NSDAP en México: historia y percepciones, 1931–1940 // Estudios Interdisciplinarios De América Latina Y El Caribe. 1995. Vol. 6. № 2. P. 93.

¹⁸ Nordbruch G. Nazism in Syria and Lebanon: the Ambivalence of the German Option, 1933–1945. London – New York. 2009. P. 57.

¹⁹ Bertonha J.F. Op. cit.; Perkins Jh. The Swastika Down Under: Nazi Activities in Australia, 1933–39 // Journal of Contemporary History. 1991. Vol. 26. № 1. P. 115–116.

²⁰ Bertonha J.F. Op. cit.; Núñez Seixas X.M. Spanish Views of Nazi Germany... P. 858–860, 863; Perkins Jh. Op. cit. P. 116.

²¹ Режим в Австрии в 1934–1938 гг. получил в историографии наименование «австрофашизм». Главным носителем австрийского фашизма считается хаймвер, объединение австрийских отрядов самообороны, в рядах которых состояли антипролетарски настроенные представители крестьянства и мелкой буржуазии. По политическим представлениям хаймвер находился под влиянием социально-христианской партии и католической церкви, придерживался правых идей и ориентировался на итальянский фашизм. Подробнее см.: Величко О.И. Австрофашизм: между Муссолини и Гитлером // Берегиня. 777. Соч. 2014. № 4(23). С. 300–301.

²² Там же. С. 306.

²³ Даже далеко в Австралии фиксировалась неприязнь немецких мигрантов по отношению к итальянским, уступавшим немцам в социальном развитии. К тому же местные немецкие ветераны видели в итальянцах предателей Тройственного Союза. Perkins Jh. Op. cit. P. 115–116.

Срачивание фашистских движений с государством предопределило превращение их зарубежных ячеек одновременно и в средство глобального распространения фашизма, и в особый канал внешней политики фашистских режимов. Даже в далекой Австралии зарубежные ячейки партии сыграли свою роль в глобальной стратегии нацизма²⁴. Тактика действий заграничных фашистских филиалов в каждой конкретной стране выстраивалась таким образом, чтобы сохранить и преумножить свою организацию, успешно вести пропаганду, а также способствовать реализации внешнеполитических целей соответствующих партий. На деятельность фашистских филиалов могло влиять наличие спорных вопросов между странами и другие внешнеполитические обстоятельства, близость титульной нации и представителей иммигрантской общины²⁵. Например, ячейке НСДАП в Палестине, чтобы не ухудшать отношения с англичанами, предписывалось не допускать контактов с британскими фашистами и прогерманскими арабскими националистами, а также отказаться от пропаганды среди британских войск и палестинцев²⁶. Пронацистский Немецкий бунд Канады старался держаться в стороне от местных фашистских движений²⁷. И все же предписания центра выполнялись далеко не всегда²⁸.

Следует признать, что зарубежные отделения фашистских партий сыграли заметную роль в истории, как фашистских движений, так и проживавших за границей диаспор и меньшинств. Среди них наибольшую активность проявили заграничные ячейки НСДАП. Германский фашизм проник даже в самые отдаленные уголки немецкого зарубежья, в той или иной степени оказав влияние на его послевоенную судьбу.

Зарубежные отделения НСДАП формально могли включить в свои ряды около 2–3 млн (на 1933 г.) проживавших за границей граждан Германии. Однако нацисты, исходя из тезисов глобального «фольксгемайншафта» (немецкого народного сообщества) и сохранения связей с Германией всех лиц немецкого происхождения,

²⁴ Perkins Jh. Op. cit. P. 111; Orlow D. Op. cit. P. 17–19.

²⁵ Так, в Латинской Америке нацисты, в отличие от фалангистов, наталкивались на языковой барьер. Bertonha J.F. Op. cit.

²⁶ Schmidt H.D. Nazi Party in Palestine and the Levant 1932–9 // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-). 1952. Vol. 28. № 4. P. 466; Nicosia F. Arab Nationalism and National Socialist Germany, 1933–1939: Ideological and Strategic Incompatibility // International Journal of Middle East Studies. 1980. Vol 12. № 3. P. 355.

²⁷ Wagner F.J. Die NS-Bewegung in Kanada // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1981. Jg. 29. H. 2. S. 258–259.

²⁸ Так, несмотря на запреты, в Нидерландах нацисты контактировали с голландской фашистской организацией. Orlow D. Op. cit. P. 22.

стремились полностью подчинить своей власти зарубежные немецкие общины²⁹. Этим занимались отвечающие за внешнюю политику и связи с немецким зарубежьем институты, если официально и не государственные, то все же находившиеся под контролем властей. Так, за координацию деятельности зарубежных немецких меньшинств отвечало «Фольксдойче Миттельштелле» (ФоМи)³⁰. В этом случае речь идет о 30 млн этнических немцев по всему миру: порядка 20 млн в Европе и около 10 млн в Новом Свете³¹. К числу зарубежных этнических немцев (фольксдойче) иногда относили и население немецких государств, таких как Австрия, где проживало 6 млн немцев³². Кроме того, в период пребывания нацистов у власти, немецкое зарубежье пополнилось за счет бегства из Германии полумиллиона человек, прежде всего граждан еврейского происхождения, а также неугодных режиму лиц³³. Большинство из них были противниками нацизма и занимали антифашистские позиции. Однако бывали случаи, когда под видом политических эмигрантов и жертв гитлеровского режима, свою деятельность на территории других государств осуществляли специально обученные абвером шпионы³⁴.

Наиболее многочисленные немецкие меньшинства проживали в Восточной Европе: самые крупные – в Чехословакии (свыше 3 млн)³⁵, в Польше (около миллиона)³⁶ и Румынии

²⁹ *Smith Jr. A.L.* Op. cit. P. 91–92.

³⁰ *Lumans V.* Himmler's Auxiliaries: the Volksdeutsche Mittelstelle and the German National Minorities of Europe, 1933–1945. Chapel Hill, 1993. P. 75.

³¹ *Пономаренко Р.О.* «Советские немцы» и другие фольксдойче в войсках СС. М., 2014. С. 2.

³² *Lumans V.* Op. cit. P. 75.

³³ Бежали, чаще всего, во Францию, Голландию, Швейцарию, Чехословакию и США. Часть отправилась в страны Скандинавии, Латинской Америки и Азии. См.: *Dalman C.* Die Türkei in ihrer Modernisierungsphase als Fluchtland für Deutsche Exilanten: Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Politischen Wissenschaften am Otto-Suhr-Institut der Freien Universität Berlin. Vorgelegt in Mai 1998. Berlin, 2001. S. 26.

³⁴ Так, проживавшему на Кубе и выдававшему себя за еврейского беженца Х. Лунигу было поручено построить на острове радиостанцию, а также передавать в Берлин информацию о развитии судоходства в Карибском бассейне. Подробнее см.: *Schoonover Th.* Hitler's Man in Havana: Heinz Luning and Nazi Espionage in Latin America. Lexington, 2008.

³⁵ *Guttmann B.* Deutschlands künftige Grenzen. Überlegungen. Weinachten 1945 // Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten. Ursachen, Ereignisse, Folgen / hrsg. von W. Benz. Frankfurt-am-Main, 1995. S. 152; *Persson H.Å.* Rhetorik und Realpolitik. Großbritannien, die Oder-Neiße-Grenze und die Vertreibung der Deutschen nach dem Zweiten Weltkrieg. Berlin, 2001. S. 20–21.

³⁶ *Wynot Jr. E.D.* The Polish Germans, 1919–1939: National Minority in a Multinational State // The Polish Review. 1972. Vol. 17. № 1. P. 27.

(800 тыс.)³⁷. Относительно большие немецкие группы имелись и в других странах региона³⁸. В Западной Европе больше всего лиц немецкого происхождения насчитывалось во Франции: до 300–500 тыс.³⁹. Другие немецкие меньшинства и диаспоры на западе континента значительно уступали им по численности⁴⁰. На юге Европы самыми многочисленными были итальянские фольксдойче – только в Южном Тироле проживало около 200 тыс. немцев⁴¹. США, по разным данным, населяло в 1930-х гг. от 5 до 8–10 млн лиц немецкого происхождения, Канаду – около полумиллиона⁴². Немецкое население Латинской Америки составляло около 2 млн человек⁴³. Крупнейшей была немецкая диаспора в Бразилии (около 800 тыс.), на втором месте – в Аргентине (до полумиллиона) и на третьем – в Чили (до 100 тыс.)⁴⁴. В Африке проживали десятки тысяч немцев, больше всего – в ЮАС (около 35 тыс.) и Юго-Западной Африке (10 тыс.)⁴⁵. В Азии было 14–18 тыс.

³⁷ *Никифоров К.В.* Судьба общерегиональных национальных меньшинств на Балканах после Второй мировой войны // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / отв. ред. Е.П. Серапионова. М., 2014. С. 52–53.

³⁸ Около 600 тыс. – в Венгрии, полмиллиона – в Югославии, 60 тыс. – в Клайпедском крае и еще 30–40 тыс. – в остальной Литве, 60 тыс. – в Латвии и 20 тыс. – в Эстонии. *Пономаренко Р.О.* Указ. соч. С. 108–109; *Никифоров К.В.* Указ. соч. С. 52–53; *Lumans V.* Op. cit. P. 89, 101.

³⁹ *Zahra T.* The “Minority Problem” and National Classification in the French and Czechoslovak Borderlands // *Contemporary European History*. 2008. Vol. 17. № 2. P. 149, 139.

⁴⁰ Около 100 тыс. проживало в Голландии, 40 тыс. – в Дании (Северный Шлезвиг) и полсотни тысяч – в Бельгии (Эйпен-Мальмеди). *Moore B.* Nazism and German Nationals in the Netherlands, 1933–40 // *Journal of Contemporary History*. 1987. Vol. 22. № 1. P. 45; *Lumans V.* Op. cit. P. 122–124.

⁴¹ *Lumans V.* Op. cit. P. 76. А в Испании немецкая диаспора насчитывала до 20 тыс. человек в пик немецкой военной активности в стране в 1944–1945 гг. *Szanzajda A., Messenger D.A.* The German Secret State Police in Spain: Extending the Reach of National Socialism // *The International History Review*. 2018. Vol. 40. № 2. P. 11–13.

⁴² *Remak J.* “Friedens of the New Germany”: the Bund and German-American Relations // *The Journal of Modern History*. 1957. Vol. 29. № 1. P. 41; *Никитин В.А.* Указ. соч. С. 45; *Wagner F.J.* Op. cit. S. 246.

⁴³ *Строганова Е.Д.* Гитлеровская агентура в Латинской Америке // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 20–22 апреля 2016 г.) / ред. кол. А.А. Богдашкин и др. Воронеж, 2016. С. 246.

⁴⁴ *Bertonha J.F.* Op. cit.

⁴⁵ 2,5 тыс. – в Танганьике, около 300 человек – в Камеруне. *Балезин А.С.* Цивилизаторы в стране дикарей? Формирование и эволюция немецкой поселенческой

немцев⁴⁶. В Турции к 1939 г. находилось 2 тыс. немецких специалистов⁴⁷. В Иране на 1938 г. было около 1500 немецких граждан⁴⁸. На Дальнем Востоке самой большой была немецкая диаспора в Китае – около 5 тыс. человек⁴⁹. В Австралии насчитывалось до сотни тысяч жителей с немецкими корнями при 6,6 млн общего населения согласно переписи 1933 г.⁵⁰

Использование этого огромного человеческого ресурса для пропаганды германского фашизма и расширения влияния «Третьего рейха» по всему миру предполагало сочувствие немецких меньшинств и диаспор идейным установкам и политическим целям нацистов, а в идеале – полное принятие ими национал-социализма (по принципу каждый немец должен быть нацистом)⁵¹. К началу военной экспансии в Европе нацисты получили контроль над основными зарубежными немецкими группами. В годы Второй мировой войны с нацизмом ассоциировалось немецкое население в самых разных странах от Франции и Чехословакии⁵² до латино-

общины в Юго-Западной Африке / Намибии 1814–1990 гг. М., 1996. С. 156–157, 192–193.

⁴⁶ McKale D.M. The Nazi Party in the Fast East, 1931–45 // *Journal of Contemporary History*. 1977. Vol. 12. № 2. P. 291; Балезин А.С. Цивилизаторы в стране дикарей? С. 156–157, 193.

⁴⁷ На фоне бурного развития германо-турецкого сотрудничества с 1920-х годов в Турцию прибывали немецкие специалисты. Они были задействованы в экономических проектах, в реформах государственных структур, в реорганизации армии и полиции, в преобразованиях в образовательной сфере и т.д. См.: *Dalaman C.* Op. cit. S. 63, 66, 71, 93–94, 101, 107.

⁴⁸ В Иран немецкие специалисты активно приезжали с середины 1930-х гг., и также приняли участие в развитии страны. Среди них вояжеры, техники, инженеры, рабочие, агрономы, ветеринары, механики, преподаватели, военные специалисты и инструкторы, администраторы и другие. В Иране работали, в том числе представители немецких зарубежных групп. Приветствовался опыт работы немецких специалистов за границей. Подробнее см.: *Опишев А.Б.* Указ. соч.; *O'Sullivan A.* Op. cit. P. 15.

⁴⁹ McKale D.M. The Nazi Party in the Fast East... P. 301. В Японии в период пребывания нацистов у власти проживало от тысячи до 2700 немцев. См.: *Ayano Nakamura.* The Nazi Party and German Colonies in East Asia – Gleichschaltung and Localities // *Japan and Germany. Two Latecomers to the World Stage, 1890–1945* / eds. by K. Akira, T. Nobuo, E. Pauer. Vol. III: 'The Social Shocks of System Change'. Folkestone, 2009. P. 434, 456.

⁵⁰ Из них связи с Германией и знание немецкого языка сохранили не более 60 тыс. См.: *Perkins Jh.* Op. cit. P. 113, 111.

⁵¹ *Николаев С.И.* Бывшие колонии Германии в Африке в планах германского фашизма // Ташкентский университет. Труды. 1979. № 564: востоковедение, литературоведение, история. С. 115–116.

⁵² *Zahra T.* Op. cit. P. 144; *Прустпула Н.Н.* К вопросу о подходах Э. Бенеша и чехословацких национальных социалистов к выселению немцев из Чехословакии

американских государств⁵³. «Завоевание» немецких меньшинств и иммигрантских диаспор нацистами можно объяснить, с одной стороны, особенностями политического мировоззрения многих проживавших за границей немцев, их ревизионистскими настроениями и надеждами на улучшение своего положения при германской поддержке; а с другой – успехами политики НСДАП по их нацификации.

Специфика политической культуры немецкого зарубежья облегчала принятие если не всех, то, во всяком случае, многих идей германского фашизма. В первую очередь, речь идет о преобладании националистических настроений в среде проживавших за пределами Германии немцев, прежде всего в Восточной Европе, где немецкие меньшинства не были довольны своим положением⁵⁴. Националистический климат был характерен и для державшихся изолированно зарубежных немецких общин, как это было в Бразилии, Чили, Палестине⁵⁵. Националистические идеи находили отклик в среде новоприбывших немецких мигрантов⁵⁶. Память о неблагоприятных для немцев событиях и последствиях Первой мировой войны способствовала распространению чувств ущемленного национального самолюбия не только среди немецкого населения потерянных Германией территорий, но даже среди немецких мигрантов далеко от Европы⁵⁷.

При этом активность заграничных нацистских ячеек была нацелена на унификацию и укрепление солидарности внутри зарубежных немецких групп, а также на усиление их связей между собой и с Германией с целью консолидации глобального «фольксгемайншафта»⁵⁸. Эта установка вдохновляла представителей даже отдаленных диаспор (видимо, прежде всего, неуверенно чувствовавших себя в чуждом

(1938–1945 гг.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета / сост. Т.Н. Гончарова. СПб., 2012. № 8. С. 50–51.

⁵³ Veit P., Gaudig O. El Partido Alemán Nacionalsocialista en Argentina, Brasil y Chile // Estudios Interdisciplinarios de América Latina y el Caribe. 1995. Vol. 6. № 2. URL: <http://www7.tau.ac.il/ojs/index.php/eial/article/view/1194/1222>.

⁵⁴ Morgan Ph. Fascism in Europe, 1919–1945. London–New York, 2003. P. 30–31.

⁵⁵ Veit P., Gaudig O. Op. cit.; Schmidt H.D. Op. cit. P. 461.

⁵⁶ Только в США в 1919–1933 гг. эмигрировало 430 тыс. немцев. См.: Diamond S.A. The Years of Waiting: National Socialism in the United States, 1922–1933 // American Jewish Historical Quarterly. 1970. Vol. 59. № 3: America and Nazi Germany. P. 256.

⁵⁷ Так, в США нацистская пропаганда напоминала американским немцам об их положении в военные годы. Никитин В.А. Указ. соч. С. 58, 55–57.

⁵⁸ Ayano Nakamura. Op. cit. P. 432; Perkins Jh. Op. cit. P. 111.

окружении), например, в Канаде и на Дальнем Востоке⁵⁹. Линия на укрепление солидарности между представителями нации, где бы они ни жили, проводилась на мероприятиях различных объединений и нацистских организаций через культурные, пропагандистские, молодежные и прочие акции; причем с учетом местной специфики⁶⁰.

Фашистский лозунг национального возрождения и даже идея превосходства немцев над остальными нациями оказались близки многим представителям немецких миноритарных групп и диаспор. Известно, что нацисты не только обращались к традиционным антисемитским настроениям⁶¹, но и подогревали межнациональную напряженность с участием немецкого населения оспариваемых Германией территорий⁶². В случае с немецкими эмигрантскими группами нацисты смогли сыграть на их страхах перед ассимиляцией⁶³. Наконец, эффективна была и расистская пропаганда нацистов⁶⁴. По справедливому замечанию многих исследователей, расизм и национализм отождествлялись в немецкой культуре еще с подачи германских романтиков⁶⁵. При этом нацисты в угоду своих политических целей корректировали свои взгляды на расовую теорию⁶⁶.

⁵⁹ *Wagner F.J.* Op. cit. S. 247; *McKale D.M.* The Nazi Party in the East... P. 292.

⁶⁰ *Schmidt H.D.* Op. cit. P. 463; *Ayano Nakamura.* Op. cit. P. 445, 443.

⁶¹ *Hidden J., Smith D.J.* Looking beyond the Nation State: a Baltic Vision for National Minorities between the Wars // *Journal of Contemporary History.* 2006. Vol. 41. № 3. P. 397; *Kallis A.A.* Fascist Ideology: Territory and Expansionism in Italy and Germany, 1922–1945. London – New York, 2001. P. 41–42, 43, 46.

⁶² Как это было в случае с польско-немецким конфликтом в Данциге и в польской Верхней Силезии. Подробнее см.: *Schneiß W.* Flucht, Vertreibung und verlorene Heimat im früheren Ostdeutschland: Beispiele literarischer Bearbeitung. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1996. S. 36–37.

⁶³ *Schmidt H.D.* Op. cit. P. 464; *Wagner F.J.* Op. cit. S. 256.

⁶⁴ К примеру, в США нацисты пытались подогревать белый расизм и ненависть цветных к белым американцам. *Никитин В.А.* Указ. соч. С. 69–71.

⁶⁵ *Аникеев А.А., Кольца Г.И., Пуховская Н.Е.* НСДАП: идеология, структура и функции. Ставрополь, 2000. С. 15–16.

⁶⁶ Так, нацисты в своей пропаганде в Иране активно обращались к арийскому мифу, идее родства германских народов и иранцев. Европейская научная мысль проявляла интерес к ариям как к предкам европейских народов, мигрировавших в древности из Азии в Европу, с конца XVIII – начала XIX вв. Однако немецкие националисты развивали идею, согласно которой арийцы зародились именно в Северной Европе и оттуда мигрировали на Восток, где смешались с местными народами. В «Третьем рейхе» эти представления развивались учеными, использовались политиками и пропагандистами. Нацисты приветствовали националистические реформы в Иране, провозглашая их признаками процесса возрождения нации. Реза-шаха в нацистской пропаганде в стране даже сравнивали с Гитлером. Подробнее см.: *Оришев А.Б.* Указ. соч.; *Motadel D.* Iran and the Aryan Myth // *Perceptions of Iran:*

Перекочевавшие в фашистскую идеологию и практику ценности консерватизма и традиционализма также были укоренены в политическом мировоззрении немецких меньшинств и диаспор. Речь, в частности, идет о героизации прошлого нации, о приоритете общего перед личным, о ставке на силовые средства решения политических проблем⁶⁷. Эти установки нацистов в купе с их сотрудничеством со старыми элитами, буржуазией, промышленниками, армией, церковью способствовали формированию представлений о некоторой преемственности фашистского и традиционных авторитарных режимов⁶⁸. А ведь в немецком зарубежье преобладало консервативное политическое мышление и были распространены симпатии к германскому империализму – в самых разных немецких общинах от Латвии и Палестины до Бразилии⁶⁹. В то же время Веймарская политическая система вызывала отторжение у многих представителей зарубежных немецких меньшинств и диаспор⁷⁰. Им были близки призывы германских фашистов ликвидировать слабый веймарский режим, ассоциировавшийся с версальскими ограничениями и потерями Германии после Первой мировой войны⁷¹.

Многие немцы по всему миру разделяли антикоммунизм германских фашистов. Так, канадский исследователь Ф. Вагнер

History, Myths and Nationalism from Medieval Persia to the Islamic Republic / ed. by A.M. Ansari. London, 2014. P. 121–126, 127.

⁶⁷ Гриффин Р. Фашизм // Полис. Политические исследования. 2012. № 3. С. 142; De Grand A.J. Fascist Italy and Nazi Germany: the 'Fascist' Style of Rule. New York – London, 2004. P. 118–119; Ursprung D. Faschismus in Ostmittel- und Südostmitteleuropa: Theorien, Ansätze, Fragestellungen // Der Einfluss von Faschismus und Nationalsozialismus auf Minderheiten in Ostmittel- und Südosteuropa / hrsg. von M. Hausleitner und H. Roth. München, 2006. S. 23–28.

⁶⁸ Верующие в Италии и Германии поддерживали фашистские правительства ввиду осознания некоторых общих ценностей. De Grand A.J. Op. cit. P. 92. Все же отношения между фашизмом и церквями были напряженными. См. подробнее: Бровка Л.Н. Церковь и третий рейх. СПб., 2009.

⁶⁹ Шимкува Е. Организационная система прибалтийских немцев в буржуазной Латвии (1920–1934) // Германия и Прибалтика: Сборник научных трудов (международный) / отв. ред. П.Я. Крупников. Рига, 1988. С. 92–94; Schmidt H.D. Op. cit. P. 461; McKale D.M. The Swastika Outside Germany. Kent, 1977. P. 22–28, 63–74.

⁷⁰ Diamond S.A. Op. cit. P. 256; Penny H.G. Latin American Connections: Recent Work on German Interactions with Latin America // Central European History. 2013. Vol. 46. № 2. P. 381; Gertz R.E. Influencia política alemã no Brasil na década DE 1930 // Estudos Interdisciplinares de América Latina y el Caribe. 1996. Vol. 7. № 1. URL: <http://www7.tau.ac.il/ojs/index.php/eial/article/view/1186/1214>; Klein M. The Chilean Movimiento Nacional Socialista, the German-Chilean Community, and the Third Reich, 1932–1939: Myth and Reality // The Americas. 2004. Vol. 60. № 4. P. 599; Schmidt H.D. Op. cit. P. 461.

⁷¹ Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пухова Н.Е. Указ. соч. С. 59–64.

отмечает страхи членов немецкой организации Канады перед пролетаризацией и распространенность среди них антикоммунистических настроений⁷². Антикоммунизм фиксировался среди чилийских немцев, большей частью относившихся к среднему классу и испугавшихся установления социалистической республики в стране вначале 1930-х гг.⁷³. В Китае страх перед коммунизмом объединял немецких мигрантов с консервативно и националистически настроенными китайцами⁷⁴. Даже в далекой Австралии средний класс с пониманием относился к антикоммунизму нацистов⁷⁵.

К нацизму обращались представители зарубежных немецких групп, не принимавшие ни либеральной, ни социалистической модели; и тяжело переживавшие мировой экономический кризис⁷⁶. Многие представители немецкого зарубежья почувствовали на себе последствия кризисных явлений. В Нидерландах увольнение было решено начинать именно с иностранных рабочих, а в США – с недавно нанятых мигрантов (в обоих случаях среди них были и немцы)⁷⁷. С серьезными трудностями сталкивались немецкие фермеры в датском Северном Шлезвиге⁷⁸. Фашизм же, с одной стороны, позиционировал себя альтернативой существовавшим и пребывавшем в кризисе или отторгаемым системам, а с другой – находил сторонников благодаря социальному популизму в пропаганде⁷⁹. О реальной ситуации в гитлеровской Германии немецкие меньшинства, даже в соседней Польше, не говоря уже о немецких группах далеко от германских границ, осведомлены не были⁸⁰. У них вызывали восхищение рисуемые нацистскими пропагандистами картины жизни при фашистском режиме. Так, китайских немцев привлекали лозунги так называемого «бесклассового общества» и отсутствия препятствий для социального роста⁸¹. В Австралии средний класс

⁷² *Wagner F.J.* Op. cit. S. 265.

⁷³ *Klein M.* Op. cit. P. 598.

⁷⁴ *McKale D.M.* The Nazi Party in the Far East... P. 293–294.

⁷⁵ *Perkins Jh.* Op. cit. P. 113.

⁷⁶ *Blanke R.* Orphans of Versailles: the Germans in Western Poland, 1918–1939. Lexington, 1993. P. 164; *Wagner F.J.* Op. cit. S. 263.

⁷⁷ *Moore B.* Op. cit. P. 53; *Diamond S.A.* Op. cit. P. 262.

⁷⁸ *Lumans V.* Op. cit. P. 124.

⁷⁹ *Гриффин Р.* Указ. соч. С. 141–142; *De Grand A.J.* Op. cit. P. 97; *Ursprung D.* Op. cit. S. 23–31; *Нольте Э.* Фашизм в его эпоху. Новосибирск, 2001. С. 30–31; *Аникеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е.* Указ. соч. С. 59–64, 17–20.

⁸⁰ *Blanke R.* Op. cit. P. 164.

⁸¹ В фашистских режимах для разрешения межклассовых противоречий должны были использоваться инструменты корпоративизма. Подробнее см.: *Пинту А.К.* Фашизм, корпоративизм и создание авторитарных институтов в диктаторских го-

приветствовал очищение германских улиц от безработных и даже создание трудовых лагерей⁸². В реальности экономическая и социальная политика в гитлеровской Германии была принципиально иной⁸³.

Таким образом, многие причины популярности нацизма у представителей германской нации, где бы они ни проживали, универсальны: национализм и консерватизм немцев, неприятие ими Версальской системы и Веймарской демократии, воодушевление идеей возрождения империи, влияние последствий экономического кризиса. Однако за рубежом действовали также дополнительные факторы. Удаленность от Родины и ностальгия, трудности интеграции в стране проживания, напряженность в отношениях с основным населением – все это способствовало укреплению солидарности внутри зарубежных немецких групп, их ориентации на сохранение немецкой идентичности и связей с Германией. Причины особой ненависти представителей немецких меньшинств к Версальским соглашениям очевидны: перекройка карты после Первой мировой войны привела к тому, что многие немцы вопреки собственному желанию пополняли ряды немецкого зарубежья. Национализм старых поколений немецких диаспор подогревался также воспоминаниями об ограничениях времен мировой войны. Особая популярность идеи возрождения империи могла быть связана с идеализацией Второго Рейха (его образ переносился и на «Третий рейх»). Негатив к Веймарской республике у мигрировавших в межвоенные годы немцев мог быть связан с их негативным социальным опытом на Родине. Наконец, на настроения немецких меньшинств и диаспор особо повлиял экономический кризис, который зачастую особенно сильно ударял по мигрантам и миноритарным группам.

Обозначенные выше особенности политических предпочтений немецких меньшинств и диаспор делали их восприимчивыми

сударствах Европы в межвоенный период // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 73; *Богдашкин А.А.* Американская историография о последствиях Первой мировой войны и формирования послевоенного мироустройства для крупного бизнеса Германии, Франции и Италии // Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие: сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 16–17 мая 2018 г.) / отв. ред. А.А. Богдашкин. Воронеж, 2018. С. 31; *Ayano Nakamura*. Op. cit. P. 434.

⁸² *Perkins Jh.* Op. cit. P. 113.

⁸³ Подробнее см.: *Maier Ch.S.* In Search of Stability: Explorations in Historical Political Economy. Cambridge, 1987. P. 70–120; *Туз А.* Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики / пер. с англ. М., 2018.

к фашистским идеям в целом, а не только в форме германского национал-социализма. Это выразилось во вступлении немцев в фашистские и квазифашистские движения, а также в поддержке ими соответствующих режимов в стране проживания. В ряде государств сложилась ситуация, когда внутривластные (поддержка немецким меньшинством целей местных фашистов и интерес последних к немцам как социальной базе) и внешнеполитические обстоятельства (внешнеполитический авторитет Германии или зависимость от нее фашистских режимов) толкали немецкое население и местных фашистов в объятия друг другу.

Польские немцы вошли в состав, в том числе руководства, Национал-социалистической партии Польши (1934–1937)⁸⁴. Существовавшая в Венгрии фашистская партия «Скрещенные стрелы»⁸⁵ конкурировала со швабским Фольксбундом (немецкое объединение Венгрии) за привлечение в свои ряды венгерских немцев⁸⁶. Румынские немцы вступали в «Железную гвардию» К. Кодряну⁸⁷. У истоков чилийского национал-социалистического движения⁸⁸

⁸⁴ Кретицин С.В. Немцы в Польше. 1918–1939 гг. Тамбов, 2019. С. 154–155.

⁸⁵ Партия скрещенных стрел – национал-социалистическая партия Венгрии с широкой социальной базой. По итогам выборов 1939 г. она являлась второй по популярности после правящей партии, однако в этот период к власти ее не допустили. Лишь после государственного переворота 17 октября 1944 г. партия скрещенных стрел получила возможность сформировать прогерманское венгерское правительство, а ее лидер, Ф. Салаши, стал вождем венгерского народа. После войны руководители движения были осуждены как военные преступники, большая их часть была расстреляна.

⁸⁶ Пономаренко Р.О. Указ. соч. С. 109.

⁸⁷ Шорников П.М. Бессарабские немцы под властью Румынии: государство в государстве? // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 3(8). С. 156–158. Железная гвардия – румынская партия, взгляды представителей которой отличались крайним национализмом, антикоммунизмом, антикапитализмом и антисемитизмом. Важное место в идеологии движения занимало православное христианство. С сентября 1940 по январь 1941 гг. представители партии участвовали в управлении страной, в это время по Румынии прокатилась волна еврейских погромов. Однако после попытки путча Железная гвардия была разбита, многие были убиты или арестованы. Часть легионеров погибла на фронтах Второй мировой войны, остальные после войны были осуждены за свои преступления.

⁸⁸ Национал-социалистическое движение Чили – чилийское фашистское движение, идеологические предпочтения которого развивались от симпатий к германскому национал-социализму в сторону итальянского фашизма. Чилийские национал-социалисты придерживались идеей однопартийности и корпоративизма. После попытки путча национал-социалистическое движение в Чили попало под запрет.

стояли именно немецкие мигранты⁸⁹. Чилийские немцы вступали в ряды этого движения (по некоторым данным – 5 % в 1932–1935 гг.) и состояли в руководящем звене. Чилийские национал-социалисты пользовались поддержкой немецких колоний юга страны⁹⁰. Немецкие, как и итальянские, колонисты в южных штатах Бразилии (Санта-Катарина) симпатизировали интегралистскому движению⁹¹.

По ряду причин, в том числе, ввиду нацистской помощи фашистским движениям и превращения стран Восточной и Центральной Европы в сателлитов Германии, имели место взаимные симпатии. В Латвии фашистская организация Я. Штельмахера⁹² оказывала помощь местным немцам⁹³. Власти хортистской Венгрии сделали много уступок ставшему единственным представителем швабского населения страны пронацистскому Фольксбунду⁹⁴. Широкой свободой действий обладали немцы в Первой Словацкой республике⁹⁵. Многочисленными привилегиями пользовалось немецкое меньшинство в Независимом государстве Хорватия, провозглашенном фашистским хорватским движением усташей⁹⁶.

Однако все это противоречило изначальным идейным установкам фашизма, согласно которым миноритарные группы причисляются к так называемым агентам упадка, врагам нации⁹⁷. Это не могло ни отразиться в практике фашистов. Так, представители

⁸⁹ *Cardoso de Paula R.H.* As comunidades alemãs frente ao nazismo no Brasil e no Chile: uma História comparada // *Revista Trilhas da História*. Três Lagoas. 2016. Vol. 5. № 10. P. 86–87.

⁹⁰ *Klein M.* Op. cit. P. 614–615, 596–597.

⁹¹ *Rinke S.* Alemanha e Brasil, 1870–1945: uma relação entre espaços // *História, Ciências, Saúde – Manguinhos*. 2014. Vol. 21. № 1. P. 13, 9; *Gertz R.E.* Influência política alemã no Brasil na década DE 1930; *idem*. Descendentes de alemães no Rio Grande do Sul após a Segunda Guerra Mundial // *Anais do XXVIII Simpósio Nacional de História*. Florianópolis, 2015. P. 5; *Klein M.* Op. cit. P. 616.

⁹² Объединенная национал-социалистическая партия Латвии – латвийская крайне правая политическая партия, идеалом которой был германский фашизм. Бессменным председателем партии был Я. Штельмахер. После переворота 15 мая 1934 г. организация прекратила свою деятельность.

⁹³ *Панин Е.Н.* Деятельность националистического подполья в Латвии с июня 1940 по июнь 1941 г. // *Вестник ТГУ*. 2009. Вып. 1(69). С. 212–215.

⁹⁴ *Paikert G.C.* Hungary's National Minority Policies, 1920–1945 // *The American Slavic and East European Review*. 1953. Vol. 12. № 2. P. 216; *Пономаренко Р.О.* Указ. соч. С. 108–109, 84.

⁹⁵ *Лорман Т.* Цена независимости: фашизм в Словакии (1939–1945 гг.) // *Берегиня*. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 81–83; *Пономаренко Р.О.* Указ. соч. С. 141.

⁹⁶ *Lumans V.* Op. cit. P. 121.

⁹⁷ *Гриффин Р.* Указ. соч. С. 141–142.

созданной в Словакии в 1923 г. при Глинкова словацкой народной партии (ГСНП)⁹⁸ «Родобраны»⁹⁹ вначале выступали против и чешских переселенцев, и немецкого меньшинства¹⁰⁰. Режим Санации в Польше проводил полонизацию немецкого меньшинства, к тому же тогда ухудшились социально-экономические позиции польских немцев¹⁰¹. Литовские немцы испытали на себе последствия националистического курса диктатора А. Сметоны¹⁰². Требования бразильских интегралистов и чилийских национал-социалистов ассимилировать мигрантов стали непреодолимым препятствием в отношениях латиноамериканских фашистов с немецкими колонистами¹⁰³.

Итак, во многом привилегии немецких меньшинств и их дружба с местными фашистскими движениями и режимами во многом были связаны со степенью влияния гитлеровской Германии в соответствующих странах. Однако нацисты далеко не всегда считали нужным платить за поддержание особого статуса зарубежных немецких групп ухудшением межгосударственных отношений.

Особые дружественные отношения страны проживания с «Третьим рейхом» не гарантировали немецким меньшинствам решения всех их проблем. При Муссолини в населенном немцами Южном Тироле активно шли ассимиляционные процессы¹⁰⁴. После

⁹⁸ Глинкова словацкая народная партия – клерикально-националистическая словацкая партия Словакии, функционировавшая еще в Австро-Венгрии. В чехословацком государстве выступала за автономию Словакии. В идеологию ГСНП постепенно проникали идеи итальянского фашизма и австрофашизма. В государстве-сателлите гитлеровской Германии, первой Словацкой республике, ГСНП стала единственной и главной коллаборационистской политической партией в стране. Социальная база партии формировалась из представителей католического духовенства, предпринимателей и интеллигенции.

⁹⁹ Родобрана – полувоенная организация Словацкой народной партии 1923–1927 гг., сформированная по примеру отрядов итальянских фашистов и занимавшаяся охраной мероприятий партии. По образцу распушенной чехословацкими войсками в 1927 г. Родобраны в 1938 г. была создана Глинкова гвардии.

¹⁰⁰ Лорман Т. Указ. соч. С. 79–80.

¹⁰¹ Кретицин С.В. Немцы в Польше. С. 101–111.

¹⁰² А. Сметона стал президентом Литвы через несколько дней после госпереворота 1926 г. При нем была прекращена деятельность немецких партии и культурного объединения. *Lumans V.* Op. cit. P. 89.

¹⁰³ *Rinke S.* Op. cit. P. 13, 9; *Gertz R.E.* Influencia política alemã no Brasil na década DE 1930; *Gertz R.* Descendentes de alemães no Rio Grande do Sul após a Segunda Guerra Mundial. P. 5; *Klein M.* Op. cit. P. 616; *Cardoso de Paula R.H.* Op. cit. P. 86–87; *Schulze F.* Op. cit. P. 410.

¹⁰⁴ Хоспис Б. Автономия Южного Тироля: путь немецкого меньшинства в Италии // Российские немцы и национальные меньшинства Европы: материалы междуна-

фашистского переворота в Эстонии¹⁰⁵ все больше ограничивалась культурная автономия меньшинств¹⁰⁶. После оккупации венграми бывших югославских и румынских территорий условия жизни проживавших там юго-восточных этнических немцев изменились в худшую сторону¹⁰⁷. На положении зарубежных немецких групп отражалось ухудшение отношений стран их проживания с Рейхом. Так, после переориентации Германии на Японию правительство Чан Кайши начало аресты и конфискации имущества китайских немцев. Еще в 1942 г. на фоне японо-германских разногласий вокруг контроля над Голландской Ост-Индией и Французским Индокитаем деятельность ячейки НСДАП и передвижения немцев в Японии были ограничены. А после капитуляции Германии положение японских немцев резко ухудшилось¹⁰⁸.

Все же важнейшей проблемой являются симпатии зарубежных немецких групп именно к германскому фашизму, ведь вокруг немецкого зарубежья выстраивались многие планы и практики нацистской экспансии. Прежде всего, это было характерно для нацистской политики в Центральной и Восточной Европе¹⁰⁹. Однако имели место опасения использования Берлином немецких мигрантов в своих агрессивных целях в разных уголках мира, например, в США¹¹⁰. По данным общественных опросов, американские немцы, в сравнении с остальным населением страны, благосклоннее относились к идее возвращения Германии колоний, меньше поддерживали вступление США в войну с Рейхом и больше доверяли германским СМИ¹¹¹.

Сильнейшее влияние на отношение к гитлеровской Германии и германскому фашизму проживавших за пределами страны немцев

ной научно-практической конференции «Будущее российских немцев...» (Москва, 19–21 октября 1994 года). М., 1995. С. 163.

¹⁰⁵ Имеется в виду государственный переворот 1934 г. под руководством К. Пятса.

¹⁰⁶ Эстонские немцы теряли управление над национальными школами. Подробнее см.: Райд Я. Указ. соч. С. 39–42; Шимкува Е. Указ. соч. С. 14–15; Lumans V. Op. cit. P. 102.

¹⁰⁷ Пономаренко Р.О. Указ. соч. С. 109–115; Lumans V. Op. cit. P. 111.

¹⁰⁸ McKale D.M. The Nazi Party in the Fast East... P. 303, 305–306; Ayano Nakamura. Op. cit. P. 456.

¹⁰⁹ Пилько Н.С. Национальные организации немцев в Словении в 30-е годы XX века // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. Вып. 1. М., 2003. С. 88–89.

¹¹⁰ Никитин В.А. Указ. соч. С. 49.

¹¹¹ Retak J. "Friedens of the New Germany": the Bund and German-American Relations // The Journal of Modern History. 1957. Vol. 29. № 1. P. 40–41.

оказали установки и успехи внешней политики нацистов. Включение области проживания немецкого меньшинства в состав Германии, возвращение колониальных владений, получение автономии или привилегий под германских покровительством – все это, как рассчитывали представители немецкого зарубежья, должно было привести к улучшению их положения¹¹². Многие среди них с воодушевлением встретили нацистские установки сделать Германию сильной и возродить империю, а особенно – объединить проживавших на пространстве бывших Германской и Австро-Венгерской империй немцев¹¹³. Успешные действия нацистов в этом направлении обеспечивали их новыми сторонниками¹¹⁴. Даже в Чили немецкие мигранты были впечатлены ростом внешнеполитического влияния Германии при нацистах¹¹⁵. Еще больший эффект оказывался на менее удаленные немецкие общины, в которых после каждой очередной внешнеполитической победы нацистов усиливались стремления к воссоединению с Германией: так на судетских немцев повлиял «аншлюс» Австрии, на немцев Юго-Западной Африки – возвращение Саара Германии¹¹⁶.

Согласно выводам современного британского историка А.А. Каллиса, национал-социалисты в своей внешнеполитической стратегии взяли на вооружение консервативные германские экспансионистские цели (поддержка немецкого ирредентизма, колониальная экспансия, экономическое проникновение) и радикализировали их, превратив в первый этап более масштабных экспансий. С этим связывается, в частности, широкое принятие консервативными немецкими элитами внешнеполитических акций нацистов вплоть до 1938–1939 гг. В то же время историк подчеркивает, что ради решения первоочередных в конкретной ситуации задач, германские

¹¹² Яркий пример – настроения польских немцев, разочаровавшихся в версальской системе защиты их прав, и увидевших в нацистской политике единственно действенный инструмент решения своих проблем. См.: *Blanke R.* Op. cit. P. 163.

¹¹³ *Jacobsen H.A.* Die Gründung der Auslandsabteilung der NSDAP (1931–1933) // *Gedenkschrift Martin Göhrling*. Wiesbaden, 1968. S. 362–363; *Фелдманис И.* Апологетизация основных направлений внешнеполитического курса фашистской Германии в немецкой прессе буржуазной Латвии (1933–1939) // *Германия и Прибалтика. Межведомственный сборник научных трудов*. Латвийский государственный университет им. П. Стучки. Рига, 1978. С. 18–19; *Бандурин М.А., Черноперов В.Л.* Мюнхенский сговор 1938 г. как кризис британской и германской дипломатии (Попытка нового прочтения) // *Вестник Ивановского государственного университета*. 2011. Вып. 4. С. 12.

¹¹⁴ *Kallis A.A.* Op. cit. P. 41–42; *De Grand A.J.* Op. cit. P. 120.

¹¹⁵ *Klein M.* Op. cit. P. 599.

¹¹⁶ *Бандурин М.А., Черноперов В.Л.* Указ. соч. С. 17; *Балезин А.С.* Цивилизаторы в стране дикарей? С. 180–181.

фашисты, во всяком случае, временно, могли отказываться от поддержки немецкого ревизионизма и ирредентизма¹¹⁷.

Зарубежные пронацистские и ревизионистские немецкие группы не всегда получали помощь от гитлеровской Германии, как вблизи от германских границ, так и далеко за их пределами. Так в случае со Швейцарией Берлину было важнее иметь добрые отношения с Берном, чем поддерживать немногочисленные пронацистски настроенные группы швейцарцев. Поэтому с последними Германия разорвала связи. В похожей ситуации (и по той же причине сохранения германо-швейцарской дружбы) оказалось пронацистское движение в Лихтенштейне, представители которого в марте 1939 г. даже попытались совершить госпереворот¹¹⁸.

История колониальных требований германских фашистов также хорошо иллюстрирует идею о том, что ревизионизм во внешнеполитической линии нацистов играл подчиненную роль. Идеи возвращения бывших колоний Германии получили распространение среди немецкой общины ЮЗА¹¹⁹. Они даже проникли в далекие и малочисленные немецкие диаспоры на тихоокеанских островах¹²⁰. Нацисты, с одной стороны, продолжили веймарскую политику постепенного усиления немецкого присутствия в колониях и дипломатической борьбы за возвращение колониальных владений¹²¹. Однако исследователи, в основном, сходятся в том, что колониальные требования были нужны нацистам для иллюстрации

¹¹⁷ Kallis A.A. Op. cit. P. 136, 15–16, 112–113, 104–106, 114–115; Blanke R. Op. cit. P. 180–181.

¹¹⁸ Lumans V. Op. cit. P. 122–123.

¹¹⁹ Bertelsmann W. Die deutsche Sprachgruppe Südwestafrikas in Politik und Recht seit 1915 / hrsg. von der SWA Wissenschaftlichen Gesellschaft mit geldlichen Unterstützung der Interessengemeinschaft Deutschsprachiger Südwestler. Windhoek, 1979. S. 1; Балезин А.С. Цивилизаторы в стране дикарей? С. 180–181, 248.

¹²⁰ Например, в работе австралийской исследовательницы К. Винтер читателем о немце, планировавшем при помощи антианглийски настроенных самоанцев свергнуть новозеландские власти и объявить о переходе острова Самоа Германии. Эта идея не получила широкой поддержки немецкой общины острова. Также автор упоминает о косвенно подтверждавшем ожидания возвращения бывших тихоокеанских колоний Германии интересе немцев региона к возможности получения германского гражданства. Подробнее см.: Winter Ch. National Socialism and the German (Mixed-Race) Diasporas in Oceania // Europa jenseits der Grenzen / hrsg. von M. Mann, J.G. Nagel. Heidelberg, 2015.

¹²¹ Лом Г. Вторжение в Восточную Африку. М., 1971. С. 104–105, 99–100; История германского колониализма в Африке / пер. с нем. М., 1983. С. 286–287, 306–308; Бем К.Ю. Политика Германии в отношении ее бывших колониальных владений в бассейне Тихого океана (1918–1941) // Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран: Сборник научных трудов. Вып. 7. М., 2009. С. 24–25.

идеи несправедливости Версальской системы, а также как козырь в переговорах с англичанами. Своей же первоочередной целью, хотя в то же время и условием решения колониального вопроса, германские фашисты видели достижение господства в Европе¹²².

На Ближнем Востоке нацисты, как и их предшественники, веймарские политики, так открыто и не поддерживали арабских националистов, надеявшихся получить в лице Германии союзника в борьбе против англичан и французов для пересмотра оформившего мандатную систему Версальского договора. Сначала Берлин рассчитывал на мирный пересмотр Версальской системы, что требовало признания незыблемости позиций англичан и французов в регионе. Затем нацисты не хотели, чтобы их отношения с англичанами пострадали в случае обвинения Германии в поддержке арабского национализма, в распространении фашизма в регионе¹²³. Даже акции, направленные на популяризацию немецкой культуры, проводились осторожно, дабы не вызвать опасения правительств соответствующих стран¹²⁴. Руководство Турции и Ирана также видели в Германии противовес ведущим мировым державам, имевшим прямые интересы в регионе, прежде всего, Советскому Союзу и Великобритании. При нацистах торговля с турками и иранцами заметно активизировалась¹²⁵. Германия поставляла, преимущественно, оборудование, а получала – сырье¹²⁶. Турция в годы Второй мировой войны придерживалась нейтралитета. Однако представители пантюркизма выступали за поддержку Германии в ее войне против СССР, чтобы получить возможность реализовать свой проект тюркоязычной федерации за счет советских территорий. Известно об идеях нанесения Германией удара по английским коммуникациям и владениям через Турцию. До

¹²² Müller J. Hitler, Lateinamerika und die Weltherrschaft. S. 69–70; История германского колониализма в Африке. С. 280–281, 286–287; Kallis A.A. Op. cit. P. 129–130; Урывский А.П. Колониальная политика нацистского руководства Германии и региональные конфликты 30-х гг. XX в. // Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. и Европа (к 70-летию окончания): Мат. научн. семинара / под ред. В.В. Малай. Белгород, 2010. С. 92.

¹²³ Nicosia F. Op. cit. P. 352–353, 355.

¹²⁴ Nordbruch G. Op. cit. P. 32.

¹²⁵ Уже с 1920-х гг. активизировалось германо-турецкое экономическое сотрудничество. В 1930 г. 21 % импорта Турции приходился на Германию. См.: Dalaman C. Op. cit. S. 65–66. Также Германия стала к 1937 г. вторым по объемам внешнеторговым партнером Ирана. Подробнее см.: Оришев А.Б. Указ. соч.

¹²⁶ В Турцию из Германии шли машины и военная продукция, а важным для немцев пунктом экспорта из Турции был хром. См.: Dalaman C. Op. cit. S. 67–70.

этого не дошло, однако турки пропускали через проливы немецкие транспорты с военными грузами, и продолжали торговать с немцами вплоть до августа 1944 г.¹²⁷ Стратегически важным был для нацистов и Иран¹²⁸. Господство немцев в Иране поставило бы под угрозу советское Закавказье, английские позиции на Ближнем Востоке и в Индии, безопасность коммуникаций союзников. Такое развитие событий предотвратила англо-советская операция¹²⁹. Очередь до Турции и Ирана у нацистов так и не дошла, ведь первостепенной задачей Гитлер видел войну против Советского Союза¹³⁰.

Даже в Восточной Европе, с событиями в которой, в первую очередь, ассоциируется поддержка нацистами ирредентизма и ревизионизма немецких меньшинств, развитие ситуации диктовалось внешнеполитическими и военными расчетами. Судето-немецкое направление превратилась в одно из важнейших в гитлеровской внешней политике лишь с конца 1937 г., ведь вначале было решено провести «аншлюс» Австрии¹³¹. Ожидания мемельских немцев на возвращение в состав Рейха также стимулировал «аншлюс» Австрии, однако до решения чехословацкого вопроса, Берлин пытался удержать их от радикальных шагов¹³². Время пришло в марте 1939 г., когда Клайпедский край был передан Германии¹³³. После этого многие балтийские немцы, желавшие при помощи нацистов вернуть себе былые привилегии и власть, ожидали новых германских аннексий в Прибалтике. Однако на тот момент это шло в разрез с нацистскими планами: руководство Рейха с целью германизации оккупированных восточных территорий задумало переселить туда фольксдойче, в том числе из балтийских государств¹³⁴.

¹²⁷ *Dalaman C.* Op. cit. S. 61–64, 67–70, 75–84.

¹²⁸ В войне против СССР и Великобритании могли использоваться иранское воздушное пространство и порты. Подробнее см.: *Оришев А.Б.* Указ. соч.

¹²⁹ *O'Sullivan A.* Op. cit. P. 25–26.

¹³⁰ *Ibid.* P. 11.

¹³¹ *Kallis A.A.* Op. cit. P. 118–121; *Мартюшев А.В.* Территориальные претензии Германии, Венгрии и Польши к Первой Чехословацкой республике в современной отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 131–132.

¹³² *Lumans V.* Op. cit. P. 90–91.

¹³³ *Арбушаускайте А.Л.* Некоторые специфические эпизоды аншлюса Клайпеды / Мемеля в марте 1939 г. // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 38–39.

¹³⁴ *Фелдманис И.* Указ. соч. С. 31; *Райд Я.* Указ. соч. С. 41–42, 35–36, 43–44; *Шимкува Е.* Указ. соч. С. 21–22.

В отношении испаноязычных и латиноамериканских стран нацисты делали упор не на распространении здесь нацизма, а на решении внешнеполитических и экономических задач¹³⁵. Внезапный всплеск интереса германских фашистов к Испании обычно связывают с открывавшимися в условиях поддержки немцами испанских мятежников возможностями¹³⁶. Латинская Америка не относилась к числу приоритетных направлений внешней политики нацистов. В их стратегии в отношении западного полушария важнейшее место отводилось Соединенным Штатам. В нацистских представлениях о миропорядке США занимали господствующее положение в Новом Свете. Известна идея договориться с руководством США о разделении сфер интересов и невмешательстве в дела по принципу: Европа для Германии, а Америка для США. В литературе это связывается с тем, что войну против американцев нацисты откладывали на отдаленную перспективу. Однако развитие событий Второй мировой войны привело к тому, что уже с середины 1941 г. интерес нацистов к Южной Америке, вотчине США, усилился. Все же главной целью нацистов в регионе было экономическое сотрудничество и недопущение вступления латиноамериканских стран в войну. Территориальная экспансия или пропаганда нацизма в Латинской Америке не были первостепенными задачами¹³⁷.

Наконец, союзнические отношения между «Третьим рейхом» и страной проживания немецкого меньшинства или диаспоры зачастую становились препятствием для реализации ревизионистских и ирредентистских устремлений последних. Так, ради одобрения Римом его австрийской политики Гитлер решил отказать воодушевленным

¹³⁵ *Leitz Ch. Nazi Germany and the Luso-Hispanic World // Contemporary European History. 2003. Vol. 12. № 2. P. 185.*

¹³⁶ А именно – укрепить статус гитлеровской Германии как главного мирового антикоммунистического центра; не допустить союза между Испанской республикой и Францией (возможно, и СССР); обеспечить дружественный Третьему рейху режим к югу от Франции (и получить на этом фоне больше возможностей сконцентрироваться на востоке континента); использовать испанские территории для переброски войск в Африку и действий против британского Гибралтара; получить из страны сырье. *Whealey R.H. Hitler and Spain: The Nazi Role in the Spanish Civil War, 1936–1939. Lexington, 2015. P. 11; Bowen W. Op. cit. P. 23, 15; Leitz Ch. Nazi Germany's Intervention in the Spanish Civil War and the Foundation of HISMA/ROWAK // The Republic Besieged: Civil War in Spain 1936–1939 / eds. by P. Preston and A.L. Mackenzie. Edinburgh, 1996. P. 60–61, 64–66; Szanajda A., Messenger D.A. Op. cit. P. 1; Viñas A., Collado Seidel C. Franco's Request to the Third Reich for Military Assistance // Contemporary European History. 2002. Vol. 11. № 2. P. 191–210.*

¹³⁷ *Müller J. Hitler, Lateinamerika und die Weltherrschaft. P. 77–78, 85–88, 67–68, 91–96, 99–100; Leitz Ch. Nazi Germany and the Luso-Hispanic World... P. 183.*

«аншлюсом» южно-тирольским немцам в «возвращении в Рейх»¹³⁸. Данию германские фашисты изначально видели дружественной и близкой в расовом отношении страной, поэтому немцам Северного Шлезвига предписывалось поддерживать хорошие отношения с датчанами и отказаться от ирредентизма¹³⁹. Надежды карпатских немцев превратиться вслед за судетскими в граждан «Третьего рейха» не вписались в гитлеровскую политику в отношении Чехословакии¹⁴⁰. Немцы Баната и Трансильвании были разочарованы вхождением территорий их проживания в состав Венгрии¹⁴¹. Также гитлеровская Германия решила не омрачать своих отношений с милитаристской Японией претензиями на бывшие тихоокеанские колонии¹⁴².

Таким образом, ревизионистские лозунги нацистов оказали заметное влияние на популярность нацизма в немецком зарубежье; однако для самих германских фашистов ревизионизм был не самоцелью, а лишь одним из инструментов их внешней политики¹⁴³. Хотя своим рождением реваншизм проигравших Первую мировую войну стран и обязан, во многом, именно обострению проблемы национальных меньшинств в межвоенной Европе¹⁴⁴.

Требовали ли при этом нацисты от немецкого зарубежья верности германскому фашизму? Известна обозначенная Гитлером схема, согласно которой зарубежные немецкие группы должны делиться на радикальную и лояльную половины: первая даст повод нацистам вмешиваться в дела страны их проживания, а через вторую можно налаживать межгосударственное сотрудничество¹⁴⁵. С этим, в частности, связана и осторожность германских фашистов в нацификации немецкого зарубежья: эти процессы не должны были навредить отношениям соответствующих стран с Рейхом в случае с немецкими мигрантами в Латинской Америке, в США¹⁴⁶.

Представляется, что это лишь тактические отступления нацистов, а их стратегия предполагала наличие верных зарубежных

¹³⁸ Немецкое население Южного Тироля ожидало выселения. *Whealey R.H.* Op. cit. P. 9; *Kallis A.A.* Op. cit. P. 118–121; *Нольте Э.* Указ. соч. С. 290; *Lumans V.* Op. cit. P. 76–77; *Хосп Б.* Указ. соч. С. 166–168, 164.

¹³⁹ *Lumans V.* Op. cit. P. 124–126.

¹⁴⁰ *Ibid.* P. 88.

¹⁴¹ *Ibid.* P. 114.

¹⁴² *Бем К.Ю.* Указ. соч. С. 27–29.

¹⁴³ *Lumans V.* Op. cit. P. 73.

¹⁴⁴ *Morgan Ph.* Op. cit. P. 29–30.

¹⁴⁵ *Григорьян Ю.М.* Германский империализм в Латинской Америке (1933–1945). М., 1974. С. 144–146.

¹⁴⁶ *Cardoso de Paula R.H.* Op. cit. P. 73, 80; *Remak J.* Op. cit. P. 39–41.

немецких групп. Важность немецкого зарубежья для экспансионистских проектов германских фашистов сложно переоценить хотя бы ввиду того, что понятие нации в национал-социализме имело биологическую интерпретацию. Этим объясняется скепсис нацистов в отношении возможности германизации народов культурными средствами¹⁴⁷. Нацисты стремились к германизации не народов (приговоренных фашистами к выселению или уничтожению), а территорий, то есть к заселению захваченных пространств немцами. Для этого должны были использоваться, как видно на примере акции «Домой в Рейх», в том числе, проживавшие за пределами Германии лица немецкого происхождения¹⁴⁸. Это обстоятельство, как отмечается в литературе, способствовало усилению позиций зарубежной организации НСДАП¹⁴⁹.

В том числе по этой причине, одной из важнейших целей политики германских фашистов в отношении немецких меньшинств и диаспор была их нацификация, проводившаяся различными средствами. Проще всего ряды сторонников нацизма в немецком зарубежье пополнялись за счет эмиграции лиц, либо уже настроенных пронацистски, либо в силу ряда причин (например, социальных) восприимчивых к нацистской пропаганде. Исследователи отмечают популярность национал-социализма среди новых тогда поколений мигрантов, бежавших от последствий Первой мировой войны и всемирного экономического кризиса¹⁵⁰. Среди выезжавших были и убежденные нацисты, многим из которых предстояло стать лидерами зарубежных немецких общин¹⁵¹.

Временные миграции лиц немецкого происхождения на свою историческую родину также способствовали их заражению нацистскими идеями. Заграничная немецкая молодежь выезжала в Германию для получения образования¹⁵². В Рейхе велась и специализированная подготовка зарубежных кадров: в школе Германской

¹⁴⁷ Kallis A.A. Op. cit. P. 43.

¹⁴⁸ Анукеев А.А., Кольга Г.И., Пуховская Н.Е. Указ. соч. С. 253–257.

¹⁴⁹ Smith A.L.Jr. Op. cit. P. 94.

¹⁵⁰ Esser T. Deutsche in Lateinamerika // Torsten Esser – Journalist & Autor. URL: <http://www.torstenesser.de/downloadtext/Deutsche%20in%20Lateinamerika.pdf>. S. 2; Gertz R.E. Influencia política alemã no Brasil na década DE 1930; Струганова Е.Д. Указ. соч. С. 243–244; Нукитин В.А. Указ. соч. С. 58–60; Moore B. Op. cit. P. 52; Wagner F.J. Op. cit. S. 264.

¹⁵¹ Klein M. Op. cit. P. 599.

¹⁵² Schmidt H.D. Op. cit. P. 461. Причем учиться в Германию приезжали даже из самых удаленных немецких общин, например, из Самоа. См. об этом: Winter Ch. Op. cit.

заграничной лиги, в Германском иностранном институте в Штутгарте, в институтах миссионеров в Тюбингене и Вюрцбурге, в институте тропической гигиены в Гамбурге, в колониальной школе в Бремене, в имперских школах невест¹⁵³. Находившиеся за рубежом германские граждане для прохождения воинской службы зачастую отправлялись в Рейх, к примеру, из ЮЗА¹⁵⁴. Наконец, члены и, особенно, лидеры зарубежных нацистских и пронацистских организаций часто приезжали в Германию на нацистские мероприятия, встречались в Рейхе с видными фашистскими деятелями¹⁵⁵.

Важнейшей формой утверждения нацизма среди немецких меньшинств и диаспор была нацификация их объединений, являвшихся нервными узлами общественной, культурной и хозяйственной жизни немецкого зарубежья. В руководство зарубежных немецких организаций продвигались сторонники нацизма. На фашистский лад перекраивались принципы комплектования, организации и функционирования заграничных немецких объединений. Вводились нацистская атрибутика и практики. Эти процессы охватили большинство зарубежных немецких общественных, экономических, религиозных, культурных, спортивных, молодежных и женских организаций¹⁵⁶. В заграничных немецких школах обучение велось по выдержанным в национал-социалистическом духе программам, были введены нацистские воспитательные практики (военные игры и походы)¹⁵⁷. Нацистское мировоззрение распространялось, в том числе через действовавшие за границей немецкие вузы, такие, как институт Гердера в Латвии¹⁵⁸.

¹⁵³ Никитин В.А. Указ. соч. С. 47, 57; Николаев С.И. Указ. соч. С. 115; Лот Г. Указ. соч. С. 104–105.

¹⁵⁴ Николаев С.И. Указ. соч. С. 116.

¹⁵⁵ Wagner F.J. Op. cit. S. 249. В Нюрнберг приглашали и представителей других фашистских, профашистских и националистических течений, например, молодежного движения Египта. Подробнее см.: Wild S. National Socialism in the Arab Near East between 1933 and 1939 // Die Welt des Islams. 1985. Bd. XXV. № 1/4. S. 136; McKale D.M. The Nazi Party in the Fast East... P. 294.

¹⁵⁶ Aufbau der Auslands-Organisation der NSDAP // Regionales Archiv zur Dokumentation des antiautoritären Sozialismus – RADAS Hamburg // Archiv Karl Roche. URL: <https://archivkarlroche.wordpress.com/schwarzrotbuch-1937aufbau-nsdap-auslandsorganisation/>; Григорьян Ю.М. Указ. соч. С. 120.

¹⁵⁷ Veit P., Gaudig O. Op. cit.; Григорьян Ю.М. Указ. соч. С. 108–109; Wagner F.J. Op. cit. S. 257.

¹⁵⁸ Стродс Х. Источники финансирования и основные направления деятельности Общества и Института Гердера в Риге (1921–1939) // Германия и Прибалтика: Сборник научных трудов (межведомственный) / отв. ред. П.Я. Крупников. Рига, 1988. С. 97–102.

Наконец, важнейшим средством нацификации была пропаганда, одной из главных задач которой было формирование положительного образа национал-социализма и гитлеровской Германии в общественном сознании, как основного, так и немецкого населения зарубежных стран¹⁵⁹. Эксплуатировались темы и общие для всех немцев, и волнующие, в первую очередь, проживавших за рубежом: возрождение нации, антикоммунизм, притеснения немцев за границей, объединение всех немцев. В пропаганде шло восхваление Гитлера, прививалась гордость за нацистскую Германию, обосновывались внешнеполитические шаги фашистов (равноправием наций, правом на самоопределение), велась борьба с антинацистскими выпадами за рубежом, критиковались противники нацистов (или даже власти страны проживания, например, в Судетах)¹⁶⁰. Нацистской пропагандой за границей занимались официальные дипломатические и торговые представители Рейха и заграничные отделения различных германских организаций, филиалы НСДАП, пронацистские зарубежные немецкие организации, СМИ немецких меньшинств и диаспор¹⁶¹. Пропагандистскую деятельность вели и отдельные лица¹⁶².

Главным доказательством успехов утверждения нацизма в немецком зарубежье и то же время основным инструментом его распространения была деятельность здесь пронацистских и нацистских организаций. Особое значение имели ячейки НСДАП. Они координировались из общего центра, были наиболее тесно связаны

¹⁵⁹ Райд Я. Указ. соч. С. 37; Фелдманис И. Указ. соч. С. 17–18; Szanajda A., Messenger D.A. Op. cit. P. 2.

¹⁶⁰ Крупская С.Ю. Кризис Версальской системы и нацистская пропаганда (чехословацкая проблема, 1938 г.) // Первая мировая война, Версальская система и современность. Сборник статей / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов, А.А. Малыгина. СПб., 2014. С. 364–365; Санжиева Л.Б. Роль радиовещания в развитии международного информационного обмена в 30-е гг. XX в. // Власть. 2008. № 9. С. 65–66; Григорьян Ю.М. Указ. соч. С. 104; Фелдманис И. Указ. соч. С. 19–22; McKale D.M. The Nazi Party in the Fast East... P. 294.

¹⁶¹ См. подробнее: Gullberg E. Das Verhältnis Schwedens zu Deutschland 1933/1945 // Internationales Jahrbuch für Geschichtsunterricht. 1961/62. Bd. 8. S. 250–251; Григорьян Ю.М. Указ. соч. С. 93, 101, 107–108; Крупская С.Ю. Указ. соч. С. 364–365; Wagner F.J. Op. cit. S. 256; Moore B. Op. cit. P. 64; Райд Я. Указ. соч. С. 37; Фелдманис И. Указ. соч. С. 15–18; Rinke S. Op. cit. P. 11.

¹⁶² Так, в Иране немецкий специалист, получивший должность директора по строительству железнодорожных сооружений в министерстве путей сообщения, занимался пропагандой и разведкой в пользу «Третьего рейха». См.: Опишев А.Б. Указ. соч.

с Рейхом и действовали по всему миру¹⁶³. Приход нацистов к власти привел к активизации вступления в НСДАП за рубежом¹⁶⁴. Наряду с идейными сторонниками¹⁶⁵ в партию пошли по прагматическим соображениям ради личных и карьерных выгод¹⁶⁶. Если в сентябре 1930 г. в заграничных отделениях НСДАП состояло около 300 человек, то к 1937 г. – 29 тыс. (548 ячеек в 83 странах)¹⁶⁷. Формально в партию за рубежом могли вступать лишь граждане Германии¹⁶⁸. Однако амбиции филиалов НСДАП постоянно росли. Интегрировавшись в структуру МИД, они стали претендовать на ответственность не только за членов партии, но и за всех проживавших за границей германских граждан и даже всех лиц немецкого происхождения¹⁶⁹.

Сеть филиалов нацистской партии охватила все регионы мира. Нидерландская ландесгруппа (объединение всех членов нацистской партии в стране) была второй по численности в мире: в 1937 г. она насчитывала 1925 членов¹⁷⁰. Крупные нацистские отделения действовали в Австрии (1678), Швейцарии (1364), Италии (1076), Польше и Чехословакии (свыше тысячи членов в каждой из стран)¹⁷¹. В Европе сильные позиции обеспечила себе ячейка НСДАП в Испании. Именно представители отделения партии в испанском Марокко попросили у Гитлера поддержки для испанских мятежников. В итоге проживавшие в Испании члены нацистской партии стали играть важную роль в политических, военных и экономических германо-испанских контактах¹⁷².

¹⁶³ Григорьян Ю.М. Указ. соч. С. 118; Никитин В.А. Указ. соч. С. 46–47; Smith Jr. A.L. Op. cit. P. 90.

¹⁶⁴ Из 29 тыс. членов зарубежной организации НСДАП в 1937 г. лишь 10 % присоединились к партии до ее прихода к власти. Campelo Lucas T. Op. cit. P. 294.

¹⁶⁵ Интересную мысль встречаем у Б. Мура отметившего, что среди голландских немцев встречались даже более яростные нацисты, чем члены партии в Германии. Moore B. Op. cit. P. 50.

¹⁶⁶ Rapoport M., Musacchio A., Converse Ch. Las inversiones alemanas en Argentina entre 1933 y 1945: ¿base material de la expansion de los Nazis? // Iberoamericana. 2006. Vol. VI. № 21. P. 59.

¹⁶⁷ Jacobsen H.A. Op. cit. S. 355–356, 359–361; Bertonha J.F. Op. cit.

¹⁶⁸ Cardoso de Paula R.H. Op. cit. P. 78, 86–87.

¹⁶⁹ Никитин В.А. Указ. соч. С. 46–47; Smith Jr. A.L. Op. cit. P. 92.

¹⁷⁰ Moore B. Op. cit. P. 49, 51; Campelo Lucas T. Op. cit. P. 300, 303.

¹⁷¹ Статистика дана на 1937 г. Campelo Lucas T. Op. cit. P. 297, 300, 303.

¹⁷² Whealey R.H. Op. cit. P. 72; Leitz Ch. Nazi Germany's Intervention in the Spanish Civil War and the Foundation of HISMA/ROWAK. P. 53–54, 81–83; Bowen W.H. Op. cit. P. 15; Viñas A., Collado Seidel C. Op. cit. P. 191; McKale D.M. The Swastika Outside Germany. P. 102–103.

Одни из первых заграничных отделений нацистской партии появились в Латинской Америке¹⁷³. Бразильская ландесгруппа была крупнейшей в мире и охватывала 3 тыс. человек, аргентинская – до 1,5 тыс., чилийская – около тысячи¹⁷⁴. В остальных странах региона также действовали ячейки НСДАП, пусть и менее многочисленные. Так, в Мексике к 1938 г. было 325 нацистов или около 5 % проживавших здесь немецких граждан¹⁷⁵. В США ячейки НСДАП насчитывали, по некоторым данным, несколько сотен членов¹⁷⁶.

Небольшие отделения нацистской партии функционировали в немецких диаспорах на Ближнем Востоке. В Египте нацистская ячейка была основана А. Гессом еще в 1926 г.¹⁷⁷. С января 1932 г. началась история отделения НСДАП в Палестине. Здесь к концу 1935 г. насчитывалось 250 нацистов (14 % немецкой общины). В 1933 г. открылась нацистская ячейка в Ливане¹⁷⁸. В Иране отделения нацистской партии действовали еще до прихода нацистов к власти¹⁷⁹. В Турции после 1933 г. функционировали три ортс-группы – в Стамбуле, Анкаре и Измире. К 1937 г. в стране было 238 активных членов НСДАП¹⁸⁰. В Африке партийные организации действовали, например, в Танганьике, в Кении, в португальской Восточной Африке¹⁸¹. Ввиду немногочисленности немецких колонистов на африканском континенте фиксировался высокий процент вступления в партию. Так, из 50 проживавших в колонии Золотой берег немцев около половины стали членами НСДАП¹⁸². Ландесгруппа ЮЗА, где среди бывших германских колоний сохранилась наиболее многочисленная немецкая община, в 1937 г. насчитывала 1127 членов¹⁸³.

¹⁷³ Leitz Ch. Nazi Germany and the Luso-Hispanic World. P. 185.

¹⁷⁴ В 1937 г. в Бразилии насчитывалось 75 тыс. германских граждан, а в Аргентине – под 43 тыс. См.: Campelo Lucas T. Op. cit. P. 303; Gertz R.E. Influencia política alemã no Brasil na década DE 1930; Cardoso de Paula R.H. Op. cit. P. 85; Ионе Л. Пятая колонна в Западной Европе. М., 2004. С. 273–274; Bertonha J.F. Op. cit.

¹⁷⁵ Müller J. El NSDAP en México. P. 90.

¹⁷⁶ Bertonha J.F. Op. cit.

¹⁷⁷ Ее членами были представители германских экспортных компаний и немецкие инженеры. Подробнее см.: Баскарев И. Европейские ультраправые и арабский мир // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2009. № 40(178). С. 80–81; Schmidt H.D. Op. cit. P. 468.

¹⁷⁸ Schmidt H.D. Op. cit. P. 461, 465, 468–469.

¹⁷⁹ O'Sullivan A. Op. cit. P. 16.

¹⁸⁰ Dalaman C. Op. cit. S. 72–73.

¹⁸¹ Николаев С.И. Указ. соч. С. 115–116; Лом Г. Указ. соч. С. 106–108.

¹⁸² Campelo Lucas T. Op. cit. P. 303.

¹⁸³ Ibid. P. 300.

В том же 1937 г. на Дальнем Востоке находилось около 2 тыс. членов нацистской партии. Первая партгруппа в регионе была основана учительницей немецкой школы в Ханькоу в феврале 1931 г. В Мукдене действовал нацистский опорный пункт, занимавшийся торговыми связями с Рейхом и выступавший за признание Маньчжурии Германией. В Японии первые ячейки открылись в середине 1934 г. в Токио и Иокогаме¹⁸⁴. К июню 1937 г. в японских отделениях НСДАП числилось около 200 человек (шестая часть диаспоры)¹⁸⁵. Филиалы нацистской партии существовали даже на далеких тихоокеанских островах¹⁸⁶. Первый австралийский опорный пункт НСДАП открылся в 1932 г. в Аделаиде¹⁸⁷. К 1937 г. из 3600 проживавших в Австралии германских граждан 160 вступили в партию¹⁸⁸.

К тому же по всему миру действовали заграничные отделения нацистских профессиональных, женских и молодежных организаций: Германского трудового фронта¹⁸⁹, «Силы через радость», союза учителей¹⁹⁰, женских объединений, Гитлерюгенда и союза девочек, Немецкого союза ветеранов войны¹⁹¹ и других¹⁹². Учет

¹⁸⁴ *McKale D.M.* The Nazi Party in the Fast East... P. 291–292, 297, 296, 301.

¹⁸⁵ *Ayano Nakamura.* Op. cit. P. 445–446.

¹⁸⁶ В книге К. Винтер упоминается открытие нацистских опорных пунктов в Рабауле, Вау и Финшхафене после посещения Новой Гвинеи германским генеральным консулом, а также ячейки на Самоа после визита немецкого крейсера «Карлсруэ». *Winter Ch.* Op. cit.

¹⁸⁷ *Perkins Jh.* Op. cit. P. 112; *McKale D.M.* The Nazi Party in the Fast East... P. 298.

¹⁸⁸ *Campelo Lucas T.* Op. cit. P. 303.

¹⁸⁹ Германский трудовой фронт – нацистская организация, объединенный профессиональный союз работников и работодателей, сформированный в мае 1933 г. по итогам реформ профсоюзов. В рядах формально добровольческого Германского трудового фронта состояло около 22 млн человек. Целью организации провозглашалась защита прав рабочих, посредничество между рабочими и работодателями. Трудовой фронт выступал за национализацию предприятий и за контроль над уровнем зарплаты трудящихся.

¹⁹⁰ Национал-социалистический союз учителей – нацистская организация, в которую входили воспитатели, учителя и преподаватели школ и вузов, их задачей было привитие детям национал-социалистических идеалов.

¹⁹¹ Национал-социалистический союз помощи жертвам войны – нацистская общественная организация, задачами которой была благотворительность и организация социального обеспечения для раненных в годы Первой мировой войны ветеранов.

¹⁹² В отличие от партийных ячеек они могли действовать свободнее. Например, в Голландии по этой причине в партию вступали реже, чем в нацистские организации. *Moore B.* Op. cit. P. 47, 52; *Wagner F.J.* Op. cit. S. 252, 261–262; *Schmidt H.D.* Op. cit. P. 463–465; *Ayano Nakamura.* Op. cit. P. 440–441, 433; *Perkins Jh.* Op. cit. P. 117; *McKale D.M.* The Nazi Party in the Fast East... P. 294, 302; *Балезин А.С.* Фашизм

членства в этих организациях позволяет оценить масштабы нацистского контроля над немецким зарубежьем. Так, в Мексике нацистские организации объединяли свыше двух тысяч немецкого населения¹⁹³.

Наконец, в немецком зарубежье функционировали разного рода симпатизировавшие национал-социализму движения и объединения, на которые нацисты нередко могли переключить свою активность в случае гонений на ячейки НСДАП. В Голландии после запрета нацистской партии было основано пронацистское Сообщество имперских немцев¹⁹⁴. В Австрии действовала Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, которая, несмотря на связи с нацистами, претендовала на самобытность¹⁹⁵. В Польше функционировала Младонемецкая партия, избравшая своей идеологией национал-социализм¹⁹⁶. В отличие от младонемецкого судето-немецкое движение в соседней Чехословакии объединило немецкое меньшинство страны; и, как известно, поддержало политику нацистов по присоединению Судет к Рейху¹⁹⁷.

Ряд нацистских групп действовал в Прибалтике¹⁹⁸. Так называемые обновленческие движения затронули немецкое население Румынии и Югославии¹⁹⁹. Влиятельнейшей организацией в среде

в Юго-Западной Африке // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 369–370; Лот Г. Указ. соч. С. 106–108; Григорьян Ю.М. Указ. соч. С. 125–129.

¹⁹³ 300 мексиканских немцев состояло в отделении НСДАП, 245 – в Гитлерюгенде, 28 – в союзе учителей. Müller J. El NSDAP en México. P. 93.

¹⁹⁴ Moore B. Op. cit. P. 47, 50–51, 57, 65.

¹⁹⁵ Williams M. Aid, Assistance, and Advice: German Nazis and the Austrian Hilfswerk // Central European History. 1981. Vol. 14. № 3. P. 229–230.

¹⁹⁶ Кретинин С.В. Были ли немцы в странах Центральной и Восточной Европы «пятой колонной» нацистской Германии? // Вторая мировая война: уроки истории для Германии и России: материалы международной научной конференции (г. Кемерово, 23–25 сентября 2005 г.). Кемерово – М., 2006. С. 238–239; Wynot Jr. E.D. Op. cit. P. 58–60. Младонемецкая партия Польши – национал-социалистическая партия польских немцев, популярная среди немцев бывшего Царства Польского, Великой Польши, Поморья и Верхней Силезии.

¹⁹⁷ Blanke R. Op. cit. P. 182; Кретинин С.В. Были ли немцы в странах Центральной и Восточной Европы «пятой колонной» нацистской Германии? С. 236–237, 234–239.

¹⁹⁸ В Литве – христианско-социальное рабочее и социалистическое народное сообщества, в Латвии – Союз немецкой молодежи (4550 человек к 1939 г.), в Эстонии (конца 1920-х – начала 1930 гг.) – национал-социалистическое движение или движение за обновление. Lumans V. Op. cit. P. 90; Панин Е.Н. Указ. соч. С. 212–213; Райд Я. Указ. соч. С. 36–40.

¹⁹⁹ Кретинин С.В. Фактор национальных меньшинств в период между двумя мировыми войнами (1919–1939) // Феномен мировых войн в истории XX века:

венгерских немцев был пронацистский Фольксбунд, который к концу 1940 г. объединял около 50 тыс. человек²⁰⁰.

В США в начале августа 1933 г. на базе группы «Тевтония» была образована претендовавшая на охват всех американских немцев ассоциация «Друзья новой Германии»²⁰¹. Эта родственная НСДАП по идеологии, организации и по внешнему антуражу организация, по данным советского американиста В.А. Никитина, насчитывала от 8 до 50 тыс. членов²⁰². Осенью 1933 г. филиалы «Друзей новой Германии» появились в Канаде. В пик популярности (1937–1938 гг.) Немецкий бунд Канады насчитывал около 2 тыс. членов²⁰³. В Латинской Америке в качестве примера носителей нацистских идей можно назвать молодежные объединения – германо-бразильский молодежный круг, немецкая организация в Аргентине и немецкий молодежный союз Чили²⁰⁴. Крупнейшей немецкой организацией Мексики с отделениями по всей стране было Дойче Фольксгемайншафт²⁰⁵. В Стамбуле действовал клуб «Тевтония», объединявший под своей крышей прибывших в Турцию рейхсдойче²⁰⁶.

В завершение несколько слов нужно сказать о сопротивлении нацификации, признаки которого фиксировались, во всяком случае, на первых порах, в самых разных уголках мира от Европы до Австралии, Новой Зеландии, Филиппин и Самоа²⁰⁷. Как и ячейки других фашистских движений, нацистские филиалы столкнулись с некоторым противодействием со стороны старых лидеров заграничных общин и их экономических элит, которые не хотели терять свои позиции и доходы²⁰⁸. С учетом возрастных особенностей основной массы сторон-

материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.) / отв. ред. А.А. Богдашкин и др. Воронеж, 2017. С. 232.

²⁰⁰ Пономаренко Р.О. Указ. соч. С. 108–109.

²⁰¹ Пронацистская организация в США, объединявшая в своих рядах как германских, так и американских граждан. После протестов со стороны американских властей членство было ограничено лицами с американским гражданством. А через год организация поменяла название на «Германо-американский бунд». См.: *Re-tak J.* Op. cit. P. 38.

²⁰² Никитин В.А. Указ. соч. С. 50–51, 54–60.

²⁰³ *Wagner F.J.* Op. cit. S. 246, 261–262, 255–256.

²⁰⁴ *Veit P., Gaudig O.* Op. cit.; *Cardoso de Paula R.H.* Op. cit. P. 89–91; *Klein M.* Op. cit. P. 601, 603–604, 608.

²⁰⁵ *Müller J.* El NSDAP en México. P. 92.

²⁰⁶ Лидеры «Тевтонии» входили также в состав руководства ортсгруппы НСДАП. См.: *Dalaman C.* Op. cit. S. 118–119.

²⁰⁷ *McKale D.M.* The Nazi Party in the Fast East... P. 297; *Winter Ch.* Op. cit.

²⁰⁸ *Bertonha J.F.* Op. cit. Так, в Китае лидеру отделения НСДАП пришлось преодолевать сопротивление состоятельных членов немецкой диаспоры. Подробнее

ников нацистов и старых элит, нередко это выливалось в противостояние поколений²⁰⁹. В результате этого первые попытки нацистов установить контроль над заграничными общинами порой срывались²¹⁰.

Кроме того, в самых разных точках немецкого зарубежья фиксировалась конфронтация между традиционно занимавшими лидерские позиции в зарубежных немецких общинах германскими дипломатами и местными нацистами²¹¹. Представители филиалов партии уступали дипкорпусу в компетенции, но нередко превосходили амбициозностью²¹². К тому же, есть мнение, что Гитлер и Геббельс доверяли дипломатам меньше, во всяком случае, в деле пропаганды нацизма²¹³. Поэтому власть зарубежных отделений НСДАП постепенно укреплялась. В частности, этому способствовало то, что заграничным ячейкам нацистской партии была поручена нацификация диппредставительств Германии²¹⁴.

Неприятие нацизма некоторыми представителями немецкого зарубежья было связано с их взглядами и принципами. Одни отторгли национал-социализм по политическим убеждениям²¹⁵. Других

см.: *McKale D.M.* The Nazi Party in the Fast East... P. 295. В Японии нацистскому проникновению и навязыванию новых принципов жизни диаспоры также противились крупные немецкие коммерсанты и дипломаты. Подробнее см.: *Ayano Nakamura*. Op. cit. P. 434–435.

²⁰⁹ Как в крупных зарубежных немецких группах (польские немцы), так и в мелких (немецкая диаспора Мексики). См.: *Крети́нин С.В.* Немцы в Польше. С. 123–130; *Müller J.* El NSDAP en México. P. 92.

²¹⁰ *Schmidt H.D.* Op. cit. P. 462–463, 468, 465.

²¹¹ *Bertonha J.F.* Op. cit.

²¹² *Smith Jr. A.L.* Op. cit. P. 93.

²¹³ *Orlow D.* Op. cit. P. 21.

²¹⁴ Это вылилось в чистку посольств и консульств от расово неподходящих и неояльных нацизму лиц. В итоге в самых разных уголках мира германские дипломаты теснейшим образом сотрудничали с членами партии. См.: *McKale D.M.* The Nazi Party in the Fast East... P. 295; *Wild S.* Op. cit. S. 146.

²¹⁵ Нацистов не принимали немецкие социал-демократы, коммунисты и католические политики в Польше; либеральные и консервативно-католические немецкие издания в странах Латинской Америки; немецкие политические беженцы в Западной Европе. Подробнее см.: *Крети́нин С.В.* Немцы в Польше. С. 204–205; он же. Были ли немцы в странах Центральной и Восточной Европы «пятой колонной» нацистской Германии? С. 240–241; он же. Интернирование и депортации немецкого национального меньшинства в Польше накануне и в начале Второй мировой войны // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник научных статей. Вып. 3 / отв. ред. Н.Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск, 2014. С. 140; *Blanke R.* Op. cit. P. 167; *Григорьян Ю.М.* Указ. соч. С. 101; *Veit P., Gaudig O.* Op. cit; *Gullberg E.* Op. cit. S. 243; *Moore B.* Op. cit. P. 49.

не устраивала внешняя политика «Третьего рейха»²¹⁶. Третьих отталкивало отношение германских фашистов к религии²¹⁷. Для четвертых были неприемлемы практики и методы нацистов, их вмешательство в жизнь немцев за рубежом²¹⁸.

В конечном итоге, сопротивление немецкого зарубежья в целом было сломлено, в том числе, благодаря наличию у нацистов широкого арсенала средств убеждения и принуждения, не в последнюю очередь, через возможности и институты государства. Враги фашизма преследовались²¹⁹. Признанные неарийскими и нелояльными нацизму члены зарубежных немецких общин лишались работы в немецких диппредставительствах, фирмах, образовательных и церковных учреждениях²²⁰. Эффективными средствами давления на зарубежные немецкие организации было закрытие каналов финансирования и организационной помощи из Германии, смещение несовместимых руководителей и замена их на сторонников нацизма, официальное осуждение Берлином неугодных заграничных немецких объединений²²¹. Наконец, нацисты поддерживали в немецком зарубежье атмосферу страха: представители немецких зарубежных групп боялись в случае своего выступления против партии подвергнуться преследованиям, оказаться изолированными, потерять поддержку из Германии, лишиться возможности приезжать в страну происхождения²²².

Итак, подобно прочим фашистским движениям, германские национал-социалисты проявляли большой интерес к проживавшим за границей представителям своей нации. Они могли пополнить ряды НСДАП, участвовать в политике нацистов в отношении стран проживания. Германским фашистам удалось взять под

²¹⁶ Например, южно-тирольских немцев, сепаратистские стремления которых не были поддержаны Берлином. *Lumans V.* Op. cit. P. 79.

²¹⁷ Среди них – представители немецких групп в Бельгии, а также в Голландии. *O'Connell V.* "Left to Their Own Devices": Belgium's Ambiguous Assimilation of European-Malmedy (1919–1940) // *The Journal of Belgian History*. 2013. Vol. 43. № 4. P. 40–41; *Moore B.* Op. cit. P. 61.

²¹⁸ *Фелдманис И.* Указ. соч. С. 18–19; *Райд Я.* Указ. соч. С. 36–37; *Gertz R.E.* *Influencia política alemã no Brasil na década DE 1930*; *Никитин В.А.* Указ. соч. С. 60–62.

²¹⁹ Так, в Испании и германские представители, и с их подачи испанские власти арестовывали немецких антифашистов и депортировали их в Германию. *Szanajda A., Messenger D.A.* Op. cit. P. 2, 4–5.

²²⁰ *McKale D.M.* *The Nazi Party in the Fast East.* P. 299–300; *Ayano Nakamura.* Op. cit. P. 449–452.

²²¹ *Veit P., Gaudig O.* Op. cit.

²²² *Moore B.* Op. cit. P. 57–59.

контроль и превратить в инструмент реализации своих интересов многомиллионное немецкое зарубежье, во всяком случае, его часть, сохранившую немецкую идентичность и связи с Родиной. Наиболее восприимчивы к нацистской пропаганде были относительно недавно проживавшие за пределами Германии (на потерянных страной территориях и владениях или влившиеся в межвоенные годы в ряды немецких эмигрантов), а также слабо ассимилировавшиеся заграничные немецкие группы. При этом интерес Берлина к немецким меньшинствам и диаспорам определялся не только степенью их ориентированности на Германию, но и местом страны их проживания во внешнеполитической стратегии нацистов.

Настроения проживавших за границей немцев и симпатии к нацизму прочих фашистских движений и режимов способствовали порой их сближению и сотрудничеству. Однако в итоге, в том числе, на примере вопроса немецких меньшинств и мигрантов вскрылась противоречивость природы фашистского интернационала: даже дружественные движения и режимы склонялись к ассимиляции немецкого населения. Популярность нацизма у заграничных немецких групп нередко была связана с их надеждами улучшить свое положение при помощи нацистов (вновь стать гражданами Германии или получить особые права при покровительстве Берлина). Но поддержка немецкого зарубежья не была самоцелью для германских фашистов и осуществлялась таким образом, чтобы это не мешало решению внешнеполитических задач, реализации пошаговой стратегии достижения германской гегемонии. И все-таки заграничным немецким группам в глобальных планах германских национал-социалистов отводилась немаловажная роль (например, германизация пространств), поэтому много внимания уделялось их нацификации в самых разных формах от распространения зарубежных отделений НСДАП до перестройки на нацистский лад культурной жизни немецких меньшинств и диаспор. А противодействие нацификации как внутри немецкого зарубежья, так и со стороны властей страны проживания, успешно преодолевалось за счет наличия у Берлина мощных организационных, финансовых и политических ресурсов, во всяком случае пока нацистам сопутствовал успех на полях сражений Второй мировой войны.

Н.С. Лебедева

ФАШИСТСКИЙ ЭКСПАНСИОНИЗМ, ПРЕСТУПНАЯ ПРАКТИКА ГИТЛЕРИЗМА И ИХ РАЗОБЛАЧЕНИЕ НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ

20 ноября 1945 г. начался самый крупный в истории человечества судебный процесс, на котором главными подсудимыми стали фашизм, агрессия и геноцид.

На протяжении десятилетий авторы многих научных трудов, посвященных исследованию феномена фашизма, неоднократно подчеркивали, что одной из главнейших его характеристик являются милитаризм и стремление к агрессии. Крупнейший отечественный исследователь итальянского фашизма Б.Р. Лопухов в своем фундаментальном труде отмечал наличие связи между внешнеполитическими целями режима Б. Муссолини и экспансионистскими тенденциями, присущими традиционному итальянскому империализму. Однако во времена правления итальянских фашистов эта политика приобрела «иной акцент, иной более бравурный внешний облик». В доктрине итальянского фашизма особо подчеркивалось, что «стремление к империи, т.е. к национальному распространению, является жизненным проявлением. Обратное, т.е. “сидение дома”, – это признак упадка»¹.

Другой выдающийся советский и российский историк, внесший огромный вклад в изучение германского нацизма и фашизма в целом, А.А. Галкин отмечал, что присущие фашистским движениям «стремление к тотальной регламентации жизни общества и реорганизации его на военизированной основе, апелляция к национальным чувствам и шовинистическим инстинктам делали их эффективным инструментом подготовки к проведению территориальной экспансии». Исследователь обращал внимание, что «наиболее прочные позиции фашистские силы завоевали в тех странах, в которых правящие классы чувствовали себя обойденными при дележе добычи (Италия) или ущемленными в результате понесенного поражения (Германия)» в годы Первой мировой войны².

По мнению современного британского ученого А. Каллиса «запоздалая модернизация» в Германии и Италии способствовала тому, что экспансионизм для этих государств стал средством

¹ Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977. С. 174–175.

² Галкин А.А. Германский фашизм. Изд. 2-ое, доп. и перераб., М., 1989. С. 5.

ускорения темпов внутреннего развития, повышения международного авторитета и стремления получить статус «великой державы»³. Несмотря на то, что некоторые зарубежные исследователи, среди которых наибольшую активность проявляет английский историк Р. Гриффин, пытаются доказать, что экспансионизм не следует считать общим атрибутом фашистской идеологии и практики⁴, подавляющая часть ученых все же придерживается противоположной точки зрения. Империалистические амбиции были характерны для всех режимов и движений фашистской ориентации.

Ностальгия по временам имперского могущества характеризовала настроения всех группировок правых, поддерживавших режим Ф. Франко в Испании. Страна не испытывала проблем, связанных с необходимостью формирования национальной идентичности, с которыми столкнулись Италия и Германия в результате незавершенности их объединения и разочарований по итогам Первой мировой войны. Однако шок от поражения в испано-американской войне 1898 г. и потеря последних остатков четырехсотлетней колониальной империи – Кубы, Пуэрто-Рико, Филиппин – имели далеко идущие последствия для формирования соответствующих общественных настроений в Испании. Деятели главной испанской фашистской партии – фаланги – открыто говорили, что идеи возвращения былого имперского господства и военная экспансия были реальным средством для прекращения классовой борьбы. Они предпринимали активные усилия к тому, чтобы Испания включилась в военную кампанию на стороне стран Оси⁵. Все же ход военных событий, свидетельствующих о неизбежности поражения Германии и ее союзников, не способствовал реализации подобных замыслов. Франко был вынужден дистанцироваться от связей с другими фашистскими государствами и уменьшить влияние фаланги в политической системе диктаторского режима.

Португальский диктатор А. Салазар во время Второй мировой войны открыто восхищался устанавливаемым нацистской Германией на оккупированных территориях «новым порядком», называя происходящее «генеральной европейской линией»⁶. Даже

³ Kallis A. *Fascist Ideology: Territory and Expansionism in Italy and Germany, 1922–1945*. London – New York, 2000. P. 11.

⁴ Griffin R.D. *The Nature of Fascism*. London – New York, 1994. P. 221–225.

⁵ Preston P. *The Politics of Revenge: Fascism and the Military in Twentieth-Century Spain*. London – New York, 1995. P. 13.

⁶ Лопф М. Бог, Отечество, власть: католическая церковь и иберийские фашизированные режимы (1933–1945) // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4 (31). С. 210.

в 1960-е – 1970-е гг., в уже иной международной обстановке, режимы А. Салазара и его приемника М. Каэтану продолжали вести кровопролитные колониальные войны, пытаясь сохранить обширные владения Португалии в Африке. В 1960 г. «в период расцвета независимости африканских государств», Португалия оставалась единственной «великой европейской колониальной империей, сохранившейся на карте мира»⁷.

Даже те фашистские движения, которые не сумели достичь власти, в своих программных установках выдвигали империалистические проекты. Так, А. Мюссерт, лидер Национал-социалистического движения – одной из фашистских партий Нидерландов, единственной легально действовавшей в период нацистской оккупации политической организации, вынашивал планы по созданию «Великих Нидерландов» путем объединения всех членов «голландского племени». По его убеждению, Нидерланды нуждались не только в защите своей колониальной империи от множества угроз, но и в расширении своей глобальной досягаемости, ибо только таким образом голландская империя может обеспечить свою внешнеполитическую значимость в Европе и мире⁸.

Экспансионистские устремления наблюдались и в фашистских организациях стран Северной Европы. В Норвегии их выражением стала мечта о создании «Великой Норвегии», которую можно было осуществить в результате территориальной экспансии в Арктике. Аналогичные идеи вынашивались в праворадикальных кругах Швеции, Дании и Финляндии, несмотря на то, что эти страны не приняли активного участия в основных сражениях Первой мировой войны⁹.

А. Каллис справедливо указывает, что «хотя территориальная экспансия не должна рассматриваться как общий элемент фашистской идеологии как таковой, экспансионистские тенденции итальянского и немецкого фашистских режимов были подкреплены и обусловлены сочетанием общих “фашистских” идеологом и долгосрочных “национальных” традиций». Исследователь убежден,

⁷ *Перес Суарес М.А.* Понять португальскую революцию // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 1 (20). С. 118.

⁸ См. подробнее: *Foray J.F.* An Old Empire in a New Order: The Global Designs of the Dutch Nazi Party, 1931–1942 // *European History Quarterly*. 2013. Vol. 43. № 1. P. 27–52.

⁹ *Гарау С.* Преддверие норвежского фашизма: радикализация городского правого национализма в Норвегии между двумя мировыми войнами // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4 (23). С. 356.

что территориальная экспансия представлялась фашистским режимам «национальной необходимостью». Итальянские и немецкие фашисты выдвигали в качестве одного из основных программных постулатов идею объединения нации и создания «однородного государства, которое охватило бы все этнически родственные народы и их территории». Это была естественная необходимость, предписанная набором общих «фашистских» ценностей (активизм, насилие, элитарность) в контексте вечной борьбы между нациями и цивилизациями за «место под солнцем». Наконец, что гораздо важнее, это была и историческая необходимость, вытекающая из предполагаемого превосходства двух народов как создателей и защитников европейской цивилизации. Однако каждый режим формулировал свою экспансионистскую идеологию и программу в соответствии с национальными традициями и интересами, объединяя ранее существовавшие идеологические тенденции и различный опыт Первой мировой войны в новом синтезе со значительно более выраженной склонностью к активизму¹⁰.

Известный американский историк, автор фундаментальных исследований по новой и новейшей истории Германии Дж. Эли рассматривает империализм в качестве одной из важнейших характеристик фашизма. Практически во всех своих работах о гитлеровском режиме он, а также другие исследователи отмечали, что стремление к войне являлось «не только основной идеей нацистской идеологии, но и основным принципом социальной системы третьей империи». Эли подчеркивает, что в последние годы появилось значительное количество трудов, авторы которых стремятся оценить устремления германского фашизма установить основанный на расистских идеях «новый европейский порядок» «в контексте центральной идеи империи и колониализма»¹¹.

Безусловно, по масштабам захватнических целей, преступным методам их реализации гитлеровский «Третий рейх» «превзошел» все другие фашистские режимы, существовавшие в Европе. Будучи более экономически развитым государством, по сравнению с Италией и другими странами, в которых утвердились схожие режимы, Германия была главным инициатором Второй мировой войны. По своим масштабам она существенно превзошла все предыдущие войны. Ни одна другая страна не принесла человечеству столь чудовищных страданий. Необходимо отметить, что итальянский

¹⁰ Kallis A. Op. cit. P. 28.

¹¹ Эли Д. Теории фашизма: проблемы интерпретации // Берегinya. 777. Сова. 2014. № 4 (23). С. 33.

и немецкий фашистские режимы прилагали значительные усилия, чтобы психологически и физически мобилизовать население для ведения этой войны. Однако нацисты на этом пути достигли гораздо больших результатов, чем Муссолини и его приспешники¹².

Преступные цели выдвигались и реализовывались также союзницей Германии – Османской империей еще в годы Первой мировой войны. В 1915 г. турецкими властями впервые в истории человечества была поставлена задача истребления целого народа – армян. Жертвами этих действий стали более 700 тыс. чел. Во время существования Веймарской республики германские националисты пытались оправдать эту преступную акцию турок. Развернувшаяся в немецкой прессе в 1920-е гг. дискуссия по этому вопросу свидетельствует, что уже тогда в Германии действовали «политические силы, считавшие “оправданным” такое расово обусловленное уничтожение массы людей – будь то армяне, евреи или представители каких-либо других народов»¹³.

В годы Второй мировой войны политика тотального уничтожения народов приобрела значительно большие масштабы. Одновременно с разработкой военных планов вторжения в государства Европы («план Вайс», «Марита», «Зеелеве» и др.) нацисты подготовили директивы, предусматривавшие массовое уничтожение мирного населения, разграбление и колонизацию захваченных территорий, в том числе Генеральный план «Ост»¹⁴. Не случайно генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров сравнивал германский фашизм со «средневековым варварством в отношении других народов и стран»¹⁵.

К середине 1941 г. гитлеровская Германия и ее союзники захватили 12 европейских государств с населением около 190 млн чел. Непосредственно в состав «Третьего рейха» были включены Австрия, Люксембург, Судетская область Чехословакии, литовская Клайпеда (Мемель), важные промышленные районы Польши, отторгнутые от Бельгии области Эйпен и Мальмеди, от Франции – Эльзас и Лотарингия, от Югославии – Нижняя Штирия и Верхняя

¹² De Grand A.J. Fascist Italy and Nazi Germany: The 'Fascist' Style of Rule / Second edition. London – New York, 2004. P. 115.

¹³ *Ирши С.* Турецкие корни национал-социализма? // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4 (31). С. 348.

¹⁴ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов: в 8 т. (далее – Нюрнбергский процесс) / отв. ред. А.М. Рекунков; научн. ред. Н.С. Лебедева. М., 1987. Т. 1. С. 71–72.

¹⁵ *Димитров Г.* Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма // *Димитров Г.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1957. С. 377.

Крайна. К Германии должны были отойти Прибалтика, Крым, Бакинская область, Кольский полуостров¹⁶.

Во всех оккупированных гитлеровцами странах и областях был установлен «новый порядок» – небывалый по размаху и жестокости режим грабежа, насилия, кровавых расправ, глумления над человеческой личностью, систематического истребления целых народов, призванный увековечить германское господство. Захватчики прибегали к самым жестоким методам и средствам ведения войны и оккупации, планируя преступления еще до нападения на очередную страну и готовясь к их реализации. Пуля и виселица, газы и бактерии, огонь и вода, голод и холод – все было приспособлено фашистами для истребления на оккупированных ими территориях «балласта» – коренного населения. Смердящий дым крематориев стлался над Европой, «отходы нового производства» – золотые коронки, кости, волосы – гнали эшелонами в рейх как сырье для промышленности. В конвейеры смерти были превращены концентрационные лагеря – из содержащихся там 18 млн узников были уничтожены 11 млн чел. С особым ожесточением агрессоры проводили в жизнь зловещие планы ликвидации еврейского и славянского населения – на оккупированных территориях ими были уничтожены около 6 млн евреев, 10 млн советских граждан и сотни тысяч лиц других национальностей¹⁷.

В захватнических геополитических планах нацистского руководства Германии основу составляла идея «Дранг нах остен» («натиск на Восток»), т.е. завоевание Восточной Европы и, главным образом, Советского Союза. Для этого гитлеровское командование считало необходимым обеспечить тыл на Западе, то есть захватить сначала страны Западной Европы и использовать их экономический потенциал в «Восточном походе»¹⁸. Отсюда и разные цели нацистов в отношении континента: если на западе предполагалось провести расовую, политическую, экономическую унификацию и германизацию «нордических» народов; то в Восточной Европе – уничтожение значительной части славянского населения и порабощение оставшегося. Национал-социалисты провозглашали вермахт спасителем Западной Европы от коммунистов, в силу чего немецким

¹⁶ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 69.

¹⁷ Лебедева Н.С. Фашистский оккупационный режим // Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939–1945. Общие проблемы. М., 1990. С. 41.

¹⁸ Дашичев В.И. Европа в завоевательных планах германского фашизма // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4 (23). С. 221–238; Лебедева Н.С. СССР и Нюрнбергский процесс // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4 (23). С. 239–254.

военным предписывалось не допускать оскорблений национальных чувств населения. Нацисты уделяли много внимания поддержанию нормальной экономической жизни в западноевропейских странах, бизнесмены здесь получали огромные прибыли от поставок германским вооруженным силам¹⁹. Наконец, германизация на западе Европы была нацелена на медленное уничтожение самобытности населяющих ее народов, а на востоке – на полную ликвидацию культур региона²⁰.

В то же время известно немало примеров жестокости нацистов по отношению к мирному населению Западной Европы, где они порой уничтожали целые поселения, как это было с французским городком Орадур-сюр-Глан (сожжены и убиты 639 чел.). На принудительные работы было угнано 875,9 тыс. рабочих и 987,7 тыс. военнопленных и узников концлагерей из Франции, 500 тыс. голландцев и бельгийцев, 300 тыс. норвежцев, 70 тыс. датчан. Западные европейские евреев депортировали в лагеря и уничтожали: 150 тыс. из Франции, 105 тыс. из Голландии, 734 из Норвегии, 700 из Люксембурга, 500 из Дании. Злодеяния нацистов в Восточной Европе приобрели значительно большие масштабы. Так, в Польше карательные акции прошли в 769 деревнях, были убиты 19792 чел.²¹.

Германские фашисты полностью отбросили общепринятые и установленные Гаагскими и Женевскими конвенциями правила ведения войн, беспощадно разрушая города и села, истребляя мирное население, применяя пытки и изощренную жестокость к военнопленным и гражданским лицам. Утвердив в 1940 г. план нападения на СССР, гитлеровцы разработали также ряд директив, в которых преступления и зверства были возведены в разряд государственной политики. Среди них: «Распоряжения об особой подсудности в районе “Барбаросса” и об особых мероприятиях войск» от 13 мая 1941 г., предусматривавшие массовое уничтожение советского мирного населения, «план Ольденбург» и «Зеленая папка» Г. Геринга, санкционировавшие ограбление захваченных

¹⁹ См. подробнее: *Богдашкин А.А.* Промышленный коллаборационизм периода Второй мировой войны в странах Западной Европы: историографические дебаты // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 20–22 апреля 2016 г.). Воронеж, 2016. С. 55–85.

²⁰ См. подробнее: *Лебедева Н.С.* Фашистский оккупационный режим. С. 15–26.

²¹ Там же. С. 40, 36, 29–30; см. также предисловие Н.С. Лебедевой к кн.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. М., 1990. Т. 4. С. 84, 77–78.

районов и уничтожение их промышленного потенциала, и др.²² Директива Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) от 12 мая предписывала уничтожение советских политических работников и политических руководителей («комиссаров») и др.²³ Германское командование заранее устанавливало специальными приказами безнаказанность военнослужащих за их соответствующие действия²⁴.

Выше обозначенные директивы реализовывались с особым изуверством в ходе боевых действий и в период оккупации. Приказ «Мрак и туман» от 2 декабря 1941 г. о заключении без суда и следствия любого лица на оккупированных территориях; о беспощадном подавлении освободительного движения в оккупированных странах и расстрелах заложников от 16 сентября 1941 г.; директива Геринга об экономическом ограблении от 1 июля 1941 г.; «Правила» об обращении с советскими военнопленными, санкционировавшие их уничтожение, от 8 сентября 1941 г.; секретная директива военно-морского штаба от 19 сентября 1941 г. «Будущее города Петербурга», предписывавшая стереть с лица земли Ленинград и уничтожить все его население – вот лишь малая часть преступных предписаний гитлеровцев²⁵. Мир содрогнулся от масштаба и степени жестокости совершенных захватчиками преступлений.

Жертвами фашистской оккупационной политики стали 10 млн мирных жителей и военнопленных из Советского Союза. На принудительные работы в Германию были угнаны 4,978 млн советских граждан. На советской территории было уничтожено или сильно разрушено 1710 городов и свыше 70 тыс. деревень и населенных пунктов, более 6 млн зданий (40 тыс. больниц, 84 тыс. школ, техникумов, вузов, НИИ, 43 тыс. библиотек). Только в Белоруссии было разрушено и сожжено 9200 населенных пунктов, из них 5295 были уничтожены вместе с населением или с его частью. Немец-

²² Подробнее см.: *Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975. Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе Роман Андреевич Руденко после выхода этой книги позвонил мне и, поздравив с ее опубликованием, сказал: «Мы думали, что знаем о Суде народов все. Оказывается, мы не знали главное – как мы туда попали». С того времени наши знания обогатились в результате изучения огромного массива архивных материалов, отложившихся в Архиве внешней политики Российской Федерации, в фондах ЦК ВКП(б), И.В. Сталина, В.М. Молотова, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и др.

²³ Нюрнбергский процесс. Т. 4. С. 71.

²⁴ Там же. С. 71–72, 201.

²⁵ Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1963; *Дашинцев В.И.* Указ. соч. С. 230–235.

кие оккупанты разорили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2790 машинно-тракторных станций; забрали 7 млн лошадей, 17 млн голов крупного рогатого скота, 20 млн голов свиней, 27 млн овец и коз, 110 млн домашней птицы. Было разграблено 427 музеев, сожжено и разрушено 1670 церквей. Экономический ущерб хозяйству СССР составил 679 млрд рублей²⁶. А.А. Галкин подчеркивает: «Под ударами бомб и снарядов, в огне пожаров гибли структуры, составлявшие основы человеческой жизнедеятельности, и величайшие культурные ценности, созданные многими предыдущими поколениями». Безвозвратные потери нашего народа в войне с «Третьим рейхом» превысили 26 млн чел. Матери навечно проводили своих сыновей. Невесты не встретили своих женихов. Дети были вынуждены расти без отцов²⁷. Возмездие за совершенные нацистами преступления стало одной из целей народов, объединившихся в Антигитлеровскую коалицию.

На Западе нередко издаются работы, в которых замалчивается решающий вклад народов Советского Союза в разгром нацистской Германии, а дорога в Нюрнберг рисуется как чисто американский путь. Некоторые авторы утверждают, что СССР не только не внес позитивный вклад в подготовку и проведение процесса, но якобы выступал за массовые казни носителей германской государственности. В действительности картина была иной. Уже 14 октября 1941 г. в заявлении советского правительства был поставлен вопрос о предании суду «специального Международного трибунала» первых лиц фашистского государства, окажись они в руках союзников. Иными словами, именно Советский Союз первым выдвинул идею создания Международного военного трибунала²⁸.

Предложение Советского правительства, однако, поддержки ни в Лондоне, ни в Вашингтоне не встретило. Британский министр иностранных дел А. Иден телеграфировал послу в Москве А. Кларку Керру: «Мы не думаем, что будет сочтено целесообразным привлечь к формальному суду главных преступников, таких как Гитлер и Муссолини, поскольку их преступления и ответственность настолько велики, что они не подходят для рассмотрения путем юридической процедуры. По нашему мнению, вопрос об этих главных

²⁶ См. предисловие Н.С. Лебедевой к кн.: Нюрнбергский процесс. Т. 4. С. 77–78, 84, 82.

²⁷ Галкин А.А. Память и опыт (к 70-й годовщине Великой Победы) // Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.). Воронеж, 2015. С. 5–6.

²⁸ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 80.

фигурах, к которым, несомненно, нужно причислить и Гесса, должен быть разрешен путем политического решения Объединенных Наций»²⁹. В ноябре 1942 г. в беседах со Сталиным и Молотовым Кларк Керр отстаивал позицию, сформулированную Иденом. Об этом же говорил и госсекретарь США К. Хэлл А. Идену в марте 1943 г.³⁰ Данная позиция западных союзников оставалась неизменной вплоть до начала 1945 г. Однако советские лидеры не отказались от идеи, что гитлеровские главарь должны быть судимы международным трибуналом³¹.

При обсуждении проблемы наказания военных преступников на Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) произошел инцидент, используемый многими западными историками как доказательство намерения Сталина расправиться с нацистскими главарями без суда и следствия. Советский руководитель поднял бокал за то, чтобы после войны были расстреляны не менее 50 тыс. гитлеровцев, что вызвало бурную негативную реакцию у Черчилля. Рузвельт же, поняв, что «дядюшка Джо» дразнит британского премьера, назвал «компромиссную цифру» – 49500 военных преступников³².

В сентябре 1944 г. в Квебеке Черчилль и Рузвельт подготовили письмо Сталину с предложением составить список из 50 или 100 лиц, чья ответственность за санкционирование преступлений общепризнана и коих офицер в звании генерала распорядится расстрелять в течение часа³³. В Ялте, в феврале 1945 г., Черчилль и Сталин продолжали отстаивать свою точку зрения. Рузвельт, согласившись судить гитлеровских главарей, подчеркнул, что «процедура суда не должна быть слишком юридической» и «при всех условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы»³⁴. Западные союзники СССР опасались, что победителям, как и после Первой мировой войны, не будет гарантирована необходимая юридическая основа для суда над германскими лидерами. Сталин же считал, что военную победу необходимо довершить

²⁹ Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers (далее – FRUS), 1942 / in seven vols. Vol. I: General; the British Commonwealth; the Far East. Washington, 1960. P. 62–63.

³⁰ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 2. М., 1958. С. 385.

³¹ FRUS, 1942. Vol. I. P. 65.

³² FRUS: Diplomatic Papers, Conferences at Malta and Yalta, 1945. Washington, 1955. P. 400.

³³ FRUS: Conference at Quebec, 1944. Washington, 1972. P. 489.

³⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 4. М., 1984. С. 169–170.

морально-политическим разгромом фашизма в открытом судебном процессе³⁵.

Целесообразность проведения международного суда над гитлеровскими заправилками к концу войны осознали и некоторые ведущие политики США. Их позицию одобрил Рузвельт. Англичане же продолжали настаивать на том, что казнь 6–7 нацистских главрей предпочтительнее длительного судебного процесса. 6 апреля 1945 г. британский политический деятель лорд Дж. Саймон писал помощнику американского президента С. Розенману: «На меня произвели большое впечатление слова м-ра Стимсона (военного министра США. – Н.Л.), что должно быть проведено юридическое разбирательство дела перед казнью. *Однако я обеспокоен перспективой длительного процесса, в ходе которого будут обсуждаться разного рода вопросы – юридические и исторические, – могущие привести к существенным противоречиям и спорам в мире, к непредвиденной реакции*»³⁶ (выделено мной. – Н.Л.). И все же Розенману удалось добиться согласия Черчилля на обсуждение данного вопроса в ходе предстоявшей конференции Объединенных Наций³⁷.

На международной конференции в Сан-Франциско (апрель–июнь 1945 г.), обсуждавшей создание Международного суда ООН и Устав организации, Иден заявил, что британское правительство по-прежнему считает нецелесообразной организацию судебных процессов в отношении главных преступников войны. «Однако, если США и СССР держатся другой точки зрения и считают целесообразным применение такого порядка ответственности, британское правительство готово с этим согласиться», – указал он. 30 мая британский кабинет принял американский проект в качестве основы для переговоров³⁸.

Конференция, рассмотревшая проблемы создания Международного военного трибунала (МВТ), проходила в Лондоне с 26 июня по 8 августа 1945 г. В работах западных авторов зачастую утверждается, что в основу Устава МВТ легли идеи американских юристов. Не отрицая роли последних, следует отметить вклад советских ученых. Так, еще в феврале 1943 г. ученый-юрист

³⁵ СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории. М., 2012. С. 18.

³⁶ FRUS: Diplomatic Papers 1945. Vol. III: European Advisory Commission, Austria, Germany. Washington, 1968. P. 1161.

³⁷ Report of Robert H. Jackson, United States Representative to the International Conference on Military Trials. London, 1945. P. 18–19.

³⁸ СССР и германский вопрос 1941–1949. Т. 2. М., 2000. С. 82.

Н.Н. Полянский представил в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков проект, предусматривавший предание гитлеровского руководства международному уголовному суду, наказание за посягательства на устои международного мира и раскрытие всех пружин заговора, приведшего к потрясению устоев цивилизации. В нем подробно описывалась и организация такого суда³⁹. Значительное влияние на подготовку Устава оказали также работы члена советской делегации на Лондонской конференции А.Н. Трайнина, и, прежде всего, изданная в 1944 г. монография «Об уголовной ответственности гитлеровцев»⁴⁰, которую высоко оценивали американские разработчики Устава МВТ⁴¹.

Следовало совместить две различные процессуальные системы права – континентальную, принятую в СССР и Франции, и англо-саксонскую, характерную для США и Великобритании. Острые дебаты разгорелись по вопросу о преступном характере агрессивной войны. Представитель Франции А. Гро не считал ее международным преступлением⁴². Англичане же, соглашаясь с преступным характером агрессии, в то же время указывали, что за нее в международном праве не предусмотрено уголовное наказание. Советские и американские делегаты доказывали, что отсутствие в законодательстве конкретных санкций ничего не меняет. Ведь за совершение других международных преступлений, таких, например, как нарушение законов и обычаев войны, также не установлены определенные санкции. И тем не менее Женевская конвенция 1929 г. предусматривала в принципе их уголовную наказуемость⁴³.

8 августа Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран «оси» было подписано. Неотъемлемой частью этого документа являлся Устав

³⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7021. Оп. 116. Д. 337. Л. 32.

⁴⁰ *Богущ Г.И.* А.И. Трайнин и значение его идей для Нюрнбергского процесса // Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции. Москва, 20–21 ноября 2006 г. / под ред. Н.С. Лебедевой и В.В. Ищенко. М., 2007. С. 166–173.

⁴¹ *Smith B.F.* The American Road to Nuremberg: the Documentary Record. 1944–1945. Stanford (Cal.), 1982. P. 33–37.

⁴² Report of Robert H. Jackson... P. 295.

⁴³ *Полторак А.И.* Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы). М., 1966. С. 69–118.

Международного военного трибунала. 19 правительств Объединенных Наций одобрили Устав и присоединились к Соглашению⁴⁴.

В опубликованный 29 августа 1945 г. первый список вошли 24 главных нацистских военных преступника. Среди них военные, дипломаты, идеологи, несшие основную ответственность за преступления германских фашистов: Г. Геринг, Р. Гесс, И. фон Риббентроп, Р. Лей, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, Г. Франк, В. Фрик, Ю. Штрейхер, В. Функ, Я. Шахт, К. Дениц, Э. Редер, Б. фон Ширах, Ф. Заукель, А. Йодль, М. Борман, Ф. фон Папен, А. Зейсс-Инкварт, А. Шпеер, К. фон Нейрат, Г. Фриче. Руководители всех государств антигитлеровской коалиции были убеждены в империалистическом характере гитлеровской агрессии. В тот период между ними не было серьезных разногласий по вопросу о том, что «Вторая мировая война была развязана нацистской Германией в поисках новых рынков и ресурсов соседних государств» с конечной целью «завоевания мира»⁴⁵. Руководители СССР, США, Великобритании и Франции полагали, что германский крупный бизнес сыграл главенствующую роль в происхождении Второй мировой войны. Поэтому предполагалось, что перед трибуналом должен был предстать один из крупнейших промышленников, который олицетворял военную мощь нацистской Германии – Г. Крупп. Однако по состоянию здоровья это оказалось не возможным⁴⁶.

18 октября 1945 г. обвинительное заключение было вручено Международному военному трибуналу, подсудимым и опубликовано одновременно в Лондоне, Москве, Вашингтоне и Париже⁴⁷. Обвинители от СССР, США, Великобритании и Франции проделали огромную работу по выявлению и систематизации доказательств⁴⁸, проведению допросов подсудимых и свидетелей. Показания

⁴⁴ Там же. С. 216–218.

⁴⁵ *Богдашкин А.А.* Дискуссия историков об экономических причинах Второй мировой войны // Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.). Воронеж, 2015. С. 41–42.

⁴⁶ *Богдашкин А.А.* Крупный бизнес Германии и происхождение мировых войн: почему и о чем спорят историки? // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж, 2017. С. 21–22.

⁴⁷ СССР и Нюрнбергский процесс. С. 263.

⁴⁸ К моменту подписания обвинительного заключения советская сторона располагала 70 документами, в момент предъявления ею доказательств – 443. В их число входили также документы, полученные от правительств Польши, Чехословакии, Югославии и обвинителей от других стран (ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 404. Л. 7–10).

директора Эрмитажа акад. И.А. Орбели о разрушениях в Ленинграде, протоирея Н.И. Ломакина о зверствах в Ленинградской области, С. Ройзмана и С. Шмаглевской о чудовищных злодеяниях в концлагерях Трешлинка и Освенцим, плененного в Сталинграде фельдмаршала Ф. Паулюса о подготовке нападения на СССР и др. произвели огромное впечатление. Всего обвинение вызвало 33 свидетеля, защита – 61.

Благодаря свидетельским показаниям мир узнал о чудовищных медицинских экспериментах нацистских врачей и эсесовцев над узниками концентрационных лагерей, а также о массовых зверских убийствах военнопленных и мирного населения, преимущественно из славянских государств. Так, польская гражданка, узница концлагеря Освенцим-Беркинау С. Шмаглевская рассказала об отношении к детям-узникам концлагерей, об использовании их труда и чудовищной эксплуатации, об уничтожении новорожденных еврейских детей. «В то время, когда больше всего евреев уничтожалось в газовых камерах, вышло распоряжение, что детей будут бросать в печи крематория без того, чтобы их раньше задушить газом... Крик этих детей был слышен во всем лагере»⁴⁹.

20 ноября состоялось первое судебное заседание Международного военного трибунала. Открывая его, председатель суда лорд Джеффри Лоуренс подчеркнул: «Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре. По этой причине на всяком, кто принимает какое-либо участие в этом процессе, лежит огромная ответственность»⁵⁰. На вопрос, признают ли подсудимые себя виновными, все они ответили отрицательно.

21 ноября со вступительной речью, посвященной первому разделу Обвинительного заключения, выступил главный обвинитель от США Роберт Джексон. Он подчеркнул, что преступления обвиняемых столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся⁵¹. 23–29 ноября доказательства по разделам «Экономическая подготовка Германии к агрессивной войне» и «Агрессивная война», включая агрессию против Австрии, представили другие американские обвинители. 4 декабря вступительную речь произнес главный обвини-

⁴⁹ Нюрнбергский процесс. Т. 5. М., 1991. С. 542–545.

⁵⁰ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 356–357.

⁵¹ Там же.

тель от Великобритании Хартли Шоукросс⁵². Затем его заместители и помощники представили доказательства по вопросам нарушения международных договоров, агрессии против Польши, Великобритании и Франции, вторжения в Данию и Норвегию, агрессии против Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. 10–14 декабря американские обвинители продолжили представления доказательств по разделам обвинения «Нацистская политика рабского труда», «Германизация и разграбление оккупированных территорий», «Гитлеровские концентрационные лагеря», «Преступления против человечности»⁵³.

8 февраля Международный военный трибунал заслушал вступительную речь главного обвинителя от СССР Романа Руденко. В ней подчеркивалось: «Впервые в истории человечества правосудие сталкивается с преступлениями такого масштаба, вызвавшими такие тяжелые последствия. Впервые перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений. Впервые, наконец, в лице подсудимых мы судим не только их самих, но и преступные учреждения и организации, ими созданные, человеко-ненавистнические “теории” и “идеи”, ими распространяемые в целях осуществления давно задуманных преступлений против мира и человечества... Это счет всего человечества, счет воли и совести свободлюбивых народов»⁵⁴.

Нюрнбергский процесс длился 10 месяцев в обстановке постепенной эскалации «холодной войны». Изменения в международном климате почувствовали подсудимые и их защитники, которые стали все чаще прибегать к провокациям, надеясь создать трещину в отношениях между обвинителями и членами МВТ от разных стран. Однако заключительные речи обвинителей по-прежнему отличались единодушием.

1 октября 1946 г. Международный военный трибунал вынес свой исторический приговор. Он осудил к смертной казни через повешение Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Заукеля, Йодля, Зейсс-Инквартга и Бормана (последнего заочно). К 20 годам тюремного заключения были приговорены Ширах и Шпеер, к 15 годам – Нейрат, к 10 годам – Дениц. Подсудимые Шахт, Папен и Фриче были оправданы.

⁵² Там же. С. 346–347.

⁵³ СССР и Нюрнбергский процесс. С. 43–44.

⁵⁴ Там же. С. 573, 636.

Трибунал признал преступными организациями национал-социалистическую партию (НСДАП), СС, СД и гестапо.

Первоначально предполагалось, что представители четырех государств – США, СССР, Великобритании и Франции сообщат проведут несколько международных процессов над нацистскими преступниками. При открытии Нюрнбергского трибунала англичане и французы издали совместную декларацию, в которой указывалось, что представители германского крупного бизнеса предстанут перед вторым международным военным трибуналом. Однако в условиях усиления конфронтации между союзниками США и Великобритании отказались от идеи проведения второго международного процесса⁵⁵.

США самостоятельно в том же зале в Нюрнберге провели 12 «малых» процессов, на которых были предъявлены обвинения нацистским врачам, промышленникам, представителям юстиции, руководству немецкого вермахта, видным членам СС и др. лицам. Еще 489 процессов над нацистскими преступниками американские власти организовали в бывшем концлагере Дахау. Британская, французская и советская оккупационные администрации также провели серию судебных разбирательств. Всего в оккупационных зонах Германии, находившихся под контролем западных союзников, в 1945–1949 гг. были рассмотрены дела 5025 нацистских преступников, по которым вынесено 8096 смертных приговоров. В исполнение были приведены 486⁵⁶.

На ход этих судов непосредственное влияние оказывала атмосфера «холодной войны», чем умело пользовались подсудимые и их адвокаты. Некоторые приговоры (особенно на процессе над крупнейшим химическим концерном ИГ Фарбениндустри) оказались излишне снисходительными и вызвали резкие протесты общественности в странах-участницах антигитлеровской коалиции. Многим преступникам и вовсе удалось избежать наказания, они выехали в Южную Америку, США, Австралию и некоторые другие

⁵⁵ Богдашкин А.А. Дискуссия о судебных процессах над промышленниками Третьего рейха в публицистике и историографии США второй половины 1940-х гг. – 1975 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12-3(26). С. 27–35; он же. Американская историография второй половины 40-х – 80-х гг. XX века о роли германского большого бизнеса в политической истории Веймарской республики: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 15–19.

⁵⁶ См.: URL: eleven.co.il/jewish-history/holocaust/10950 (дата обращения 20.10.2019).

страны⁵⁷. В советской оккупационной зоне, а затем в ГДР к вопросу о наказании военных преступников подошли со всей строгостью. Здесь в период с мая 1945 по декабрь 1964 г. было осуждено 12807 военных преступников, 118 из которых были приговорены к смертной казни и 231 к пожизненному заключению⁵⁸.

Судебные процессы над пособниками фашистских оккупантов по обвинению в коллаборационизме были проведены во многих западноевропейских странах. Во Франции, например, за сотрудничество с оккупантами были осуждены около 40 тыс. чел., в Бельгии их число достигло 55 тыс., в Голландии – 50 тыс. и т.д.⁵⁹ Особый резонанс вызвал суд над руководителем марионеточного государства Виши маршалом Филиппом Петэном, его приговорили к смертной казни⁶⁰. Однако применительно и к французской практике высказываются обоснованные утверждения о формальном ведении процессов, что позволило многим руководителям Третьей республики снять с себя ответственность за летнюю катастрофу 1940 года⁶¹.

В послевоенной Италии мероприятия, подобные осуществленной в Германии денацификации, не проводились. Руководство Великобритании и США рассматривали это государство в качестве второстепенного врага. Ее новому руководству, которое было тесно связано со старым фашистским режимом, было позволено заключить самостоятельно мирный договор⁶². Хотя американцы

⁵⁷ См. подробнее: *Строганова Е.Д.* Бегство германских нацистов после Второй мировой войны и их деятельность в Южной Америке // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж, 2017. С. 363–373; *она же.* Влияние мировых войн XX века на латиноамериканское общество. М., 2019. С. 44–64.

⁵⁸ *Строганова Е.Д.* Бегство германских нацистов... С. 371; *она же.* Влияние мировых войн... С. 60.

⁵⁹ *Czubiński A.* Europa dwudziestego wieku. Zarys historii politycznej. Poznań, 1997. S. 258. Судебные процессы были организованы также в странах Северной Европы – Норвегии, Дании и Финляндии. Подробнее см.: *Takala H., Tham H.* Crime and Control in Scandinavia during the Second World War. (Scandinavian Studies in Criminology. Vol. 10). Oslo, 1989; *Nordic Narratives of the Second World War: National Historiographies Revisited* / eds. by M. Österberg, J. Östling and H. Stenius. Lund, 2011; *Кудрина Ю.В.* Коллаборационизм и движение Сопротивления в Дании // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 20–22 апреля 2016 г.). Воронеж, 2016. С. 91–92.

⁶⁰ *Шмагин Д.В.* «Синдром Виши»: политические проблемы переосмысления коллаборационистского прошлого // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 2. С. 70–79.

⁶¹ *Богдашкин А.А.* Промышленный коллаборационизм... С. 58.

⁶² *De Grand A.J.* Op. cit. P. 116.

и британцы хотели, чтобы деятельность самых известных итальянских фашистов была расследована в ходе судебных заседаний, а преступники понесли наказание, на практике они не желали создавать бюрократический хаос в том, что осталось от слабого итальянского государства и укреплять позиции крайне левых. Начало гражданской войны в освобожденной Греции зимой 1944–1945 гг. встревожило многих государственных деятелей, которые опасались, что аналогичный конфликт может разразиться и в северной Италии⁶³. Уже в декабре 1945 г. в Италии было распущено Союзное военное правительство и это позволило многим видным эсэсовцам и другим военным преступникам использовать территорию этой страны в качестве перевалочного пункта при бегстве из Европы⁶⁴.

Нельзя не отметить, что ст. 45 мирного договора, который подписало новое итальянское правительство с державами-победительницами в феврале 1947 г., предусматривала необходимость арестов и предания суду лиц, обвиняемых в совершении, отдаче приказов или подстрекательстве к военным преступлениям, а также преступлениях против мира и человечества. Однако судебные преследования в Италии ограничились проведением 40 процессов, которые были организованы британскими оккупационными властями сразу после военного конфликта. Требования правительств Эфиопии и Югославии к итальянскому руководству санкционировать аресты высшего офицерского корпуса фашистского режима были проигнорированы⁶⁵.

Обстановка «холодной войны» позволила диктаторским режимам в Португалии и Испании пережить водораздел 1945 года, стать «долгожителями». Однако, как справедливо отмечают современные исследователи, устойчивость этих режимов в значительной степени основывалась на их способности «вовремя дистанцироваться от фашизма Гитлера и Муссолини»⁶⁶. Диктаторские режимы на Пиренейском полуострове стали активно «работать» над тем, «чтобы

⁶³ См. подробнее: *Domenico R.P. Italian Fascists on Trial, 1943–1948.* Chapel Hill, 1991.

⁶⁴ *Steinacher G. Argentinien als NS-Fluchtziel. Die Emigration von Kriegsverbrechern und Nationalsozialisten durch Italien an den Rio de la Plata 1946–1955. Mythos und Wirklichkeit // Argentinien und das Dritte Reich: Mediale und reale Präsenz, Ideologietransfer, Folgewirkungen / hrsg. von H. Meding. Berlin, 2008. S. 234.*

⁶⁵ Подробнее см.: *Prosperi L. The Missed Italian Nuremberg: The History of an Internationally-Sponsored Amnesty* (November 25, 2016). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2887267> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2887267>.

⁶⁶ *Каллис А. Есть ли у фашизма будущее: размышления об истории печально известного понятия // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4 (31). С. 13.*

избавиться от собственных радикалов»⁶⁷. Тем не менее, следует подчеркнуть, что ни Салазар, ни Франко не стремились полностью ликвидировать присутствие фашизма в политической жизни Португалии и Испании. Так, испанский диктатор, несмотря на международное и внутреннее давление, не пошел на роспуск единой партии – Испанской традиционалистской фаланги и ХОНС (ИТФ ХОНС). Она по-прежнему оставалась «важнейшим инструментом организованной поддержки и мобилизации масс». В условиях новой международной атмосферы, сложившейся после фултонской речи У. Черчилля, Франко и вовсе восстановил генеральный секретариат фалангистского движения. Влияние этой фашистской партии «продолжало оставаться значительным, хотя и ограниченным»⁶⁸.

И все же следует признать, что итоги Международного военного трибунала в Нюрнберге имели огромное значение для дискредитации фашизма. Даже воссоздаваемые в западноевропейских странах неофашистские организации были вынуждены отречься от своих предшественников и облачиться в «новые одеяния» ввиду категорического неприятия традиционного фашизма мировым обществом⁶⁹.

В Восточной Европе, вошедшей в сферу влияния Советского Союза, значительный размах получила деятельность народных судов и развернувшиеся параллельно с ними административные чистки⁷⁰. Статистика народных судов не считается окончательной и бесспорной, но, тем не менее, позволяет охарактеризовать масштаб

⁶⁷ Камю Ж.-И., Лебур Н. Движение и государственные режимы крайне правых в Южной Европе (1945–1989) // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4 (31). С. 33.

⁶⁸ Томас Ж.М. Единая партия режима Франко // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 218.

⁶⁹ Галкин А.А. Фашизм как общественный недуг // Берегиня. 777. Сова. 2012. № 4 (23). С. 18; Железняков А.С., Лебедева Н.С., Окунева Л.С., Богдашкин А.А., Лыкошина Л.С., Яхимович З.П., Галкин А.А. Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность («круглый стол») // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 4. С. 362; Каллис А. Указ. соч. С. 13–17; Камю Ж.-И., Лебур Н. Указ. соч. С. 30–40.

⁷⁰ При рассмотрении этих сюжетов автором использованы публикации: Волочитина Т.В. «Народные суды» и административные чистки в Восточной Европе после Второй мировой войны в контексте смены политических элит и «кадровой революции» // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Восточной Европы. Сборник материалов российско-французского семинара (Москва, сентябрь 2009 г.). Новосибирск, 2010. С. 150–162; она же. К проблеме смены «носителей власти» в послевоенной Восточной Европе // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. (К 60-летию К.В. Никифорова). М., 2016. С. 210–229.

их деятельности. В Болгарии, начиная с декабря 1944 г., было проведено 135 судебных процессов, в том числе 2 центральных для высшего эшелона власти. Общее число подсудимых – 11 122 чел., из них к высшей мере приговорены 2 730 чел. (из 160 представителей государственной элиты казнены 103). Велико было число подсудимых, получивших пожизненное заключение (1305).

В Венгрии за первую половину 1945 г. были арестованы 22 тыс. военных преступников, из которых 9 тыс. интернированы, а 2 тыс. предстали перед «народным судом». В Румынии в мае 1945 г. после ареста нескольких сотен полицейских и военных было принято решение о предании военному трибуналу 47 военных преступников во главе с генералом Мачичем. Ему инкриминировали массовые расправы с еврейским населением Одессы в октябре 1941 г. 29 подсудимых получили высшую меру наказания, но позднее она была заменена на пожизненное заключение. В мае 1946 г. смертное наказание постигло диктатора И. Антонеску, его заместителя, военного министра, начальника сигуранцы (тайной политической полиции).

Помимо стран-сателлитов аналогичные процессы развернулись и в других странах Восточной Европы. В Чехословакии в суды поступило 132 тыс. дел по обвинению в коллаборационизме. Рассмотрены были немногим более 38 тыс. дел. Всего до конца 1947 г. к «народному суду» были привлечены 158 тыс. военных преступников и коллаборационистов. Из 46 400 осужденных к высшей мере наказания приговорены 778 чел. В Польше на протяжении 1944–1948 гг. военные суды вынесли более 22 тыс. приговоров, из них 2500 смертных. Большинство было приведено в исполнение.

Особой сложностью отличалась обстановка в Югославии, где в условиях оккупации резко обострились межэтнические противоречия, усилился радикальный национализм, породивший политический экстремизм и насилие в больших масштабах. Раскол югославского общества объясняет итоги «наказательной акции» в стране и разброс приводимых статистических сведений: от 1,9 млн «жертв коллаборационизма» до 1 млн чел. В любом случае эти цифры многократно перекрывают статистику по другим странам региона. Военные трибуналы решали участь «реакционных элементов» в Албании (понятие «коллаборационизм» там не использовалось). К их числу были отнесены, в первую очередь, участники вооруженных банд, действовавших в экономически отсталых горных районах на севере страны. Параллельно прошли аресты многих адвокатов, судей, преподавателей, промышленников и торговцев, членов семей

бывших министров, офицеров, католиков и бекташей (членов дервишского ордена).

Все указанные выше процессы развивались в особой психологической атмосфере, характеризовавшей состояние послевоенной Европы и во многом определявшей убежденностью народов в необходимости воздать должное виновникам мировой катастрофы, восстановить справедливость. Воплотив в себе эти чаяния, Нюрнбергский международный трибунал – самый крупный в истории человечества судебный процесс – открыл новую эру не только в юриспруденции, но и в общественном сознании. Устав и приговор трибунала и сегодня служат делу борьбы с фашизмом, агрессией, национальной нетерпимостью и терроризмом, торжеству международного права и права каждого человека на свободу и безопасность. Историческое значение совместной акции четырех держав, осуществивших возмездие за совершенные преступления против человечества, даже возрастает в условиях, когда конфронтация между ведущими странами мира обостряется и может привести к непоправимым последствиям.

Л.Н. Бровко

ФАШИСТСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ЕВРОПЕ И ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

С 20-х годов XX столетия и ранее, сразу же после окончания Первой мировой войны, по разным причинам, самой важной из которых была неудовлетворенность результатами войны (особенно это касалось Германии), в разных странах Европы (Германия, Испания, Португалия, Италия, Румыния и др.) стали развиваться националистические (профашистские, фашистские, национал-социалистские и пр.) движения, формировавшие соответствующие правительства – от авторитарных до нацистских.

Свою роль в этих процессах сыграли революции – Октябрьская 1917 г. в России, Ноябрьская 1918 г. в Германии – и прочие социальные движения. На фоне критического отношения к ним, инициируемого, как правило, буржуазией и крупным капиталом, в правых кругах возникла необходимость формирования альтернативы происходящему¹. В Европе в противовес интернациональным, социалистическим, получили развитие национальные «социальные» процессы. Впрочем, речь шла скорее о псевдосоциальных проектах, будь то организуемые немецкими национал-социалистами пешие экскурсии и морской туризм, сбор взносов на народный автомобиль (проект так и не удалось завершить) или строительство шоссейных дорог для планируемой захватнической войны². Во главу угла фашистами ставились чистота крови и расизм, что принципиально отличало их от социалистов и коммунистов.

Впервые о национальном, корпоративном обществе, о фашизме и тесной «связке» всех слоев населения на национальной основе заговорили в Италии, в окружении Бенито Муссолини, бывшего социалиста, перешедшего в конце Первой мировой войны на сторону правых, а затем и протянувшего руку католикам³. Некоторые

¹ Подробнее см.: *Богдашкин А.А.* Американская историография о последствиях Первой мировой войны и формирования послевоенного мироустройства для крупного бизнеса Германии, Франции и Италии // *Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие. Сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции* (г. Воронеж, 16–17 мая 2018 г.). Воронеж, 2018. С. 9–45.

² Подробнее см.: *Туз А.* Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики / пер. с англ. М., 2019.

³ О положении дел в Италии см.: *Чечи Л.* «Это движение стало необходимо»: Католическая церковь и фашистское насилие в Италии (1920–1924) //

историки именно Италию считают фашистским государством, другие же подобные режимы характеризуются как «фашиствующие», «авторитарные», «тоталитарные» и т.п. Германия – единственная страна, которая при Гитлере получила название «национал-социалистической»⁴.

Многие исследователи считают, что все диктаторские режимы, для которых типичны свертывание демократии, тюремное заключение или принудительная эмиграция за идущие вразрез с официальными высказывания, преобладание агрессивного национализма, переходящего в откровенный расизм и т.п., можно считать фашистскими. Это не исключает наличия у каждого режима своих специфических черт. Дискуссии по этому поводу продолжаются и в наше время⁵.

Картина мира после Первой мировой войны изменилась, произошли важные перемены в деятельности различных общественных институтов, в их взаимоотношениях друг с другом и с государством. Прежде всего, это касалось государства и церкви, различных религиозных конфессий и деноминаций. В этой сфере в разных фашиствующих странах складывались свои сложные взаимоотношения. Государство в зависимости от традиций, идеологических постулатов, по-своему структурированных государственных учреждений по-разному относилось к церкви. Ясно одно – без этого исторически сложившегося влиятельного института по-новому созданные государства, идеология которых, как правило, противоречила постулатам христианства, надеяться на общественное признание не могли.

Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 127–139; она же. Католическая церковь и фашизм в Италии: модернизация, войны, антисемитизм (1929–1945) // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 99–111; *Поташинская Н.Н.* Пий XII и фашизм // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23); *Токарева Е.С.* Фашизм, церковь и католическое движение в Италии 1922–1943. СПб, 1993; *Шейнман М.М.* Ватикан между двумя мировыми войнами. М., 1948; *Григулевич И.Р.* Папство. Век XX. М., 1978; *Штейн Б.* Ватикан и война // Свободная мысль. 2010. № 5; *Яхимович З.П.* Происхождение итальянского фашизма и его путь к власти // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 110–118; *Лопухов Б.Р.* Фашизм и рабочее движение в Италии (1919–1922 гг.). М., 1968; он же. История фашистского режима в Италии. М., 1977.

⁴ Подробнее о сущностных чертах германской разновидности фашизма см.: *Галкин А.А.* Германский фашизм. Изд. 2-ое, доп. и перераб. М., 1989.

⁵ Подробнее см.: Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23); 2015. № 3(26); 2016. № 4(31). О дискуссиях в отечественной историографии см.: *Богдашкин А.А.* Советская и постсоветская историография о причинах установления фашистских диктатур в странах Западной Европы // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 41–69.

Не случайно первоначально занимавший откровенно антиклерикальные позиции Муссолини после провала итальянских фашистов на выборах в ноябре 1919 г. был вынужден кардинально изменить свою позицию по отношению к католической церкви. Необходимость широкой массовой социальной базы для созданной им партии заставляла Муссолини искать компромиссы с католицизмом. После избрания в парламент в мае 1921 г. лидер Национальной фашистской партии окончательно отмежевался от своих антиклерикальных убеждений, назвав их «ошибками молодости». Антиклерикализм стал для него «анахронизмом», заслуживавшим осуждения. Все чаще Муссолини высказывался в пользу необходимости установления отношений между Италией и Ватиканом, заявляя при этом, что как политик и депутат парламента он готов стать «привилегированным участником диалога со Святым Престолом». В своих выступлениях лидер итальянских фашистов подчеркивал, что «латинскую и имперскую традиции Рима представляет католицизм», а «единственная универсальная идея, существующая сегодня в Риме, – это та, которую распространяет Ватикан»⁶.

Не испытывая особого пиетета к христианской церкви, фашистские государства нуждались в ее помощи, либо же просто в ее наличии для укрепления своей власти. Это было характерно в особенности для Италии Муссолини, который до конца 1930-х гг. воздерживался от проведения расистской политики. До 1938 г. в рядах фашистской партии находилось немало евреев, многие из которых занимали руководящие посты в фашистских организациях и государственных учреждениях⁷. Для всех фашиствующих режимов был характерен национализм (диктатуры Франко в Испании и Салазара в Португалии, соответствующие режимы в Венгрии, Румынии, Хорватии)⁸. Имело место насилие чернорубашечников в Италии, зеленорубашечников («Железная гвардия» или «Легион Архангела Михаила») в православной Румынии, воинствующей молодежи в других странах Европы в отношении всех несогласных

⁶ Чечи Л. «Это движение стало необходимостью». С. 128–129.

⁷ Адлер Ф.Х. Евреи – сначала буржуа, затем враги, а потом жертвы: поворот итальянского фашизма к расизму в 1938 году // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 153.

⁸ См. об этом, в частности: Лофф М. Бог, отечество, власть: католическая церковь и иберийские фашизировавшиеся режимы (1933–1945 гг.) // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 204–214; Билиута И. Королевская власть и «железная гвардия». Конфликт в стане авторитарных сил Румынии (сентябрь 1940 – январь 1941 гг.) // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 52–62; Шубин А.В. Великая Испанская революция. М., 2011; Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. М., 2007.

с режимами, в том числе верующих католиков. Широкое распространение получили гонения на евреев, прежде всего в Испании и Португалии, преследования протестантов, мусульман и пр. Но при этом в подобных действиях были и различия, свои особенности.

В Италии, как уже упоминалось, до определенного времени не наблюдалось откровенного, основанного на чистоте крови, расизма и антисемитизма, свойственных фашистским режимам. В ней, равно как и в Испании и Португалии, повсеместно преобладал католицизм. Известный исследователь итальянского фашизма Р. Босворт утверждает, что изучение общественной жизни Италии при Муссолини свидетельствует о доминировании в стране не фашизма, а традиционного итальянского менталитета⁹. Тем не менее, итальянский фашизм в 1938 г. на законодательной основе осуществил поворот к расизму. По мнению ряда современных историков, «итальянцы отреагировали на расистское законодательство цинично и корыстно». Хотя основная часть рядовых граждан не включилась в инсценированную диктаторским режимом кампанию по преследованию евреев, большинство из них не предприняло никаких мер, чтобы хоть как-то поддержать евреев-соотечественников, осудить дискриминационные меры¹⁰. Отдельные верующие, а также католические сообщества (монастыри, приходы, территориальные аббатства), выдавая фальшивые удостоверения личности и справки о крещении, внесли свой вклад в спасение евреев. Тем не менее, руководство католической церкви не осудило открыто преследования евреев¹¹.

В странах Пиренейского полуострова наблюдалась прочная связь представителей церкви и государства. Католики повсеместно избирались в органы власти, они же рекомендовали к выдвижению в эти органы своих собратьев по вере. Гонений на эту конфессию практически не было. Диктаторы (Франко, Салазар) также были католиками и формировали правящую коалицию из католиков. Поэтому некоторые историки склонны считать эти режимы авторитарными¹². Однако следует признать, что влияние фашизма в деятельности этих режимов было весьма существенным.

⁹ Босворт Р.Д.Б. Границы фашистского тоталитаризма // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 119.

¹⁰ Адлер Ф.Х. Указ. соч. С. 158.

¹¹ Чечи Л. Католическая церковь и фашизм в Италии. С. 107.

¹² См. об этом: Лофф М. Бог, отечество, власть; Ивани М. Кризис либеральной демократии в Португалии и «Новое государство» Салазара // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 268–278; Касалс Месегер Х. Век фашизма в Испании // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 279–288. Об отношениях между католиками и режимом Салазара в

Основой тесного сотрудничества испанских и португальских властей с католическими организациями и Ватиканом являлся национализм. Объединявшим фактором были общие с католицизмом исторические корни, общая идеология (Бог, Родина, семья, собственность), схожее негативное отношение к новым процессам в мире, к социализму. Не случайно в ноябре 1941 г., в разгар военной кампании фашистской Германии и ее союзников против СССР, Салазар торжественно объявил происходящее «генеральной европейской линией». Победа Германии, по убеждению португальского диктатора, была призвана подтвердить обоснованность этой линии¹³.

Гитлер с его кровавым национал-социализмом в своей церковной политике отличался от правителей других стран¹⁴. Будучи сам католиком, он ненавидел христианскую церковь. Идя, порой из тактических соображений, на компромиссы, он, тем не менее, считал Католическую церковь, Ватикан, впрочем, как и христиан других конфессий, своими врагами и соперниками, полагал, что Германия только тогда добьется окончательной победы, когда сметет на своем пути церковь или реформирует ее в национал-социалистском духе, поставит реформатора (фюрера) во главе, изменит христианскую теологию.

В своей книге «Моя борьба», опубликованной в 1925 г., Гитлер еще не осмелился открыто выступить против немецких церквей, хотя и интонация, и направленность его высказываний в отношении христианства были абсолютно очевидны. Гитлер в то время не отрицал правомерности существования христианских церквей, особо подчеркивая как положительный фактор национальную позицию обеих христианских конфессий (католиков и протестантов) в Первую мировую войну, поддержку ими родины и государства. Он отмечал то обстоятельство, что есть церковники и верующие, которые служат нацистскому движению (и такая позиция во многом определяла его отношение к церкви и в дальнейшем).

Гитлер не скрывал, что намеревался реформировать церковь по национальному образцу. Да и вся книга Гитлера – гимн немецкой нации, немецкой крови и расе. Впадая в язычество, фюрер писал,

Португалии см.: *Поташинская Н.Н.* Церковь Португалии и «революция гвоздик» // *Берег*. 777. Соч. 2014. № 1(20). С. 153–167.

¹³ *Лöfff М.* Указ. соч. С. 210.

¹⁴ Об отношении германских властей к христианским церквям см. подробнее: *Бровко Л.Н.* Церковь и Третий рейх. Вып. 1, 2. СПб., 2009, 2013; *она же.* Нацизм и религия // *Новая и новейшая история*. 2017. № 1. С. 25–35.

что грехи против крови и расы являются самыми страшными¹⁵. Надо сказать, что среди нацистов (наиболее яркой фигурой в этом отношении являлся Г. Гиммлер) язычество было широко распространено: его адепты считали Христа арием, фюрера (вождя) главой церкви, устраивали экспедиции в Гималаи в поисках языческих знаков и свидетельств исключительности и расовой чистоты именно германского народа¹⁶.

Мировоззренческим основам христианства противоречила и постановка еврейского вопроса, сводимая к борьбе против еврейской нации, «международного еврейства». Гитлер откровенно выказывал недовольство христианскими церквями, занимавшими в еврейском вопросе позиции, «которые не соответствуют ни чаяниям народа, ни действительным потребностям религии»¹⁷. Таким образом, мировоззренческое расхождение гитлеризма с христианством было очевидно с самого начала. Речь могла идти в дальнейшем лишь о выстраивании отношений диктатуры с церковными организациями и институтами, которым фюрер уделял исключительное внимание, выделяя церковный вопрос в качестве кардинального вопроса, определявшего судьбу страны и нации.

Ближайшее окружение Гитлера – Геббельс, Борман и другие – смотрело на ход событий, не отягощая себя философскими размышлениями. Борьбу с церковью они рассматривали как чисто политическую необходимость, обусловленную соперничеством за мировое господство. Министр пропаганды Геббельс, в частности, утверждал: «Благодаря нашей организованности и строгому отбору **мировое господство** автоматически достанется нам. На нашем пути стоит одна только церковь. Она не хочет отдавать свое мировое господство, она маскирует его религией... Отсюда сегодняшняя борьба, которую мы должны выиграть и выиграем. Фюрер набросал эти перспективы с большим размахом...»¹⁸.

На практике это приводило к столкновению силовых структур с христианами. Нацисты запрещали проведение церковных праздников, церковных служб, окружали здания церквей, мешали церковному песнопению, выкрикивая нацистские лозунги и исполняя нацистские песни. В качестве психологического давления широко использовались факельные шествия. Обычной практикой стали задержания, отправка в тюрьмы и концлагеря «за веру», хотя

¹⁵ Гитлер А. Моя борьба / пер. с нем. Ашхабад, 1992. С. 208.

¹⁶ См.: Бровко Л.Н. Нацизм и религия.

¹⁷ Гитлер А. Моя борьба. С. 94.

¹⁸ Ржевская Е. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 220–221.

на словах Гитлер и другие нацистские правители радели за союз с христианами и совместную борьбу против атеистов, коммунистов и прочих «антихристиан», за «великую Германию».

Какова же была позиция самих христиан, особенно их лидеров? Она пережила непростую эволюцию. Если на рубеже 1920-х – 1930-х гг. идеологические разногласия и несовместимость расистской идеологии с христианским мировоззрением обусловили антинацистские заявления церковного руководства, то с приходом Гитлера к власти в январе 1933 г. высший клир обеих конфессий четко заявил о своей лояльности новому канцлеру. Изменили свою позицию под влиянием нацистской пропаганды и многие немецкие христиане.

Все это вместе взятое привело к заключению 20 июля 1933 г. известного Конкордата между немецким правительством и Ватиканом, определявшего статус Римско-католической церкви в Германии. Этот документ, как и вся политика папы Пия XI, до сих пор по-разному оцениваются исследователями¹⁹. Католическая церковь заявила о своей верности «немецкому Рейху и стране», выразила уважение к «конституционно» образованному правительству. В свою очередь, фашистское государство обязывалось защищать интересы церкви и ее организаций и союзов, но только в том случае, если они будут действовать в интересах родины и государства, воспитывать христиан в духе верности государству и народу, не будут заниматься политической деятельностью. Думается, что церковь в основном исходила из того, чтобы с помощью некоторых уступок и компромиссов сохранить церковную организацию. Гитлер же рассматривал Конкордат как инструмент унификации церквей и ликвидации потенциального идеологического противника.

¹⁹ *Ерин М.Е.* Католическая церковь Германии и фашизм. Ярославль, 1990. С. 72–73; автор утверждает, что, в результате «заключения Конкордата Ватикан одобрил действия фашистских главарей», было объявлено об общности целей церкви и имперского правительства. Подписание Конкордата стало серьезным успехом гитлеровской дипломатии. «Антикоммунизм и антисоветизм толкнули в то время Католическую церковь и Ватикан навстречу Гитлеру, из-под власти которого церковь так и не смогла вырваться». К. Шольдер пишет о том, что «Конкордат связывал государство, но сильнее связывал церковь». (*Scholder K. Politischer Widerstand oder Selbstbehauptung als Problem der Kirchenleitungen. Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. München, Zürich, 1986. S. 255*). Исследователь подчеркивает, что Гитлер заключил соглашение, чтобы сложились видимость христианского государства, для Ватикана же самым важным являлась возможность «построить плотину против коммунизма» (*Scholder K. Die Kirchen und das Dritte Reich. Bd. 1–2. Bd. 1. Frankfurt a.M., Berlin, Wien. 1977–1985. S. 184, 207–209*).

Конкордат не устранил имевшиеся разногласия. Стороны обоюдно делали реверансы, но суть дела оставалась прежней – невозможность совместить очевидные противоположности. Об этом свидетельствуют, например, Рождественские проповеди 1933 г. видного деятеля Католической церкви кардинала Михаэля фон Фаульхабера, хотя он и предпринимал усилия в пользу компромиссов²⁰. В 1936 г. в Оберзальцберге даже состоялась его встреча с Гитлером. Разговор шел по широкому кругу вопросов, в том числе и о разногласиях. Сошлись, однако, на антикоммунизме.

Сложные отношения складывались у режима с Ватиканом. В 1937 г. папа Пий XI издал Энциклику «*Mit brennender Sorge*» («С огромной обеспокоенностью»), в которой, в сущности, выражал протест против расизма, фашистской идеологии и наступления на церковь²¹. Энциклика вызвала недовольство Гитлера и его окружения.

С началом Второй мировой войны палитра настроений в христианском мире характеризовалась сравнительной пестротой, включая пронацистские и антифашистские проповеди и высказывания²². Значительную часть католиков, впрочем, как и представителей другой основной христианской конфессии – протестантской, сплачивал патриотизм, чем и пользовались нацисты в годы войны. По имеющимся сведениям, даже после разгрома гитлеровской Германии отдельные представители католической церкви оказывали содействие бежавшим из Европы нацистским преступникам²³.

Нельзя не отметить, что симпатизировавшие гитлеровской Германии католические круги Испании и Португалии не выступили в поддержку действий Пия XI в 1937 г. В Португалии публикация упомянутой выше энциклики «*Mit brennender Sorge*» не вызвала какого-либо значительного резонанса в обществе, а в испанской прессе вообще не публиковалась вплоть до окончания Второй мировой войны. Зная о серьезных разногласиях между Ватиканом и Германией, влиятельные испанские иезуиты провозглашали, что «католики не должны противодействовать движению под

²⁰ Бровко Л.Н. Церковь и Третий рейх. С. 246–250; она же. Кардинал Фаульхабер и «третий рейх» // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 162–181.

²¹ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1240. Оп. 1. Д. 53.

²² Бровко Л.Н. Церковь и Третий рейх. С. 299–325.

²³ Строганова Е.Д. Бегство германских нацистов после Второй мировой войны и их деятельность в Южной Америке // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж, 2017. С. 365–366.

названием “фашизм”, который является в высшей степени национальным. Мы должны воспринять его с любовью и направить его должным образом по традиционной и христианской стезе»²⁴.

Неоднозначные процессы происходили в протестантской Немецкой евангелической церкви²⁵. В основе ее позиции – сотрудничество с гитлеровской властью. Это касалось и руководства церкви во главе с рейхсепископом Л. Мюллером, и самой паствы. Сам Гитлер со своими соратниками часто опирался именно на Евангелическую церковь, где исторически преобладали патриотические настроения, скорее балансировавшие на грани национализма или даже нацизма. Многие сближало протестантов с нацистским режимом. В Евангелической церкви даже действовала профашистская организация под названием «Религиозное движение “Немецкие христиане”» («Deutsche Christen»). Участники движения отдавали пальму первенства чистоте крови (понятно, в первую очередь, арийской), выступали за создание сильной национальной церкви, утверждали, что немцы – народ сам по себе святой, что их вера свята не по крещению, а по рождению; традиционное христианство же противоречит «жизненным законам народа и расы» (читай: законам крови. – Л.Б.), а значит чуждо сути немецкого характера²⁶. Другое дело – создание «национальной» христианской религии, на что и нацелены были «Немецкие христиане». Вместе с тем именно в Немецкой евангелической церкви произошел раскол и образовалась Исповедующая церковь (Die Bekennende Kirche), которая настаивала на сохранении нравственной, христианской идеологической основы²⁷.

Исповедующая церковь, в сущности, являлась антифашистской оппозицией гитлеровскому режиму. Из ее рядов вышли известные на весь мир антифашисты – Д. Бонхёффер, М. Нимёллер и др. Дитрих Бонхёффер был связан с буржуазно-демократическим подпольем²⁸. Узник тюрьмы гестапо в Берлине, концлагерей Бухенвальд и Флоссенбюрг, он был казнен в конце войны за участие

²⁴ Лофф М. Указ. соч. С. 209.

²⁵ Подробнее см.: Бровко Л.Н. Немецкая евангелическая церковь и национал-социализм // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 71–93; она же. Протестантизм и национал-социализм // Берегиня. 777. Соч. 2014. № 4(23). С. 208–220.

²⁶ РГВА. Ф. 1363. Оп. 1. Д. 16. Л. 20.

²⁷ Бровко Л.Н. Исповедующая церковь. Истоки и основополагающие решения // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М.; СПб., 2012. С. 614–658.

²⁸ Об этом направлении в немецком Сопротивлении см.: Хавкин Б.Л. Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление. М., 2017.

в антинацистском Сопротивлении²⁹. Пастор Мартин Нимёллер, переосмыслив все произошедшее в Германии, осуждая пассивность и бездумие народа, признавал в этом и свою вину. После войны он писал, что всякий раз, когда нацисты приходили за другими, будь то евреи или члены профсоюзов, он убеждал себя в том, что его это не касается. Но когда пришли за ним, то его уже некому было защищать³⁰.

Происходящие в сегодняшнем мире события показывают: не-много тех, кто стремятся усвоить уроки истории, мало кто реагирует на опасные факты и явления, что нередко делает возможным трагическое «повторение пройденного» – возрождение фашизма в разных его формах и проявлениях³¹.

В настоящее время церковь в основном отделена от государства, или, по крайней мере, так записано в конституциях разных стран. Однако, как и прежде, осуществляется давление на нее со стороны авторитарных и националистических, профашистских режимов. Такие режимы с помощью церкви осуществляют нравственное прикрытие неблагоприятных политических решений, разного рода манипуляций, связанных, прежде всего, с борьбой за капитал, территории и власть. Церковь, как и прежде, ведет себя по-разному. Конформизм живуч, многие приспособлялись и приспособляются, реагируя на динамично меняющиеся условия бытия. Но было и есть в христианской церкви здоровое нравственное ядро, которое остается верным конфессиональным принципам. И поэтому есть надежда...

²⁹ Метаксас Э. Дитрих Бонхёффер. Праведник мира против Третьего рейха. Пастор, мученик, пророк, заговорщик / пер. с англ. Л.Б. Сумм. М., 2012; Бровко Л.Н. Дитрих Бонхёффер // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 58–76.

³⁰ Niemöller M. Über die deutsche Schuld, Not und Hoffnung. Zürich, 1946. S. 5–7; Бровко Л.Н. Церковь и Третий рейх. С. 422; она же. Нимёллер // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. LI. С. 214–218.

³¹ О проблеме противодействия нацизму и попытках создания антифашистского народного фронта см.: Бровко Л.Н. Германская социал-демократия в годы фашистской диктатуры (1933–1945). М., 1988.

Т.А. Некрасова

КОАЛИЦИЯ «ДЕРЖАВ ОСИ»: СТРУКТУРА И ВЗАИМНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Первый этап Второй мировой войны был «странен» не только непредвиденным затишьем на фронтах. Вплоть до начала весны 1940 г. горячей фазы войны – вторжения германской армии в Бельгию, Голландию, а затем во Францию – противоборствующие силы пытались уяснить «кто есть кто» в их рядах и просчитать возможные варианты будущих действий. А на это также нужно было время. Противникам «Третьего рейха» договориться между собой удалось далеко не сразу. СССР до 22 июня 1941 г. был связан с Берлином договором о ненападении, США помогали Франции и Великобритании, но до 7 декабря 1941 г. официально в войну не вступали. С позиции сегодняшнего знания можно сколь угодно долго рассуждать о том, что альтернативы формированию антигитлеровской коалиции не существовало, но ведь и Советский Союз, и Соединенные Штаты были вовлечены в войну помимо их воли. Как знать, каким путем развивались бы события, если бы Гитлер избегал открытого столкновения с обеими державами вместо того, чтобы торопить его.

Германию и ее союзников объединяли сам факт агрессии, а также совместные интересы, идеология и риторика. Однако монолитной эту коалицию назвать нельзя. Уже к концу первого этапа войны, когда «державы Оси» постигнут первые неудачи, станет очевидной их разобщенность. Чтобы установить, какую роль играли взаимоотношения участников коалиции в их конечном поражении, следует обратиться к тщательному изучению ее внутренней структуры. И первый вопрос, на который следует ответить, – можно ли вообще называть указанное сотрудничество коалицией, или его форме следует подобрать какое-то другое определение?

Понятие «коалиция» при всей его аморфности, обусловленной, прежде всего, вариативностью состава участников (отдельные лица, организации, партии, государства), предполагает обязательное наличие общих целей (тактических и стратегических; экономических, социальных, внутри- и внешнеполитических и т.д.)¹. Этот главный критерий в полной мере соответствует изучаемой коалиции «держав Оси», объявленной общей целью которой

¹ Статья «Коалиция» // Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2007. С. 275.

являлся пересмотр устаревшей системы международных отношений и создание на ее месте «нового мирового порядка». Последний также понимался участниками в общих чертах одинаково. Главным врагом для «держав Оси» оказывалась Версальско-Вашингтонская модель миропорядка, в рамках которой достижение прокламируемой цели было невозможным. При столь масштабных задачах «державы Оси» делали ставку лишь на полную победу над системой, поскольку промежуточные варианты означали бы необходимость компромиссов, которые в их планы не входили.

Правда, общая цель построения «нового мирового порядка» была размытой, детали не были прописаны в договоренностях, сроки ее достижения не названы, что не позволяет оценить успех или неудачу гитлеровского блока, исходя из сколь-нибудь очевидных критериев. Единственное, что определяет результативность взаимодействия «держав Оси», – это исход развязанной войны: до тех пор, пока победа оставалась достижимой, коалицию можно считать успешной, даже если Германии, Италии и Японии не всегда удавалось согласовать конкретные действия, а их тактические цели расходились.

Понятие «коалиция» включает в себя и тип взаимодействия, который формируется между участниками. У В. Даля коалиция суть согласие, сговор, круг, «условие идти или быть заодно»², что, однако, не накладывает на них никаких формальных обязательств. Каждый из участников сохраняет самостоятельность в делах, не связанных с целью коалиции. В соответствии с этим принципом Германия, Италия и Япония занимали независимую позицию в том регионе, который они рассматривали как сферу своего влияния, рассчитывая на собственные силы и выбирая свой путь к достижению регионального господства и построению там «нового порядка». Иначе говоря, коалиция могла оказаться эффективной даже в случае отсутствия у союзников в войне единой линии действий, разумеется, если самостоятельность участников привела бы к успеху.

В ряде определений коалиция приравнивается к союзу, что является более «императивным» понятием, подразумевающим наличие конкретных договоренностей. Союз, или альянс – это объединение на основе договорных обязательств³. «Качество» этих обязательств, однако, не оговаривается, так что для того, чтобы

² Статья «Коалиция» // *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1989. С. 126.

³ Статья «Альянс» // *Большая советская энциклопедия.* Т. 1. М., 1970. С. 490.

считать группу государств союзом, достаточно было бы и устных договоренностей, либо письменных с любой степенью обобщения. «Державы Оси» имели такие договоренности, где были очерчены основы их взаимодействия в ходе пересмотра существовавшей модели системы международных отношений. Другое дело, что практические вопросы решались по мере их возникновения в ходе войны, что никак не противоречит понятию союза, а просто отражает будни его существования. Таким образом, «державы Оси» можно считать коалицией или даже союзом, сформированным и оформленным документально на основе общих интересов в идеологической и геополитической сферах.

Договоренности «держав Оси» сводятся к трем документам – это Антикоминтерновский пакт Германии и Японии 1936 г. (6 ноября 1937 г. к нему присоединилась Италия), Стальной пакт Германии и Италии 1939 г. и, наконец, Берлинский пакт 1940 г., оформленный между тремя государствами уже в ходе войны.

Первый из документов – Антикоминтерновский пакт (25 ноября 1936 г.)⁴ – регулировал отношения между Германией и Японией, выводя планы «Третьего рейха» на глобальный уровень создания «нового порядка». Идея мирового господства привлекала Гитлера задолго до прихода к власти, а после 1933 г. экспансионистская политика Японии стала его особенно интересовать⁵. Гитлер отмечал преимущества японцев в роли союзников, о чем свидетельствует личный архитектор Гитлера, а позже рейхсминистр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер: «...Он не скрывал своего сожаления о том, что связался с так называемой желтой расой, но полагал, будто может ни в чем себя не упрекать, коль скоро даже Англия во время [Первой] мировой войны мобилизовала Японию против стран Центральной Европы. В качестве союзника Гитлер признавал Японию мировой державой, тогда как по отношению к Италии он был в этом далеко не так убежден»⁶. Приведенный отзыв показывает, что в поисках поддержки своих амбициозных планов Гитлер легко игнорировал идеологические противоречия, что не означает, правда, что в основе этих планов лежал тонкий практический расчет.

⁴ Deutsch-Japanisches Abkommen gegen die Kommunistische Internationale. Berlin, 25. November 1936 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Serie C: Bd VI, 1: 1. November 1936 bis 15. März 1937. Göttingen, 1981. S. 114–120.

⁵ Запись от 15.05.1934 г. // Политический дневник Альфреда Розенберга. 1934–1944 гг. / под ред. И. Петрова; предисл. А. Дюкова. М., 2015. С. 31.

⁶ Шпеер А. Воспоминания / ред. И. Захаров. М., 2010. С. 161.

Антикоминтерновский пакт, подписанный Германией и Японией, исходил как раз из наличия между ними общей идеологической базы – признания угрозы со стороны «коммунистического интернационала» внутреннему порядку государств и одновременно миру во всем мире. Этой угрозе Германия и Япония противопоставляли «намерение сотрудничать в деле обороны против коммунистической подрывной деятельности». «Достигнуть взаимопонимания относительно характера дальнейшего сотрудничества» предполагалось позднее, пока же в договоре назывались следующие шаги: обмен информацией о деятельности Коминтерна, строгие меры против лиц, состоящих на службе Коминтерна, и создание постоянной комиссии, в которой будут изучаться и обсуждаться дальнейшие оборонительные меры. Строго говоря, речь шла о мероприятиях внутреннего порядка против коммунистических движений, причем «в рамках ныне действующего законодательства», т.е. никаких конкретных обязательств международного уровня официальная часть Антикоминтерновского пакта на подписавшие его государства не налагала.

Вместе с тем, в секретном приложении к Антикоминтерновскому пакту говорилось о возможном состоянии войны против Советского Союза: в этом случае Германия и Япония обязывались не предпринимать мер, которые могли бы облегчить положение их потенциального противника, а также немедленно приступить к согласованию совместных действий. Этот пункт не распространялся на ситуации, в которых инициатором войны выступала одна из подписавших договор стран. Иначе говоря, когда Германия 22 июня 1941 г. напала на СССР, Япония не обязана была помогать своему союзнику. С другой стороны, Япония также оставалась вполне независимой в своих агрессивных намерениях, чем она и воспользовалась, совершив нападение на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г.

Как вспоминал адмирал Карл Дёниц, «германское командование было буквально ошеломлено» этим событием⁷. Видимо, руководство Германии рассчитывало, что в войне доминировать будет все же немецкая инициатива. Возможно, этим руководствовался фюрер, принимая решение объявить войну США; согласно Антикоминтерновскому пакту такие меры не предусматривались. Однако и в Антикоминтерновском пакте, и в ходе Второй мировой войны Германия и Япония предстают как партнеры, приблизительно равные по своему статусу и влиянию в соответствующих

⁷ Дёниц К. Десять лет и двадцать дней. М., 2007. С. 203.

регионах – Европе и Азии. Подтверждением тому является отсутствие предварительного согласования международной политики обоих государств, хоть это и очень серьезно осложняло вероятность достижения совместных результатов. Япония, например, постоянно и жестко пресекала любые намерения немцев вмешиваться в вопросы формирования своей внешнеполитической стратегии. Уже первые попытки Германии сыграть на противоречиях в японском руководстве были резко пресечены: в 1937 г. японский посол в Италии Йотаро Сугимура гневно отчитал немецкого посла Ульриха фон Хасселя за то, что «нацисты» проводят среди японских служащих зондаж мнений о взаимоотношениях между «державами Оси», тогда как решение всех вопросов находится в руках ответственных лиц – к ним и следует обращаться⁸.

Отсутствие в Антикоминтерновском пакте дальнейших обязательств Германии и Японии было продиктовано совсем не тем, что они на тот момент не планировали конкретной войны. Напротив, и та, и другая в 1930-е гг. наращивали свои внешнеполитические амбиции, то и дело переступая рубеж прямой агрессии. Однако Берлин и Токио находились в разных частях света, и на тот момент должны были решать свои региональные, пока еще не глобальные, задачи. Один из идеологов нацизма Альфред Розенберг предложил следующую формулу разделения сфер влияния союзников: «Объединение государств на Востоке, в бассейне реки Дунай вплоть до Афганистана, далее Япония»⁹. Гитлер также ограничил зону своей экспансии Европой, что формально избавляло его от соперничества с Японией. После решающей победы над Версальско-Вашингтонским миром предполагалось вернуться к колониальным вопросам¹⁰.

Все это не означало, что Германия и Япония не чувствовали себя конкурентами. Как пишет американский историк Джонатан Адельман¹¹, Япония боялась германских успехов: в случае установления господства Германии в Европе Япония могла лишиться своей доли в азиатском регионе, ведь среди европейских государств оказались бы основные колониальные державы, наследство которых

⁸ Aufzeichnung des Botschafters in Rom von Hassel. 17. März 1937 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918-1945. Serie C: 1933-1937. Bd. VI, 2: 1. November 1936–15. März 1937. S. 601.

⁹ Запись от 12.08.1936 г. // Политический дневник Альфреда Розенберга. С. 100.

¹⁰ Запись от 14.04.1934 г. // Там же. С. 27.

¹¹ Adelman J. R. German-Japanese relations, 1941–1945 // Hitler and his Allies in World War II. London; New York, 2007. P. 46.

отходило Германии. Немцы, в свою очередь, опасались японцев, ожидая от них резкого поворота в международной политике, и не без оснований: в апреле 1941 г. Япония начала переговоры с США, даже не уведомив об этом своего германского союзника. Кроме того, отсутствие общей сферы территориальных интересов делало Берлин и Токио плохими союзниками: «Без глобального видения Германии и Японии не хватало способности сотрудничать в качестве союзников. <...> У них отсутствовал общий враг в Евразии, общие военные цели, общее планирование, и не было открытости и основы для доверия»¹².

Единственным реальным императивом Антикоминтерновского пакта была вторая статья секретного соглашения, которая запрещала подписантам без взаимного согласия заключать с Советским Союзом какие-либо политические договоры, противоречащие духу соглашения. Но и эту общую линию было крайне трудно поддерживать в разнонаправленных дипломатических действиях Германии и Японии. Так, немецкий госсекретарь министерства иностранных дел Ганс Георг фон Макензен писал в 1937 г. своим коллегам в Токио о невозможности поддержать японцев в Маньчжурии, особенно «в одностороннем порядке»: «Мы всегда готовы пойти навстречу оправданным японским интересам. Наша позиция не означает, что мы хотим отступить от линии, утвержденной в Антикоминтерновском пакте. <...> Однако степень готовности японцев ориентироваться на наши интересы очевидна по событиям последних дней в Северном Китае, которые означают ослабление японского давления на Советский Союз...»¹³.

Гитлер, очевидно, переоценил готовность Японии к совместной войне. В марте 1939 г. фюрер уверял итальянского посла, что по окончании войны с Китаем «Япония, хотя бы по эгоистическим причинам, всегда присоединится к Италии и Германии во всеобщем конфликте»¹⁴. Однако всего несколько месяцев спустя, подписав 23 августа 1939 г. пакт Молотова–Риббентропа, Германия сама сломала ось Берлин–Токио. Этот дипломатический ход, нарушивший единственное весомое обязательство союзников

¹² Ibid. P. 44.

¹³ Der Staatssekretär des Auswärtigen Amtes von Mackensen an die Botschaft in Tokio. 20. Juli 1937 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Bd. VI, 2. S. 601.

¹⁴ Aufzeichnung des Gesandten Schmidt. Note on a Conversation between the Führer and the Italian Ambassador in the Presence of the German Foreign Minister. March 20, 1939 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Serie D: 1937–1941. Bd. 6: März bis August 1939. S. 48–49.

в отношении друг друга, не позволил Гитлеру рассчитывать на поддержку Японии, когда та ему понадобилась. В частности, нападение Японии на Пёрл-Харбор противоречило планам Гитлера: путем демонстрации тесного сотрудничества между Германией и Японией в войне с СССР он намеревался удержать США от вступления в войну¹⁵.

Подписание договора между СССР и Германией вызвало в Японии правительственный кризис и отставку 28 августа 1939 г. кабинета Киитиро Хиранумы, являвшегося проводником курса на японо-германскую войну против СССР. 13 апреля 1941 г. между Японией и СССР был подписан договор о нейтралитете, что избавляло Советский Союз от опасности войны на два фронта и лишало политику Антикоминтерновского пакта всякого конкретного смысла, ограничивая его громкими лозунгами. И хотя у Японии не окажется других вариантов, кроме как продолжать сотрудничество с Германией, поскольку ни с СССР, ни с Англией ее интересы категорически не совпадали, Япония в составе коалиции «держав Оси» останется скорее залогом того, что она не станет воевать против Германии и, по мере возможности, отвлечет на себя часть военных усилий антигитлеровской коалиции.

Иначе выглядели отношения Германии с Италией. Стальной пакт (22 мая 1939 г.)¹⁶ отражал идиллическую картину духовного единства двух стран и их твердое намерение сотрудничать в различных мелких и крупных вопросах европейского переустройства. На идеологическом уровне речь шла о «внутреннем родстве мировоззрения и обширной солидарности интересов», «тесных отношениях дружбы и сплоченности» и намерениях обеспечить себе «жизненное пространство». В случае угрозы одному из двух государств союзник должен был оказать «полную политическую и дипломатическую поддержку, чтобы устранить эту угрозу», в случае войны (вне зависимости от того, кто ее инициировал) – «поддерживать всеми силами на суше, море и в воздухе». При согласовании условий мира с противниками в общей войне такой мир следовало заключить «только в полном взаимном согласии». Таким образом,

¹⁵ Unterredung Hitlers mit dem japanischen Botschaftler in Deutschland Oshima, 15.7.1941 // Deutsche Geschichte 1933–1945. Dokumente zur Innen- und Aussenpolitik. Frankfurt a.M., 1993. S. 209–210.

¹⁶ Freundschafts- und Bündnispakt zwischen Deutschland und Italien. Berlin, den 22. Mai 1939 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Serie D: Bd. VI: Die letzten Monate vor Kriegsausbruch, März bis August 1939. Baden-Baden, 1956. S. 466–469.

по крайней мере, внешне союз между Германией и Италией выглядел прочным, противоречия в нем не просматривались.

Надо сказать, что еще задолго до подписания Стальского пакта Гитлер делал ставку на идеологическую общность между Италией и Германией. Еще до прихода к власти в неопубликованной книге о задачах внешней политики Германии (1928 г.) Гитлер призывал «искать такого союзника, который оказал бы помощь в наращивании германской мощи»¹⁷. Масштабные совместные проекты, скрепленные идеологией, служили бы, по его мнению, своеобразным двигателем в деле утверждения «нового порядка». С другой стороны, Гитлер явно намеревался использовать возможности итальянского фашизма в своих интересах: в сотрудничестве «... с Италией, как и с Англией, преимуществом является тот факт, что континентальная экспансия Германии в Северной Европе не представляет для них угрозы и потому не может стать поводом к отчуждению Италии от Германии. И, напротив, в пользу естественных интересов Италии говорит ослабление влияния Франции в Европе»¹⁸.

Амбиции Италии были региональными и не выходили за пределы Средиземноморского региона. Правда, как оказалось в ходе войны, это снижало значимость итальянского союзника для Германии, поскольку Италия не демонстрировала особого желания вести борьбу за пределами сферы своих интересов, да и в их рамках действовала не очень охотно, например, отказываясь от активных наступательных действий против Англии в Средиземном море. Кроме того, попытки Италии проводить независимую линию в Средиземноморском регионе будут часто не совпадать с германскими планами: например, Германия не поддержит создание в 1939 г. Средиземноморского блока под эгидой Италии, посчитавшей, что с началом войны пора действовать в своих интересах¹⁹. Германии же, в первую очередь, требовалось вступление Италии в войну. Только после того, как решающая битва будет выиграна, можно будет рассуждать о будущем Европы.

Уже в 1940 г. А. Розенберг констатировал, что итальянский фашизм внутренне не способен вести настоящую мировоззренческую борьбу²⁰, т.е. Италия – родина фашизма – оказывается слабым

¹⁷ Hitler's secret book / introduction by T. Taylor. New York, 1961. P. 181.

¹⁸ Ibid. P. 164.

¹⁹ Исразлян В.Л., Кутаков Л.Н. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967. С. 22–23.

²⁰ Запись от 08.05.1940 г. // Политический дневник Альфреда Розенберга. С. 252–253.

звеном не только в дипломатическом и военном отношении, но и в идеологическом! В результате Италию приходилось чуть ли не ограждать от военных действий. Так в чем же тогда смысл германо-итальянского союза в войне? Во внешнеполитических рассуждениях Гитлера, начиная с 1920-х гг., фигурировали разные сценарии, грозящие Германии неудачей, но только не поражение Италии. И после начала войны, когда немецкие военные на разные голоса говорили о неспособности Италии достичь хоть каких-то военных успехов самостоятельно, без помощи Германии, Гитлер продолжал настаивать на своем. По словам генерала Вильгельма Риттера фон Тома, «Гитлер считал, что итальянцы вполне могут обойтись в Африке своими силами, нужно только их немного поддержать. Он ожидал от них слишком многого. Я же имел возможность увидеть их “в деле” в Испании. Гитлер, похоже, составил свое мнение о возможностях итальянцев по хвастливым разговорам их командиров, с которыми он встречался за обеденным столом»²¹.

У. фон Хассель, анализируя в 1937 г. отношения между Германией и Италией²², призывал отказаться от сравнения их с браком, поскольку брак «нацелен на долгий срок, на серебряную и золотую свадьбу». Между тем связь между двумя этими странами, хоть и имеет ряд скрепляющих факторов (общие геополитические цели, родственные политические системы), не лишена противоречий, проистекающих из политической конкретики. В этой ситуации Германии следует «четко распознать как значение, так и границы общих интересов, и воспользоваться ими». Немецкий дипломат считал необходимым предусмотреть сложности в двусторонних отношениях, которые могут возникнуть по окончании «испанского конфликта» (гражданской войны), при столкновении германских и итальянских акций на Дунае, в случаях прихода к власти правых сил во Франции или политического краха в Австрии. Одно перечисление потенциальных конфликтных зон говорило о том, что единომыслие Германии и Италии на деле было далеко не безусловным.

В Стальном пакте можно выявить и некоторые структурные недостатки. В первую очередь, в договоре не просматривалось, кто является лидером в этом дуэте. Разумеется, нет договоренностей, способных предусмотреть все трудности реальной войны, однако

²¹ *Лиддел Харт Л.Б.* Битвы Третьего рейха. Воспоминания высших чинов генералитета нацистской Германии. М., 2004. С. 191.

²² *Der Botschafter in Rom von Hassel an das Auswärtige Amt. 18. Februar 1937 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918-1945. Serie C: 1933-1937. Bd. VI, 1: 1. November 1936-15. März 1937. S. 483.*

Стальной пакт явно исходил из приблизительно равных потенциалов Германии и Италии, тогда как на деле Германия являлась безусловным лидером для несопоставимо более слабой Италии. Все это требовало выстраивания союзнических отношений по иерархическому принципу, тем более что с началом войны Германия фактически заняла позицию «программирующего лидера», диктующего своим союзникам повестку дня, т.е. определяющего круг и спектр проблем, в разрешении которых они сотрудничают, и затем контролирующего ход реализации сценария в своих интересах²³. Однако к началу войны эти функции еще не были полностью освоены Германией.

Связано это с тем, что отношения между итальянским и германским диктаторами серьезно эволюционировали в ходе 1930-х гг. В 1933 г. Гитлер был лишь начинающим последователем авторитетного дуче. Первой проверкой их дуумвирата на прочность стала попытка переворота в Австрии в 1934 г. Тогда немецкий фюрер стремился обо всем информировать своего итальянского коллегу, чтобы «сохранить дружбу с Италией, которой он дорожил»²⁴. А вот Муссолини не считал нужным придерживаться достигнутых договоренностей. Дав предварительное согласие на смещение австрийского канцлера Э. Дольфуса²⁵, он в ходе событий отказался поддерживать Гитлера.

Однако уже в 1938 г. Гитлеру удастся-таки решить австрийский вопрос. Визит Гитлера в Италию в 1938 г. должен был подчеркнуть благодарность фюрера за аншлюс Австрии, но на деле речь шла о том, что Муссолини, поддержав инициативу своего союзника, оказывался в тени своего протеже. И если задумывалась поездка для того, чтобы подчеркнуть равенство лидеров, то вернулся Гитлер с осознанием своего превосходства: «На всех официальных обедах и на всех трибунах королевская семья занимала лучшие места. А дуче стоял в отдалении, хотя именно он представлял государство. Гитлер в соответствии с протоколом был как глава государства равновелик королю, а Муссолини был всего лишь премьер-министром»²⁶.

Уже через год, в 1939 г., Гитлер инициировал конфликт мирового масштаба без всякого согласования с Италией. Розенберг

²³ О роли Германии как лидера среди стран-агрессоров подробнее см.: *Израэлян В.Л., Кутаков Л.Н.* Дипломатия агрессоров. С. 20–21.

²⁴ *Гофман Г.* Гитлер был моим другом. Воспоминания личного фотографа фюрера. 1920–1945. М., 2007. С. 79.

²⁵ Запись от 19.06.1934 г. // Политический дневник Альфреда Розенберга. С. 42.

²⁶ *Шпеер А.* Воспоминания. С. 147.

так описывает реакцию Италии на пакт Молотова-Риббентропа: «Муссолини прислал фюреру 2 телеграммы, он просит фюрера воздерживаться от каких бы то ни было действий, он хочет посредничать... <...> К делу подключают Германское информационное бюро, все кое-как утрясают»²⁷. Но тут оказывается, что Италия не в состоянии выполнить свои союзнические обязательства: «...Дуче оформил свой отказ²⁸ невыполнимыми требованиями немедленных военных и хозяйственных поставок в таком количестве, что это ослабило бы военный потенциал Германии... На какое-то мгновение Гитлер даже счел свою схему разрушенной, ибо исходил из соображения, что военная решимость Италии дополнительно устрасит западные державы. Из-за возникшей неуверенности он даже перенес на несколько дней вторжение в Польшу»²⁹. В наступлении на Францию – врага, в противостоянии которому сблизилась Германия и Италия, – действия итальянских войск были крайне неудачными. Как пишет после «французской кампании» министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано, «Муссолини заметно озадачен. Он чувствует, что теперь он на вторых ролях»³⁰.

В Стальном пакте речь шла о поддержании постоянного контакта между Германией и Италией не только в военное, но и в мирное время, чтобы «договариваться обо всех общих интересах или вопросах, касающихся европейского общего положения». В секретном дополнительном протоколе для этого предусматривалось

²⁷ Запись от 25.08.1939 г. // Политический дневник Альфреда Розенберга. С. 195.

²⁸ Имеется в виду ситуация вокруг военных действий во Франции, начатых Германией в мае 1940 г. Первоначально Гитлер неоднократно и в настойчивой форме просил Муссолини присоединиться к военным усилиям Германии, но дуче колебался. Незавершенное перевооружение итальянской армии, с одной стороны, и стремительное развитие германского наступления во Франции, чреватое захватом территорий, на которые претендовал Рим (Лазурный берег Лигурийского моря с городами Ницца и Ментона, области Савойя, Верхние Альпы и Приморские Альпы), с другой, определяли настроения Муссолини. После успеха Германии во Франции Гитлер дал понять Муссолини, что не особенно нуждается в действиях союзника и даже посоветовал отсрочить на несколько дней намеченное на 5 июня вступление Италии в войну против Франции. Вторжение итальянской армии во Францию началось 10 июня 1940 г. За все время военной операции, получившей название «Битва в Альпах» (продолжалась до 25 июня), итальянцам удалось проникнуть вглубь французской территории всего на несколько километров. Максимальным успехом стало взятие г. Ментоны.

²⁹ Шлеер А. Воспоминания. С. 217.

³⁰ Graf Ciano über die deutsche Frankreichpolitik. 18./19.6.1940 // Deutsche Geschichte 1933–1945. Dokumente zur Innen- und Aussenpolitik. Frankfurt a. M., 1993. S. 184.

тесное сотрудничество министров иностранных дел с привлечением опытных экспертов, а также других ведомств в военной области и области военной экономики, прессы, информации и пропаганды. Взаимодействие между итальянскими и германскими службами действительно началось после подписания пакта в самых разных сферах и было очень интенсивным. К примеру, итальянцы в июле 1940 г. прислали свои подводные лодки в помощь германскому военно-морскому флоту, и вопросы соподчинения удалось согласовать без особых проблем – все они подчинялись германскому командованию военно-морским флотом во главе с адмиралом К. Дёницем.

Однако переоценивать этой факт не следует: чисто количественный рост военно-морских сил союзников не увеличил его совокупную мощь. Итальянские суда оказались для немцев практически бесполезными, и уже 5 мая 1941 г. Дёниц отказался от продолжения совместных действий итальянских и германских подводных лодок в Северной Атлантике, стратегически самом важном театре военно-морских действий в борьбе с Англией³¹. В то же время, германские ВМС приходилось перебрасывать во второстепенный для немцев Средиземноморский регион, т.к. итальянские союзники сами не справлялись³². Некоторые акции вообще не удавалось согласовать, что наносило планам Германии в войне серьезный ущерб, как это было в случае с Грецией³³. По свидетельству пресс-секретаря «Третьего рейха» Отто Дитриха, «Гитлера не интересовали о намерениях Италии относительно Греции, и, как он часто замечал своим помощникам, он их не одобрял. Он обо всем узнал из сообщений по радио, когда ехал в своем специальном поезде в Италию на совещание с Муссолини»³⁴.

Все эти симптомы свидетельствовали о следующих принципиальных недостатках во взаимодействии Германии и Италии:

³¹ Дёниц К. Десять лет и двадцать дней. С. 151–156.

³² Там же. С. 121–122.

³³ Речь идет об итальянской кампании в Греции (28 октября 1940 – 23 апреля 1941 г.). Упорное сопротивление греческой армии и ее успешные контрнаступательные бои, заставившие итальянцев отступить на албанскую территорию, вынудили нацистскую Германию вмешаться. Спасая итальянскую армию от поражения, Гитлер дал приказ начать операцию «Марита». 6 апреля 1941 г. войска вермахта вторглись в Грецию. В конце войны Гитлер неоднократно называл итальянскую кампанию в Греции в числе причин последующих военных неудач Германии, поскольку спасение итальянцев отсрочило на два с лишним месяца нападение на Советский Союз.

³⁴ Дитрих О. Двенадцать лет с Гитлером. Воспоминания имперского руководителя прессы. 1933–1945. М., 2007. С. 59.

отсутствие продуманной стратегии у германского командования, подчиненного личным планам и распоряжениям Гитлера; отсутствие единого плана совместных боевых действий; отсутствие четкой иерархии, при которой итальянские действия направлялись бы немецкой стороной.

Последним договором, регулировавшим взаимные обязательства Германии, Италии и Японии в войне, был Берлинский пакт (27 сентября 1940 г.)³⁵. Он объединял взаимоотношения трех держав в странную систему, не учитывавшую почти ни одну из реальных потребностей «держав Оси» в уже начавшейся войне. Открывал документ пространный абзац о возможности каждому государству «занять свое место в мире» и «создании и поддержании нового порядка». «Взаимная помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами» оказывалась договаривающимися странами друг другу только в случае «нападения со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в японо-китайском конфликте». Из серьезных противников речь шла только о США, так что объявление Гитлером войны США в декабре 1941 г. не было продиктовано взаимными обязательствами Германии и Японии по Берлинскому пакту, ведь США не проявили агрессии в отношении этих стран.

Значение достигнутых договоренностей тут же нивелировалось тем, что договор «никоим образом не затрагивал политического курса, существующего в настоящее время между каждым из участников пакта и Советским Союзом». Кроме того, договор в любой момент мог быть пересмотрен по требованию одной из держав, что превращало их взаимные обязательства в декларацию доброй воли.

Очевидно, что целью заключения Берлинского пакта было восстановление доверия в отношениях с союзниками, подорванного дипломатическими и военными шагами Германии в предшествующий период. При всей сомнительной эффективности подобного замысла одно достижение у этого договора все-таки было: «державы Оси» сохраняли общее видение послевоенной перспективы, что выражалось в разграничении сфер будущего влияния. За Германией и Италией закреплялось «руководящее положение в установлении

³⁵ Dreimächtepakt. Berlin, den 27. September 1940 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945. Serie D: 1937–1945. Bd. XI, 1: 1. September bis 13. November 1940. S. 175–176.

нового порядка в Европе», за Японией – в Великой Восточной Азии. Подобное разграничение позволяло удерживать общий вектор и избежать мелких конфликтов в ходе войны. Очевидно также, что именно этот фактор в случае победы «держав Оси» во Второй мировой войне должен был привести к дальнейшей борьбе за влияние в мире между Германией и Японией. Биполярный мир, возникший после 1945 г. мог иметь в случае иного исхода войны два других полюса. Именно такой вариант, поменявший местами победителей и побежденных, был воплощен в романе Филипа Дика «Человек в высоком замке»³⁶.

³⁶ Филип К. Дик «Человек в высоком замке» (англ. *The Man in the High Castle*) – роман в жанре альтернативной истории, опубликованный в 1962 г. издательством Putnam. В 1963 г. удостоен англоязычной литературной читательской премии в области научной фантастики «Хьюго» («Hugo Award») за лучший роман года. С 1992 г. неоднократно издавался на русск. языке.

А.И. Сотников

ПОЛИТИКА ФАШИСТСКИХ РЕЖИМОВ И МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Классическая научность академических исследований в области истории может быть дополнена иными способами познания мира, которые содержат элементы интуиции. Так сфера художественного творчества во все времена одухотворяла цивилизационное движение социума и, порой иносказательно, но достаточно точно отражала важнейшие события прошлого. Субъективность представлений лишь добавляла красок в общее живописное полотно формирования государств, культур, отношений. Зависимость музыкального искусства от политических событий XX в., конечно же, существовала, но внимательное изучение наблюдаемых эволюционных процессов показывает, что многое происходило более опосредованно и нейтрально. Природная специфика «игры звуков», представляющая собой взаимодействие с самыми тонкими материями, формирующими логос создателя, часто маскировала истинные намерения авторов – особенно в сочинениях, не связанных со словесным текстом или посвященных отвлеченной тематике. В качестве правомерности подобных утверждений можно привести следующее: в одном из рассказов чеха Карела Чапека (1890–1938) остроумно показан банальный дорожный конфликт. И единственный свидетель случившегося – поэт – помнил лишь вдруг рожденные именно в этот момент витающие в облаках стихотворные строки, в которых лишь очень проницательный следователь смог уловить реальные технические подробности происшествия. То есть для понимания сути происходящего необходимо владеть категориями, оценка которых требует серьезной профессиональной подготовки. Напомним, что именно поэзия наиболее приближена ауре музыкального искусства. Поэтому все рассуждения об основных аспектах культурной политики фашистских режимов, лидеры которых имели лишь поверхностное представление о законах развития художественного творчества, неизбежно выводят на более абстрактные и общие проблемы. Но в этом есть и рациональное зерно, так как, по сути, помимо традиционной целесообразности архивно-документального воспроизведения судеб отдельных персоналий возникает более плодотворная необходимость выявления доминирующих тенденций в исследуемый исторический период.

Первая мировая война по-разному отразилась на дальнейшем становлении государственности противоборствовавших стран. Так, Италия, несмотря на незначительное приращение территории, все-таки оказалась в определенном мировоззренческом кризисе. В обществе были сильны «скептицизм и религиозно-мистические устремления вкупе с интенсивным внедрением националистических тенденций»¹. Резко активизировались политические течения, заявлявшие о необходимости построения великой державы, которая наследовала бы величие цезаристского Рима, и превращения Средиземноморья во «внутреннее море» страны. И это стало питательной средой возникновения фашистской идеологии.

Характерно, что именно на Аппенинах появление партии, открыто пропагандировавшей национализм, прошло при значительном участии представителей искусства. Уже осенью 1918 г. литературная группа футуристов, сформировавшаяся еще до Первой мировой войны, опубликовала в еженедельнике «Рома футуриста» манифест и программу нового объединения, которое возглавил поэт Филиппо Маринетти (1876–1944), а полноправными и действительными участниками этого движения стали будущий диктатор Бенито Муссолини (1883–1945), писатель Габриеле д'Аннунцио (1863–1938) и музыканты: известный оперный композитор и дирижер Пьетро Масканьи (1863–1945), ученик мэтра – Луиджи Руссоло (1885–1947), а также неизменно любимый певец дуче, выдающийся тенор Беньямино Джильи (1890–1957), которые совместно подготовили создание организации «Фашистские боевые отряды». Отметим, что в Италии вначале все было достаточно запутанно. Например, один из авторов «Программы Сан-Сеполькро, содержащей и воинствующий национализм Габриеле Д'Аннунцио, и революционно-демократическую демагогию Бенито Муссолини, – музыковед Франческо Прателла (1885–1955) в своей профессии по-прежнему декларировал приверженность атонализму, энгармонизму, свободному ритму, абсолютной полифонии, то есть тому, что противоречило проводимым идейно-политическим установкам.

Множественность и уживчивость между собой воззрений в среде подвижников искусства Италии во многом объяснялись сильным влиянием католической церкви. В XX в., начиная с буллы папы Пия X «*Moto proprio*» (1903), призывавшей к обновлению церковных песнопений, вплоть до недовольства Папы Пия XI появлением «Расового Манифеста» (1938), который главный римский иерарх

¹ Богоявленский С.Н. Музыка Италии. СПб., 2001. С. 210.

назвал «позорной имитацией нордической мифологии Гитлера», вышеупомянутый аспект общественной жизни всегда оказывал влияние на воззрения многих представителей интеллигенции. Да и сам король Виктор Эммануил III (1869–1947) порой выражал схожие взгляды, а в частности, удивление по поводу «импорта расовых проблем»². В этой связи Бенито Муссолини, став в 1922 г. премьер-министром, последовательно начал вести особо изощренную практику вовлечения деятелей культуры в свое политическое движение. Поэтому в Италии некоторое время допускалась терпимость к инакомыслию. Так, «Манифест фашистской интеллигенции» (1925), выдвинутый Джованни Джентиле (1875–1944) и одобренный музыкальным критиком Бруно Барилли (1880–1952), подобострастно оправдывал надвигавшееся насилие с позиций либерализма. Как-то естественно вышеупомянутое воззвание соседствовало с опубликованным в том же году оппозиционным «Контрманифестом», в котором философ Бенедетто Кроче (1866–1952) выражал несогласие, но достаточно инертно, призывая отказаться от «реальных действий в пользу мысли». И это стало отправной точкой своеобразной «духовной эмиграции» художественной элиты, пытавшейся противопоставить примитивизму диктаторской власти высокие эстетические ценности и уход в «чистое искусство», оторванное от событий настоящего³.

Все это надо было держать в строгих организационных рамках, поэтому Бенито Муссолини, пытаясь предстать покровителем науки и искусства, опекал Институт фашистской культуры, деятельность которого должна была аккумулировать все творческие направления и ориентировать представителей художественной интеллигенции в необходимом русле. Большая часть музыкантов, тем не менее, оставалась нейтрально настроенной, и подобная пассивность – весьма характерна для Италии. Государственные органы управления искали пути для ужесточения всемерного контроля, налаживая более тесные взаимоотношения с католическими иерархами. Заключенный с Ватиканом конкордат (1929) был призван расширить общественно-политическую деятельность церкви, и, в частности, способствовать возрождению интереса

² Сакс Х. Евреи и музыка в фашистской Италии // Музыка периода холокоста. URL: <https://holocaustmusic.org/ru/politics-and-propaganda/evrei-i-muzyka-v-fashistskoi-italii/> (дата обращения 24.09.2019).

³ Богдавленский С.Н. Итальянская музыка первой половины XX века. Л., 1986. С. 16.

композиторов к религиозной тематике, что мыслилось как важное дополнение к масштабным националистическим проектам.

В качестве витрины фашистского режима продолжало развиваться оперное искусство, всесторонне поддерживались знаменитые певцы Беньямино Джильи, Аурелиано Пертиле (1885–1952), Джакомо Лаури-Вольпи (1892–1979), а также целиком – знаменитый театр Ла Скала, но именно этой концертной организации в наибольшей степени коснулась фашистская цензура. В 1928 г. после премьеры оперы «Легенда о подмененном сыне» Джана Малипьеро (1882–1973), последовал запрет на дальнейшие показы, сопровождаемый и реакцией со стороны Папы Пия XI, обвинившего композитора в безнравственности, и обидами Бенито Муссолини, воспринявшего социально-обличительное намеки как личное оскорбление. Как результат – страну покинул выдающийся дирижер Артуро Тосканини (1867–1957). Затем последовало снятие с постановки «Аиды» Джузеппе Верди (1813–1901), совпавшей с интервенцией в Эфиопии. Однако, несогласных было слишком мало, и из протестантов можно упомянуть лишь композитора Мартино Гастальдона (1861–1939) и одного из лучших баритонов XX века Титта Руффо (1877–1953), занимавшего активную антифашистскую позицию и также в конце концов выехавшего из Италии.

В дальнейшем этот вид сценического действия пребывал в полной гармонии с установленными порядками, и музыканты находили вполне приемлемые формы сотрудничества с властями. Поэтому Альфредо Казелла (1883–1947), исповедовавший тягу к современному композиторским веяниям, нашедший себя в неоклассицизме, весьма далекий от национал-шовинизма и даже исполнивший в 1937 г. на Венецианском фестивале авангардные сочинения родоначальника додекафонии австрийца Арнольда Шенберга (1874–1951), неожиданно проявил близость фашистской идеологии, посвятив оперу «Искушение в пустыне» – Абиссинской кампании Бенито Муссолини⁴. Но самое удивительное происходило во время Второй мировой войны – дирижер Витторио Гуи (1885–1975) вплоть до 1943 г. проводил международный фестиваль «Флорентийский музыкальный май», а оперная певица Тоти даль Монте (1893–1975) совершенно спокойно продолжала гастролировать, в самый разгар боевых действий попеременно посещая Германию, Англию, Францию и опять неизменно возвращаясь в Италию.

⁴ Лебедь М.И. Альфредо Казелла и новая музыка Италии: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2012. С. 13–14.

Композиторы новейших творческих направлений продолжали свои изыскания, не считали возможным и целесообразным находиться в борьбе, а, порой, даже поощрялись за какие-то акции, совпадающие с запросами властей. Так, Отторино Респиги (1879–1936) предпочитал быть далеким от политики, выступал за сохранение отечественных художественных традиций, что совпадало с националистическими тенденциями функционирования режима, поэтому соответствующие ведомства удостоивали почестями этого маститого профессионала, который, к тому же, был связан дружескими узами с самим дуче. Ильдебрандо Пиццетти (1880–1968) квалифицируемый теоретиками как консерватор, ищущий опору в интонациях и традициях народного пения, вообще признавался одним из образцов музыкальной Италии. Фашистское руководство в целях пропаганды новых порядков не предпринимало серьезных мер по искоренению нежелательных лабораторных опытов представителей искусства, подкупая лояльность последних материально. Например, Гоффредо Петрасси (1904–2003) вполне благополучно служил в венецианском театре Ла Фениче, одновременно создавая произведения, написанные языком, стремящимся в атональную абстрактную эстетическую сущность. А представитель молодого поколения авторов – Марио Нашимбене (1913–2002) – во время разгорающейся войны даже проявлял «идейную зрелость», сочетая сочинение музыки для фильмов со службой в армии. Но все-таки подобные тенденции порой выглядели как своеобразная параллельная реальность, и представители художественной интеллигенции были равнодушны к устремлениям сподвижников диктатора. Не оттого ли Бернардино Молинари (1880–1952) в качестве дирижера безмятежно отметил 1942 год – период начала крушения итальянского экспедиционного корпуса на Восточном фронте – полной света и покоя оригинальной записью «Времен года» Антонио Вивальди» (1678–1741)⁵.

Постепенно корпоративизм, экспансионизм, антикоммунизм, культивируемые в Италии, стали дополняться тем, что происходило в соседней, северной стране и так ярко проявилось в расчетливом избрании тематики композитором Гансом Пфицнером (1869–1949), кантата которого называлась «О немецкой душе» и посвящалась выявлению «антигерманской» сущности международного еврейства». Остались в прошлом высказывания Бенито Муссолини, возмущавшегося «дикими варварствами» и «опасными сумасшест-

⁵ *Мессе Дж.* Война на Русском фронте. Итальянский экспедиционный корпус в России (К.С.И.Р.) // Милитера. URL: http://militera.lib.ru/memo/other/messe_g01/index.html (дата обращения 27.09.2019).

виями Адольфа Гитлера» и заявлявшего о том, «что в Италии нет чистых рас и нет проблемы евреев»⁶. Наступил 1938 год, ставший переломным в национальной политике государства. Начавшиеся антисемитские акции под эгидой постановления «Мероприятия по защите итальянской расы» сразу же коснулись тех, кто охотно сотрудничал с властями. Так иудей, композитор Ренцо Массарани (1898–1975), долгое время бывший активным членом фашистской партии и занимавший важные посты в режиме культурной бюрократии, подлежал изгнанию и, в конце концов, оказался в Бразилии.

Следует отметить, что некоторое время еще допускалась относительная мягкость общения с «инородцами», и в 1939 г. еврей, пионер додекафонии на Аппенинах – Луиджи Даллапиккола (1904–1975) сумел осуществить в Риме премьеру «Тюремных тетрадей», сочинения, явно антагонистичного самому духу существующего политического режима. Дирижер Виктор де Сабата (1892–1967), считавшийся близким другом Бенито Муссолини, несмотря на свое происхождение, продолжал работать в Ла Скала и даже гастролировал в «Третьем рейхе» буквально накануне Второй мировой войны.

Лишь позднее последовали запреты на постановку опер Альберто Франкетти (1860–1942), был уволен Витторе Венециани (1878–1958), возглавлявший хор театра Ла Скала, отстранен от должности профессора Миланской консерватории Альберто Фано (1875–1961), вынужденно эмигрировали композиторы Марио Кастельнуово-Тедеско (1895–1968) и Риети Витторио (1898–1994). Но все-таки практически весь период фашистской диктатуры в Италии настоящие репрессии коснулись очень немногих музыкантов: в концлагерях оказались Эрвин Шюльгоф (1894–1942) и Чезаре Феррарези (1918–1981).

Таким образом, можно утверждать, что в Италии сложилась особая система взаимоотношений художественной интеллигенции с режимом Муссолини, включавшая в себя комплекс зависимости от властей и компромиссы с существующими порядками.

Несколько по иному решались проблемы культуры в Испании, которая с начала XX века переживала острейший кризис, потеряв в борьбе с США три последние большие колонии – Филиппины, Кубу и Пуэрто-Рико. Противоречия между противниками и приверженцами устаревающих консервативно-католических ценностей раскололи общество и подвели страну к кровопролитной гражданской войне (1936–1939). Но характерно, что представители искусства

⁶ Сакс Х. Указ. соч.

в подавляющем большинстве оказались в стороне от политических баталий, так как отечественная композиторская школа еще с конца предшествующего столетия вошла в длительную стадию возрождения истинно национальных традиций, опирающихся на фольклор и первозданное народное творчество. Основоположники этого яркого направления – Исаак Альбенис (1860–1909) и Энрике Гранадо (1867–1916) дали настолько убедительный и мощный импульс дальнейшему развитию, что последующие поколения музыкантов очень прохладно относились к пустоватой красочности модерна и не находили разумным искать себя в новейших изысканиях, ведущих к авангардным стилям. Отчасти это совпадало с целями правых движений, «возвеличивающих славное прошлое» и объединившихся в 1934 г. в «Испанскую Фалангу и ХОНС». Поэтому каудильо Франсиско Франко (1892–1975) и во время боев с республиканцами и, придя к власти, не считал необходимым что-либо менять в установившихся тенденциях и интересовался последними лишь в рамках «социальной гармонизации», в большей степени занимаясь внедрением «контролируемой экономики, автаркии, корпоративизма»⁷. Культура и образование передавались под надзор церкви, и эффективность работы определялась исключительно индексом политической верности режиму.

В то же время внедряемая «органическая демократия» строилась на жесточайших репрессиях, что, безусловно, не могло не коснуться представителей творческой интеллигенции. Убийство фалангистами великого поэта Федерико Лорки (1898–1936), входившего в число трехсот интеллектуалов, которые подписали письмо в поддержку Народного фронта, и подарившего левым стихотворение «Ай, Кармела», превратившееся в лучшую и самую боевую песню Интербригад, вызвало возмущение ведущего композитора Испании – Мануэля де Фальи (1876–1946), сразу же после поражения республиканского правительства покинувшего страну. Характерно, что этот художник вскоре оказался востребованным франкистскими властями, начавшими кампанию по примирению воевавших сторон и приданию новому корпоративному государству черты респектабельности. Подобные изменения проявились и в довольно благожелательном отношении Франсиско Франко к возможному влиянию любых эстетических направлений на процессы становления национального музыкального искусства. Но, уже

⁷ Антонов М. От капитализма к тоталитаризму. Мир в XXI веке // Страница Михаила Антонова. URL: http://m-antonov.chat.ru/from_to/part_05.htm (дата обращения 03.10.2019).

находясь в Аргентине, Мануэль де Фалья, в 1940 г. награжденный каудильо орденом короля Альфонса X Кастильского, отказался от приглашения на Родину, оставаясь верным своим антифашистским убеждениям.

Еще более последовательно боролся с мятежными военными выдающийся виолончелист Пабло Казальс (1876–1973), бывший активным сторонником республиканцев во время Гражданской войны, и, более того, создав Рабочее музыкальное общество и являясь почетным президентом Каталонского музыкального совета, практически определявший всю стратегию действий левых в области просвещения. Впоследствии артист «дал обет творческого молчания, отказа от концертных выступлений до той поры, пока на родине не будут восстановлены законные права народа»⁸.

В органах управления республиканского правительства участвовали композиторы Сальвадор Бакариссе (1898–1963), который, возглавляя секцию Союза защиты культуры, написал популярную в среде сторонников Народного фронта «Песню моряков», и Родольфо Хальфтер (1900–1987), работавший в министерстве пропаганды. После установления репрессивного режима последовала вынужденная эмиграция. В различных странах Латинской Америки в качестве инакомыслящих также оказались Энрике Касаль (1909–1977), Хоакин Нин (1879–1949), Оскар Эспла (1886–1976), тяготеющий к современной атональной музыке дирижер Густаво Питталуга (1906–1975), и представитель Федерации анархистов Иберии скрипач Симон Кольман (1906–1993).

Но в целом, мероприятия франкистского руководства были очень осторожными и расчетливыми, так как курс на корпоративное государство, взятый после продолжительной Гражданской войны, массовых расправ над антифашистами и подавления самосознания гражданского населения посредством уничтожения любой потенциальной угрозы или оппозиции, уже был скорректирован на объединение всех слоев населения страны. Не случайно англичанин Уинстон Черчилль (1874–1965), еще будучи премьер-министром, отмечал, что «политика генерала Франко оставалась исключительно своекорыстной и хладнокровной. Он думал только об Испании и испанских интересах».⁹ Поэтому те музыканты, которые были сосредоточены исключительно на творчестве, не только чувствовали себя в относительной безопасности, но и в достаточной

⁸ Мартынов И.И. Музыка Испании. М., 1977. С. 317.

⁹ Антонов М. Указ. соч.

мере поддерживались государством. Так, все тяжелые времена совершенно спокойно прошли директор Мадридской консерватории скрипач Антонио Бордас (1870–1950), дирижер симфонического оркестра Барселоны, ранее сподвижник Пабло Казальса Эдуард Тольдра (1895–1962), каталонский композитор и музыкальный критик Шавье Монтсальватже (1912–2002).

Однако абсолютной аполитичности не существует, поэтому даже самые отстраненные представители художественной интеллигенции так или иначе поддавались идеологическим установкам властей. Взамен следовали акции общественного признания. Например, баскский композитор Хесус Гуриди (1886–1961) поощрялся правительством сразу же после окончания вооруженного противостояния, а Отаньо Немисио (1880–1956) в 1943 г. был избран в «Академию изящных искусств Сан-Фернандо». Конечно же, особо выделялись те, кто в период Гражданской войны конфликтовал с республиканцами – музыковеду Федерико Сопенье (1917–1991), участвовавшему в боевых операциях, примкнувшему затем к организации «Католическое действие» и в июле 1941 г. верноподданнически назвавшему состоявшийся испано-немецкий фестиваль «вершиной музыкальных событий», было доверено создание Национального оркестра Испании. В ранге «отечественного достояния» пребывали композиторы: искренне поддерживавший фалангистов Федерико Момпу (1893–1987) и консерватор Хоакин Турина (1882–1949), который помимо звания академика удостоился должности генерального музыкального комиссара в министерстве образования и вдобавок ко всему получил учрежденный в 1939 г. декретом Франсиско Франко новый орден – Большой крест Альфонса Мудрого.

Практически все деятели искусства, оставшиеся в Испании, продолжали целеустремленно и успешно использовать в своем творчестве этнографические составляющие, и подобное стремление к возрождению национального духа органично влилось в формируемую модель государственного устройства, сочетавшую одновременно жестокую диктатуру, дипломатический нейтралитет и элементы социально ориентированной экономики. Прагматизм и «виртуозные политические маневры» каудильо сохранили режим, одинаково антипатичный всем противостоящим сторонам Второй мировой войны¹⁰. И для этих целей было очень удобно и выгодно

¹⁰ Креленко Д.М. Франсиско Франко: путь к власти // Милитера. URL: http://militera.lib.ru/bio/krelenko_dm01/index.html (дата обращения 04.10.2019).

использовать внешне безобидную сферу культуры. Поэтому скрипач Кампо Конрадо (1878–1953) помимо гастролей в странах антигитлеровской коалиции вплоть до катастроф германской армии на Восточном фронте выступал в зале Берлинской филармонии, а итальянец Альфредо Казелла в 1942 г. посетил с концертами Мадрид. Проводимая толерантность порой приводила к экстравагантным историям – так немецкий дирижер Ганс Кнаппертсбуш (1888–1965), непокорный нацистским властям и отлученный в 1935 г. от Баварской государственной оперы, через восемь лет, находясь в Испании, посвятил несколько выступлений легионерам «Голубой дивизии», воевавшей и практически целиком уничтоженной в СССР.

И еще один важный момент. Франсиско Франко демонстративно отказывался от крайностей и лояльно относился к национальным меньшинствам, а идеологическая борьба, практикуемая ранее как «*Patria* (родина) против еврейско-масонско-коммунистического сброда», осталась в понятиях Гражданской войны и впоследствии никоим образом не касалась музыкантов иудейского происхождения¹¹. Жесткий авторитаризм испанского фашизма значительно отличался от действий руководства «Третьей рейха», которое считало искусство важнейшим инструментом, способствовавшим распространению нужной идеологии, внедряемой в контролируемое общество.

Насильно реализуемая руководством Германии в 30-е годы политика, которая, возможно случайно, совпадала с теорией англичанина Джона Локка (1632–1704) – о синдроме «чистой доски», согласно которой люди рождаются без генетически заложенных установок и только потом, посредством восприятия приобретают опыт и знания, дала вполне закономерный результат. Вопиющая парадоксальность несоответствия между высокой планкой нравственности недавнего прошлого и стремительным падением в первобытное варварство отразилась, прежде всего, на поколениях, только вступающих в пору разумной деятельности. Рассуждения о побудительных моральных стимулах становления фашистского режима неизбежно подводят к следующему выводу – духовное совершенство немецкой философии, которое уже начало «подтачиваться» уходящими в сторону негативизма «психологией без души» Фридриха Ланге (1828–1885) и «поисками сверхчеловека» Фридриха Ницше (1844–1900), все-таки в целом противоречило

¹¹ Дорфман М. Испанский Холокост: есть времена, когда молчать, – значит, лгать // *Sensus novus*. 9 января 2012. URL: <https://www.sensusnovus.ru/analytics/2012/01/09/12353> (дата обращения 04.10.2019).

культивируемому в «Третьем рейхе» оголтелому национализму. Стоит отметить разницу в обращении с военнопленными из оккупированных стран Западной и Восточной Европы. Если вторые содержались в нечеловеческих условиях, первым нередко предоставляли весьма широкие возможности. Например, выдающийся французский композитор Оливье Мессиан (1908–1992) был солдатом, попал в плен, но, даже находясь в фашистском концентрационном лагере, имел благоприятную возможность под патронатом коменданта сочинить и даже осуществить премьеру «Квартета на конец времени» для кларнета, скрипки, виолончели и фортепиано. Причем характерно, что интернированные исполнители, оказывается, и во время заключения пребывали в достаточном комфорте, не расставались со своими музыкальными инструментами и имели возможность заниматься творчеством.

Как же происходило внедрение фашистских идей в творческую элиту Германии? Рассмотрим это сначала на примере проведения фестивалей в Зальцбурге. Родина великого Вольфганга Моцарта (1756–1791), начиная с 20-х годов, регулярно собирала лучших европейских музыкантов сначала для того, чтобы превратить второй по значению город страны в истинно австрийский центр созидания. Писатель Гуго фон Гофмансталь (1874–1929) продолжил идеи режиссера Макса Рейнхарда (1873–1943), несколько ранее стремившегося воспроизвести средневековые празднества, очищающие и объединяющие под эгидой Церкви души верующих – богатых и бедных, но после Первой мировой войны возродил фестиваль уже с другими задачами¹². Теперь ежегодное творческое собрание несло особую моральную миссию как необходимое дополнение к новым, современным обстоятельствам. Для достижения этой цели использовались любые средства, в том числе, и опасные идеи немецкого расового превосходства, довольно распространенные в слоях бюргерства и стимулируемые кабальным Версальским мирным договором. Подобные настроения были типичны и в среде художественной интеллигенции обеих распавшихся империй. Самое любопытное заключалось в том, что задолго до аншлюса в Австрии уже проповедовалось «несокрушимое единство не просто всех форм театрального выражения, а произрастающих именно на земле Южной Германии» – то есть акцентировалось особое внимание на этнографической близости населения многих территориальных

¹² Лебрехт Н. Кто убил классическую музыку? История одного корпоративного преступления. М., 2004. С. 293.

образований: от Баварии до Тироля¹³. И это очень важный аспект внутривластной жизни молодой альпийской республики.

В то время единственный существовавший в Европе музыкальный фестиваль проводился в Байрейте, но посвящался исключительно только Рихарду Вагнеру (1813–1883) и, по сути, был культовым ристалищем реформатора оперы. Гуго фон Гофмансталь хотел превратить Зальцбург с именем Вольфганга Моцарта в подлинное святилище немецкой музыки и драмы. Для организации фестиваля был приглашен Рихард Штраус (1864–1949), самый известный и авторитетный из немецких композиторов того времени, ставший вскоре титулованным придворным фашистского режима, выполняя обязанности Президента Имперской музыкальной палаты, а также директор Венской оперы Франц Шальк (1863–1931) и Альфред Роллер (1864–1935) – бывший сценограф композитора Густава Малера (1860–1911). Со временем подъем германского национализма усиливался, и одним из первых пострадавших оказался еврей по национальности, да еще связанный с основателем современного сионизма Теодором Герцлем (1860–1904) – выдающийся новеллист Стефан Цвейг (1881–1942), у которого неподалеку была собственная вилла. Последующие акции были обычными для штурмовиков СА и СС – сожжение книг и даже запрещение из-за либретто писателя – оперы «Молчаливая женщина» – вполне нордического Рихарда Штрауса. Как итог, последовала эмиграция, но что любопытно – в Петрополис – центр немецких колонистов Бразилии. Макс Рейнхард, в свою очередь, стал работать в Голливуде, но все-таки несколько раз приезжал из США и посещал фестивали.

В начале тридцатых годов Зальцбург все-таки оставался уникальным островком толерантности. Именно в этом городе эмигрировавший из Италии Артуро Тосканини осуществил постановку «Мейстензингеров» Рихарда Вагнера, что было творческим вызовом, протестом против неуклонного проникновения духа нацизма в романтический оплот «мистического символизма» реформатора оперы – германский Байрейт. Но уже в феврале 1938 г., узнав о том, что канцлер Австрии Курт Шушник (1897–1977) отправился на встречу с Адольфом Гитлером (1889–1945) в Берхтесгаден, музыкант отправил из Нью-Йорка следующее сообщение: «Ввиду изменения ситуации, вынужден отменить свое участие»¹⁴. И действительно, через месяц жители Зальцбурга встретили немецкие

¹³ Saylor O.M. Max Reinhardt and his theatre. New York, 1926. P. 200.

¹⁴ Лебрехт Н. Указ. соч. С. 297.

войска вскинутыми в нацистском приветствии руками, кострами горящих книг и референдумом, по результатам которого 99,71% горожан одобряли союз с Германией. Со временем Йозеф Геббельс (1897–1945) окончательно очистил фестиваль от евреев, попутно конфисковав замок Макса Рейнхарда¹⁵. В фестивальном зале построили ложу для фюрера, и в августе 1939 г., в период подготовки к нападению на Польшу, Адольф Гитлер дважды совершал поездки на представление опер Вольфганга Моцарта. Нацистская партия теперь трактовала фестиваль как нечто развлекательное и одно из слагаемых цикла мероприятий с оптимистичным названием «К силе через радость». До начала Второй мировой войны в фестивалях пока еще принимали участие ведущие дирижеры-немцы – Вильгельм Фуртвенглер (1886–1954), Клеменс Краус (1893–1954) и Карл Бем (1894–1981).

Музыкальный Зальцбург усиленно превращался в храм арийского искусства, но в 1944 г. сразу после покушения генералов на Адольфа Гитлера все мероприятия были прекращены по приказу Йозефа Геббельса. С фестивалем, в процессе становления получившим название «Моцартеум», был связан и Бернхард Паумгартнер (1887–1971), который в процессе состоявшегося следствия был обвинен в еврейском происхождении, а заодно и в сексуальных связях со студентами, затем сослан во Флоренцию, но при этом странным образом получал правительственную стипендию на исследовательскую работу. Этот деятель остался в истории и благодаря тому, что первым заметил и поощрил выдающийся талант тогда еще юного Герберта фон Караяна (1908–1989).

Вдохновленный наставником, в будущем лучший дирижер XX в. сначала работал в оперном театре Ульма, но продолжал учиться, регулярно посещая фестивали в Байрейте и Зальцбурге. Восьмого апреля 1933 г., в день начала увольнения всех евреев из государственных учреждений, двадцатипятилетний музыкант совершенно осознанно и целенаправленно вступил в национал-социалистическую партию, ранее подав два заявления и в Ульме, и в Зальцбурге. Затем переехал в Берлин под крыло концертного агента и офицера СС, а также приятеля Германа Геринга (1893–1946) и помощника Генриха Гиммлера (1890–1945) – Рудольфа Феддера, последовательно служившего и в Палате по культуре рейха, и в учреждениях СС по расовой чистоте и колонизации. За основу

¹⁵ Десятарева Н.И. Музыка Австрии. Музыка Австрии. Неовенская оперетта. Музыка Германии // История зарубежной музыки: учебник для музыкальных вузов. Начало XX века – середина XX века. 2-е изд. СПб., 2001. С. 301.

своего карьерного продвижения Караян взял жизненную установку Адольфа Гитлера, который первоочередной задачей считал подчинение себе механизмов управления и лишение их самостоятельности. Кстати, фашизм подарил и соответствующее творческое кредо этому дирижеру, который любил говорить: «Я буду диктатором»¹⁶. Но в 30-е годы такая сверхъестественная уверенность в своих силах обеспечила молодому музыканту высокое положение в государстве, в котором очень ценились лидерские качества. Как результат – на второстепенные роли был вытеснен менее способный симпатизант нацистов – Петер Раабе (1872–1945), и Герберт фон Караян стал самым молодым генеральным директором ведомства, занимавшегося в рейхе вопросами, связанными с музыкой. В частности, центральным событием одного из партийных праздников в Аахене явилось исполнение гитлеровского гимна сводным мужским хором из семисот пятидесяти человек под руководством именно этого дирижера. Существуют предположения и о том, что Герберт фон Караян был агентом службы безопасности (СД). После показа в 1938 г. оперы Рихарда Вагнера «Тристан и Изольда» лояльный власти музыкант был отмечен Йозефом Геббельсом и к пятидесятилетию Адольфа Гитлера назначен капельмейстером Берлинской оперы, а затем занял место уволенного политически неблагонадежного Вильгельма Фуртвенглера. В творческом отношении молодой дирижер все-таки придерживался художнических убеждений своего предшественника, сохранявшего разумное равновесие между консерватизмом и модернизмом и всегда утверждавшего, что столичный симфонический оркестр, являясь бастионом надежности и традиций в эпоху сомнительных кабаре и подлых политиков, представляет подлинную Германию. В то же время Герберт фон Караян активно поддерживал идею расового превосходства и по вполне последовательно сформировавшимся убеждениям выступал с возглавляемым им коллективом в оккупированном Париже, но в 1942 г. вдруг огорчил партийных бонз, женившись на Аните Гуттерман, внучке и наследнице богатого еврейского промышленника. Впоследствии этот музыкант с 1955 по 1989 гг. руководил теперь уже западноберлинским филармоническим оркестром, справедливо считавшимся лучшим не только в Европе, но и мире.

И еще об общей атмосфере, царившей в нацистской Германии. Например, с 1933 г. ведущие издательства нотной литературы были вынуждены просить Игоря Стравинского (1882–1971) присылать

¹⁶ Лебехт Н. Указ. соч. С. 305.

сведения о своих арийских и христианских предках, чтобы опровергнуть слухи о «еврейском большевизме», но впоследствии русский композитор был окончательно включен в обширный список нежелательных элементов примитивной идеологической системы рейха.¹⁷ Однако в реальности нацистское руководство ограничивалось восхвалением «истинного арийца» Рихарда Вагнера и запретами на исполнение произведений давно ушедших в мир иной семитов – таких, как Джакомо Мейербер (1791–1864), Феликс Мендельсон (1809–1847) и Густав Малер¹⁸. И если на знаменитых байрейтских фестивалях регулярно ставящиеся грандиозные саги прославленного музыканта-преобразователя о нибелунгах и прочих героях рейнского эпоса действительно как-то соответствовали проповедуемым идеологическим установкам, то ярко выраженное откровенно немецкое начало эстетического кредо лиц иудейского происхождения оценивающая сторона просто, по определению, не могла принять.

Приветствовались отличающиеся фоническим великолепием органичные композиции Макса Регера (1873–1916), автора, возродившего традиции барокко Иоганна Себастьяна Баха (1685–1750) и наполнившего романтикой и блеском имперского духа хоральные мессы на лютеранские тексты. Поощрялось обращение к масштабным симфоническим произведениям Антона Брукнера (1824–1896), возвышенный пафос которых вполне соответствовал проповедуемым нацистами настроениям возвеличивания германского прошлого, настоящего и будущего¹⁹. Был объявлен немцем венгерский композитор и легендарный пианист-виртуоз Ференц Лист (1811–1886). Любопытно, что даже после войны уже в ГДР лейпцигские издательства «Peters» и «Breitkopf» продолжали печатать сочинения композитора, называя имя этого автора только в исторически вторичной – немецкоязычной версии.

Иногда надзирающие органы вынужденно действовали непоследовательно, лавируя и подстраиваясь под существующие и возникающие обстоятельства. Например, даже во время нападения на СССР на первый взгляд странным образом допускалось публичное общение с некоторыми творениями русского гения и «унтерменша» в политической транскрипции нацистов – Петра

¹⁷ *Стравинский И.* Переписка с русскими корреспондентами. М., 2003. С. 523.

¹⁸ Росс А. Музыка в гитлеровской Германии // ВикиЧтение. URL: <https://biography.wikireading.ru/136246> (дата обращения 05.10.2019).

¹⁹ *Нестьев И.* Музыка Германии // История зарубежной музыки: учебник для музыкальных вузов. Начало XX века – середина XX века. 2-е изд. СПб., 2001. С. 401.

Чайковского (1840–1893). Но это было случайной и вынужденной мерой, несколько напоминающей историю самой распространенной и популярной фронтовой мелодии вермахта – «Лили Марлен». Автор – Норберт Шульце (1911–2002), специализировавшийся на написании патриотических маршей («От Финляндии до Черного моря», «Гимн Танковой группы Клейста», «Бомбы на Англию»), а также музыки для пропагандистского киножурнала «Немецкое еженедельное обозрение», вдруг обратился к вечным темам – любви, верности, ожидания. Эта трогательная песня квалифицировалась ведомством Йозефа Геббельса как упадническая и депрессивная, тем более что одна из исполнительниц – знаменитая актриса Марлен Дитрих (1901–1992) – придерживалась антифашистских взглядов, эмигрировала в США и выступала на Западе для союзных войск антигитлеровской коалиции. Другая – Лале Андерсен (1905–1972) стала проникновенным звучащим символом своего времени, записав миллионными тиражами несколько аранжировок зонга, любимого всеми фронтовиками Германии: от воюющих солдат до генерала Эрвина Роммеля (1891–1944), поначалу подлежала отстранению от культурной жизни рейха за «ненемецкое» поведение, усугубив свое положение дружбой с швейцарским музыкантом еврейского происхождения Рольфом Либерманом (1910–1999), но затем в целях пропаганды была объявлена национальным достоянием и даже награждалась личной аудиенцией у самого Адольфа Гитлера.

Отсутствие профессиональных знаний нередко запутывало идеологических цензоров. В одно и то же время запреты и переписывание текстов сценических действий и кантат Георга Генделя (1685–1759), в которых, как правило, доминировали образы и тексты древнего Израиля, соседствовали с разрешением постановок сочинений «союзного» Джузеппе Верди. Забавно, но не замеченной надзорными органами оказалась библейская тематика оперы «Набукко», которая венчалась популярнейшим «Хором евреев» – одной из самых красивых и потрясающих мелодий в истории музыки.

Многие представители искусства достаточно спокойно восприняли приход фашистов к власти и старательно работали в органах управления культурой, одобряя репрессивные методы ведения дел. Весьма далекий от политики известный автор оперетт и венских танцевальных мелодий Генрих Штрекер (1893–1981) по поводу состоявшегося аншлюса откликнулся и даже написал восторженные песни – «Немецкая Австрия свободна» и «Проснись, немецкое пробуждение». Нермс Ниль (1888–1954), напротив, был постоянно

в гуще событий, вступив в партию национал-социалистов в 1933 г. Затем сочинил популярные марши «Эрика» и «Эдельвейс», посвященные силе и духу германской армии, и постоянно выполнял заказы Имперской службы труда, организовывавшей шестимесячные молодежные курсы, предшествующие воинской службе, за что в 1941 г. при патронате фюрера получил профессорское звание. Входящий в число лучших представителей не только немецкой, но и европейской музыки XX века – Карл Орф (1895–1982) создал великолепное звуковое обрамление, сопровождающее пропагандистский дух XI летних Олимпийских игр в Берлине 1936 г.

Да, действительно, фаворитом новой власти стал выдающийся композитор Рихард Штраус, а гениальный дирижер Герберт фон Караян состоял в нацистской партии. Также, лишь в 1982 г. выяснилось, что с НСДАП активно сотрудничала известная оперная певица Элизабет Шварцкопф (1915–2006), в этом же ранее, еще в западных зонах оккупационных войск обвинялись стоящий в когорте ведущих пианистов XX века Вальтер Гизекинг (1895–1956) и дирижер Клеменс Краус (1893–1954)²⁰. Несколько своеобразно сложилась судьба Клауса Принцгейма (1883–1972), разностороннего музыканта, с 1931 г. работавшего профессором Токийской консерватории, – кратковременное возвращение в Берлин, неприятие сложившихся реалий и последующее знакомство уже с японским расовым законодательством, пребывая в роли беженца и «иностранный врага». Однако иногда случались парадоксальные случаи. Например, Вальтер Фуртвенглер, назначенный в 1933 г. вице-президентом Имперской музыкальной палаты, через несколько месяцев, протестуя против национал-социалистической культурной политики, отказался от всех официальных постов после того как правительство запретило исполнение симфонии Пауля Хиндемита «Художник Матис», но после войны все-таки был занесен в «черный список» пособников фашистов²¹.

Как ни удивительно, но на Востоке под советским надзором все обстояло несколько иначе. Так обладатель почетного звания «каммерзенгер Пруссии», баритон Рудольф Бокельман (1892–1958), включенный лично Адольфом Гитлером в престижный список 1944 г. – *Gottbegnadeten-Liste*, который гарантировал, в частности, бронь от отправки на фронт, впоследствии был профессором консерватории в Дрездене. А симфонический и оперный дирижер

²⁰ Росс А. Указ. соч.

²¹ Левая Т.Н., Леонтьева О.Т. Пауль Хиндемит. М., 1974. С. 88.

Нерман Абенрот (1883–1956), с 1933 г. возглавлявший отдел образования Reichskulturkammer – профессиональную организацию творческих работников «Третьего рейха», президентом которой был сам Йозеф Геббельс – и, награжденный в 1944 г. Крестом военных заслуг II степени, после окончания войны благополучно заседал в Немецкой академии искусств ГДР и даже стал лауреатом Национальной премии социалистического государства. Но конечно же, в целом, вовлеченность населения «Третьего рейха» в духовные скрепы фашизма была необыкновенно высока. Например, величайший оперный и камерный певец, непревзойденный интерпретатор сочинений Франца Шуберта (1797–1828) и Роберта Шумана (1810–1856) – Дитер Фишер-Дискау (1925–2012), пройдя все этапы взросления и «становления» в Гитлерюгенде, завершил войну уже бывалым фронтовиком в Италии.

Часть интеллигенции пассивно протестовала, не в состоянии что-либо изменить. Так, великий Роберт Штольц (1880–1975) – продолжатель творческой линии «короля вальсов» Иоганна Штрауса (1825–1899) – отвергал оккупацию Австрии и даже спасал евреев, тайком переправляя преследуемых за пределы рейха. Но затем был лишен немецкого гражданства с конфискацией имущества и по иронии судьбы некоторое время пребывал во французской тюрьме в ранге «враждебного иностранца». С этого же времени наблюдается массовый исход за границу музыкантов не только новейших эстетических воззрений – от атоналистов до архимодернистов, но и традиционалистов, разделявших либеральные или социалистические взгляды. Чистокровный немец Пауль Хиндемит (1895–1963) считался виновным не только по причине «диссонирующего» композиторского стиля, но и наличия жены еврейки. И это было типично – так буквально через шесть недель после прихода к власти Адольфа Гитлера уже был осужден «иудейский контроль германской музыки»²². И, в частности, выявлено семитское происхождение художественного руководителя симфонического оркестра Гевандхауз Бруно Вальтера (1886–1962), что стало причиной не только запрета концертов в Лейпциге, но и поспешного отъезда за границу гонимого новой властью. Композиторы Курт Вайль (1900–1950), Ганс Эйслер (1898–1962), Арнольд Шенберг, Эрнст Кшенек (1900–1991), Эрнст Тох (1887–1964), дирижер Эрих Клайбер (1890–1956), пианист Артур Schnabel (1882–1951), скрипачи

²² Федосеев И.С. Пауль Хиндемит. История зарубежной музыки: учебник для музыкальных вузов. Начало XX века – середина XX века. 2-е изд. // URL: <http://yanko.lib.ru/books/music/hist> (дата обращения 05.10.2019).

Фриц Крейслер (1875–1962), Бронислав Губерман (1882–1947) – также решительно исключались из культурной жизни рейха. Помимо вышеупомянутых беженцев вынужден был эмигрировать и непревзойденный собиратель фольклора венгр Бела Барток (1881–1945). Взамен музыкальные издательства «Breitkopf» и «Hartel» публиковали альбомы «боевых маршей» гитлерюгенда и песенники для штурмовиков СА. Но кроме этого приветствовалось появление действительно выдающегося крупного сочинения Карла Орфа – «Кармина Бурана», языческие мотивы и суровые хоры которого признавались в качестве возвышенного концертного образца немецкого величия²³.

Но в целом содержательная сторона развития академической музыки, повторяем, во многом закрытой для непрофессионалов, не зависела от политических перипетий: все было гораздо сложнее – в конце концов, даже чисто символически еще один отвергаемый нацистами, но оставшийся в Австрии «нововенец» Антон Веберн (1883–1945) был убит не эсэсовцем, а американским солдатом. На примере вышеизложенного вырисовывается достаточно ясная картина положения культурного пространства в нацистской Германии. В творческом отношении композиторы в любом случае занимались тем, чем хотели, так как стилевые изыски рождающегося музыкального материала без специальной подготовки было достаточно проблематично обнаружить. Отвергалось, лишалось экономической поддержки и преследовалось нечто непонятное и внешнее, но все-таки очевидно, что в целом художественно-интеллектуальный индекс некогда передовой в просвещенности страны по причине эмигрантского оттока элиты неуклонно снижался.

В целом, можно вполне обоснованно утверждать следующее: изначальные исторические первопричины появления фашистских режимов влияли не только на специфику политических процессов, которые неизбежно вели к катастрофическим последствиям для стран, ступивших на этот антицивилизационный путь, но и достаточно реально проявлялись в множественности тенденций становления европейского музыкального искусства. Взаимоотношение властей и гуманитарных сфер были различны, но и в Италии, и в Испании, и в Германии обязательно доминировало идеологическое давление, сопровождаемое уничтожением оппозиции, преследованием противников, установлением диктатур, что и определяло преступную общность фашистских государств.

²³ Леонтьева О.Т. Карл Орф. М., 1984. С. 88.

А.В. Глухова

ДИСКУРС ФАШИЗМА И НЕОФАШИЗМА В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ УГРОЗ И ПРАВОРАДИКАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

В 2014–2015 гг. мир отметил две великие и, одновременно, трагические даты: 100-летие начала Первой мировой войны и 70-летие окончания Второй мировой войны. Наступивший 2020-й год дает еще одну возможность не только отдать дань памяти героям, защитившим человечество от «коричневой чумы», но и задуматься над истоками и причинами произошедших трагедий.

В сентябре 2018 г. в Вене прошла международная конференция на тему «Начало авторитарного столетия? 1918 – 1938 – 2018»¹. Её тематика адресована двум историческим датам, маркирующим переломные события в политической жизни XX века. Одновременно она касается и современной ситуации в мире, характеризующейся ростом авторитарных тенденций и международной напряженности. Причины, однажды приведшие к трагическим результатам, вряд ли стоит считать навсегда исчезнувшими, в силу чего оправдана тревога многих интеллектуалов по поводу новых и старых, знакомых угроз миру, свободе и демократии. «Иначе говоря, нынешний кризис истории чреват масштабной смутой и борьбой за доминантный образ будущего, предвещаая цивилизации непростые времена», – предостерегает известный российский ученый А. Неклесса².

Как писал выдающийся немецкий интеллектуал Р. Дарендорф, двумя великими соблазнами современности остаются национализм и фундаментализм: «в конце XX века они встают перед нами во всей своей красе»³. Крайний национализм и воинствующий фундаментализм, по мнению ученого, не терпят ни многообразия, ни автономии гражданского общества, не говоря уже о его цивилизности. «Все права для них заслоняет религиозная или националистическая химера. А главное – они нисколько не заботятся об экономических

¹ Der Beginn eines autoritären Zeitalters? Die internationale Tagung «1918 – 1938 – 2018. Dawn of an Authoritarian Century?» / Conference 5 – 7 September 2018 // <http://www.bdb.de/mediathek/275781/der-beginn-eines-autoritaeren-zeitalters> (дата обращения: 14.10.2018 г.)

² Неклесса А.И. Мускулы войны и нервы мира: гибридная метаморфоза. Методологические и прогностические аспекты постсоветского общежития // Политические исследования. 2019. № 4. С. 152.

³ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. / пер. с нем. М., 2002. С. 68.

последствиях своих действий, поэтому с ними нельзя бороться методами открытого общества»⁴.

Посвятив большую часть своих последних работ переходам к демократии, Р. Дарендорф был особенно внимателен к процессам, развернувшимся на территории бывших социалистических стран. Провозгласив переход от авторитаризма советского типа к демократии, народы этих стран столкнулись с многочисленными и разнообразными трудностями, однако наибольшую опасность для них ученый видел в реанимации фашизма. Под фашизмом он понимал сложный комплекс идеологических, психологических и политических компонентов, где ключевыми являлись состояние ностальгической идеологии общины, делящей всех на своих и чужих; новая политическая монополия, устанавливаемая человеком или «движением»; сильный акцент на организации и мобилизации, а не на свободе выбора. «Фашизм в этом смысле не обязательно подобен немецкому национал-социализму; он не обязательно проводит политику систематического геноцида, хотя вероятность последнего весьма высока, – отмечал автор. – В любом случае это – тирания правого толка, поскольку она опирается на военных, другие силы «закона и порядка», вызывает к реакционным чувствам и предается мечтаниям – но не о лучшем будущем, а о прекрасном прошлом»⁵.

Размышления видного немецкого ученого, высказанные в начале 2000-х гг., удивительным образом созвучны выводам целой группы ученых – представителей разных стран и даже континентов, профессиональным предметом многолетних исследований которых является проблематика фашизма. Так, крупнейший отечественный специалист в области исторической германистики и феномена фашизма А.А. Галкин предпринимает успешную попытку уточнить природу феномена фашизма и те концептуальные рамки, в которых он должен исследоваться⁶. Автор обращает особое внимание на психологическое состояние общества в условиях острейших кризисных процессов, разрушающих устоявшиеся экономические, социальные, политические и духовные структуры. Он подчеркивает неадекватность и иррациональность реакции разнородных массовых групп населения на эти вызовы, обусловленной в решающей степени тем, что она формируется, находясь в своеобразном

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе (в письме некоему господину в Варшаве) // Путь. Международный философский журнал. 1994. № 6. С. 99.

⁶ См.: Галкин А.А. Фашизм как общественный недуг // Берегinya. 777. Сова. 2014. № 4(26). С. 11–21.

растворе правоконсервативных ценностей. «Фашизм с самого начала сложился как специфическая форма консервативного революционаризма, пытающегося, не считаясь с издержками, насильственно снять реальные противоречия, существующие в обществе, разрушив все то, что воспринимается им как препятствие сохранению и возрождению фундаменталистски трактуемых извечных основ бытия», – подчеркивает А.А. Галкин⁷.

Анализ дискурса фашизма в исторических исследованиях принял профессор Мичиганского университета (США) Дж. Эли. Процесс осмысления этого феномена, по его мнению, за последние полвека прошел три этапа. На первом из них, ознаменовавшемся разработкой теорий тоталитаризма и «массового общества» 1960-х гг., первенство принадлежало представителям политической науки. На втором этапе – в 1970-х гг. – процесс двинулся в сторону исторической социологии, теории государства и эмпирической социальной истории. На третьем этапе, начиная с 1990-х гг., тон стали задавать ученые, имеющие отношение к литературным дисциплинам, кинематографии, эстетике и культурологии.

Сегодня фашизм рассматривается в большей степени в контексте культурного кризиса современности, а не только как следствие общественных противоречий и обострившегося политического раскола. Такой подход позволяет разработать более универсальную концепцию фашизма, применимую к различному пространственно-временному контексту, включая современные практики.

Рассматривая в качестве объекта исследования «клинический» случай Германии, автор выделяет четыре условия возникновения фашизма в этой стране. Во-первых, это условия насилия, крушения империи и революционные движения, порожденные результатами Первой мировой войны. «Возник решающий стимул радикализации и усилению правых сил в Германии и Италии, а также в Венгрии и в других странах Восточной Европы», – полагает Дж. Эли⁸.

Во-вторых, фашизм расцвел из-за потери государством способности осуществлять воспроизводство, управляя народным хозяйством и поддерживая согласие в обществе. В Италии и Германии паралич поразил весь политико-институциональный механизм, включая парламентские и партийно-политические структуры.

В-третьих, природа фашизма оказалась привлекательной для населения, поскольку в ответ на народные чаяния он зарекомендовал

⁷ Там же. С. 16.

⁸ См.: Эли Дж. Теории фашизма: проблема интерпретации // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(26). С. 29.

себя как новый и нестандартный синтез радикально-милитаристского авторитаризма, движения к всесильному государству, исповедующему радикально-националистическую, империалистическую и расистскую идеологию с глубокой неприязнью к либералам, демократам и социалистам.

В-четвертых, фашизм отличается непосредственное использование неприкрытого политического насилия, избивание оппонентов вместо дискуссий с ними. Принципами осуществления государственной власти в годы господства нацистов стали конфронтационный стиль политики и военизированный террор. Тем самым был осуществлен радикальный разрыв с установками цивилизованного общества.

Между тем, обращаясь к межвоенному периоду, к обстоятельствам зарождения и расцвета фашистских движений в Европе, историки отмечают чудовищную привлекательную силу фашистского соблазна. Множество европейских политических деятелей той поры признавали опыт фашистской Италии и национал-социалистской Германии в качестве единственно успешной и все более желательной политической альтернативы, как либерализму, так и социализму. «Тем самым оба режима были признаны симпатизирующими им наблюдателями и сторонниками правых сил легитимным прецедентом, наметившим новые (ранее недоступные) пути радикального политического действия и предлагающим инструментарий для радикальных политических перемен – в целом или, по меньшей мере, частично, – отмечает английский историк А. Каллис. – Значительная их часть находилась под сильным впечатлением *обещания фундаментальной, исторической трансформации цивилизации, общества и положения человека*» (выделено мною – А.Г.)⁹. Привлекательности фашистского комплекса идей способствовала политико-идеологическая поляризация, почти не оставлявшая «нейтрального» политического пространства.

Фактор политической нестабильности, идейно-политического раскола, кризисного состояния системы международных отношений отмечается большинством современных исследователей как чрезвычайно благоприятный контекст для формирования идеологического «бульона» и широкого репертуара политических практик профашистского толка в межвоенный период. Нет оснований считать, что этот фактор теряет свое значение в изменившихся

⁹ Каллис А. Есть ли у фашизма будущее: размышления об истории печально известного понятия // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 12.

исторических условиях. Напротив, как показывает новейший опыт, шанс на реанимацию праворадикальных идеологических течений и политических движений возникает всякий раз, как только общество сталкивается с серьезными проблемами, угрожающими его единству. В частности, движение французских «Новых правых» возникло в конце 1960-х гг. в напряженном политическом контексте, связанном с войной в Алжире и студенческими протестами против системы высшего образования и государственной политики в целом. Революционные перемены в Европе в рамках «третьей волны демократизации» в конце 1980-х гг. положили конец «холодной войне», но одновременно вызвали политическую нестабильность, на волне которой в ряде стран Европы появилось новое поколение праворадикальных партий и движений¹⁰. Дополнительным, но очень важным аспектом политического дискурса новых правых стала тема иммиграции, встретившая широкую электоральную поддержку со стороны избирателей, напуганных притоком в Европу представителей инокультурных групп с Ближнего Востока и из Юго-Восточной Азии, угрожающих, по мнению правых радикалов, национальной идентичности. В идеологическом плане это дало последним возможность развернуть ожесточенную критику массовой миграции и либерального мультикультурализма, исходя из предполагаемой «культурной несовместимости» мигрантов и принимающего населения. Тем самым был сформирован идеологический профиль нового поколения праворадикальных партий и движений.

В исторической литературе тщательно проанализированы варианты трансформации идейных установок «классического фашизма» после его краха в изменившихся геополитических условиях. По мнению исследователей Центра по изучению политического радикализма при Фонде им. Жана Жореса (Франция) Ж.-И. Камю и Н. Лебура, после войны фашисты пытались совместить антикоммунистическую политику и ниспровержение демократических институтов. Не отказывались они и от террористических акций, в частности, во Франции в период Алжирской войны и в Италии после 1968 г. Однако подобные методы борьбы, отвергаемые широкими слоями населения, приводили радикальных правых в политический тупик. Осознав это, часть из них «дрейфует в сторону новых форм

¹⁰ Например, «Список Пима Фортейна», на базе которого возникла Партия свободы Г. Вилдерса (Голландия); Национальный фронт Ж.-М. Ле Пена (Франция); Партия свободы Й. Хайдера (Австрия); «Северная лига» (Италия); Датская народная партия; «Истинные финны»; «Йоббик» (Венгрия); «Золотая заря» (Греция) и т.д.

самовыражения, в первую очередь, связанных с культурой»¹¹, что способствует расцвету движений «новых правых. Последние отказались от старых форм национализма, сменив его на призывы к самобытности и суверенитету, научились использовать язык свободы и прав человека, сохранив при этом подозрительность по отношению ко всему «чужому», элементы ксенофобии и т.д. Проявленная новыми правыми заметная идеологическая гибкость помогла им уцелеть в новых исторических условиях, будь то деколонизация или «холодная война»¹².

Как отмечают французские исследователи, политический потенциал фашизма и национал-католицизма пережил породившие их режимы и продолжил существование не столько в виде партий, сохранивших преемственность с предшественниками, сколько в форме «интеллектуальных группировок», по роду своей деятельности предрасположенных к культурному творчеству. Новые крайне правые образования утвердились как своеобразные этнокультурные лобби в рамках общего плюралистического расклада сил, позволяющего сосуществовать разным институциональным силам¹³.

Процесс крушения авторитарных режимов и демократизация в Латинской Америке также подтверждают высказанную ранее мысль о том, что периоды политической турбулентности предоставляют для праворадикальных сил новый шанс заявить о себе в публичном политическом пространстве и в электоральном процессе. Одновременно подобные периоды порождают причудливые формы правого радикализма, несущие на себе печать исторических условий и культурных особенностей той или иной страны. В частности, говоря о превратностях неонацизма в Латинской Америке и конкретно в Бразилии в период восстановления в стране демократии, следует учитывать существенную роль так называемого «консервативного» варианта демократизации, который позволил продолжить деятельность политических элит, пришедших из прошлого режима, как в рамках системы государственного управления, так и на выборных должностях.

Правый радикализм и экстремизм в Бразилии прилагает все усилия к тому, чтобы воспользоваться складывающейся в обществе новой политической конъюнктурой, свободным политическим

¹¹ Камю Ж.-И., Лебур Н. Движения и государственные режимы крайне правых в Южной Европе // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 30.

¹² Там же. С. 35–36.

¹³ Там же. С. 39.

пространством для новых институтов, в том числе и для деятельности антидемократических и неонацистских (в данном случае – неонацистских) организаций¹⁴. Почвой для многообразия движений, различающихся в своей практической деятельности, стала необязательность соблюдения строгих институциональных норм. На примере Бразилии (с небольшой натяжкой можно говорить и о некоторых других странах Южной Америки) данный феномен можно изучать, исходя из трех взаимосвязанных позиций.

Во-первых, это деятельность представителей городской молодежной субкультуры, прежде всего так называемых скинхедов, идейные установки которых неонацистские по своей сути – любовь к своей расе и родине, отвращение к иммигрантам и евреям, симпатия к национал-социализму.

Во-вторых, практики, так или иначе, организационно оформленных мелких группировок, ищущих признания или стремящихся к политической деятельности, к институционализации, даже путем присоединения к каким-либо партиям.

В-третьих, движения (в большей степени культурные, нежели политические), стремящиеся распространять близкие к неонацизму ценности, используя книги, журналы, другую печатную продукцию, включая псевдонаучные работы, претендующие на академическое изложение исторической проблематики¹⁵.

Бразильские историки Л. Перейра Гонсалвис, О. Калдейра Нету и Г.И. Франку ди Андради считают, что специфические формы неонацизма в Бразилии были не столько подражанием неонацизму в глобальной перспективе (исходя из международного масштаба этого феномена), сколько ответом на те процессы, которые вызвали к жизни восстановление демократии в Бразилии и соответствующие социальные и политические перемены. Иначе говоря, это был вариант ответа бразильского правого радикализма неонацистской ориентации на новую – демократическую – повестку дня. В представлении его участников/последователей процесс восстановления демократии символизировал начало крушения их собственного мира.

Резюмируя современные наработки историков, политологов, культурологов, Дж. Эли подчеркивает, что фашизм – это, прежде всего, тип политики или комплекс отношений к политике.

¹⁴ См.: *Перейра Гонсалвис Л., Калдейра Нету О., Франку ди Андради Г.И.* Бразильские ультраправые в период восстановления демократии: ипостаси неонацизма в Бразилии и Латинской Америке // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 257.

¹⁵ Там же. С. 259.

Современные процессы деквалификации, упадка профсоюзов, денационализации труда в результате неумолимого процесса деиндустриализации метрополий и глобальной капиталистической перестройки серьезно подточили модель социального прогресса, которая еще недавно казалась глубоко встроенной в послевоенную политическую культуру. Опасны и политические последствия кризиса: непрерывное истончение демократических процедур на всех уровнях институциональной системы и при проведении выборов; урезание гражданских прав и расширение функций ущербного государства; кризис легитимности и т.д. «Психология осажденной крепости, четко выраженная политическая обеспокоенность, импульсивность как возникающая социальная парадигма – именно эти факторы все больше способствуют авторитарным и насильственным тенденциям в современной политике. Такая новая диалектика международного конфликта и общественного кризиса может способствовать объединению политических течений, имеющих черты фашизма», – предостерегает автор¹⁶.

Особое внимание современные исследователи уделяют новому явлению на политической сцене Европы – праворадикальным популистским партиям. По мнению американского политолога Касса Мудде, прочность либеральной демократии в Европе сомнений не вызывает, но у нее имеются политические соперники. Наиболее серьезный вызов исходит от праворадикального популистского движения, которое образует третью, наиболее успешную волну послевоенной праворадикальной политики. В основе идеологии праворадикальных популистских партий, по мнению К. Мудде, лежат, по меньшей мере, три признака:

- нативизм (т.е. сочетание национализма и ксенофобии);
- авторитаризм (т.е. жесткая несменяемая власть и иерархия);
- популизм¹⁷.

Сущность идеологии популизма заключается в том, что общество изначально разделено на две однородные и антагонистические группы: «чистых обывателей» и «коррупцированную элиту». Такой стиль политической деятельности всегда подразумевал стремление «связать» политических лидеров и массы – минуя политических представителей – и обеспечить народную поддержку через обращение к идеям национализма и страху перед «чужими». В рамках такой философии постоянно культивируется образ политического

¹⁶ Эли Дж. Указ. соч. С. 35–36.

¹⁷ Мудде К. Популистские праворадикальные партии в современной Европе // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(26). С. 92–93.

лидера – истинного «человека из народа». «Подобно демагогии и независимо от своего обращения к «единому телу» народа, популизм – это движение, опирающееся на искусное применение слов и массмедиа, нацеленное на то, чтобы склонить большинство к политике, которая не обязательно будет проводиться в его интересах. Игнорируя открытое, плюралистическое, продолжительное обсуждение, он использует стратегию нового объединения народа для выдвижения претензий на большую власть и ее приобретение»¹⁸.

По мнению Я.-В. Мюллера, специфика популистов не в том, что они критикуют истеблишмент – это норма для демократии, а в том, что они и только они якобы представляют «настоящий народ», молчаливое большинство. Эта претензия на единственно справедливое представительство является в первую очередь моральной, из которой следует, что другие претенденты на власть должны быть квалифицированы как полностью нелегитимные. И речь здесь не идет о различном понимании дела или различных взглядах на ценности. Другие политики представляются как коррумпированные, они не служат народу, а обогащаются, представляют особые интересы на службе у «глобалистов» и хотят лишит государство его суверенитета, включив народ в некое мировое гражданство¹⁹. Популистский консерватизм незаметно сближается с радикальными правыми мировоззрениями и движениями, отдельные экстремальные формы которых зачастую сложно отличить от «чистого» фашизма.

Другой известный политолог Клаус фон Байме, размышляя о популизме и правом экстремизме в партийных системах эпохи постмодерна, рассматривает последние как следствие перехода к «постдемократии» (К. Крауч), которая идентифицируется с эрозией партий, медиализацией политики и выдвижением экспертов за счет партийных элит²⁰. Основными характеристиками популистов являются апелляции к предрассудкам, использование теорий заговоров и клише, декларирование борьбы с коррумпированным политическим классом и т.д. Опасения по поводу угрозы гражданскому обществу со стороны популизма весьма своевременны,

¹⁸ Глухова А.В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Политические исследования. 2017. № 4. С. 52.

¹⁹ Müller J.-W. „Das wahre Volk“ gegen alle anderen. Rechtspopulismus als Identitätspolitik // URL: <http://www.bpb.de/apuz/286506/das-wahre-volk-gegen-alle-anderen-rechtspopulismus-als-identitaetspolitik> (дата обращения 20.10.2019).

²⁰ Крауч К. Постдемократия. М., 2010.

в особенности, когда традиционные идентичности защищаются на популистский манер²¹.

В современной историографии фашизма и национал-социализма нет единства мнений относительно преемственности или разрыва «исторического фашизма» и современного правого радикализма²². Однако для большинства партий, входящих в семейство современных правых радикалов, общими являются ключевые идеологические темы, связанные с определяющими темами межвоенного фашизма. В их числе радикальный ультранационализм и эмоциональный нативизм, атакующий такие современные явления, как либеральный мультикультурализм, космополитизм и международное сотрудничество; популизм; демонизация «других», ведущая к проявлению сильных ксенофобских или расистских тенденций; лидерство и харизма; атаки на «декаданс»; этноплюрализм/культурная дифференциация как угроза национальной культуре²³.

Несмотря на то, что бациллы фашистской идеологии, политического стиля, ценностей и символов просачивались через государственные границы и будоражили умы и сердца миллионов людей, победа фашизма не была предопределена вплоть до Великой депрессии 1929–1933 гг., приведшей к росту безработицы, обнищанию широких социальных слоев, усиливающемуся ожесточению в обществе. В результате в Европе не просто рвались к власти фашистские политические структуры, но и формировалось фашистское идеологическое пространство, с жестким преследованием и подавлением либеральных, социалистических, демократических взглядов и позиций. Тайна фашизма заключалась не только в дьявольской смеси двух, казалось бы, несовместимых начал – крайнего национализма и социализма, оказавшихся одинаково привлекательными для широких слоев обездоленного населения. Не меньшее значение имело присвоение политической динамики, выдвижение программы разрешения острых социально-экономических проблем, претензии на модернистскую революцию, сотворенную по совсем другим канонам и лекалам, нежели те, которыми располагали левые силы. Трактовка фашизма как революционаристского (но содержательно контрреволюционного) проекта, отражает не самую важную его сущность, но обращает внимание на привлекательность самой идеи перемен,

²¹ См.: *Фон Байме К.* Популизм и правый экстремизм в партийных системах эпохи постмодерна // *Берегиня 777. Сова.* 2014. № 4(23). С. 108.

²² См.: *Каллис А.* Указ. соч. С. 16.

²³ Там же.

упущенной из поля зрения консервативными правительствами межвоенной поры²⁴.

Во многом это урок и для нынешних правительств, особенно правоконсервативной ориентации. Радикальные правые партии и движения в начале XXI века также пытаются извлечь из трудностей мира, оказавшегося на пересечении двух разнонаправленных потоков – глобализации и локализации – собственную политическую выгоду. «Они ушли от традиционных форм консерватизма, включая его политический стиль, и в стремлении достичь политического успеха обратились к популизму и ксенофобии, радикальному национализму и расизму, подражая или вновь призывая к жизни фашистский стиль в политике», – отмечает исследователь идеологических доктрин Д. Шварцмантель²⁵.

Эксплуатируя темы антииммиграции, евроскептицизма и постоянно ощущаемого культурного упадка, праворадикальные движения пытаются собрать под свои знамена сотни разочарованных и дезориентированных людей, оказавшихся на обочине процессов глобализации и не вкусивших ее плодов. Приходится признать, что у них вновь появляется шанс соблазнить этих людей проектом, ущербность и преступность которого история однажды уже доказала. Однако об истории сегодня вновь говорят, что она вернулась и она голодна. Следуя завету антифашистов первой половины XX века, нам требуется сохранять бдительность. Как предостерегал великий философ XX столетия У. Эко, «ур-фашизм»²⁶ до сих пор витает вокруг нас, иногда в гражданских одеждах, и может вернуться в самом невинном виде. «Наша обязанность заключается в его разоблачении и в разоблачении любого из его новых видов – ежедневно и в любой части света»²⁷.

²⁴ Подробнее см.: *Бертонья Ж. Ф.* Виды (типы) фашизма в Латинской Америке: сравнительный анализ и концептуальное осмысление // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 212.

²⁵ *Шварцмантель Д.* Идеология и политика. Харьков, 2009. С. 120.

²⁶ Эко У. Вечный фашизм // Smartfiction. URL: http://smartfiction.ru/prose/eternal_fascism/ (дата обращения: 01.11.2019).

²⁷ Цит. по: *Каллис А.* Указ. соч. С. 17.

ЧАСТЬ II. ИТАЛЬЯНСКИЙ И ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ

С.Е. Князева

ИТАЛЬЯНСКИЙ ФАШИЗМ В КОНТЕКСТЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Вопросы национальной (религиозной, гражданской, этнической или социальной) идентичности как принадлежности к определённой цивилизационной общности попадают сегодня в центр внимания в исследовании международных отношений и в политических науках. Ведь обращение к прошлому на основе закосневших политико-идеологических схем, уже использовавшихся в жёстких моделях социума, искажает исследование исторических явлений¹. Объективное изучение реализовавшейся сегодня новой (второй или уже третьей) волны политического цикла – популизма – не представляется таким образом возможным. Первая волна популистского цикла возникла после Первой мировой войны в форме экстремистских движений, одним из которых стал итальянский фашизм.

Толерантное отношение к фашизму в определённых возрастных и социальных стратах общества можно наблюдать и во второй половине – конце XX в.² Муссолини выглядит в их глазах «мужественной личностью» – «итальянцем до глубины души». Правда, 35 % заявили о том, что фашизм «был режимом, который привёл

¹ Коломиец В.К. Политический образ современной Италии. Взгляд из России. М., 2013. С. 70–72, 74–75; Bocca G. Life is now. Senza passato e senza futuro // *espresso.repubblica.it*. URL: <http://www.espresso.repubblica.it/dettaglio/1455309/?p=&comment=true&print=true> (дата обращения 22.12.2018).

² Более трети (точнее, от 26,6 до 33, 2 проц.) опрошенных, в основном, молодых итальянцев в возрасте от 18 до 25 лет, демонстрировали если не позитивное отношение к итальянскому фашизму, выраженное в терминах героизма, жизненной силы, золотой поры для Италии, то толерантное при определённых допусках («режим был бы благом, если бы не начал войну», «если бы не вступил в союз с Гитлером», «если бы внутри него не было совершенно столько предательств», «если бы не...»). La Palombara J. L'orientamento politico della gioventù // *Elezioni e comportamento politico in Italia* / a cura di A. Spreafico e J. La Palombara. Milano, 1963. P. 507.

страну к краху». Все же «остаточный профашизм» заметен и на рубеже XX–XXI вв.³

Некоторые исследователи считают тоталитарную автократию моделью социума XX в., «выделяющейся среди других режимов автократического или авторитарного типа»⁴. Другие аналитики полагают, что эта модель имеет куда более глубокие исторические корни – отдельные элементы тоталитарного государства возникали на ранних стадиях, когда государство было слабым, неразвитым, либо в периоды глобального, системного кризиса. Так, основные черты, присущие тоталитарной государственной модели, проявились в Якобинском Терроре, хотя он просуществовал чуть более года.

Тоталитарные модели получили дальнейшее развитие в XX, массовом, веке, с наступлением эры маленького простого человека, когда на улицы хлынули массы малообразованных, поверхностно нахватавшихся знаний или неграмотных людей, обладавших низким уровнем культуры и правосознания. «Табунное чувство» и «эффект толпы» обозначились особенно после первой мировой войны, когда Европейский мир вступил в консервативный (а точнее, традиционалистский) политический цикл, когда либеральные принципы реализации власти перестали находить поддержку у широких масс, а персоналистские режимы стали восприниматься как едва ли не единственно приемлемый способ реализации власти в европейском пространстве⁵.

На гребне «реверсной волны» Европейский мир столкнулся с ростом популизма в его левой или правой версии, – но в любом случае его отличали пропаганда шовинизма, национальной исключительности, ура-патриотизма и ксенофобии. Этот новый политический цикл, в том числе, в Западной Европе, нельзя квалифицировать просто как кризис сознания европейцев⁶; только как кризис «эго-идентичности», воспринятый в массовом порядке как «потеря тождественности самим себе»⁷. Речь идёт о жёстком кризисе религиозной, этнической идентичности, даже о кризисе самих основ западноевропейской идентичности – о массовой патоло-

³ Коломиец В.К. Указ. соч. С. 254–255, 257, 259.

⁴ Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / руковод. авт. колл. Я.С. Драбкин и Н.П. Комолова. М., 1996. С. 9.

⁵ Самуэль Хантингтон назвал бы этот цикл «реверсной волной», которая, как правило, сменяла либеральную и/или демократическую модели управления.

⁶ По этому вопросу существует достаточно плотная историографическая традиция.

⁷ Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 24–25.

гии идентичности⁸ вследствие эрозии определённых её имagem⁹, а в некоторых странах – об отказе от привычных западноевропейских стереотипов, истоки которых уходят в англосаксонскую культуру и либеральное кредо.

На изломе европейской истории первой четверти XX в. произошёл глобальный «кризис ценностей поколений, потеря религиозных, нравственных и прочих ориентиров для масс и отдельных личностей»¹⁰ – возникла аномия, психосоциальный синдром, т.е. массовая неудовлетворённость людей, сопровождаемая чувствами страха, опустошённости, социальной завистью, утратой эмпатии, ростом преступности вследствие смещения критериев дозволенного. Огромное число погибших, социальная депрессия, ресентимент, территориальные потери, города в руинах, частичная или полная утрата государственного суверенитета, усиление аномии в Европейском пространстве – таковы факторы, лежавшие в основе пресловутого Заката Европы: сами основы западноевропейской корпоративной региональной идентичности¹¹ оказались в состоянии глубокого кризиса. Большое влияние оказал и «синдром» («эффект») окопов: бывшие фронтовики не могли устроиться в жизни послевоенной Европы¹². А в предельных случаях массовая патология идентичности «провоцирует выбор в качестве единственного способа самоутверждения индивида и масс людей ... самоубийственную логику “чем хуже – тем лучше”»¹³.

⁸ Там же. С. 17, 26–27.

⁹ Понятие «имагема», определяемое как стереотип с полярными чертами, принадлежит представителю европейской имагологии Й. Леерсену. См. также статью российского эксперта в области социального конструктивизма А.Ивановой, которая, в свою очередь, опирается на работы Й. Леерсена, французского исследователя Ж.-М. Мура и российского эксперта О. Поляковой: *Иванова А.Д.* О понятийном аппарате современной имагологии // Вестник Вятского Государственного Университета, 2016. С. 76.

¹⁰ Эриксон Э. Указ. соч. С. 17.

¹¹ Понятие корпоративной идентичности использует представитель американского конструктивизма, профессор университета Огайо А. Вендт в работе «Социальная основа международной политики». Цит. по: *Морозов В.* Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе // Аналитические призмы. Обзоры зарубежных публикаций. URL: <http://intertrends.ru/old/tenth/007.htm> (дата обращения 15.02.2019).

¹² Синдром или эффект окопов выражался на массовом уровне в том, что «горькие радости индивидуализма» и элитарные ценности, которые предлагали им послевоенные либеральные общества, обостряли их ощущение одиночества, ненужности, отсутствия заботы со стороны власти, тогда как в окопах был командир подразделения, оказывавший им поддержку, думавший о них.

¹³ Эриксон Э. Указ. соч. С. 27.

Великая война спровоцировала взаимные реконструкции образов народов ряда европейских государств с последующей их репрезентацией в виде демонизации образов либерального политика и либеральных моделей социума в глазах значительной части, если не большинства населения этих стран. Следствием стали раскрученный образ врага, самопозиционирование новых популистских вождей. Сам термин «тоталитаризм» возник в 20-е годы XX столетия: 3 января 1925 года Муссолини взял тотальную ответственность за судьбу своей страны, и объявил, что борьба между правительством и оппозицией «будет решена силой», что стало началом консолидации тоталитарного режима в Италии¹⁴.

Известный российский учёный первой половины XX в. Николай Устрялов отмечал, что в Италии росло «сознание необходимости ... сильно действующих средств и ... послевоенное недовольство вскормило ... фашизм»¹⁵.

Итальянский фашизм характеризуют, на наш взгляд, следующие важнейшие особенности, позволяющие квалифицировать его как «стыдливую»¹⁶, смягченную модель тоталитарной автократии прошлого века. Во-первых, это сосуществование и даже (в отдельные периоды) совместное правление королевской и фашистской власти. Отсюда присущее итальянскому фашизму меньшее, чем в других жёстких моделях социума слияние государства-власти-правителя-вождя. Имя *duce*-*dux* нужно понимать как правитель, но в основном это военный, ведущий к победам на войне; в итальянском же Средневековье эти должности были совмещены¹⁷.

В эпоху Чёрного Двадцатилетия Конституция Королевства Италии не была отменена, хотя и существовала формально, при

¹⁴ *Mussolini B.* Breviario. A cura di Giovanni Mattazzi. Milano. P. 116, 119, 297. См. также: Тоталитаризм в Европе XX века. М., 1996. С. 98–99; *Лопухов Б.Р.* История фашистского режима в Италии. М., 1977. С. 71–72; *Белоусов Л.С.* Режим Муссолини и массы. М., 2000. С. 53; *Филатов Г.С.* Крах итальянского фашизма. М., 1973. С. 233.

¹⁵ Цит. по: *Устрялов Н.В.* Итальянский фашизм. Харбин, 1928. (Второе издание: М., 1999). Глава 5. Мир. «Испорченная победа». Наследие войны. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/58932/7/Ustryalov_-_Ital%27yanskiy_fashizm.html (дата обращения 28.03.2019).

¹⁶ Данный термин принадлежит известному российскому итальянисту Б.Р. Лопухову: *Лопухов Б.Р.* Указ. соч. С. 19, 177; Тоталитаризм в Европе XX века. С. 183, 189.

¹⁷ *Duce.* Treccani. Enciclopedia on line // [treccani.it/enciclopedia](http://www.treccani.it/enciclopedia/duce). URL: <http://www.treccani.it/enciclopedia/duce> (дата обращения 23.02.2019); см. также: *Dizionario di Storia.* Milano, 2010 // [treccani.it/dizionario-di-Storia](http://www.treccani.it/dizionario-di-Storia). URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/duce_%28Dizionario-di-Storia%29/ (дата обращения 23.02.2019).

этом Виктор Эммануил III представлял страну на внешнеполитическом поприще наравне с дуче¹⁸.

Важной спецификой итальянского фашизма было существование, и отнюдь не формальное, Святого Престола, а с февраля 1929 г., государства Ватикан. Следовательно, идеократия¹⁹ не могла реализоваться в итальянской модели, а новая религия, новая политическая вера, т.е. разновидность неоязычества (национал-социализм) не вытеснила веру в Спасителя. В Италии возникла раздвоенность и сосуществование символов веры: Никео-Константинопольского символа Троицы – и фашистского символа политической веры в новую фашистскую Троицу: истинность изречений дуче (Дуче всегда прав!), мистическое образование Государство-нация и Величие Рима-Италии²⁰.

Как замечает российский итальянист Л.С. Белоусов, итальянский консенсус режима и масс стал в значительной степени итогом согласия режима с католической церковью²¹: поддержка режима верующими католиками «зависела от взаимопонимания новой власти и Ватикана»²². Конечно, идеологи прославляли режим и самого дуче: «Он – сам Бог!». Но это скорее ставит вопрос о такой неотъемлемой характеристике режима, как *нарциссизм* вождя, с которой связана ещё одна ключевая черта тоталитарных диктатур – неистребимая жажда власти ради самой власти, осознанное осуществление зла властью²³.

¹⁸ Хотя во внутренней и во внешней политике дуализм фашистской и королевской власти был чётко выражен, и Муссолини в нарушение Конституции узурпировал пост главы военного и военно-морского министерств, а также мог осуществлять ряд функций главы государства, всё же именно король уполномочил дуче сформировать первое министерство, одобрил его действия во время кризиса Маттеотти и «второй волны фашизма»; и никто иной, как король принял его отставку 25 июля 1943 г.

¹⁹ Здесь следует обратить внимание на такую важную черту тоталитарного режима, как идеократия, власть идеи; Н.В. Устрялов обращает внимание на важность представления об *идее-правительнице* как существенной черте такой модели управления. См.: Устрялов Н.В. Итальянский фашизм. Харбин, 1928. (Второе издание: М., 1999) // e-reading.club. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/58932/7/Ustryalov_-_Ital%27yanskii_fashizm.html (дата обращения 28.03.2019).

²⁰ Mussolini B. Breviario. P. 118–119, 99, 103–105.

²¹ 11.02.1929 г. Дуче и папа Пий XI подписали в Риме Латеранские соглашения, ставшие и основой, и первым итогом этого консенсуса не только на уровне Церковь-фашистское государство, но и на уровне «фашистские-католические массы».

²² Белоусов Л.С. Указ. соч. С. 9, 47.

²³ О власти тоталитарного диктатора «*ради самой власти*» пишет Дж. Оруэлл в своей антиутопии «1984 год»: «Партия стремится к власти

Из этого следуют и такие важные для квалификации итальянской тоталитарной версии моменты²⁴, как отсутствие тотального контроля над всеми сторонами жизни человека; относительная слабость тайной полиции; и конечно, причинение вреда (иногда тяжёлого) здоровью вместо концлагерей, газовых камер, печей, изменения черепов, опытов над людьми и расчеловечивания человека.

И, безусловно, нужно учитывать влияние *italianità*, *итальянской карты*, *io stesso medesimo*²⁵ на феномен итальянского фашизма. Дуче нередко оперировал понятием «коллективная душа» итальянцев²⁶, что свидетельствует о его осведомленности в отношении идей европейского Разума – И. Гердера, Ш.-Л. Монтескьё.

Реконструкция образа «Другого» на примере анализа основы идентичности итальянцев, его «тождественности самому себе»²⁷, «народного духа-в себе-и-для себя» (по Гегелю, Гердеру, Монтескьё), его *самости*, *итальянскости* – *italianità* – определяет, сколь важное место занимает в стереотипах политического реагирования и в репертуарах смысла итальянцев наследие античной политической культуры, городской культуры и культуры итальянской Коммуны, а также чёткой картины мира, сформированной под воздействием Гуманизма и Просвещения. Население Апеннинского полуострова восприняло на уровне генетической памяти наследие афинской философии и логики, особенно идею философа V в. до Р.Х. Протагора из Абдер, что человек есть «мера всех вещей» и лишь сам человек сам определяет нормы морали, поведения,

исключительно ради нее самой». Эта мысль озвучена устами внушающего её Уинстону палача-инквизитора О' Брайена, равно как и мысль о том, что «Бог – это власть». *Оруэлл Дж.* 1984 год. М, 1989, С. 147, 156. Другая идея – о том, что Жажда власти, реализованная и удовлетворённая, приносит диктатору *физиологическое* наслаждение, очень тонко подмечена великим Шекспиром (Макбет, Король Лир).

²⁴ В данном случае следует исходить из так называемых (в политических науках) Шести пунктов Бжезинского, изложенных им в капитальном труде «Тоталитарная диктатура и автократия» в соавторстве с профессором Гарварда, экспертом Карлом Фридрихом и ставшем в последней трети XX века настоящим бестселлером, поскольку в 50–60-е гг. этот труд переиздавался по крайней мере 3 раза. См.: *Friedrich K.J., Brzezinski Z.K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1965.* Типология тоталитарной автократии в теоретическом аспекте отражена и в труде известного германского эксперта Ханни Арендт – *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М, 1996.

²⁵ Самость – понятие, достаточно раскрытое в имагологии.

²⁶ Муссолини оперирует понятием *anima collettiva* в значении «народная душа» или «народный дух». *Mussolini B. Breviario, P. 35–36.*

²⁷ *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 11.

жизненные цели и ориентиры и сам берёт на себя ответственность за свой выбор²⁸, а также озвученную Периклом максиму о необходимости защиты государством «свободы от принуждения в частной жизни человека» вследствие проживания в свободном политическом пространстве²⁹.

Необходимо обозначить и наследие полисной культуры Средневековья, что осталось в *коллективном бессознательном*³⁰ итальянцев и стало доминантным геном в формировании соответствующих стереотипов политической культуры. Долгое время государства Северной и отчасти Центральной Италии оставались «страной городов», и нужно учитывать роль итальянского города как центра информации, трудовой и деловой активности, систематического труда и инклюзивности горожан-граждан³¹. Сказанное стоит рассматривать как основу процветания итальянского города, в совокупности с концентрацией научного знания, рациональными нормами поведения, разумным коллективным управлением и толерантностью³². В итальянском языке, так же, как и европейских языках, слово «гражданин» и «горожанин» – *cittadino* – сливаются, что не случайно: горожанин не мог не стать гражданином в полисе.

Изложенное свидетельствует о преимущественном развитии инклюзивной модели социума, инклюзивной политической системы, экономики, нацеленной на развитие деловой активности³³,

²⁸ Цит. по: Философское наследие. Энциклопедический словарь // iphlib.ru. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/greekdic/document/HASH013facb38e8c715671bd992b> (Дата обращения 12.03.2018).

²⁹ Фукидид. Из речи Перикла над могилами воинов / пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева). // Хрестоматия по античной литературе / в 2 т. Для высших учебных заведений. Т. 1. / сост.: Н.Ф. Дератани и Н.А. Тимофеева. Греческая литература. М., 1965.

³⁰ Термин был раскрыт известным философом XX в. К. Юнгом, а позднее российским экспертом А. Эткингом.

³¹ См., в частности: Прокачки Дж. История итальянцев. М., 2012. С. 57.

³² Подробнее об этом см.: Князева С.Е. Итальянцы и воздух свободы. Итальянско-российское взаимодействие в контексте национальной идентичности итальянцев // Вестник Европы (Непрерывный журнал, Итальянская линия), 13.07.2017. URL: <http://www.vestnik-evropy.ru/continuous-magazine/svetlana-knyazeva-the-italians-and-the-air-of-freedom-.html>; она же. Трудности понимания. Россия и Италия: социокультурный контекст // Вестник Европы XXI век. Италия и Ватикан. Специальный номер / отв. ред. В.А. Ярошенко. М., 2018. Т. L–LI. С. 191–208.

³³ Об этом см. подробно: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Пер. с англ. Д. Литвинова и др. М., 2017. Особенно гл. 1, 3–5, 11–12. С. 99–112, 249, 405–415. Такие социумы именуются также «поряд-

выборность на конкурентной основе, возможность доступа к власти. Город стал центром свободы, разумного, рационального управления, комфортной жизни³⁴, где дух свободы стал продолжением ответственности, что несовместимо с диктатом власти³⁵.

В числе доминантных генов национальной, политической, религиозной идентичности итальянцев лежат не только моноконфессиональность, приверженность католической вере, но и индивидуализм, недопустимость вмешательства во внутреннее личное пространство, рационализм, прагматизм. Отсюда и повышенное чувство опасности, и выраженный инстинкт выживания и самосохранения, недопустимость вторжения в *privacy*, отсутствие чувства униженности, подавленности – виктимности.

Всё это, наряду с таким паттерном гуманистической картины мира, как приоритет частной пользы (интереса, блага) по отношению к общей пользе, интересу, благу, следует определить в качестве итальянской Карты – карты *italianità*.

Аутизм народа как итог травматического опыта³⁶ завоевания или крепостного рабства – питательная база тоталитаризма. Но на территории Апеннин не существовало крепостного рабства (в отдельные периоды преобладали кабальные формы земельных держаний, включая разновидности меццадрии, особенно на Юге); на Севере же не получили развития и формы личной и поземельной несвободы.

Эксперт Сорбонны Бруно Гроппо, профессор Йельского Университета Шошана Фелман и др. объясняют специфику политической культуры народа «травматическим опытом» (завоевания, длительная несвобода народа, бунты, диктаторские режимы, революции). Травматические проявления закрепляются как шаблоны–гештальты в когнитивных и аффективных зрительных образах и представлениях

ками открытого доступа». См. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. / пер. с англ. Д. Узланер и др. М., 2011.

³⁴ Подробнее об этом см.: Князева С.Е. Итальянцы и воздух свободы; она же. Трудности понимания. С. 191–194.

³⁵ Caocci A. Conoscere per capire la Storia. L'Eta' dei Comuni. Milano, 1986, P.117–120, 124–126. Fisher H. Storia d'Europa. Dall'antichita' alla Controriforma. Romagna, 1995, P. 183–184. Прокачки Дж. Указ. соч. С. 58–59.

³⁶ Trauma studies – отрасль гуманитарного научного знания, уже давно продвинувшая идею изучения роли исторической травмы в формировании, развитии, кризисах идентичностей. Эта проблема достаточно изучена в зарубежной экспертной литературе, в частности, такими аналитиками, как Ш. Фелман (США) или Б. Гроппо (Сорбонна). См.: Гроппо Б. Как быть с «темным» историческим прошлым // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/02/25/groppo/> (дата обращения 25.2.2019).

народа (о жизни и смерти, свободе и рабстве, справедливости, насилии и толерантности и т.д.), а также в формах реагирования, которые складываются в устойчивые стереотипы политической культуры. Но опыт травмы проявляется и в снижении или, напротив, в укреплении «культурного иммунитета» её народа³⁷, а посттравматический «стрессовый синдром»³⁸ проявляется через стремление доказать особый путь (или через отсутствие такого стремления).

Изложенное, вкупе с природно-климатическими особенностями, длительным периодом политического сепаратизма, стремлением стать признанной европейской державой, позволяет исследовать итальянский фашизм как мягкую форму тоталитарной диктатуры в контексте реконструкции образа итальянского народа и создания *итальянской карты*. Центральный миф фашизма о всеобъемлющей роли государства как «некого самодовлеющего, незыблемого абсолюта, наделённого тотальным и сакральным характером, притом характером неопределённо-мистическим»³⁹, по отношению к которому общество, а тем более семья и человеческое существо «есть понятие относительное и ему безусловно подчинённое, имеющее «зависящую от него значимость», — было решительно отвергнуто большинством итальянцев⁴⁰. Лозунги фашизма имели сценически-музыкальный характер и были заточены под гештальты *italianità*. Великодержавность и мистический ура-патриотизм в пропаганде режима в целом срабатывали слабо⁴¹.

Тоталитарная Империя приносила на алтарь человеческих жертвоприношений всё новые жертвы, но большинство

³⁷ Термин *культурный иммунитет* принадлежит профессору Сорбонны эксперту Б. Гроппо. См.: Гроппо Б. Как быть с «темным» историческим прошлым // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/02/25/groppo/> (дата обращения 25.2.2017).

³⁸ Этот термин употребляет в своих экспертных оценках Э. Эрикссон.

³⁹ *Mussolini B.* Op. cit., P. 91–132; 101–102, 251–268; *La dottrina del fascismo*. Milano, 1935. P. 35–69, 49–75 (особ).

⁴⁰ Об этом см. работу ведущего итальянского историка – эксперта по истории итальянского фашизма Ренцо де Феличе: *De Felice, R. Intervista sul fascismo*. Bari, 1975. P. 53 и др; см. также: *Лопухов Б.Р.* Указ. соч. С. 19, 174–177, 179; 275. Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. С. 183, 189; *Филатов Г.С.* Указ. соч. С. 5–6, 469; *Белоусов Л.С.* Указ. соч. С. 73, 307, 312, 349.

⁴¹ Когда дуче в своей речи 5 мая 1936 г. провозгласил Италию Империей по итогу итало-абиссинской войны 1935–1936 гг., градус популярности режима достиг небывалого уровня, но с первыми же военными поражениями он угас.

итальянцев руководствовало лозунгом *primum vivere!*⁴² Жить достойно, а не *погибнуть* за фашистское отечество или торжество имперской идеи, олицетворенной в государстве-власти-дуче.

Изложенное позволяет сделать вывод об итальянском *конформизме*, оставлявшем возможности сохранения человеком внутреннего личного пространства и личной жизни, как о важной типологической характеристике фашистского режима и наиболее прагматичной форме реагирования личности на прессинг жёсткой модели социума⁴³, если власть предоставляет возможности карьерного роста⁴⁴. Олицетворением конформизма стал популярный в Италии 30-х гг. *кухонный* анекдот: во время вечерней трапезы на вопрос одного из отпрысков Муссолини, что такое фашизм, дуче изрёк: «*Ешь и молчи*»⁴⁵.

«Стыдливость» итальянского фашизма стала следствием стереотипов, заложенных в матрице программы итальянского народа и не позволивших диктатору Муссолини создать «классическую» тоталитарную автократию. И все же «стыдливый фашизм» стал для итальянцев «колеёй», *path dependence*, возвращением в «порочный круг»⁴⁶, следствием *коллективного бессознательного* – коллективной памяти народа о травмах, повлиявших на формирование стереотипов политической культуры.

В наши дни представители нового правого популизма набирают популярность в Италии и Европе, но хочется верить, что итальянский народ не окажется вновь в той же колее.

⁴² Прежде всего жить! См.: *De Felice R. Rosso e nero*. Milano, 1995. P. 86; *idem*. Intervista sul fascismo. P. 53.

⁴³ Кун Ц. Миф, реальность, литература. М. 1968, С. 140, 152.

⁴⁴ *Моравиа А.* Конформист. М., 1994. С. 75–76.

⁴⁵ Этот анекдот в фашистские времена популяризировал в узком кругу Итало Бальбо – фашист «первого часа», известный пилот Великой войны, квадрумвир похода на Рим в октябре 1922 г. и ближайший соратник Муссолини. Мы приводим его по подборке документов и воспоминаний, подготовленных коллективом итальянских историков-экспертов L'Università Sapienza (Рим) под общей редакцией профессора Ф. Кордова // *Uomini e volti del fascismo / a cura di F. Cordova, P. Carucci, S. Casmirri ed altri. Storia e documenti, Diretta di F. Cordova*. Roma, 1980. P. 5.

⁴⁶ *Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. С. 461–475.

Е.С. Токарева

СПЕЦИФИКА ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ (1922–1943)

Государственно-церковные отношения в Италии в период фашизма – тема, достаточно хорошо изученная в итальянской историографии. Большинство работ, посвященных этой теме, базируются на широком спектре опубликованных и архивных документов. Последним вкладом в фундирование данной проблемы стала доступность для исследователей в начале нынешнего века той части фондов Архива Ватикана, которая относится к понтификату Пия XI, т.е. к периоду 1922–1939 гг. В числе прочих и фонд апостольской нунциатуры в Италии. Благодаря такому широкому спектру источников, тема была рассмотрена как на общенациональном уровне, так и на уровне отдельных областей и провинций, в рамках микроистории, с использованием биографического метода и т.д. Причем рассматривались и отдельные проблемы, и отдельные короткие отрезки времени в рамках общего периода становления и господства фашистского режима. Вместе с тем, помимо одного тома из многотомной «Истории итальянской церкви», вышедшего еще в 50-х гг. прошлого века, обобщающей фундаментальной монографии в итальянской историографии не существует и поныне.

Первая особенность итальянского варианта церковно-государственных отношений была связана с отсутствием каких-либо официальных отношений между итальянским государством и Ватиканом к тому времени, когда фашизм пришел к власти, т.е. существование т.н. «римского вопроса».

Поставленная в контекст государственно-церковных отношений тема контактов между католической церковью и фашизмом рассматривалась первоначально историками, как некая эволюция государственной политики в отношении церкви, но также и как эволюция отношения к церкви самого фашизма¹.

И здесь в первую очередь привлекало внимание изменение концепций самого Муссолини. Во времена своего социалистического

¹ См., в том числе, последние работы: *Fattorini E.* Pio XI, Hitler e Mussolini. La solitudine di un papa, Torino, 2007; *Carboni L.* Francesco Borgongini Duca e l'Archivio della nunziatura apostolica in Italia (1929–1939) // *L'Archivio della nunziatura apostolica in Italia. I. (1929–1939). Cenni storici e inventario* / A cura di G. Castaldo e G. Lo Bioanco. Città del Vaticano, 2010 и др. работы.

прошлого он рассматривал Ватикан и церковь, как отжившее явление, с которым нужно бороться, рассматривал даже такой вариант, как изгнание папы из Ватикана.

Однако уже с лета 1920 г. выступления Муссолини теряют антиклерикальный оттенок. В октябре того же года он писал о том, что Ватикан будет почитаться фашистским движением как всемирный религиозный центр. Более полное развитие эти идеи получили в его речи в Палате депутатов 21 июня 1921 г. Муссолини отбросил, как непригодный в новых условиях либеральный принцип «двух параллелей» и выдвинул теорию «католического государства»².

Чисто прагматический характер такой переориентации был очевиден. Речь в этот момент шла о том, чтобы получить поддержку церкви в деле завоевания реальной власти, для продвижения к которой у фашистов открылась возможность. После прихода к власти, осознав, что церковь в Италии продолжает занимать прочные позиции и оказывает значительное влияние на общественное сознание итальянцев, Муссолини очень быстро пришел к мысли о необходимости привлечь Ватикан на сторону фашизма в качестве политического союзника. Лидер итальянских фашистов рассчитывал поддержать свое движение авторитетом католической церкви.

Стремясь к этой цели, Муссолини начал свою религиозную политику с того, что вернул Церкви некоторые, утраченные ею в ходе Рисорджименто, позиции. Так, в государственных школах было введено религиозное обучение, установлены распятия в школах, больницах и судах, восстановлены должности капелланов в армии.

Желаемую поддержку фашистский режим действительно получил. И, что самое важное, именно в нужный момент, когда страна была охвачена политическим кризисом после убийства фашистами депутата-социалиста Джакомо Маттеотти. Он, как известно, с трибуны итальянского парламента разоблачил фашистские махинации во время выборов 1924 г. Не нужно, однако, думать, что Церковь ясно выразила свое одобрение и поддержку действиям фашистов. Ватикан всего лишь призвал граждан к спокойствию и порядку, но в условиях острого кризиса это было воспринято именно как поддержка.

² Особенно этому вопросу уделила внимание итальянский историк Лючия Чечи: Чечи Л. «Это движение стало необходимостью»: католическая церковь и фашистское насилие в Италии (1920–1924 гг.) // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 127–139; она же. Католическая церковь и фашизм в Италии: модернизация, войны, антисемитизм (1929–1945 гг.) // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 99–111; Ceci L. The Vatican and Mussolini's Italy. Leiden, 2016.

После завершения кризиса политика Муссолини получила дальнейшее развитие. Итогом и высшей точкой ее стало заключение в 1929 г. Латеранских соглашений, завершавших «римский» вопрос» и знаменовавших собой окончание почти 60-летнего конфликта между церковью и итальянским государством. Ирония заключалась в том, что этот договор был заключен с **фашистским** (выделено мною – *Е.Т.*) государством и по существу означал, как того и добивались фашистские лидеры, признание и освящение фашистского режима со стороны католической церкви, ее согласие на сотрудничество с этим режимом. Эти соглашения способствовали укреплению правящего блока, консолидации фашистского режима и повышению его международного престижа³.

Итоги Латеранских соглашений сказались незамедлительно. В марте 1929 г. состоялись парламентские выборы, проходившие в соответствии с «Законом о реформе политического представительства», который вводил новые, «корпоративные» принципы избрания парламента. Новый закон ликвидировал представительную парламентскую систему. Церковь всецело поддержала фашистских кандидатов. В начале 1930-х гг. Ватикан, казалось, полностью поддержал все основные направления внутренней и внешней политики режима. Например, идею построения корпоративного государства, политику автаркии, войны в Эфиопии и Испании.

Эта благостная картина начала разрушаться в середине 1930-х гг. Союзные отношения с Германией вызвали неодобрение Ватикана, а введение под давлением Германии в Италии «расовых законов» привело к достаточно серьезным разногласиям Церкви с правительством. Огромная часть духовенства выступила с критикой этих законов. Еще более активное неприятие вызвало вступление Италии во Вторую мировую войну на стороне Германии.

Следует подчеркнуть, что еще одной особенностью положения Церкви в фашистской Италии был тот факт, что сама Церковь, как и ее духовенство, за исключением редчайших случаев, не находились под угрозой ни уничтожения, ни преследований. С другой стороны, внешнее благополучие не скрывало глубочайших противоречий, которые возникли между Ватиканом и фашизмом уже на первых этапах его существования. Заключение Латеранских соглашений не устраняло эти противоречия, а только усиливало их.

³ См.: *Токарева Е.С.* Фашизм, церковь и католическое движение в Италии. 1922–1943. М., 1999.

Переходя к причинам этих глубоких противоречий, следует сказать, что главной из них было существование в Италии помимо собственно церковных структур огромной сети массовых светских организаций. Эту совокупность церковных и светских структур итальянские историки обозначают термином «*mondo cattolico*». На русский язык этот термин можно перевести, как «католический мир», хотя перевод этот не полностью адекватен итальянскому понятию.

Именно существование этой сети и служило, начиная с первых лет существования фашистского режима, источником постоянных конфликтов между фашистским правительством и Ватиканом (католической церковью).

Фашизм проводил по отношению к католическим организациям сложную противоречивую политику. В конечном счете, она была направлена на то, чтобы либо полностью подчинить их себе, поставив под свой контроль, либо уничтожить их, заменив аналогичными собственными структурами. Эта задача сильно осложнялась тем, что фашизм, особенно на первых порах, нуждался в поддержке церкви и не решался всерьез затрагивать зависимые от нее организации.

Первым атакам фашистов, естественно, подверглись политические структуры, т.е. политические партии и профсоюзы, причем даже те из них, которые полностью поддерживали фашистский режим. После заключения в 1925 г. знаменитого пакта, получившего название «пакт палаццо Видони», в стране дозволялось действовать только фашистским профсоюзам. А после введения в 1926 г. чрезвычайных законов, запрещающих существование всех партий, кроме фашистской, в Италии осталась еще огромная сеть организаций. Центральное место среди них занимала организация «Католическое действие» (КД). Ячейки этой организации подверглись жестокому насилию со стороны сквадристов уже с 1921 г. Весной 1923 г. большинство католических газет и журналов открыли даже новую рубрику под названием «Преследования католиков». В ней перечислялись факты разгромов католических организаций, нападений на их членов и т.д.

Таким образом, перед Церковью встала задача защиты и выживания не собственно церковных структур, а структур светского конфессионального движения. Причем, именно организации, не имевшие политического характера, стали ее главной заботой.

Пий XI стремился сосредоточить в рамках КД все виды деятельности, в первую очередь, социально-экономическую.

Например, уже к середине 20-х гг. при КД стали организовываться «профессиональные секции», фактически дублировавшие работу профсоюзов. В рамках КД была создана и Конфедерация взаимопомощи и социального обеспечения. В 1924 г. к нему был присоединен консорциум печати «Buona stampa». Составной частью КД стал и Католический институт социальной деятельности (ИКАС), созданный 15 февраля 1926 г.

Между Ватиканом и фашизмом развернулось широкое соперничество за право на воспитание молодежи, поскольку создание фашистской системы воспитания молодого поколения также не предполагало существования других форм такого воспитания.

До 1929 г. стремление заключить союз с церковью вынуждало фашистское правительство мириться с деятельностью католических организаций, так как особая заинтересованность Ватикана в их существовании ставила под вопрос возможность подписания договора в случае их роспуска правительством. Но именно потому, что легальное существование массовых католических организаций было официально подтверждено и узаконено одним из пунктов Латеранских соглашений, создавалась ситуация, при которой в самом тексте этих соглашений были заложены основы не только для дальнейшего сотрудничества между Ватиканом и фашистским правительством, но и для будущих конфликтов между ними.

Наиболее острый из них развернулся весной 1931 г. В ход была пущена пресса, а также прямые налеты на католические организации и учреждения. На этот раз были инициированы даже выступления, якобы спонтанные, против церковной иерархии и самого папы. 30 мая был опубликован декрет, объявлявший о роспуске всех молодежных и университетских католических кружков. Всего было распущено около 10 тыс. организаций.

Ни у кого не вызывало сомнений, что конфликт с католическими организациями был связан с тенденцией монополизировать политическое влияние на молодежь. Эта тенденция, в свою очередь, логически вытекала из организационной эволюции фашистской партии, доступ в которую был разрешен только через звенья юношеских организаций.

События мая 1931 г. означали открытое объявление войны католическим организациям со стороны фашистского государства с целью достижения тех результатов, которые так и не были реализованы на практике при подписании Латеранских соглашений.

В результате переговоров 2 сентября были заключены соглашения по вопросу о Католическом действии, которые вызвали

определенные качественные сдвиги в развитии светского католического движения в Италии в период после 1926 г. В первую очередь речь идет о децентрализации Католического действия, что лишало его характера национальной организации. Во-вторых, после 1931 г. КД потеряло ряд своих функций, в том числе право на создание профессиональных секций и организацию воспитательной работы. Об этом красноречиво свидетельствует ликвидация в 1931 г. Секретариата по делам школы.

И хотя соглашения 2 сентября знаменовали собой некоторый спад активности католического движения в Италии, источник конфликтов между церковью и фашистским государством все же не был ликвидирован. **Наиболее существенным результатом политики Ватикана 1926–1931 гг. и договоров 1929 и 1931 гг. следует считать то, что церкви удалось отстоять юридическую законность самого существования организаций Католического действия⁴.**

В 30-е – начале 40-х гг. оно продолжало существовать в качестве самостоятельной независимой организации. Несмотря на то, что его деятельность формально могла осуществляться лишь в области религиозных и культурных штудий, она способствовала значительному развитию в 30-е годы католической культуры и идеологии. Католические организации предлагали обществу альтернативу в сфере культурных, религиозных и морально-этических разработок.

Членам католических организаций разрешалось заниматься только религиозной деятельностью. Но в условиях фашистского режима сама возможность автономного развития, как в организационном, так и в культурно-идеологическом аспекте, привлекала в них многих лиц, недовольных существующим политическим строем. Традиционные ценности христианской морали и культуры, утверждающие достоинство и права человеческой личности, объективно приобретали, таким образом, антифашистское звучание. Эти факторы способствовали тому, что 30-е годы были ознаменованы небывалым до того расцветом католической культуры и идеологии. Она развивалась в эти годы своим особым, отличным от господствующей идеологии путем.

Огромный вес имела в эти годы католическая печать. Число всевозможных независимых католических изданий с каждым годом все росло, а их тираж неуклонно повышался. Если в 1928 г. таких

⁴ Там же.

изданий было 480, то в 1936 г., на Всемирной выставке католической печати, состоявшейся в Риме, итальянская католическая пресса была представлена 1 298 наименованиями, а к 1943 г. эта цифра выросла до 2 221.

Церковь имела в своем распоряжении и множество учреждений культурного характера. Например, Генеральная ассоциация библиотек создала в 30-е гг. только «выездных» 3 750 библиотек.

Создание библиотек являлось частью энергичной деятельности церкви и светских кружков по организации досуга населения. В числе различных мероприятий этого рода можно назвать такие, например, как создание вечерних школ и драматических кружков. Большую роль играли католический театр и кинематограф. В области науки важной базой для теологических исследований стал Католический университет «Сакро Куоре».

Особое развитие в 30-е гг. получили специальные объединения (ассоциации), создаваемые в колледжах и других учебных, особенно женских, заведениях. Они совершенно явственно носили воспитательные функции, хотя согласно Латеранским соглашениям выполнять их не должны были. Такие ассоциации создавались в приютах для сирот, для больных детей и т.д., т.е. именно в тех учреждениях, где фашизм заведомо имел наиболее слабые позиции.

После 1932 г. численность католических организаций начала вновь неуклонно расти и вскоре значительно превысила уровень 1930 г. К 1938 г. они насчитывали более 2 млн чел., что в два с лишним раза превышало их численность в 1931 г.

Кроме того, особо следует отметить, что если до середины 30-х гг. Церковь только фактически защищала свои организации, то с середины 30-х гг. она очевидным образом переходит в наступление.

В 1934 г. Пий XI начал очередную реорганизацию системы КД, с целью ее централизации и усиления ее зависимости и подчинения непосредственно церкви. Наиболее серьезным моментом этой реорганизации стало создание в ее рамках новой ассоциации – Движения лиц с высшим образованием (МЛАК), – ставшей по сути дела новой элитарной группировкой. Решение о ее создании было принято в 1932 г., но формально она конституировалась в 1934 г.

Помимо сферы культуры, направлением, на котором церковь стремилась поддерживать и постоянно увеличивать свое влияние, была сфера социальной политики. Поэтому большой акцент в католических организациях по-прежнему делался на социальной работе. С 1928 г. стала широко распространяться по всем регионам

Италии основанная в Риме в 1925 г. Национальная организация религиозной и моральной помощи рабочим (ОНАРМО). К 1942 г. она уже имела филиалы на 422 предприятиях, под ее опекой было 800 тыс. рабочих⁵. Практически ОНАРМО действовала во всех диоцезах Италии, во всех индустриальных центрах Ломбардии, Пьемонта, Венеции, Кампании, на Сицилии и Сардинии и даже в Албании, оккупированной Италией в апреле 1939 г.

Разумеется, было много и других форм работы в социальной сфере, о чем я сейчас подробно говорить не буду.

Вся эта деятельность вызвала новый виток конфликтов с церковью в 1938–1939 гг., на этот раз не приведшая фашизм к желаемым результатам. Начало войны знаменовалось новой реформой КД. Сущность ее сводилась к восстановлению централизованного характера организации и усилению ее зависимости от церковной иерархии, вплоть до их слияния. В соответствии с введенным в 1940 г. новым уставом управление Католическим действием возлагалось на комиссию кардиналов, секретарь которой должен был также считаться директором всей организации.

Таким образом, несмотря на все трудности, испытываемые католическими организациями в 30-е гг. и начале 40-х гг. к моменту краха фашистского режима (25 июля 1943 г.) они представляли собой весьма значительную силу. Католики имели столь крепкие связи с массами, какие ни одна другая политическая или идеологическая сила в те годы иметь не могла. Руководитель молодежной федерации КД Луиджи Джедда направил после 25 июля письмом вновь сформированному правительству Бадольо. Он выступил с предложением о сотрудничестве, указав, что представители КД могли бы полностью заменить фашистское руководство фашистских молодежных организаций, «Национального общества допелаворо», обществ взаимопомощи, Ассоциации многодетных семей, Национального общества материнства и детства, Школы медицинского обслуживания, Школы санитарного обеспечения и т.д. Они могли возглавить культурные мероприятия, ранее руководимые фашистскими университетскими группами. Джедда предлагал провести силами католиков реорганизационную работу на радио и в кинематографе. По его словам, КД предлагало свои услуги в тех областях, где церковь и КД имели собственные аналогичные службы и, следовательно, опыт, а также руководство теми организациями,

⁵ Для сравнения: к 1940 г. ОНАРМО имела филиалы на 73 предприятиях страны, а ее заботами были охвачены 117.500 рабочих. ONARMO: l'idea e l'opera (40 anni di vita). Roma, 1942. P. 124.

в которые КД уже широко проникло путем персонального членства. Численность КД достигла к 1943 г. 2,5 млн чел.

Подводя итоги сказанного, следует указать, что фашизму не удалось не только подчинить церковь и включить ее в свою политическую систему, но и вытеснить ее из общественного, социального, культурного, идеологического пространства. Это позволило ряду историков – в числе первых был отечественный исследователь Б.Р. Лопухов⁶ – сделать вывод о том, что наличие в стране мощной католической церкви с ее привилегиями и с сетью зависимых от нее светских организаций ограничивало (наряду с институтом монархии) как в юридическом, так и в идеологическом плане тоталитарный характер итальянского фашизма.

⁶ Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977.

Н.С. Пилько

ПОЛИТИКА ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ИТАЛЬЯНСКИХ ФАШИСТСКИХ ВЛАСТЕЙ В ЮЛИЙСКОЙ КРАИНЕ (1922–1941 гг.)

Юлийская Крайна включала в себя земли, которые были в конце Первой мировой войны захвачены, а после заключения Раппальского мирного договора аннексированы Италией. В нее входили Триест, большая часть Истрии, часть Внутренней Крайны, Верхней Крайны провинция Градишка. До Первой мировой войны эти земли были частью Австрийского приморья. Получение этих и ряда других территорий являлось одним из условий вступления Италии в войну на стороне Антанты, что было закреплено секретным Лондонским договором, заключенным в апреле 1915 г. После окончания Первой мировой войны Италия получила не все обещанные ей территории, оказавшись своего рода «побежденной среди победительниц». Ей достались только область Триент, экономически бесполезная часть южного Тироля, которая сильно пострадала после войны. Далмация и Фиуме были обещаны Югославии. Австрия была не в состоянии выплатить репараций, а то, что смогли выжать из Германии, было слишком незначительно. Подобное пренебрежительное отношение союзников на фоне глубокого экономического и политического кризиса, сопровождавшихся безработицей, инфляцией, низкими зарплатами привело к волнениям, движущей силой которых стала социалистическая партия, что, в свою очередь, вызывало сильное беспокойство крупного капитала.

В этих непростых условиях всеобщего недовольства и ощущения национального поражения начинает формироваться движение *Fascio di combattimento* (боевые союзы), лидером которого был Бенито Муссолини. У организации не было четкой программы, однако выдвигаемые ею тезисы были в духе времени и отражали основные чаяния итальянского общества после Первой мировой войны: смена политического курса, социальные преобразования, удовлетворение оскорбленных национальных чувств. Понятие «фашизм» начинает постепенно входить в политический лексикон и жизнь. Предвыборная программа «Сан-Сеполькро» содержала множество требований, созвучных общественному настроению послевоенной Италии: признание 8-часового рабочего дня, расширение системы социального страхования, введения прогрессивного налога на состояния, борьба за экономическую демократию и т.д. Впоследствии

выяснилось, что программа не имела никакого смысла и носила демагогический характер¹.

Численность словенского населения, оказавшегося в составе Италии, составило 300 тыс. человек. К 1923 г. они были разделены по разным провинциям таким образом, что ни в одной из них не составляли большинства². Вошедшие в состав Италии регионы сильно пострадали после войны, словенское население, проживавшее в основном в деревнях и занимавшееся сельским хозяйством оказалось на грани нищеты. Итальянское правительство начало скупать у словенских и хорватских должников землю и переселять туда итальянских крестьян. В 1924 г. введенная новая система налогообложения, которая была более жесткой, чем в Австро-Венгрии, привела к тому, что к 1930 г. исчезли все славянские кооперативы, сберегательные кассы и банки, что привело к росту безработицы³. В приграничных зонах население выживало только благодаря контрабанде (в Италию ввозили табак, чай, кофе, сахар и водку, в Югославию вывозили рис и вино).

Славяне Юлийской крайны, оказавшись в составе нового государства, несмотря на заверения итальянской стороны в лояльности, сразу же начали испытывать на себе давление со стороны националистически настроенного итальянского населения, а затем и властей. Были запрещены собрания, введена цензура, закрывались газеты. Это приводило к массовому бегству из Королевства в Югославию. Один из участников Первой мировой войны Андрей Злобец в своих мемуарах так описывал свое возвращение домой: «В моей родной деревне, в которой столетиями жили мои деды и прадеды словенцы, сейчас распоряжались иноземцы. Они запретили словенский язык, словенский флаг. В моей школе ... преподавали итальянский. Словенских деревенских старост заменяют иностранцы»⁴. Он так же описал столкновение деревенской словенской молодежи, попытавшейся на школе водрузить словенский флаг, с итальянскими солдатами. В результате этого столкновения несколько человек было ранено и итальянцы не подпускали к ним врачей, большая часть — арестована, те, кому удалось спрятаться, приняли решение бежать в Югославию, что было довольно трудным и рискованным

¹ Яхимович З.П. Происхождение итальянского фашизма и его путь к власти // Берегинуя. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 116.

² Nečak D., Repe B. Kriza. Svet in Slovenci od prve svetovne vojne do sredine tridesetih let. Ljubljana, 2008. S. 232.

³ Кирилина Л., Пилько Н., Чуркина И. История Словении. СПб, 2011. С. 326.

⁴ Zlobec A. V bojih za severno in južno mejo. Ljubljana, 2009. S. 76.

предприятием⁵. Следует отметить, что эти события происходили еще до прихода к власти фашистов, но уже тогда славянское меньшинство испытало на себе нетерпимость и враждебность.

В Триесте фашисты начали насаждать свои порядки в 1919 г., в Горице в ноябре 1920 г. Несмотря на официально декларированную терпимость со стороны властей к нацменьшинствам, власти не признавали их прав и считали славян представителями отсталой нации. Поэтому реакция на все проявления национальной идентичности были крайне резкими и нетерпимыми. Стремясь указать словенцам на место, которое отводилось им в Италии, проводились регулярные акции устрашения. Так, например, 13 июля 1920 г. был сожжен словенский Народный дом. Далее сожжена типография газет «Ил лавараторе» («Il lavoratore») и «Дело», были совершены нападения на типографию общества «Единост»⁶. В селах уничтожались национальные школы, дома культуры. К концу 1921 г. фашисты в Юлийской Крайне разрушили 134 здания, большинство из них были культурные учреждения и школы⁷. Славянское население не везде стоически сносило притеснения, поэтому нередко были столкновения с властями.

После аннексии, которая была ратифицирована 5 января 1921 г. итальянское законодательство распространилось на Юлийскую Крайну, жители которой получили избирательное право⁸. 15 мая состоялись выборы в палату депутатов, в них приняли участие словенцы и хорваты. В парламент прошло пять депутатов, где они представили программное заявление словенцев и хорватов, в котором отметили, что «итальянские граждане югославянской национальности осознают свое положение, т.е. принадлежность югославскому народу и итальянскому государству одновременно, и готовы принять все последствия, которые из этого вытекают»⁹. К этому

⁵ Ibid. S. 78–79.

⁶ Общество «Единост» было образовано в 1874 г. на славянских землях Австро-Венгрии. Оно состояло из двух политических лагерей: либерального и католического. Общество заботилось о сохранении языка в школьном образовании, защиты экономических и политических прав словенцев. В 1924 г. общество раскололось, а к концу 20-х гг. практически перестало существовать из-за ликвидации политического руководства, представители которого были либо арестованы, либо высланы из страны. Общество начало оживать только в 1932 г., когда из тюрем были выпущены некоторые функционеры.

⁷ Nečak D., Repe B. Op. cit. S. 234.

⁸ Kacin Wohinz M. Slovenci v Italiji. Slovenska novejša zgodovina. 1848–1992. Ljubljana, 2005. S. 520.

⁹ Ibid. S. 531.

времени фашисты заручились поддержкой властей. Полиция закрывала глаза на фашистские насильственные акции, что вскоре было подкреплено декретом министра юстиции о неприкосновенности «лиц, нарушивших закон во имя блага нации». Таким образом, славянскому населению не приходилось искать защиты у законных представителей власти. Ситуация стала еще более плачевной после того, как в октябре 1922 г. Муссолини возглавил правительство.

В 1924 г. состоялись новые парламентские выборы. Однако они были сопряжены со скандалом, связанным с депутатом Унитарной социалистической партии Джакомо Маттеотти. Он был известен тем, что издал книгу «Год фашистского господства» в которой описал факты фашистского насилия и привел высказывания молодого Муссолини, противоречившие его современной практике¹⁰. В ходе своего выступления Маттеотти говорил о преступлениях фашистов во время выборов, о шантаже и запугивании избирателей. В завершении он потребовал признать недействительными мандаты фашистских депутатов. После своим друзьям он сказал: «Ну теперь вы можете заказывать по мне панихиду»¹¹. Маттеотти был убит при загадочных обстоятельствах. Оппозиция в знак протеста покинула парламент. Словенские представители Йосип Вильфан и Энгельберт Беседняк совместно с немецкими депутатами решили не участвовать в бойкотировании и, проявив формальную лояльность, продолжать отстаивать свои национальные интересы, что становилось делать все труднее и труднее. Вильфан так прокомментировал свое решение: «Фашизм является всецело внутренним итальянским делом, которое не касается депутатов от национальных меньшинств, играющих в итальянском государстве весьма специфическую роль. Пусть лев будет полностью мертв», сказал он¹².

С упорчением фашистов ситуация приобрела трагический характер. Вскоре словенский язык было запрещено употреблять в судах, учреждениях, при написании вывесок и на надгробиях, а перед началом Второй мировой войны он был запрещен в церквях. Географические названия и личные имена писались на итальянский манер. Всего к 1928 г. было распущено 500 обществ и закрыто 450 библиотек, а их имущество получили фашистские организации¹³. То же самое произошло и с газетами.

¹⁰ Белоусов Л.С. Муссолини: диктатура и демагогия. М., 1993. С. 122.

¹¹ Там же.

¹² Kacin Wohinz M. Narodnoobrambno gibanje primorskih Slovencev: 1921–1928. Koper, 1977. S. 389–426.

¹³ Nećak D., Repe B. Op. cit. P. S. 234.

Согласно статистическим данным, на отошедших Италии территориях находились 321 школа со словенским и 167 школ с хорватским языком обучения. Многие из них существенно пострадали во время войны и им требовалась финансовая поддержка. Первого октября 1923 г. министр образования Джованни Джентиле издал указ о школьном образовании и образовательных программах для народных школ. Его четвертая статья гласила, что в учебном 1923–1924 г. в первых классах всех основных школ с иностранным языком, языком обучения будет итальянский. На следующий год запрет распространился и на вторые классы и так должно было продолжаться до тех пор, пока итальянский не стал бы единственным языком обучения. Придя к власти, Муссолини не имел плана реформы школьного образования как такового, однако с идеологической точки зрения он потребовал, чтобы учителя разъясняли своим ученикам, что такое фашизм, поскольку считал, что именно с молодых ногтей следует готовить новую смену. В 1927 г. выступая перед молодежью в Колизее, Муссолини сказал: «Вы – это начало жизни, вы – надежда Родины, но главное, вы – будущие солдаты»¹⁴. Проведенная в Италии школьная реформа была направлена на формирование у детей милитаристской психологии, стандартизацию их мышления, воспитания безрасудного повиновения режиму¹⁵, для национальных меньшинств все это означало крах национального образования. Словенский, хорватский и немецкий языки в школах теперь изучались только факультативно и по просьбе родителей. Но в 1925 г. и факультативы были запрещены. К учебному 1928–1929 гг. словенский и хорватский языки были полностью исключены из программы. Преподавание на сербском языке велось только в основной школе сербской православной церковной общины, но ее имели право посещать только дети югославских граждан¹⁶. В 1926 г. было распущено Словенское объединение учителей (*Slovensko učiteljsko združenje*). С 1927 г. все школы стали итальянскими. Славянских учителей либо увольняли, либо отправляли на пенсию. Большинство из них бежало в Югославию¹⁷. В 1928 г. было запрещено преподавание закона божьего на словенском языке.

¹⁴ *Mussolini B. Scritti e discorsi. Milano, 1934. T. 5. P. 443.*

¹⁵ *Белоусов Л.С. Указ. соч. С. 145.*

¹⁶ *Bajc G., Pelikan E. Od konca prve do začetka druge svetovne vojne (1918–1941). Na oni strani meje. Slovenska manjšina v Italiji in njen pravni položaj: zgodovinski in pravni pregled 1866–2004. Ljubljana, 2004. S. 73.*

¹⁷ *Nećak D., Repe B. Op. cit. S. 234–235.*

Покушение в Болонье 31 октября 1926 г. позволило Муссолини издать чрезвычайные законы, установив тем самым тоталитарную диктатуру. С этого момента из Италии высылались все, кто был заподозрен в антифашистской деятельности, был создан особый трибунал, а также новая тайная полиция ОВРА, которую возглавил Боккини. Дуче говорил, что теперь каждый гражданин должен чувствовать, что на него «наставлен пистолет, что есть те, кто готов в любой момент схватить его... организация должна охватить всю страну как огромный спрут»¹⁸.

3 апреля 1926 г. был введен закон о воспитании молодежи, что предусматривало вовлечение детей в фашистские молодежные организации. В школах вводилась военная подготовка. Налагался запрет на распространение славянских книг и отсылку детей для обучения в школы за границей¹⁹. В апреле 1926 г. также вышел закон, запрещавший «организации, которые пытались препятствовать национальной ассимиляции Юлийской Крайны»²⁰. Сюда попадали Политическое общество «Единость», «Словенское школьное общество», Союз физкультурных обществ и др. В 1928 г. куратор школ в Юлийской Крайне Джузеппе Рейна издал постановление под названием *Scuola di confine*. Данное понятие означало насильную италиянизацию национальных меньшинств, возвращение среди молодежи культа личности дуче, милитаризма, и римской доблести²¹. С 1 ноября 1931 г. вводилась присяга на верность фашизму преподавателей высшей школы, а два года спустя к этому добавилось обязательное членство в партии²².

Все эти меры вызывали страх и недовольство словенского населения. И поэтому весьма закономерным стало появление на территории Юлийской Крайны организации террористического толка. Она вышла из национально-либерального течения и получила название «ТИГР» (по заглавным буквам Триест, Истра, Горица, Риека). Организация восприняла лозунг ирландского освободительного движения отвечать насилием на насилие. Она ставила перед собой задачу террористическими действиями привлечь внимание

¹⁸ *Martinelli F.* OVRA. Milano, 1967. P. 7.

¹⁹ *Bajc G., Pelikan E.* Od konca prve do začetka druge svetovne vojne (1918–1941). Na oni strani meje. Slovenska manjšina v Italiji in njen pravni položaj: zgodovinski in pravni pregled 1866–2004. Ljubljana, 2004. S. 82.

²⁰ *Ibidem.*

²¹ *Andri A.* La scuola e il regime fascista // Friuli e Venezia Giulia: storia del '900. Gorizia, 1997. S. 329.

²² *Белоусов Л.С.* Италия: молодежь против фашизма. 1919–1945. М., 1987.

общественности к проблемам нацменьшинств и устрашить организаторов денационализации. Словенцев они призывали к сопротивлению и вселяли в них надежду на возможное воссоединение с Югославией. Их основными акциями были: нападения на представителей власти, поджог фашистских детских садов, школ, вооруженные нападения на участки фашистской полиции. У организации были тайные каналы на границе, через которые она поддерживала связь с Югославией, переправляла беженцев в их числе и итальянских антифашистов, получала словенскую литературу и оружие. Многие словенские историки, такие как Боян Годеша, Бранко Марушич, Борис Млакар и др. считают, что «ТИГР» являлась одной из первых антифашистских организаций в Европе. Однако здесь нужно учитывать несколько нюансов. «ТИГР» боролась не столько с фашизмом, сколько с жестокой политикой итальянского правительства, которое на тот момент было фашистским.

Первый крупный суд над членами «ТИГР»-а состоялся в 1929 г. в Пуле. К повешению был приговорен Владимир Гортан за убийство полицейского, четверых соучастников приговорили к 30 годам лишения свободы. В 1930 г. после взрыва в редакции фашистской газеты «Ил пополо ди Триесте» (Il Popolo di Trieste) организация в целом была раскрыта, ее руководители представители триестского отделения «ТИГР» «Борба» (Фердо Бидевец, Фран Марушич, Звонимир Милош и Алойз Валенчич) предстали перед судом и были приговорены к расстрелу. К концу 1920-х гг. организация практически ушла в подполье. И только в 30-е гг., когда часть ее функционеров была выпущена на свободу, она продолжила свою деятельность. В 1935 г. она заключила договор о сотрудничестве с Коммунистической партией Италии в Париже. В 1936 г. начала издавать газету «Народный фронт».

В не менее тяжелом положении находились и словенские священнослужители, притеснение которых началось после подписания конкордата между Италией и Святым престолом. Конкордат признавал право Ватикана распоряжаться по своему усмотрению итальянским духовенством. Духовное лицо подлежало юрисдикции только церковного суда, санкции которого, в том числе отлучение, лишение сана и другие канонические наказания, обязывали итальянские власти лишать наказуемых и гражданских прав²³. После проведенного расследования около 17 священников были отправлены в тюрьму, в вину им вменялось проведение так называемых

²³ Григулевич И.Р. Папство век XX. М., 1981. С. 186–187.

«немых процессий», пропаганда неповиновения итальянским властям, распространение литературы на словенском и сербохорватском языках, организация сходок, на которых верующие угрожали схизмой. Было организовано общество «Собрание священников Св. Павла», выступавших против итальянизации и фашизации словенцев и хорватов Юлийской Крайны. Когда представитель апостольской администрации в Горице Джованни Сиротти запретил употребление словенского языка во время церемоний за пределами церкви, Ватикан буквально был засыпан жалобами населения, но реакции не последовало. Представитель итальянской власти в Горице писал в Рим в 1935 г. следующее: «Все антифашистские и антиитальянские движения и организации на этих землях, враждебность инородного населения, которая с каждым днем становится все более ощутима, проявления славизма, который с каждым днем становится все сильнее, все это дело рук священников»²⁴. Церковь действительно оставалась единственным местом, где свободно звучала словенская речь, несмотря на изъятие словенских богословских книг и молитвенников, запрета богослужений на словенском языке. Югославские власти пытались смягчить положение славянского меньшинства в Италии подтверждением тому служит договор Чиано-Стоядиновича, подписанный 25 марта 1937 г. в Белграде. Представители славянского национального меньшинства в Италии обратились к правительству Югославии с просьбой о содействии в борьбе нацменьшинств за свои права. Они просили наделить их теми же правами, что и итальянцев в Югославии. С подобной же просьбой они обратились и к Муссолини, к которому была направлена делегация во главе с Виргилием Шчеком и Карлом Подгорником. Дуче делегацию не принял. В итоге была достигнута устная договоренность об уважении прав нацменьшинств, но в текст договора она так и не была внесена. Министр иностранных дел Италии Чиано обещал беспрепятственное употребление родного языка в церквях, в одном или двух печатных изданиях, обещал разрешить языковые курсы. Кроме того было разрешено ввозить из Югославии и распространять несколько газет и журналов. Были сделаны некоторые послабления для перехода границы.

В Италии после Первой мировой войны оказалось более 300 тыс. словенцев. С приходом к власти фашистов началась тотальная денационализация славянского населения. Власти делали

²⁴ Kacin Wohinz M. Slovenci v Italiji // Slovenska novejša zgodovina 1848–1992. Ljubljana, 2005. S. 543.

все для того, чтобы искоренить славянское самосознание, уделяя особое внимание воспитанию детей и молодежи в духе новой идеологии. Впоследствии, после оккупации и аннексии части словенских земель Югославии, итальянские власти применили те же методы денационализации, которые были опробованы на славянском населении Италии в межвоенный период.

После оккупации Италией в 1941 г. Внутренней Крайны и большей части Нижней Крайны с Любляной, граф Чиано, министр иностранных дел записал в своем дневнике: «С дуче готовили декрет аннексии Любляны. Это будет итальянская провинция с широкой автономией как в культурной сфере, так и в фискальной».

Новая итальянская провинция получила название Люблянской, ее центром соответственно стала Любляна, в которой разместились резиденции представителей гражданского и военного правления. Гражданскую ветвь власти возглавил верховный комиссар Э. Грациоли, бывший комиссар фашистской партии в Триесте, военную – комендант XI армейского корпуса Марио Роботти²⁵. Свою деятельность верховный комиссар начал с придания оккупированным землям внешнего вида итальянской провинции.

3 мая 1941 г. Италия декретом № 291 аннексировала эту территорию и провозгласила ее новой итальянской Люблянской провинцией. Декрет состоял из семи пунктов, суть которых сводилась к следующему: словенские земли становились частью Италии, провинции даровалось право иметь автономное устройство. Главой назначался верховный комиссар, ему в помощь создавался совет из четырнадцати человек, выбранных из «передовых» слоев местного населения (за недолгую историю своего существования Совет собирался всего пять раз). Преподавание в школах разрешалось вести на словенском языке. Словенцев не призывали на службу в итальянскую армию. С этого дня формально ликвидировалось военное положение.

Особое внимание власти уделяли культуре и просвещению. Создавались различные организации для школьников, студентов, профессоров и учителей. В октябре 1941 г. было образовано объединение «Люблянская итальянская молодежь» «ГИЛЛ» (*Gioventu italiana del littorio Lubianese*). Вступить в организацию мог любой ребенок от пяти лет. Была основана также «Университетская организация» (*Organizazione universitaria Lubianese*). Она являлась копией общества Фашистской университетской молодежи (*Gioventu*

²⁵ Кирилина Л., Пилько Н., Чуркина И. Указ. соч. С. 333.

universitaria fascia), в которую могли вступать только итальянцы. Власти опасались, что в среде профессуры и студенчества могут особенно активно распространяться идеи, носящие антиитальянский характер²⁶. Культурная жизнь Любляны не была прекращена: работали театры, музеи, регулярно проводились выставки. Следует отметить, что итальянские власти сделали ставку на молодых или на не слишком популярных в Королевстве Югославия художников и скульпторов, стремясь использовать их для упрочения своего режима.

Не последнюю роль в становлении оккупационного режима сыграла католическая церковь, которая с первых же дней выступила с призывом смириться с новым положением вещей. После опубликования декрета о присоединении Люблянской провинции к Италии, епископ Любляны Григорий Рожман заявил: «итальянская армия мирно заняла провинцию, сохранила порядок и даровала свободу народу. Что касается сотрудничества представителей церкви с новыми властями, для нас, католиков, основополагающим является слово Божье, которое гласит: каждый человек должен быть покорным власти, так как любая власть от Бога, а те, кто у власти, ставленники Божьи. Исходя из этого, мы признаем власть, которая над нами, и мы будем с ней сотрудничать во благо народа»²⁷. А в сентябре 1942 г. он обратился к властям практически с предложением развязать гражданскую войну, создав из словенцев вооруженную службу безопасности, которая противостояла бы «коммунистической заразе»²⁸.

В первые дни оккупации итальянцы рассматривали Люблянскую провинцию как вполне спокойный регион. Но продолжалось это недолго. После нападения Германии на СССР, ситуация изменилась. В сентябре 1941 г. был образован Словенский народно-освободительный комитет. На заседании в Столицах (Сербия), где присутствовали представители всех штабов партизанских отрядов Сербии, Боснии и Герцеговины, Хорватии и Словении, было решено начать организацию регулярных воинских частей.

В это же время начинается конфликт между итальянской военной и гражданской ветвями власти. Роботти был уверен, что «положительных» результатов можно добиться только при применении

²⁶ Zbornik dokumenata i podatka o narodnooslobodilačkom ratu jugoslovanskih naroda. Tom XIII. Knj. 1. Doc. № 153. S. 420.

²⁷ Ljubljanski škofijski list. 31.07.1941.

²⁸ Полный текст см. в книге: *Пилько Н.* Словения в годы оккупации. СПб, 2009. С. 53–54.

грубой военной силы. Грациоли полагал, что нужно действовать путем уговоров и уступок. В итоге 3 октября Роботти ввел военное положение. С 6 по 28 октября началось первое вооруженное наступление итальянских частей на партизан, которые, несмотря на это, оказали сопротивление и внезапно напали на итальянский гарнизон в г. Лож. После этой операции командир королевской полиции в своем донесении отметил, что «если бы такое произошло в немецкой Словении, город Лож был бы спален. Несколько таких примеров, и население осознало бы необходимость сотрудничества с итальянскими властями. Сейчас уже ясно, что Люблянской провинцией нельзя управлять как какой-нибудь другой итальянской провинцией. Любое промедление может быть опасно для наших войск»²⁹.

В итоге 19 января Муссолини издал указ, согласно которому защита общественного порядка поручалась военным властям. Теперь они могли действовать по своей инициативе, без оглядки на гражданские власти. В начале февраля Любляну обнесли кольцом колючей проволоки, свободный выход из города был запрещен. Любляна была разделена на тринадцать секторов. Аресту подлежали все, у кого находили оружие. Далее был произведен арест всех мужчин в возрасте от 20 до 30 лет с целью проверки их лояльности и связей с Освободительным фронтом. Если связи обнаруживались, то арестовывалась вся семья. Подобные акции проводились по всей Люблянской провинции. Стала применяться практика захвата и расстрела заложников, если через 48 часов виновник диверсии не сдавался властям. Политика итальянских властей, несмотря на культурно-просветительские поблажки, в итоге превратилась в жестокую репрессивную машину, которая держала население в постоянном напряжении, вплоть до капитуляции Италии в 1943 г.

С момента прихода к власти фашистов и до падения Муссолини итальянские власти проводили агрессивную политику денационализации на захваченных и аннексированных территориях населенных славянами. Главной целью была ассимиляция и искоренение всего, что могло напоминать о неитальянском происхождении проживавших там народов. Скорее всего, данная политика, будь она более долгосрочной, могла принести свои плоды: славянское население либо покинуло бы захваченные земли, либо было бы полностью ассимилировано.

²⁹ Arhiv Republike Slovenija. AS 1887, a.e. 6.

М.С. Зинич

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ФАШИСТОВ ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ. (ПО МАТЕРИАЛАМ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА)

Германский национал-социализм, как известно, представлял собой наиболее агрессивную форму фашизма. Стремление к войне и империалистическая практика являлись одним из основных принципов внутренней и внешней политики гитлеровского режима. Современные исследователи справедливо подчеркивают, что установки «Третьего рейха» на военную экспансию основывались на «долгосрочных геополитических императивах международной политической системы начала XX века». Присущие еще кайзеровской Германии проекты империализма и колониализма активно использовались германскими фашистами при построении в Европе «нового порядка», основанного на расовом господстве¹. Однако прежний экспансионизм в захватнических планах гитлеровцев проявился в невероятно гипертрофированных масштабах².

Российской и зарубежной общественности хорошо известно о злодеяниях нацистов в период Второй мировой войны. И все же некоторые из их преступлений до последнего времени недостаточно освещены в литературе. Это уничтожение и расхищение исторического и духовного наследия народов на оккупированных территориях. Такие действия, совершенные в период вооруженного конфликта, рассматриваются как международные преступления.

Статья 56 Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны гласит: «Собственность общин, учреждений церковных, благотворительных и образовательных, художественных и научных, хотя бы принадлежащих государству, приравнивается к частной собственности. Всякий преднамеренный захват, истребление или повреждение подобных учреждений, исторических памятников, произведений художественных и научных воспрещаются и должны подлежать преследованию»³.

¹ *Эли Дж.* Теории фашизма: проблема интерпретации // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 3(23). С. 33.

² *Дашичев В.И.* Европа в завоевательных планах германского фашизма // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 3(23). С. 229.

³ Законы и обычая войны. Важнейшие международные конвенции. М., 1942. С. 15–16.

Вопрос об ответственности за развязывание Второй мировой войны и преступления, совершенные в ходе нее, встал уже в первые месяцы войны. 22 июня 1941 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, выступая по радио, подчеркнул ответственность за развязывание войны «клики кроважанных правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы»⁴.

Представители 9 стран, оккупированных фашистами, 13 января 1942 г. на своей конференции в Лондоне приняли декларацию о наказании военных преступников⁵. СССР 14 октября 1942 г. впервые выдвинул идею создания Международного военного трибунала 2 ноября 1942 г. создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК)⁶.

Созданные за годы войны 19 республиканских и областных «комиссий содействия работе ЧГК», провели расследования в 28 областях восьми союзных республик. Был определен материальный ущерб, причиненный агрессором всему народному хозяйству страны, различным его секторам, отдельным сельским и городским жителям. Были составлены около 4 млн актов, заверенные местными органами власти. В качестве приложений к актам использовались свидетельские показания, акты экспертиз. Для оценки уничтоженного и разграбленного культурного достояния советского народа при ЧГК действовало Бюро экспертизы, возглавляемое академиком И.Э. Грабарем⁷.

Общая сумма ущерба, причиненного только памятникам и учреждениям искусства РСФСР составила 1268,8 млн руб.⁸ Объемный фонд Чрезвычайной государственной комиссии находится на хранении в Государственном архиве РФ⁹.

⁴ Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции. Москва, 20–21 ноября 2006 г. М., 2007. С. 139.

⁵ Лебедева Н.С. СССР и Нюрнбергский процесс // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 3(23). С. 240.

⁶ Нюрнбергский процесс: уроки истории.. С. 140.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7021. Оп. 116. Д. 121. Л. 122; Зинич М.С. Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей. М.: Институт российской истории, 2003. С. 59–61.

⁸ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 299. Л. 1.

⁹ Там же. Ф. 7021.

В Нюрнберге советская делегация представляла доказательства по всем разделам Обвинительного заключения, принимала самое активное участие в проведении процесса и выработке Устава и Приговора. Членом Международного военного трибунала от Советского Союза решениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) был назначен И.Т. Никитченко, главным обвинителем от СССР – прокурор Украины Р.А. Руденко¹⁰. На заседаниях, проходивших с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., советские обвинители оглашали улики и вели дознания не только от имени своей страны. Например, помощник главного обвинителя от СССР М.Ю. Рагинский, выступая с обвинениями в преступлениях против культуры, представлял доказательства и от других славянских стран: Чехословакии, Польши и Югославии.

Обвинители от советской стороны Р.А. Руденко, Л.Н. Смирнов участвовали в допросах подсудимых Г. Геринга, И. фон Риббентропа, А. Розенберга, Г. Франка, виновных во многих преступлениях, в том числе в расхищении богатств оккупированных государств.

Основные источники, представленные на важнейшем международном суде XX в., опубликованы на Западе и в нашей стране в многотомных изданиях. Материалы Трибунала хранятся в Государственном архиве РФ¹¹, Архиве внешней политики РФ, Центральном архиве Федеральной службы безопасности (ФСБ) России.

Для рассматриваемой нами темы наибольший интерес в документах Нюрнбергского процесса вызывает раздел «Разрушение и разграбление культурных и научных ценностей, культурно-бытовых учреждений, монастырей, церквей и других учреждений религиозных культов». Представлял доказательства по этому разделу помощник главного обвинителя от СССР М.Ю. Рагинский на заседании суда 21 февраля 1946 г. Материалы к докладу содержатся в фонде Международного военного трибунала¹². О большом уроне, нанесенном фашистами культуре западноевропейских стран (Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Норвегии и Дании) можно судить по докладу французского обвинителя Ш. Жертоффера в разделе «Разграбление произведений искусства».

Материалы, доказывающие преступления гитлеровского режима против культуры, содержались и во вступительных и заключительных речах главных обвинителей от США, Великобритании,

¹⁰ Нюрнбергский процесс... С. 151.

¹¹ ГА РФ. Ф. 7445.

¹² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов. В 7 т. М., 1958. Т. 3. С. 517–567; ГА РФ. Ф. 7445. Д. 87, 89.

Франции, СССР; в стенограммах допросов обвиняемых А. Розенберга, Г. Геринга, Г. Франка, И. фон Риббентропа и др.; в Приговоре суда.

Прежде чем перейти к изложению доказательств и улик, государственный советник юстиции второго класса М.Ю. Рагинский дал краткую характеристику источников, которые предъявлялись по указанному разделу. Основную группу составляли переданные в Нюрнберг документы ЧГК. Юридическое значение обличительных материалов, подготовленных ЧГК по единой форме, заверенных официальными учреждениями, было закреплено Уставом Международного военного трибунала 8 августа 1945 г. Его статья 21 признавала материалы бесспорными. Они принимались без доказательств¹³.

К документам, которые предъявлял М.Ю. Рагинский, относились также: опубликованные ноты народного комиссара иностранных дел СССР; официальные доклады и сообщения правительств Польши, Чехословакии и Югославии; трофейные немецкие материалы (приказы, инструкции, распоряжения, служебная переписка), обнаруженные частями Красной армии и армиями союзников.

Доказательная база включала документальные фильмы, среди них: «Разрушение Смоленска» (док. № СССР-97); «Разрушения произведений искусства и памятников национальной культуры на оккупированной территории СССР» (док. № СССР-98); фотодокументы «Разрушение церквей и монастырей» (док. № СССР-99); фотодокументы о разрушении и разграблении памятников культуры и искусства в Ленинградской и Харьковской областях (док. № СССР-84). Демонстрация фильмов произвела огромное впечатление на судей¹⁴.

В материалах Нюрнбергского процесса имеется комплекс материалов и задокументированные высказывания лидеров «Третьего рейха», свидетельствующие о заранее намеченных планах экономического ограбления стран, о расхищении культурного достояния их народов.

На заседаниях Трибунала была разоблачена преступная деятельность Оперативного штаба А. Розенберга (айнзацштаба) и других занимавшихся вывозом национальных сокровищ подразделе-

¹³ См.: Устав Международного военного трибунала // Социалистическая законность. 1945. № 9. С. 5.

¹⁴ Рагинский М.Ю. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса // Нюрнбергский процесс и современность. М., 1986. С. 65; Ирвинг Д. Нюрнберг. Последняя битва / пер. с англ. М., 2005. С. 374.

лений, их тесная связь с вермахтом, СС, СД. Оперативный штаб действовал с лета 1940 г. во Франции, Бельгии и Голландии, а весной 1941 г. распространил свою деятельность и на захваченные в Восточной Европе территории. Масштабы деятельности Оперативного штаба в СССР огромны. Для транспортировки из СССР «учтенного его организациями добра понадобилось 1418 железнодорожных вагонов. Морским путем было отправлено 427 тонн»¹⁵.

Ставшие доступными для исследователей в России в 1990-е годы трофейные документы штаба А. Розенберга дают возможность более подробно изучить деятельность его центрального аппарата и местных отделений по вывозу музейных и библиотечных собраний в Смоленске, Ростове, Киеве, Минске, Риге, Симферополе; а также архивов¹⁶.

На процессе века в Нюрнберге обращение нацистов с культурными ценностями в зоне оккупации рассматривалось в широком контексте имперской политики на Востоке. Советское обвинение убедительно доказало стремление агрессоров искоренить славянскую культуру. Улики были оглашены М.Ю. Рагинским в подразделах «Разрушение памятников национальной культуры народов СССР», «Разрушение исторических памятников древних русских городов». Доказательства фигурировали и в других материалах, рассматриваемых Трибуналом. К тягчайшим преступлениям против культуры было отнесено разрушение и расхищение сокровищ всемирно известных императорских дворцов – музеев Павловска, Царского Села, Петергофа, Гатчины. В выступлениях советских обвинителей, показаниях свидетеля И.А. Орбели (академика и директора Эрмитажа) перечислялись многочисленные факты, свидетельствующие о нанесенном архитектурным ансамблям колоссальном уроне¹⁷. Уточненные данные опубликованы в томах «Сводного каталога культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны», который издавался Министерством культуры РФ совместно с музейщиками с 1999 г.

На международном судебном процессе были приведены сведения об ущербе, причиненном нацистами Новгороду и Пскову, где до войны сохранялись памятники древнерусского и мирового искусства XI–XIII веков; церковного и гражданского зодчества (док. № СССР-50). Документальные материалы были дополнены

¹⁵ Руденко Р.А. Судебные речи и выступления. М., 1987. С. 126.

¹⁶ Российский государственный военный архив (РГВА) (коллекция бывшего Особого архива). Ф. 1401/к.

¹⁷ Нюрнбергский процесс... Т. 3. С. 538, 543–546, 587–589.

показаниями свидетеля Ю.Н. Дмитриева, уполномоченного ЧГК принимать участие в расследовании преступлений нацистов. Ю.Н. Дмитриев – крупный специалист по истории древнерусского искусства – занимался изучением старины Новгорода и Пскова два десятка лет. Подлинный протокол весьма обстоятельно изложенных показаний гражданина Дмитриева, оформленный в соответствии с процессуальным законодательством СССР, был представлен Трибуналу (док. № СССР-312)¹⁸.

Советская сторона предъявила суду сообщение Чрезвычайной государственной комиссии о разрушениях города Смоленска и правах нацистов над мирными гражданами (док. № СССР-56)¹⁹. По указанию германского военного командования и оккупационных властей были уничтожены культурно-исторические памятники нашего народа, связанные с жизнью и творчеством великого русского поэта А.С. Пушкина в Пушкинском заповеднике (док. № СССР-40), всемирно известного писателя Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, выдающегося композитора П.И. Чайковского в Клину²⁰.

Здесь уместно привести приказ командующего 6-й германской армией генерал-фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке», в котором указывалось: «Никакие исторические и художественные ценности на Востоке не имеют значения»²¹.

Солдаты и офицеры вермахта руководствовались этим приказом и в России, и на Украине, и в Белоруссии. Потери Украины в сфере культуры отражены в специальном разделе выступления М.Ю. Рагинского «Разрушение и разграбление культурных и исторических ценностей и культурно-просветительных учреждений в Украине». Оно проводилось с не меньшей жестокостью, чем экономическое ограбление украинского народа. Стремление уничтожить славянскую культуру выразилось в планомерном уничтожении школ, вузов, научных учреждений, музеев, библиотек, театров. На суде цитировались сообщения Чрезвычайной государственной комиссии о разрушениях и зверствах в городе Киеве (док. № СССР-9), Сталинской области (док. № СССР-2), в городе Ровно и Ровенской области (док. № СССР-45), в Одессе (док. № СССР-47).

Агрессоры похитили из киевских библиотек свыше 4 млн книг, взорвали один из старейших центров украинской культуры – Киевский университет. Они разграбили величественный памятник

¹⁸ Там же. С. 546–545; ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 2. Д. 126. Л. 1–29.

¹⁹ Нюрнбергский процесс... Т. 3. С. 549.

²⁰ Там же. С. 54–542; ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 367. Л. 1–12.

²¹ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 116. Д. 356. Л. 1–4; Нюрнбергский процесс... Т. 3. С. 528.

славянских народов – Софийский собор, из которого вывезли 14 фресок XII века, драгоценную утварь и предметы культа²². Перечень можно продолжить.

О колоссальных утратах белорусского народа в сфере культурных ценностей говорили в Нюрнберге судьи и обвинители от СССР, используя материалы переписки генерального комиссара Белоруссии В. Кубе и А Розенберга, немецких и советских документов. В них речь шла об огромных размерах конфискации, проводившихся штабом А. Розенберга, а также другими ведомствами в соответствии с приказами имперского руководителя СС рейхс-министра Г. Гиммлера, палача белорусского народа В. Кубе и военного командования. «Немецко-фашистские захватчики, пытаясь искоренить культуру белорусского народа, разрушали в Минске все культурно-просветительные учреждения..., вывезли в Германию библиотеки Академии наук с фондом в 300 тысяч томов, Государственного университета, Политехнического института, научную медицинскую библиотеку... Гитлеровцы разрушили Белорусский государственный университет, ...Академию наук с 9 институтами..., разрушили Государственные филармонию и консерваторию... Они уничтожили государственную картинную галерею, а картины и скульптуры русских и белорусских мастеров вывезли в Германию...» (док. № СССР-38)²³.

Как отмечали во вступительной и заключительной речах на Нюрнбергском процессе главный обвинитель от СССР Р.А. Руденко, а также судьи из других стран, в планировании и исполнении общего плана заговора принимал участие глава Министерства иностранных дел Германии И. фон Риббентроп. Для выполнения специальной задачи по его указанию в 1941 г. был создан «батальон особого назначения» при МИД, который в течение всей войны, следуя за передовыми частями, конфисковывал и вывозил с оккупированных территорий в «Третий рейх» предметы, представляющие культурную и историческую ценность. Руководил батальоном штурмбанфюрер СС барон фон Кюнсберг. Перед нападением на Советский Союз он прославился крупными реквизициями в Польше, Норвегии, Бельгии, Франции, на Балканах.

О формировании Кюнсберга на Нюрнбергском процессе стало известно из датированного 10 ноября 1942 г. письменного заявления штурмбанфюрера СС Норманна Фёрстера, взятого в плен

²² Нюрнбергский процесс... Т. 3. С. 550–556.

²³ Там же. С. 556–559.

частями Красной армии на Кавказе. Заверенный фотостат этого заявления был представлен Трибуналу (док. № СССР-157)²⁴.

Потери нашей страны в сфере культуры в 1941–1945 гг. огромны. В СССР разграблено 427 музеев и картинных галерей (в России – 173). Библиотеки не досчитались 200 млн книг. Разрушено и разграблено 1670 православных храмов, 237 католических церквей, 532 синагоги²⁵. Среди перемещенного на Запад – живописные полотна первоклассных русских и зарубежных мастеров, иконы, антиквариат, предметы религиозного культа, археологические, естественно-научные коллекции и т.д.. Национальной культуре был нанесен колоссальный ущерб.

На Нюрнбергском процессе М.Ю. Рагинский показал, используя официальные доклады правительств Чехословакии, Польши, Югославии, как конкретно в Восточной Европе реализовывались преступные планы гитлеровцев. Факты разрушения чешской культурой жизни, искоренения чешской интеллигенции дополнялись статистическими данными. К сентябрю 1942 г. 60 % чешских начальных школ было закрыто, а к концу этого года еще и 70 % средних школ. Во многих городах библиотеки, кинотеатры, концертные залы были превращены в канцелярии гестапо. Галерея современного искусства была закрыта. Экспонаты конфискованы. Коронационные драгоценности чешских королей должны были перейти к Р. Гейдриху. Труды деятелей чешского возрождения XVIII–XIX в., произведения классиков – Яна Гуса, поэта Виктора Дика и др. были изъяты. Так фашисты разрушали и расхищали национальные культуры народов Чехословакии.

В Польше преступления против национальной культуры страны также проводились нацистами в широких масштабах и с исключительной жестокостью. Уничтожалась польская интеллигенция, закрывались учебные заведения, запрещалось издание книг на польском языке, реквизировались предметы искусства, взрывались национальные памятники. Обвинитель огласил соответствующие выдержки из доклада Польского правительства, представленного Трибуналу (док. № СССР-93).

Нацистские «эксперты» отбирали книги для отправки в Берлин, неподходящие – уничтожались. Университетские библиотеки

²⁴ Там же. Т. 3. С. 522–524; Т. 7. М., 1961. С. 217; ГА РФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 104. Л. 1012.

²⁵ *Мазурицкий А.М.* Книжные собрания России и Германии в контексте реституционных процессов. М., 2000. С. 64; Нюрнбергский процесс... Т. 1. М., 1957. С. 133–134.

в Кракове и Варшаве были расхищены. Первым сокровищем искусства, вывезенным из Польши, был известный алтарь Вита Ствоша из Краковского собора. 16 декабря 1939 г. генерал-губернатор оккупированных польских территорий Г. Франк издал приказ о конфискации произведений искусства. Установлено, что подсудимый Г. Франк, расхищая принадлежавшие Польскому государству шедевры, преследовал и цели личной наживы. Картины, фарфор и другие ценности из разграбленных музеев Варшавы и Кракова, в частности, из Вавельского замка, были переправлены в имение Г. Франка²⁶.

В Югославии уничтожение национальной культуры народов фашисты проводили различными методами, используя богатый опыт, приобретенный в других оккупированных странах. Проводилась германизация «аннексированных» районов Словении, грабеж и уничтожение учреждений культуры и науки в Сербии. На суде цитировалось сообщение Югославской государственной комиссии (док. № СССР-364): «...гитлеровцы до основания разрушили народную библиотеку в Белграде, сожгли сотни тысяч книг и рукописей – основной фонд сербской культуры; полностью уничтожили 71 и частично – 41 научный институт и лаборатории Белградского университета, до основания уничтожили Государственную академию художеств, сожгли и разграбили тысячи школ»²⁷.

Трибуналу были представлены доказательства вины фашистов в причинении ущерба культуре западноевропейских народов. В выступлении французского обвинителя Ш. Жертоффера в разделе «Разграбление произведений искусства» сказано: «...кампании грабежа проводились систематически и по определенному плану. При этом применялись различные методы. Акты произвола со стороны отдельных лиц могли осуществляться только в той степени, в какой они содействовали выполнению планов, разработанных нацистскими руководителями еще до июня 1940 года... Стремление присвоить произведения искусства, так же как и материальные богатства, являлось одной из основ национал-социалистической захватнической политики...»²⁸.

В нарушение Гаагской конвенции 1907 г. был издан приказ о захвате как общественной, так и частной собственности. Ш. Жертоффер зачитал копию приказа, направленного начальником штаба Верховного командования вермахта В. Кейтелем военному

²⁶ Нюрнбергский процесс... Т. 3. С. 530–534.

²⁷ Там же. С. 536–537.

²⁸ Там же. С. 568–569.

губернатору Парижа генералу фон Боккельбергу 30 июня 1940 г. (док. № РФ-1301): «Фюрер, после получения доклада министра иностранных дел, издал приказ о конфискации, помимо предметов, имеющих историческую ценность, находящихся во владении Французского государства, также предметов искусства, исторических ценностей, которые принадлежат частным лицам, и в особенности евреям»²⁹.

Аналогичные мероприятия проводились в Голландии и в Бельгии, а также в Люксембурге. В приказах фюрера и начальника штаба Верховного командования вооруженными силами не было проведено разграничение соответствующих функций и полномочий между гражданскими и военными немецкими учреждениями. Это порождало соперничество и конфликты между ними.

Обвинитель Жертоффер огласил изданный в Париже приказ подсудимого Г. Геринга от 5 ноября 1940 г., расширивший сферу деятельности Оперативного штаба А. Розенберга (док. № РФ-1309). После захвата памятников культуры была проделана большая работа по их инвентаризации, составлению каталогов, размещению их в специально отведенных для этого местах и тайниках. Произведения искусства свозились в музеи Же-де-Пам и Лувр в огромном количестве. Во Франции были разграблены музеи Нанта, Нанси, Старого Марселя, ценные частные коллекции Ротшильдов, А. Канна, Д. Вейльда, Л. де Бенциона, братьев Зелигман и др. В результате были утрачены произведения великих мастеров – Рафаэля, Ван Дейка, Рубенса, Рембрандта, Ватто, Гольбейна. Из страны было вывезено также 550 тыс. книг. В Голландии были расхищены богатые библиотеки первопечатных книг и рукописей³⁰.

Статистические данные о масштабах конфискации художественных произведений содержались в неоднократно упоминавшемся на суде, в том числе в Приговоре, документе – докладе д-ра Р. Шольца, возглавлявшего штаб «Изобразительное искусство» в ведомстве А. Розенберга (док. № РФ-1323). В нем указывается, что за период с марта 1941 г. по июль 1944 г. этот штаб отправил в рейх 29 больших партий грузов, 137 вагонов с 4100 ящиками первоклассных произведений живописи и скульптуры³¹.

Огласив имевшиеся в распоряжении обвинителей доказательства, включая сведения из доклада Р. Шольца, французский представитель сделал следующий вывод: «Этих нескольких цифр

²⁹ Там же. С. 570.

³⁰ Там же. С. 572–573, 578.

³¹ Там же. Т. 1. С. 132; Т. 3. С. 578; Т. 7. С. 390.

достаточно, чтобы поддержать от имени стран Западной Европы обвинение против штаба Розенберга в расхищении ценностей... Хищения, которые производились на протяжении веков теми или иными завоевателями, ни в какое сравнение не идут с разграблением, которое осуществляли подсудимые...»³².

На заседаниях Международного военного трибунала был развенчан придуманный фашистами миф о том, что целью конфискации исторических и художественных памятников, библиотечных и архивных фондов была их охрана и спасение. В заключительных речах главных обвинителей от США, Великобритании, Франции и СССР такая трактовка нацистских преступлений была решительно отклонена. В выступлениях представителей держав-победительниц назывались имена подсудимых, участвовавших в крупномасштабных акциях для пополнения собственных коллекций предметов культурной ценности. В результате этих приобретений Г. Геринг владел «крупнейшей коллекцией, если не в Европе, то по крайней мере, в Германии»³³.

Была разоблачена фашистская идеология уничтожения целых народов и их культур. К моменту окончания расследования обвинение предоставило Суду 13 томов документальных доказательств.

Международный военный трибунал признал виновными в грабеже духовного наследия европейских наций высших чинов «Третьего рейха» и вермахта, среди них – Г. Геринг, А. Розенберг, И. фон Риббентроп, Г. Франк, М. Борман, В. Кейтель, К. Дённиц, Э. Редер и А. Йодль.

В заключительной речи главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко сказано: «Как установлено оглашенными на Суде многочисленными документами, уже в апреле 1941 г., то есть за два с лишним месяца до нападения на СССР, Розенберг готовил специальные команды, создавал штабы, разработывал планы вывоза культурных ценностей из Советского Союза»³⁴. Установив вину элиты Германской империи в преступлениях против мира и человечности, в военных преступлениях, в том числе против культуры, Трибунал вынес суровый Приговор подсудимым. В Нюрнберге победила правда и справедливость.

Суд народов сыграл огромную роль в истории XX века. Выявленные Трибуналом факты колоссальных разрушений мирового культурного наследия в годы Второй мировой войны в дальней-

³² Там же. Т. 3. С. 579.

³³ Там же. Т. 3. С. 327; Т. 7. С. 172, 179.

³⁴ Там же. Т. 7. С. 239.

шем были учтены при определении духа и буквы принятой в 1954 г. Конвенции ЮНЕСКО о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

Устав и Приговор и сегодня служат мировому сообществу. Принципы, закрепленные в Уставе Нюрнбергского трибунала, подтверждены решениями Генеральной ассамблеи ООН. Правовые принципы и критерии правовой ответственности за тяжчайшие международные преступления дали мощный импульс развитию современного международного права. Они постоянно обнаруживают свою востребованность в сложном и динамичном мире, раздираемом геополитическими противоречиями. Познавательный и просветительский потенциал документов Нюрнбергского процесса неисчерпаем.

Е.А. Шендрик

ПОНИМАНИЕ СУЩНОСТИ ФАШИЗМА В ВОЙСКАХ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА (1942–1943 гг.)

В 2020 г. наша страна отметила 75-летие победы в Великой Отечественной войне и завершения Второй мировой войны, порожденной таким крайне опасным явлением как фашизм. Несмотря на то, что отечественные и зарубежные исследователи на протяжении более чем ста лет пытаются разобраться в сущности фашизма, бесспорного определения этого явления до сих пор выработать не удалось. Английский историк К. Пэссмор в основном прав, утверждая, что в настоящее время существует «столько же определений фашизма, сколько ученых, занятых его изучением»¹. Однако все авторы согласятся с тем, что одной из главных характеристик фашизма является его антигуманная сущность.

За истекшее с момента возникновения фашизма время отношение к нему в нашей стране осталось почти неизменным. С самого начала зарождения фашизма в Италии советские публицисты и исследователи последовательно разоблачали его преступную сущность и террор. Война, навязанная советскому народу гитлеровцами в 1941 г., характеризовалась как бескомпромиссное классовое столкновение «страны победившего социализма с ударным отрядом международной империалистической реакции – фашистской Германией»². На протяжении многих десятилетий после окончания Великой Отечественной войны, последствия которой для народов Советского Союза были катастрофическими, в общественном сознании прочно установилось резко отрицательное отношение к любым проявлениям фашизма и правого радикализма, а само слово фашизм стало восприниматься исключительно негативно. В СССР сформировался стойкий антифашистский иммунитет.

По убеждению известного российского историка и социолога А.А. Галкина, в XXI в. Россия по прежнему «обладает устойчивым иммунитетом к фашизму», поскольку «именно фашистский (нацистский) режим напал на СССР, придал войне особо разрушительные, варварские формы, осуществлял, в духе своих идейных

¹ Пэссмор К. Транснациональная история фашизма и национал-социализма на примере Франции // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 311.

² Великая победа советского народа 1941–1945 гг. Материалы научной конференции, посвященной 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. М., 1976. С. 38.

установок, массовое уничтожение населения на оккупированных территориях»³. В то же время, ученый с тревогой отмечает, что иммунитет (как биологический, так и социально-психологический) «никогда не бывает абсолютным» и по ряду признаков в нашей стране ослаб, «хотя еще достаточно прочен, чтобы стать серьезной преградой на пути фашистского вала»⁴. Осознавая необходимость укрепления антифашистского иммунитета, Президент России В.В. Путин регулярно выступает в защиту исторической памяти о Великой Отечественной и Второй мировой войнах, заявляя о недопустимости глумления и издевательства над героическим подвигом народов Советского Союза в любых проявлениях. «Забвение уроков истории неизбежно оборачивается тяжелой расплатой. Мы будем твердо защищать правду, основанную на документально подтвержденных исторических фактах. Продолжим честно и непредвзято рассказывать о событиях Второй мировой войны. ... И сегодня наша позиция остается неизменной – преступным деяниям пособников нацистов не может быть оправдания, им нет срока давности»⁵, – не перестает подчеркивать Президент.

Начиная с 1920-х гг., во всех публиковавшихся в СССР исследованиях раскрывалась человеконенавистническая преступная сущность фашистских движений и режимов, что, вне всякого сомнения, уже тогда способствовало формированию крайне негативного отношения к фашизму среди широких слоев жителей нашей страны. Как подчеркнул российский историк Ю.В. Галактионов, связанные с коммунистическим движением исследователи в количественном отношении создали гораздо больше работ о фашизме, чем немарксистские авторы. Несмотря на присущие им недостатки, связанные с недооценкой притягательности фашистской идеологии среди значительной части общества Италии и Германии, выводы первых советских авторов стали базовыми для исследователей послевоенного периода⁶.

Новый этап в изучении фашизма начался в годы Великой Отечественной войны. Он имел свои характерные особенности.

³ Галкин А.А. Память и опыт (к 70-й годовщине Великой Победы) // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.). Воронеж, 2015. С. 29.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. [Электронный ресурс] <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 19.06.2020).

⁶ Галактионов Ю.В. Германский фашизм в зеркале историографии 20–40-х годов. Новое прочтение. Кемерово, 1996. С. 146.

Как справедливо отмечают современные историографы, после нападения Германии на СССР советские исследователи стали анализировать преимущественно сущность оккупационной политики фашистов и масштабы совершенных ими преступлений⁷. Изучение фашизма имело, в первую очередь, практическую значимость. Однако партийно-политическое руководство страны считало необходимым доводить до солдат и офицеров Красной Армии, как и до всего населения Советского Союза, подробную информацию не только о зверствах немецко-фашистских захватчиков; необходимо было разъяснять и непосредственную сущность фашизма как явления, породившего столь чудовищную и преступную войну. Это способствовало формированию более точных взглядов и представлений об этом крайне опасном явлении, приобретшем международный размах. На примере войск Воронежского фронта попытаемся разобраться в том, что понимали под фашизмом солдаты и офицеры Красной Армии и какую работу среди них проводили политорганы.

Воронежский фронт, как известно, был образован 7 июля 1942 г. В него вошли части, ранее находившиеся в составе Брянского фронта (40-я армия) и соединения резервных армий, переброшенных в район Воронежа по приказу Ставки ВГК (3-я (переименованная 7 июля 1942 г. в 60-ю) и 6-я армии). В составе Воронежского фронта на 10 июля 1942 г. было 271 399 солдат и офицеров. Как и другие оперативно-стратегические объединения Красной Армии, фронт был многонациональным по своему составу. Так, по данным на 15 августа 1942 г. из 206 249 чел., насчитывавшихся в его войсках, 149 554 были русскими, 22 010 – украинцами, 2386 – белорусами, 759 – армянами, 1284 – азербайджанцами, 1247 – грузинами, 2238 – узбеками, 4156 – казахами, 3813 – мордвинами, 3682 – башкирами, 4429 – татарами. Тысячи таджиков, туркмен, прибалтийцев храбро сражались, защищая воронежские рубежи⁸.

Необходимо отметить, что командование Воронежского фронта и политическое управление проводили последовательную идеологическую работу, направленную в том числе на разъяснение солдатам реакционной сущности фашизма, его идеологии

⁷ Богдашкин А.А. Советская и постсоветская историография о причинах становления фашистских диктатур в странах Западной Европы // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 48.

⁸ Бирюлин И.Ф. Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне. Партийно-политическая работа в войсках и прифронтовых районах (июнь 1942 г. – март 1943 г.). Воронеж, 1970. С. 40, 52.

и разбойничьей практики⁹. На основании имеющихся данных можно выделить три основных этапа в этой деятельности: июль – сентябрь 1942 г.; октябрь – декабрь 1942 г. и январь 1943 г.

Во многом характер идеологической и пропагандистской работы в войсках был обусловлен общей обстановкой на фронте. Безусловно, период июля – сентября 1942 г. был наиболее сложным. Формирование Воронежского фронта осуществлялось в период серьезных поражений Красной Армии, захвата немецкими войсками и их сателлитами значительной территории Советского Союза. Нельзя не отметить, что и немецкая пропаганда пыталась посеять сомнения и страх среди советских военнослужащих и мирного населения¹⁰. К тому же к 1942 г. она стала носить более изощренный и наступательный характер. В частности, немецкие самолеты сбрасывали специальные листовки, обращенные к донским казакам и представителям народов Кавказа, в которых «содержались призывы переходить в легионы, сражавшиеся с большевизмом на стороне вермахта». Летом 1942 г. немецкое командование растиражировало первые печатные материалы за подписью плененного генерала А. Власова. Он изображался немцами в качестве лидера русского патриотического движения, которое готово было встать на борьбу со сталинским режимом. Распространялась подготовленная при участии Власова и других предателей состоящая из 13 пунктов программа «освобождения России»¹¹.

Воронежский фронт комплектовался не только частями, имевшими боевой опыт, но и мало обученными резервистами из восточных районов страны, многие из которых весьма плохо знали русский язык. В эти трудные месяцы командиры частей и соединений, а также политработники наряду с подготовкой к трем малоуспешным наступательным операциям провели ряд мероприятий, способствующих не только сплочению бойцов и командиров, но и разъяснению сути фашизма. С июля 1942 г. работа советских агитаторов и политработников в войсках фронта существенно активизировалась, что позволило морально подготовить бойцов и командиров к зимнему наступлению. Следующий этап знаменовался

⁹ Великая победа советского народа 1941–1945 гг. С. 40.

¹⁰ Подробнее см.: Пропуск в рай. Сверхоружие последней мировой / авт.-сост. Л. Белоусов, А. Ватлин. М., 2007; Мокшин С. Самое страшное из орудий. Немецкие листовки для Красной Армии // Родина. 2010. № 1. С. 104–108; Аникеев А.А. Нацистская пропаганда на Восточном фронте в 1942 – 1943 гг. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2020. № 1. С. 12–18 и др.

¹¹ Пропуск в рай. С. 35.

успешными боевыми действиями войск Воронежского фронта, в результате которых в начале 1943 г. удалось освободить оккупированную территорию Воронежской области.

Разумеется, понимание сущности фашизма у воинов Воронежского фронта формировалось в первую очередь на основе личного опыта, под воздействием увиденных кровавых злодеяний гитлеровцев и их пособников из других фашистских стран, а также рассказов своих родных и знакомых. Однако пресса, пропагандистская работа, которую вели политработники, митинги также давали необходимые результаты. Далеко не все солдаты имели должную политическую подготовку и понимали сущность фашизма. Поэтому командиры и политработники, используя самые разнообразные формы и методы работы, пытались доступным языком разъяснить красноармейцам преступную суть этого опасного явления. Лекционная работа не всегда приносила нужные результаты. Как вспоминал военный комиссар 17-го танкового корпуса В.Г. Гуляев, лекции нагоняли «сон на уставших в походе людей»¹². В связи с этим стали активно практиковаться личные беседы командующих и политработников с военнослужащими. Важную роль в агитационно-пропагандистской работе играли листовки. В них среди прочего материала печатались произведения советских поэтов и писателей¹³.

Политработники старались донести до военнослужащих основные положения выступлений и публикаций высших государственных и партийных деятелей и, в первую очередь, руководителя Советского государства И.В. Сталина о сущности фашизма. Опираясь на его высказывания, они постоянно разъясняли, что «германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине», а немецкая фашистская партия есть ни что иное как «партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира». Эта «партия врагов демократических свобод, партия средневековой реакции и черносотенных погромов»¹⁴.

Необходимо было также давать ответы на «неудобные вопросы», которые время от времени задавали некоторые красно-

¹² Гуляев В.Г. Человек в броне. М., 1964. С. 5.

¹³ Антифашистская агитация и пропаганда в период Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс]. http://www.arsvo.ru/informacionnaya_deyatelnost/vystavki/antifashistskaya-agitaciya-i-propaganda-v-period-velikoj-otechestvennoj-vojny2/ (дата обращения: 20.06.2020).

¹⁴ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 14, 27, 28.

армейцы относительно внешней политики СССР накануне Второй мировой войны и в 1939–1941 годы. Отвечая на них, политработники в основном также цитировали И.В. Сталина, который еще 3 июля 1941 г. заявлял о правильности линии партийно-политического руководства Советского Союза в августе 1939 г. и заключении договора о ненападении с Германией. Сталин, как известно, настаивал, что благодаря этому договору удалось обеспечить мир для СССР и возможность в течение полутора лет вести подготовку «своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии»¹⁵.

Существовала острая потребность в доведении информации об истинных целях Германии в войне против СССР, а также вести пропагандистскую работу среди войск противника. Тем более, что после летнего наступления 1942 г. нацистская пропаганда расистских «теорий» среди офицеров и солдат немецкого вермахта «достигла своего пика». В каждом репортаже, в каждом снимке с фронта постоянно подчеркивалось «расовое превосходство наступавших “нордических” армий над своим врагом. Издательство СС выпустило даже специальный журнал под названием “Унтерменш” (“Недочеловек”))»¹⁶. Информация о расистской идеологии гитлеровской Германии активно распространялась командирами и политруками среди красноармейцев. Ведь именно она являлась главным доказательством подлинных замыслов гитлеровцев относительно будущего народов Советского Союза в случае победы Германии в войне.

Немецкая пропаганда предпринимала значительные усилия для устрашения советских воинов, пытаясь посеять среди них тревогу за судьбы своих родных и близких, распространить пораженческие настроения. Особое внимание нацистские идеологи уделяли подрыву авторитета государственного и военно-политического руководства СССР, командиров и начальников. В обращенных к советским солдатам листовках содержались открытые призывы к неповиновению им. Предпринимались попытки создать позитивное представление о немецком плене, звучали призывы о целесообразности добровольной сдачи в плен и к дезертирству¹⁷. Центральной темой практически всех разработанных немцами пропагандистских

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Кларк А. Путь к Сталинграду // От «Барбароссы» до «Терминала»: взгляд с Запада / сост. Ю.И. Логинов. М., 1988. С. 168.

¹⁷ Филоненко С.И., Филоненко М.И. Психологическая война на Дону: мифы фашистской пропаганды. 1942–1943. Воронеж, 2006. С. 34.

материалов был антисемитизм¹⁸. Одним из основных лейтмотивов нацистской пропаганды был образ Сталина с нагайкой, за спиной которого стояли западные державы и сионистские круги¹⁹.

В ряде случаев нацистская пропаганда добивалась желаемых результатов. Имеются сведения, согласно которым некоторые красноармейцы стали высказывать сомнения в возможности победоносного завершения войны Советским Союзом²⁰. Ситуация осложнялась еще и тем, что некоторые солдаты, в основном прибывшие из восточных районов страны, не понимали истинного смысла вражеской пропаганды. Находясь в глубоком тылу, они и их семьи не испытали на себе всех ужасов гитлеровской военной машины. С ними необходимо было вести последовательную работу.

Советское командование осознавало необходимость принятия серьезных мер в этом отношении. В июне 1942 г. при Главном Политическом управлении РККА (ГлавПУРККА) был создан Совет военно-политической пропаганды. Его председателем стал видный партийный и политический деятель, первый секретарь Московского горкома ВКП(б) А.С. Щербаков. В состав совета вошли также другие известные советские деятели – А.А. Жданов, Д.З. Мануильский, Е.М. Ярославский, имевшие большой опыт работы в главных политических управлениях Красной Армии и Военно-Морского Флота. Они и попытались обобщить уже имеющиеся формы и методы партийно-политической работы в войсках и на их основе разработать рекомендации для ее улучшения. Совет оказывал практическую помощь военным советам и политорганам. В кратчайшие сроки были разработаны рекомендации по улучшению структуры органов агитации и пропаганды в войсках. В августе 1942 г. в частях и соединениях был введен институт агитаторов. Было принято решение о создании групп агитаторов в составе 7 человек при политуправлении фронта, 5 человек – при политотделе и 2 человек – при дивизии²¹.

Для проведения агитационно-пропагандистской работы по решению ЦК ВКП(б) при ГлавПУРККА была создана группа штатных и внештатных агитаторов в составе 75 человек. В ее состав вошли видные государственные и партийные деятели, такие, как уже упоминавшиеся Д.З. Мануильский и Е.М. Ярославский,

¹⁸ Подробнее см.: Пропуск в рай. С. 41–125.

¹⁹ Там же. С. 62.

²⁰ Подробнее см.: *Филоненко С.И.* Сражения на воронежской земле глазами русских и оккупантов. Воронеж, 2013. С. 67.

²¹ См. об этом: *Бирюлин И.Ф.* Указ. соч. С. 17.

а также В.П. Потемкин и К.И. Николаева. В период тяжелых боев на Воронежском фронте член ЦК ВКП(б) Ярославский выступал на многочисленных митингах в различных частях 40-й армии. Как вспоминал член Военного совета 40-й армии П.В. Севастьянов, «говорил он великолепно, а главное, теми простыми и весомыми словами, которые доходили до сердца бойца, раскрывали перед ним перспективы нашей борьбы и показывали ясные источники грядущей победы»²². С большим интересом воины 111-й танковой бригады слушали выступления Д.З. Мануильского²³.

После того как в районе Воронежа наступил период затишья, солдаты и офицеры Воронежского фронта по-прежнему пытались понять истинную сущность фашизма. Работа политорганов в этом направлении была продолжена. Она стала носить уже более взвешенный характер. Советским войскам не удалось освободить Воронеж, но и вермахт не смог взять Сталинград. Постепенно чувства растерянности и недоверия у советских воинов окончательно сменились верой в победу. Не последнюю роль в этом также сыграла деятельность агитаторов. Во всех частях политорганы и партийные структуры при помощи сотрудников политотдела армии и политуправления фронта организовывали проведение лекций и бесед²⁴. Для комсомольцев проводились беседы по молодежной тематике²⁵. Зачитывались письма тружеников тыла и граждан, пострадавших от преступных деяний немецких фашистов. Особое внимание поллитработники и партийные организации уделяли работе с красноармейцами нерусской национальности.

Деятельность агитаторов активизировалась в конце декабря 1942 г. – начале января 1943 г., т.е. накануне проведения Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской наступательных операций. В частности, для солдат и офицеров 40-й армии были зачитаны инструктивные доклады по теме «О зверствах гитлеровских разбойников» (докладчики капитан Румянцев, капитан Громов, майор Малышев). Также были изданы три специальные листовки,

²² Севастьянов П.В. Неман – Волга – Дунай. М., 1961. С. 105.

²³ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 1691. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

²⁴ Красноармейцы заслушали доклады по следующим темам: «О текущем моменте», «С честью выполним боевую присягу», «Отомстим разбойникам за все злодеяния и зверства, причиненные советским людям», «Гитлеровский «новый порядок» в Европе», «Трус и паникер – изменник Родины».

²⁵ «Что дала Советская власть молодежи», «Гитлер – враг молодежи. Он несет ей смерть и рабство». См.: Бирюлин И.Ф. Указ. соч. С. 143–144.

в которых рассказывалось о зверствах фашистов в отношении советских граждан²⁶.

На достаточно высоком уровне проводилась работа политического отдела 3-й танковой армии. Его сотрудники считали, что только узнав конкретную правдивую информацию о зверствах гитлеровцев на оккупированных территориях, военнослужащие еще больше возненавидят фашизм. В результате этой работы возрастет «стремление всего личного состава к скорейшей схватке с врагом для его разгрома и уничтожения»²⁷.

Агитаторы и пропагандисты, центральная и местная печать, литература, радио, все виды искусства с первых дней Великой Отечественной войны повседневно воспитывали советских воинов в духе патриотизма и дружбы народов, разъясняли им справедливый для СССР характер войны и неизбежность победы в ней советского народа.

Однако провал немецкой пропаганды среди советских воинов следует объяснять не только успешной деятельностью политорганов Красной Армии, но и действиями самих нацистов. Нельзя не отметить, что фашистская оккупационная политика на Востоке, приводила к обратным результатам, на которые рассчитывали немецкие пропагандисты. На это обращают внимание многие зарубежные исследователи. Так, уже упоминавшийся английский историк А. Кларк отмечал, что отправлявшиеся на Восток немецкие солдаты попадали в «совсем другой мир. Как только немцы пересекали границу, отделявшую рейх от оккупированных территорий, они оказывались в огромной зоне ..., где открыто царил разгул нацистского террора. Массовые убийства, насильственный угон гражданского населения, преднамеренное умерщвление голодом военнопленных, сожжение заживо школьников и детей, «учебные» бомбежки и обстрелы гражданских больниц и госпиталей – подобные зверства были повсеместным явлением, и они оказывали растлевающее воздействие на вновь прибывших немецких солдат»²⁸.

Необходимо подчеркнуть, что жестоко обращались с советскими военнопленными не только эсэсовцы в лагерях смерти. Солдаты вермахта в прифронтовых временных, пересыльных и стационарных лагерях творили ужасающие зверства. После освобождения в январе 1943 г. оккупированных районов Воронежской области

²⁶ Филоненко С.И., Филоненко А.С. Острогожско-Россошанская операция – «Сталинград на Верхнем Дону». Воронеж, 2005. С. 354.

²⁷ Там же. С. 356.

²⁸ Кларк А. Указ. соч. С. 160–161.

были установлены и документально зафиксированы многочисленные факты антигуманного и преступного отношения немецких, венгерских и итальянских оккупантов к оказавшимся в плену советским воинам. В частности, на территории лагеря для военнопленных в Кантемировке в 9 ямах было обнаружено 2127 трупов советских граждан²⁹.

В итоге, узнав об истинном обращении немцев с советскими военнопленными, воины Воронежского фронта предпочитали смерть, чем добровольную и позорную сдачу в плен. Об этом говорят послевоенные многочисленные находки на местах боевых действий в районе Воронежа. Так, в обнаруженной в гильзе записке говорилось следующее: «Будь проклят фашизм! Умрем, но не сдадимся. В.И. Иванов, А.К. Казанцев, М. Кавкалия»³⁰. Даже умирая, советские солдаты старались уничтожить как можно больше врагов.

Таким образом, попытки противника с помощью пропаганды изменить негативное отношение к фашизму в Красной Армии, в том числе и в войсках Воронежского фронта, не увенчались успехом. На большую часть советских воинов, особенно тех, чьи родственники пострадали от действий фашистов, она не могла оказать влияния. Бойцы и командиры видели в фашистах последователей тевтонских рыцарей, пытавшихся поработить их родную землю. Советские воины испытывали бессилие от невозможности помочь и спасти своих близких, находящихся на оккупированной врагом территории. Не многим удалось пережить эти лишения. Большая часть была зверски замучена, либо угнана в Германию. Те, кто уцелел, сохранили тяжелые воспоминания о «новом порядке» фашистов. В целом, большая часть бойцов и командиров верили в победу и, несмотря на огромные трудности, делали все возможное, чтобы её приблизить.

Действительно, несмотря на затишье, в этот период противнику был нанесен серьезный урон. Немецкий военный корреспондент Г. Штебе отмечал: «Кресты немецких могил стоят всюду, где требовались жертвы, посреди разрушенного города, между сгоревшими фасадами домов и баррикадами, перед фабриками, в железных насаждениях, на улицах и на берегу Дона. И многие немецкие солдаты вернулись из этих боев ранеными»³¹. Солдаты и офицеры Воронежского фронта уничтожили не одну сотню немецко-фашистских захватчиков.

²⁹ Цит. по: *Филоненко С.И., Филоненко М.И.* Психологическая война на Дону: мифы фашистской пропаганды. 1942–1943. Воронеж, 2006. С. 69.

³⁰ Цит. по: *Гринько А.И.* Линия Ратной Славы. Воронеж, 1988. С. 31.

³¹ ГАОПИВО. Ф. 1691. Оп.1. Д. 19. Л. 1.

Осенью 1942 г. в войсках фронта получило распространение снайперское движение. С каждым днем росли ряды мастеров точного огня. Так, боец Калиев, казах по национальности, служил химинструктором. Он подал рапорт на командира части, в котором писал: «Направьте меня в роту на передовую. Когда я уходил на фронт отец, мать, жена, родные приказали убивать немцев. Что я им скажу? Отсюда не видно немцев, а чтобы убивать немцев надо их видеть. Проклятые фашисты хотят отнять свободную жизнь у моего народа. Мстить немцам, истреблять их, вот что я хочу»³². Просьба химинструктора была удовлетворена. Он был переведен в 6-ю роту 574-го стрелкового полка 121-й стрелковой дивизии. За период с 10 октября по 6 ноября 1942 г. Калиев из трехлинейной винтовки уничтожил 33 фашиста³³.

Существенный вклад в борьбу с врагом внесли и советские разведчики, неоднократно ходившие за линию фронта за «языком». Там они брали в плен не только солдат и офицеров противника, но и получали информацию от местного населения о зверствах фашистов. В журнале боевых действий 161-й стрелковой дивизии дается характеристика взятым в плен немецким фашистам: «Кто они – эти выкорыши Гитлера?.. Смотришь и не веришь, что перед тобой стоит существо подобное человеку. Эти изуверы пришли в чужую страну заниматься паразитизмом: грабить, жечь, насиловать... Это видно по всему и по русским ножничкам, отобранным у Маера Гольбата, по серии петербургских, омских и киевских открыток, найденных у Пауля Воличек, которые он отобрал у одной из жительниц Воронежа»³⁴. Для советского офицера, заполнявшего журнал, военнослужащие вермахта и фашисты – одно и то же. Он награждает их эпитетами «враг», «оккупанты», «гитлеровцы», «тупоумые», «изуверы», «вояки» и т.д.³⁵ Нельзя не отметить, что это обращение разделял и командующий Воронежским фронтом генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, видевший в фашистах «жестоккого врага» и «ненавистных оккупантов»³⁶.

Интересно описание поведения немецких военнопленных. Вышеупомянутый советский офицер среди них выделяет две

³² ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 10597. Д. 27. Л. 99.

³³ Там же.

³⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 417. Оп. 10564. Д. 108. Л. 11 об.

³⁵ Там же.

³⁶ Голиков Ф.И. В боях за Воронеж // Воронежское сражение. Воронеж, 1968. С. 26.

категории. К первой относятся такие, как Альфред Зальче. «Это гитлеровец, которому фашистские демагоги вдолбили в мозги, что он ариец – властелин над всем и ни кому не должен подчиняться, даже и сейчас на вопросы переводчика бормочет что-то не складное и не хочет назвать номера полков в их дивизии и только после угрозы этот фашистский вояка говорит правду»³⁷. Во вторую категорию входят «другого сорта оккупанты – это более образованные “люди”, им дал возможность Гитлер мыслить в определенных рамках, и они сразу соображают, что молчать не благоразумно, поэтому они отвечают на все вопросы»³⁸. К ним относится 22-летний Герберт Генькнар, который «уже успел закончить 2 курса Штрассбургского университета, ведь отец содержать может, имея в своем хозяйстве 10 коров, 6 лошадей, 5 свиней и 13 десятин земли». Советский офицер задается вопросом: что нужно этому немцу в России? И сам же на него отвечает. «Зачем отцу платить деньги “помощникам” – он лучше будет бесплатно эксплуатировать “knechten von Osten”³⁹ и обрабатывать не 13 гектаров, а площадь какого-либо колхоза плодородной Полтавщины, но это ему не удастся»⁴⁰. К этой категории офицер относится менее враждебно. С очевидной симпатией и сочувствием он относится к чеху, который добровольно сдался в плен, поскольку тому незачем «стрелять в русских. Гитлеру все равно капут!». В связи с этим, бывший военнослужащий вермахта предъявил «нашему командиру пропуск для перехода к нам в плен»⁴¹.

Интересны наблюдения и военного комиссара 17-го танкового корпуса В.Г. Гуляева, подошедшего к определению фашизма с классовых позиций. Давая характеристику немецким военнопленным, он писал: «... выяснилось, что четверо из захваченных нами нацисты. Один из них – тот, который в очках, – бывший учитель. Другой – собственник такси. Двое занимались мелкой торговлей»⁴². Общаясь с немецким военнопленным солдатом из рабочих, Гуляев пришел к выводу, что «яд фашистской пропаганды» успешно действовал и на рабочий класс. В целом, фашисты напоминали военному комиссару «пауков в банке»⁴³.

³⁷ ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 10564. Д. 108. Л. 11 об.

³⁸ Там же.

³⁹ Слуг Востока (*нем.*).

⁴⁰ ЦАМО РФ. Ф. 417. Оп. 10564. Д. 108. Л. 11 об.

⁴¹ Там же. Л. 12.

⁴² Гуляев В.Г. Указ. соч. С. 97.

⁴³ Там же. С. 98.

Следует заметить, что отношение советских солдат и офицеров к военнопленным, несмотря на всю чудовищность совершенных ими преступлений, в основном было гуманным. Они относились к большей части «непрощенных гостей» как людям, одурманенным геббельсовской пропагандой. В этом плане интересны воспоминания немецкого унтер-офицера Х. Беккера, получившего ранение и попавшего в советский плен весной 1943 г. Этот военнослужащий вермахта не раскаялся в своей сопричастности к агрессии Гитлера на Советский Союз, очевидно считая, что он пришел не как оккупант, а «освободитель от большевистского ига». Несмотря на свою неприязнь к советским солдатам, Беккер невольно все же признал их гуманное отношение. «Я совсем не мог ходить, поскольку только что получил три раны в бедро и еще две в голень. Под присмотром лейтенанта двое солдат, захвативших нас в плен, неохотно подняли меня и погрузили на телегу, запряженную лошадей, которая направилась к пункту сбора военнопленных. Вальтеру пришлось, прихрамывая, брести рядом. На сборном пункте врач-еврей небрежно и очень поверхностно осмотрел и обработал наши раны. Во время работы он с удовольствием обращался с нами нарочито грубо, называя “фашистами”, “фрицами” и другими прозвищами.

– С Гитлером скоро будет покончено, – подначивал он нас. – Вы уже проиграли войну, вы, убийцы-сверхчеловеки!»⁴⁴. Как показали дальнейшие события, слова советского врача оказались пророческими.

Действительно, положение кардинально изменилось в январе 1943 г., когда войска фронта перешли в решительное наступление, освободив оккупированные районы Воронежской области. «Итог, который немецкому командованию пришлось подвести на этом участке фронта в конце января 1943 г., – вспоминал нацистский генерал Д. Бутлар, – был поистине тяжелым. За 14 дней русского наступления группа армий «Б» была почти полностью разгромлена»⁴⁵.

Советские воины, гнавшие врага на запад, испытывали двойные чувства. Радость наступления у них сменялась горечью от увиденных развалин и пепелищ. Бывший заместитель начальника штаба местной противовоздушной обороны С. Ненахов позднее вспоминал: «Воронеж. 25 января. Жуткая картина. 200 дней оккупации

⁴⁴ Беккер Х. На войне и в плену. Воспоминания немецкого солдата. 1937–1950 / пер. с англ. А.А. Андреева. М., 2012. С. 51.

⁴⁵ Свидетельства битвы за Воронеж // Воронежское сражение. Воронеж, 1968. С. 150.

оставили страшный след. На улицах, во дворах трупы... Улицы забаррикадированы мебелью, подушками, детскими кроватками. Вывезены в Германию ценности: бронзовый Петр, картины музеев, трамвайные провода. Улицы и коробки зданий заминированы. Вокруг города сплошные минные поля. Взорваны водонапорные башни, нет электричества, не работает трамвайный парк, разрушено коммунальное хозяйство города. Песчаный лог стал воронежским Бабьим Яром. Молчит город. Ни одного человека. Ни одной птицы. Пустые глазницы окон, обгорелые деревья, груды камня и щебня!»⁴⁶.

Таким образом, советские воины лично убедились в лживости пропаганды противника. Увидев развалины городов и сел, изуверченные трупы мирных граждан, бойцы и командиры Красной Армии еще больше возненавидели захватчиков, окончательно убедившись в звериной сути фашизма. Ни немецкая, ни венгерская, ни итальянская пропаганда не могла этому воспрепятствовать. По мере того как победы вермахта сменялись поражениями, уменьшалось и количество перебежчиков из Красной Армии: в 1942 г. их было 79 779 чел., в 1943 г. – 26 108 чел., в 1944 г. – 9207 чел.⁴⁷

Негативное отношение к фашизму воины Воронежского фронта (с 20 октября 1943 г. 1-го Украинского фронта) сохранили до конца войны. Как солдаты и офицеры других фронтов они надеялись, что нацизм и фашизм будут искоренены до конца. Как справедливо отмечал советский историк Б.Р. Лопухов, «совершенно дикой казалась мысль, что после всех преступлений против человечества и после сокрушительного разгрома фашизм вновь сможет поднять голову, сможет вновь осуществлять террор, вновь вести свою члoвеконенавистническую пропаганду. Однако, как ни парадоксально говорить об этом, **конец фашизма стал началом зарождения неофашизма** (выделено Б.Р. Лопуховым. – *авт.*)»⁴⁸. И с этим, к сожалению, нельзя не согласиться.

В настоящее время все меньше остается в живых солдат и офицеров Воронежского фронта, которые наряду с воинами других частей и соединений Красной Армии в суровое время отстаивали честь и независимость нашей Родины. Но память об их беспримерном подвиге священна. Благодарные потомки, несмотря на кардинальные изменения в обществе, бережно хранят и передают по наследству вещи и документы своих родных, рассказывая детям

⁴⁶ Ненахов С. Возрождение // Коммуна. 1967. 25 янв. С. 2.

⁴⁷ Филоненко С.И., Филоненко М.И. Указ. соч. С. 83.

⁴⁸ Лопухов Б.Р. Неофашизм: опасность для мира. М., 1985. С. 4.

и внукам о героических подвигах предков в годы Великой Отечественной войны. В стране зародилась и с каждым годом активно развивается рождённая народом традиция – «Бессмертный полк». По мнению В.В. Путина, «это марш нашей благодарной памяти, кровной, живой связи между поколениями. Миллионы людей выходят на шествия с фотографиями своих родных, отстоявших Отечество и разгромивших нацизм. Это значит, что их жизнь, испытания и жертвы, Победа, которую они передали нам, никогда не будут забыты»⁴⁹. В то же время нельзя забывать и о зверствах фашистов. То, что творили вражеские войска на временно оккупированных территориях СССР, в том числе и в Воронежской области, забвению не подлежит, и за давностью лет этому прощения нет и быть не может, поскольку, как справедливо указывал бывший секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, «забыть – преступление перед памятью пожилых людей и их семьями».

⁴⁹ Путин В.В. Указ. соч.

ЧАСТЬ III. ФАШИЗМ И НЕОФАШИЗМ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Н.В. Кирсанова

ФРАНКИСТСКАЯ ПОЛИТИКА НАСИЛЬСТВЕННОЙ АССИМИЛЯЦИИ КАТАЛОНЦЕВ (конец 30-х – начало 40-х гг. XX в.)

Одним из важнейших компонентов идеологии и политики фашистских режимов является национализм в его самых крайних формах, но в каждой стране, где подобный режим находился у власти, национализм имел свои особенности. Это в полной мере относится и к установленной в 1936 г. военной диктатуре Франсиско Франко в Испании, характерной чертой которой было наличие в ней фашистских компонентов.

В Испании, где наряду с испанцами проживали баски, галисийцы, каталонцы, в 30-е гг. XX в. национально-государственное устройство являлось одной из самых острых проблем политической жизни. Республиканская Конституция 1931 г. закрепляла право населения различных регионов на автономию, что вызвало ожесточенную реакцию противников Республики, которые считали автономию первым шагом к разрушению единого испанского государства. Гражданская война 1936–1939 гг. закончилась поражением испанской Республики и установлением франкистского режима.

Политика франкизма в национальном вопросе в значительной мере определялась взглядами основателя и главного идеолога фашистской партии – Испанской фаланги (*Falange Española, FE*) Хосе-Антонио Примо де Ривера (1903–1936). Он считал, что в стране существует только единая испанская нация, возникшая в результате многовекового исторического развития, итогом которого стало создание Империи¹.

Идеология франкизма унаследовала отрицание многонационального характера испанского государства, утверждая, что

¹ *Primo de Rivera J.-A. Obras de José-Antonio Primo de Rivera. Madrid, 1974. P. 109–110.*

в Испании существует только одна нация – испанцы. Каталонцы, баски, галисийцы считались испанцами, проживавшими в той или иной части страны. В первые годы франкистского режима власти проводили политику насильственной ассимиляции национальных меньшинств; любые проявления их национальной культуры трактовались как «преступный сепаратизм». Девизом диктатуры стали слова: «Испания единая, великая, свободная!».

Каталония вызывала особую ненависть режима, поскольку была первым регионом страны, добившимся автономии, закрепленной в Автономном статуте 1932 г. Поэтому 5 апреля 1938 г., когда войска мятежников захватили город Лериду, центр одноименной провинции на территории Каталонии, Франко подписал закон о ликвидации Автономного статута², хотя большая часть Каталонии еще оставалась под контролем республиканцев. Полностью она была захвачена франкистскими войсками в начале февраля 1939 г. Население Каталонии подверглось жесточайшим репрессиям. Только за первую неделю мая 1939 г. в Барселоне было приговорено к смертной казни 266 человек, казнен 301 человек³. (Расстреливали не только по приговорам судов, было множество стихийных расправ). Жертвами массовых репрессий в Каталонии стали не только «красные», как франкисты называли социалистов, анархистов и коммунистов, но и «сепаратисты», т.е. сторонники каталонской автономии. Закон о политической ответственности 1939 г. и Закон о государственной безопасности 1941 г. устанавливали суровые наказания, вплоть до смертной казни, за «сепаратистские выступления»⁴. В октябре 1940 г. в крепости на горе Монжуик был расстрелян глава каталонской автономии Луис Компанис, скрывавшийся на территории Франции и выданный гестапо франкистским властям после поражения Франции.

Важной составляющей франкистской политики в национальном вопросе являлась языковая проблема. Она отразила характерную особенность этнокультурной ситуации в Каталонии в первые десятилетия XX в.: сосуществование двух языков – каталанского и испанского. Первый из них был языком коренного населения области. В то же время быстрое развитие промышленности в Каталонии привело к массовым внутренним миграциям: в поисках

² Catalunya sota el règim franquista. Informe sobre la persecució de la llengua i la cultura de Catalunya pel règim del general Franco. Vol. I. Paris, 1973. P. 174–175.

³ Ibid. P. 241–242.

⁴ *Dias-Plaja F.* La posguerra española en sus documentos. Barcelona, 1970. P. 97–98, 105.

работы в Барселону и города ее промышленного пояса в XIX – начале XX в. переселялись сельские жители из Кастилии, Арагона, Андалусии; их родным языком был испанский. В городской среде широкое распространение получил билингвизм.

Франкистская политика насильственной ассимиляции была направлена на ликвидацию естественно сложившегося двуязычия и вытеснение каталанского языка из всех областей жизни населения, поскольку идеологи режима считали именно язык главным отличием каталонцев от других жителей полуострова. Было запрещено любое публичное использование каталанского языка; единственным языком в государственных учреждениях был только испанский⁵. Государственные служащие, говорившие на рабочем месте на каталанском языке, подлежали немедленному увольнению.

Каталанский язык был изгнан из всех звеньев системы образования; в местной прессе появлялись уведомления о закрытии школ, в которых учителя, вопреки запретам, продолжали вести уроки на каталанском языке⁶. Из школ изымались учебники и любая другая литература на каталанском языке. Даже «благонадежные» учителя-каталонцы лишались работы. Их направляли в другие районы страны, а их место занимали учителя из испаноязычных областей, которые не были знакомы с культурными традициями Каталонии и враждебно относились ко всему каталонскому. В школах в первые послевоенные годы ученики подвергались наказанию за общение друг с другом на каталанском языке⁷.

Из Барселонского университета были изгнаны десятки ученых, составлявших гордость каталонской и испанской науки, – выдающийся археолог и историк П. Бош-Жимпера, крупнейший специалист по каталанской филологии П. Фабра, видный специалист по экономической истории Х. Висенс Вивес, известный хирург Ж. Труэта. Франкизм разгромил все научные учреждения, связанные с каталанской национальной культурой. Деятельность Института каталонских исследований (*Institut d'Estudis Catalans*), созданного еще в 1907 г., была объявлена «преступной», он был распущен; вместо него учреждался Испанский институт Средиземноморских исследований (*Instituto Español de Estudios Mediterráneos*), призванный служить Новой Испании, Новому Государству, Империи и имперской Каталонии⁸.

⁵ *Catalunya sota el règim*. P. 184–185.

⁶ *Ibid.* P. 335.

⁷ *Iglesias J. The Franco years*. Indianapolis – New York, 1977. P. 225.

⁸ *Catalunya sota el règim*. P. 360–361.

Издание книг, газет, журналов и другой печатной продукции разрешалось только на испанском языке. Проводилась чистка общественных и частных библиотек; изъятая марксистская, коммунистическая и «сепаратистская» литература уничтожалась. Прекратились радиопередачи на каталанском языке.

Каталанский язык был изгнан и из церковной жизни: проповеди на каталанском языке запрещались. Священников-каталонцев переводили в приходы, находившиеся за пределами Каталонии. Епископ Диас де Гомара, вступивший в управление диоцезом Барселонны весной 1939 г., когда город был уже занят франкистскими войсками, внушал пастве, что люди должны учиться говорить, писать и молиться Богу на испанском языке⁹.

Не избежала преследований и каталанская культура. Было запрещено проведение традиционного поэтического конкурса «Игры цветов» (Jocs Florals), который возник еще в эпоху Средневековья и стал ежегодно проводиться с 1859 г.¹⁰ В театрах запрещались пьесы на каталанском языке. В некоторых каталонских городах, в частности, в Барселоне, под запрет попал даже национальный каталонский танец – сардана. В городах Каталонии сносили памятники деятелям национальной каталонской культуры. Десятки улиц Барселонны и других городов Каталонии были переименованы. Например, проспект Антонио Гауди в Барселоне стал носить имя генерала Мигеля Примо де Ривера, возглавлявшего диктаторский режим в 1923–1930 гг. Названия населенных пунктов были изменены в соответствии с орфографическими нормами испанского языка. Со стен домов огромные буквы призывали: «Говори на языке Империи!»

Был наложен запрет на национальный флаг и гимн Каталонии, которые считались символами сепаратизма. Власти развернули разнузданную пропагандистскую кампанию, направленную против «предателей», «сепаратистов», «каталонистов», «плохих испанцев», «авантюристов», «циничного и злобного меньшинства»¹¹. Пропаганда подкреплялась псевдонаучными изысканиями о неизбежности гибели малых национальностей и о грядущем триумфе в Новой Европе трех империй – германской, итальянской

⁹ Ibid. P. 432.

¹⁰ Ibid. P. 386.

¹¹ Vilanova F. Luis de Galinsoga i els seus amics: cinc anys commemorant la liberació de Barcelona, 1940–1944 // Revista d'Historia i de Cultura. 2013. № 3. URL: <http://www.dictatorships-democracies.com159-15-PB.pdf> (дата обращения: 23.06.2019).

и испанской¹². Это «открытие» было сделано в июне 1940 г., после поражения Франции.

Однако уже к середине 1940-х гг. преследование каталанского языка и культуры стало ослабевать. Во-первых, стало ясно, что запреты не привели к исчезновению каталанского языка, люди продолжали говорить на родном языке дома. Попытки насильственной ассимиляции провалились. Во-вторых, коренной перелом в ходе Второй мировой войны, а затем и поражение «Третьего рейха» заставили Франко дистанцироваться от побежденной Германии и искать пути к сотрудничеству с «западными демократиями». Для этого было необходимо, среди прочего, отказаться от крайних проявлений национализма. С середины 1940-х гг. возобновилось издание книг на каталанском языке, причем эти книги подвергались особо строгой цензуре. В 1944 г. было издано всего 5 книг на каталанском языке, в то время как в 1936 г. – 865¹³. В 1946 г. власти разрешили включить в репертуар театров отдельные пьесы на каталанском языке. Но он по-прежнему не допускался в сферу образования и в средства массовой информации. Состояние, переживаемое каталаноязычной культурой в те годы, хорошо передал в своих воспоминаниях Дионисио Ридруэхо (1912–1975), поэт и политик, прошедший после войны путь от убежденного сторонника Франко до участника умеренной антифранкистской оппозиции: «На протяжении 40-х и значительной части 50-х годов для каталанской культуры продолжался великий пост – без книг, без журналов, без театра, без устных выступлений»¹⁴.

В конце 1950-х – середине 1970-х гг. благодаря постоянному давлению со стороны антифранкистских сил Каталонии либерализация продолжалась. С 1959 г. начал выходить первый журнал на каталанском языке, издаваемый Монсерратским аббатством, – «Серра д'Ор» (*Serra d'Or*). В 1960-е гг. появились и другие журналы, в некоторых школах было разрешено факультативное преподавание каталанского языка, в ограниченных объемах началось радио- и телевидение на каталанском языке, как правило, в неудобное для слушателей и зрителей время. Однако и в последние годы жизни Франко (он умер в ноябре 1975 г.) в Каталонии не было ни одной газеты на каталанском языке, в школах каталанский язык учащиеся могли изучать только факультативно, отсутствовало преподавание на каталанском языке в вузах, официальным языком

¹² *Catalunya sota el règim*. P. 403.

¹³ *La cultura Española durante el franquismo*. Bilbao, 1977. P. 43, 47.

¹⁴ *Ridruéjo D. Casi unas memorias*. Madrid, 1975. P. 268.

в государственных учреждениях по-прежнему оставался только испанский.

В середине 1970-х гг. внимание каталонской общественности было привлечено к самому тяжелому для каталанского языка и культуры периоду франкистской диктатуры. Большую роль в этом сыграли известный писатель и общественный деятель Жозеп Бенет (1920–2008) и оппозиционный политик и финансист Жорди Пужоль (в 1980–2003 гг. он возглавлял автономное правительство Каталонии). В 1969 г. они основали в Париже издательство, выпускавшее антифранкистскую литературу на каталанском языке. В 1973 г. Бенет подготовил обширную публикацию документов «Каталония под властью франкистского режима. Доклад о преследовании языка и культуры Каталонии режимом генерала Франко». Хронологически публикация охватывала конец 1930-х – начало 1940-х гг. Опираясь на документы, Бенет охарактеризовал политику франкизма в отношении Каталонии как «культурный геноцид»¹⁵. В Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г., отсутствует понятие «культурный геноцид»¹⁶. Однако Бенет настаивал именно на такой оценке политики франкистской диктатуры. Он ссылаясь на то, что при разработке Конвенции ООН предлагал включить в документ понятие «национально-культурный геноцид» (запрещение или ограничение пользования национальным языком, как в общественной, так и в частной жизни, запрещение преподавания в школах на национальных языках, уничтожение или запрещение печатания и распространения книг и иных печатных изданий на национальных языках, уничтожение исторических или религиозных памятников, музеев, документов, библиотек и других памятников и предметов национальной культуры или религиозного культа)¹⁷. В послефранкистский период Бенет переиздал сборник документов уже в самой Каталонии. В 1995 г. вышла его новая книга – «Франкистская попытка культурного геноцида против Каталонии» (издавалась еще дважды – в 2009 и в 2014 г.). В итоге в массовом сознании и в исторической памяти

¹⁵ Catalunya sota el règim. P. 11.

¹⁶ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него конца 30-х – начала 40-х гг. // URL: https://www.un.org/ru/documents/dec_i_conv/conventions/genocide.html (дата обращения: 24.06.2019 г.).

¹⁷ Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года: основные этапы разработки и принятия в рамках органов всемирной организации // URL: https://www.un.org/ru/documents/dec_i_conv/conventions/genocide.html: <https://article.com/article/16436> (дата обращения: 24.06.2019).

каталонцев на рубеже XX–XXI вв. закрепилось представление о культурном геноциде каталонцев в эпоху франкизма.

Дискриминация каталанского языка была полностью преодолена только в период перехода от диктатуры к демократии во второй половине 1970-х гг. Автономный статут Каталонии, вступивший в силу в декабре 1979 г., устанавливал, что каталанский язык является официальным на территории Каталонии, точно так же, как и испанский язык. Власти каталонской автономии должны были создать условия для полного равенства двух языков (ст. 3)¹⁸. Автономный статут содержал положения об избрании каталанского парламента, формировании автономного правительства, разделении полномочий между центральными и автономными органами власти. В 2006 г. после длительных и трудных переговоров между Мадридом и Барселоной был принят новый Автономный статут, несколько расширивший полномочия каталонской автономии.

Однако проблема преследования каталанского языка франкистским режимом сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Во-первых, для радикального крыла каталонских националистов «культурный геноцид» служит аргументом для обоснования необходимости отделения от Испании и создания независимого каталонского государства, хотя на протяжении последних 40 лет никаких препятствий для развития каталанского языка и культуры не существует. Во-вторых, хотя в соответствии с действующими законами каталанский и испанский язык в Каталонии должны быть равноправны, фактически контроль над организацией образования в автономном сообществе перешел в руки каталонских националистов, которые стремятся к вытеснению испанского языка из школы. Во многих каталонских школах испанский язык преподается в меньшем объеме, чем иностранные языки – английский или французский. Принятая властями автономного сообщества концепция «языкового погружения» предполагает, что все школьные предметы должны преподаваться исключительно на каталанском языке, хотя по опросам общественного мнения, более половины населения области считает своим родным языком испанский. Возникла парадоксальная ситуация – автономные власти демократической Каталонии проводят политику ущемления языковых прав значительной части населения области, хотя и в гораздо более мягкой и завуалированной форме по сравнению с политикой диктаторского режима Франко.

¹⁸ Estatuto de Autonomía de 1979 // URL: https://web.gencat.cat/es/generalitat/estatut/estatut1979/titol_preliminar/ (дата обращения: 20.06.2019).

А.С. Намазова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ И ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ФАШИЗМА В БЕЛЬГИИ (1919–1945 гг.)

Фашизм как общественно-политическое течение возник в начале XX века в различных странах Европы и Америки. Однако он имел множество разновидностей и особенностей.

В период между двумя мировыми войнами в Бельгии, как и в других европейских государствах, существовали как крайне правые, так и откровенно фашистские движения. Принято считать, что они никогда не представляли серьезной угрозы для стабильности парламентской системы страны. Тем не менее в ходе различных избирательных кампаний фашистские партии добивались значительных электоральных успехов. Так, на состоявшихся в мае 1936 г. парламентских выборах одна из существовавших в Бельгии фашистских партий – партия рексистов – получила поддержку 11,49 % избирателей. Еще 7,12 % бельгийцев проголосовали на этих выборах за фламандских националистов. Эти показатели поддержки фашистских партий были значительно выше, чем во многих других странах Западной Европы¹. Обладая 37 депутатами из 202, бельгийские фашисты составили самое значительное парламентское представительство, когда-либо достигнутое крайне правыми в тех странах, где фашизм не смог прийти к власти². К тому же в Бельгии ощущалось заметное финансовое и организованное политическое влияние фашистских режимов, в частности Германии, которая оказывала существенное воздействие на проживавшее в государстве немецкоязычное население. Более того, еще до начала Второй мировой войны в кругах бельгийского крупного бизнеса проявлялись заметные симпатии к системе экономических отношений, сложившихся в гитлеровской Германии. Многие промышленники и банкиры Бельгии призывали «к усилению авторитаризма в управлении страной»³.

¹ *Рахмиров П.Ю.* Фашизм во Франции, Англии и малых странах Западной Европы // История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 360.

² *Gotovitch J.* Histoire du Parti communiste de Belgique // *Courrier hebdomadaire du CRISP*. 1997. Vol. 1582. № 37. P. 21.

³ *Богдашкин А.А.* Промышленный коллаборационизм периода Второй мировой войны в странах Западной Европы: историографические дебаты // Акту-

Все эти обстоятельства способствовали существенному интересу в бельгийской историографии, а также и в исторической науке других западноевропейских и американских стран, к проблеме бельгийского фашизма. Следует признать, что эта тема достаточно хорошо освещена зарубежными исследователями⁴. Однако ряд сюжетов продолжают вызывать оживленные дискуссии⁵.

В отечественной историографии изучение проявлений фашизма в Бельгии, как и в других малых странах Западной Европы, практически не находилось в центре внимания ученых. Пожалуй, только в очерке известного пермского историка П.Ю. Рахшмира «Фашизм во Франции, Англии и малых странах Западной Европы», написанном для коллективной монографии «История фашизма в Западной Европе» (1978), можно найти определенную информацию о деятельности отдельных фашистских организаций Бельгии⁶.

альные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 20–22 апреля 2016 г.). Воронеж, 2016. С. 67.

⁴ Среди наиболее крупных исследований, посвященных этой проблематике, следует выделить: *De Bruyne E., Rikmenspoel M.* For Rex and for Belgium: Léon Degrelle and Walloon Political and Military Collaboration 1940–45. Solihull, West Midlands, 2004; *Conway M.* Collaboratie in België: Léon Degrelle en het Rexisme 1940–1944. Groot-Bijgaarden, 1994; *Belgique 1940: Une société en crise, un pays en guerre, Actes du Colloque tenu à Bruxelles du 22 au 26 octobre 1990.* Bruxelles, 1993; *De Vos L.* De Tweede Wereldoorlog. Louven, 2004; *De Wever B.* Greep naar de macht. Vlaams-nationalisme en de Nieuwe Orde: het V.N.V. 1933–1945. Tielt/Gent, 1994; *Van den Wijngaert M.* L'économie belge sous l'occupation: la politique d-Alexandre Galopin, gouverneur de la Société Générale. Paris, 1990; *België tijdens de Tweede Wereldoorlog.* Anvers, 2004; *Gérard-Libois J., Gotovitch J.* L'an 40: la Belgique occupée. Bruxelles, 1971; *Lagrou P.* Mémoires patriotiques et occupation nazie: résistants, requis et déportés en Europe occidentale, 1945–1965. Bruxelles, 2003; *Nefors P.* Industriële 'collaboratie' in België. De Galopin-doctrine, de Emissiebank en de Belgische industrie in de Tweede Wereldoorlog. Louven, 2000; *Stengers J.* Léopold III et le gouvernement: les deux politiques belges de 1940. Paris–Gembloux, 1980; *Een koningsdrama. De biografie van Leopold III.* Anvers, 2001; *Van Overstraten R.* Léopold III prisonnier. Le Journal inédit de la vie quotidienne à Laeken du célèbre conseiller militaire du roi, 31 mai 1940 – 10 mai 1945. Bruxelles, 1986; *Willequet J.* La Belgique sous la botte: Résistances et collaborations, 1940–1945. Paris, 1986; *Dujardin V., Van den Wijngaert M.* La Belgique sans roi: nouvelle histoire de Belgique 1940–1950. Bruxelles, 2010.

⁵ См. об этом, нап.: *De Vroede M.* De betekenis van het Vlaams-nationalisme (1918–1940). Naar aanleiding van twee recente publikaties // *BMGN – Low Countries Historical Review.* 1970. Vol. 85. № 3. P. 337–345; *Benvindo B., Majerus B., Vrints A.* La Grande Guerre des historiens belges, 1914–2014 // *Revue Belge d'Histoire contemporaine.* 2014. Vol. XLIV. № 2/3. P. 170–196; *Богдашкин А.А.* Указ. соч. и др.

⁶ *Рахшмир П.Ю.* Указ. соч. С. 341–382.

Ряд проблем, касающихся сотрудничества бельгийских фашистских группировок с немецкими оккупантами в 1940–1945 гг., были рассмотрены в работах М.И. Семиряги, Н.С. Лебедевой, В.Г. Овчинникова и Ю.Н. Панкова⁷.

Наиболее подробным исследованием деятельности фашистских партий и движений в Бельгии на русском языке, по всей видимости, следует считать статью профессора Шеффилдского университета Б. Мура «Фашизм в нидерландских землях (1919–1945)», опубликованную в специальном номере научного журнала «Берегиня. 777. Сова», посвященного проблемам фашизма и правого радикализма⁸. В ней представлен краткий, но достаточно глубокий анализ деятельности практически всех фашистских групп в Нидерландах, Бельгии и Люксембурге. Однако и в этой очень интересной работе главный акцент сделан на проявлениях фашизма в Нидерландах. В настоящей же статье основное внимание будет сосредоточено на особенностях фламандского и валлонского фашизма, присущих именно Бельгии.

Формирование фашистского движения в Бельгии не происходило столь стремительно, как в Италии и Германии. Несмотря на то, что Бельгия принимала непосредственное участие в Первой мировой войне и на ее территории происходили наиболее кровопролитные сражения, по итогам войны страна оказалась среди держав-победительниц. В межвоенный период, в отличие от Италии, Германии, Франции и других крупных европейских государств, правящие круги Бельгии не столкнулись с такими острыми классовыми конфликтами. Численность образованной в 1921 г. коммунистической партии Бельгии никогда не превышала 7 тыс. человек. В период своего наивысшего влияния (вторая половина 1930-х гг.) ее парламентское представительство ограничивалось 9 депутатами в нижней палате и 4 – в сенате (6,06%)⁹. Бельгийская демократия

⁷ Семиряга М.И. Немецко-фашистская политика национального порабощения в оккупированных странах Западной и Северной Европы. М., 1980; он же. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000; Лебедева Н.С. Фашистский оккупационный режим // Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939–1945. Общие проблемы. М., 1990. С. 14–42; Овчинников В.Г., Панков Ю.Н. Бельгия // Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939–1945. Национальные особенности. М., 1991. С. 157–170.

⁸ Мур Б. Фашизм в нидерландских землях (1919–1945) // Берегиня. 777. Сова. 2014. №4(23). С. 341–351.

⁹ Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны / ред. В.П. Бондаренко, П.И. Резонов. М., 1962. С. 480; Gotovitch J. Op. cit. P. 21.

по сравнению с крупными странами континентальной Европы была стабильной¹⁰.

Тем не менее введение после Первой мировой войны всеобщего избирательного права для мужчин привело к серьезным политическим сдвигам в жизни бельгийского государства. На состоявшихся в ноябре 1919 г. парламентских выборах Бельгийская рабочая партия составила серьезную конкуренцию Католической партии, которая более тридцати лет располагала абсолютным большинством депутатских мест. Теперь же за социалистов было отдано 36,62 %, а за католиков – 35,19 %¹¹. Несмотря на то, что последним удалось сохранить власть в стране, в состав нового правительства были введены представители рабочей партии и либералов. Так в Бельгии началась «эпоха недолговечных коалиционных правительств», которые включали представителей двух или всех трех основных политических группировок страны: католиков, социалистов и либералов¹². Под давлением охватившего крупные города Бельгии забастовочного движения были проведены важные социальные реформы, установлен восьмичасовой рабочий день, повышен размер заработной платы и пенсий, в общегосударственном масштабе была введена так называемая Гентская система страхования трудящихся¹³.

Все эти обстоятельства способствовали появлению в стране фашистских и других правых антипарламентских движений, которые активно пропагандировали необходимость борьбы против «большевистской угрозы» и прочих «внутренних врагов», связывая их появление с неэффективностью существующих политических институтов¹⁴. Среди определенных слоев бельгийского общества были распространены настроения неудовлетворенности итогами Парижской мирной конференции. Присоединение трех немецких земель – Эйпена, Мальмеди и Сент-Вита и наделение мандатом на африканскую территорию Руанда – Урунди (часть бывшей Германской Восточной Африки) не удовлетворили полностью устремления экономической и политической элиты Бельгии,

¹⁰ *Kossmann E.H.* De Lage Landen 1780–1980: twee eeuwen Nederland en België. Amsterdam, 1986. Vol. II. P. 49.

¹¹ *Geschiedenis van de Nederlanden.* Baarn, 2009. P. 290.

¹² *Conway M.* The Extreme Right in Inter-War Francophone Belgium: Explanations of a Failure // *European History Quarterly.* 1996. Vol. 26. № 2. P. 269.

¹³ Подробнее см.: *Van Daele J.* Louis Varlez en de sociale kwestie. De liberale burgerij uitgedaagd // *Handelingen der Maatschappij voor Geschiedenis en Oudheidkunde te Gent.* 2007. Vol. 61. P. 265–288.

¹⁴ *Мур Б.* Указ. соч. С. 343–344.

а также консервативных католиков¹⁵. Значительно больший интерес для этих кругов представляли территории соседних Нидерландов. По их убеждению, «голландская провинция Лимбург должна была быть присоединена к Бельгии, Шельда стать исключительно бельгийской рекой, а это делало необходимым аннексию Зеландской Фландрии. Они также надеялись приобрести Люксембург»¹⁶. Однако Гааге, хотя и с большим трудом, на Парижской мирной конференции удалось отклонить территориальные претензии Бельгии¹⁷. В ответ в Бельгии был образован «Комитет по национальной политике», представители которого требовали присоединения ряда земель Германии, Нидерландов и Люксембурга¹⁸.

Однако наиболее благодатной почвой для зарождения фашистских движений был существовавший в Бельгии лингвистический раскол. Население, жившее на севере и западе страны, испокон веков говорило на фламандском языке, а на юге и востоке – на французском. После окончания Первой мировой войны с присоединением Эйпена и Мальмеди с проживавшими на этих территориях этническими немцами, Бельгия стала государством, в котором имелись три национальных сообщества – фламандскоязычное, франкоязычное и немецкоязычное. Этот фактор усугублялся и тем, что франкоязычные валлонские области были более экономически развитыми и именно их политическая и экономическая элиты доминировали в системе государственного управления. Это вызывало недовольство широких слоев населения фламандских провинций¹⁹.

Одна из первых правоавторитарных партий – «Национальное действие» – возникла во франкоязычной Валлонии среди консервативных католических кругов во главе с юристом П. Нотомбом. Многие положения программы этой организации были почерпнуты из идейного багажа и установок итальянских фашистов, а также из трудов идеолога крайне правой французской организации «Аксьон Франсэз» Ш. Морраса. Активную поддержку этой партии оказывали бывшие бельгийские военнослужащие, в частности основанный

¹⁵ Deschouwer K. The Politics of Belgium: Governing a Divided Society. Basingstoke, 2012. P. 227; Kossmann E.H. Op. cit. P. 45.

¹⁶ Kossmann E.H. Op. cit. P. 43.

¹⁷ Ibid. P. 44; Шатохина-Мордвинцева Г.А. Положения Гаагских конвенций как основа декларации о нейтралитете Нидерландов в Первой мировой войне // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж, 2017. С. 193.

¹⁸ De Wever B. Belgium // The Oxford Handbook of Fascism. Oxford, 2009. P. 471.

¹⁹ Рахмимур П.Ю. Указ. соч. С. 344; De Wever B. Catholicism and Fascism in Belgium // Totalitarian Movements and Political Religions. 2007. Vol. 8. № 2. P. 343–344.

в 1922 г. П. Хорнартом «Национальный легион», насчитывавший в начале 1930-х гг. около 7 тыс. членов. Члены легиона были ярыми приверженцами Муссолини и активно выступали против парламентской системы. Они занимали откровенно антикоммунистические и антисемитские позиции. Главной целью этой организации была борьба против «внутренних врагов государства» – социалистов, а также фламандских националистов, которых рассматривали как «пятую колонну» Германии²⁰.

Подобного рода заявления были основаны на имевших место в годы Первой мировой войны фактах сотрудничества части фламандскоговорящих бельгийцев с немецкими оккупационными властями. Активисты фламандского движения поддерживали и оказывали поддержку действиям немцев, направленным на реформацию и даже раскол бельгийского государства. Воодушевленные немецкой «*Flamenpolitik*» радикальные активисты развивали фламандский национализм, который носил ярко выраженный антибельгийский характер²¹. Однако нельзя не признать, что фламандцы были вынуждены активно сопротивляться осуществлявшемуся в стране процессу офранцуживания, который усугублялся призывом фламандцев во франкоязычную армию²². Проведенные после войны суды над фламандцами как «предателями», а также радикализация валлонского национализма, который в 20-е гг. XX века стал принимать откровенно антифламандский характер²³, способствовали процессам политической институционализации фламандского национального движения²⁴.

В 1919 г. во Фландрии была создана так называемая «Фронтальная партия». Первоначально ее члены занимали левые демократические позиции. Партия выступала за предоставление автономии как Фландрии, так и Валлонии, подчеркивая при этом важность демократии и антимиитаризма²⁵. Другие требования включали необходимость открытия школ, в которых дети обучались бы на

²⁰ Мур Б. Указ. соч. С. 343; *De Wever B. Belgium*. P. 471–472; *idem. Catholicism and Fascism in Belgium*. P. 344; *Gotovitch J. Op. cit.* P. 19; *Conway M. The Extreme Right...* P. 471.

²¹ *Vos L. Reconstructions of the Past in Belgium and Flanders // Secession, History and the Social Sciences*. Brussel, 2002. P. 189.

²² Мур Б. Указ. соч. С. 343.

²³ *Vos L. Op. cit.* P. 189–190.

²⁴ *De Witte H., Scheepers P.L.H. En Flandre: origines, évolution et avenir du Vlaams Blok et de ses électeurs // Pouvoirs: Revue Française d'Études Constitutionnelles et Politiques*. 1998. № 87. P. 96; *De Vroede M. Op. cit.* P. 339.

²⁵ *De Witte H., Scheepers P.L.H. Op. cit.* P. 96.

родном языке, преобразования Гентского университета во фламандский университет и т.п.²⁶ Однако игнорирование правительством Бельгии интересов фламандского населения и отказ от проведения уже давно назревших политических реформ приводил к радикализации фламандского национализма и многих членов «Фронтальной партии»²⁷. Показательна в этом отношении деятельность одного из ее активистов – Й. ван Северена, примкнувшего к фламандскому национальному движению в годы Первой мировой войны во время службы в бельгийской армии. После окончания войны, возобновив учебу в Гентском университете, ван Северен был избран президентом Генерального фламандского студенческого союза и стал членом «Фронтальной партии». В 1921 г. он был избран депутатом нижней палаты бельгийского парламента – Палаты представителей. На заседаниях парламента ван Северен активно поддерживал политику фламандизации Бельгии и запомнился современникам как яркий полемист и пламенный оратор²⁸. К началу 1920-х гг. его взгляды полностью эволюционировали в сторону «авторитарной католической антидемократической доктрины»²⁹.

Программные установки созданного ван Севереном в 1925 г. «Фламандского католического национального союза» были во многом созвучны идеям уже упоминавшегося Ш. Морраса³⁰. Следует отметить, что воззрения Морраса оказались привлекательными как для фламандских, так и для валлонских правых радикалов. Эти идеи, получившие название «интегрального национализма», обеспечили своего рода «смычку между национализмом и католицизмом». Моррас исповедовал неомонархические взгляды и наделял национализм «авторитарными чертами и децентрализаторскими устремлениями»³¹. Он и другие идеологи «интегрального национализма» говорили о необходимости скорейшего установления «классового мира», соблюдения строгой иерархии и внедрения корпоративизма. Статьи Морраса были проникнуты «тоской по “старому порядку”, сметенному Великой Французской революцией».

²⁶ Carsten F.L. The Rise of Fascism. Berkeley, 1982. P. 206.

²⁷ De Witte H., Scheepers P.L.H. Op. cit. P. 96–97; Мyp Б. Указ. соч. С. 343.

²⁸ Подробнее о биографии и деятельности ван Северена см.: De Bruyne A. Joris van Severen: droom en daad. Zulte, 1961.

²⁹ Saerens L. Het “Wendepunt” (1933–1940) // Ast Fonteyne 1906–1991: een kwestie van stijl. Leuven, 1999. P. 117.

³⁰ Мyp Б. Указ. соч. С. 343; De Bruyne A. Op. cit. P. 276; Delafortrie L. Het Genootschap Joris van Severen: Dinaso-actie tijdens de besetting. Anvers, 1989. P. 12.

³¹ Камю Ж.-И., Лебур Н. Движения и государственные режимы крайне правых в Южной Европе (1945–1989) // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 31.

Однако, по мнению многих исследователей, краеугольным камнем его доктрины был «не монархизм, а решительный антидемократизм. Монархизм в интерпретации Морраса предвосхищал фашистский принцип “вождизма”». Созданная Моррасом организация «Аксьон франсэз» в борьбе со своими противниками использовала отряды «королевских молодчиков», в которых, по убеждению П.Ю. Рахшмира, нетрудно увидеть «прообраз сквадристов или штурмовиков»³².

В последующие годы ван Северен увлекся идеями итальянского фашизма, стал приверженцем Б. Муссолини³³. Он начинает издавать журнал «Jong Dietschland», на страницах которого пропагандировались идеи создания независимого государства – «Великие Нидерланды», устроенного наподобие средневековой Бургундии и включающего, кроме Бельгии, также Нидерланды, Люксембург, Французскую Фландрию и Бургундию³⁴. Впрочем, большинство фламандских националистов из «Фронтальной партии» не поддерживали подобных взглядов ван Северена, и в 1931 г. он основал свою собственную партию «Фердинасо» (Союз фламандских националистов-солидаристов)³⁵. Несмотря на малочисленность³⁶, именно эта организация стала чисто фашистской партией, пропагандировавшей «радикальную великоголландскую идею». «Фердинасо» ставила своей целью захватить власть в стране при посредничестве военной элиты. Ее образование стало одним важнейших событий в развитии фламандского националистического движения. «Фердинасо» оказалась катализатором очень глубокого идеологического кризиса. В ее кругах идеи демократии было противопоставлено требование установления «нового порядка»³⁷. Члены этой организации занимали позиции крайнего ультра национализма. Кроме того, насилие провозглашалось «законным политическим средством». Ядром движения была милиция, которая считала себя «авангардом нового королевства». «Фердинасо» категорически выступала

³² Рахшмир П.Ю. Указ. соч. С. 341–342. О влиянии идей Морраса в Бельгии см.: Defoort E. Charles Maurras en de Action française in België. Nijmegen, 1978.

³³ Мyp Б. Указ. соч. С. 343; Arblaster P. A History of the Low Countries. London, 2019. P. 203; Carsten F.L. Op. cit. P. 207.

³⁴ Carsten F.L. Op. cit. P. 208.

³⁵ De Wever B. Groot-Nederland als utopie en mythe // Bijdragen tot de Eigentijdse Geschiedenis. 1998. № 3. P. 166.

³⁶ Современный бельгийский историк П. Альбластер пишет, что партия была «крошечной». См.: Arblaster P. Op. cit. P. 203.

³⁷ De Wever B. Vlaams-nationalisme in de Gentse regio, 1914–1945 // Handelingen van de Maatschappij voor Geschiedenis en Oudheidkunde te Gent. 1995. Vol. 49. № 1. P. 273.

против выборов, которые рассматривались как «практика разделения нации». Руководитель партии ван Северен представлялся как «просвещенный лидер»³⁸.

Новая волна фашистского движения в Бельгии была вызвана мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг., который начался здесь несколько позднее, чем в других европейских странах, – во второй половине 1930 г. Индекс промышленного производства страны в этот период снизился с 140 до 108. К 1934 г. промышленная активность составляла 67 % уровня 1929 г. Несмотря на временное восстановление, в 1938 г. произошел еще один глубокий спад. «Депрессия шла рука об руку с беспрецедентным уровнем безработицы». «Перепроизводство» вызвало резкий обвал цен и вложений. Многочисленные компании обанкротились, пострадала мелкая буржуазия. Значительно сократилась общая покупательная способность наемных работников. Лидеры крупного бизнеса и политические деятели отказались вмешиваться в законы спроса и предложения. Все свои надежды они возлагали на дефляционную политику, которая, по их мнению, должна была принести облегчение: низкие цены и, прежде всего, низкая заработная плата, – заявляли они, – будут способствовать экспорту. Однако поскольку другие страны придерживались той же самой линии или девальвировали свои валюты, бельгийская экономическая политика не принесла сколь-либо существенных результатов³⁹.

В то же время дефляция привела к сокращению заработной платы, пенсий и пособий по безработице и вызвала в 1932 г. волну забастовок в Валлонии. Номинальная заработная плата шахтеров сократилась на 35 %. Активизировалась деятельность Коммунистической партии. Только после 1935 г. в результате перестановок в правительстве новое поколение политиков и экономистов пересмотрело предыдущую политику: государственное влияние в экономической сфере было усилено, проекты по созданию общественных работ возобновлены, а борьба с безработицей стала приоритетной. Когда в 1936 г. процесс восстановления экономики стал очевидным, по стране прокатилась волна социальных протестов: 2 июня 1936 г. в порту Антверпена началась всеобщая забастовка, которая быстро распространилась на другие промышленные сектора по всей Бельгии. Это привело к созыву Национальной конференции труда, которая явно основывалась на аналогичной инициативе французов,

³⁸ De Wever B. Catholicism and Fascism in Belgium. P. 346.

³⁹ Witte E., Craeybeckx J., Meynen A. Political History of Belgium: from 1830 Onwards. Brussels, 2009. P. 185.

известной как движение Народного фронта. Другие подобные конференции были проведены в 1939 и 1940 гг. У рабочих было ощущение, что наступают лучшие времена после кризиса. Поэтому они полагали, что имеют полное право требовать улучшения условий труда. В результате премьер-министр Бельгии П. ван Зеланд был вынужден организовать встречу делегации профсоюзов и работодателей. На ней были заключены договоренности, устанавливавшие минимальный размер заработной платы; работодатели обязались предоставлять рабочим обязательный оплачиваемый отпуск. Соглашения предусматривали также увеличение пособий по уходу за ребенком. Однако отстаиваемый профсоюзами принцип 40-часовой рабочей недели не был принят. Он был введен только для рабочих, занятых в тяжелой промышленности и некоторых других опасных для здоровья и жизни отраслях⁴⁰.

На политическую обстановку в Бельгии существенное влияние оказала внешнеполитическая активность фашистских государств – Италии и Германии. Известно, что в период между двумя мировыми войнами на территории Бельгии проживало 30 тыс. итальянцев. Они стали второй по численности после поляков иммигрантской диаспорой. Исследователи сходятся во мнении, что большинство проживавших в Бельгии итальянских мигрантов занимало антифашистские позиции и были сторонниками Итальянской социалистической партии. Тем не менее часть итальянцев, хотя и значительно меньшая, поддерживала фашизм и активно поощрялась дипломатическим корпусом Рима. Итало-эфиопская война 1935–1936 гг. способствовала существенной активизации их деятельности в Бельгии. Особенно большое число сторонников фашизма было среди итальянских католических миссионеров. Хотя на сегодняшний день нет ни одного серьезного доказательства того, что они были шпионами, стоявшими на балансе фашистского консульства, все же во время эфиопской войны итальянские миссионеры оказали Риму ценную поддержку. В том числе благодаря их усилиям было обеспечено сочувственное отношение к Италии в бельгийском обществе⁴¹.

Католические круги Бельгии благожелательно относились к установившемуся в 1934 г. в Австрии диктаторскому режиму

⁴⁰ Ibid. P. 185–186.

⁴¹ Morelli A. L'emprise du fascisme sur l'encadrement religieux des émigrés italiens en Belgique // Catholicism and Fascism in Europe 1918–1945. Hildesheim–Zürich–New York, 2015. P. 208, 218; *idem*. Les Italiens de Belgique face à la Guerre d'Espagne // Belgisch Tijdschrift voor Nieuwste Geschiedenis. 1987. Vol. 18. № 1–2. P. 187.

Э. Дольфуса, который называли «австрофашизмом»⁴². Начало гражданской войны в Испании привело к значительной поляризации общественных настроений в Бельгии. Однако только коммунисты, социалисты и небольшая группа либеральных интеллектуалов в ходе этого конфликта поддерживали законное республиканское правительство Испании. Большинство католиков и консерваторов, а также либералов Бельгии выступили с осуждением деятельности испанского Народного фронта, все больше переходя на позиции «яростного антикоммунизма». Лишь немногие поняли, что «гражданская война в Испании была предшественницей Второй мировой войны»⁴³.

В 1930-е гг. свою деятельность в Бельгии активизирует руководство нацистской Германии, что представляло для страны наибольшую опасность. Как уже отмечалось выше, согласно условиям Версальского мирного договора, к Бельгии были присоединены округа Эйпен, Мальмеди и Сент-Вит, где проживало около 64 тыс. немцев. Большинство жителей этих территорий испытывало чувства разочарования по поводу произошедшего. Даже среди бельгийского руководства было распространено мнение о невозможности ассимиляции местного населения. Деятельность созданных в Эйпене, Мальмеди и Сент-Вите немецких патриотических организаций, таких как «Отечественный союз» и «Сельскохозяйственный окружной союз», сыграла важную роль в поддержании культурных связей с Германией⁴⁴. В 1930-е гг., по утверждению бельгийского историка Б. Картхойзера, эти организации превратились в инкубаторы нацистской подрывной деятельности⁴⁵.

После прихода Гитлера к власти в немецкоязычных регионах Бельгии усиливается прогерманская агитация. Бельгийская

⁴² Wils L. Van de Belgische naar de Vlaamse natie: een geschiedenis van de Vlaamse beweging. Leuven, 2009. P. 274. Об «австрофашизме» подробнее см.: Величко О.И. Австрофашизм: между Муссолини и Гитлером // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 300–309.

⁴³ Witte E., Craeybeckx J., Meynen A. Op. cit. P. 187–188. Подробнее о влиянии гражданской войны в Испании на настроения в бельгийском обществе см.: Gotovitch J. La Belgique et la guerre civile espagnole: un état des questions // Belgisch Tijdschrift voor Nieuwste Geschiedenis. 1983. Vol. 14. № 3–4. P. 497–532; Aron P. La Guerre civile en Espagne et les écrivains belges francophones: étapes d'une réception littéraire // Revue belge de Philologie et d'Histoire. 1987. Vol. 65. № 3. P. 581–603.

⁴⁴ O'Connell V. "Left to Their Own Devices". Belgium's Ambiguous Assimilation of Eupen-Malmedy (1919–1940) // Revue belge d'histoire contemporaine / Belgisch tijdschrift voor nieuwste geschiedenis. 2013. Vol. 43. № 4. P. 12, 33.

⁴⁵ Подробнее см.: Kartheuser B. Les années 30 à Eupen-Malmedy: Regard sur le réseau de la subversion allemande. Neundorf, 2001.

жандармерия в приграничных областях неоднократно отмечала, что коренные немцы принимали активное участие в политических демонстрациях, сопровождавшихся исполнением нацистских песен, носили нацистскую униформу и знаки отличия. Водители и кондукторы трамваев, следовавших от Эйпена до Ахена, предпочитали головные уборы с изображением свастики. Нередки были и случаи, когда флаги со свастикой вывешивались на вагонах поездов. Железнодорожная линия от Ререна до Кальтерхерберга, пересекавшая территорию Германии на протяжении около 20 км, стала важной артерией, по которой немцы осуществляли свою антибельгийскую деятельность. Нацистские активисты терроризировали пассажиров, устраивали в вагонах обыски в поисках антигерманской прессы, заставляли людей отдавать нацистский салют по первому требованию⁴⁶.

Еще до установления фашистского режима в Германии в Бельгии в 1930 г. была создана нацистская организация «Патриотический фронт». Впоследствии гитлеровская «Центральная служба по делам этнических немцев» («Фольксдойче Миттельштелле») признала «Патриотический фронт» в качестве своего «официального представителя» в Бельгии. Организация стала получать финансовую поддержку из Германии⁴⁷.

Особенно активная деятельность немецких нацистов в Бельгии развернулась после известного Саарского плебисцита 1935 г., в ходе которого более 90 % пришедших жителей этой земли, находившейся по условиям Версальского договора под управлением Правительственной комиссии Лиги наций, высказались за присоединение к Германии. В этих условиях нацисты стали требовать проведение такого же плебисцита на территории немецких округов в Бельгии. На всеобщих выборах 1939 г. «Патриотический фронт» занял первое место, получив поддержку почти 46 % населения в немецких кантонах Бельгии. Этот показатель был ниже, чем результаты, достигнутые в других регионах с преобладанием немецких национальных меньшинств – Судетах, Данциге, Мемеле. Поэтому ряд исследователей полагают возможным утверждать, что большинство немецкого населения Бельгии ощущало разницу между «пронацистскими» и «прогерманскими» взглядами⁴⁸. Тем не менее представляется, что подобного рода результат был весьма

⁴⁶ O'Connell V. Op. cit. P. 36, 39.

⁴⁷ Lumans V.O. Himmler's Auxiliaries: the *Volksdeutsche Mittelstelle* and the German National Minorities of Europe, 1933–1945. Chapel Hill, 1993. P. 123.

⁴⁸ O'Connell V. Op. cit. P. 40–41.

существенным. Ни одна другая партия не получала столь весомой поддержки избирателей этих округов во время выборов. Сразу же после немецкого вторжения в мае 1940 г. территория Эйпена, Мальмеди и Сент-Вита была аннексирована «Третьим рейхом». На территории округов была введена воинская повинность, и многие жители стали служить в вермахте⁴⁹.

В 1930-е гг. значительный размах приобрела деятельность фламандских националистов. Происходило это несмотря на то, что в 1930 г. правительство Бельгии внесло значительные изменения в законодательные акты страны, которыми гарантировалось сохранение особенностей в регионе с преобладающим населением, говорящим на голландском языке. Радикальный фламандский национализм продолжал свой «антидемократический путь, все более ориентированный на фашизм»⁵⁰. Необходимо также отметить, что деятельность созданной нацистской Германией «Центральной службы по делам этнических немцев» в Бельгии выходила за пределы территории Эйпен–Мальмеди. В сфере ее влияния оказались не только фольксдойче. Через своего представителя в Дюссельдорфском гау (административно-территориальная единица) эта организация стала устанавливать связь и с фламандским населением Бельгии. В июле 1937 г. ее официальный представитель Г. Штир в беседе с сотрудником ведомства Риббентропа упоминал о некоторых нераскрытых действиях, которые он проводил среди фламандцев⁵¹.

В 1933 г. бывшим членом «Фронтальной партии» С. де Клерком была основана новая организация фашистского толка – «Фламандский национальный союз» (ФНС). Лидер этой партии отвергал идеи демократии и проповедовал принципы корпоративизма⁵². ФНС выступил в качестве новой унитарной партии, которая хотела объединить фрагментированный фламандский национализм и предложить ответ на угрозу, исходящую от «Фердинасо». Однако идеологическая основа партии была во многом идентична взгля-

⁴⁹ De Wever B. Militaire collaboratie in België tijdens de Tweede Wereldoorlog // Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden. 2003. Vol. 118. № 1. P. 26. О дискуссионных проблемах, касающихся службы жителей региона Эйпен-Мальмеди в вооруженных силах нацистской Германии см.: Brüll C. Les «enrôlés de force» dans la Wehrmacht – un symbole du passé mouvementé des belges germanophones au xxe siècle // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2011/1. № 241. P. 63–74.

⁵⁰ Мыр Б. Указ. соч. С. 343.

⁵¹ Lumans V.O. Op. cit. P. 123.

⁵² Мыр Б. Указ. соч. С. 345.

дам ван Северена и его последователей, хотя ФНС был «более умеренным, следовательно, гораздо более гибридным». Партия позиционировала себя в качестве парламентского движения. Однако это не меняет того факта, что ФНС, как и «Фердинасо», выступал с идеями установления антидемократического «нового порядка». Организация объявила себя бескомпромиссным последователем идей «великого голландизма»⁵³.

В ФНС можно выделить две фракции: радикальную, которая приняла фашизм и яростно пропагандировала необходимость воссоздания «Великих Нидерландов», и более умеренную, которая хотела заменить парламентский режим авторитарной формой правления. Члены умеренной фракции, в принципе, также были сторонниками «великого голландизма», но не хотели, чтобы эта идеология занимала центральное место в их политической программе. Однако влияние этого крыла в ФНС было достаточно слабым. Принципиальных демократов в ФНС не осталось. Они отпали из-за категорического несогласия с принципами новой партии⁵⁴. Руководящие посты в партийном руководстве заняли сторонники радикального национализма. Главным идеологом и пропагандистом ФНС стал страстный поклонник немецкого национал-социализма студент юридического факультета Гентского университета Г.Р. Толленер. Он убедил де Клерка в том, что ФНС должен сосредоточиться на выработке идеологии и методов деятельности по примеру нацистской Германии⁵⁵. Численность партии быстро росла. К 1935 г. в ее рядах насчитывалось уже 10 тыс. членов. На парламентских выборах 1936 г. она получила 13,6 % избирателей во Фландрии, удвоив парламентское представительство фламандских националистов⁵⁶.

Однако более динамичные формы фашизм принял в южной части Бельгии – во франкоязычных провинциях страны. Именно здесь в 1935 г. Л. Дегрель основал партию «Народный фронт», которую по аналогии с издательством Католического действия⁵⁷ «Rex» стали называть «Движением рексистов». Истоки образования этой партии

⁵³ De Wever B. Vlaams-nationalisme in de Gentse regio. P. 273.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Ibid. P. 275.

⁵⁶ Мур Б. Указ. соч. С. 345.

⁵⁷ Католическое действие – обобщающее название массовых католических организаций мирян, действующих под церковным руководством и имеющих своей целью продвижение католических идей и принципов в общество. В XX в. подобная деятельность получила наименование «апостольство мирян».

восходят к тому периоду, когда коалиционное правительство Бельгии (католики, либералы и социалисты) в условиях кризиса приняли решение о девальвации национальной валюты. Эта мера в широких кругах бельгийского общества была воспринята как попытка защитить интересы банков за счет простых граждан. Все это побудило «некоторые католические круги инициировать радикальную кампанию, направленную против демократии, неспособной, по их мнению, решать проблемы страны»⁵⁸. В католическом лагере Бельгии всегда существовало правое крыло, представители которого позитивно рассматривали практику установившегося в Португалии вскоре после переворота 1926 г. диктаторского режима фашистского типа А. Салазара⁵⁹. С особым воодушевлением они воспринимали утвердившуюся в этой стране систему корпоративизма, заимствованную Салазаром у фашистской Италии⁶⁰.

Путь «Движения рексистов» к фашизму был достаточно сложным. Своими корнями оно уходило в католический лагерь. Однако, встав на позиции «авторитарной радикализации», последователи Дегреля сделали «ставку на корпоративизм, отгородив себя тем самым от традиционных консерваторов»⁶¹. Первоначально идеология рексистов сочетала в себе идеи «Аксьон франсэз», социального клерикализма и корпоративизма. Видные деятели этой организации демонстрировали симпатии к португальскому и австрийскому диктаторским режимам и их практической деятельности. По аналогии с фашистскими партиями Великобритании и Франции рексисты не могли не учитывать существовавшие в стране «прочные традиции парламентаризма, поэтому они говорили не о ликвидации парламента, а только об ограничении его прерогатив». Одной из их главнейших установок организации, разумеется, был антикоммунизм⁶².

Первоначально в многочисленных публикациях рексистов гитлеровская Германия называлась страной «атеистического тоталита-

⁵⁸ Мур Б. Указ. соч. С. 345–346.

⁵⁹ О сущности диктаторского режима в Португалии подробнее см.: *Ивани М.* Кризис либеральной демократии в Португалии и «Новое государство» Салазара // *Берегиня.* 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 268–278; *Лофф М.* Бог, отечество, власть: католическая церковь и иберийские фашизировавшиеся режимы (1933–1945) // *Берегиня.* 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 204–214.

⁶⁰ *Пинту А.К.* Фашизм, корпоративизм и создание авторитарных институтов в диктаторских государствах Европы в межвоенный период // *Берегиня.* 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 73.

⁶¹ Там же.

⁶² *Рахмиров П.Ю.* Указ. соч. С. 360.

ризма». Однако уже тогда лидеры движения Л. Дегрель, журналист П. Дай и промышленник Ж. Вийнс говорили, что национал-социализм Гитлера и выстроенный после 1933 г. в Германии режим принесли немцам много выгод. Они рассматривали нацизм в качестве «оплота против большевистского Востока». Эти деятели приходили к выводу, что нацистская система, подобно латинскому фашизму, «станет последним средством, в частности для Бельгии и Франции, для устранения недостатков, приписываемых ими партийной системе и парламентской демократии». Окружение Дегреля презирало концепцию эгалитарного и плюралистического общества, заявляя, что государство должно управлять на основе строгой «элитарной и авторитарной иерархии» и наделяться «самыми широкими полномочиями»⁶³.

Опубликованная в феврале 1936 г. программа «Движения рексистов» носила откровенно демагогический характер. В ней содержалась резкая критика разразившихся в стране «политико-финансовых скандалов» и «диктатура суперкапитализма в Бельгии и Конго». Также формулировались многочисленные социальные требования: установление строгого контроля за банковской деятельностью, защита среднего класса и рабочих, уважение к труду, борьба с безработицей путем создания новых производственных отраслей, запрет на занятость замужних женщин, возвращение людей к земле. В программе прописывалось, что земля должна принадлежать крестьянам. Однако о способе достижения этого требования не говорилось, как, впрочем, и о том, предусматривалась ли экспроприация крупной недвижимости. Утверждалось в общем виде, без конкретизации, что «богатство должно быть децентрализовано, а массы – депролетаризированы»⁶⁴. В своих выступлениях рексисты, как и многие фашисты в других странах, всю свою критику сосредоточили «на “паразитическом” банковском капитале, восхваляя при этом “индустриальный капитал”, как носителя “трудового и экономического капитализма”»⁶⁵.

Многие историки полагают, что рексистское движение было партией одного человека – Л. Дегреля, выходца из состоятельной семьи, имевшего имидж «мастера обманов». Отмечается, что благодаря истерическим чертам своей натуры, которые обычно

⁶³ Gérard-Libois J. Rex 1936–1940: Flux, reflux, tensions et dislocations // *Courrier hebdomadaire du CRISP*. 1989/1. № 1226. P. 8.

⁶⁴ Carsten F.L. Op. cit. P. 214.

⁶⁵ Étienne J.-M. Le mouvement rexiste jusqu'en 1940: Préf. de Leo Moulin. Paris, 1968. P. 92. Цит. по: Рахимур П.Ю. Указ. соч. С. 360.

свойственны женщинам, он мог с легкостью воодушевлять большие группы людей⁶⁶. Впервые выступив на массовом митинге в мае 1935 г., Дегрель сразу «зарекомендовал себя как успешный политический оратор и, соответственно, демагог»⁶⁷.

На парламентских выборах 1936 г. рексистская партия добилась существенных успехов, составив серьезную конкуренцию Католической партии. Как уже упоминалось, она набрала почти 11,5 % голосов и получила в парламенте 21 депутатский мандат. Наибольшей поддержки партия добилась в сельских местностях Валлонии, где за нее голосовали свыше 25 % избирателей. В Брюсселе и его окрестностях, где жили и фламандцы, и валлоны, ее доля голосов колебалась между 15 и 20 %. В промышленных кантонах провинций Льеж и Эно «Движение рексистов» набрало 15,16 % голосов – средних по Валлонии. Во Фландрии рексисты заручились поддержкой 7,01 %⁶⁸.

Подобного рода внушительный результат не может быть объяснен исключительно харизмой лидера движения. Следует признать, что молодость, смелость и ораторский дар Дегреля оказались привлекательными для некоторых католиков, увидевших в этом лидере «своего пророка», с помощью которого смогут осуществить «революцию душ». Однако помимо правых католиков и традиционалистов за «Движение рексистов» отдали свои голоса многие бывшие сторонники либералов и социалистов, особенно в Брюсселе⁶⁹. В некоторых кантонах Люксембурга и Намюра партия Дегреля была близка к абсолютному большинству или получила относительное большинство голосов⁷⁰. Интересно, что предпочла «Движение рексистов» значительно большая часть мужского населения страны.

Воодушевленные подобного рода успехом рексисты 25 октября 1936 г. предприняли попытку организовать «поход на Брюссель». Дегрель заявил, что для его осуществления он заключил секретное соглашение с ФНС⁷¹. Однако вместо предполагавшихся 250 тыс.

⁶⁶ *Gérard-Libois J.* Op. cit. P. 9.

⁶⁷ *Мур Б.* Указ. соч. С. 346.

⁶⁸ *Випперман В.* Европейский фашизм в сравнении (1922–1982). Новосибирск, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://modernproblems.org.ru/attachments/article/132/Evropejskij%20fashizm%20v%20sravnenii%201922-1982%20gg.pdf> (дата обращения: 13.08.2019); *Gérard-Libois J.* Op. cit. P. 7; *Conway M.* The Extreme Right... P. 269–270, 272.

⁶⁹ *Gérard-Libois J.* Op. cit. P. 10.

⁷⁰ *Ibid.* P. 6.

⁷¹ *Мур Б.* Указ. соч. С. 346.

удалось собрать не более 4 тыс. человек. Дегрель был вынужден заявить, что никакого похода не планировалось, а «тактика путча и мятежей вообще чужда рексистам»⁷². Сотрудничество с фламандскими националистами было достигнуто только путем существенных уступок со стороны рексистов. Они были вынуждены согласиться с «поглощением партией ФНС рексистских организаций во Фландрии», что привело к отчуждению многих патриотически настроенных членов организации⁷³.

Инициированные Дегрелем в 1937 г. дополнительные выборы в парламент по избирательному округу в Брюсселе, которые, по его мнению, должны были усилить избирательный успех 1936 г., принесли противоположные результаты. Публичное заявление лидера рексистов о якобы имевшей место поддержке его кандидатуры католической церковью вызвали резкие публичные протесты священнослужителей. Ведущий католический прелат кардинал-архиепископ Йозеф Эрнест ван Руй в своем пасторском послании «решительно осудил рексистов, заявив, что они представляют “угрозу стране и церкви”»⁷⁴. Очевидно, бельгийский епископат, наблюдая за начавшимся церковным конфликтом в Германии, понял, что слишком тесное сотрудничество с фашистами не столь выгодно, как это казалось в первое время после заключения конкордата с фашистской Италией (1929 г.) и национал-социалистской Германией (1933 г.). В результате Дегрель проиграл выборы премьер-министру страны П. ван Зеланду, которого поддержала не только Католическая партия, но также социалисты, либералы и даже коммунисты. Ван Зеланд получил 75 % голосов, а Дегрель – всего 19 %⁷⁵.

После подобного провала «Движение рексистов» оказалось в политической изоляции, вновь попытавшись найти сторонников среди католических организаций. Однако немногие из них решились оказывать поддержку партии, члены которой исповедовали откровенно фашистские взгляды. В условиях маргинализации партия стала искать помощь извне, и она пришла из фашистской Италии и нацистской Германии. Хотя поддержка последней не была слишком явной, она оказалась достаточной, чтобы укрепить бельгийскую общественность во мнении, что рексисты – пронацистская организация. Это делало невозможным сотрудничество

⁷² Рахимир П.Ю. Указ. соч. С. 361.

⁷³ Мур Б. Указ. соч. С. 346.

⁷⁴ Там же; Conway M. The Extreme Right... P. 273.

⁷⁵ Випперман В. Указ. соч.; Conway M. The Extreme Right... P. 273.

последователей Дегреля с другими правыми организациям, такими как «Национальный легион»⁷⁶.

Политическое влияние рексистов продолжало неуклонно падать, что подтвердили коммунальные выборы 1938 г. и парламентские в 1939 г. На последних рексисты получили всего 4,4 % и 4 места в парламенте⁷⁷. В связи со столь мощным политическим поражением ряды партии продолжали сокращаться. Дегрель между тем занял открытую антисемитскую позицию, которая не находила особой поддержки в стране. К тому же лидер рексистов стал открыто прославлять Гитлера и безоговорочно одобрил немецкое нападение на Польшу, Данию и Норвегию⁷⁸.

По-другому складывалась судьба фламандских фашистов. В 1938 г. во многих избирательных округах ФНС выдвинул совместные списки с фламандским крылом Католической партии. В результате количество избирателей, проголосовавших за него во Фландрии, увеличилось до 15 %. Возросла и численность партии (более 25 тыс. членов), несмотря на то, что «радикальная позиция, антисемитизм и противодействие заключенному в 1936 г. франко-бельгийскому военному пакту придавали ФНС облик потенциальной нацистской пятой колонны»⁷⁹. Имеются данные, свидетельствующие, что лидер ФНС де Клерк был тайным платным агентом абвера⁸⁰.

Тем не менее, ни одна фашистская организация в Бельгии не смогла осуществить серьезного прорыва в борьбе за власть. Последние выборы, состоявшиеся накануне Второй мировой войны, свидетельствовали, что большинство бельгийских избирателей вновь вернулись к поддержке традиционных политических партий, отстаивавших принципы парламентаризма и демократии. Серьезные противоречия между лидерами ультраправых организаций делали невозможным создание единого массового блока, который мог бы дестабилизировать существовавшие в стране политические структуры⁸¹. Как справедливо отмечает один из известных исследователей бельгийского фашизма Б. де Вевер, «два “противника”

⁷⁶ Мур Б. Указ. соч. С. 346; *Di Muro G.F. Léon Degrelle et l'aventure rexiste. Bruxelles, 2005. P. 151–153.*

⁷⁷ *Di Muro G.F. Op. cit. P. 153; Conway M. The Extreme Right... P. 273.*

⁷⁸ *Dujardin V., Van den Wijngaert M. Op. cit. P. 45–60.*

⁷⁹ Мур Б. Указ. соч. С. 346.

⁸⁰ *Рахмимир П.Ю. Указ. соч. С. 360; Мур Б. Указ. соч. С. 346–347.*

⁸¹ Мур Б. Указ. соч. С. 347.

бельгийского правительства встали друг у друга на пути и частично нейтрализовали один другого»⁸².

Английский исследователь М. Конвей небезосновательно полагает, что к концу 1930-х гг. «Движение рексистов», ФНС, «Национальный легион», «Фердинасо» Ван Северена и А. Де Мана имели много общего с точки зрения их политического языка и их амбиций. Все они призывали к необходимости осуществления «революции сверху, которая восстановила бы чувство власти вместо неэффективного хаоса парламентской политики, а также заменила анархию либерального капитализма какой-либо формой корпоративистской или этатистской экономики». Тем не менее, союз между этими различными группами никогда не представлялся возможным⁸³.

Начавшаяся Вторая мировая война и нацистская оккупация не оправдали надежд лидеров бельгийских фашистов, которые опрометчиво полагали, что смогут достичь власти при помощи «немецких штыков». Руководство гитлеровской Германии и оккупационные власти рассматривали западноевропейские страны «как провинции великогерманского рейха». Попытки фашистских партий и организаций получить управление над страной, как правило, заканчивались провалом и «вели в конечном счете к их полному подчинению нацистскому рейху»⁸⁴.

Необходимо отметить, что в самом начале войны правительство Бельгии арестовало руководителей фашистской организации «Фердинасо» ван Северена и лидера рексистов Дегреля. В последующем оба были интернированы во Францию. Ван Северен был расстрелян. Его смерть привела к расколу «Фердинасо», а члены этой партии в насильственном порядке были вынуждены вступить в ФНС. «Национальный легион» Хорнарта был воспринят оккупационными властями как слишком патриотическая организация, и ее деятельность была запрещена уже в августе 1940 г. Хорнарт был арестован и погиб в немецком концентрационном лагере⁸⁵.

Однако ФНС и де Клерк встали на путь активного сотрудничества с оккупационными властями. Они оказались даже в «привилегированном положении». Сам Гитлер вполне недвусмысленно высказывался о том, что интересы фламандского населения

⁸² De Wever B. Belgium. P. 470; *idem*. Catholicism and Fascism in Belgium. P. 344.

⁸³ Conway M. The Extreme Right... P. 287.

⁸⁴ Лебедева Н.С. Указ. соч. С. 24; см. также: Дашичев В.И. Европа в завоевательных планах германского фашизма // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 227–228.

⁸⁵ Мур Б. Указ. соч. С. 348.

Бельгии должны главенствовать над интересами жителей Валлонии. Со страниц издаваемых ФНС газет еще громче, чем прежде, стали звучать нацистские и расистские заявления, усилилась их антисемитская направленность. Место «панголландизма» заняла идея «Великой германской империи»⁸⁶. Коллаборационизм ФНС был основан на идеологии традиционного антибельгийского фламандского национализма. Одной из движущих сил этого сотрудничества была идея уничтожения бельгийского и создания фламандского государства⁸⁷. Де Клерк заставил своих однопартийцев поддержать идею создания «Великой германской империи, независимой частью которой станет Фландрия»⁸⁸.

Еще 25 мая 1940 г., до капитуляции бельгийской армии, был создан легион СС «Вестленд», в который могли входить фламандские добровольцы для «Ваффен-СС». Рейхсфюрер СС Гиммлер рассматривал вербовку немецких «Ваффен-СС» в качестве составной части политики, которая должна привести к воссозданию «Великой германской империи». В июле 1941 г. при активной роли ФНС был образован «Легион СС Фландрия», в который помимо членов ФНС вошли многие радикалы из «Фердинасо» и ряда других мелких национал-социалистических группировок⁸⁹.

Такое развитие событий способствовало росту ФНС, в рядах которого к началу 1941 г. состояло около 50 тыс. человек. В 1943 г. эта партия контролировала половину муниципалитетов Фландрии, а ряд ее членов занимали видные должности в центральных правительственных учреждениях Бельгии. Немецкие оккупационные власти были заинтересованы в использовании ФНС для «достижения своих целей»⁹⁰. Однако Гитлер и другие руководители «Третьего рейха» не желали каким-либо образом решать важную для националистов Фландрии проблему, связанную с судьбой фламандского государства. С течением времени становилось все более очевидным, что Берлин будет создавать «Великую Германию» и не намерен всерьез заниматься проблемами фламандцев⁹¹.

В 1942 г. эсэсовское руководство даже создало организацию «Де Флах», которой отводилась роль политического конкурента ФНС. Новая группировка возникла на основе существовавшей

⁸⁶ Там же. С. 348–349.

⁸⁷ De Wever B. Militaire collaboratie in België... P. 25.

⁸⁸ De Wever B. Belgium. P. 483.

⁸⁹ De Wever B. Militaire collaboratie in België... P. 26–28; Мур Б. Указ. соч. С. 349.

⁹⁰ Мур Б. Указ. соч. С. 349.

⁹¹ De Wever B. Belgium. P. 486.

еще до нацистской оккупации немецко-фламандской культурной ассоциации, возглавляемой Й. Ван де Виле. Под влиянием Ван де Виле и некоторых немецких эсэсовцев, входивших в состав организации, «Де Флах» вошел в состав СС. Де Клерк и другие видные деятели ФНС небезосновательно увидели опасность в появлении нового движения и запретили своим активистам принимать в нем участие. Возникшая путаница в кругах фламандского националистического лагеря, а также смерть де Клерка в 1942 г. привели к падению влияния ФНС. По мере ухудшения военного положения Германии эта партия становилась все более изолированной⁹².

«Движение рексистов» также стало сотрудничать с немецкими оккупантами. Накануне германского вторжения его лидер заявил о необходимости вхождения Бельгии в состав «Третьего рейха». После падения Франции в июне 1940 г. Дегрель, который, как уже отмечалось выше, находился во французской тюрьме, а также другие члены его партии вышли на свободу. Вернувшись в Бельгию, он стал одним из ведущих идеологов не только бельгийского, но и европейского коллаборационизма. Сотрудничество с немцами Дегрель обосновывал необходимостью создания нового национал-социалистического порядка в Европе и борьбы против СССР и коммунистической идеологии.

Однако отношения между рексистами и оккупационными властями, как и в случае с ФНС, также не были безоблачными. Дегрель возлагал на немецкую администрацию большие надежды. Он стремился играть одну из главных ролей в правительстве короля Леопольда III, оставшегося в стране и подписавшего акт о капитуляции. Однако лидер рексистов не получил никакой поддержки от военного немецкого правительства, которое рассматривало его как «политического шарлатана», а возглавляемое им движение как «клерикально-фашистское». Гитлер 14 июля 1940 г. дал своим солдатам четкое указание о максимальной поддержке фламандцев при отказе в каких-либо привилегиях валонцам. Несмотря на низкопоклонство Дегреля перед Гитлером, в мае 1941 г. существовавшие рексистские организации во Фландрии обязали войти в состав ФНС⁹³.

⁹² Мур Б. Указ. соч. С. 349; De Wever B. Belgium. P. 486. Подробнее о создании и деятельности организации «Де Флах» см.: Seberechts F. Geschiedenis van de DeVlag: van cultuurbeweging tot politieke partij 1933–1945. Gent, 1991.

⁹³ Мур Б. Указ. соч. С. 349; De Wever B. Belgium. P. 482; *idem*. Militaire collaboratie in België... P. 30.

Ситуация изменилась после нападения гитлеровской армии на Советский Союз. Тогда Дегрель выступил с инициативой создать в составе вермахта добровольческий корпус «Валлония», в который вступили 860 человек. Дегрель сам вступил в этот корпус и решил сражаться на Восточном фронте в качестве рядового, хотя немцы предлагали ему звание лейтенанта после прохождения небольшой подготовки. Корпус был придан группе армий «Юг» и зимой 1941–1942 гг. принял участие в ряде крупных военных операций, в частности при форсировании немцами Днепра. Дегрель получил звание оберфельдфебеля и был награжден Железным крестом Второго класса. Позднее за участие в боевых операциях вермахта Дегрель получил несколько наград и произведен в лейтенанты⁹⁴.

Дегрель пользовался довольно большим авторитетом у руководства «Третьего рейха». Гитлер называл его единственным бельгийцем, которого надо поддерживать. В 1944 г. Дегрель отказался от своей прежней идеи вхождения Бельгии в состав «Третьего рейха» и предложил создать Великую Бургундию из Валлонии и северных французских областей⁹⁵. 1 июня 1943 г. валлонский добровольческий корпус был передан из вермахта в войска СС и стал официально называться штурмовой бригадой СС «Валлония». Дегрель получил звание оберштурмбанфюрера (старшего лейтенанта) и фактически стал заместителем командующего бригадой Л. Липпера. В ноябре 1943 г. бригада была переброслена под Днепропетровск и подчинена дивизии СС «Викинг». На этом участке фронта шли ожесточенные бои, в которых Дегрель проявил незаурядное мужество, за что получил бронзовый знак за ближний бой и новое офицерское звание капитана⁹⁶.

⁹⁴ De Bruyne E., Rikmenspoel M. Op. cit. P. 56–63.

⁹⁵ Ibid. P. 48.

⁹⁶ Часть бельгийцев, сражавшихся в рядах «Валлонии», попала в плен и находилась в советских лагерях военнопленных. Благодаря рассекречиванию в 1980-е гг. некоторых коллекций документов из российских федеральных архивов, автору статьи удалось ознакомиться с документами Российского государственного военного архива (РГВА). Здесь хранится картотека (учетные дела и учетные карточки) всех военнопленных бывших европейских армий, учетных бывшим ГУПВИ МВД СССР (Главным управлением по делам военнопленных и интернированных Министерства внутренних дел СССР) за 1941–1945 гг. Подробнее см.: Намазова А.С. Бельгийские документы в Особом архиве (Российском государственном военном архиве) // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 20–22 апреля 2016 г.). Воронеж, 2016. С. 275–283. Данные по военнопленным бельгийцам в СССР опубликованы в сборнике: Военнопленные в СССР. 1939–1945. М., 2000. С. 332.

Вступив в немецкую армию, Дегрель временно передал руководство «Движением рексистов» В. Маттиусу, деятельность которого привела к увеличению членства до 15 тыс. в 1942 г., в частности потому, что рексисты получили право на занятие административных должностей. Участие членов этой партии в сражениях на Восточном фронте и активная пропаганда «военных приключений самого Дегреля», повышали политический авторитет рексистов в глазах немецких правителей. Однако рексисты с трудом находили подходящих кандидатов на государственные должности. Главная причина заключалась в отсутствии у них, в отличие от ФНС, компетентных администраторов. Кроме того, на настроения в лагере рексистов негативно влияли развитие событий на фронтах, свидетельствующее о неизбежности поражения Германии, а также инициированный Дегрелем перевод легиона «Валлония» из вермахта в состав войск СС, с неодобрением воспринятый многими его последователями в Бельгии. С 1943 г. наблюдается массовый исход членов из рядов партии: к концу года в ее рядах числились всего 8 тыс. человек, из которых менее тысячи были членами «Боевых формирований»⁹⁷.

Всего во время Второй мировой войны около 42 тыс. бельгийцев служили в германских вооруженных силах. Оправдывая свой статус военнослужащих Ваффен – дивизий, то есть в основном вспомогательных соединений, они состояли в подразделениях охраны и полиции, которые оказывали помощь оккупационным силам в Бельгии, или в военных и военизированных формированиях, отправленных на Восточный фронт. Однако лингвистический раскол оказал влияние и на характер коллаборационизма в Бельгии. Политические ориентиры Гитлера в отношении этой страны, основанные на расовом различии между «германскими фламандцами» и «латинскими валлонами», сделали коллаборационизм общebelгийского масштаба невозможным. В стране существовал фламандский и валлонский коллаборационизм как самостоятельные явления⁹⁸.

Еще одним фактором, осложняющим сотрудничество между немцами и фашистскими группами в Бельгии, был католицизм. Хотя во время немецкой оккупации одним из подставных лиц «СС Фландрия» был священник, а лидером валлонского коллаборационистского движения – когда-то многообещающий молодой

⁹⁷ De Wever B. Belgium. P. 483; Мур Б. Указ. соч. С. 349.

⁹⁸ De Wever B. Militaire collaboratie in België... P. 37.

католический бельгийский политик, «фашизм и католицизм в межвоенный период оставались самостоятельными явлениями». Бельгийская церковная и католическая политические элиты избегали как сотрудничества с немцами, так и участия в сопротивлении, «предпочитая оставаться в серой зоне между ними». Только некоторые фламандские местные католические элиты были вовлечены в политику коллаборационизма, проводимую ФНС. Однако католическая ориентация ФНС фактически оказалась препятствием в его стремлении к власти, поскольку это дало партии отрицательный имидж в берлинском руководстве⁹⁹.

В результате наступления союзников, начавшегося в июне 1944 г., примерно 15 тыс. фламандских и 10 тыс. валлонских коллаборационистов бежали в Германию, а после освобождения Бельгии в сентябре 1944 г. их деятельность была запрещена¹⁰⁰. Многие бывшие рексисты, члены ФНС и «Де Флах» были заключены в тюрьмы или казнены за сотрудничество с немцами. Однако Дегрель нашел убежище во франкистской Испании. Он был осужден заочно и приговорен к смертной казни, однако неоднократные просьбы о его выдаче были отклонены испанским правительством. Умер Дегрель в Малаге в 1994 г.

После окончания Второй мировой войны бывший лидер рексистов написал несколько книг. На русский язык переведена его книга «Вторая мировая Война. Взгляд европейца»¹⁰¹. Пройдя путь от рядового до генерала, будучи 5 раз ранен, выйдя живым из 75 рукопашных схваток, Дегрель излагает свою позицию по поводу далеких событий войны. Думается, что причиной опубликования в России откровений эсэсовского генерала в немалой степени способствовала высокая оценка, данная им русскому народу: «Я сражался не с русскими, я сражался с коммунистической идеологией, которая отрицает дух, религию, традицию, национальные и расовые ценности. А русских я считаю единственным молодым народом Европы, у которого есть шанс к национальному возрождению»¹⁰².

Однако нет сомнений в том, что подобного рода заявления были результатом изменившейся международной политической конъюнктуры, характеризующейся дискредитацией идей исторического фашизма. Поэтому бывшие последователи этой идеологии были вынуждены отказаться от своих наиболее одиозных взглядов.

⁹⁹ De Wever B. Catholicism and Fascism in Belgium. P. 351.

¹⁰⁰ De Wever B. Belgium. P. 487; Муп Б. Указ. соч. С. 349.

¹⁰¹ Дегрель Л. Вторая мировая война. Взгляд европейца. М., 2013.

¹⁰² Там же. С. 47.

Как известно, в новой обстановке главные политические силы Запада смотрели «сквозь пальцы» на неофашистские организации, деятельность которых, по их мнению, приносила пользу в борьбе с коммунистическим движением¹⁰³. После Второй мировой войны Дегрель «стал одной из ведущих фигур неофашистского лагеря, олицетворяя связь между “традиционным” и новым фашизмом»¹⁰⁴.

С наступлением мира пособники нацистских оккупантов были осуждены специальными военными судами. «Движение рексистов» навсегда исчезло с политической сцены. Партия не смогла найти плодородной почвы в послевоенном бельгийском обществе. Для ФНС ситуация была несколько иной. Фламандский национализм вскоре снова стал достаточно влиятельным и сохранял преобладание с ФНС. Однако фламандская националистическая партия, которая была вновь создана в 1954 г., однозначно приняла принципы парламентской демократии. Тем не менее, последователи послевоенного фламандского национализма не отказались полностью от идей ФНС, чем можно объяснить возрождение правого фламандского национализма в 1980-е гг. На состоявшихся в мае 2019 г. парламентских выборах крайне правая, занимающая открыто ксенофобские позиции партия «Фламандский интерес» набрала 11,95 %, заняв второе место. Руководители этой партии признают демократические процедуры, поэтому, по мнению многих авторитетных ученых, ее нельзя классифицировать как неофашистскую организацию. В настоящий момент те элементы, которые заигрывали с новым фашистским порядком в 1919–1945 гг., не имеют явных сторонников в Бельгии¹⁰⁵.

¹⁰³ *Перейра Гонсалвис Л., Калдейра Нету О., Франку ди Андради Г.И.* Бразильские ультраправые в период восстановления демократии: ипостаси неонацизма в Бразилии и Латинской Америке // *Берегния*. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 258.

¹⁰⁴ *Рахмиров П.Ю.* Указ. соч. С. 380.

¹⁰⁵ *De Wever B.* Belgium. P. 487.

А.А. Комаров

КВИСЛИНГОВСКАЯ ПРОПАГАНДА И ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОЙ НОРВЕГИИ КРАСНОЙ АРМИЕЙ

Фашистская Германия напала на Норвегию 9 апреля 1940 г. Страна была захвачена и находилась до мая 1945 г. под немецкой оккупацией. Для управления оккупированной Норвегией был создан Рейхскомиссариат Норвегия, главой которого на протяжении пяти лет был военный и партийный деятель фашистской Германии Йозеф Тербовен. Таким образом, вся власть в государстве фактически принадлежала немецкой администрации в лице упомянутого Рейхскомиссариата. Марионеточным руководителем страны в годы оккупации стал норвежец Видкун Квислинг (1887 – 1945 гг.). Слово «квислинг» давно вошло в обиход, как синоним слова «предатель» и стало нарицательным для предателей и палачей своего народа.

Видкун Квислинг с 1933 по 1945 годы являлся лидером норвежской фашистской (национал-социалистической) партии «Национальное единение» (Nasjonal Samling). Кроме всего прочего он считал себя знатоком Советской России. Еще будучи офицером норвежского Генерального штаба в 1910-х годах, он занимался изучением военных вопросов России и свободно говорил по-русски. В 1918 г. он стал норвежским военным атташе в Петрограде. Позднее работал в России и на Украине, в том числе, в качестве сотрудника Международного комитета помощи голодающим, который возглавлял его всемирно известный соотечественник Фритьоф Нансен. За время своего пребывания в России Квислинг дважды женился сначала на одной, а затем на другой русской женщине.

2 февраля 1943 г. Квислинг подписал многостраничный документ под названием «Меморандум о русском вопросе» («Denkschrift über die russische Frage»)¹. Он предназначался для Гитлера. Меморандум был подписан именно в тот день, когда германские войска капитулировали под Сталинградом. Это, конечно, оказалось совпадением, так как идеи, заложенные в нем, не предполагали

¹ Государственный архив Норвегии (Riksarkivet) оцифровал документ «Denkschrift über die russische Frage» в 2010 г. См. URL: <https://media.digitalarkivet.no/view/33995/1> (дата обращения: 29.11.2019). В фундаментальной работе Ханса Фредрика Даля о Квислинге разбор «Denkschrift über die russische Frage» посвящена глава под названием «Die russische Frage» // *Dahl H.F. Vidkun Quisling: En fører for fall. Aschehoug. Oslo, 1992. S. 393–401.*

поражения Германии, а наоборот, ожидалось наступательное ведение войны на востоке. Автор меморандума полагал, что немцы продвинутся еще дальше на восток и создадут континентальную державу, которая, простираясь от Атлантического океана до Тихого, включит всю Азию. И на востоке она будет опираться на японскую морскую мощь.

Во вступительной части меморандума Квислинг писал: «Судьба мира решается в России. Русский вопрос является главным вопросом современной мировой политики». Далее в документе были представлены предложения о том, как Германии следует бороться с сопротивлением и навсегда завоевать оккупированные территории. Квислинг считал Россию страной, которую невозможно завоевать, не имея поддержки со стороны её народа. При этом он подчеркивал, что основные усилия нужно направить не на национальные меньшинства, — прибалтийские народы, белорусов, кавказцев и других, а на исконную Россию (*egentlige Russland*), являющуюся основной областью распространения коммунизма. Ставку следовало делать на рост русского национализма и препятствовать большевикам в противостоянии этому. По мнению Квислинга, Россию можно победить, только используя её внутренние противоречия.

Правительство Квислинга, воодушевленное нападением Германии на СССР 22 июня 1941 г., вознамерилось получить для Норвегии территории на востоке. Поскольку ожидалось, что Советский Союз будет быстро побежден, марионеточная норвежская администрация рассчитывала получить мандат на освоение, в первую очередь, Кольского полуострова, а впоследствии основать норвежские поселения в Белоруссии и на Украине. Для продвижения этих идей и перевода их в плоскость практических действий в правительственных структурах сначала была создана так называемая «русская контора», которая летом 1943 г. была преобразована в самостоятельную организацию «Аустрвег» (*Austrveg* — Восточный путь)².

Квислинг в своем «Меморандуме о русском вопросе», предназначенном для прочтения в Берлине, сказал лишь вскользь о норвежском интересе к Кольскому полуострову. По мнению известного норвежского биографа Квислинга Ханса Фредрика Даля то обстоятельство, что в документе было мало сказано о норвежских интересах на востоке «отнюдь не означало, что в «Национальном единении» (*Nasjonal Samling*) не существовало амбиций в этом

² Norsk krigsleksikon 1940–1945. Cappelen 1995. URL: <https://web.archive.org/web/20110821152216/http://mediabase1.uib.no/krigslex/a/a4.html> (дата обращения: 29.11.2019).

направлении. Напротив, и планы, и амбиции норвежского присутствия в России в это время были обширными»³.

Помимо марионеточного правительства Видкуна Квислинга существовало и легитимное норвежское правительство. Возглавляемое Юханом Нюгорсволлом⁴, оно покинуло страну вместе с королем Хоконом VII и кронпринцем Улафом 7 июня 1940 г. незадолго до того, как национальные войска капитулировали 10 июня 1940 г. Норвежское эмигрантское правительство обосновалось в Лондоне и поэтому называлось «лондонским правительством»⁵. Именно с ним Советский Союз во время войны поддерживал союзнические отношения.

Норвежское «лондонское правительство» рассчитывало, что в освобождении страны от немецко-фашистских войск примут участие их западные союзники. Еще 28 мая 1941 г. «лондонским правительством» был подписан норвежско-английский военный договор, провозглашавший своей целью восстановление свободы и независимости Норвегии. Он определял основные принципы создания и организации норвежских вооруженных сил на территории Великобритании. В соответствии с военным договором норвежские подразделения должны были включаться в британские силы и находиться под британским командованием. Таким образом, предполагалось, что Норвегия будет освобождена британскими силами совместно со скромными норвежскими частями, созданными в Соединенном королевстве.

С течением времени стало ясно, что западные союзники, сосредоточенные на подготовке вторжения через Ла-Манш, не проявляют должного внимания к настоятельным просьбам норвежского эмигрантского правительства о подготовке освобождения Норвегии и не смогут реализовать разрабатываемые ранее планы по высадке союзных войск на норвежской земле. Осознание данного обстоятельства повлекло за собой активизацию контактов с Советским Союзом, что произошло не в последнюю очередь под влиянием информации о подготавливаемых весной 1944 г. советско-финляндских переговорах о выходе Финляндии из войны. 8 марта 1944 г. по инициативе норвежской стороны состоялась известная встреча министра иностранных дел Норвегии Трюгве Ли с послом Советского

³ Dahl H.F. Quisling – en norsk tragedie. Oslo, 2012.

⁴ Социал-демократическое правительство Юхана Нюгорсволла находилось у власти с 19 марта 1935 г. до 25 июня 1945 г.

⁵ Riste O. «London-regjeringa»: Norge i krigsalliansen. 1940–1945. B. I. 1940–1942: Prøvetid. Det Norske Samlaget. Oslo, 1973; *Idem*. «London-regjeringa»: Norge i krigsalliansen. 1940–1945. B. II. 1942–1945: Vegen heim. Det Norske Samlaget. Oslo, 1979.

Союза при союзных правительствах в Лондоне Виктором Захаровичем Лебедевым. Норвежский политик в ходе беседы поднял вопрос о направлении норвежских военных подразделений в Советский Союз. Он заявил, что в случае выхода Финляндии из войны, норвежское правительство намерено просить согласия Советского руководства на создание на территории СССР норвежской воинской части. Людские контингенты, необходимые для оформления такой части, могли бы быть переброшены через финскую территорию из Швеции и даже из самой Норвегии. Норвежское правительство готово было оплачивать все расходы по формированию и содержанию такой воинской части.

Отвечая на встречные вопросы В.З. Лебедева, Ли сказал, что в Швеции норвежское правительство располагает примерно 17 тысячами норвежских граждан, которые хотят воевать против немцев, из них 9200 уже проходят обучение и тренировку с молчаливого одобрения шведских властей. Для прикрытия нахождения этих частей в нейтральной Швеции официально они назывались «полицейскими силами».

По уверениям Трюгве Ли, нейтральная Швеция не будет препятствовать переходу границы, а немцы не смогут помешать. Далее он подчеркнул, что норвежская воинская часть на территории СССР могла бы быть построена по тому же принципу, как аналогичные части в Англии. То есть предполагалось целиком укомплектовать ее норвежским рядовым и офицерским составом, но подчинялась бы она главному командованию Красной Армии. Снаряжение и вооружение норвежцы рассчитывали получить от Советского Союза, с полной оплатой норвежским правительством всех необходимых затрат. Последнее, естественно, желало бы, чтобы норвежская часть была послана на фронт против немцев на северных участках, более близких к их родной земле, но осознавало, что это целиком будет зависеть от военной обстановки и исключительно от решения советского командования. То есть имелось в виду, что советское командование могло бы послать норвежские части туда, куда оно сочтет нужным. В.З. Лебедев сообщил также в Москву, что по предположениям Трюгве Ли первоначально можно было бы перебросить около тысячи человек, — для формирования одного-двух батальонов. Немного позже это число могло бы возрасти до полка и больше⁶.

⁶ Заявление норвежского Министра Иностранных Дел Ли Советскому Послу в Лондоне тов. Лебедеву 8 марта 1944 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 012. (Секретариат Деканозова). Оп. 5. П. 63. Д. 149. Л. 1–2.

Через несколько дней после встречи Ли и Лебедева, а именно 14 марта 1944 г. последний вручил норвежскому министру иностранных дел ноту, поступившую из Москвы. В ней сообщалось следующее: «Советское правительство готово уважить просьбу Норвежского правительства и, в случае выхода Финляндии из войны, принять норвежских воинов для организации норвежской воинской части в количестве нескольких батальонов или даже дивизий, в целях борьбы против немцев на советско-германском фронте. Советское правительство примет все меры к обеспечению этих частей вооружением. Советское правительство готово также удовлетворить пожелание Норвежского правительства о том, чтобы норвежские воинские части были использованы на северном участке советско-германского фронта»⁷.

16 мая 1944 г. в Лондоне между Советским Союзом и Норвегией было заключено «Соглашение о гражданской администрации и юрисдикции на норвежской территории после её освобождения союзными экспедиционными силами»⁸. Еще до его подписания посол СССР в Великобритании Федор Тарасович Гусев вручил помощнику заместителя министра иностранных дел Великобритании О. Сардженту⁹ памятную записку, в которой сообщалось, что это Соглашение норвежская сторона предложила заключить «на случай, предусматривающий возможность участия советских войск в военных операциях на освобожденной территории Норвегии»¹⁰. Соглашение явилось юридической базой нахождения советских войск на норвежской территории.

Видкун Квислинг не преминул отреагировать на подготовку и заключение «Соглашения о гражданской администрации и юрисдикции на норвежской территории после её освобождения союзными экспедиционными силами». В справке советского посольства о реакции Квислинга написано следующее: в своем выступлении он «...запугивал не только норвежцев, но и все скандинавские стра-

⁷ Заявление норвежского Министра Иностранных Дел Ли Советскому Послу в Лондоне тов. Лебедеву 8 марта 1944 г. // АВП РФ. Ф. 012. (Секретариат Деканозова). Оп. 5. П. 63. Д. 149. Л. 3.

⁸ См. текст соглашения: Советско-норвежские отношения. 1917–1955: сб. док. / редкол.: Чубарьян А.О., Русте У., Комаров А.А., Лебедев И.В., Хольтсмарк С.Г., Коробочкин М.Л., Рогинский В.В., Эгге О.М. 1997. С. 344–347.

⁹ На английском языке должность Орме Сарджента (Orme Sargent) описывается следующим образом: «deputy Under-Secretary, taking charge of the Foreign Office when the Permanent Under-Secretary (Alexander Cadogan) was away».

¹⁰ Памятная записка, врученная тов. Ф.Т. Гусевым О. Сардженту 5 мая 1944 г. // АВП РФ. Ф. 012 (Секретариат Деканозова). Оп. 5. П. 63. Д. 148. Л. 1.

ны тем, что «Большевики идут в Норвегию не затем, чтобы принять участие в союзном военном параде. Они идут для того, чтобы захватить трамплин для Мировой революции». Далее он заявил: «Большевистское правительство по соглашению, заключенному с большевистским Норвежским правительством¹¹, сможет потом потребовать оккупации Норвегии для дальнейших его планов большевизации Севера»¹². Квислинг утверждал, что подписание договора сделает страну театром разорительной внутренней и внешней войны между союзниками и Германией, что Северная Норвегия, а также, вероятно, и Трёнделаг¹³ будут оккупированы большевиками, что остальная часть Норвегии, управляемая марксистским правительством Нюгорсволла в сотрудничестве с Красной Армией и Красными Комиссарами будет полностью подчинена коммунизму и в результате Норвегия будет включена в сферу влияния большевиков¹⁴.

В заключительной части справки сделаны следующие выводы: направляя свое острие против Советского Союза, квислинговская пропаганда преследовала следующие цели: доказать норвежскому народу, что немецкие войска, оккупировав Норвегию, «спасли её от союзной оккупации и большевизма»; убедить норвежский народ в том, что король Хокон потерял свои права на норвежский трон и таким путем скомпрометировать договоры, подписанные королевским правительством; запугать норвежский народ «ужасами большевизма» и империалистическими намерениями Советского Союза¹⁵.

7 октября 1944 г. началась Петсамо-Киркенесская операция (Десятый сталинский удар), в результате которой были разгромлены немецко-фашистские войска в Заполярье и освобождена Северная Норвегия (Восточный Финнмарк). В ходе боев соединения Красной Армии пересекли государственную границу Норвегии 18 октября. 26 октября «Правда» напечатала оперативную сводку Совинформбюро, в которой сообщалось, что «войска Карельского

¹¹ Легитимное норвежское правительство в изгнании («лондонское правительство»), премьер-министром которого был Юхан Нюгорсволл, Квислинг называл марксистским и большевистским правительством.

¹² Квислинговская пропаганда о договоре норвежского правительства с СССР, Великобританией и США об администрации в Норвегии после её освобождения // АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 26. П. 126. Д. 9. Л. 70.

¹³ Трёнделаг (Trøndelag) – историческая область Норвегии. Находится в северной части Южной Норвегии.

¹⁴ Квислинговская пропаганда о договоре норвежского правительства с СССР... // АВПРФ. Ф. 0116. Оп. 26. П. 126. Д. 9. Л. 70.

¹⁵ Там же. Л. 72.

фронта, преследуя немецкие войска, пересекли государственную границу Норвегии и в трудных условиях Заполярья 25 октября овладели важным портом в Баренцевом море – городом Киркенес...»¹⁶. В тот же день король Хокон VII выступил в Лондоне по радио с обращением к норвежскому народу по случаю освобождения Северной Норвегии, в котором, в частности сказал: «Мы имеем уже многочисленные доказательства дружественного и сочувственного отношения Правительства и народа Советского Союза к нашей стране, и мы с восхищением следим за победоносной, героической борьбой советского народа против нашего общего врага»¹⁷.

Норвежский военный отряд¹⁸, возглавляемый полковником Арне Дагфином Далем, прибыл в Мурманск 6 ноября 1944 г. на британском крейсере «Бервик» (Berwick), входившем в состав арктического конвоя JW-61A. Он насчитывал в общей сложности немногим более 200 человек¹⁹. Вечером 10 ноября норвежские военные из Мурманска были доставлены в Киркенес. Ниже цитируется письмо помощника начальника Генерального Штаба Красной Армии генерал-майора Николая Васильевича Славина на имя заместителя народного комиссара иностранных дел Владимира Георгиевича Деканозова: «Сообщаю для Вашего сведения, что Норвежская Военная Миссия, военно-морская секция и отряд в составе 14 офицеров и 220 рядовых 10 ноября прибыли в Киркенес и размещены: Отряд – в Санднес, Миссия – в Бьернерванд²⁰ и морская секция – в Киркенес»²¹.

¹⁶ Правда. 1944. 26 окт. С. 1.

¹⁷ Обращение норвежского короля к народу Норвегии // Правда. 1944. 29 окт. С. 3.

¹⁸ Уинстон Черчилль 31 октября 1944 года написал в «личном и секретном послании» маршалу Сталину об этом отряде следующее: «Мне сообщают, что Норвежский Посол в Москве и г-н Молотов договорились о численности символического норвежского военного отряда, который должен быть послан из Англии, в 120 человек и что позднее, в результате изучения этой цифры норвежскими военными властями в Англии, она была увеличена до 230. Это отряд уже отплыл» // АВПРФ. Ф. 012 (Секретариат В.Г. Деканозова). Оп. 5. П. 63. Д. 151. Л. 8.

¹⁹ Предварительные оценки числа могущих прибыть норвежских военных, имеющиеся в ряде документов НКВД, оказались завышенными. Например, судя по записке заведующего Пятым европейским отделом НКВД СССР М.С. Ветрова от 18 октября 1944 г. советское правительство было готово принять 30 000 норвежцев для формирования за счет норвежского правительства норвежской воинской части на территории СССР. См.: Советско-норвежские отношения. 1917–1955. Сборник документов. М., 1997. С. 353.

²⁰ Так в тексте. Имеется в виду Бьерневатн (Bjørnevatten).

²¹ Письмо Н.В. Славина В.Г. Деканозову. 21 ноября 1944 г. // АВП РФ. Ф. 0116 (Референтура по Норвегии). Оп. 26. П. 126. Д. 10. Л. 85.

Таким образом, норвежский военный отряд прибыл в Киркенес уже после его освобождения Красной Армией. Предположениям, что советским и норвежским войскам предстоит принять участие в совместных операциях против немецких захватчиков, не суждено было оправдаться. В начале следующего 1945 г. немногочисленный норвежский контингент, прибывший из Шотландии, был усилен «полицейскими силами» Норвегии, которые были доставлены из Швеции.

Опасения «лондонского правительства», что советские войска, придя на норвежскую землю, останутся там надолго, оказались напрасными. Не сбылись и беспочвенные пропагандистские инсинуации Квислинга. 11 сентября 1945 г. заместитель народного комиссара иностранных дел Советского Союза А.Я. Вышинский пригласил к себе поверенного в делах Норвегии в СССР Эрнеста Круг-Хансена. Андрей Януарьевич сообщил норвежскому дипломату о приказе правительства СССР Генеральному штабу вывести Красную Армию с норвежской территории²². В конце сентября 1945 года после 10-ти месячного пребывания все советские части были выведены из Северной Норвегии. 17 октября премьер-министр Эйнар Герхардсен направил на имя И.В. Сталина благодарственную телеграмму, в которой высказал «самые теплые поздравления Норвежского Правительства и его благодарность за неоценимое содействие Красной Армии в освобождении Норвегии от немецкого ига»²³.

²² Из дневника А.Я. Вышинского. 13 сентября 1945 года. Прием поверенного в делах Норвегии Круг-Хансена. 11 сентября 1945 года // АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 27. П. 127. Д. 6. Л. 12.

²³ Телеграмма Э. Герхардсена И.В. Сталину в связи с выводом советских войск из Норвегии // Советско-норвежские отношения 1917–1955. Сборник документов. М. 1997. С. 393.

В.И. Дуров

РАЗНОВИДНОСТИ ФАШИЗМА НА БРИТАНСКИХ ОСТРОВАХ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ПОПЫТКА КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Период между двумя мировыми войнами немецкий историк и философ Эрнст Нольте назвал «эпохой фашизма»¹, подчеркивая значение этого феномена в мировой политической практике тех лет. Фашизм стал модным движением. Сначала он нашел своих последователей на всем европейском континенте, а потом вышел и за его пределы. Как «легитимное политическое движение»² фашизм в 20–30-е гг. XX в. позиционировал себя в качестве некой «революционной силы», идущей на смену «старому порядку».

Идеи фашизма его адепты пытались реализовать в одном из самых консервативных уголках Земли – на Британских островах. Фашизм там был представлен разными движениями и организациями, но лишь двум из них – чернорубашечникам Освальда Мосли в Англии и синерубашечникам Оуэна О’Даффи в Ирландии – удалось превратиться (пусть и на короткий срок) из небольших маргинальных течений в массовые движения. Их общая численность на пике влияния превышала 50 тыс. человек (в отношении синерубашечников оценки исследователей колеблются от 40 до 60 тыс.)³.

Феномен фашизма в Англии и Ирландии в последние десятилетия привлекает внимание исследователей. Парадоксально, но руководимый О. Мосли Британский союз фашистов – БСФ (the British Union of Fascists) чаще становился предметом изучения, чем, скажем, либеральная партия, имевшая в межвоенный период большую электоральную поддержку. Аналогичная ситуация сложилась и в отношении синерубашечников О. О’Даффи и ирландских консерваторов⁴.

¹ Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001.

² Освальд Мосли. Фашизм: 100 вопросов и ответов / перевод и подготовка к изданию А.П. Большакова // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5. С. 146. (Перевод был опубликован в 2008 г. в Вестнике Челябинского государственного университета серией статей в № 5, № 15, № 18 и № 24).

³ Наумов А.О. Фашистский интернационал. Покорение Европы. М., 2005. С. 16, 18; McGarry F. Eoin O’Duffy. A Self-Made Hero. Oxford, 2005. P. 216; Cronin M. The Blueshirt Movement, 1932–5: Ireland’s Fascists? // Journal of Contemporary History. 1995. Vol. 30. No 2. P. 311.

⁴ Newsinger J. Blackshirts, Blueshirts and the Spanish Civil War // The Historical Journal. 2001. Vol. 44. № 3. P. 828.

В Англии в межвоенный период существовали такие фашистские организации, как Британские фашисты (British Fascisti) во главе с Ротой Линторн-Орман (1923–1934), Имперская фашистская лига (the Imperial Fascist League) под руководством Арнольда Лиза (1928–1940), БСФ О. Мосли и др.⁵ Близкими фашизму движениями на Изумрудном острове были Ирландский христианский фронт (Irish Christian Front), Ирландские друзья Германии (Irish Friends of Germany), Национальная гвардия (National Guard) О. Даффи и некоторые другие.

Сравнительный анализ всего спектра фашистских организаций не представляется возможным в ограниченных рамках статьи, поэтому остановимся на двух массовых движениях – БСФ и Национальной гвардии (а также ее приемниках). Поскольку они не раз становились предметом самостоятельного исследования, постараемся «укрупнить» картину: в первую очередь показать общими мазками характерные схожие и отличные черты интересующих нас политических сил Ирландского Свободного Государства (ИСГ) и Британской империи. Тем более, что остальные движения были малочисленными и не представляли реальной политической силы.

Большое значение в формировании движений имеет роль лидеров, их биография, жизненный путь, политические и идеологические ориентиры.

Освальд Мосли (1896–1980), аристократ по происхождению и миллионер, неоднократно менял свою партийно-политическую ориентацию: из лагеря консерваторов (в 1918 г. стал самым молодым депутатом в палате общин) он перешел к лейбористам (был министром без портфеля во втором правительстве Р. Макдональда) и затем к фашистам. Немаловажным фактором в его политической карьере стало родство с высшей аристократией: первая жена была дочерью лорда Керзона, а вторая – дочерью лорда Ридсдейла⁶.

В историографии отмечается, что на эволюцию взглядов Мосли могли повлиять кризис в стране, Первая мировая война и особенности государственного управления в условиях войны на истощение. Концентрация власти в кабинете Дэвида Ллойд Джорджа

⁵ Подробнее см.: *Thurlow R. Fascism in Britain: A History 1918–1945*. London; New York, 1998.

⁶ Подробнее см.: *Жигалов И.И.* Фашизм в Англии между мировыми войнами: генезис, характер, специфика // Вопросы истории. 1984. № 12. С. 35; *Прокопов А.Ю.* Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеологи и политика (1932–1940 гг.). СПб., 2001. С. 34–35, 51, 190–191, 360–361; *Трухановский В.Г.* Новейшая история Англии. М., 1958. С. 185.

с целью мобилизации сил всего общества в годы войны якобы раскрыла глаза Мосли на «отжившие» парламентаризм и либерализм и необходимость построения государства на «новых основах»⁷. Видимо, этот вывод подкреплялся тенденцией роста диктаторских режимов в мире. В 1932 г. Мосли сумел объединить некоторые организации и создать БСФ, на первых этапах самостоятельно финансируя организацию, а затем стал получать средства и из других источников, в том числе от крупного бизнеса. Среди спонсоров были нефтяной магнат Г. Детердинг, глава химического концерна Л. Монд, газетный магнат лорд Ротермир, автомобильный монополист лорд Р. Наффилд и др.⁸ В условиях Великой депрессии и, как казалось, кризиса старой парламентской системы, фашизм рассматривался им как форма будущей политической системы. На смену парламентаризму шел корпоративизм. Фашисты говорили о приходе к власти легальным путем. В понимании Мосли, воля народа была важнее, чем права меньшинства. Он не разделял фашизм и национал-социализм, усматривая в них лишь варианты (синонимы) названия. Большое внимание Мосли уделял расовой политике, являлся противником иммиграции иностранцев в страну («всё в Англии будет для англичан»). Основную угрозу новому порядку видел в коммунизме, с которым призывал бороться⁹.

Генерал Оуэн О'Даффи (1892–1944) прошел типичный для ирландца путь в политику: участник Ирландского (Пасхального) восстания 1916 г. против британских колонизаторов и член военизированного движения Ирландских волонтеров, участник англо-ирландской войны 1919–1921 гг. (причем на руководящих должностях). В созданном в декабре 1922 г. Ирландском Свободном Государстве (ИСГ) был начальником полиции. О'Даффи активно участвовал в общественной жизни, что сделало его узнаваемым в народе. Он преувеличивал угрозу коммунизма и сочувствовал Ассоциации армейских товарищей (the Army Comrades Association). После увольнения из полиции генерал возглавил эту организацию

⁷ *Stevenson J. Conservatism and the Failure of Fascism in Interwar Britain // Fascists and Conservatives: the Radical Right and the Establishment in Twentieth-Century Europe / ed. by M. Blinkhorn. London, 1990. P. 268; Прокопов А.Ю. Фашисты Британии. С. 98, 105.*

⁸ *Жигалов И.И. Указ. соч. С. 39; Мэллалли Ф. Фашизм в Англии. М., 1947. С. 83–84; Рахмиров П.Ю. Фашизм во Франции, Англии и малых странах Западной Европы // История фашизма в Западной Европе / под ред. Г.С. Филатова. М., 1978. С. 347; Hodgson K. Fighting Fascism: The British Left and the Rise of Fascism, 1919–1939. Manchester, New York, 2010. P. 129–130.*

⁹ *Освальд Мосли. Фашизм. № 5. С. 149–159; Там же. № 24. С. 179, 181.*

и реформировал ее, позднее переименовал в Национальную гвардию (отметим, что после запрета организации в сентябре 1933 г. ее название несколько раз менялось: сначала Ассоциация Молодой Ирландии (Young Ireland Association), а затем – Лига молодежи (League of Youth)). Была введена униформа. Деятельность генерала и его политические взгляды не остались без внимания лидеров консервативной партии Куман на Гэл (Cumann na nGaedheal). Объединение движения синерубашечников и консерваторов и создание в результате партии Фина Гэл (Fine Gael) во главе с О’Даффи преследовали, помимо прочего, и вполне конкретную цель – увеличить ряды электората. Особенно рассчитывали на это консерваторы, надеявшиеся таким образом вернуться к власти.

Синерубашечники не заявляли о себе как о фашистском движении. Сам генерал официально отказывался от подобного наименования. Но практическая деятельность и идеология движения (корпоративизм, ксенофобия, антипарламентаризм, антикоммунизм, дифирамбы в отношении Муссолини и др.) говорили за себя сами. Однако генерал не оправдал надежд консерваторов. Более того, своей профашистской ориентацией он создавал опасные перспективы для партии. В конце концов, он покинул пост лидера партии, а Лига молодежи раскололась. После раскола О’Даффи основал в 1935 г. Национальную корпоративную партию – НКП (National Corporate Party).

Общим для О’Даффи и Мосли являлась присущая им мания величия. С легкой руки публицистов за ними закрепились эпитеты «ирландский дуче» и «английский Гитлер». В отличие от своего ирландского коллеги, Мосли был не только практиком, но и теоретиком фашистского движения в Англии. К началу Второй мировой войны он – автор уже шести работ, четыре из которых являлись программными. Его перу принадлежат книги «К величию Британии»¹⁰ (1932 г.) и «Фашизм: 100 вопросов и ответов» (1936). Свой вклад он внес также в периодические издания «Фашистский ежеквартальник» (Fascist Quaterly), «Чернорубашечник» (Blackshirt) и др. По этим работам можно проследить постепенный переход Мосли от итальянского фашизма к германскому национал-социализму. Особенно отчетливо этот переход отразился в брошюре «Мы живем завтра»¹¹, опубликованной в 1938 г.¹²

¹⁰ Mosley O. The Greater Britain. London, 1932.

¹¹ Mosley O. Tomorrow We Live. London, 1938.

¹² Освальд Мосли. Фашизм. № 5. С. 146.

Харизматичность лидеров и стремление к установлению единоличного управления привело к формированию культа вождя, что особенно характерно для Мосли. Он самостоятельно вносил изменения в структуру организации и поправки в устав, принимал новых членов организации, увольнял без объяснения причин¹³. Что касается О'Даффи, то пока он был лидером консервативной партии Фина Гэл, его самостоятельность была несколько ограничена, что в итоге и привело к расколу организации синерубашечников. О'Даффи возглавил как полновластный хозяин новое движение зеленорубашечников, но оно уже не имело массовой опоры.

Образцом для обоих лидеров являлся итальянский фашизм, а идейным вдохновителем – Бенито Муссолини. О'Даффи сохранял ориентацию на итальянский корпоративизм вплоть до начала Второй мировой войны. Правда, в качестве эмблемы организации он, обратившись к древней истории Ирландии, выбрал Х-образный красный крест Св. Патрика¹⁴, но это вполне соответствовало фашистским традициям, опиравшимся на древнюю историю народа. Иначе обстояло дело в БСФ, который примерно в 1935–1936 гг. под влиянием социальных и экономических достижений Германии перешел в лагерь национал-социализма. В немалой степени этому способствовало личное знакомство Мосли с Адольфом Гитлером весной 1935 г.¹⁵ Подобная переориентация нашла отражение в изменении символики и названия организации. Первоначальный древнеримский символ фации был заменен в конце 1935 г. молнией в круге¹⁶, схожей с руническими символами нацистов. В 1936 г. организация была переименована в Британский союз фашистов и национал-социалистов (the British Union of Fascists and National Socialists)¹⁷. Накануне Второй мировой войны Союз проводил активную кампанию за урегулирование отношений с Германией, в частности был организован специальный марш против войны с Гитлером¹⁸. Кампания способствовала росту движения: к 1939 г. численность Союза достигла 22500 членов¹⁹. Однако с началом Второй мировой войны его ряды значительно поредели: в 1940 г. –

¹³ Прокопов А.Ю. Фашисты Британии. С. 115–116.

¹⁴ Manning M. The Blueshirts. Toronto, 1971. P. 55, 57; McGarry F. Op. cit. P. 249.

¹⁵ Наумов А.О. Фашистский интернационал. С. 363.

¹⁶ Прокопов А.Ю. Фашисты Британии. С. 273

¹⁷ Жигалов И.И. Указ. соч. С. 38.

¹⁸ Stevenson J. Op. cit. P. 275.

¹⁹ Вудбридж С. Расовый фашизм в Британии // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 157.

9 тыс. членов. Некоторое время Мосли продолжал агитировать за мир с Гитлером, чем укрепил мнение властей о БСФ как «пятой колонне». В итоге, с июля 1940 г. БСФ оказался под запретом, а 747 активистов были интернированы²⁰.

В идеологическом отношении «синие рубашки» стояли на позициях жесткого антикоммунизма, хотя реальной сильной коммунистической организации в Ирландии не было. Коммунистическая партия Великобритании (КПВ) была крупнее, но не располагала широкой общественной поддержкой. Ее лучший за всю историю существования партии результат на выборах 1945 г. принес лишь два парламентских мандата. Таким образом, «красная угроза» – навязчивая идея как фашистов, так и других сил ее разделявших, не имела под собой основания, но занимала важное место в политической жизни 20–30-х гг. XX в.²¹

Особое место принадлежит корпоративизму, который, по мысли идеологов, должен был устранить «порочный» парламентаризм с повсеместно дискредитировавшей себя демократией. В основу вновь был положен опыт Италии. Однако британские фашисты заявляли, что их видение корпоративного государства «даже более совершенное, нежели в Италии»²². Парламент уступал место Национальному совету корпораций, формируемому из числа представителей отдельных сфер и отраслей экономики (угольной, сельскохозяйственной, образования и т.д.). Например, в БСФ действовали 25 корпораций, разделенных на четыре группы: сырьевые товары, промышленные, распределительные и административные²³ (даже домохозяйки составляли отдельную корпорацию!). Утверждалось, что подобная организация избавляла общество от классовых конфликтов посредством разрешения спорных вопросов внутри корпорации по вертикали – между работодателем и работником, и по горизонтали – между производителями²⁴. Влияние корпораций на законотворчество предполагалось ограничить совещательными функциями, подразумевая при этом их техническую помощь по отдельным вопросам. Корпоративизм обеспечивал легитимность

²⁰ Thurlow R. State Management of the British Union of Fascists in the 1930s // The Failure of British Fascism: the Far Right and the Fight for Political Recognition / ed. by M. Cronin. London, 1996. P. 50–51.

²¹ См.: Остапенко Г.С., Прокопов А.Ю. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века. М., 2012. С. 106, 210.

²² Cullen S. The Development of the Ideas and Policy of the British Union of Fascists, 1932–40 // Journal of Contemporary History. 1987. Vol. 22. № 1. P. 120.

²³ Thomson A.R. The Coming Corporate State. London, 1935. P. 1, 4–5.

²⁴ Освальд Мосли. Фашизм. № 15. С. 186–189.

ограниченного представительства, фактически не имевшего доступа к процессу принятия политических решений. При этом создавались условия для контроля и защиты интересов элит. Все обсуждения проходили за закрытыми дверями, что исключало влияние общественного мнения²⁵. Построение политической системы на принципах корпоративизма оба движения считали возможным после победы на выборах. Принцип корпоративизма был включен в программу партии Фина Гэл. Более того, частично корпоративистская идеология нашла отражение в ирландской конституции 1937 г.²⁶, что, по-видимому, могло ослабить позиции Фина Гэл, дублировавшую эту идею.

Военизированный характер и большой удельный вес молодежи объединяют как ирландский, так и британский фашизм с европейскими движениями. Их лозунги – «Ирландия, мы служим тебе!», «Британия превыше всего!» – тоже соответствовали общефашистскому тренду.

Социальный состав указанных движений был во многом схожим. Преобладали выходцы из среднего класса, бывшие армейские и флотские офицеры, полицейские, фермеры, рабочие и молодежь. Среди членов БСФ встречались представители интеллигенции, хотя, небольшая ее часть. Кроме этого, сочувствие к власти «твердой руки» на итальянский и германский манер проявляли некоторые деятели английской интеллектуальной элиты, не разделяя, правда, при этом методов политической борьбы БСФ²⁷.

Относительно широким было представительство женщин в движениях. В случае БСФ это может быть объяснено последствиями Первой мировой войны, выведшей суфражизм в патриотическое русло и актом 1918 г. наделившим женщин с 30 лет активным избирательным правом²⁸. Программные документы выдерживались в ключе равноправия женщин и мужчин. Женщины играли активную роль в движении и даже выдвигали своих кандидатов на муниципальных выборах²⁹. В Национальной гвардии около четверти

²⁵ Подробнее о корпоративизме см.: *Пинту А.К.* Фашизм, корпоративизм и создание авторитарных институтов в диктаторских государствах Европы в межвоенный период // *Берегиня*. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 70–90.

²⁶ Там же. С. 73.

²⁷ *Рудая О.И.* Британская интеллигенция и фашизм в 20-30-е гг. XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 20–21. Основная масса интеллигенции занимала антифашистскую позицию. С середины 1930-х гг. среди сочувствующих БСФ также наметится раскол со снижением доли интеллектуалов в их среде (Там же. С. 18, 20).

²⁸ *Stevenson J.* Op. cit. P. 264.

²⁹ *Newsinger J.* Op. cit. P. 836.

членов составляли женщины. Но после раскола среди сторонников О'Даффи их представительство упало в три раза, возможно, из-за женоненавистничества генерала³⁰.

Британский лидер уделял молодежи особое внимание. С этой целью «Blackshirt» и другие печатные издания вели активную пропагандистскую работу, убеждая читателей, что только БСФ защищает интересы молодежи. С возникновением Союза в 1932 г. в стране сразу же начали формироваться молодежные секции. В них принимали молодых людей в возрасте от 14 до 18 лет³¹.

В отличие от БСФ, О'Даффи отрицал политизацию молодежных секций своей организации. Здесь, по утверждению генерала, молодые люди 10–17 лет знакомились с дисциплиной, учились ловкости, физической выносливости и психологической устойчивости. Работа проводилась не только с мальчиками: действовала также одна секция для девочек³².

Молодежи придавалось такое значение не случайно. Оба движения позиционировали себя как своего рода кадровый резерв, который будет использован после прихода к власти и пополнит новую элиту. Именно поэтому так подчеркивался «молодежный и современный» характер движений.

Указанным фашистским организациям присущ ярко выраженный милитаристский характер. Следует отметить, что БСФ обладал более завершенными формами полувойска организации. Кроме униформы, обучения строевым приемам, маршей, пения строевых песен и гимнов, сравнительно широкого представительства бывших военных в организации, БСФ делился на районы, отделения. В свою очередь, в них рядовые члены сводились в звенья, взводы и роты. И, главное, требовалось беспрекословное подчинение вышестоящему руководителю, обладавшему правом исключить провинившегося из партии³³.

Уличные массовые шествия, марши имели большое значение в фашистских организациях. Они рассматривались как эффективная форма пропаганды, а устав БСФ предписывал в обязательном порядке проводить марши там же, где и митинги³⁴.

³⁰ White M. *The Greenshirts: Fascism in the Irish Free State, 1935–1945*. PhD dissertation. London, 2004. P. 76–79, 82–83.

³¹ Прокопов А.Ю. Фашисты Британии. С. 132–134.

³² McGarry F. *Op. cit.* P. 215, 250.

³³ Прокопов А.Ю. Фашисты Британии. С. 116, 118–119.

³⁴ Там же. С. 165.

И в Англии, и в Ирландии массовые фашистские движения оказались в оппозиции власти. В исследованиях отмечается, что часто фашисты ставили себе в заслугу защиту свободы слова³⁵. Такие утверждения не являются типичными для фашистов. Однако не вызывает сомнения, что в случае их прихода к власти ни о какой толерантности к оппозиции речи бы не шло.

Отличительной особенностью фашистских движений являлось насилие в отношении политических оппонентов. Так, для синерубашечников были характерны стычки с республиканцами и иногда рабочими. Другой формой были аграрные беспорядки (сопротивление фермеров сбору ренты государству в ходе экономической войны с Англией). С целью наведения порядка в феврале 1934 г. в Ирландии было запрещено ношение формы, эмблем и нашивков, использование военных званий в политических партиях, массовые парады. Это дало результат. Вскоре в движении произошел раскол, а консерваторы отмежевались от О'Даффи.

Британский историк С.М. Куллен, исследовавший политическое насилие, связанное с БСФ, предложил нетрадиционную трактовку роли Союза. Опираясь на анализ статистики беспорядков и арестов на митингах, отраженной в полицейских рапортах, он отдает инициативу в уличном насилии организованным анитифашистам и евреям. Своими действиями они стремились очернить репутацию БСФ³⁶. Подобная точка зрения согласуется с обвинениями Мосли в насилии со стороны КПВ и опровергается в историографии³⁷. Делать выводы, основываясь по большей части на статистике арестов, представляется недостаточно убедительным. Известно, что БСФ имел Силы обороны, насчитывающие до 300–400 чернорубашечников. Они служили для охраны митингов и часто перебрасывались в разные части страны³⁸. Данный факт может быть истолкован также как попытка запугать своих политических противников, а в более долгосрочной перспективе как средство захвата власти (например, путем организации марша чернорубашечников на Лондон).

Кроме того, БСФ был инициатором политического насилия в отношении других фашистских организаций в Англии (например, Имперской фашистской лиги А. Лиза и др.), в которых видел

³⁵ См., напр.: *Newsinger J. Op. cit. P. 829; Manning M. Op. cit. P. 32.*

³⁶ *Cullen S.M. Political Violence: the Case of the British Union of Fascists // Journal of Contemporary History. 1993. Vol. 28. № 1. P. 249–251, 264.*

³⁷ См., напр.: *Newsinger J. Op. cit. P. 829.*

³⁸ *Прокопов А.Ю. Фашисты Британии. 2001. С. 132.*

конкурентов³⁹. С.М. Куллен признает, что фашисты считали своими главными врагами, как в идеологическом плане, так и в практической деятельности (уличные мероприятия) коммунистов. Евреи, проживавшие крупной колонией в Восточном Лондоне (Ист-Энд), вызывали схожее неприятие со стороны БСФ⁴⁰.

В июне 1934 г. в лондонском зале «Олимпия» состоялся митинг БСФ, на котором произошло массовое столкновение политических противников. Оно вызвало ответную реакцию и способствовало торпедированию появления массового антифашистского движения⁴¹. Слишком много схожего увидели с ситуацией в Германии («ночь длинных ножей» и т.д.). В сентябре 1934 г. в Гайд-парке собралось около 100 тыс. антифашистов (коммунистов, лейбористов, евреев, представителей интеллигенции и некоторых других). Следующие крупные беспорядки в октябре 1936 г., с участием 150 тыс. человек и возведением баррикад, получили название «Битва на Кейбл-стрит»⁴²: чернорубашечникам и охранявшим их силам полицейских противостояли антифашисты Ист-Энда. В результате марш молодчиков Мосли был остановлен. Это действительная победа британского антифашистского движения. В историографии данные события считают поворотным пунктом в истории БСФ⁴³. Власть была вынуждена реагировать, и в ноябре 1936 г. появился Закон об общественном порядке. С 1 января 1937 г. устанавливался запрет на ношение униформы политическими организациями и аренду помещений для агитации⁴⁴. В отчетах старшие офицеры полиции признавали, что сам факт ношения фашистской формы являлся провокационным, и после запрета митинги БСФ в штатском вызывали меньше беспорядков. Подобной точки зрения придерживалась национальная пресса. Хотя насилие на этом не прекратилось⁴⁵. Закон об общественном порядке 1936 г. усложнил пропаганду политики БСФ и рекрутирование новых членов.

После Второй мировой войны в своих воспоминаниях Мосли пытался отрицать обвинения в антисемитизме. Он заявлял,

³⁹ Cullen S.M. Political Violence. P. 247.

⁴⁰ Ibid. P. 251.

⁴¹ Подробнее об организованном сопротивлении фашистам см.: Hodgson K. Op. cit.

⁴² См., напр.: Прокопов А.Ю. Битва на Кейбл-стрит // Вопросы истории. 1986. № 10. С. 183–187; Thurlow R. Fascism in Britain. P. 79; Рудая О.И. Указ. соч. С. 18.

⁴³ Жигалов И.И. Указ. соч. С. 38, 41; Прокопов А.Ю. Битва на Кейбл-стрит. С. 186–187; Рудая О.И. Указ. соч. С. 25.

⁴⁴ Stevenson J. Op. cit. P. 275.

⁴⁵ Cullen S.M. Political Violence. P. 256.

что антисемитизм не был присущ движению, а был навязан обстоятельствами. По его словам, он явился ответной реакцией на действия самых яростных противников БСФ – евреев и коммунистов⁴⁶. Действительно, коммунисты и евреи быстро организовались в Ист-Энде. Некоторые исследователи сходятся во мнении, что антисемитизм движения следует рассматривать как симбиоз собственной антисемитской деятельности Союза и проявлений насилия со стороны евреев против членов БСФ. В целом антисемитские высказывания характерны для идеологов британского фашизма с возникновения движения в 1932 г. Особенно сильные антисемитские настроения наблюдались в отделениях БСФ в провинции. Руководство БСФ позволяло себе острую критику «международных финансистов», подразумевая, как правило, евреев⁴⁷. Так, в апреле 1935 г. О. Мосли на митинге публично бросил вызов «еврейским интересам в Англии», которые занимали доминирующее положение в торговле, прессе, на финансовом рынке⁴⁸. В 1936 г. БСФ вообще потребовал выслать всех евреев из страны⁴⁹.

В контексте политического насилия заметим, что в 20-е – начале 30-х гг. XX в. полиция и спецслужбы (например, МИ 5 – британская контрразведка) всерьез опасались британских коммунистов, рассматривая фашистские организации как потенциальных союзников против «красной угрозы». При этом МИ 5 вела наблюдение за БСФ и имела агентурную сеть внутри движения. Однако с приближением войны МИ 5 пересмотрела свое отношение к левым организациям: связь британских фашистов с собратьями с континента справедливо считалась большим риском для безопасности страны⁵⁰.

Выше мы рассмотрели роль фашистских организаций в политическом насилии. Авторитет силы и фашистская солидарность нашли отражение в их участии в «фашистском интернационале» и реакции на локальные войны, развязанные фашистскими режимами. Обратим внимание, что такая позиция влияла на их восприятие в своих странах. Так, неприязнь к БСФ среди британских политиков высшего ранга во многом была обусловлена сведениями о связях руководства Союза с фашистскими державами⁵¹.

⁴⁶ Mosley O. My Life. London, 1968. P. 281–282.

⁴⁷ Вудбридж С. Указ. соч. С. 156.

⁴⁸ Жигалов И.И. Указ. соч. С. 38.

⁴⁹ Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ». СПб., 2003. С. 209.

⁵⁰ Thurlow R. State Management of the British Union of Fascists. P. 31–32, 47.

⁵¹ Ibid. P. 32.

В середине 30-х гг. XX в. деятельность фашистов активизировалась в связи с итало-эфиопской войной (1935–1941) и Гражданской войной в Испании (1936–1939).

С началом итало-эфиопского кризиса в 1935 г. БСФ и НКП проводили пропагандистскую кампанию с целью не допустить введения экономических и политических санкций в отношении Италии национальными правительствами. Агрессия Муссолини оправдывалась «цивилизаторской миссией» в «варварской» Эфиопии. Причем, заметим, что подобные действия питала как солидарность, так и меркантильный интерес: Италия оказывала британским фашистам финансовую помощь⁵². О’Даффи, чья международная деятельность активизировалась после раскола движения в 1934 г., пошел дальше. На международной фашистской конференции в Монтрё в декабре 1935 г. он обещал Муссолини выделить 1000 синерубашечников. Однако негативная реакция ирландской общественности и отсутствие реальных оснований для неприязни к эфиопскому народу не позволили осуществить подобные прожекты⁵³.

Испанские события возродили надежды О’Даффи вернуться в большую политику. Осенью 1936 г. синерубашечникам удалось набрать 670 добровольцев и отправить в поддержку лидера испанских фашистов Франциско Франко. В отличие от событий в Эфиопии, главным источником подобной активности стал антикоммунизм и лозунг защиты религии от атеизма республиканцев. Были среди волонтеров авантюристы, искатели приключений, отчаявшиеся устроить свою жизнь на острове. Однако Ирландская бригада продемонстрировала на испанском фронте крайне низкие боевые качества и вскоре вернулась на родину⁵⁴. БСФ с учетом роста антифашистского движения, усиленного, в том числе, событиями в Испании, не обращался в своей риторике к событиям на Пиренеях.

Важное место в идеологии британских фашистов занимала имперская политика. В 1936 г. в теоретическом журнале «Фашистский ежеквартальник» (Fascist Quaterly) Мосли писал: «Наша мировая

⁵² McMahon C. Eoin O’Duffy’s Blueshirts and the Abyssinian Crisis // History Ireland. 2002. Vol. 10. № 2. P. 37; Трухановский В.Г. Указ. соч. С. 247; Жигалов И.И. Указ. соч. С. 39. БСФ получал финансовую помощь от Б. Муссолини на протяжении 1933–1937 гг. (См.: Thurlow R. State Management of the British Union of Fascists. P. 47).

⁵³ Прокопов А.Ю. Фашисты Британии. С. 283–287; McMahon C. Op. cit. P. 36–39.

⁵⁴ Подробнее см.: Наумов А.О. Иностранные добровольцы армии Франко в Гражданской войне в Испании (на примере Ирландской бригады) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2–1. С. 52–59; он же. Фашистский интернационал. С. 365–374; McGarry F. Op. cit. P. 283–315.

миссия сохранить и развивать наследие Империи»⁵⁵. Идеей Мосли являлось создание фашистской самодостаточной империи. Опорой для ее строительства должны были стать «белые» колонии – Австралия, Новая Зеландия, Канада и Южная Африка. Новая Британская империя мыслилась на основах автаркии и корпоративной системы (через торговую и экономическую кооперацию). Лидер БСФ призывал отказаться от закупок всех видов товаров за границей, обосновывая способность производить все необходимое внутри Империи. По утверждению австралийского исследователя Э. Смита, установление фашистских диктатур в доминионах считалось необязательным. Достаточными являлись наличие имперского патриотизма и проведение строгой расистской изоляционной политики (по примеру «Белой Австралии» с ее «краем для белых рабочих» и тяжелыми условиями для аборигенов). Британская раса в новой империи несла бы «цивилизаторскую миссию»⁵⁶. Мосли критиковал правительство за нерешительность в отношениях с Индией, считая сохранение ее в составе Империи крайне важным и требуя «беспощадного подавления волнений в Индии»⁵⁷.

Введение автаркии во всем мире, в понимании Мосли, являлось выходом из состояния борьбы за рынки сбыта и, как следствие, устранило риск войны. После реализации данной программы все бы поняли, что «именно интернационализм, а не национализм ведет к войне». Единственная угроза миру, по мнению Мосли, исходила от Советской России, против которой он призывал создать систему коллективной безопасности «под знаменем всеобщего фашизма»⁵⁸. При этом с 1935 г. Мосли призывал «понять» стремления Германии к расширению своего влияния в Восточной Европе и признать интересы Японии в Северном Китае на таких же легитимных основах, как Британскую империю – сферой влияния Англии⁵⁹.

Утверждение Мосли о том, что Британская империя является «единственной безоружной страной в вооруженном мире», отнюдь не отражало «миролюбие» национального фашизма, как пытался представить дело лидер. Напротив, преследовало цель исправить

⁵⁵ Цит. по: *Smith E. The Pivot of Empire: Australia and the Imperial Fascism of the British Union of Fascists* // *History Australia*. 2017. Vol. 14. № 3. P. 1.

⁵⁶ *Ibidem*; Освальд Мосли. Фашизм. № 24. С. 177.

⁵⁷ *Саркисянц М.* Указ. соч. С. 208.

⁵⁸ Освальд Мосли. Фашизм. № 24. С. 179.

⁵⁹ *Саркисянц М.* Указ. соч. С. 223–224; Освальд Мосли. Фашизм. № 24. С. 179–180.

это положение. Отсюда требование наращивания авиации, модернизации флота и механизации армии в «кратчайший срок»⁶⁰.

Однако историческая традиция борьбы на национальную свободу Ирландии и фактический статус доминиона в составе Британской империи обусловили отсутствие в программных документах и публичных выступлениях синерубашечников идей агрессивной экспансии. Вся их деятельность ограничивалась географией Британских островов, что, как было отмечено выше, не исключало проявления солидарности по линии фашистского интернационала, которая рассматривалась как крестовый поход в защиту традиций, в том числе религиозных, против большевизма.

Рассмотрим теперь, как относились к фашистским организациям традиционные представители правого спектра – консерваторы.

Если в Италии и Германии консерваторы вступили в коалиционные правительства с фашистами, то в Ирландии они сформировали с ними совместную оппозиционную партию Фина Гэл, обеспечив тем самым присутствие синерубашечников в Дойле (парламент Ирландии). После победы на выборах республиканской партии Фианны Фойл⁶¹ – партии национального героя Имона Де Валеры – ирландские консерваторы попытались вернуть власть через привлечение на свою сторону О’Даффи, который как отмечалось выше, пользовался авторитетом в стране. Экономическая война с Англией начала 1930-х гг., казалось, давала известный шанс ирландским фашистам: они обещали вывести нацию из кризиса. Но признание ошибочным союза с фашистской Национальной гвардией привело к расколу и падению численности сторонников О’Даффи⁶².

Великая депрессия открывала новые возможности в борьбе фашистов за власть на туманном Альбионе. Другим козырем для них являлась пропаганда «красной опасности». Угроза большевизма и необходимость борьбы с ней импонировала части консерваторов. Благодаря этому Мосли получил поддержку газетного магната лорда Ротермира. Мосли симпатизировал принц Уэльский, который в 1936 г. стал королем Эдуардом VIII. Используя свои широкие

⁶⁰ Освальд Мосли. Фашизм. № 24. С. 180.

⁶¹ Фианна Фойл (по ирл. – «солдаты судьбы») – республиканская партия. Провозглашала своей целью создание независимой республики Ирландия, защиту ирландской культуры и языка, создание самодостаточной сбалансированной экономики, преданность католицизму и частной собственности (Коллаков А.Д. Ирландия 20–50-х годов. Попытки обрести независимость на капиталистическом пути // История Ирландии / отв. ред. Л.И. Гольман. М., 1980. С. 329–330; Полякова Е.Ю. Ирландия в XX веке. М., 2009. С. 79–80).

⁶² См. Коллаков А.Д. Указ. соч. С. 340–343.

связи с представителями аристократии, крупного бизнеса и высшего офицерства, Мосли организовал Январский клуб (1 января 1934 г.), где обсуждались различные аспекты политики БСФ. Поначалу такие совещания собирали до нескольких сотен участников⁶³. Потеря доверия консерваторов из-за политического насилия отчасти повлияла на снижение массовости БСФ. В исследованиях прослеживается следующая динамика численности Союза: 17 тыс. в период основания – 50 тыс. на пике политического влияния – спад до 5 тыс. после стычки в июне 1934 г. в зале «Олимпия» между чернорубашечниками и антифашистами, о чем сказано выше. Вскоре Мосли лишился поддержки лорда Ротермира, а газета «Daily Mail» (Ежедневная почта) начала критиковать БСФ. Аналогичная ситуация сложилась в Ольстере, где газета «Irish News» (Ирландские новости) выступила против поддержки фашистов⁶⁴.

Удивительно, но два соседа – фашистские движения Британии и Ирландии – не установили тесные контакты между собой. А как они расценивали взаимодействие между своими странами? Как относились к соседнему народу?

Отношение к Англии среди синерубашечников было не однозначным. Фермерские круги, руководствуясь экономическими интересами, выступали за возобновление торговли. Однако яблоком раздора оставалась проблема Ольстера. О’Даффи слыл ярым сторонником силового решения вопроса о разделе Ирландии, неоднократно призывал к войне с Англией за Ольстер. Поэтому не удивительно, что практически сразу же после открытия в Ольстере отделения Национальной гвардии английские власти запретили его. От идеи создания единой Ирландии «ирландский дуче» не отказался и позднее. В 1935 г. он пытался создать совместно с ольстерскими фашистами организацию «Клуб 32» (т.е. всех ирландских графств)⁶⁵. Были и некоторые другие проекты решения проблемы раздела.

А каким было отношение британских фашистов к ирландцам? Исследования Р. Дугласа и Дж. Лафлина⁶⁶ убедительно демонстри-

⁶³ Thurlow R. State Management of the British Union of Fascists in the 1930s. P. 32.

⁶⁴ Loughlin J. Northern Ireland and British Fascism in the Inter-War Years // Irish Historical Studies. 1995. Vol. 29. № 116. P. 546; Morgan P. Fascism in Europe, 1919–1945. London; New York, 2003. P. 96; Stevenson J. Op. cit. P. 273.

⁶⁵ White M. Op. cit. P. 43–48, 156–159.

⁶⁶ См.: Douglas R.M. The Swastika and the Shamrock: British Fascism and the Irish Question, 1918–1940 // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. 1997. Vol. 29. № 1. P. 57–75; Loughlin J. Op. cit. P. 537–552.

ругуют, что риторика лидеров британских фашистов, наравне с антисемитскими и антибольшевистскими, изобиловала антиирландскими высказываниями. Так, британским фашистам были свойственны стереотипы XIX в. в отношении ирландцев, а именно наличие ментального, физического и морального различий между соседними народами. В частности, они заявляли, что у ирландцев самый низкий коэффициент умственного развития (IQ) в Европе. Нам представляется вполне обоснованным утверждение о том, что к старым стереотипам англичан бурный XX в. добавил новые реалии: нежелание принять поражение от небольшого ирландского народа после славной победы над Германской империей в Первой мировой войне и, как следствие этого, стремление возродить союз трех королевств. Новым в представлениях фашистов было признание трех рас: нордической, альпийской и средиземноморской. К последней они относили ирландцев. Британские фашисты продолжали считать Ирландию «ахиллесовой пятой» Англии и высказывали идеи о новом завоевании острова. В частности, упоминавшаяся выше Р. Линторн-Орман, основательница организации «Британские фашисты» (British Fascisti), выступала против тред-юнионизма, большевизма, атеизма и ирландского республиканизма, защищала традиционные британские и имперские ценности. Лидер ольстерского отделения «Британских фашистов» Дороти Грейс Харнетт после прихода Де Валеры к власти более активно применяла антисемитскую риторику, называла президента «полукровкой» и «испанским евреем»⁶⁷. Однако возникновение движения Мосли и его быстрый рост ослабили влияние «Британских фашистов» в Ольстере.

В 1933 г. в Белфасте возникло отделение чернорубашечников «Ольстерские фашисты» (Ulster Fascists) с автономным статусом. Его созданию предшествовала статья в газете «Blackshirt» с критикой Стормонта (парламента Северной Ирландии) за тяжеловесность, коррумпированность и неэффективность. Причем родоначальником коррупции фашисты считали Эдварда Карсона – лидера ольстерских юнионистов до и во время Первой мировой войны, сторонника сохранения Ольстера в составе Британской империи. Подобные нападки вызвали отторжение у оранжистов (организованных протестантов-роялистов)⁶⁸. Таким образом, британские фашисты с самого начала снизили здесь свои шансы.

⁶⁷ Loughlin J. Op. cit. P. 542.

⁶⁸ Ibid. P. 543, 545.

Вообще, ситуация в Ольстере для БСФ сложилась весьма непростая. В рядах Союза был высокий процент католиков (пропорционально выше, чем процент проживавших католиков в провинции Ольстер). Этот факт объясняется тем, что во время англо-ирландской войны 1919–1921 гг. Мосли резко критиковал политику Лондона⁶⁹. По мнению американского исследователя Р.М. Дугласа, игнорирование Мосли ирландского вопроса было вызвано как раз его опасением потерять поддержку среди католиков, что шло в разрез с его идеей создания массового национального движения⁷⁰. При этом, как отмечает в своей статье ирландский историк Дж. Лафлин, Мосли оказался заложником своих симпатий. Ему импонировал ирландский национализм, однако желание построить фашистское государство в Британской империи и заставить Ирландию войти в ее состав делали их синхронное воплощение нереальным⁷¹. Таким образом, лидер БСФ настроил против себя, как националистов, так и оранжистов Ольстера.

Известно, что из Первой мировой войны Британская империя вышла ослабленной экономически, но в политической сфере продолжала уверенно себя чувствовать, несмотря на сложные отношения с доминионами. Конституционная монархия оставалась относительно стабильной, а принципы традиционной либеральной демократии были достаточно усвоены и глубоко уважались большей частью населения⁷². В этом отношении ситуации была отлична от Италии или Германии. Думается, правомерно утверждать, что для Ирландии, пусть и в статусе полуколонии в XIX в., парламентаризм оказался также эффективной прививкой против фашизма.

Консервативной партии в трудные годы экономического кризиса удалось сохранить власть и создать национальное коалиционное, а затем и самостоятельное правительство. Консерваторы обеспечили благосостояние и достаток среднего и высшего слоя, боролись с безработицей⁷³. Часть консерваторов критически относилась к местным фашистским организациям, хотя среди них было немало сочувствующих движению Мосли. Действительно, Мосли мог быть младшим партнером британских консерваторов, но не мог стать британским фюрером⁷⁴.

⁶⁹ Ibid. P. 544.

⁷⁰ Douglas R.M. Op. cit. P. 72.

⁷¹ Loughlin J. Op. cit. P. 544.

⁷² Stevenson J. Op. cit. P. 264.

⁷³ Morgan P. Op. cit. P. 95–96.

⁷⁴ Newsinger J. Op. cit. P. 837.

Другой особенностью является то, что ни в Англии, ни в Ирландии не было острых затяжных социальных конфликтов. Устойчивая британская политическая система и относительно быстрый выход из экономического кризиса стабилизировали общество. Сильная власть с опорой на национализм и католическую церковь в Ирландии под управлением национального лидера И. Де Валеры, вмешательство государства в промышленность и сельское хозяйство, урегулирование экономических споров с Англией способствовали подъему национальной экономики и обеспечили поддержку населения.

Насилие оттолкнуло общественное мнение от британских фашистов. Оно вызывало озабоченность даже у консерваторов. Большинство британского народа представляло себя живущими в относительно хорошо организованном и толерантном обществе, где стиль БСФ не принимался. Сумевшее быстро мобилизоваться антифашистское движение, сразу увидевшее сходство с континентальным фашизмом, обратило внимание полиции и властей на опасность БСФ. Не будем забывать о большом количестве иммигрантов из Европы, владевших информацией об истинном лице фашизма. Прибывшим помогали английские общества, с которыми сотрудничали и видные консерваторы⁷⁵.

Ирландские консерваторы отказались от О'Даффи не из-за его авторитаризма или антисемитизма, но по причине того, что его деятельность не давала выгод на пути возвращения во власть. Попытка самостоятельной политической деятельности генерала с выходом на международный уровень не привела к возвращению на политический Олимп Дублина. Более того, эфиопская кампания и провал Ирландской бригады в период Гражданской войны в Испании подорвали и без того упавший авторитет синерубашечников. Жесткая политика и харизматичность Де Валеры не давали шансов политическому будущему О'Даффи.

В идеологическом отношении БСФ имел более завершенные формы, чем Национальная гвардия или НКП О'Даффи. Имперская программа и идеи автократии с распределением рынков между крупными мировыми игроками и федерализацией малых наций придавали идеологии Мосли наднациональный характер и отражали далеко идущие претензии на особое место в пантеоне фашистских теоретиков.

Конечно, неудачи фашистов в какой-то мере были продиктованы ограничительными мерами государственных властей (запреты

⁷⁵ *Stevenson J. Op. cit. P. 277–278.*

в регистрации движения, аренды помещений для митингов и ношения униформы. Вопреки принципу плюрализма в политике власти в критической ситуации пошли на этот шаг. Международные связи фашистов несли угрозу международной безопасности. В Англии БСФ мог стать «пятой колонной», а движение О'Даффи нарушало нейтральный статус Ирландии. Для продолжения легальной деятельности О'Даффи несколько раз менял название организации. Спецслужбы вели наблюдение за движениями, а политики высоких рангов старались отмежеваться от связи с ними. В итоге, анализируемые организации превратились в маргинальные, а БСФ в 1940 г. был вообще запрещен.

Таким образом, в межвоенный период фашизм не утвердился на Британских островах. Основные причины были рассмотрены в статье. В науке закрепилось представление о «британском иммунитете» к фашизму и крайних правым⁷⁶. Однако английский исследователь Н. Копси указывает на рост негативного отношения к миграции и боязнь мусульман в современной Великобритании⁷⁷. В новых реалиях XXI в. консервативные британцы меняются. Трансформируются также крайне правые, понимающие непривлекательность идей фашизма и антисемитизма среди сторонников либеральной демократии. Теперь они хотят быть привлекательными для электората и не стремятся озвучивать наиболее радикальные свои идеи. И хотя современные крайне правые, как и фашисты межвоенного периода, не имеют ни одного мандата в Вестминстере, а довольствуются лишь представительством в структурах местного масштаба, самоуспокоение опасно. Фашизм, как вирус, способен мутировать и, подобно троянскому коню, появиться в любом обществе. Вряд ли «британский иммунитет» может стать универсальным средством защиты. Именно поэтому является актуальным изучение истории не только фашистских движений, реально утвердившихся у власти, но и тех, что остались на обочине истории. Важно понять, какие факторы и силы не позволили им захватить власть.

⁷⁶ См., напр.: *The Failure of British Fascism: the Far Right and the Fight for Political Recognition* / ed. by M. Cronin. London, 1996.

⁷⁷ Копси Н. Потерпел ли крах британский фашизм? // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 183.

В.И. Дегтярев

ХАРАКТЕРИСТИКА НЕОФАШИЗМА В ТРУДАХ А.А. ГАЛКИНА

Эпохальным событием XX века явилась Вторая мировая война. Она перевернула ход развития истории масштабами жертв, античеловеческой сущностью, безумием, а также непревзойденным мужеством и героизмом. Ее идейно-политическим вдохновителем и организатором стал фашизм. Поэтому не случайно, что к проблеме фашизма, раскрытию его феноменальной природы приковано внимание многих отечественных и зарубежных исследований. Большой вклад в изучение фашизма и неофашизма внесли отечественные ученые – Г.Л. Розанов, Л.И. Гинцберг, Л.В. Овчинникова, Б.Р. Лопухов, С.П. Пожарская, В.И. Дашичев, Д.Е. Мельников, В.Т. Фомин и другие¹.

Они рассматривали феномен фашизма с разных сторон – экономической, политической, идеологической, организационной, военной, – выражая при этом свою гражданскую позицию и нравственный долг. Среди публикаций о сущности фашизма особое место занимают труды доктора исторических наук, профессора, академика РАЕН Александра Абрамовича Галкина. Важно отметить, что он был и остается живым свидетелем и участником исторических событий борьбы советского народа против фашизма в годы Великой Отечественной войны, испытавшим на себе всю его античеловеческую природу. Германский фашизм, его практику и идеологию ученый знает глубоко и всесторонне. А.А. Галкин был участником Великой Отечественной войны, которую завершил в звании капитана. В 1945–1949 гг. он работал в бюро информации Советской военной администрации в Германии. Был награжден орденом Красной звезды, двумя орденами Отечественной войны и медалью «За боевые заслуги». После службы в Германии А.А. Галкин вернулся в Москву, где окончил исторический факультет Московского университета и аспирантуру². В 1953 г. им успешно была защищена кандидатская диссертация «Рейнский сепаратизм

¹ Подробнее см.: *Богдашкин А.А.* Советская и постсоветская историография о причинах установления фашистских диктатур в странах Западной Европы // *Берегиня. 777. Сова.* 2014. № 4(23). С. 41–69.

² Подробнее об основных этапах биографии А.А. Галкина см.: *Александр Абрамович Галкину – 95 лет* // *Новая и новейшая история.* 2017. № 3. С. 244–245.

и политика национальной измены немецкой буржуазии»³. В 1966 г. в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР состоялась блестящая защита его докторской диссертации «Фашизм и буржуазное общество: политические и социальные корни германского фашизма»⁴. А.А. Галкин долгие годы трудился в редакциях различных научных журналов, в том числе «Международная жизнь», «Мировая экономика и международные отношения», в должности заместителя главного редактора и др., заведовал отделом в Институте конкретных социальных исследований и Институте международного рабочего и коммунистического движения Академии наук СССР, был проректором по научной работе Института общественных наук при ЦК КПСС. С 1997 г. – главным научным сотрудником Института сравнительной политологии, который в последующем был включен в Институт социологии РАН, где руководил Центром теории политики. За период своей научной работы им было опубликовано свыше 300 научных трудов.

Один из главных трудов А.А. Галкина – написанная в 1967 г. монография «Германский фашизм»⁵, – по мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, является основополагающей работой в советской и постсоветской историографии, в которой была предпринята попытка всестороннего анализа феномена германского фашизма. Это исследование не было простым описанием германской истории в годы Веймарской республики и гитлеровской диктатуры. А.А. Галкин никогда не ограничивался исключительно историческим методом познания прошлого. Согласно его воспоминаниям, значительно более важным для него был не просто сбор исторических фактов, а выяснение того «как возникло то или иное событие, чем и в какой степени оно было обусловлено, какие силы стояли за ним, были ли варианты». Ученый отмечает, что в работе «Германский фашизм» им «были рассмотрены соотношения: фашизм и правящие круги, фашизм и армия, фашизм и средние слои, фашизм и рабочий класс, идеология и практика фашизма. С этим были связаны свои сложности. Некоторые события приходилось прописывать несколько раз, историческое изложение как бы разбивалось. В то же время такой подход помогал познать общественные силы, породившие феномен, взаимодействие фашизма как

³ Галкин А.А. Рейнский сепаратизм и политика национальной измены немецкой буржуазии: дисс. ... кан. ист. наук. М., 1953.

⁴ Галкин А.А. Фашизм и буржуазное общество: политические и социальные корни германского фашизма: дисс. ... докт. ист. наук. М., 1966.

⁵ Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1967.

политического движения с существовавшим социальным организмом. Практически это была первая историко-социологическая работа, написанная у нас после Второй мировой войны»⁶. Эта книга была и остается своего рода эталоном для большинства отечественных исследователей фашизма и вплоть до сегодняшнего дня является «во многом непревзойденным образцом марксистского анализа одного из самых сложных и страшных явлений новейшей эпохи»⁷.

Особенно актуальны для дальнейшего исследования природы фашизма и неофашизма в наши дни научные выводы А.А. Галкина о взаимосвязях нацизма и монополий, отказ от представления о фашизме как неизбежной ступени в развитии капиталистического общества. По убеждению исследователя, «развитие капитализма от монополистического к государственно-монополистическому необязательно должно пройти через фазу фашизма. Если бы не объективные потребности капитализма, переживавшего глубокий кризис, фашизм, возникший как в Италии, так и Германии, никогда не стал бы политической силой»⁸. Однако ученый на всех этапах своей научной деятельности справедливо подчеркивал важную и во многих отношениях решающую роль крупного бизнеса в происхождении фашистского движения и приходе к власти фашистских режимов.

Продолжая исследовать феномен фашизма, его диалектику, в 70-е – 80-е годы прошлого столетия А.А. Галкин попытался раскрыть общие и особенные черты современных праворадикальных движений в странах Запада (Англия, США, ФРГ, Швеция, Португалия, Италия и др.), объединяемых понятием «неофашизм» и внешне мало похожих друг на друга. Анализируя особенности этих движений, он выделяет два направления в их развитии. Первое – трансформированное фашистское движение, пытающее сохранить все, что можно из фашистского наследия 1930-х – 1940-х гг. (традиционалистское). Второе, сторонники которого стремятся избавиться от всех политических программ, теорий и лозунгов, методов и форм борьбы, которыми пользовались их предшественники-

⁶ Галкин А.А. «Я считаю себя апологетом политической социологии» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб., 1999. С. 319–320.

⁷ Алленов С.Г. О книге А.А. Галкина «Германский фашизм» и ее эпохе // Полития. 2013. № 3. С. 32–45.

⁸ Цит. по: Богдашкин А.А. Историография СССР второй половины XX века о роли крупного бизнеса в приходе Гитлера к власти в Германии // Берегиня. 777. Сова. № 4(15). 2012. С. 64–65.

фашисты (обновленческое). «Они отвергают, если не полностью, то частично действия традиционного фашизма, уличая его в грубейших ошибках, обвиняют в измене идеалам»⁹. Предпринятый в те годы А.А. Галкиным анализ деятельности обновленческого направления фашизма представляет большой интерес, поскольку нашел свое логическое продолжение в его исследованиях о неофашизме, которые увидели свет в 1990-е – 2000-е годы.

Результаты сравнительного анализа, проведенного исследователем, дают ответ на вопрос о правомерности рассмотрения всех этих партий и движений, как крайне правого праворадикального целого, и причисления их к новому фашизму: «Все это делает основания применять в отношении праворадикальных движений термин «неофашизм», постоянно имея в виду специфику явления»¹⁰. По сути, А.А. Галкин одним из первых историков советской эпохи классифицирует праворадикальные движения в зарубежных странах.

В 1989 г. ученый, опираясь на анализ современных явлений в развитии праворадикального движения в мире, перерабатывает и издает в новой редакции монографию «Германский фашизм»¹¹. В своих дальнейших исследованиях А.А. Галкин расширяет марксистский подход в оценках неофашизма, опираясь на элементы социологического, политологического, социального и *иррационального* (психологического) анализа. Автор акцентирует внимание на динамике духовных составляющих (массовое сознание, психология поведения различных групп населения, их настроения и ценностные установки). Придерживаясь исторической точки зрения о фашизме как *особой форме правого радикализма, порождающего в обществе своеобразную болезнь*, он выдвигает новую научную интерпретацию этого феномена. Согласно ей, «фашизм представляет собой иррациональную, неадекватную реакцию части населения на острейшие кризисные процессы, разрушающие устоявшие экономические, социальные, политические и духовные структуры, свойственные обществам современного типа. Особенность этой реакции обусловлена в решающей степени тем, что она формируется, находясь в своеобразном растворе правоконсервативных ценностей»¹².

⁹ Галкин А.А. Социология неофашизма. М., 1971. С. 123–134.

¹⁰ Там же. С. 134.

¹¹ Галкин А.А. Германский фашизм. Изд. 2-ое, доп. и перераб. М., 1989.

¹² Галкин А.А. Фашизм как общественный недуг // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 14.

Среди трех основных течений в консерватизме (традиционалистский, реформистский, революционаристский) А.А. Галкин выделяет одну из форм последнего – крайний правый радикализм, – и подробно исследует диалектику его развития. Благодаря новому междисциплинарному подходу в исследовании сложных проблем общественных наук, автор сумел более широко и глубоко рассмотреть феномен фашизма, раскрыв субъективную сторону (философские, правовые, политические теории правого радикализма) механизма взаимодействия с конкретно-историческими условиями развития той или иной страны. Согласно разработанной ученым концепции, он формулирует три существенных положения, которые могут быть использованы в качестве методов в изучении не только такого сложного явления как фашизм и новых форм его проявления, но и иных исторических явлений, связанных с коренными изменениями социально-политических систем современного мира:

Поиски фашизма «в далеком прошлом, как это делают некоторые исследователи, бессмысленно. Фашизм – это феномен XX века и, в какой-то степени, XXI века. Он обусловлен их проблемами. Если не будет найдено позитивное решение этих проблем, то от фашистской угрозы в тех или иных формах не избавиться и будущим поколениям».

«Фашизм как идеология, движение и режим является непосредственным детищем острых кризисов, сотрясающих общество. Чем глубже и всеобъемлюще кризис, тем питательнее почва для фашизма».

«Фашизм отличается от обычных, традиционных диктатур тем, что черпает свои силы в массовом движении протеста. Отсюда огромная роль фашистских организационных структур, способных направить недовольство граждан, обусловленное кризисным развитием, в желательном для себя направлении»¹³.

Данные выводы, несомненно, актуальны. Они представляют практическую пользу в борьбе с проявлениями фашизма в нынешних условиях.

Как не горько, но фашизм, несмотря на сокрушительное поражение в середине XX века, продолжает жить сегодня, проявляясь в различных формах идеологий, политических течений и движений. «Вопреки надеждам на то, что Великая Победа навсегда покончит с фашизмом как идеологией и политическим феноменом, его корни оказались существенно глубже, чем представлялось в то время.

¹³ Там же. С. 16–17.

Прошло немного времени, и они дали первые заметные побеги, а затем, с наступлением нового столетия, превратились в реальную угрозу»¹⁴. В чем же причины такой живучести «коричневой чумы» прошлого века? Чем современный неофашизм отличается от своего предшественника? Что необходимо предпринять для того, чтобы всемирная трагедия первой половины XX века не повторилась? Ответы на эти и другие актуальные вопросы мы находим, обращаясь к трудам А.А. Галкина.

Известно, что в 1990-е гг. в политической жизни России, несмотря на стойкий иммунитет нашего народа к фашизму, в силу исторической памяти (народы СССР вынесли основную тяжесть войны с фашизмом, понеся огромные людские потери), возникли явления, схожие по своим признакам с фашизмом. Создавались политические организации (группы), которые в своей деятельности полулегально, в связи с ослаблением государственных органов власти, руководствовались националистическими идеями и политическими лозунгами превосходства русской нации над остальными народами, проживающими на территории РФ. Они сотрудничали с неофашистскими организациями Запада, проводили публичные акции с использованием фашистской атрибутики, одновременно прикрываясь демагогией патриотизма и защиты справедливости для большинства населения страны. В этой непростой для России политической ситуации 90-х годов с новой силой проявилась высокая гражданская позиция ученого-фронтовика.

Обеспокоенный проявлениями фашизма в жизни российского общества, А.А. Галкин всесторонне исследует социально-экономические, политические и духовные процессы, происходящие в нем. Он дает подробную характеристику и типологизацию социальным группам с «фашизоидными» признаками, которые возникли в России в конце XX столетия в обстановке идейного разложения общества. По своему происхождению и некоторым чертам историк делит их на три типа. «Первый – спонтанно возникшие фрондирующие молодежные тусовки, в которых обращение к праворадикалистским идеям и символике имело по преимуществу игровой характер. Второй тип сложился во второй половине 80-х годов в рамках неформального движения протеста против господства КПСС и коммунистической идеологии в целом. Неприятие режима и его идеологии толкало некоторых его участников к шовинистическому нега-

¹⁴ Галкин А.А. Память и опыт (к 70-й годовщине Великой Победы) // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.). Воронеж, 2015. С. 28–33.

тивизму. ...Третий тип был создан выходцами из националистского крыла ВЛКСМ»¹⁵.

Историк исследует идейные истоки и политическое развитие этих российских праворадикальных течений, отмечая их несоответствие менталитету советских людей. Стремясь быть не похожими на демократов-антикоммунистов, на правых радикалов-традиционалистов, они начали поиски своих идейно-политических корней в русском зарубежье и черносотенном движении дореволюционной России. Результатом этого поиска стало образование в рамках фашистского движения двух главных направлений: западного и почвенного. Раскрывая их организационные структуры и деятельность («Русское национальное единство», Национально-патриотический фронт «Память», молодежное движение «скинхедов» и др.), А.А. Галкин отмечает, что они не имеют социальной опоры и политической силы в российском обществе и, находясь в изоляции, не представляют реальной угрозы возникновения организованного неофашистского движения. Однако, оказавшись в благоприятных условиях, стремясь приобрести вид легитимности, мелкие праворадикалистские группы и движения стали пользоваться определенным влиянием¹⁶.

Таковыми благоприятными предпосылками для расширения обновленческого движения в России в то время были: резкое падение производственного потенциала страны и реальных доходов населения, расслоение общества на богатых и бедных, потеря веры в демократию. Ученый вскрывает ряд причин возникновения русского неофашизма: экономический и социальный кризис, ослабление государственной власти и дискредитация ее институтов, крах духовных ценностей и нарастание чувства ущемленного национального достоинства, криминализация и маргинализация населения страны. На этих негативных сторонах развития общества обычно и паразитируют фашизоидные и фашистские силы.

В статье «Российский фашизм» А.А. Галкин пишет, что «для понимания фашизма важно подходить к нему как исторически обусловленному явлению. Ученый как бы обращается к молодым исследователям, утверждая, что если не будет найдено позитивное решение этих проблем, то от «фашистской угрозы не избавиться и будущим поколениям»¹⁷. Главной причиной фашистской угрозы он

¹⁵ Галкин А.А. Российский фашизм // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 18.

¹⁶ Галкин А.А. Фашизм как общественный недуг. С. 18–19.

¹⁷ Галкин А.А. Российский фашизм. С. 21.

считает острые социальные кризисы, которые используют в своих интересах фашистские организационные структуры. Для устранения опасности развития неофашизма в России он формулирует основные направления его профилактики и изучения, а именно¹⁸:

- выявление глубинных кризисных процессов в различных сферах общественной жизни, их влияния на сознание основной массы населения;

- определение сдвигов в структуре массового сознания, удельного веса в них элементов, которые могут быть опорой праворадикалистских установок и соответствующего им политического поведения;

- вычленение политических организаций и движений, которые могут стать той силой, в рамках которой возможна реализация массовых настроений такого рода;

- инвентаризация всех социальных, политических, идеологических и юридических форм противодействия подобному развитию.

Его оценка вовсе не сводится к констатации происходящих событий и явлений. Она выражает стремление историка не только вскрыть причины проявления неофашизма в современных условиях, но и определить методы их искоренения. Свои суждения он аргументирует конкретными историческими фактами на примере событий, происходящих сегодня на Украине, в Западной Европе, где действуют влиятельные праворадикалистские движения (Франция, Италия, Австрия, Германия). Говоря о причинах фашистской угрозы, и связанных с ней социальных кризисах в нынешних условиях, следует констатировать заметную роль и место США (глобальных финансово-промышленных корпораций) в этих процессах. Не без участия американцев в 70-е гг. XX века в странах Латинской Америки (Перу, Панама, Боливия, Чили, Гайана, Уругвай др.) произошли военно-государственные перевороты, и к власти пришли правые режимы, которые свернули реформы и процессы национализации иностранных компаний¹⁹. До сегодняшнего дня не прекращаются дискуссии о типологии этих режимов. Многие исследователи склоняются к их характеристике как фашизоидных режимов, «имевших фашистские черты в идеологии и практической политике»²⁰. Оценивая правоавторитарные режимы в ходе научной

¹⁸ Там же. С. 27.

¹⁹ Подробнее см.: *Строганова Е.Д.* США и левые режимы Латинской Америки (вторая половина XX – начало XXI вв. М., 2017).

²⁰ *Кальдейра Нету О.* (Нео)фашизм и диктатуры в странах латиноамериканского южного конуса: от старых взглядов к новым представлениям // Берегиня. 777.

дискуссии на страницах журнала «Латинская Америка» в 1975–1976 гг., А.А. Галкин выделил существенный признак, по которому можно отличить традиционные военно-диктаторские режимы от фашистских: «Если нынешние латиноамериканские правые делают ставку только на тюрьмы и концлагеря и даже не пытаются решить социальные проблемы, если ограничиваются лишь экономической модернизацией, то чем же они отличаются от традиционных военно-диктаторских режимов? Иными словами, очень многое зависит от того, осуществляется ли в названных странах социальное маневрирование фашистского типа»²¹.

О внешнем факторе распространения фашистской инфекции XX века и ее вспышках в разных странах мира писал другой известный отечественный ученый Б.Р. Лопухов в книге «Неофашизм: опасность для мира». Анализируя разгул терроризма в Италии в 70-е годы прошлого столетия на основе следственных материалов итальянского прокурора Джованини Тамбурино, который вел дело неофашистской «Розы ветров», он выдвигает предположение, что за этими преступными действиями стоят новые лидеры и центры руководства извне, стремящиеся остановить процессы демократизации. «Ведь следствием разгула ультралевого террора и особенно убийства Моро было поправление Италии. А в этом были заинтересованы не только определенные круги внутри страны, но и определенные силы за рубежом. Остается только констатировать, что фашизм и стоящие за его спиной силы втягиваются в орбиту своей политики не только «пассивные», но и те «активные» элементы, которые становятся на путь ультрареволюционного авантюризма, с внешней стороны направленного как бы против фашизма. И это выводит проблему фашизма за рамки его организации в строго определенном и узком смысле этого слова»²².

Долголетие и живучесть, притягательную силу, многообразие форм и организаций фашизма, можно объяснить, как его идеологической конъюнктурой и социальной мобильностью, так и господством монополистического капитала в развитых странах Запада. К этому выводу нас приводят не только исследования феномена фашизма А.А. Галкина и других ученых, но и целый ряд исторических

Сова. 2016. № 4(31). С. 247.

²¹ Цит. по: Окунева Л.С. Об одной давней, но столь актуально звучащей сегодня дискуссии. (К 40-летию дискуссии «К проблеме современных правоавторитарных режимов» на страницах журнала «Латинская Америка») // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 50–51.

²² Лопухов Б.Р. Неофашизм: опасность для мира. М., 1985. С. 68.

реалий. На смену «новым правым» (1960-е – 1970-е гг.) пришли новые праворадикальные движения и партии: «Фламандский блок» Филиппа Девинтера в Бельгии, Национальный фронт Жан-Мари Ле Пена во Франции, Партия свободы Йорга Хайдера в Австрии. В начале нынешнего века вследствие нестабильности, возникли Партия свободы в Голландии, Датская народная партия, партия «Истинные финны», партия независимости Великобритании и Лига обороны, «Платформа за Каталонию», «Йоббик» в Венгрии, и «Золотая заря» в Греции. Несмотря на строгие немецкие законы и в целом негативное отношение населения к проявлениям неонацизма и неонацизма, в Германии на сегодняшний день существует множество праворадикальных партий и объединений, хотя и с незначительным количеством членов в них.

В Италии неонацистских партий немного, однако, крупнейшие из них имеют определенную поддержку населения и, соответственно, политический вес. Например, партия Новая сила является членом европейского Национального фронта. Широко известной является партия Социальное движение – Пламя Триколора. Еще одной крупной неонацистской партией в этой стране является Национальный социальный фронт. Правые радикальные политические партии, стоящие на позициях крайнего шовинизма, национализма, в ряде случаев очень близкого к классическому фашизму, начинают переходить из маргинального статуса в статус партий, которые играют политическую роль во всех странах. Неонацисты, как и их послевоенные единомышленники, стремятся к объединению и созданию Европейского единого центра праворадикальных движений, партий и организаций. На сегодняшний день имеются неонацистские и неонацистские международные организации: NSDAP-AO, EURO-RING, NEW EUROPEAN ORDER и WORLD UNION OF NATIONAL SOCIALISTS. Наиболее серьезными являются: NEO, расположенная в Америке – NSDAP-AO. Недавно в Италии под руководством министра внутренних дел состоялось собрание представителей европейских правых организаций, которые обсудили планы создания единого центра праворадикальных движений в Европе. Список ультраправых радикальных движений и партий, действующих в современном мире, можно и продолжить. Однако неонацизм сегодня не предстает сколько-нибудь известной единой международной организацией. «Измельчание» неонацистского движения выражается идеологией политического бланкизма, когда уже нет возможности овладеть властью через легитимные

политические институты и легитимную политическую борьбу. Ожидание момента тотального ослабления политической власти и есть алгоритм политической жизни и движения к цели группускулярного неофашизма²³.

Анализируя современные праворадикальные объединения, профессор Килского университета (Великобритания) А. Каллис выделяет ключевые идейные характеристики, объединяющие в одно семейство современных правых радикалов (неофашистов) и связывающих их с традиционалистским фашизмом:²⁴

- ультранационализм и нативизм;
- популизм;
- ограниченный «круг эмпатии» / демонизация «других»;
- лидерство и харизма;
- атаки и «декаданс»;
- этноплюрализм / культурная дифференциация.

Как видим, новый фашизм отличается от своего родового ультрареволюционным содержанием как правого, так левого толка. По своей сути – это псевдореволюционная демагогия и практика. Методология и основные теоретические положения, сформулированные А.А. Галкиным в ходе исследования феномена фашизма, позволяют рассматривать неофашизм как дальнейшее развитие своего рода признаков фашизма в новых исторических условиях. Неофашизму свойственны следующие черты:

- авторитарно-бюрократическая форма государственной власти при наличии многочисленных институтов демократии и видимости их общественно-полезной деятельности;
- «демократия» служит не обществу, а власти, подчинена ей;
- сближение (в некоторых странах слияние) государственной власти с монополистическим капиталом, союз олигархов и чиновничье-бюрократических структур;
- углубление пропасти в доходах между бедной частью общества и богатой, и, как следствие, рост социальной напряженности в нем;
- духовно-культурная деградация отдельных слоев населения, рост преступности, особенно среди молодежи;
- милитаризация не только экономики, но и других сторон жизни общества;

²³ Котов С. Неофашизм как возможность в контексте современной ситуации // Власть. 2011. № 6. С. 108–112.

²⁴ Каллис А. Есть ли у фашизма будущее: размышления об истории печально известного понятия // Берегиня. 777. Сова. 2016. №4(31). С. 8–17.

– существование в ряде стран мира полуправовых политических партий и организаций фашистского толка, распространение в СМИ фашистских идей, символики, атрибутов;

– подмена конкретной идеологии демагогией социальных компромиссов;

– антинаучность идейно-политических взглядов.

Особенно значимыми для профилактики проявления неонацистских настроений и взглядов в современном российском обществе являются представления А.А. Галкина о ценностных приоритетах части его граждан, на которых спекулируют правые радикалы, а именно:

– стремление к безопасности, которую способна обеспечить власть;

– обеспечение законности, гарантии прав граждан, искоренение коррупции, поразившей управленческие структуры;

– ставка на державность, проведение политического курса на прекращение поправок интересов России на международной арене;

– традиционализм, ориентированный на исторически сложившийся образ жизни.

«Если власть неспособна обеспечить гражданам нормальные условия жизни, навести в стране должный порядок, стремление к эффективному управлению приобретает антидемократическую окраску. Возникает сильная тяга к “твердой руке”, готовой и способной решить накопившиеся проблемы. Соответственно расчищается поле для маневра фашистских и фашистских движений с менее традиционалистским, более обновленческим фасадом»²⁵.

Не случайно и сегодня актуальны идеи ученого и фронтовика о фашизме и неонацизме, его призыв к бдительности и неравнодушию относительно поползновений «коричневой чумы» XX века. Говоря об уроках Великой Победы, А.А. Галкин утверждает необходимость стойкого антифашистского иммунитета. Автор подчеркивает, что «демократия – лучший из известных человечеству способов управления общественными делами». Исследователь убедительно показывает, что у нее нет исторической альтернативы. Оставаясь, как и прежде, истинным патриотом своей страны, А.А. Галкин предлагает способ дальнейшего развития процесса демократизации в России, а именно, возрождения публичности в обществе, развертывания широкого идейно-политического дискурса, направленного против авторитарного стиля поведения²⁶.

²⁵ Галкин А.А. Фашизм как общественный недуг. С. 20.

²⁶ Галкин А.А. Память и опыт. С. 27–35.

Изучение и анализ трудов А.А. Галкина – одного из выдающихся отечественных исследователей фашизма как исторического явления – приводит к следующим выводам:

1. В наши дни неофашизм можно рассматривать как диалектическое развитие «исторического» фашизма в рамках крайнего праворадикалистского движения с присущими ему национальными особенностями. Большинство сторонников нового фашизма, сообразуясь с нынешними обстоятельствами доминирования толерантности в общественном сознании и исторической памятью старших поколений, не выступают открыто с профашистскими программами, расистскими и националистическими лозунгами, достаточно редко прибегают к созданию военизированных отрядов, не призывают к свержению существующих государственных режимов, как правило не совершают публичных актов насилия против инакомыслящих. По мнению А.А. Галкина и ряда других ученых, это популярная демагогия социальных компромиссов, характерная для современного неофашизма свидетельствует о его социальной мобильности и психологической способности улавливать и манипулировать настроениями народных масс, вести их за собой на гребне острых общественных кризисов. Но история свидетельствует, что при резких сменах социально-экономических условий в любой стране мира, фашизм может возродиться с новой силой отнюдь не в форме потенциально существующих в обществе оттенков и признаков, а полноценной «коричневой чумы» уже XXI века.

2. *Главная опасность, исходящая от фашизма, – это война.* По своей природе фашизм является не столько инструментом войны, с помощью которого антидемократические режимы стремятся решить острые общественные проблемы, сколько ее сущностью, ибо его практика физического истребления целых народов, чуждых ему по «крови и духу», обеспечивает абсолютную монополию необходимой ему власти и капитала. Нельзя не констатировать, что «война-фашизм-война-неофашизм» – это причинно-следственная диалектическая связь между двумя общественными явлениями, которая выступает в качестве исторической закономерности. Первая мировая война, источником которой был империализм, породила фашизм в Италии, Германии и других странах мира. Европейский фашизм во главе с Германией породил Вторую мировую войну. Вторая мировая война и крах коалиции оси трансформировали фашизм в неофашизм. Неофашизм XXI века является потенциальным источником возможной новой мировой войны, потому что коренные интересы монополистического капитала и порождающиеся

ими противоречия (борьба за источники сырья и рынки сбыта) не только не исчезли, но и обострились.

3. В современном мире вероятность развязывания новой мировой войны возрастает со стороны ультраправых радикалистских движений, партий и режимов, которые по своей сути являются неофашистскими. Поэтому научное антифашистское наследие участника Великой Отечественной войны, историка, социолога и политолога Александра Абрамовича Галкина для нас и грядущих поколений остается важнейшим подспорьем для разоблачения всяких идеологических, политических поползновений фашизма в различных формах его проявления, предотвращения новой глобальной катастрофы XXI века.

ЧАСТЬ IV. ФАШИЗМ И ДИКТАТОРСКИЕ РЕЖИМЫ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Е.Б. ЛОПАТИНА

ФАШИЗМ ИЛИ АВТОРИТАРИЗМ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ О РЕЖИМЕ «САНАЦИИ» В ПОЛЬШЕ

Термин «санация» (от лат. *sanatio*, польск. *Sanacja* – «оздоровление») вошел в политический лексикон как наименование политического движения, возникшего на основе лозунга «моральной санации» общественной жизни в Польше. Автором его был военный и государственный деятель Юзеф Пилсудский (1867–1935), а зримым воплощением стал установленный в результате майского переворота 1926 г. особый политический режим, просуществовавший до начала Второй мировой войны в сентябре 1939 г. Вопрос о его сущностных характеристиках, особенностях и целях и по сей день является дискуссионным, а библиография насчитывает десятки, если не сотни названий.

Польские коммунисты были первыми, кто в начале июня 1926 г. определили режим «санации» как «фашистский». Они заявили о фашистской сути нового режима сразу после того, как Исполком Коминтерна осудил позицию польской секции, члены которой несколькими днями ранее были готовы поддержать кандидатуру Пилсудского как организатора переворота на освободившийся пост президента страны. Постепенно вслед за коммунистами этим термином стали пользоваться и другие польские партии левого спектра.

Модель новой политической системы, получившей впоследствии устойчивое название «санация», была создана за короткое время: с 15 мая по 6 августа 1926 гг. Ее ключевые принципы – личная диктатура Пилсудского, пользовавшегося поддержкой лишь части польского общества, контроль над армией и исполнительной властью, осуществлявшийся самим маршалом, сохранение таких важных институтов парламентаризма, как легальные политические

партии, в том числе оппозиционные, и представительных органов (правда, их влияние на внутреннюю политику было номинальным, а ряд их полномочий был передан исполнительной власти)¹.

Модель режима «санации» заставляет задуматься о типологической сути формы государства, созданного Пилсудским. В частности, имеет ли объективную основу утверждение польских коммунистов о фашистской сути режима «санации»?

Послевоенная польская историография охотно подхватила тезис польских коммунистов, поскольку идеологически он хорошо вписывался в создаваемую в 1940–1950 гг. новую – национальную марксистскую историографию. По крайней мере, до 1970-х гг. обе дефиниции режима – фашистский и санационный – употреблялись как тождественные. Исследователи стали употреблять понятие «фашизм» очень широко. Этот термин использовался для обозначения большинства политических режимов в Европе, в том числе в Польше после майского переворота 1926 г. Однако непосредственно по окончании Второй мировой войны специальных исследований по типологии режимов власти межвоенного периода не проводилось, историки ограничивались лишь общими формулами и идеологемами².

С конца 1960-х гг. проблемы, связанные с «фашистскими» проявлениями в общественно-политической жизни Польши, стали предметом специальных исследований. В дискуссиях 1960–1970-х гг. преобладало мнение, согласно которому санационный режим создал своеобразную структуру, не идентичную фашизму, но тяготеющую к нему. В чем авторы видели общие черты между фашизмом и режимом «санации»? Наличие сильного централизованного государства и личной диктатуры Пилсудского, который контролировал армию и исполнительную власть, создание образа маршала как вождя и «отца» нации, жесточайшая антикоммунистическая направленность режима. Подобную аргументацию четче других сформулировал польский исследователь Ф. Рышка, который не ограничивался общими формулами, а начал системно исследовать вопрос о сути режима «санации». Примечательны две его работы: одна обобщающая – фактически первая полноценная монография по режиму «санации» – «Государство чрезвычайно положения»³, другая сопоставительного характера, в ее фокусе

¹ Подробнее о сути режима «санации» см.: Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012. С. 198–219.

² См., напр.: История Польши: в 3-х тт. Т. 3 / отв. ред. Ф.Г. Зуева и др. М., 1958.

³ Ryszka F. Państwo stanu wyjątkowego. I wyd. Wrocław, 1964. II wydanie. 1974.

правовой аспект фашизма – «История политических и правовых доктрин»⁴.

Профессор Рышка скрупулезно изучил правовую основу классических фашистских режимов в Европе и нашел общие черты между ними и диктаторским режимом, установленным маршалом Пилсудским; сам Пилсудский в работах Рышки неоднократно фигурирует как «фашистский вождь», не стесненный «никакими юридическими и моральными нормами, а лишь действующий во имя им самим сформулированных целей»⁵. Несмотря на активное использование термина «фашистский» применительно к личности Пилсудского и его окружению, исследователь приходит к выводу, что режим «санации» в Польше не являлся фашистским по своей сути, поскольку не был «тотальным», подобно германскому или итальянскому, только во многом старался ему подражать. Ученый полагал, что между режимом «санации» и фашизмом нельзя ставить знак равенства, поскольку диктаторский режим в Польше был достаточно слаб, а в политической жизни присутствовали оппозиционные силы, оказывавшие, хотя и слабое, сопротивление режиму.

Существенное развитие идеи профессора Рышки нашли в работах его соотечественника – Х. Зелиньского. В фундаментальном труде «История Польши 1986–1939 гг.» исследователь пришел к выводу, что «санационной диктатуре не удалось превратить Польшу в государство явно фашистского типа»⁶. Однако автор подчеркнул, что установленная в Польше система обнаруживала ряд сходств с фашистской: харизматический вождь, использование элементов популизма, антикоммунизм. В то же время наличие легальной действующей оппозиции, по мнению Зелиньского, существенно отличает режим «санации» от классического фашизма⁷. Мысль о «половинчатости» признаков фашизма в польской модели проводит в своей обобщающей работе польский исследователь Ю. Бушко⁸.

В современной польской историографии режим «санации» оценивают по-иному, нежели во времена Народной Польши. Характерен уход исследователей от негативных оценок личности Пилсудского и его деятельности, поиск авторами новых вариантов

⁴ Ryszka F., Baszkiewicz J. Historia doktryn politycznych i prawnych. Wrocław, 1970.

⁵ Faszysm – teoria i praktyka w Europie (1922–1945). Studia nad faszysmem i zbrodniami hitlerowskimi // Acta Universitatis Wroclavensis. Wrocław, 1974. N 366. S. 9–67.

⁶ Zieliński H. Historia Polski 1864–1939. Warszawa, 1971. S. 12–13; 175–176.

⁷ Ibid. S. 15, 193.

⁸ Buszko J. Historia Polski, 1864–1948. Warszawa, 1978. S. 270–271.

типологизации политического режима, сложившегося в Польше в межвоенный период.

Признавая авторитарность правления маршала, недемократизм его взглядов и методов управления, польские историки дают в целом положительную оценку его деятельности, доказывая, в частности, что установление фактической диктатуры Пилсудского было лучшим из возможных вариантов развития межвоенной Польши. При этом подчеркивается персоналистский характер возникшей диктатуры. В монографии Е. Эйслера, А. Шварца и П. Вечоркевича подчеркивается, что последняя «опиралась исключительно на личный авторитет маршала», который, будучи «наделенным харизматической индивидуальностью, смог объединить вокруг себя фанатичных сторонников»⁹. Сходной точки зрения придерживается историк В. Суля, отметивший, что польский вариант авторитаризма был «тесно связан с личностью Пилсудского»¹⁰. К. Кавалец отмечает, что после майского переворота управление государством перешло «в руки личности всеми уважаемой и заслуженной, но возвышающейся над общественным мнением и неконтролируемой в своих начинаниях»¹¹.

Также отошли исследователи и от по большей части отрицательных оценок деятельности санационного лагеря, характерных для периода Народной Польши. При этом авторы обращают внимание на высокую степень его социальной и идейно-политической неоднородности, борьбу между отдельными соперничавшими группами. Подчеркивается также четко выраженный дрейф сторонников «санации» в правонационалистическом направлении, в конечном счете приведший после смерти Пилсудского к расколу этого лагеря. Именно подобная динамика, по убеждению многих авторов, давала основания предшествовавшему поколению историков проводить параллели между государственно-политическим устройством санационной Польши и фашистскими режимами Европы¹².

В польской историографии последних лет подобные параллели считаются устаревшими, а трактовка личности Пилсудского как «фашистского вождя» полностью несоответствующими действи-

⁹ Ejsler J., Szwarz A., *Wieczorkiewicz P.* Polska. Dzieje polityczne ostatnich dwustu lat. Warszawa, 1997. S. 103–104.

¹⁰ Suleja W. Józef Piłsudski. Wrocław, 2004. S. 358.

¹¹ Kawalec K. Roman Dmowski. 1864–1939. Wrocław, 2002. S. 254–255.

¹² *Wieczorkiewicz P.* Historia polityczna Polski. 1935–1945. Warszawa, 2005. S. 15; Roszkowski W. Najnowsza historia Polski. 1914–1945. Warszawa, 2003. S. 125–128.

тельности. Общепринятым и своего рода установочным стало суждение, согласно которому наиболее точно суть режима «санации» передает определение «авторитаризм».

Советские историки и обществоведы также внесли свой вклад в изучение фашистских и антидемократических режимов, активно включившись в 1970-е – 1980-е гг. в научные дискуссии. Что касается польских реалий, то до определенного времени установочным считалось определение, дававшееся в энциклопедических изданиях («Большая советская энциклопедия», «Советская историческая энциклопедия»): санационный режим 1926–1939 гг. кратко именовался «реакционным». Подробная лаконичность отражала тогдашнюю историографическую ситуацию, для которой были характерны *поиски* объективного ответа на сложные и политически острые вопросы, обсуждавшиеся в международном научном сообществе. Не случайно исследование проблем «санации», наряду с другими национальными вариантами фашистских и антидемократических систем, стало предметом совместных обсуждений советских и польских историков. Заметной вехой явился подготовленный усилиями сторон сборник научных статей «Фашизм и антидемократические режимы в Европе»¹³. Политический режим межвоенной Польши авторы определяют как «авторитарный» (Ф. Рышка) или как «реакционную диктатуру» (И.В. Михутина)¹⁴. Поднимая проблему истоков будущего диктаторского режима в Польше, Г.Ф. Матвеев обратился к изучению лагеря польской эмиграции¹⁵. Историк пришел к выводу, что после 1926 г. эмиграции пришлось вести с борьбу с режимом «санации», который также осуществил заметную эволюцию в «направлении фашизма»¹⁶. Изучив историю майского переворота 1926 г., И.В. Михутина констатировала, что в режиме «санации» Пилсудский воплотил свою концепцию «нерегламентированной, опирающейся исключительно на личность авторитарной власти, как бы предопределенной свыше», при которой не было нужды ни в специальном

¹³ Фашизм и антидемократические режимы в Европе / редколл.: Я. Жарновский, И.И. Костюшко, И.В. Михутина и др. М., 1981.

¹⁴ Рышка Ф. Организация фашистского государства // Фашизм и антидемократические режимы в Европе. С. 19–28; Михутина И.В. Режим «санации» в Польше и политические организации трудящихся (1926–1930) // Там же. С. 26–30.

¹⁵ Матвеев Г.Ф. Зарождение фашистских тенденций в лагере польской национальной демократии (1919–1926 гг.) // Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя: страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период / отв. ред. А.Х. Клеванский. М., 1984. С. 78–92.

¹⁶ Там же. С. 139.

оформлении диктатуры, ни в точной фиксации конкретного типа государственных институтов¹⁷. (Не случайно в некоторых польских кругах говорили о монархических наклонностях маршала¹⁸). Сохранение же некоторых форм парламентаризма при сосредоточении власти в одних руках воспринималось в обществе с пониманием как следование старой автократической традиции, свойственной этой части Европы.

В постсоветской российской историографии режим «санации», история его возникновения, сущностные черты и эволюция всесторонне освещаются в работах авторитетного историка-полониста, профессора Московского университета Г.Ф. Матвеева, автора первой в отечественной историографии политической биографии Пилсудского. Согласно его концепции, режим «санации», установленный с целью покончить с всевластием сейма и создать оригинальную политическую систему, совмещающую элементы президентского правления и диктатуры, «на самом деле на всем протяжении своего существования был диктатурой армии»¹⁹. При этом историк полагает, что диктат армии вовсе не был очевидным при жизни Пилсудского, поскольку до 1935 г. армия реализовывала свою функцию в первую очередь через Пилсудского – политика, нежели военного, а сама оставалась в тени. После кончины маршала 12 мая 1935 г. его место заняли лидеры разных группировок санационного лагеря – центрист И. Мосьцицкий и национал-популист Э. Рыдз-Смиглы, каждый из которых как политик был далек от уровня создателя режима. Именно в это время, по мнению Матвеева, армия стала выходить из тени на первый план политической жизни, а режим начал приобретать все более выраженный военизированный характер²⁰.

Предложив оригинальную оценку «санации» как диктатуры армии, Г.Ф. Матвеев значительно углубил и уточнил доминирующую в современной польской историографии характеристику режима как авторитарного. Однако позиция Матвеева представляется спорной в силу того, что при Пилсудском у армии фактически не было политических и властных функций, при том, что после смерти маршала эволюция «санации» в сторону диктатуры армии очевидна.

¹⁷ Мухутина И.В. Майский переворот 1926 года в Польше // Советское славяноведение. 1989. № 6. С. 14–25.

¹⁸ Rataj M. Pamiętniki 1918–1927. Warszawa, 1965. S. 420.

¹⁹ Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008. С. 465–470; он же. К вопросу о типологии режима «санации» в Польше // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 50.

²⁰ Матвеев Г.Ф. К вопросу о типологии режима «санации» в Польше. С. 51.

Разработки англоязычной историографии также могут представлять интерес в контексте рассматриваемой проблемы, поскольку западноевропейские и американские историки проводят свои параллели при анализе фашистских режимов в межвоенный период. Причем большая часть из них отнюдь не были сторонниками польских коммунистов.

Так, размышляя о фашистских составляющих режима «санации», американский историк польского происхождения Х. Верещицкий²¹, ссылаясь на польские работы 1970-х гг., констатирует идейную близость Пилсудского к фашистским вождям. А коллега Верещицкого – английский исследователь Э. Полонский – определил межвоенный польский режим как «полуконституционную управляемую демократию»²². По мнению другого известного американского историка-полониста Э.Д. Уайнота-младшего, после смерти Пилсудского к концу 1930-х гг. «развивающаяся польская нация все более приближалась к построению в стране модели фашистского государства»²³.

Основные положения интерпретаций режима «санации», разработанные Полонским и Э.Д. Уайнотом-младшим, разделяет португальский историк А. Кошта Пинту – один из крупнейших современных исследователей фашизма и корпоративизма. Он подчеркивает, что установленный в 1926 г. режим основывался на демократическом национализме при условии концентрации власти в руках маршала, создании коалиционной партии и Беспартийного блока сотрудничества с правительством (ББСП), при поддержке Пилсудского парламентом²⁴. По классификации Кошта Пинту, при Пилсудском существовал правящий тип партийной системы, социальный корпоративизм был выражен слабо, а политический корпоративизм – средне; после смерти Пилсудского политический и социальный корпоративизм стал заметнее и сильнее²⁵. Тогда была

²¹ *Wereszycki H.* Fascism in Poland // *Native Fascism in the Successor States, 1918–1945* / ed. by P.F. Sugar. Santa Barbara, 1971. P. 85–91.

²² *Polonsky A.* Politics of Independent Poland, 1921–1939: the Crisis of Constitutional Government. Oxford, 1972. P. VII.

²³ *Wynot Jr. E.D.* Polish Politics in Transition: the Camp of National Unity and the Struggle for Power, 1935–1939. Athens, 1974. P. XI.

²⁴ *Пинту А.К.* Фашизм, корпоративизм и создание авторитарных институтов в диктаторских государствах Европы в межвоенный период // *Берегиня. 777*. Сова. 2014. № 4(23). С. 82.

²⁵ Там же. С. 75; подробнее о социальном и политическом корпоративизме см.: *Rethinking Fascism and Dictatorship in Europe* / eds. by A. Kallis and A.C. Pinto. London, 2014. P. 90–95.

предпринята попытка начать оформление фашистского режима: последователь Пилсудского полковник Адам Коц предложил ликвидировать профсоюзное движение и «создать систему корпораций по фашистской модели» в духе программы возглавляемого им Лагеря национального единения (ЛНЕ)²⁶. Однако до реализации дело не дошло: 1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу.

Немецкие исследователи А. Бауэркэмпер и Г. Россолински-Либе, авторы ряда крупных работ о фашизме как транснациональном явлении, рассматривают феномен авторитарных диктатур, существовавших в Европе между двумя мировыми войнами как самостоятельный международный феномен наряду с фашизмом. При этом авторы подчеркивают, что эти режимы заимствовали у фашизма его определенные компоненты или «фашизировали» собственные государственные и экономические структуры, в тех случаях, когда это сулило существенные политические выгоды. Режимы М. Хорти в Венгрии, А. Сметоны в Литве и Ю. Пилсудского в Польше, по убеждению ученых, были «в основном авторитарными»; некоторые из них даже вели борьбу с фашистами. Авторы подчеркивают, что, в отличие от фашистских движений и режимов, не все авторитарные диктатуры включали расизм и ультранационализм в свои программы. А Пилсудский, по их мнению, был даже сторонником социализма. Бауэркэмпер и Россолински-Либе считают, что появление известной коминтерновской оценки Пилсудского как «фашиста» объясняется «предательством» им коммунистической идеи²⁷.

Тем не менее британский историк и политолог Р. Биделё полагает, что правящий класс Венгрии и Польши особенно активно пытался «использовать фашизм в своих целях». Однако представители политической элиты этих стран были «достаточно осторожны

²⁶ Лагерь национального единения (польск. *Obóz Zjednoczenia Narodowego*) – польская правительственная политическая организация «пилсудчиков», действовавшая в 1937–1939 гг. на всей территории Польши, включая Западную Украину и Западную Белоруссию. В 1938 г. насчитывала 100 тыс. членов. Жестко централизованный ЛНЕ основывался на принципе «управленческой демократии» – авторитете руководителей во главе с «вождем», осуществлявших «плановую групповую деятельность» с учетом воли граждан и при их активном сотрудничестве. В партийной пропаганде ЛНЕ особо акцентировалась роль армии и главнокомандующего. В деятельности организации прослеживались фашистские и антисемитские тенденции, однако с немецкими нацистами руководство не сотрудничало. Подробнее о ЛНЕ см.: *Wynot Jr. E.D.* Op. cit.

²⁷ *Bauerkämper A., Rossoliński-Liebe G.* Introduction // *Fascism without Borders: Transnational Connections and Cooperation between Movements and Regimes in Europe, 1918–1945* / eds. by A. Bauerkämper and G. Rossoliński-Liebe. New York, 2017. P. 3–4.

и консервативны, чтобы повсеместно передавать власть фашистам. Они, в основном, стремились использовать фашистских политиков-плебеев, манипулируя ими. Держались они с этими политиками обычно аристократически надменно»²⁸.

Подробный анализ фашистских режимов представил современный британский историк А. Каллис. Ученый выделяет четыре модели фашизма в зависимости от степени радикальности режима и от того, была ли фашизация навязана сверху или, скорее, обусловлена конкретной внутривластной обстановкой²⁹.

В основе *первой* модели – радикальная составляющая, свойственная ранней фашистской идеологии, жесткая организация, бескомпромиссность; этнорежим, наделенный сверхвластью, существовавший в короткий промежуток времени. Подобная модель получила распространение в Германии, Италии, Румынии при режиме Антонеску в 1939–1940 гг. *Вторая* является смесью авторитаризма и фашизма, формирование которой подстегнули события 1922 г. в Италии и 1933 г. в Германии. Она менее радикальная, чем первая, плод странного сочетания радикальности и компромисса, долгосрочный политический альянс между традиционными консервативными силами и фашистским компонентом. Такая модель была создана в Испании при генерале Франко. *Третья* модель строится на основе менее радикальных элементов под покровительством консервативного истеблишмента, это своеобразная защита верхов от возможного прихода к власти радикальных фашистских элементов. Такая модель закрепились в Венгрии, Австрии. И, наконец, *четвертая* основана на фашизации «сверху» как превентивной меры во избежание открытого общественного-политического конфликта. Это модель реализована в Португалии при Салазаре, в Греции в послевоенный период³⁰.

По мысли Каллиса, политическая элита ряда стран, в том числе Польши, стремилась использовать некоторые исходные элементы политической модели классического фашизма, а именно – наличие фигуры сильного и харизматического вождя, усечение функций представительных органов, расширение полномочий исполнительной власти. Все это было сделано с превентивной целью – чтобы

²⁸ Биделё Р. Этническая мобилизация, национальное самосознание, «этнокрапия» и привлекательность авторитаризма в странах Центрально-Восточной Европы и на Балканах // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 19–20.

²⁹ См.: Kallis A. 'Fascism', 'Para-fascism' and 'Fascistization': On the Similarities of Three Conceptual Categories // European History Quarterly. 2003. Vol. 33. № 2. P. 220–248.

³⁰ Ibid. P. 238–239.

избежать «настоящей фашизации» и роста радикальных настроений³¹. Британский историк полагает, что применительно к системе власти времен Пилсудского может быть использован термин «парафашистский режим», поскольку режим «санации» был сформирован на периферии классического фашизма и воспринял его опыт при формировании «сильного правительства» и личной диктатуры.

Положения, выдвинутые Каллисом, опираются на разработки немецкого историка В. Виппермана, который еще в начале 1980-х гг. предпринял плодотворную попытку типологизировать фашистские режимы, находившиеся в свое время у власти³². Указав на «нормальный», или классический (Италия) и «радикальный» (Германия) «фашизмы», автор выделил в особую, третью, группу страны, где фашистские режимы утверждались «сверху», т.е. «не прорастали» из низов, из истоков массовых организаций или движений. К их числу, помимо Румынии, Венгрии, балтийских государств, Испании и Португалии, была отнесена и Польша. Особняком, по мнению Виппермана, следовало рассматривать фашистские режимы-сателлиты, утвердившиеся в Хорватии и Словакии. Из третьей группы государств Випперман дополнительно выделил «пограничные случаи» (Польша, Словакия, Португалия), видимо, имея ввиду определенную размытость, нечеткость и/или смешение критериев, применяемых при типологизации. Пограничное состояние позволило констатировать преобладание авторитарных, а не собственно фашистских черт политических режимов в указанных странах.

В современной англоязычной историографии ставится под сомнение тезис авторитетного британского исследователя М. Блинкорна, согласно которому режим Пилсудского «двигался» в авторитарном, но не в фашистском направлении. Историк отмечал, что в то время в Польше существовали ультранационалистические, прокатолические, ксенофобские и антисемитские организации, на деятельность которых итальянский фашизм оказал сильное влияние. Однако их попытки воздействия на государственную политику оказались безуспешными, поскольку, по убеждению Блинкорна, после смерти Пилсудского режим санации резко эволюционировал вправо: в стране «начал формироваться авторитарный режим

³¹ Ibid. P. 240.

³² Wippermann W. *Europäischer Faschismus im Vergleich*. Frankfurt am Main, 1983. На русском языке см.: Випперман В. Европейский фашизм в сравнении. 1922–1982. Новосибирск, 2000. (К русскому изданию автор написал специальное заключение). URL: modeprolems.org.ru/attachments/article/132/Evropskij%20fashizm%20v%20sravnenii%20201922-1982%20gg.pdf

“истеблишмента”, сравнимый (хотя ни в коем случае не идентичный) с другими диктатурами Центральной и Восточной Европы»³³.

В противовес этому суждению известный американский историк Д.Д. Робертс указывает на существенное взаимовлияние воззрений реакционных консерваторов и фашистов межвоенной эпохи, результатом которого во многих случаях стал их «синергетический синтез, который по своему характеру был “фашистским”». Исследователь полагает, что рассматривая режим Франко в Испании, так же, как и другие диктаторские режимы в Португалии и Восточной Европе, как сугубо авторитарные, консервативные и традиционалистские, ученые упускают из виду их «новизну для новых правых со всеми вытекающими из этого последствиями». Эти режимы, по мнению Робертса, параллельно Италии и Германии «пошли по пути фашизации»³⁴. Историк подчеркивает, что именно термин «фашизация» лучше всего подходит для описания деятельности правых сил в период между двумя мировыми войнами, поскольку «в нем предлагается не статичная классификация, а подход, учитывающий динамичный процесс с неопределенной траекторией». Ученый полагает, что фашизм представлял собой «динамичный процесс», который включал в себя «разнообразные модели взаимовлияний»³⁵.

С подобного рода подходом в целом соглашается и А. Каллис, подчеркивая при этом, что в межвоенной Европе под воздействием итальянского и германского фашизма отчетливо проявлялись признаки образования «гибридного политического пространства». Термин «фашизация», по его мнению, признает различия в намерениях и итогах деятельности различных политических сил и режимов, «не сбрасывая со счетов их общий источник вдохновения и трансгрессивного расширения»³⁶.

Относительно ситуации в Польше Каллис особо подчеркивает, что во второй период своего правления (1930–1935 гг.) Пилсудский предпринял активные попытки устранения последних сегментов парламентской системы и ликвидации прав национальных меньшинств, проживавших на территории польского государства. В 1930 г. был официально упразднен парламент, а с 1933 г. маршал провел так называемые реформы по «полонизации» Восточных

³³ Blinkhorn M. *Fascism and the Right in Europe, 1919–1945*. London, 2000. P. 53–54.

³⁴ Робертс Д.Д. В поиске осмысления фашизма: взаимовлияние фашистских сил между двумя мировыми войнами // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 24–25.

³⁵ Там же. С. 27–28.

³⁶ Каллис А. Есть ли у фашизма будущее: размышление об истории печально известного понятия // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 13.

кресов (оккупированных Западной Украины, Западной Белоруссии и Южной Литвы), отменил действия договоров по защите прав меньшинств, подавил деятельность украинских националистов и арестовал руководителей их организаций. После смерти Пилсудского в стране отмечался существенный рост столкновений между активистами польских ультраправых организаций (переходивших на все более откровенно фашистские позиции) и евреями³⁷.

Каллис полагает, что образование в мае 1934 г. Национально-радикального лагеря, несмотря на попытки запрета деятельности этой организации Пилсудским, было «симптомом более широкой радикализации польских правых, а также растущей в стране тенденции к “фашизации”». Радикализация официальной позиции по отношению к меньшинствам и связанные с ними международные обязательства, по убеждению историка, также отразились и на внешней политике. Возглавивший в 1932 г. министерство иностранных дел Ю. Бек предпринял попытку пересмотреть традиционные для послевоенной Польши отношения с Францией и сблизиться с Германией. Этот курс завершился подписанием режимом «санации» пакта о ненападении 1934 г. с национал-социалистическим режимом. Каллис считает, что «новый альянс, по-видимому, освободил польских правителей от необходимости действовать в соответствии с отвечающими высоким требованиям международными принципами, которые диктовали более умеренный подход к проблемам меньшинств»³⁸.

Британский историк также акцентирует внимание на том, что в годы, предшествующие Второй мировой войне, наблюдалось усиление дискриминационных мер в польской экономике: проводилась «полонизация» промышленности и торговли. В обществе возрастали «призывы к радикальному “решению” еврейского вопроса путем массовой эмиграции». Польское правительство стало более тесно сотрудничать как с католической церковью, так и с другими антисемитскими правыми кругами. Стали возрождаться под новыми названиями радикальные движения, которые были запрещены во время правления Пилсудского. Их программные установки стали еще более жесткими.

На практике традиционный в широких слоях польского общества религиозный антисемитизм вкупе с его симптомами в социально-экономической сфере способствовали принятию ряда неформальных мер

³⁷ Kallis A. *Genocide and Fascism: the Eliminationist Drive in Fascist Europe*. New York – London, 2009. P. 125.

³⁸ Ibidem.

по запугиванию евреев-предпринимателей, начались бойкоты еврейского бизнеса. Все это привело к росту насилия, в частности, к серии локальных погромов 1935–1936 гг. и еще более жестоким антиеврейским проявлениям в 1937 г. (В частности, был разработан Мадагаскарский план глобального переселения евреев на этот остров после предполагавшейся передачи этой французской колонии Польше, в вузах действовали своего рода гетто, когда студенты-евреи изолировались в специально отведенных для них частях аудиторий, на последних рядах, и пр.). При этом, по мнению Каллиса, антиеврейские меры часто напрямую заимствовались у нацистской Германии. Так, в конце 1938 – начале 1939 гг. члены польского Сейма при активной поддержке Лагеря национального единения и праворадикальных групп подготовили документы о введении в Польше законодательства о гражданстве, написанного в стиле нацистских Нюрнбергских законов*. Две другие основные политические партии Польши и Крестьянская партия также оказали некоторую поддержку этому проекту. Несмотря на то, что ничего из этой инициативы не вышло, и вся дискуссия была прекращена с началом войны и немецкой оккупацией, исследователь считает возможным предположить, что «фашизация» польской политической жизни во второй половине 30-х годов сопровождалась усилением «элиминистского антисемитизма», то есть стремления к уничтожению всех евреев как чужеродного элемента, и копированием взглядов и политики национал-социализма³⁹.

Каллис приходит к выводу, что «несмотря на наличие оппозиционных элементов в двух ведущих партиях, политический контекст в Польше после смерти Пилсудского не исключал появления подлинного, полностью укоренившегося “фашистского” политического движения». Историк убежден, что, сделав уступки правым ультранационалистам, две основные политические партии Польши, способствовали распространению антисемитизма. Агрессивная антиеврейская политика нацистской Германии «создала мощный прецедент, который был усвоен многими в Польше как еще одна “лицензия” для активизации процесса преследования и запугивания евреев, в том числе и с применением насилия». Эта агрессивная позиция, в основном не типичная или даже запретная на протяжении большей части 1920-х гг., по убеждению

* Нюрнбергскими именовали законы о гражданстве в Рейхе и о защите немецкой крови и немецкой чести, принятые 15 сентября 1935 г. на основе решений съезда НСДАП, заседавшего в Нюрнберге. По ним лица еврейской национальности лишались всех гражданских прав на территории Рейха и фактически исключались из общественной жизни. – *Прим. редколлегии.*

³⁹ Kallis A. *Genocide and Fascism*. P. 126–127.

ученого, «была бы невозможна без прецедента национал-социализма и распространения общей “фашистской” парадигмы по всей Европе»⁴⁰.

На наш взгляд, подобные работы, где рассматриваются теоретические аспекты фашизма и проводятся адекватные параллели между одновременно существовавшими диктаторскими режимами, весьма полезны, поскольку они расширяют наши знания о природе фашизма, позволяют поразмыслить о его границах и отследить современные тенденции социально-политических изменений в странах, где когда-то существовали фашистские, профашистские или парафашистские режимы.

Итак, по мере отказа от тиражирования довоенных политических оценок и углубления знаний о природе фашизма российские и польские исследователи, принимая во внимание целый ряд существенных отличий «санации» от итальянского фашизма и германского нацизма, стали определять санационный режим как авторитарный. Образ Пилсудского – вождя и «отца» нации, центральный и в парадигме санационного режима, и в рассуждениях тех, кто считал его «фашистским лидером», был сформирован в 1930-е гг., но оказался настолько устойчивым, что культ Пилсудского, зачастую романтизированный, живет в сознании многих поляков и в наши дни. В связи с этим отмеченная в западноевропейской и американской историографии тенденция классифицировать режим «санации» как «парафашистский» или «фашизировавшийся» наводит на размышления о границах фашистской идеологии и ее возможных последователях в современной Европе.

В совместной публикации российских историков – крупнейшего специалиста по фашизму А.А. Галкина, А.А. Богдашкина и английского исследователя Р. Йомэнса сформулировано конструктивное, на наш взгляд, предложение о смене исследовательского вектора: «вместо того чтобы вести бесконечные дискуссии по вопросу, какие из диктатур или движений являлись фашистскими, а какие нет, необходимо обсуждать, каким образом разнообразные правые движения и диктаторы использовали идеи и методы фашизма в своей практике»⁴¹.

Представляется, что важнейшей исходной точкой для написания обобщающих аналитических трудов по рассматриваемой проблеме являются конкретные страноведческие работы, и этот вектор исследований следует признать постоянным. Конкретное разнообразие национальных вариантов фашизма и производных от этого

⁴⁰ Ibid. P. 127.

⁴¹ Галкин А.А., Богдашкин А.А., Йомэнс Р. Заключение // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 300.

понятия вряд ли позволит вычленить единый понятийный критерий или построить глобальную теорию фашизма. Учет конкретных разработок, скорее, даст возможность сформулировать некую промежуточную «теорию среднего уровня (или радиуса) действия», способную *помочь приблизиться* к постижению сути фашистских, диктаторских и антидемократических режимов. Споры о понятиях бесплодны, а поиск глобальной теории вряд ли нужен, – считает В. Випперман: «Важнее и полезнее продолжить эмпирические, плюралистические в своих методах сравнительные исследования фашизма».

Применительно к постижению сущности феномена «санации» рекомендация Виппермана означает продолжение системного анализа государственного строя межвоенной Польши⁴² как некоего недемократического режима, сформировавшегося не без влияния национального характера и менталитета поляков и пытавшегося применить в национальной практике имевшийся на тот момент опыт создания «сильных правительств» в других странах мира.

⁴² Результативность такой работы подтверждает серия содержательных статей волгоградского историка И.К. Кима. См.: Ким И.К. Реакция армии и общества на майский переворот 1926 года в Польше по донесениям польской контрразведки // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 4. С. 69–72; он же. Современная польская историография о Юзефе Пилсудском и санационном лагере // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2010. Вып. 2. С. 83–87; он же. Санационные власти в парламентских выборах 1935 года в Польше // Славяноведение. 2011. № 5. С. 3–13; он же. Отражение в прессе левых партий майского переворота 1926 года в Польше // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 1 (19). С. 65–70; он же. Становление советско-польских отношений в обобщающих трудах современных польских историков // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1 (24). С. 128–132; он же. Майский переворот 1926 г. и трансформация взаимного восприятия основных политических лагерей в Польше // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 8 (93). С. 100–106; он же. Избирательная кампания санации перед выборами в Сейм 1930 г. в Польше на страницах «Газеты польской» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 4. С. 209–216; он же. О пребывании в военной тюрьме в Бресте деятелей польской оппозиции в 1930 г. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 1. С. 201–209; он же. Польские оппозиционные партии в парламентских выборах 1930 г. в Польше // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 5. С. 157–164 и др.

С.В. Печенкин

ФАШИСТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ И КВАЗИФАШИСТСКИМ РЕЖИМОМ В ПОЛЬШЕ

В первой половине XX века наблюдалось переплетение исторических судеб Польши и Германии. В России в 1917 г., в Германии и Австро-Венгрии в 1918 г. обостряются политические и социально-экономические кризисы, которые приводят к серии буржуазно-демократических революций. На обломках империй появляется ряд молодых самостоятельных государств, некоторые из которых начинают проводить агрессивную внешнюю политику. Одним из них становится Польша, которая после подписания 3 июля 1918 г. Брестского мира получает заверения со стороны стран Антанты в поддержке ее независимости¹.

Формирование самостоятельного польского государства, несколько столетий назад потерявшего свою независимость, началось с идеи возрождения великодержавности и территориальных претензий к соседним государствам. При этом если в годы Первой мировой войны и Германия, и Россия, стремясь сохранить лояльность проживавших на территории обеих империй польских подданных, разрабатывали проекты введения автономии, либо даже создания независимого Польского государства за счет территорий друг друга, то после 1918 г. инициатива в данном вопросе перешла к самим полякам и странам Антанты².

Создание Веймарской республики в Германии сопровождалось потерей ряда территорий, которые были переданы государствами – победителями в Первой мировой войне Польше и соседним странам. Это Познань, Данциг, польская Верхняя Силезия и Гданьское Поморье. Оспаривая решения Версальских договоренностей о передаче этих земель Польше, руководство Веймарской республики не поддерживало начавшуюся немецкую миграцию с этих территорий, рассчитывая в будущем активно использовать фольксдойче

¹ Яжборовская И.С. Итоги и последствия Первой мировой войны для Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы // Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие: сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 16–17 мая 2018 г.). Воронеж, 2018. С. 49.

² Подробнее см.: Лопатина Е.Б. Восстановление независимости Польши в планах России и Германии // Итоги и последствия Первой мировой войны. С. 212.

в качестве пятой колонны³. Заметим, что данная констатация на протяжении десятилетий остается предметом дискуссий, и единого подхода до сих пор не выработано⁴.

Перипетии развития Веймарской республики и Польской республики (I Речи Посполитой), в конечном итоге, способствовали приходу к власти нацизма в Германии и авторитарного режима санации, или квазифашистского режима, в Польше.

Германо-польские отношения первой половины XX в. можно хронологически разделить на три этапа: первый – 1918–1925 гг.; второй – 1926–1933 гг.; третий – 1933–1939 гг.

На первом этапе страны находились в неравных условиях. Германия была существенно ослаблена решениями Парижской мирной конференции и Версальским договором, в результате чего даже частично утратила свой суверенитет. Польша, напротив, пользуясь благосклонностью стран Антанты, не только вернула свои суверенитет и независимость, но и начала проводить активную внешнюю политику, цель которой заключалась в восстановлении Польши в границах I Речи Посполитой. По мнению отечественного историка А.Ф. Носковой, в то время, как, впрочем, и сейчас, территорию рассматривали в качестве важнейшей меры для обеспечения государственной безопасности. То есть, «больше территория, больше человеческих, природных, экономических ресурсов, “веса” на международной арене, значит – больше внешней безопасности»⁵.

Германия смогла вернуть утраченные позиции в международных отношениях только в 1925 г. в рамках решений Локарнской конференции⁶.

³ Подробнее см.: *Полунин Е.С.* Немецкие национальные меньшинства и иммигрантские диаспоры как инструмент политики Германии в период мировых войн // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж, 2017. С. 65–84; *он же.* Немецкие национальные меньшинства и диаспоры после Первой мировой войны: послевоенные реалии и антиверсальские настроения // Итоги и последствия Первой мировой войны. С. 54–70.

⁴ *Кретианин С.В.* Фактор национальных меньшинств в период между двумя мировыми войнами (1919–1919) // Феномен мировых войн в истории XX века. С. 232.

⁵ *Носкова А.Ф.* Польша в мировых войнах XX века: изменение территории и трансформация национального облика // Феномен мировых войн в истории XX века. С. 85.

⁶ Международная конференция в Локарно (15–16 октября 1925 г.) была созвана с целью «умиротворения Европы» после Первой мировой войны. Одним из главных итогов конференции явилось подписание Рейнского гарантийного пакта о западных границах Германии.

Второй этап проходил в хронологических рамках существования Веймарской республики и установления режима санации Юзефа Пилсудского. После Локарно начинается ухудшение германо-польских отношений, и главной целью политики Польши становится «завоевание положения великого европейского государства и достижение самостоятельности действий на европейской арене»⁷.

Третий этап польско-германских отношений знаменовался установлением нацистского режима в Германии, и завершением процесса становления квазифашистского, или авторитарно-военного, режима санации в Польше. Авторитетный российский историк-полонист Г.Ф. Матвеев определяет его как диктатуру армии⁸.

Целью данной статьи является анализ третьего этапа германо-польских отношений, то есть периода с 1933 по 1939 гг. Хотя межгосударственные отношения «Третьего рейха» и санационного режима Польши достаточно подробно исследованы в историографии, проблема их интерпретации и выявления особенностей, по нашему мнению, по-прежнему сохраняет актуальность.

Фашистской дипломатии предстояло решить две задачи. Во-первых, провести ревизию Версальской системы, во-вторых, найти союзников в осуществлении своей внешнеполитической программы – завоевании жизненного пространства для германской нации.

Данный этап в деятельности фашистской дипломатии можно охарактеризовать как дипломатию с «двойным дном». В чем же это находило выражение? В 1925–1926 гг. была издана книга Адольфа Гитлера «Моя борьба» (*Mein Kampf*), ставшая идеологическим обоснованием нацизма. В ней будущий фюрер в значительной степени сформулировал и внешнеполитические задачи Германии. Фашистская дипломатия строилась отчасти на идеях «консервативной революции» (в их числе и антисемитизм), разделявшихся многими представителями политических кругов Запада. Программные установки Гитлера были знакомы европейской элите, более того, ее часть, в том числе представители аристократических кругов Великобритании, поддерживала их.

Определяя в качестве цели германской внешней политики «подготовку условий, необходимых для восстановления независимости

⁷ Лопатина О.В. Польско-германские отношения 1918–1925 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2003. С. 13.

⁸ Матвеев Г.Ф. К вопросу о типологии режима «санации» в Польше // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 51.

и свободы ... государства»⁹, Гитлер связывал с последними решение вопроса о жизненном пространстве нации, объявив таковым восточные территории с населявшими их славянскими народами.

Дипломатия Пилсудского имела схожие цели и задачи. Польская внешнеполитическая программа основной целью полагала возвращение страны к границам I Речи Посполитой в 1772 г. и создание II Речи Посполитой. Этого можно было достичь путем захвата территорий соседних государств, в том числе Чехословакии, Украинской и Белорусской советских социалистических республик. Антисемитизм и проведение националистической политики в отношении населения Западной Украины и Западной Белоруссии¹⁰, присоединенных в ходе советско-польской войны 1919–1921 гг., роднили гитлеровский режим и режим санации в Польше. По сути, возникли общие интересы в международных делах. В результате у поляков оформилась идея сотрудничества с «Третьим рейхом».

Уже в 1932 г. правительство Пилсудского изменяет своей традиционной внешнеполитической ориентации на Францию и берет курс на сближение с Германией¹¹. О возможных причинах этого сообщал в письме министру иностранных дел Юзефу Беку в феврале 1933 г. советник посольства Польши во французской столице Анатолий Мюльштейн. Он отмечал, что французы даже не рассматривают возможность ведения Польшей самостоятельной, не в фарватере Франции, внешней политики. Отступление Варшавы от подобной подчиненности собственных национальных интересов многие французы воспринимали как предательство, что не могло не тяготить стремившихся к активной позиции в международных делах польских государственных деятелей¹².

В сентябре 1933 г. князь Евстафий Сапега, министр иностранных дел Польши в 1920–1921 гг., так определил роль и место страны в новые времена: «Перед нами встал вопрос – будем ли мы

⁹ Из программы «25 пунктов» НСДАП // URL: <https://realism.ru/iz-programmy-25-punktov-nsdap-programma-nacional-socialisticheskoi> (дата обращения: 12.11.2019 г.).

¹⁰ В 1939 г. советское руководство ввод частей Красной Армии на территорию Польши объясняло именно необходимостью защиты украинского и белорусского населения, вошедшего в состав Польши по итогам советско-польской войны 1919–1921 гг. (См. подробнее: *Байерлайн Б.* «Предатель – ты, Сталин!» Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939–1941): утраченная солидарность левых сил. М., 2011. С. 135–138.

¹¹ См.: *Табуи Ж.* XX лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 174.

¹² Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М., 2010. С. 168.

форпостом Европы, расширяющимся в восточном направлении, или станем барьером, преграждающим путь европейской экспансии на Восток. Господа, история уничтожит этот барьер, и наша страна превратится в поле битвы, где будет вестись борьба между Востоком и Западом. Поэтому мы должны стать форпостом Европы, и наша внешнеполитическая задача заключается в том, чтобы подготовиться к такой роли и всячески содействовать европейской солидарности и европейской экспансии»¹³.

Выход Германии из Лиги Наций 19 октября 1933 г. поставил Гитлера перед необходимостью искать союзников в Европе. Именно в этот момент Пилсудский и предложил Германии Польшу в качестве союзника. Отметим, что перед этим лидер возрожденного Польского государства отреагировал на приход национал-социалистов к власти рядом демонстративных акций, которые должны были подчеркнуть стремление, а, главное, готовность Польши в отстаивании неприкосновенности своих границ¹⁴.

В современной польской историографии нередко встречается точка зрения о том, что сближение Польши и Германии стало протестом против проводимых западными державами улучшений Версальской системы. Поэтому, несмотря на разность в мотивах Берлина и Варшавы, их «объединяла тактическая необходимость»¹⁵. Спустя несколько месяцев подготовки, 26 января 1934 г., между Берлином и Варшавой была подписана «Декларация о неприменении силы между Германией и Польшей»¹⁶. Ее опубликование вызвало в европейских дипломатических кругах, и особенно в кругах польской оппозиции Пилсудскому, шквал комментариев. Многие полагали, что и этот договор не обошелся без секретных статей. В попавших на стол Сталина донесениях советской разведки, например, приводились высказывания оппозиционеров – генералов Юзефа Галлера и Владислава Сикорского о наличии секретного договора между Гитлером и Пилсудским. Галлер утверждал, что «этот договор обеспечивает Германии на случай войны с СССР организацию в приморской области Польши этапных пунктов и особых сил

¹³ Цит. по: *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С.133.

¹⁴ Подробнее см.: Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012. С. 215–216.

¹⁵ Белые пятна – черные пятна. С. 170.

¹⁶ *Климовский Д.С.* Зловещий пакт (Из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия). Минск, 1968. С. 69–70.

по обслуживанию немецких военных транспортов. Обосновавшись таким образом на польской территории, немцы с момента окончания военных действий автоматически завладеют всей этой территорией. Пилсудский не придает должного значения западным польским границам и готов отказаться от Поморья в целях осуществления своих фантастических планов в отношении Украины и Литвы»¹⁷. А Сикорский высказывал уверенность, что на основании секретного военного договора «судьба польского Поморья окончательно решена в пользу Германии..., Польша оставит за собой лишь железнодорожную магистраль Катовицы (так в тексте. – С.П.) – Гдыня, которая будет связывать Польшу с морем, сам порт Гдыня станет вольным городом. Польша в компенсацию за это получила бы Литву с Мемелем, который станет польским портом в Балтийском море»¹⁸.

Заметим, что независимо от наличия или отсутствия секретного договора, историки полагают, что достаточно Декларации о неприменении силы, чтобы зафиксировать расчеты военно-политического руководства Польши на изменение вектора ожидавшейся внешнеполитической экспансии нацистов – ее переориентации на Запад. В Варшаве в связи с этим ожидали согласия Франции и Великобритании с растущей ролью Польши в международных отношениях и признания за ней статуса великой державы¹⁹.

Интрига вокруг секретного договора была подогрета партийно-государственным руководством СССР: 20 апреля 1935 г. советские официозы газеты «Правда» и «Известия» опубликовали материал ТАСС из Парижа от 18 апреля 1934 г. под заголовком «Сообщение французской газеты о секретном польско-германском договоре». В публикации говорилось:

«Депутат и бывший министр [Люсьен] Ламуре опубликовал в провинциальной газете “Бурбоннэ републикен” текст секретного договора, заключенного между Германией и Польшей 25 февраля 1934 г. Как утверждает Ламуре, договор гласит:

§ 1. Высокие договаривающиеся стороны обязуются непосредственно договариваться по всем вопросам, могущим повлечь для той и другой стороны международные обязательства, и проводить постоянную политику действенного сотрудничества.

¹⁷ Цит. по: Канунников С. Трагедия Польши в XX веке: Пилсудский–Гитлер–Сталин // Изба-читальня. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/2181285/> (дата обращения 10.12.2019).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Польша в XX веке. С. 216–217.

§ 2. Польша в ее внешних отношениях обязуется не принимать никаких решений без согласования с германским правительством, а также соблюдать при всех обстоятельствах интересы этого правительства.

§ 3. В случае возникновения международных событий, угрожающих статус-кво, высокие договаривающиеся стороны обязуются снестись друг с другом, чтобы договориться о мерах, которые они сочтут полезным предпринять.

§ 4. Высокие договаривающиеся стороны обязуются объединить их военные, экономические и финансовые силы, чтобы отразить всякое неспровоцированное нападение и оказывать поддержку в случае, если одна из сторон подвергнется нападению.

§ 5. Польское правительство обязуется обеспечить свободное прохождение германских войск по своей территории в случае, если эти войска будут призваны отразить провокацию с востока или с северо-востока.

§ 6. Германское правительство обязуется гарантировать всеми средствами, которыми оно располагает, ненарушимость польских границ против всякой агрессии.

§ 7. Высокие договаривающиеся стороны обязуются принять все меры экономического характера, могущие представить общие и частные интересы и способные усилить эффективность их общих оборонительных средств.

§ 8. Настоящий договор останется в силе в продолжение двух лет, считая со дня обмена ратификационными документами. Он будет рассматриваться как возобновленный на такой же срок в случае, если ни одно из двух правительств не денонсирует его с предупреждением за 6 месяцев до истечения этого периода. Вследствие этого каждое правительство будет иметь право денонсировать его посредством заявления, предшествующего за 6 месяцев истечению полного периода двух лет»²⁰.

Отметим, что подлинниками данного договора на сегодняшний день исследователи не располагают. Пилсудский был уверен в том, что именно он является «кукловодом» и немецко-польские отношения будут строиться по его сценарию. Вероятно, разделяя подобную уверенность, польский военный атташе во Франции полковник Блешинский свидетельствовал: «Старый игрок (имелся в виду Пилсудский – С.П.) не даст себя обмануть молодому Гитлеру, и он (Пилсудский – С.П.) его использует для крупной полити-

²⁰ Правда. 1935. 20 апр. №109 (6355). С. 1.

ческой игры, о чем мы только в будущем узнаем»²¹. Стоит отметить, что, как и ряд других политиков из множества стран Европы, да и всего мира, Пилсудский недооценил Гитлера и ту внешнеполитическую угрозу, которая нависла над Польшей после прихода нацистов к власти²².

Подписав 27 июля 1934 г. договор с Германией, Варшава ослабила позиции Франции как одного из гарантов Версаля и в дальнейшем стала ликвидатором Малой Антанты (Чехословакия, Румыния, Югославия) и Балканской Антанты (Греция, Румыния, Турция, Югославия). Отметим, однако, что в современной польской историографии нередко сближение Польши с Германией трактуется как вынужденная мера, как реакция на отказ Франции и Великобритании от активных совместных с Варшавой действий по предотвращению гитлеровской агрессии. В частности, директор Польского института по международным вопросам, член российско-польской Группы по сложным вопросам в российско-польских отношениях в XX веке Славомир Дембский цитирует высказывания министра Бека в беседах с французскими и британскими государственными деятелями в 1934, 1936 и 1937 гг. о готовности Польши к самым активным действиям против Германии²³. Тем не менее, не будем забывать о конкретных действиях польского правительства по сближению с Берлином в это же время, в противовес декларируемому перед западными союзниками заверениям.

Даже после смерти Пилсудского Польша продолжала содействовать распространению гитлеровской агрессии. Планы нацистского руководства по коренной трансформации государственно-территориального устройства Центрально-Восточной Европы обстоятельно раскрывает И.С. Яжборовская²⁴.

Обеспечив подписанием договора лояльность Польши, Гитлер предпринимает в июле 1934 г. первую попытку аншлюса Австрии. Она не увенчалась успехом, однако ожидаемого фюрером «наказания» от мирового сообщества за данную авантюру не последовало.

²¹ Секреты польской политики. 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / сост. Л.Ф. Соцков. М., 2009. С. 19.

²² Польша в XX веке. С. 217–219.

²³ Дембски С. Польша, Советский Союз, кризис Версальской системы и проблема причин начала Второй мировой войны // Великая победа: многоотомное продолжающееся издание / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. М., 2013. С. 218.

²⁴ Яжборовская И.С. Гитлеровская агрессия и судьбы народов и меньшинств Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 103–111.

Результатом становится противодействие Варшавы заключению так называемого Восточного пакта в составе СССР, Чехословакии, Польши, Финляндии, Латвии, Эстонии и Литвы как варианта системы коллективной безопасности антигерманской направленности. Особая роль при создании пакта, согласно советским предложениям, отводилась СССР, Франции и Польше²⁵.

Однако переписка советских дипломатов того времени, содержащая анализ международной обстановки, однозначно свидетельствует о профашистской позиции Польши. Заместитель нарком иностранных дел Б.С. Стомоняков в письме к полпреду СССР в Польше Я.Х. Давтяну писал: «Основную роль в провале пакта играет, конечно, Польша, позиция которой вследствие занимаемого Польшей географического положения, несомненно, является главным препятствием к осуществлению этой акции. ...Все получаемые информации без единого исключения подтверждают эту роль Польши. ...Весь курс польской политики на сотрудничество с Германией диктуется спекуляцией пилсудчиков на японо-советскую войну (так в тексте. — С.П.), перспектива которой лежит в основе всех их политических расчетов»²⁶. Характерно, что и сегодня отдельные польские историки доказывают, что руководство страны, рассчитывая укрепить в ходе гитлеровской агрессии свои позиции, вынуждено было пойти на подобную меру ввиду нерешительной позиции своих западных союзников и внутрисполитического кризиса в СССР, который не позволял рассчитывать на него в качестве союзника в борьбе против завоевательных планов нацистской Германии²⁷. Вероятно, подобная точка зрения, прежде всего, обусловлена стремлением снять с польской стороны ответственность за активное сотрудничество с Гитлером и подчеркнуть ее роль невинной «жертвы» двух соседних агрессивных режимов.

Хотелось бы подчеркнуть, что политика Польши в отношении Германии не коррелировалась с формальной логикой, особенно после выступления наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова на сессии Совета Лиги Наций 17 марта 1936 г.. Советский дипломат считал важным и своевременным процитировать Гитлера: «...Я позволю себе, — заявил Литвинов, — только напомнить вам политическое завещание нынешнего правителя Германии, которое

²⁵ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989. С. 55–56.

²⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 17. 1 января – 31 декабря 1934 г. М., 1971. С. 443

²⁷ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004. С. 428.

вы найдете на 754-й странице второго тома мюнхенского немецкого издания 1934 г. книги “Моя борьба”: “Политическое завещание немецкой нации в сфере ее внешней деятельности будет и должно навсегда гласить: не допускайте никогда возникновения двух континентальных держав в Европе. В каждой попытке организации на германских границах второй военной державы, будь то хотя бы в форме образования способного стать военной державой государства, вы должны видеть нападение на Германию и считать не только своим правом, но и своей обязанностью воспрепятствовать возникновению такого государства всеми средствами вплоть до употребления силы оружия, а если такое государство уже возникло, то снова его разбить”»²⁸.

Уместно предположить, что польское руководство было настолько ослеплено своими великодержавными амбициями, что не анализировало «теоретическое наследие» Гитлера. А ведь уже в своей книге «Моя борьба» он четко определил германские внешнеполитические ориентиры: «Разрешение стоящих перед нами проблем мы видим только и исключительно в завоевании новых земель, которые мы могли бы заселить немцами. При этом нам нужны такие земли, которые непосредственно примыкают к коренным землям нашей родины. Лишь в этом случае наши переселенцы смогут сохранить тесную связь с коренным населением Германии (подчеркнуто мною. – С.П.). Лишь такой прирост земли обеспечивает нам тот прирост сил, который обуславливается большой сплошной территорией»²⁹.

Далее германский лидер уточнял: «Нам нужна не западная ориентация и не восточная ориентация, нам нужна восточная политика, направленная на завоевание новых земель для немецкого народа»³⁰.

Но польская дипломатия продолжала линию на поддержку Гитлера и во время чехословацкого кризиса 1938 г. сделала все возможное, чтобы Румыния отказалась пропускать через свою территорию части Красной Армии³¹. Сами поляки 11 августа 1938 г. уведомили

²⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 19. 1 января – 31 декабря 1936 г. М., 1974. С. 156–157.

²⁹ Цит. по: *Кремлев С.* Россия и Германия: сравить!: От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну // URL: <http://militera.lib.ru/research/kremlev/13.html> (дата обращения: 12.11.2019 г.).

³⁰ *Овсяный И.Д.* Тайна, в которой война рождалась (Как империалисты подготовили и развязали Вторую мировую войну) // URL: <http://militera.lib.ru/research/ovsyany/01.html> (дата обращения: 12.11.2019 г.).

³¹ Документы внешней политики СССР. Т. 20. Январь – декабрь 1937 г. М., 1976. С. 706.

Берлин, что не допустят такого «транзита» через польские земли. 24 августа Варшава довела до сведения Берлина, что, по ее мнению, Закарпатье нужно передать Венгрии, Тешин – Польше, а все остальное – Германии, что Польша заинтересована в общей с Венгрией границе. Таким образом, уже в 1938 г. польские власти соглашались не просто с германскими претензиями на Судеты, но и с полным уничтожением Чехословакии как нежизнеспособного, искусственного государственного образования, «уродливого детища Версаля», не имевшего перспектив длительного существования³². Более того, после подписания в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. Мюнхенского соглашения Польша поздним вечером 30 сентября объявила ультиматум руководству Чехословакии о передаче ей Тешинской области, а 2 октября начала операцию «Заользье», в результате которой в составе Польши оказалось более 80% всей территории Тешинской Силезии. Наградой полякам стала похвала от нацистских правящих кругов³³.

Вспоминая события осени 1938 г., Черчилль в своих мемуарах констатировал: «...“Великая” Польша с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении Чехословацкого государства»³⁴.

Однако вскоре после «маленького аншлюса», расцененного в Варшаве как триумф, настал черед Польши. «Бескровное разрешение чешского конфликта осенью 1938 и весной 1939 гг., а также аннексия Словакии округлили территорию Великой Германии таким образом, что стало возможным рассматривать польскую проблему на основе более или менее благоприятных стратегических предпосылок»³⁵.

Отказавшись идти на уступки Гитлеру в вопросе о Данциге (поляки называли город Гданьском), руководство страны подписало приговор Польше и ее государственности. 1 сентября 1939 г. фашистская Германия приступила к ее ликвидации. Как отмечал отечественный историк и политолог В.И. Дашичев, в планах руководства «Третьего рейха» было полное уничтожение польской нации после окончания войны³⁶. Подтверждением служит запись совещания Гитлера с руководителями вермахта 23 мая 1939 г., в ходе которого

³² Польша в XX веке. С. 216–217.

³³ Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. С. 215.

³⁴ Черчилль У. Вторая мировая война: в 3 кн., 6 т. Кн. 1, т. 1. М., 1991. С. 156.

³⁵ Там же. С.159.

³⁶ Подробнее см.: Дашичев В.И. Европа в завоевательных планах германского фашизма // Берегиня. 777. Сова. 2014. №3. С. 231–232.

он заявил, что о пощаде Польши не может быть и речи и что ее необходимо уничтожить³⁷.

Таким образом, можно констатировать, что режим санации, пойдя на союз с фашистской Германией, совершил стратегическую ошибку³⁸. Руководители Польши, ослепленные антисоветизмом и реваншизмом, не смогли адекватно оценить основные цели политики Гитлера, хотя они все были изложены в его выступлениях задолго до 1 сентября 1939 г. Фашистская дипломатия победила квазифашистскую дипломатию Польши.

³⁷ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: В 2 т. Т. 1. М., 1973. С. 133–134.

³⁸ В то же время, в современной Польше немало тех, кто считает, что необходимо было не противостоять Рейху, а сотрудничать с ним. См. подробнее: *Лыкошина Л.С.* Историческая политика в современной Польше и проблемы Второй мировой войны // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.). Воронеж, 2015. С. 225–237.

Е.П. Серапионова

РАДОЛА ГАЙДА И ЧЕШСКИЙ ФАШИЗМ

Чехословакия межвоенного периода представляла собой несколько отличное от других стран региона Центральной и Юго-Восточной Европы государство. Это была промышленно-аграрная страна с достаточно высоким уровнем политической культуры, единственная, сохранившая парламентскую демократию и легально действующую Коммунистическую партию (КПЧ) вплоть до мюнхенского сговора 1938 г.

Вместе с тем и на нее не могли не влиять общие тенденции европейского развития того времени, зарождение и усиления фашистских движений в Италии и Германии, перевороты и установление режимов «твердой руки» в Польше (1926), Югославии (1929), Венгрии (1932) и др. В Чехословакии также наблюдалось некоторое поправление политического режима. Приход к власти Гитлера и установление фашистского режима в Германии значительно повлияли на распространение фашистской идеологии среди немцев в ЧСР, оформления фашистского движения и Судето-немецкой партии К. Генлейна¹.

Однако в настоящей статье речь пойдет о чешском фашизме и одном из его лидеров Радоле Гайде.

Радола Гайда (Рудольф Гайдль, иногда Гейдль) – чехословацкий военачальник и политический деятель – личность довольно известная еще со времен Первой мировой войны, так как он принимал активное участие в борьбе Чехословацкого корпуса в России против большевиков. Вместе с тем в его биографии как это ни странно до сих пор много «белых пятен».

Он родился 14 февраля 1892 г. в Которе (Далмации, входившей в состав Австро-Венгрии, ныне Черногория) в семье австрийского унтер-офицера Иоганна Гайдля и обедневшей черногорской дворянки. Затем семья переехала в Киев, город на юге Моравии, где Рудольф поступил в гимназию. После ее окончания он изучал фармацевтику и работал в аптечной лавке. В восемнадцатилетнем возрасте он был призван на военную службу, которую проходил в горнострелковом полку в Боснии и Герцеговине (г. Мостаре). В 1910 г. Гайда закончил артиллерийское училище, по некоторым данным участвовал в 1-й Балканской войне 1912 г. против Турции,

¹ Судето-немецкая партия (нем. Sudetendeutsche Partei) – партия немецкого меньшинства в ЧСР. Она постепенно попала под влияние НСДАП и стала пятой колонной «Третьего рейха» в Чехословакии.

в сражении у Скутари. В 1913 г. Гайда женился на албанке и поселился в албанском городе Шкодер. В начале Первой мировой войны он был мобилизован в армию. В сентябре 1915 г. Р. Гайда сдался в плен и добровольно перешел на службу в черногорскую армию, служил военным медиком.

После отступления на Корфу он перешел в сербскую 1-ю пехотную дивизию в Одессе, куда прибыл через Францию в феврале 1916 г.², служил полевым доктором сербского полка, за боевые заслуги получил чин штабс-капитана, а затем капитана. 30 января 1917 г. поступил в Чехословацкую бригаду³. 26 марта 1917 г. он был назначен командиром роты, затем 28 июня 1917 г. стал командиром 1-го батальона 2-го стрелкового полка Йиржи из Подебрад. 12 июля 1917 г. за отличия и проявленную личную храбрость в боях против немцев под Зборовом штабс-капитан Родион (как говорилось в документе) Гайда был награжден орденом св. Георгия 4-й степени⁴. В марте 1918 г. он был причислен к Штабу Чехословацкого корпуса и назначен командиром 7-го Татранского стрелкового полка с присвоением звания капитана⁵. В мае 1918 г. был делегатом Челябинского съезда, избран членом его временного исполнительного комитета⁶.

В мае 1918 г. Гайда стал одним из руководителей антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса⁷, организатором восстания в городе Новониколаевске⁸. В инструкции Гайды о начале выступления от 25 мая 1918 г., направленной командирам чехословацких эшелонов к востоку от Новониколаевска читаем: «... Продвижение до Владивостока далее будет проводится военным порядком... С железнодорожниками ведите себя очень осторожно и тактично. Вообще относитесь ко всем справедливо. Не допускайте

² С Колчаком – против Колчака: крат. биограф. слов.: кратк. указ. учреждений и организаций: крат. указ. лит. По истории Гражд. Войны в Сибири / сост. и научн. ред. А.В. Квакин. М., 2007. С. 36.

³ Vávra V. Gajda Radola // Slovník prvního československého odboje 1914–18 / J. Galandauer a kol. Praha, 1993. S 43.

⁴ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. М., 2013. С. 814.

⁵ Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003. С. 70.

⁶ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. М., 2018. С. 154–155; 199.

⁷ Там же. С. 182, 196, 200–201, 210.

⁸ Там же. С. 910. См. также: Муратов А., Муратова Д. О событиях, которые в СССР называли «Чехословацкий мятеж». Прага, 2018. С. 18.

никакого грабежа и краж. Не нарушайте работу транспорта, пропускайте пассажирские поезда и производите проверку»⁹.

Однако по ходу развертывания военных действий его отношение к большевикам становилось все более нетерпимым. В обращении к командирам чехословацких частей 11 июня 1918 г. он заявлял: «Какие-либо переговоры с большевиками или заключение с ними мира исключены, между ними и нами – бой не на жизнь, а на смерть, и мы должны любой ценой уничтожить большевиков»¹⁰. Летом 1918 г. он командовал чехословацкими войсками восточнее Омска, возглавив Новониколаевскую, Сибирскую и Восточную группы. В сентябре 1918 г. произведен в генерал-майоры. С октября 1918 г. стал командиром 2-й стрелковой дивизии и одновременно русских войск Уральского фронта.

По мнению командующего Сибирской армией генерал-майора П.П. Иванова-Ринова, Гайда был приверженцем установления диктатуры, при помощи которой он собирался очистить Россию от большевиков¹¹. В конфиденциальной ноте о персоналиях Чехословацкой армии от ноября 1918 г. о генерале Гайде сообщалось: «Изучал медицину, участвовал как артиллерист в кампании 1912 г. на Балканах, по некоторым сведениям служил во французской армии в 1915 г. (это требует проверки, некоторые источники утверждают, что он служил в санитарных частях). Он стал выразителем взглядов соперников партии Макссы, недовольных тем, что ни один офицер не вошел в русскую секцию Чехословацкого национального совета; он с опозданием известил генерала Дитерихса о своих выступлениях против большевиков, “чтобы одному себе приписать возможный успех”, – как говорят многие офицеры и солдаты.

В Новониколаевске Гайда действовал совместно с генералом Гришиным-Алмазовым. Невысоко оценивается китайцами и японцами; многие добровольцы говорят о нем как о приверженце диктатуры; долгое время его действиями руководил русский полковник Ушаков, который был убит на Байкале»¹². Любопытную характеристику Гайде дал и военный министр ЧСР М.Р. Штефаник в сообщении из Сибири в Прагу: «Командующий 2-й дивизией Гайда – человек

⁹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (ДМИСЧО). Т. 1. М., 1973. С. 76.

¹⁰ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. С. 228.

¹¹ Там же. С. 485. Это же подтвердил на допросе А.В. Колчак. См.: Окрест Колчака: документы и материалы / сост. А.В. Квакин. М., 2007. С. 426.

¹² Там же. С. 537.

смелый, авантюрист по складу характера, он резок и ему не хватает технических знаний, совершил серьезные политические ошибки. Я мог бы подумать о его отправке, но нужно учитывать его военные успехи в ходе осуществляемых в настоящее время операций»¹³.

8 января 1919 г. после вывода чехословацких войск с фронта и отвода их в тыл Гайда перешел на службу в русскую армию в чине генерал-майора. Затем он командовал 1-й Сибирской и 2-й армиями Верховного правителя адмирала А.В. Колчака, в январе 1919 г. получил чин генерал-лейтенанта¹⁴. Весной 1919 г. Сибирская армия под командованием Гайды в ходе генерального наступления одержала ряд побед и вышла на ближние подступы к Казани. Газетчики называли Гайду «Властелином Сибири», «Сибирским львом», однако, из-за отступления Западной армии, которое поставило под угрозу фланг и тыл сибирских частей, армия Гайды начала поспешный отход на Восток, оставив Пермь и Екатеринбург.

В начале мая между начальником штаба Колчака генералом Лебедевым и Гайдой возникли противоречия: Гайда отказывался выполнять приказы и распоряжения Ставки. Расследовать конфликт было поручено группе генералов, в числе которых был М.А. Иностранцев. Иностранцев в своих воспоминаниях, впервые изданных в 2017 г., описал внешность генерала: «Выше среднего роста, шатен, с большими красивыми глазами, весь обритый и с характерной выдающейся несколько вперед нижней челюстью, свидетельствующей о сильной воле». Его мнение о Гайде как военачальнике во многом сходится с вышеприведенным мнением Штефаника: «Гайда был хотя и способным и энергичным военачальником, но военачальником... несколько авантюристического типа, который складывается... исключительно в условиях гражданской войны... Он считал свою армию своей собственностью..., относился крайне болезненно ко всяким изменениям в ее организации, составе и снабжении,... не хотел делиться военной добычей с другими армиями,... противился выделению частей из его армии в другие. Это он принимал почти за личное оскорбление и в этом отношении доходил ... почти до полного неповиновения... Несмотря на упомянутые недостатки Гайды как военнослужащего, а в особенности как высокого начальника, было ясно, что это был несомненно, военный талант-самородок, что он имел большую решительность и силу воли, имел природный военный глазомер и был человеком, бесспорно, умевшим владеть

¹³ Там же. С. 559.

¹⁴ Там же. С. 971.

массах, импонировавшим им и потому чрезвычайно популярным среди войск». По отзывам одного из адъютантов Гайды «по искренности и прямоте» он был «взрослым ребенком». Гайда был недоволен управлением в армии, подавлением самостоятельности. Придя к выводу, что Гайда действительно совершил серьезный дисциплинарный проступок, комиссия все же доложила Колчаку, что Гайда должен остаться на своем посту.

Куда более жесткий отзыв оставил о Гайде А.П. Будберг в своем Дневнике 8 мая 1919 г.: «Сам Гайда, ныне уже русский генерал-лейтенант, с двумя Георгиями, здоровый жеребец очень вулгарного типа, по нашей дряблости и привычке повиноваться иноземцам влезший на наши плечи, держится очень важно, плохо говорит по-русски. Мне – не из зависти, а как русскому человеку – бесконечно больно видеть, что новая русская военная сила подчинена случайному выкидышу революционного омута, вылетевшему из австрийских фельдшероу в русские герои и военачальники. Говорят, он храбр, но я уверен, что в рядах армии есть сотни наших офицеров, еще более храбрых; говорят, что он принес много пользы при выступлении чехов, но ведь это он делал для себя, а не для нас; вознаградите его по заслугам, и пусть грядет с миром по своему чешскому пути; что он нам и что мы ему, он показывает это достаточно своим исключительно чешским антуражем, тем чешским флагом, который развеивается у него на автомобиле, теми симпатиями, которые он во всем проявляет к чехам, всячески их поддерживая. Не могу дознаться, кто подтолкнул Омск на такое назначение, которое обидно, бесцельно, а может быть и вредным; то, что я слышал про Гайду в ставке, убеждает, что это тоже крупный атаман, сумевший поблажками, наградами, подачками и возвышениями приобрести известные симпатии и образовать обширные кадры преданных ему лиц; такие революционные случайности понимают, что они случайны, и обыкновенно запасаются обязанными людьми для борьбы с разными течениями и деградациями. Вырастают эти бурьяны легко, а вырываются с великим трудом»¹⁵.

За вторичное неподчинение приказу о приостановке наступления Сибирской армии на Вятку и Казань и переброске её основных

¹⁵ Дневник барона А.П. Будберга за 1917–1919 гг. // Проект «Военная литература»: militera.lib.ru. Издание: 7 октября 1917 г. – 4 апреля 1918 г.: Архив русской революции в 18 тт. М., 1991 (том 12); 29 апреля – 3 августа 1919 г.: Будберг А. Дневник белогвардейца. Мн.; М., 2001; 3 августа – 31 октября 1919 г. Архив русской революции в 18 тт. М., 1991 (том 15) Книга на сайте: <http://militera.lib.ru/db/budberg/index.html> URL: <http://east-front.narod.ru/memo/budberg.htm> (дата обращения 17.10.2019).

сил в помощь терпящей поражение Западной армии 7 июля 1919 г. Гайда был отстранён от командования Сибирской армией и 22 августа переведён в командный резерв Чехословацкого корпуса. 2 сентября 1919 г. по распоряжению Колчака Гайда был уволен из Русской армии, лишён всех наград и генеральского чина. Д.В. Филатьев в своих воспоминаниях также дает характеристику Гайде и приводит мнение о нем военного министра М.Р. Штефаника: «[Гайда] был одним из немногих чешских начальников, что ратовал за продолжение чехами борьбы вместе с русскими против большевиков. Его честолюбие и жажда властвования не имели предела. Он обладал большим политическим чутьем и умением сходить с общими элементами. Своими смелыми планами и энергией он совершенно покорил наивного адмирала Колчака, который считал Гайдю своим верным и преданным другом. Однако сами чехи знали Гайдю лучше, и на просьбу о разрешении ему перейти на русскую службу чешский Министр Стефанек, бывший в Омске, отвечал: «Берите его, но я предупреждаю, что Вы в нем ошибаетесь. Он либо будет Вашим фельдмаршалом, либо Вашим предателем»¹⁶. Полномочный представитель Чехословацкой республики в России Б. Павлу, считал увольнение Гайды из русской армии происками «неспособных» и «виновных» в политических и военных ошибках людей из окружения Колчака¹⁷. Разжалование Гайды и исключение его из списков офицеров русской армии взволновало чехословацких легионеров, воспринявших это как оскорбление чести чехословацкой армии, генерал Я. Сыровы был вынужден заявить протест¹⁸.

17 ноября 1919 г. во Владивостоке Гайда возглавил подготовленный эсерами мятеж против колчаковской власти. На третий день мятеж был подавлен, Гайда и некоторые его помощники были арестованы. По требованию союзных миссий Гайда был освобождён и по требованию А.В. Колчака покинул Россию¹⁹.

¹⁶ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири: 1918–1922 гг. Впечатления очевидца. Париж, 1985. Здесь цитируется по кн.: Окрест Колчака: документы и материалы. / сост. д.и.н., проф. А.В. Квакин. М., 2007. С. 221–222.

¹⁷ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. С. 672. Генерал С.А. Щепихин в своих воспоминаниях не сваливал причины раздора лишь на одну из сторон. Он писал: «...Вздорный, неуживчивый характер Сахарова разорвал фронт на две части – Гайда окончательно расплевался со своим соседом, Западной армией, и каждый действовал порознь» – см.: Из воспоминаний С.А. Щепихина // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике. Документы и материалы. М.; СПб, 2016. С. 45.

¹⁸ Там же. С. 693.

¹⁹ Там же. С. 715.

11 февраля 1920 г. он возвратился в Чехословакию и привез с собой русскую жену Екатерину. В 1920–1921 гг. он проходил обучение в Высшей военной школе во Франции. В 1921–1924 гг. командовал 11-й пехотной дивизией в Кошицах.

Чешский фашизм зародился под влиянием победы фашистов в Италии в 1922 г. Его сторонники из рядов национальной демократии имели радикально националистическую программу, направленную против немцев, «чужаков», социалистов-интернационалистов, против правительственной группировки Града. Ему был свойственен антисемитизм, и, конечно же, он пропагандировал правительство «сильной руки». Правда его представители не были так милитариски настроены как фашисты соседних стран²⁰. В 1922 г. сформировалось сразу несколько правых националистических групп: Клуб черно-белых во главе в Й. Кучерой, Национальное движение, моравские фашисты во главе с Р. Махой. В конце 1923 г. возникло Национальное движение – Добровольное объединение патриотически настроенных граждан, лидером которого стал В. Дик. К этому движению тяготел и командир 11-й дивизии в Кошицах Р. Гайда²¹. К середине 1920-х годов эти группы объединились в Центр чехословацких фашистов, имевший 40 филиалов с 20 тыс. сторонников. На съезде фашистов в Пршерове в ноябре 1925 г. было решено действовать самостоятельно, не вступая в союз с другими партиями. Окончательное объединение по примеру итальянских фашистов произошло в марте 1926 г., когда возникла Национальная фашистская община (НФО).

В 1924–1926 гг. Гайда занимал пост первого заместителя начальника Главного штаба, а летом 1926 г. – начальника Главного штаба²². На этой должности у Гайды возникли серьезные противоречия с президентом Т.Г. Масариком, который опасался, что не скрывавший своих правых симпатий Гайда, мог возглавить антиправительственный переворот²³. 14 августа он был уволен из армии по подозрению в шпионаже в пользу Советского Союза.

²⁰ Pavlíček J. Český fašismus // Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu 1861–2004. I. Díl 1: Období 1861.1938. Brno., 2005. S. 629.

²¹ Sládek Z. Československá národní demokracie // Politické strany... Díl 1. S. 600.

²² ДМИСЧО. Т. 2. М., 1977. С. 404–405.

²³ Радол Гайда (Рудольф Гейдель). URL: http://irkipedia.ru/content/gayda_radola_geydel_rudolf (дата обращения 16.10.2019); Sládek Z. Československá národní demokracie...S. 603.

После отставки в своих выступлениях Гайда действительно угрожал государственным переворотом, если судетские немцы войдут в правительство, критиковал министра иностранных дел Э. Бенеша за его «масонскую» ориентацию и требовал создания «сильного государства».

Основу возникшей в марте 1926 г. Национальной фашистской общины (НФО) составляли немногочисленные группы городского и сельского населения и интеллигенции. Их объединяло неприятие демократического режима, который не мог, по их мнению, должным образом противостоять врагам народа, которыми они считали немцев, евреев, германофилов. Их привлекал вождистский стиль «а ля Муссолини» и военизированная структура²⁴. Упор они делали на привлечение молодежи, создавая ударные отряды «Омладина». Словацкие националисты также создавали вооруженные ударные отряды «Родобрана». Но от истинного фашизма их отличало отсутствие агрессивной национал-социалистической идеологии, которая могла бы объединить плебейские слои с остальными слоями общества, чешские и словацкие фашисты еще не были столь brutальны и тоталитарны, как их подобие в других странах. Поэтому многие специалисты склонны называть это движение (по крайней мере на первом этапе) профашистским. Правое крыло партии Национальных демократов во главе с Крамаржем симпатизировало этому движению, так как оно выдвигало на первый план национальную идею, объявляло войну коммунизму и активизировало пассивных членов партии. НФО требовала разрыва связей с СССР, называла себя продолжательницей дела легионеров, выступивших против советской власти²⁵. 2–3 января 1927 г. на съезде в Брно Гайда был единогласно избран главой Национальной фашистской общины, членом которой он стал лишь за день до этого. Организация Гайды выступала с требованиями проведения репрессий против немецких автономистов, очищения чешской экономики от немцев и евреев, активного бойкота всего немецкого²⁶. В 1926–1927 гг. Национальная фашистская община насчитывала уже около 200 тыс. членов и представляла собой самостоятельную политическую силу²⁷.

В феврале 1927 г. Гайда опубликовал в партийном органе еженедельнике «Ржижска страж» (Имперская стража) Манифест генерала Гайды, ставший идеологической основой чешского фашистского

²⁴ Sládek Z. Československá národní demokracie...S. 601.

²⁵ ДМИСЧО. Т. 2. С. 266.

²⁶ Иностранная военная интервенция в России. Часть 2. Вып. 12. URL: <https://humus.livejournal.com/2254668.html> (дата обращения 16.10.2019).

²⁷ Pavlíček J. Český fašismus...S. 633.

движения. Организация вела популистскую агитацию при помощи листовок, печати, выступлений на публичных собраниях, а после избрания Гайды в Национальное собрание и с парламентской трибуны. Кульминацией развития фашистского движения стал съезд этой организации в августе 1927 г. в Малом Болеславе. На нем присутствовали 84 представителя из Чехии, 39 из Моравии и Силезии и 20 из Словакии²⁸. После того как члены молодежных ударных отрядов силой хотели повлиять на пересмотр дела Гайды он был приговорен судом к заключению, лишен генеральского звания и изгнан из армии. Так как в 1929–1931 гг. он являлся депутатом парламента и обладал неприкосновенностью, то лишь в 1932 г. он отбыл двухмесячное заключение. С конца 1927 г. в фашистском движении начался кризис, связанный с внутренними распрями и недостатком средств. Результатом стало выделение из движения самостоятельных организаций.

В начале 1930-х годов в тяжелые времена экономического кризиса Р. Гайда не раз устраивал националистические антисоветские митинги и выступления²⁹, устанавливал связи с русскими эмигрантами-фашистами на Дальнем Востоке. Председатель Дальневосточного отделения Русского Общевоинского союза (РОВС) генерал-лейтенант Д.Л. Хорват в октябре 1931 г. сообщал лидеру национальных демократов К. Крамаржу о благоприятных, по его мнению, внешнеполитических условиях для антибольшевистского движения и связях с Р. Гайдой³⁰. Официальный правительственный орган «Československá Republica» 31 мая 1932 г. опубликовал информацию о том, что полиция нашла документы о связи Гайды с Маньчжурским правительством и белыми армиями на Дальнем Востоке от марта 1932 г. при обыске помещения вождей фашистской молодежи, в том числе брата Гайды³¹.

Крамаржу импонировали прославянские идеи гайдовцев, которые заявляли: «Целью чехословацкой внешней политики являются Соединенные славянские штаты. Путь к этой великой конечной цели указывает нам всеславянская идея – панславизм в его современном понимании»³². Неофициальным гимном чешских фашистов

²⁸ Ibid. S. 634.

²⁹ ДМИСЧО. Т. 2. С. 435.

³⁰ Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями / отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2006. С. 434.

³¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 138. Репертура по Чехословакии. Оп. 9. Д. 4. П. 21 Л. 4.

³² Sládek Z. Československá národní demokracie...S. 607.

был «Гей славяне!». Однако попытки Гайды воскресить свою былую воинскую славу под лозунгом всеславянского движения против Советов в помощь русскому народу с большими опасениями воспринималась чехословацким внешнеполитическим ведомством³³. Всеславянский комитет помощи русскому народу (так называемая Лига) привлекал пристальное внимание чехословацкого МИД из-за связей с Харбином и ролью, которую играл в нем Р. Гайда³⁴. В запросе правительству депутата-коммуниста В. Копецкого (11 мая 1932 г.) указывалось на связь Гайды с белогвардейцем Горгуловым, убийцей французского президента Думерга³⁵. Официальные власти ЧСР дистанцировалось от действий Гайды³⁶. В 1933 г. в обзоре печати, направленном советским представительством из Праги в Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) сообщалось, что НФО издает еженедельник «Fašistké Listy», но массовой ежедневной прессы не имеет, так как финансово очень слабо³⁷.

В 1933 г. генерал был арестован по обвинению в участии в Жиденицком путче. Проведя под следствием полгода, Гайда был освобождён, так как ясных доказательств у следствия не имелось, а сам он своё участие в нём отрицал. Гайда неоднократно предстал перед судом: за коммерческие аферы, организацию нападения на казарму с еврейскими военнослужащими (1933), за политические антигосударственные выступления различного толка³⁸.

В мае 1935 г. Гайда был вновь избран депутатом Национального собрания, от НФО. На парламентских выборах она получила 167 тыс. голосов³⁹. В том же году он подписал запрос депутатов парламента ЧСР о статусе русского закарпатского населения в Чехословацкой республике с требованием предоставить русским беженцам все права, которые есть у них во Франции и Югославии, особенно право на трудоустройство⁴⁰.

³³ Sládek Z. České prostředí a ruská emigrace (1918–1938) // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939. (Méně známé aspekty) / Pod red. L. Beloševské. Praha, 1999. S. 25.

³⁴ Ibid. S. 42.

³⁵ ДМИСЧО. Т. 2. С. 512–513.

³⁶ Sládek Z. České prostředí a ruská emigrace (1918–1938)... S. 43.

³⁷ АВП РФ. ф. 138. Оп. 10. Д. 4. П. 22. Л. 1.

³⁸ Радола Гайда. URL: https://sklaviny.ru/biograf/bio_g/gayda_radola.php (дата обращения 15.10.2019).

³⁹ ДМИСЧО. Т. 3. М., 1978. С. 170.

⁴⁰ Подробнее см.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) / З. Сладек, Л. Белошевская и колл. авт. Прага, 1998. С. 124.

Приход к власти в Германии Гитлера активизировал движения национальных меньшинств в ЧСР, и как реакцию на это, и чешских фашистов. В 1934 г. была предпринята попытка объединения всех правых сил в единую организацию – Национальное объединение, куда вошли национальные демократы, Национальная Лига⁴¹ и Национальный фронт⁴². Но уже в августе того же года Гайда объявил о выходе НФО из Национального фронта⁴³. Р. Гайда оставался депутатом парламента до 1938 г.

В 1938 г. Гайда призывал правительство не признавать Мюнхенское соглашение и обороняться, но его голос услышан не был. В знак протеста против мюнхенского сговора он отослал английскому королю и французскому правительству все полученные от них в 1918–1919 гг. награды.

В 1939 г. Гайда был реабилитирован и восстановлен в чине генерала. После оккупации страны германскими войсками 15 марта 1939 г. и отставки премьера Р. Берана Гайда заявил, что берёт власть в свои руки, но поддержать его пришли лишь несколько сот человек. Бывшая правительственная и оппозиционная партия создали Чешский национальный святовацлавский комитет и пригласили Гайдю возглавить его. Однако его кандидатуру не поддерживали немцы. У власти остались Э. Гаха и Р. Беран. Летом 1939 г. в сообщении из Праги в НКВД указывалось, что группа Гайды издавала в Праге журнал «*Boj Národa*». Гайда вошел в объединение политических партий – «Национальное содружество», но вел там сепаратистскую линию, которую поддерживала маленькая группа «АНО» (Акция национального возрождения). Все фашистские группы устраивали антисемитские выступления, но массового базиса в народе не имели. Наоборот, росла их изоляция⁴⁴.

Позднее генерал ушёл из политики, поддерживал Движение Сопротивления. Вместе с женой они взяли на воспитание дочь дальнего родственника Р. Селуцкого, арестованного чешского летчика, шефа советской военной разведки в протекторате, члена подпольной организации Сопротивления, с которой сотрудничал их старший сын Владимир. Младший сын Гайды Юрий был арестован гестапо при попытке перейти границу, чтобы сражаться в рядах

⁴¹ Подробнее о ней см.: *Vykoupil L. Národní liga // Politické strany... Díl. 1. S. 781–791.*

⁴² ДМИСЧО. Т. 3... С. 109.

⁴³ *Sládek Z. Československá národní demokracie... S. 609.*

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 16. Д. 4. П. 33. Л. 174.

словацких повстанцев в 1944 г., и отправлен в концлагерь⁴⁵. В мае 1945 г. Гайда был арестован органами чехословацкой безопасности по обвинению в пособничестве германским оккупантам⁴⁶. Почти 2 года он провел в тюрьме.

В 1946 г. суд приговорил Гайдю к двум годам заключения, а поскольку большую часть этого срока он уже отсидел, через восемь дней после вынесения приговора опальный военачальник, к этому времени уже тяжело больной, вышел на свободу. Через 11 месяцев после освобождения 15 апреля (по другим данным 2 октября) 1948 г. Радола Гайда скончался в возрасте 56 лет от лейкемии и был похоронен на православном участке Ольшанского кладбища⁴⁷. Гайда был награжден многочисленными русскими, чехословацкими и иностранными наградами, оставил воспоминания, впервые изданные на чешском языке в 1921 г. и переизданные в 1996 г.⁴⁸ В Российском государственном военном архиве хранится рукопись авторизованного перевода его воспоминаний на русский язык. Отрывок из книги Р. Гайды «Мои воспоминания» опубликован на русском языке⁴⁹.

Несмотря на противоречивость поведения, Р. Гайда представлял собой пример людей, в силу своих правых убеждений, чрезмерного честолюбия и склонности к авантюрам способных примкнуть и стать лидерами фашистских или профашистских организаций.

Особенностью чешского фашизма в годы Первой республики была его националистическая, антинемецкая направленность. Необходимо отметить также факт, что фашизм не был привлекателен для большинства чехословацкого населения, не стал базой для широкого движения и не имел в обществе сильного влияния.

⁴⁵ Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта. С. 72.

⁴⁶ Ольшаны- некрополь русской эмиграции. Путеводитель / под ред. М.В. Добушевой, В.В. Крымовой; научн. консультант А.В. Копршинова. Прага, 2011. С. 261.

⁴⁷ Там же; Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. Прага, 2008. С. 438.

⁴⁸ Gajda R. Moje paměti. Brno, 1996.

⁴⁹ См.: Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. С. 909–915.

Г.И. Лепёхина

ФАШИЗМ В БОЛГАРИИ: ДИСКУССИИ О РЕЖИМЕ ЦАРЯ БОРИСА III

Вопрос о сущности режима, утвердившегося в Болгарии в середине 30-х гг. XX в. всегда привлекал пристальное внимание ученых, так как ответ на него позволяет определить степень влияния монарха на внутреннюю и внешнюю политику государства, значимость и самостоятельность его решений. В немалой степени оценка исследователями методов и роли политики болгарского царя Бориса III в межвоенный период и годы Второй мировой войны на разных этапах развития историографии была обусловлена господствовавшей идеологической парадигмой, политической ситуацией, мировоззренческими позициями авторов. В полной мере это относится и к публицистике, журналисты более эмоционально выражают свою точку зрения, оказывая огромное влияние на формирование общественного мнения.

Трансформация государственности в Болгарии в 80-е гг. XX в., как отмечала в своей статье А. Алипиева, неизбежно привела к ревизии былых представлений и оценок, формированию новых политических мифов, реабилитации или, напротив, развенчанию отдельных исторических личностей и созданию нового пантеона национальных героев¹. Это характерно и для переосмысления личности и роли царя Бориса III.

С конца 1940-х до 1990-х гг. среди советских и болгарских историков господствовала марксистская парадигма, что предопределило оценку политического режима в Болгарии как «монархо-фашистского». Термин «монархо-фашистская диктатура» на том этапе развития историографии применялся повсеместно, а личность и деятельность Бориса III оценивались негативно, в том числе в трудах советских болгаристов, достаточно обратиться к содержанию обобщающего труда по истории Болгарии². Аналогичный подход демонстрировали и болгарские исследователи. Так Владимир Мигев объяснял правомерность использования термина «монархо-фашистское

¹ Подробнее см.: *Алипиева А.* Современная Болгария между мифами и реальностью // *Славянский альманах* 2011. М., 2012. С. 224–212.; *Лепёхина Г.И.* Роль «политических мифов» в становлении и укреплении режима личной власти царя Бориса III в Болгарии (1918–1943) // *Вопросы истории славян: Сборник научных трудов*. Вып. 16. Воронеж, 2004. С. 34–47.

² *История Болгарии: в 2-х томах* / отв. ред. П.Н. Третьяков. М., 1954–1955. Т. 2. С. 207–217.

государство» тем, что это понятие отражает две важнейшие характеристики режима – с одной стороны, руководящую роль монарха, а с другой – процесс фашизации³, т.е. для Болгарии в 30–40-е гг. XX в. было характерно сочетание фашистских и буржуазно-демократических компонентов, таким образом, тоталитарный, фашистский режим еще полностью не сформировался. Нельзя сказать, что у болгарских историков не было разногласий по данной проблеме, вопрос о специфике болгарского фашизма стал предметом научной дискуссии, отраженной на страницах журнала «Исторически преглед»⁴.

Болгарские исследователи Б. Байков, В. Мигев, Ф. Милкова выделяли такие характеристики процесса фашизации как деформация парламентаризма; централизация по фашистскому образцу, рост административно-бюрократического аппарата; создание «беспартийного режима», разработка и пропаганда фашистской идеологии и создание фашистских политических структур; наступление на права граждан, репрессии против инакомыслящих⁵. Даже после краха социализма в Болгарии В. Мигев продолжал отстаивать эту точку зрения⁶. Это еще раз свидетельствует об актуальности вопроса о степени распространения и наличии / отсутствии фашистского режима в разных странах мира.

Крупный специалист по изучению фашизма британский историк А. Каллис акцентирует внимание на наличии такой концептуальной проблемы, как классификация межвоенных диктаторских режимов, для характеристики которых используются разнообразные термины – «полуфашистский», «парафашистский», «квазифашистский», «псевдофашистский», «как бы фашистский», «фашизоидный»⁷ и др. Вторит ему и ученый из США Д.Д. Робертс,

³ Мигев В. Формиране на концепцията за парламентарния модел на българската монархо-фашистка държава (1937–1939) // Обществено-политическият живот на България. 1878–1944. София, 1990. С. 289.

⁴ Материалы дискуссии опубликованы в журнале «Исторически преглед» за 1976–1978 гг.

⁵ Байков Б. Политическата система на буржоазното общество в България в процеса на нейната фашизация // Исторически преглед. 1987. Кн. 6. С. 11–24; Мигев В. Утвърждаване на монархофашистката диктатура в България. 1934–1936. София, 1977; Милкова Ф. Българската буржоазна държава през периода на фашистката диктатура. 1923–1944. София, 1987 и др.

⁶ Мигев В. Авторитарни и фашистки тенденции в българското общество между двете световни войни // Проблеми на новата и най-новата политическа история на България (Съст. Тр. Митев). София, 1991. С. 228–253.

⁷ Каллис А. Есть ли у фашизма будущее: размышления об истории печально известного понятия // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 12.

подчеркивающий, что существенная разнородность режимов и движений, которые нередко относят к фашистским, обуславливает сложность изучения этого феномена. Это способствует продолжению дискуссий о характерных, сущностных особенностях фашизма⁸.

Перестройка в СССР, начавшаяся в 1985 г., ознаменовалась переоценкой сложившейся ранее системы ценностей, гласность способствовала ликвидации «белых пятен в истории», начался новый этап в историографии. В России появляются труды, в которых Борис III характеризуется неоднозначно, подчеркивается, что его политика была обусловлена сложным комплексом объективных и субъективных факторов, монарх часто являлся, по существу, заложником обстоятельств⁹. Обратившись к работам ряда авторов (В.Д. Вознесенский; Р.П. Гришина), можно проследить эволюцию их взглядов. В последние годы специфику авторитарного режима изучала Т.В. Татоли¹⁰. В 2013 г. была защищена диссертация В.В. Лобановой «Роль института монархии в политической системе Болгарии в 1918–1945 гг.»¹¹. Материалы исследования были

⁸ Робертс Д.Д. В поиске осмысления фашизма: взаимовлияние фашистских сил между двумя мировыми войнами // Берегinya. 777. Сова. № 4(31). С. 20.

⁹ Вознесенский В.Д. Царь Борис, Гитлер и легионеры // Новая и новейшая история. 1971. № 1. С. 80–92; Кобурги в Болгарии // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 114–135; Болгария: судьба династии Кобургов // Монархи Европы: судьбы династий. М., 1996. С. 281–303; Гришина Р.П. Возникновение фашизма в Болгарии. 1919–1925 гг. София, 1976; она же. Царь Борис III. 1894–1943 // Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX в.). М., 1993. С. 10–32; Валева Е.Л. Болгария в начале Второй мировой войны: драма страны и царя Бориса III // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 291–306; она же. Трудный выбор царя Бориса III: к проблеме присоединения Болгарии к Тройственному пакту в 1941 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии: Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов. М., 2016. С. 278–291; Волокитина Т.В. Царь болгар Борис III: от конституционной монархии к режиму личной власти // Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие. Воронеж, 2018. С. 221–234.

¹⁰ Татоли Т.В. Авторитаризм в Болгарии в межвоенный период (1918–1939 гг.). Луганск, 2010; она же. Борис III и политические режимы 20-х гг. XX в. в Болгарии // Дриновски сборник. Т. 1. Харьков – София, 2007. С. 194–201; она же. К вопросу о внешнеполитической ориентации Бориса III в годы Второй мировой войны // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы. Харьков, 1995. Т. 2. С. 112–118; она же. Причины и условия победы авторитаризма в Болгарии в межвоенный период // Дриновски сборник. Т. 3. Харьков – София, 2009. С. 251–261.

¹¹ Лобанова В.В. Роль института монархии в политической системе Болгарии в 1918–1945 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 2013.

отражены в публикациях¹². Все исследователи едины в оценке характера политического режима Болгарии этого периода как авторитарного¹³ или режима личной власти.

В Болгарии переход к новому этапу в развитии историографии характеризуется понятием «реинтерпретация»: ученые предлагают новое осмысление исторического процесса в стране и иную трактовку многих событий, что обеспечивает плюрализм оценок, использование разных исследовательских парадигм. Политический режим, установившийся с середины 30-х гг. XX в. в Болгарии, стал однозначно характеризоваться как авторитарный¹⁴.

Обосновывая эту идею, П. Цветков и Н. Поппетров выделили значимые признаки особого типа власти в Болгарии: наличие известного «плюрализма» в самом руководящем центре; официально признаваемый временный характер; система ограничений вместо системы обязанностей, как при тоталитарном праве; возможности, хотя и ограниченные, для оппозиционной деятельности; маневрирование со стороны властей между различными оппозиционными центрами¹⁵. Таким образом, подчеркивается роль царя Бориса III как своеобразного арбитра, политика, постоянно лавировавшего между левыми и правыми радикальными группировками в попытках выработать свой курс. Об этом свидетельствует и приписываемая ему фраза: «Мои генералы поддерживают немцев, дипломаты — англичан, народ — русских, супруга — итальянцев. Я один нейтрален в этой стране»¹⁶.

¹² Лобанова В.В. Капкан для царя Бориса // Родина. 2011. № 11. С. 117–118; она же. Роль института монархии в начальный период царствования Бориса III (1918–1923) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 1. С. 97–109; она же. Был ли царь Борис III фюрером? Институт монархии в Болгарии в 1934–1939 годах // Родина. 2013. № 4. С. 93–95.

¹³ См., напр.: Пинту А.К. Фашизм, корпоративизм и создание авторитарных институтов диктаторских государствах Европы в межвоенный период // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 83.

¹⁴ Британский историк Р. Биделё проанализировал ряд факторов, способствовавших установлению на Балканах, в том числе в Болгарии, авторитарных режимов. См. подробнее: Биделё Р. Этническая мобилизация, национальное самоопределение, «этнократия» и привлекательность авторитаризма в странах Центрально-Восточной Европы и на Балканах (1918–1940 гг.) // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 8–21.

¹⁵ Цветков П., Поппетров Н. Към типологията на политическото развитие България през 30-те години // Исторически преглед, 1990. № 2. С. 63.

¹⁶ Цит. по: Димитров П. Борис III цар на българите. 1984–1943. Труженик, гражданин, цар. София, 1990. С. 198.

На научные изыскания болгарских историков огромное влияние оказал монархический синдром, вызванный поиском нового пути развития¹⁷. Обращение к прошлому имело и практический смысл, способствуя легитимации нового политического деятеля Симеона Второго. Речь не могла идти о реставрации монархии, но как мог укрепить свой авторитет человек, с шести лет не проживавший в Болгарии и практически не известный большинству ее граждан? Актуальной стала и проблема смены внешнеполитической ориентации – от безусловной поддержки СССР к прозападному курсу, апофеозом которого стали вступление в Евросоюз и поддержка бомбардировок Югославии силами НАТО... Так реинтерпретация может рассматриваться и как попытка «переписать историю», изменив оценку исторических фактов, отрицать которые невозможно.

Болгарскую литературу, непосредственно посвященную различным сторонам жизни и деятельности Бориса III, можно разделить на три группы. К первой относятся апологетические произведения, появившиеся в период краха социализма в Болгарии, авторы которых стремились сформировать в общественном сознании новый образ царя – благородного мученика, до конца стремившегося к отстаиванию национальных интересов. Обращает на себя внимание тот факт, что создатели подобных произведений не были профессиональными историками, но имели доступ к новым оригинальным источникам из-за близости к царской семье: это мемуары супруги Бориса III царицы Йоанны, исследование сына начальника личной канцелярии царя Ст. Груева, книга музыканта П. Димитрова¹⁸. Такой подход биографов царя получил поддержку в многочисленных публикациях, посвященных его сыну – последнему царю Болгарии, и в выступлениях самого Симеона II. Можно ли считать, что так происходило формирование нового политического мифа?

Британский политолог К. Флад детально исследовал процесс появления и распространения политических мифов, понимая под ними «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятого социальной

¹⁷ *Йовков Ив.* Балканският династически синдром // Международни отношения. 1992. № 5. С. 17–20.

¹⁸ *Царица Йоанна.* Спомени. София, 1991; *Груев Ст.* Корона от тръни. Царуването на Борис III. 1918–1943. София, 1991; *Димитров П.* Борис III цар на българите. 1984 – 1943. Труженик, гражданин, цар. София, 1990.

группой как верное в основных чертах»¹⁹. Так, миф используется как инструмент для формирования исторических образов, исходя из целей его авторов. Отказ от социализма требовал новых идеологем. В интервью, данном в 2013 г., последний царь Болгарии из династии Кобургов признал: «Тоталитарная пропаганда приложила немало усилий и средств, чтобы исказить все, связанное с моей семьей, с правлением моего деда, царя Фердинанда I, и моего отца, царя Бориса III. После 1946 года были созданы такие живучие мифы и легенды, что должно пройти еще время для их выветривания из массового сознания. Многие факты партийные власти скрывали, умышленно искажали»²⁰.

Насколько успешной была попытка реинтерпретации? Об этом свидетельствуют факты: Симеон II стал основателем партии, набравшей на выборах 2001 г. 42,17% голосов, занявшей в парламенте 120 мест из 240, что позволило ему занимать пост премьер-министра с 2001 по 2005 гг. На основании этого можно сделать вывод, что значительная часть болгарских граждан восприняла новый миф о Борисе III.

Ко второй группе можно отнести произведения профессиональных историков, неоднозначно оценивающих вклад царя Бориса III в историю своей страны. Наиболее авторитетными среди них являются Н. Недев, опубликовавший ряд трудов под псевдонимом А. Леверсон, В. Вълков, Д. Даскалов и Н. Поппетров²¹. Эти авторы пытаются охарактеризовать как позитивные, так и отрицательные стороны правления царя, подчеркивая, что они предопределены сложным переплетением объективных и субъективных факторов, непосредственно влиявших на его политику. Таким образом, реализуется принцип научной объективности.

¹⁹ Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М., 2004. С. 43.

²⁰ Царь Болгарии Симеон II: я готов служить своей стране в любом качестве // Монархист. 2013. 20 апреля. URL: <https://monarhist.info/news/1877> (дата обращения 12.11.2019).

²¹ Леверсон А. Борис III: штрихи към портрета. София, 1992; он же. Последните дни на цар Борис: кн. 3. Срещата с Адолф Гитлер. София, 1993. Недев Н. Цар Борис III. Биография. София, 1997; он же. Цар Борис III. Дворецът и Тайният кабинет. Пловдив, 2009; Вълков В. Погребението на цар Борис III // Исторически преглед. 1992. № 3. С. 74–81; он же. Цар Борис III и Любомир Лулчев извън политиката // Исторически преглед. 1992. № 6. С. 61–75; Он же. Царят и неговият советник. Книга за цар Борис III и неговия советник Любомир Лулчев. София, 1993; он же. Цар Борис III в ползрението на германско военно разузнаване // Военноисторически сборник. 1994. № 3. С. 60–79; Даскалов. Д. Цар Борис III. Познатият и непознатият. София, 2001; Поппетров Н. Образът на цар Борис III в дневния ред на българското общество (1918–1943 г.) // Исторически преглед. 1992. Кн. 1–2. С. 44–74.

Наиболее ярким примером работы, которую можно отнести к третьей группе, – трудов убежденных противников политики Бориса III, стала монография общественного и политического деятеля, в 1991–1997 гг. непосредственно участвовавшего в законодательном процессе в качестве народного представителя 36 и 37 созывов Обыкновенного народного собрания, основателя и председателя Социалистической партии «Болгарский путь», доктора экономических наук Ангела Георгиева Димова. Позиционируя себя как продолжателя дела лидера БЗНС А. Стамболийского, выступая в оппозиции, критикуя действия правящей элиты, А. Димов с 2005 по 2015 гг. опубликовал пять изданий книги «Злодеяния Кобургов в Болгарии», третье издание в 2013 г. вышло в Софии и на русском языке, кроме того, в 2010 г. вышла свет книга «Българските царски имоти» и в 2019 г. «Казусът «Врана» и «заслугите» на цар Борис III».

Автор оценивает деятельность всех представителей династии Кобургов исключительно негативно. Можно ли считать этот труд объективным исследованием, ведь в нем изначально обозначена цель «раскрыть и заклеить злодеяния членов Кобургской династии в Болгарии»?²² Очевидно, что критика направлена, прежде всего, против Симеона II, который «подобно деду, царю Фердинанду, и своему отцу, царю Борису III... обманывает и грабит трудовой болгарский народ, причиняя ему огромное зло, муки и страдания»²³. Автор буквально руководствуется знаменитым высказыванием М.Н. Покровского о том, что «история – политика, опрокинутая в прошлое». Представляет интерес то, что Димов, предлагая собственную интерпретацию многих фактов, оспаривает положительную оценку деятельности Бориса III и развенчивает новый политический миф. По существу, читателю предлагается сделать самостоятельный вывод, сопоставив тезис и антитезис.

Можно выделить три наиболее остро воспринимаемые в исторической памяти болгарского народа проблемы. Во-первых, присоединение Болгарии к Трехстороннему пакту 1 марта 1941 г. Необходимо учитывать экономический и социальный факторы²⁴, повлиявшие на решение царя, но определяющим был, конечно, политический. Очевидно, что на болгарскую политическую элиту оказывалось давление, как со стороны советского руководства

²² Димов А. Злодеяния Кобургов в Болгарии. София, 2013. С.4.

²³ Там же.

²⁴ Никова Г. Историческая судьба Болгарии между Германией и Советским Союзом (социальный и экономический ракурс) // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб., 2002. С. 275–290.

(Соболевская акция)²⁵, так и германского. Как и другие малые государства Европы, Болгария оказалась перед необходимостью выбора между двумя тоталитарными государствами. Попытки Бориса III уклониться от принятия решения прекратились из-за опасений повторить судьбу прибалтийских государств. Он заявил: «Я не могу пренебречь германскими гарантиями перед большевистским натиском. А времени терять нельзя. Если бы была хоть малейшая возможность другого выхода, я бы ее не упустил»²⁶. Предпочтение, отданное царем Гитлеру перед Сталиным, таким образом, явилось лишь выбором «меньшего из зол». Димов в своей работе отрицает подобную трактовку действий болгарского царя и утверждает, что сохранение нейтралитета Болгарией даже в случае последующей гитлеровской оккупации позволило бы после окончания Второй мировой войны вернуть не только Южную Добруджу, но и Фракию с Сербской Македонией. По его мнению, выбор Бориса III не имел ничего общего с отстаиванием национальных интересов, а был обусловлен лишь стремлением сохранить власть Кобургов²⁷. Трудно согласиться с тем, что такая «альтернатива» могла быть осуществлена на практике.

В этой связи рассмотрим вопрос о «воссоединении болгарских земель». Как известно, выступление Болгарии в годы Первой мировой войны на стороне Германии и Австро-Венгрии дорого ей обошлось. Согласно Нейискому мирному договору (1919 г.) десятая часть ее территории с населением, составлявшим седьмую часть от общей численности болгарских граждан, была передана соседним государствам – союзникам Антанты. Большинство современных историков положительно оценивают дипломатические усилия царя, добившегося присоединения Южной Добруджи²⁸. А. Димов расценивает этот факт иначе: не как заслугу царя, а как стремление Германии «подкупить» без особых усилий своего потенциального союзника²⁹. Думается, что Борис III, учитывая семейные традиции и политическую обстановку, сделал сознательный выбор между

²⁵ Подробнее см.: *Чичовска В.* Соболевата акция. Всенародно движение за съюз с СССР. София, 1972.

²⁶ Цит. по: *Валева Е.Л.* Болгария в начале Второй мировой войны: драма страны и царя Бориса III // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 303.

²⁷ *Димов А.* Злодеяния Кобургов в Болгарии. С. 202.

²⁸ *Валева Е.Л.* Трудный выбор царя Бориса III. С. 282; *Сальков А.П.* Урегулирование проблемы Южной Добруджи (1939–1947 годы) // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 65–78.

²⁹ *Димов А.* Злодеяния Кобургов в Болгарии. С. 210.

СССР и Германией – предпочел помощь Берлина при решении вопроса о Добрудже. СССР тоже был готов содействовать болгарской стороне. Но страх монарха перед приходом к власти коммунистов также нельзя не учитывать.

Внешнеполитическая ориентация Болгарии привела 19 апреля 1941 г. к вводу ее оккупационных войск в Эгейскую Фракию и Вардарскую Македонию (в Грецию и Югославию, соответственно). Болгарский историк Н. Недев считал это вынужденной мерой, вызванной не только стремлением действовать в защиту своих национальных интересов, но и выполнением одного из условий присоединения к Трехстороннему пакту, продиктованных Гитлером. А. Димов утверждает, что вовлечение болгарского государства в войну произошло не с целью «освобождения» исконных болгарских земель, а с целью сохранения власти Кобургской династии и монархии, существование которых оказалось под угрозой коммунистов и «большевистской» России. Болгарским властям пришлось бороться с партизанами, в августе 1941 г. появились первые концентрационные лагеря. На болгарской территории были размещены гитлеровские войска и военные базы³⁰. Так Болгария обеспечила получение своей доли в войне, Фракия и Македония стали платой за союз с Гитлером, но были потеряны после окончания Второй мировой войны. Димов уверен, что благодаря заключению союза с СССР Болгарии удалось бы сохранить эти земли³¹.

В декабре 1941 г. София разорвала дипломатические отношения с США и Великобританией и объявила о состоянии войны с ними. Но, несмотря на участие Болгарии в военных действиях на Балканах, Борис III категорически отказался отправить свои войска против СССР. Более того, были сохранены дипломатические отношения с Москвой. Этот шаг высоко оценивает Н. Недев, подчеркивая, что принципиальная позиция царя была предопределена традиционным русофильством болгарского народа. А. Димов никак не комментирует этот факт.

Во внутренней политике Болгарии в этот период особое место занимает «еврейская проблема». С одной стороны, еще в январе 1941 г. был принят «Закон о защите нации», предусматривавший депортацию еврейского населения, что можно рассматривать как проявление влияния расовой теории нацистов на болгарскую политическую элиту. С другой стороны, этот закон на практике

³⁰ Там же. С. 220, 222.

³¹ Там же. С. 195.

не применялся, по крайней мере, когда речь шла о «старых землях». («Новыми» считались присоединенные территории Фракии и Македонии). В современной болгарской историографии царь Борис, как правило, предстает в роли одного из спасителей болгарских евреев, которых, по некоторым данным, насчитывалось в стране до 50 тыс. человек³². Однако с «новых» территорий более 11 тыс. евреев были депортированы в Польшу, в большинстве своем в нацистский лагерь Трешлинка, где были уничтожены. Именно по этой причине некоторые лица из ближайшего окружения Бориса III были приговорены к высшей мере наказания Народным судом в 1945 г.³³, а инициатива Израиля присвоить Борису звание «Праведника Мира» за спасение евреев в годы войны встретила бурный протест еврейских общин Фракии и Македонии. Народом-праведником был объявлен весь болгарский народ, что также воспринимается в современном мире неоднозначно, учитывая, прежде всего, статус Болгарии как страны-сателлита гитлеровской Германии³⁴. Однако нельзя игнорировать тот факт, что из пределов «старых земель», вопреки нажиму Берлина, не был депортирован ни один болгарский еврей. Болгарские власти ограничились выселением их из крупных городов.

А. Димов объясняет действия израильского руководства тем, что именно Симеон II стал политиком, облегчившим покупку болгарских земель еврейской олигархией.

Стоит отметить, что несмотря на союз с Германией и присутствие гитлеровских войск, при выработке позиции по «еврейскому вопросу» болгарское общество раскололось. «За» депортацию активно выступали хозяйственные деятели отраслевых союзов и лидеры молодежных националистических организаций³⁵. Отказа от депортации столь же яростно требовали писатели, Союз болгарских адвокатов, Союз врачей, некоторые члены парламента, деятели Болгарской православной церкви – епископ Стефан, митрополит Пловдивский Кирилл и другие³⁶. Монарх не мог игнорировать общественное мнение, что предопределило его отношение

³² См., например: *Барух Н.* Откупът: цар Борис и съдбата на българските евреи. София, 1991; *Бояджиев Хр.* Спасяването на евреи през Втората световна война. София, 1991.

³³ *Димов А.* Злодеяния Кобургов в Болгарии. С. 7.

³⁴ URL: kp.ru/daily/26073/2979445;lechaim.ru/ARHIV/198/romanovskiy.htm (дата обращения 16.02.2020).

³⁵ *Димов А.* Злодеяния Кобургов в Болгарии. С. 230–231.

³⁶ Там же. С. 232–233, 238–239.

к проблеме депортации. Это потребовало решительности и свидетельствует о политической мудрости Бориса III.

Подводя итоги, можно сказать, что в Болгарии в идеологическом пространстве сосуществуют разные оценки личности и деятельности Бориса III, многие из них явно политизированы. Монарх предстает и как герой, и как антигерой, что объективно отражает сложность и неоднозначность этой крупной политической фигуры. Достижение консенсуса вряд ли возможно в обозримом будущем. Можно согласиться с характеристикой болгарской историографии в диссертации В.В. Лобановой. «Современная болгарская литература о Борисе, – отмечает исследовательница, – столь многочисленная, столь эмоциональная, не всегда отличается профессионализмом в научном плане. Авторы часто не считают нужным указать источник получения той или иной информации, воздерживаться от необъективных выводов, порой создается впечатление, что их работы нацелены, в первую очередь, на привлечение читательского интереса самыми разнообразными средствами»³⁷.

На этом фоне заведомо искаженная информация влияет на формирование исторической памяти болгарского народа, способствуя таким отрицательным явлениям, как мифотворчество, появление скороспелых конъюнктурных «трудов» многочисленных дилетантов, работающих по заказу и обслуживающих сиюминутные цели и интересы. А ведь наше отношение к прошлому во многом определяет настоящее, выбор пути развития в целом и внешнеполитической ориентации, в частности.

³⁷ Лобанова В.В. Роль института монархии в политической системе Болгарии в 1918–1945 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2013. С. 11.

Т.В. Волокитина

МЕТАМОРФОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ. БОЛГАРСКИЙ ГЕНЕРАЛ ХРИСТО ЛУКОВ: ФАШИСТ ИЛИ ГЕРОЙ-ПАТРИОТ?

Вот уже 16 лет подряд в феврале в Софии проходит так называемый Луковский марш (болг. – Луков-марш) памяти генерала Христо Лукова (1888–1943). Центр болгарской столицы становится местом факельного шествия, число участников которого растет с каждым годом и, к сожалению, в основном за счет молодежи. В современной европейской политической палитре Луковский марш отнесен к ультраправым движениям. Установлено, что его инициаторы следуют лозунгам итальянских неонацистских лидеров Стефана Делле Кьяйе и Марио Микеле Мерлино¹ за «новую Европу народов, свободную от власти финансистов и чиновников» и против «диктатуры евробюрократии». Однако в «низы» транслируются более «приземленные», понятные участникам акции призывы: «Герои не умирают», «Будущее принадлежит нам», «Ради Болгарии – свобода или смерть!», «Болгария превыше всего», «Македония – болгарская земля!»², «Коммунистов под суд!» и т.п.

Луковский марш как консолидирующая акция крайних националистов и неонацистов отражает характерную для сегодняшней Болгарии аберрацию общественного сознания, его своего рода «перевернутость», выражающуюся в смене оценочных знаков. То, что вчера отрицалось обществом или воспринималось с осуждением и критикой, сегодня нередко становится объектом почитания и даже поклонения, утверждается мифологизированное прочтение национальной истории, налицо попытки переписать ее в угоду политической конъюнктуры. В случае с Луковским маршем подобная аберрация превращает пронацистски настроенного генерала

¹ *Стефано Делле Кьяйе* (1936–2019) (известен под псевдонимом «Че Гевара антикоммунизма») – итальянский политик, один из лидеров итальянского и международного ультраправого движения, основатель итальянской неонацистской национал-революционной организации Национальный авангард;

Марио Микеле Мерлино (род. 1944) – ближайший соратник Кьяйе, итальянский неонацист и анархист, историк, публицист и писатель, автор доктрины и ведущий идеолог анархо-фашизма, боевик Национального авангарда. Публичные выступления обычно заканчивал лозунгом «Будущее принадлежит нам».

² Македония – историко-географическая область Балкан – разделена между Грецией (Эгейская Македония), Югославией (Вардарская Македония) и Болгарией (Пиринский край).

в героя-патриота. Для рассмотрения этой метаморфозы обратимся к конкретным фактам.

После Первой мировой войны на болгарской политической сцене появились альтернативные действовавшему режиму силы, занимавшие как правый, так и левый фланги политического спектра.

Левый фланг был представлен крестьянской партией Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС), установившей весной 1920 г. однопартийное правление, и Болгарской коммунистической партией (БКП), попытавшейся, хотя и безуспешно, захватить власть в сентябре 1923 г. Обе партии опирались на проявлявшие себя антикапиталистические настроения масс, а перед глазами коммунистов был еще и пример Советской России, где у руля правления находились большевики.

Правый фланг болгарского политического пространства, постепенно формировавшийся на протяжении 1920-х гг., включал сторонников профашистских и фашистских тенденций, представленных 11 политическими объединениями сложного состава и нечеткой оформленности. Это обстоятельство дало основание авторитетному болгарскому исследователю фашизма Николаю Поппетрову констатировать их «конгломератность» и «непрерывные вибрации» вплоть до начала 1930-х гг.³ Но к концу второго десятилетия «первая волна фашизма», которую можно считать пропагандистской, сошла на нет, уступив место попыткам оформить фашистские политические партии («Союз болгар», «Союз болгар-фашистов»). Ориентиром для болгарских правых служил фашистский режим в Италии, сумевший к тому времени консолидироваться и вступивший в тоталитарную фазу своего развития. Социальные и политические лозунги итальянских фашистов привлекали сторонников радикальных перемен в Болгарии, призывавших общество пресечь опасность коммунизма, добиться единства, реализовать программу социальных реформ, пересмотреть итоги Второй Балканской и Первой мировой войн в целях территориального объединения Болгарии.

Параллельно усилению ориентации на итальянский фашизм в Болгарии оживилась деятельность прогермански настроенных националистов. Под влиянием событий в Германии, где в 1933 г. к власти пришли национал-социалисты, их болгарские сторонники объявили своими основными противниками «прогнившую»

³ Поппетров Н. Фашизм в Болгарии: специфические черты // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3 (26). С. 33–34.

буржуазную демократию и коммунистов. Подобные настроения выражал созданный в апреле 1932 г. по образцу штурмовых отрядов германских нацистов Союз молодежных национальных легионов (СМНЛ). В программе Союза значились в качестве главных два пункта – борьба против коммунистической идеологии и ревизия унижительного Нейиского мира⁴. Итальянская (фашистская) и германская (нацистская) практики считались наиболее подходящими для достижения указанных целей. Легионеры открыто предлагали «повторить германский вариант ради объединения страны и возрождения народа»⁵.

Ряды СМНЛ стремительно росли: в мае 1934 г. он насчитывал от 15 до 20 тыс. членов. Социальный состав соответствовал названию: до 60% составляли подростки-школьники и около 30% – студенты. Однако в марте 1935 г. первоначальная ориентация на молодежь была изменена, и на политической сцене страны появился Союз болгарских национальных легионов (СБНЛ). Вскоре он превратился в наиболее мощное праворадикальное движение Болгарии: на пике своего развития в рядах Союза состояли примерно 35 тыс. членов и, главное, он представлял собой реальную альтернативу режиму. Будучи протагонистами авторитаризма и национал-социалистической модели, легионеры отличались от других националистических группировок ярким социальным популизмом и ориентацией на прямое действие против левых и коммунистов. Это сближало легионеров с другой массовой крайне правой партией, также созданной в 1932 г., Народным социальным движением (НСД) Александра Цанкова⁶. Типологизация правых болгарских

⁴ По Нейискому мирному договору от 27 ноября 1919 г. побежденная в Первой мировой войне Болгария понесла ощутимые территориальные и людские потери (1/10 часть территории страны и 1/7 населения). Болгарские территории (часть Македонии, Южная Добруджа и так наз. Западные окраины) передавались Греции, Румынии и Королевству сербов, хорватов и словенцев, страна лишалась стратегического выхода в Эгейское море. В течение 37 лет Болгарии предстояло выплатить контрибуцию в размере 2,25 млрд франков золотом, что составляло 1/4 национального достояния; страна была лишена права иметь свою авиацию и все виды тяжелого вооружения; численность армии и военно-морского флота резко сокращалась.

⁵ *Родолубов Х.* Правая борьба на Балканах // Реванш. 2004. № 2. URL: wg-lj.livejournal.com/148169.html; revolution-ns.livejournal.com/40222.html (дата обращения 01.11.2019).

⁶ *Александр Цанков* (1879–1959) – политический и государственный деятель, премьер-министр Болгарии (1923–1926), ученый-экономист, акад. БАН. Идеолог так называемого консервативного («буржуазного») социализма, националист, последовательный антикоммунист, основатель и лидер НСД; сторонник союза с «Третьим рейхом», глава прогерманского эмигрантского правительства (1944).

организаций, проведенная Поппетровым по принципу выявления отличий между авторитаризмом и фашизмом, относит СБНЛ к фашистским организациям⁷.

Именно с Союзом легионеров связана в значительной мере судьба генерала Лукова.

Христо Колев ЛУКОВ родился в Варне 6 января 1887 г. (по другим данным 6 июня 1888 г.). Окончил Военное училище в Софии (1907). Участвовал в войнах за национальное объединение. (Так сторонники нового прочтения болгарской истории именуют Балканские войны 1912–1913 гг. и нередко Первую мировую). В послужном списке офицера-артиллериста Лукова отмечено командование батареей, а затем отделением гаубиц, 2-м и 4-м артиллерийскими полками. В 1924–1928 гг. он – начальник Артиллерийской стрелковой школы, создатель и редактор журнала Военного министерства «Артиллерийски преглед», преподаватель Военной академии. В 1928–1934 гг. Луков – начальник Учебного отделения инспекции артиллерии Главного штаба. В 1934–1935 гг. – командир 2-й, затем 3-й пехотных Балканских дивизий. Луков был известен и как военный теоретик: свои первые работы «Тактические задачи с решениями» и «Военная игра» написал еще до Балканских войн. Автор книги «Моторизация армии» (1928), статей по артиллерийскому делу, опубликованных в изданиях «Военен журнал» (1920–1934) и «Артиллерийски преглед» (1928–1934).

С именем Лукова немало болгар связывают и боевой эпизод Первой мировой войны, именуемый сегодня «сражением за Кюстендил» и вызвавший к жизни яркую характеристику генерала как «спасителя нации». Рассказывают, что в конце сентября 1918 г. майор Луков, командуя четырьмя орудиями, в течение суток оборонял город Кюстендил в 30 км от болгаро-сербской границы от наступавших сербов, в то время, как болгарские солдаты – участники вспыхнувшего в те дни Владайского (Солдатского) восстания покинули позиции и двинулись на Софию, требуя наказать виновных за военные поражения Болгарии. Луков со своими артиллеристами отстоял Кюстендил. Последствия этого были, по оценкам почитателей генерала, поистине судьбоносными: согласно подписанному 29 сентября 1918 г. Солунскому перемирию, определившему границы Болгарии, Кюстендил остался на болгарской территории. Болгарские националисты и по сию пору считают «сражение за Кюстендил» главной исторической заслугой Лукова. Подобная

⁷ Поппетров Н. Указ. соч. С. 38.

оценка оспаривается некоторыми болгарскими профессиональными историками. Так, например, проф. Искра Баева подчеркивает, что присвоенный генералу Лукову титул «спасителя нации» – очередной миф с «ясно выраженным политическим привкусом»⁸.

Как бы то ни было, судьба Лукова до определенного времени – это судьба профессионального военного, который, говоря современным языком, явно «сделал себя сам», последовательно выстроил свою карьеру, прошел путь от поручика (1910) до генерал-майора. Это звание он получил в 1935 г., в возрасте 48 лет.

На этом пути не обошли Лукова и отличия. В его наградном списке орден «За храбрость» 4-й степени 1-го и 2-го класса; орден святого Александра 4-й степени с мечами и 3-й степени без мечей; орден «За военные заслуги» 1-й степени. Но на парадных снимках генерала видна и еще одна награда – германский Железный крест 2-го класса. По статуту ордена им награждали и иностранных граждан за участие во Второй мировой войне на стороне Германии.

К деятельности на общественно-политическом поприще генерала, скорее всего, подтолкнуло болезненно воспринимавшееся им «наследство» Версаля и желание восстановить справедливость, т.е. решить территориальные вопросы в соответствии с идеей «великой Болгарии»⁹. Луков постепенно подключается к планомерной работе царя Бориса III по расколу антимонархического Военного союза, членом которого был и сам генерал. В 1935 г. Военный союз распущен, в армии проходят чистки от неблагонадежных элементов. Этими акциями завершается двенадцатилетний период (1923–1935), на протяжении которого важную, если не определяющую, роль играли в политической жизни страны военные. Именно их усилиями в стране была создана авторитарная система, которую с успехом, тщательно выбрав подходящий момент, «прибрал к рукам» царь Борис¹⁰. С конца 1935 г. ни один шаг в области внешней и внутренней политики не предпринимался без ведома и согласия монарха.

⁸ Проф. Искра Баева: Луков марш е опасен за настоящето и бъдещето на България // Местни избори. 2018. 13 февр. URL: epicenter.bg/article/Prof-Iskra-Baeva-Lukov-marsh-e-opasen-za-nastoyasheteto-i-badeshteto-na-Balgariya/147171/11/0 (дата обращения: 02.10.2019).

⁹ «Великая Болгария» – геополитическая концепция, возникшая после подписания Берлинского трактата 1878 г., согласно которой все земли, на которых проживали болгары, следовало объединить в одном национальном государстве. Предполагала территориальные приращения Болгарии, в первую очередь, за счет Македонии, и обеспечивала Болгарии выход в Эгейское море.

¹⁰ Подробнее см.: *Волокитина Т.В.* Царь болгар Борис III: от конституционной монархии к режиму личной власти (1918–1935) // Итоги и последствия Первой мировой

Все правительства назначались по прямому указанию дворца, а члены кабинета не представляли определенных партий (они были запрещены после майского переворота 1934 г.). Министры являлись простыми исполнителями царской воли. Мандат на формирование нового кабинета 23 ноября 1935 г. получил опытный дипломат, начальник царской канцелярии Георгий Кьосеиванов. Генерал-майор Луков возглавил Военное министерство. Вскоре он был произведен в генерал-лейтенанты.

Политика Лукова как военного министра была ориентирована на будущее территориальное расширение Болгарии военным путем. Основное внимание он уделяет разработке стратегических и оперативных планов действий на Балканах, а именно прогнозирувавшимся столкновениям с Югославией, Грецией, Румынией. Под его контролем ведется интенсивное укрепление болгарских границ, начинается перевооружение армии.

Отношения Лукова с Борисом III были сложными. Его связи с Цанковым, слишком явная ориентация на Германию, руководство оппозиционными легионами вызывали у царя недовольство и настороженность. СНБЛ финансировался немцами и, по одной из версий, рассматривался в Берлине как возможное средство давления на царя Бориса. Монарх, в свою очередь, опасался превращения Лукова в болгарского фюрера. Этот вариант настолько беспокоил царя, что он неоднократно обсуждал его в своем окружении¹¹. Конфликт главы кабинета Кьосеиванова со своим амбициозным министром также добавил масла в огонь: 24 января 1938 г. генерал оставил министерский пост, а на следующий день был уволен в запас. В 1939 г. он возглавил Союз болгарских национальных легионов.

В современной Болгарии личность генерала Лукова вызывает серьезные споры, а его деятельность оценивается далеко неоднозначно. В СМИ можно встретить сведения о его намерениях организовать с помощью немцев военный переворот и установить военную диктатуру, ориентированную на нацистскую Германию. Встречаются его характеристики как «чудовищного антисемита», виновного в депортации в концлагерь в Трешлинка (Польша) более 11 тыс. болгарских евреев с присоединенных территорий

войны: взгляд через столетие. Сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 16–17 мая 2018 г.). Воронеж, 2018. С. 221–234.

¹¹ Впоследствии это породило версию о причастности болгарских «верхов» к убийству генерала (Луков, Христо Николов: биография. URL: <https://www.peoplelife.ru/170986> (дата обращения 03.10.2019))

Македонии, Северной Греции и Восточной Сербии¹²; утверждается, будто он выступал за усиление антисемитизма в болгарском законодательстве и государственной политике. Антисемитская риторика, действительно, была характерна для Союза болгарских национальных легионов, но документальные подтверждения подобных заявлений со стороны Лукова не приводятся. Широко известный факт спасения 50 тыс. евреев, проживавших на территории старой Болгарии, видимо, объясняет появление более осторожных оценок отношения Лукова к самой идее депортаций. Подчеркивается ее «идеологическая поддержка»¹³. Высказываются также предположения о коммерческих связях генерала с еврейской буржуазией.

Неоспоримым является факт, что в годы Второй мировой войны Луков выступал за тесный союз с Германией, являлся одним из главных лоббистов немецких интересов в Болгарии, был другом Геринга, поддерживал прямую связь с германским послом Адольфом-Хайнцем Бекерле и германскими военно-разведывательными структурами, в частности известным бюро д-ра Делиуса в Софии¹⁴. Хотя Луков был противником отправки болгарских солдат на Восточный фронт, известно, что ему была близка идея участия Болгарии в «освобождении русских братьев от большевиков так же, как они освободили нас от турок»¹⁵. Составитель Биографического словаря ультраправых Филипп Рис включил генерала в список своих «героев». При этом основным критерием, которым руководствовался автор при отборе персоналий, было отрицание ими форм парламентской демократии и враждебное отношение к плюрализму¹⁶. Набор обвинений в адрес генерала, как видим, значительно шире. Осенью 1942 г. Центральная военная комиссия БКП вынесла смертный приговор группе болгарских общественных деятелей

¹² Обзор прессы Болгарии: переизбрание премьера, протесты против шествия националистов // FlashCrimea: информационное агентство. 2017. 4 дек. URL: flash-crimea.com/news/obzor-pressy-bolgarii-pereizbranie-premera-protesty-protiv-shestviya-nacionalistov (дата обращения 03.10.2019).

¹³ Там же.

¹⁴ Бюро доктора Делиуса – неофициальное название представительства абвера в Болгарии с начала 1940 г. («Абверштелле „София“»). Руководил бюро майор Отто Вагнер, аккредитованный в Болгарии как «доктор Отто Делиус, торговый атташе при посольстве Германии в Софии». Сотрудники резидентуры и завербованные ими агенты действовали под видом работников 30 торговых фирм, предприятий или общественных организаций Болгарии (немецкая транспортная компания «Транспорт штелле», акционерное общество «Соя», акционерное общество «Орел» и др.).

¹⁵ Родолубов Х. Указ. соч.

¹⁶ Rees Ph. Biographical Dictionary of the Extreme Right since 1890. New York, 1990. P. XVII.

и политиков, для чего была создана группа особого назначения. 13 февраля 1943 г. на глазах жены и дочери генерал был убит боевиками-коммунистами Иваном Бураджиевым и Виолеттой Яковой у своего дома на ул. Фракия.

В последние годы имя Лукова последовательно и настойчиво героизируется. Упор при этом делается не на реальную историческую фигуру, а на мифологизированный образ, предназначенный для реализации конкретных политических целей. Луков, несомненно, был жестким националистом. Его смерть от рук коммунистов, одна из которых была еврейкой, обусловила «патриотический» характер интерпретации личности генерала после «нежной революции» 1989 г. – убит врагами нации герой и ее спаситель, олицетворяющий болгарские воинские традиции.

В качестве такового его и чтят в современной Болгарии организаторы шествия памяти генерала. Болгарские эксперты и политтехнологи сформулировали причины, способствующие проведению Луковского марша. Главная – это кризисная ситуация в нынешней Болгарии, резкая поляризация общества, расколотого на бедных и богатых, увеличение числа безработных и необразованных людей, не видящих для себя выхода из трудной ситуации, умело применяемый оппозицией национал-популизм, отторжение правящей элиты, уходящей корнями в номенклатуру социалистической Болгарии, напряженные отношения с цыганской общиной, вылившиеся в сентябре 2018 г. в массовые антицыганские волнения. Многие из названных причин вызывают тревожные реминисценции, связанные с историей фашизма и национал-социализма.

Обращение в этой ситуации к яркой и для многих неординарной фигуре генерала Лукова отражает дефицит достойных во всех отношениях личностей в сегодняшней Болгарии и мучительный поиск болгарским обществом харизматичных руководителей, способных стать примером бескорыстного патриотического служения родине, личного мужества. В результате целенаправленной пропаганды генерал Луков видится ныне именно такой личностью. При этом его почитателей абсолютно не интересует, что боевой офицер и профессиональный военный Луков – это одно, а политический деятель второй половины 1930-х гг. и периода Второй мировой войны – совсем другое. Руководимый им Союз болгарских национальных легионов возник и действовал в период всплеска национализма и реваншизма в Европе. Похожая ситуация складывается и в наши дни. Ведь если еще несколько лет назад аналитики констатировали появление «коричневых» тенденций в общественно-политической

жизни континента¹⁷, то сегодня они уже четко фиксируют «неонацистский мейнстрим», подтверждением которого считают фашистские марши в Европе, поощряемые руководителями государств¹⁸. На наш взгляд, этот тревожный вывод подкрепляет статистика, согласно которой в Европе насчитывается 550 неонацистских, национал-радикальных и фашистских организаций, охватывающих более 7 млн. чел.¹⁹ Манифестации, марши, факельные шествия – зримое проявление их набирающей силу активности и роста популярности, в первую очередь, среди молодежи.

В Болгарии Луковский марш впервые был организован 13 февраля 2003 г., в 60-ю годовщину теракта. Тогда в центре Софии состоялось факельное траурное шествие. Число участников составило примерно 300 чел. Впоследствии оно непрерывно росло. Наиболее резонансный марш состоялся в 2012 г., когда отмечалась 139-я годовщина казни национального героя Василя Левского²⁰. В марше участвовали более 1 тыс. чел. В 2013 г. – уже около 2 тыс. В этом году он состоялся в 16-й раз. Сформулированы правила, которыми руководствуются участники марша: не допускаются алкоголь, оружие, запрещенная символика. Сложилась традиция начинать марш православным молебном в память о жертвах коммунизма. Сбор участников проходит в разных памятных местах в центре столицы. Например, у храма Св. Воскресенья, где в 1925 г. боевики-коммунисты устроили взрыв купола. Тогда жертвами взрыва стали около 140 чел. Факелы зажигают у храма-памятника Александра Невского, затем шествие движется к памятнику Неизвестному солдату у собора Св. Софии, где произносятся речи, и затем к дому № 1 на улице Фракия, где жил и был убит Луков. На доме по решению столичной общины установлена мемориальная доска. Звучат траурный

¹⁷ Панов В. Как цветные революции становятся коричневыми // Военное обозрение. 2015. 27 марта. URL: topwar.ru/71756-kak-cvetnye-revolucii-stanovyatsya-korichnevymi.html (дата обращения 03.10.2019).

¹⁸ Неонацистский мейнстрим: фашистские марши в Европе поощряются первыми лицами государств. URL: zagolovki.ru/daytheme/nazist/01Feb2018 (дата обращения 13.10.2019).

¹⁹ 550 неонацистских организаций насчитали в Европе. URL: antifashist.com/last-news/5237-550-neonacistikh-organizacij-naschitali-v-evrope.html (дата обращения 13.10.2019).

²⁰ Васил Левский (1837–1873) – национальный герой Болгарии, боровшийся против Османского владычества, идеолог и участник организованной революционной борьбы за «святую и чистую республику». В национальной истории известен как «Апостол свободы». Схвачен в 1872 г. турецкими властями и вскоре казнен. В 2008 г. в проекте болгарского телевидения признан величайшим болгаринном всех времен.

марш и гимн Болгарии, участники зажигают свечи, возлагают венки, объявляется минута молчания.

Организируют марши болгарские ультраправонационалистические организации²¹. Перечень их достаточно велик, но наиболее многочисленными и влиятельными являются: Болгарский национальный союз (БНС), созданный в 2001 г. как наследник Союза болгарских национальных легионов; Внутренняя македонская революционная организация – Болгарское национальное движение (ВМРО-БНД)²²; Союз репрессированных в Болгарии после 9 сентября 1944 г.; Националистическая партия Болгарии (создана в 2013 г.); ультраправая организация «Национальное сопротивление» (2008); болгарское отделение международной неонацистской организации «Кровь и честь», действующее в г. Пловдиве. Многие организации успешно привлекают к своей деятельности болгарских скинхедов и футбольных болельщиков (Содружество болгарских футбольных болельщиков; фанклуб «Берое» в г. Стара Загоре), называющих себя «ультрас» и не скрывающих свою неонацистскую ориентацию. Большинство из них проявляют враждебность к неславянским национальным меньшинствам (в первую очередь, к туркам и цыганам), демонстрируют антиеврейские настроения, неприятие нехристианских конфессий. Обострению подобных настроений способствуют сведения о связях цыганских «верхов» с криминальными структурами и правоохранительными органами. В сентябре 2011 г., после инцидента в с. Катунница, где родственник цыганского барона Кирилла Рашкова, криминального авторитета, больше известного под кличкой «Царь Киро», умышленно сбил насмерть на своей машине болгарского студента и скрылся с места происшествия, ультраправые провели акции протеста под лозунгами «Болгария без цыган!», «Не будь рабом в собственной стране!». Заметную роль сыграли футбольные фанаты, делом рук которых стал, в частности, поджог дома Рашкова. Нетерпимость характеризует отношение ультраправых к утвердившейся

²¹ Подробнее см.: Нацистские организации в Болгарии // Автономное действие. 2010. 29 окт. URL: <https://avtonom.org/news/nacistskie-organizacii-v-bolgarii> (дата обращения 04.10.2019).

²² Организация объявила себя консервативно-патриотической организацией, сторонницей современного национализма, наследницей ВМРО, действовавшей в XIX в. Члены ВМРО-БНД, вступая в ее ряды, приносят следующую клятву: *Клянусь Богом, верой и своей честью, что буду бороться до самой смерти за свободу и благополучие болгар Мизии, Фракии и Македонии и что буду защищать болгарский дух повсюду, где ему грозит опасность! Не предам ни словом, ни делом идею организации и не выдам доверенные мне тайны. В противном случае пусть буду я наказан, как велит традиция ВМРО! Да здравствует Болгария!!! Клянусь!!!*

после 1989 г. в стране политической элите, тесно связанной с силовыми органами, в частности с Комитетом госбезопасности, с аппаратом ЦК БКП и государственными хозяйственными структурами. Политкорректность и толерантность принципиально исключены из практики ультраправых националистов²³.

В 2012 г. в организацию Луковского марша вмешалась общественность, в том числе и международная. Европейская сеть против расизма охарактеризовала акцию как «пропаганду расистских и неонацистских идей». В 2014 г. давление леволиберальной и международной общественности привело к отказу столичных властей согласовать проведение очередного шествия. Марш, однако, состоялся, причем имели место задержания участников полицией. Но в конце 2014 г., когда на Генеральной Ассамблее ООН обсуждалась резолюция против героизации нацизма и современных форм расовой дискриминации, Болгария воздержалась! В 2015 г. акцию осудило, кроме российского дипломатического ведомства, еще и американское посольство в Софии. Но международная реакция не оказалась для официальной Софии руководством к действию. Проведению очередного марша не помешало даже председательство Болгарии в Совете ЕС (январь–июнь 2018 г.), как и протест в 2019 г. Всемирного еврейского конгресса: его вице-президент и генеральный исполнительный директор Роберт Сингер передал премьер-министру Бойко Борисову петицию с требованием запретить факельное шествие неонацистов. Подписи под петицией поставили 175 тыс. чел. со всего мира, в том числе около 2 тыс. евреев.

К сожалению, приходится констатировать, что международный резонанс Луковского марша усиливается. Это подтверждается ростом сочувствующих, приезжающих в Болгарию из других стран. Если в 2006 г. в Софию прибыли несколько десятков германских национал-демократов и испанских фалангистов, то в 2018 г. – сотни радикалов из Германии, Швеции, Македонии, Эстонии. Еще шире «география» шествия оказалась в 2019 г. – Англия, Португалия, Германия, (60 чел.), Франция, Швеция, Чехия, Венгрия, Норвегия, Эстония, Украина.

В западных СМИ появляются материалы под характерными заголовками типа «Болгарские националисты маршируют в честь пронацистского генерала», но участники марша и почитатели Лукова отрицают неофашистский характер акции, объявляют генерала

²³ Бритоголовые в Болгарии: 1989–2012. Ностальгический обзор. URL: sofia-vb-888.livejournal.com/591850.html (дата обращения 04.10.2019).

национальным героем и акцентируют важность развития Болгарии по собственному пути, реализуя привлекательный популистский лозунг «За Болгарию национально сильную и социально справедливую!» Упор при этом ультраправые делают на подчеркивание своей позиции как «просто национализма», способного вывести Болгарию на спасительный путь²⁴.

В 2018 г. правительство Болгарии осудило проведение Луковского марша, выступив с официальным заявлением. Национальный координатор по борьбе с антисемитизмом заместитель министра иностранных дел Георгий Георгиев призвал отказаться от проведения шествия. «Болгарский народ, – подчеркнул он, – на протяжении многих лет показал, что его толерантность и возможность жить вместе на одной территории различных рас, народов и этносов непоколебима и он не потерпит какого-либо сдвига этнической модели созданной на протяжении многих веков. [...] Я не верю, что сегодня болгарский народ поддастся провокации, которая стремится вернуть нас в те мрачные времена и заставить нас чтить людей, которые по той или другой причине были сопричастны этому мракобесному режиму в человеческой истории»²⁵. Однако призыв не нашел ожидавшегося отклика.

Луковский марш подтверждает, насколько эффективно воздействуют на общественное сознание умело сконструированные мифы, как трудно им противостоять и как трудно «лечить» пораженное воздействием такой мифологии общество. Состоявшиеся в 2018 и 2019 гг. в Софии демонстрации против Луковского марша под лозунгом «Нет нацистам на улицах!» собрали значительно меньше участников (их число оценивается по-разному – от нескольких десятков до 300 чел.)²⁶. Констатируя сегодня происшедшую в Болгарии аберрацию сознания многих ее граждан, нельзя недооценивать, что она способна нанести стране не меньший ущерб, нежели ошибочная политика, причем в долгосрочной исторической перспективе.

²⁴ Состоялся болгарский неонацистский марш в честь генерала Второй мировой войны // Лехаим. 2018. 18 февр. URL: <https://lechaim.ru/news/sostoyalsya-bolgarskij-neonatsistskij-marsh-v-chest-general-a-vtoroj-mirovoj-vojny/> (дата обращения 04.10.2019).

²⁵ Правительство Болгарии осудило проведение Луковского марша в Софии // Лехаим. 2018. 15 февр. URL: <https://lechaim.ru/news/pravitelstvo-bolgarii-osudilo-provedenie-lukovogo-marsha-v-sofii/> (дата обращения 04.10.2019).

²⁶ Пока одни в Софии маршируют в честь пронацистского генерала, другие митингуют против фашизма // Global Voices. 2018. 21 февр. URL: ru.globalvoices.org/2018/02/21/70670 (дата обращения 04.10.2019).

В.В. Теплухин

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФАШИЗМА НА ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ

Распространение фашистских идей началось на Украине отнюдь не во время государственного переворота, осуществленного в феврале 2014 г. История украинского фашизма имеет весьма длительную историю и ее истоки уходят в 1920-е гг. Именно тогда на территории Западной Украины, входившей в состав Польши была создана получавшая печальную известность Организация украинских националистов (ОУН), осуществлявшая откровенно преступную деятельность. В 1939 г. после вхождения этой территории в состав Советской Украины ОУН и ее военизированная организация – Украинская повстанческая армия (УПА) начали осуществлять террористические действия на территории СССР. В историографии появилось большое количество исследований этой проблемы, в которых убедительно доказан фашистский характер этих организаций¹.

В настоящей статье будет предпринята попытка показать, каким образом идеология этого фашистского движения используется современной украинской элитой и какое отношение к этому процессу занимают зарубежные пресса и исследователи. Многие из них признают, что, несмотря на отсутствие каких-либо результатов деятельности украинских националистических организаций, которые оставили «в наследство только террор и разрушение», сторонники фашистских взглядов сохранились среди украинских эмигрантов, а ныне активно действуют и в самой Украине².

Процесс активизации украинских националистов начался в конце 1980-х гг. Тогда формировавшийся новый госаппарат Украины взял откровенный курс на выход из состава СССР, заявляя о юридической неправомерности ее вступления в Союз в декабре 1922 г. Вслед за Прибалтийскими государствами, Молдавией и Грузией на Украине стал активно внедряться тезис о некой «советской оккупации». Уже в конце 80-х годов ряд политических деятелей

¹ См. особенно содержательные статьи известного отечественного историка А.Ф. Носковой и профессора социологии Нью-Гэмпшира в Манчестера (США) Т. Пиотровского: *Носкова А.Ф.* Украинские националисты в борьбе за «Соборную Украину» в годы Второй мировой войны: итоги и последствия // Берегиня. 777. Соча. 2015. № 3(26). С. 112–122; *Пиотровский Т.* Украинские националистические организации и их сотрудничество с нацистской Германией // Там же. С. 123–145.

² *Пиотровский Т.* Указ. соч. С. 138.

и исследователей стали без устали повторять, что украинский народ пострадал от преступлений, совершенных сталинским режимом. Участие украинцев в создании в СССР «тоталитарного» режима отрицалось, а сама Украина представлялась в качестве жертвы внешней агрессии. Стали активно пересматриваться взгляды лидеров украинского националистического движения. Теперь эти деятели оценивались как представители «национально-освободительного движения», которые якобы боролись против советских оккупантов³.

На Украине начался процесс возрождения националистических организаций. 3–4 ноября 1990 г. в Киеве состоялся учредительный съезд Украинского Националистического Союза (УНС). Уже через два месяца созданный на базе УНС вооруженный отряд, возглавляемый неким Юрием Тимою во время событий 11–13 января 1991 г. в Вильнюсе участвовал в охране литовского парламента с первого дня противостояния. Широко украинские националисты попытались отметить день 50-летия провозглашения во Львове независимости Украины. 30 июня 1991 г. перед Львовским оперным театром две сотни стрелков УНС провели свою первую показательную акцию с сожжением креста и факельным шествием⁴.

Процесс создания фашистских организаций активно продолжился и после провозглашения Украиной независимости. Многие украинские деятели с откровенно неофашистскими взглядами избиралась в Верховную раду через партию «Народных рух Украины за перестройку», созданной в сентябре 1989 г. Деятельность этой организации поначалу была сконцентрирована на пропаганде перестроечных ценностей, но со временем идеология и практика РУХа стала носить все более выраженный антироссийский характер⁵. Стали создаваться и собственно неофашистские организации. Так, 30 июня 1990 г. диссидентом Юрием Шухевичем, сыном руководителя ОУН–УПА Романа Шухевича, активно сотрудничавшего с нацистами в годы войны⁶, была образована так называемая Украинская межпартийная ассамблея (УМА), представлявшая собой

³ Подробнее см.: Теплухин В.В. Проблемы интерпретации истории Второй мировой войны на постсоветской Украине // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж, 2017. С. 374–379.

⁴ Матвеев О.В. Трагедия украинского кризиса: история и политика // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 3(25). С. 19–20.

⁵ Ульянова Ю.С. Постсоветские политические фронты на Украине // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 1(50). С. 96.

⁶ Известно, что Р. Шухевич лично вдохновлял украинскую молодежь вступать в дивизию СС-Галиция «ради военной подготовки и даже приказывал “значительному

добровольное объединение нескольких националистических общественных организаций и партий Украины. В начале сентября эта организация приняла название Украинской национальной ассамблеи (УНА) и провозгласила себя политической партией. После событий 18–21 августа 1991 г. в Москве УНА приступило к формированию специальных военизированных подразделений якобы для возможного противодействия силам ГКЧП. Эти полувоенные формирования стали называться Украинской народной самообороной (УНСО)⁷.

Еще более откровенно фашистская организация – Социал-национальная партия Украины (СНПУ) была создана 13 октября 1991 г. во Львове. Выбрав такое название, ее основатели явно указывали на заимствование идей и методов германского национал-социализма. Более того, официальной эмблемой новой партии стал рунический символ «волчий крюк» (Wolfsangel), который использовался несколькими дивизиями СС в период Второй мировой войны и сохранивший свою популярность среди неонацистских групп по всему миру. Деятельность этой партии, переименованной во Всеукраинское объединение «Свобода» достаточно хорошо исследовано как в отечественной, так и зарубежной исторической и политологической литературе. Практически никто не отрицает, что по своей идеологии и методам борьбы за власть она является типичной неонацистской организацией.

Деятельность других украинских националистических организаций неонацистского толка также хорошо известна. В рамках данной статьи, наверное, нет необходимости подробно описывать все осуществленные ими бесчинства. Их руководители и рядовые члены неоднократно позволяли себе русофобские и антисемитские высказывания. Не менее ужасающее впечатление оставляли и организованные ими преступные акции, заканчивавшиеся госпитализацией их идейных противников⁸.

Однако несмотря на все это, лидер «Свободы» Олег Тягнибок трижды избирался депутатом Верховной рады Украины. Более того, в 2002 г. он был избран в качестве кандидата от так называемого

числу" членов ОУН(б) вступать в ее ряды, где им следовало занимать высокие должности». (Плютовский Т. Указ. соч. С. 136).

⁷ Подробнее см.: Трофимов А. Ю. Отражение деятельности антиобщественных организаций (на примере УНА-УНСО) в СМИ // Культура народов Причерноморья. 2004. № 49. Т. 2. С. 89–91.

⁸ Подробнее см.: Бышок С., Кочетков А. Евромайдан имени Степана Бандеры. От демократии к диктатуре. М., 2014. С. 16–22.

«демократического» блока «Наша Украина», возглавляемого Виктором Ющенко. Поразительно, но деятельность неонацистских организаций, как и их идеологических предшественников в 1920-х – 1930-х гг., не встретило существенного противодействия со стороны органов государственной власти.

Как и классические фашистские партии и движения, украинские неонацисты использовали разные способы для достижения власти – от курса на ее захват до участия в выборах и законодательных органах власти. Взаимоотношения между Тягнибоком и правящей украинской элитой носили не безоблачный характер. Постоянно подчеркивая приверженность «европейским ценностям», лидеры «Нашей Украины» в Верховной Раде были вынуждены исключить Тягнибока из фракции после его заявлений о том, что «москаль – это еврейская мафия»⁹.

Однако это не помешало ему, как и всем членам партии «Свобода», поддержать «оранжевую революцию». Организация, несколько смягчив свою риторику, на некоторое время вошла в состав блока «Вся Украина». Как справедливо отмечает современный зарубежный исследователь К. Мудде, «Свобода» сумела заручиться поддержкой избирателей, перейдя к радикальной оппозиции по отношению к администрации Ющенко, которая стала все более непопулярной в западной части Украины. На местных выборах в этих областях в 2010 г. Свобода (где-то в кавычках, где-то без) получила от 20% до 30% и провела многих своих представителей в местные и региональные представительные органы власти, а также некоторые органы местного самоуправления¹⁰. Однако успеху Свободы способствовала также выраженная националистическая кампания бывшего президента Украины. Начавшаяся в годы правления Ющенко реабилитация сотрудничавших с нацистами украинских националистов типа Бандеры и Мельника, создавала благодатную почву для распространения свободовцами пропагандистской деятельности среди украинского населения.

Едва ли не основную причину успеха Свободы на парламентских выборах 2012 г. зарубежный исследователь украинского

⁹ Подробнее см.: Складов С.А. Эволюция всеукраинского объединения «Свобода» в 1991–2006 годах: от радикального социал-национализма к парламентаризму // Труд и социальные отношения. 2011. № 12. С. 75–91.

¹⁰ Mudde C. A New (Order) Ukraine? Assessing the Relevance of Ukraine's Far Right in an EU Perspective // Open Democracy. 2014. 28 Feb. URL: <http://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/cas-mudde/new-order-ukraine-assessing-relevance-of-ukraine-s-far-right-in-eu-pers> (дата обращения 15.04.2019).

происхождения А. Шеховцов усматривал в тактике тогдашнего президента Украины Януковича, состоявшей, по его мнению, в том, чтобы в лице Тягнибока получить заведомо непроходного оппонента во втором туре на намеченных по плану в 2015 г. выборах президента. С этой целью, по убеждению А. Шеховцова, Тягнибоку и его однопартийцам стали предоставлять время в эфире ведущих украинских телеканалов, что обеспечило прохождение представителей Свободы в состав Верховной рады Украины¹¹. Не отрицая роль В. Януковича в усилении влияния крайне правых элементов в украинской политической жизни и его ответственности за события, произошедшие в центре Киева зимой 2013/2014 гг., на наш взгляд, большую респектабельность Свободе и Тягнибоку придавало их сотрудничество с другими в тот период оппозиционными «национал-демократическими» партиями. Как признавал в одной из своих статей А. Шеховцов, «еще большей нормализации правого радикализма (*на Украине – В.Т.*) – способствовали договоренности между «Объединенной оппозицией «Батькивщина» и «Свободой» об участии в выборах в Верховную Раду 2012 года. Главными пунктами этих договоренностей стало то, что обе политические силы «согласовали между собой кандидатов в народные депутаты в одномандатных избирательных округах» и обязались «вести агитацию согласно ... принципам взаимоуважения и взаимного непротивостояния между оппозиционными политическими силами»¹².

Активное участие правоэкстремистских сил Украины в антиправительственных выступлениях октября 2013 – февраля 2014 гг. и последующих этапах украинского кризиса стало одним из обсуждаемых вопросов среди политиков, публицистов и ученых различных стран. Несмотря на то, что большинство западных телеканалов, печатных СМИ и интернет-порталов заняли сочувственную Евромайдану позицию, постепенно в прессе стали появляться материалы, в которых содержалась информация об активном участии украинских националистов крайне правого толка в массовых акциях протеста.

¹¹ Shekhovtsov A. From Para-militarism to Radical Right-wing Populism: The Rise of the Ukrainian Far-right Party Svoboda. - Right Wing Populism in Europe: Politics and Discourse / eds. by R. Wodak, B. Mral, M. Khosravinik. London, 2013. P. 249–263.

¹² Shekhovtsov A. A Response to Cas Mudde's «A New (Order) Ukraine» // Open Democracy. 2014. 3 March. URL: <http://www.opendemocracy.net/anton-shekhovtsov/response-to-cas-mudde's-Ukraine-Far-Right-How-Real-Russia> (дата обращения 16.05.2019).

Еще в начале декабря 2013 г. преподаватель школы политических исследований Университета Оттавы И. Качановски писал о насильственных действиях активистов радикальных националистических организаций Украины, «многие из которых, если не все, в большей или меньшей степени считают себя идеологическими приемниками Степана Бандеры»¹³. В опубликованной в американском журнале “The Nation” 21 января 2014 г. статье с тревогой отмечалось, что под прикрытием лозунгов евроинтеграции и борьбы против режима Януковича, многие средства массовой информации умалчивают факты, свидетельствующие об усилении в ходе протестов националистической риторики, зачастую шовинистического характера. Автор публикации привел многочисленные данные об актах насилия представителей праворадикальных партий и группировок не только в отношении милиции, но и активистов левых партий Украины¹⁴. В последующем статьи аналогичного характера появились и в других западных СМИ¹⁵.

Весьма заметным было участие в антиправительственных выступлениях «Свободы» и другой экстремистски настроенной группы – «Правый сектор», требовавшей осуществления «национальной революции» и угрожавшей «длительной партизанской войной»¹⁶. Лозунг и приветствие последователей Бандеры «Слава Украине! Героям слава!» использовался многими участниками Евромайдана¹⁷. Ряд западных журналистов и исследователей посчитали необходимым отметить, что некоторые политические деятели стран Евросоюза и США устанавливают контакты с руководителями правоэкстремистских сил Украины.

Вхождение представителей «Свободы» в состав сформированного после отставки В. Януковина переходного правительства во

¹³ *Katchanovski I.* Sizing up Ukraine's Euromaidan // Open Democracy. 2013. Dec., 3. URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/ivan-katchanovski/sizing-up-ukraines-euromaidan>.

¹⁴ См.: *Luhn A.* The Ukrainian Nationalism at the Heart of 'Euromaidan' // The Nation. 2014. Jan., 21.

¹⁵ См. напр.: *Milne S.* In Ukraine, fascists, oligarchs and western expansion are at the heart of the crisis // The Guardian. 2014. Jan., 29; *Ghosh P.* Euromaidan: The Dark Shadows of the Far-Right in Ukraine Protests // International Business Times. 2014. Feb., 19. URL: <http://www.ibtimes.com/euromaidan-dark-shadows-far-right-ukraine-protests-1556654> (дата обращения 17.09.2019) и др.

¹⁶ *Milne S.* Op. cit.

¹⁷ «Scientific Nationalists» // German-Foreign-Policy.com. 2014. 01.05. URL: <http://www.german-foreign-policy.com/en/fulltext/58745> (дата обращения 30.05.2019); *Katchanovski I.* The Politics of World War II in Contemporary Ukraine // The Journal of Slavic Military Studies. 2014. Vol. 27. № 2.

главе с А. Яценюком еще больше встревожило некоторых западных комментаторов. Однако ряд украинских исследователей и ученых стран Запада опубликовали заявление, в котором утверждалось, что имеющая место на Украине «поддержка фундаментализма, этноцентризма и ультранационализма» имеет больше общего с путаницей в головах украинцев и ежедневными заботами, нежели с их «более глубокими убеждениями». Исследователи выразили озабоченность возможностью использования [высказываемых в прессе] опасений относительно Евромайдана «политтехнологиями» Кремля для реализации геополитических проектов Путина»¹⁸.

Протесты некоторых политологов против позиции авторов этого заявления подвергались критике. Причем, эта критика звучала со стороны исследователей, которые до начала Евромайдана высказывали опасения о росте влияния крайне правых сил на Украине.

Немецкий профессор, в настоящее время работающий в Киево-могилянской академии, А. Умланд и уже упоминавшийся А. Шеховцов опубликовали ряд статей, в которых утверждали о незначительной поддержке украинцами правых националистов. В одном из интервью Умланд сделал заявление: «Если бы не бандеровцы, Кремль изобрел бы что-то еще».¹⁹ Умланд и Шеховцов признают опасность, исходящую со стороны правозкстремистских сил. Однако, по мнению исследователей, эта опасность заключается, главным образом, в возможности использования их провокационных действий российскими СМИ с целью дискредитации руководства Украины. Ссылаясь на результаты социологических опросов и избирательных кампаний, Умланд и Шеховцов заявляют о маргинальности украинских крайне правых. Старший научный сотрудник Института социологии Бернского университета А. Полякова даже высказала суждение, согласно которому тенденция к приобретению

¹⁸ Collective statement by experts on Ukrainian nationalism on the role of far right groups in Ukraine's protest movement, and a warning about the Russian imperialism-serving effects of some supposedly anti-fascist media reports from Kyiv // The world's platform for change. URL: <https://www.change.org/en-GB/petitions/to-journalists-commentators-and-analysts-writing-on-the-ukrainian-protest-movement-euromaidan-kyiv-s-euromaidan-is-a-liberationist-and-not-extremist-mass-action-of-civic-disobedience> (дата обращения 03.10.2019). Подробнее о заявлении и реакцию на него других ученых Запада см.: Богдашкин А.А., Теплухин В.В. Политологи о праворадикальном национализме в современной Украине // Власть. 2014. № 10.

¹⁹ Умланд А. «Если бы не бандеровцы, Кремль изобрел бы что-то еще» // Slon.ru. 2014. 3 апр. URL: http://slon.ru/world/andreas_umland_esli_by_ne_banderovtsy_kreml_izobrel_by_chno_to_eshche-1079098.xhtml.

независимости в регионах Восточной Украины способствовала усилению националистических настроений в остальной части²⁰.

Состоявшиеся в октябре 2014 г. парламентские выборы на Украине, на которых за «Свободу» проголосовало 4,7%, а за «Правый сектор» – 1,8% избирателей, широко позиционировались сторонниками украинских властей как неприятие украинским обществом неонацизма. Однако, как справедливо отмечали многие исследователи, подобного рода оценки совершенно противоречили действительности. Комментируя итоги выборов в Верховную раду Украины, преподаватель кафедры социологии Киево-могилянской академии В. Ищенко справедливо отметил, что было бы недалеко-видным делать вывод о незначительном влиянии крайне правых партий, принимая во внимание лишь факт преодоления «Свободой» и «Правым сектором» 5% барьера. Риторика многих политиков, которых можно охарактеризовать как центристов и либералов, значительно сместилась вправо. Ряд высокопоставленных государственных чиновников Украины, в частности, министр внутренних дел А. Аваков, позволяли себе уничижительные заявления в отношении своих идейных противников. В состав Верховной Рады прошли 13 депутатов, придерживающихся правозкстремистских воззрений. Они были избраны как по одномандатным округам, так и от списков «не ультраправых» партий, в том числе от Радикальной партии О. Ляшко и даже блока П. Порошенко. В одномандатном округе г. Киева при поддержке Народного фронта А. Яценюка депутатом Рады был избран открытый неонацист А. Билецкий, возглавлявший расистскую группировку «Патриот Украины», на базе которой был сформирован добровольческий батальон Азов, использующий неонацистскую символику²¹.

Кардинально не изменили ситуации и выборы 2019 г. Несмотря на то, что неонацистские партии и организации не смогли самостоятельно пройти в состав законодательной и исполнительной власти, их деятельность оказывает существенное влияние на происходящие на Украине события. Фактически в стране на наших глазах происходит процесс фашизации государства, когда политическая элита Украины, сведя к минимуму деятельность неонацистских организаций классического типа, активно использует их идеи и методы

²⁰ См.: Polyakova A. On the March. The Coming Rise of Ukrainian Ultra-Nationalists // Foreign Affairs. 2014. May, 11.

²¹ Ishchenko V. Ukraine has ignored the far right for too long – it must wake up to the danger. The indifference of officials and mainstream opinion to the election of far-right MPs is hugely worrying // The Guardian. 2014. Nov., 13.

борьбы самостоятельно и внедряет их в повседневную практику. Воинствующий антикоммунизм и русофобия, по сути, стали основополагающим фундаментом, на котором была выстроена нынешняя украинская государственность. Подобного рода процессы не новы для истории. Они наблюдались во многих государствах Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами (Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии и др.)²².

К тому же украинские власти стали активно сотрудничать с неонацистскими организациями во время вооруженного конфликта в Донбассе и Луганске. По убеждению испанских историков Ф. Вейги и К. Гонсалеса-Вильи, такие политизированные вооруженные соединения как батальон «Азов», «Донбасс», «Айдар», «Батькивщина», «Днипро», «Сич» и др. занимались откровенной пропагандой неонацистских взглядов. В их составе воевали и неонацисты из других стран – Швеции, Франции, Канады, Словакии и Италии, в их рядах были даже русские и белорусы. Приток на Украину правых и неонацистских добровольцев намного превосходил аналогичные процессы во время гражданской войны в Югославии²³.

Несомненно, правозащитные силы Украины приняли активное участие в событиях Евромайдана и способствовали усилению насильственных действий. Их дальнейшая тактика, а также сотрудничество с ними либеральных партий способствовали углублению конфликта в украинском обществе, что привело к возникновению очага гражданской войны на Востоке. Националистическими идеями неонацистского толка оказались зараженными значительные слои украинского общества. Только последовательная антифашистская позиция России и ряда крупных общественных деятелей других государств не позволяют правящей верхушке Украины осуществить полноценный сговор с местными неонацистами. Тем не менее, они по-прежнему позволяют открыто и безнаказанно осуществлять неонацистским молодчикам свои вылазки, преследовать своих идейных противников.

В последние месяцы власти Украины еще более ужесточили преследование оппозиции, что, вне всякого сомнения, будет способствовать еще большей фашизации политического режима. Уже несколько лет в стране запрещена деятельность коммунистической

²² Богдашкин А.А., Галкин А.А., Йоменс Р. Заключение // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С 300.

²³ Вейга Ф., Гонсалес-Вилья К. Подавать пример. Влияние и воздействие новых ультраправых Востока Европы на Запад // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 201.

партии и ряда других левых политических партий. Теперь вводится запрет на деятельность средств массовых информации, которые доносят до жителей противоположную националистам точку зрения. Опасность фашизма, как это было и в 1920-е и 1930-е гг., исходит не только от победы на выборах фашистской партии. Политические организации и движения, которые не называют себя фашистскими, также могут использовать соответствующую идеологию и практику. Только полный запрет на популяризацию преступного наследия С. Бандеры, Р. Шухевича и их приспешников может содействовать нормализации политической обстановке в стране. К величайшему сожалению, на Украине наблюдаются противоположные процессы, а многие представители западной элиты стараются их не замечать.

Часть V. ФАШИЗМ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ

Л.С. Окунева

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ФАШИЗМА НА ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ПРАВЫЕ РЕЖИМЫ 1930-х – 1950-х гг.

В настоящее время российская и зарубежная историография стали площадкой для пересмотра практически всех ключевых вопросов мировой истории. При этом пересмотр/ревизия отнюдь не означает однозначного «перечеркивания» того, что уже исследовано, либо, наоборот, обеления тех процессов и явлений, которые имели место в истории. Имеют место, конечно, и перечеркивание, и обеление, но главным является то, что мы являемся свидетелями и участниками очень важного историографического феномена: возвращения к уже давно исследованным сюжетам и закрытым (в смысле их исследованности) темам, чтобы на основе вновь открывшихся обстоятельств – новых источников либо новой оптики исследования – дать новые интерпретации, уже, казалось бы, «пройденному материалу». Именно это «превращение» произошло с феноменом фашизма. Он был полно и всесторонне исследован в советской историографии¹, и на этом была поставлена точка. Вместе с тем на Западе исследования продолжились; появились глубокие работы, с рассмотрением тех ракурсов, которые были в тени либо по тем или иным причинам не привлекали внимание ученых.

Свидетельством этого нового научного интереса в России к проблематике фашизма стал предпринятый в 2014–2016 гг. по инициативе воронежских историков д.и.н., профессора Р.Г. Гостева и к.и.н. А.А. Богдашкина международный исследовательский

¹ О современных подходах к исследованию фашизма в России см.: *Галкин А.А.* Фашизм как общественный недуг // *Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23).* С. 11–21. О российской историографии фашизма см.: *Богдашкин А.А.* Советская и постсоветская историография о причинах установления фашистских диктатур в странах Западной Европы // *Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23).* С. 41–69; *Строганова Е.Д.* Изучение латиноамериканского фашизма в советской и постсоветской историографии // *Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26).* С. 284–298.

проект по данной проблематике². На страницах проекта всесторонне рассмотрены природа, идеология и политика фашизма во всех его проявлениях.

Однако особо хотелось бы отметить, что среди многих проблем, поднятых на страницах проекта (а это, помимо статей российских историков, новейшие переводные исследования широкого спектра западной историографии), – весьма актуальный (а в отечественной историографии – малоисследованный) вопрос *о различиях между фашизмом и другими правыми движениями, а также о различиях между многообразными типами (видами) самого фашизма*.

Особенно выпукло этот водораздел показан в статьях, посвященных Восточной Европе и Латинской Америке. По мнению ряда исследователей, в этих регионах в 1930-е – 1940-е гг. не было режимов, которые напрямую «дублировали» бы «классические» образцы в виде итальянского фашизма или германского нацизма. Будучи по своей природе правоавторитарными диктатурами, эти режимы были «прото»- или «квази»- фашистскими, тяготели – в большей или меньшей степени – к воспроизведению символики, фразеологии, других внешних атрибутов фашизма, симпатизировали ему, но не были наполнены четко выраженным фашистским содержанием. Если обратиться к латиноамериканскому случаю, подробно рассмотренному бразильским историком и политологом Ж.Ф. Бертонья, то здесь политическая панорама того периода была весьма пестрой, и диапазон режимов различных оттенков и политических ориентаций был достаточно широк. Это был «период диктатур», режимов «жесткой руки», но не эпоха фашизма, как в Европе. В наименее развитых странах континента (Центральная Америка, карибский регион, Боливия, Венесуэла) господствовали традиционалистские диктатуры олигархического толка либо обычные военные диктатуры (и даже их открыто террористический характер или симпатии к Муссолини не делали их автоматически фашистскими). В Уругвае, Аргентине (до Перона), Перу у власти находились разномастные диктаторы, опиравшиеся на местные элиты и на армию, но не собиравшиеся делить власть с правыми радикалами.

² Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность / отв. ред.: А.А. Галкин, А.А. Богдашкин, Л.С. Окунева // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23); Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность / отв. ред.: А.А. Галкин, А.А. Богдашкин, Л.С. Окунева // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26); Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность / отв. ред.: А.А. Галкин, А.А. Богдашкин, Л.С. Окунева // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31).

В Колумбии, Коста-Рике, Мексике вообще не было диктатур – там правили демократические режимы. На этом фоне ближе всего к итало-германской модели фашизма подошли режимы наиболее развитых латиноамериканских стран – Ж. Варгаса в Бразилии и Х.Д. Перона в Аргентине, но и по вопросу об их оценке в среде исследователей также нет однозначного мнения. Не сбрасывая со счетов видимые (хотя и преходящие под влиянием обстоятельств Второй мировой войны) симпатии обоих диктаторов к Муссолини и Гитлеру, памятуя о движении бразильского интегрализма как зародыше эвентуальной массовой партии некоей потенциально возможной в будущем разновидности «фашизма», принимая во внимание всю совокупность неоднозначных исторических обстоятельств, большинство современных латиноамериканских историков все же трактуют «Новое государство» Варгаса по преимуществу как авторитарно-консервативную диктатуру с элементами модернизации, а аргентинскую перонистскую партию – в качестве подобия, прообраза единой партии как обязательной черты фашизма, но все же не как орудие неременной для фашизма мобилизации масс. Сами лидеры Бразилии и Аргентины того времени рассматриваются скорее как представители классического латиноамериканского популизма XX в., но не фашизма³. Но, повторим, эта подчас очень и очень тонкая грань (наиболее четко проявившаяся именно в Латинской Америке и Восточной Европе), отделяющая фашизм от «не-фашизма», вызывает к жизни все новые и новые трактовки. Споры в историографии и политологии по этим вопросам далеко не закончены⁴.

В этом плане большой исследовательский интерес вызывает сравнительный анализ четырех правых режимов 30-х–50-х гг. XX в. – двух иберийских (франкистская Испания и Португалия Салазара) и сопоставимых с ними двух латиноамериканских (Бразилия эпохи Ж. Варгаса и Аргентина времен Х.Д. Перона). Как охарактеризовать их, каково в них сочетание, совмещение таких понятий, как правый авторитаризм, консерватизм, популизм, национализм, фашизм, либо, напротив, эти режимы демонстрируют разноплановость, диссонансы и отторжение этих характеристик.

³ Бертонья Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке. Сравнительный анализ и концептуальное осмысление // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 209–226.

⁴ Эли Дж. Теории фашизма: проблема интерпретации // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 22–40; Робертс Д.Д. В поиске осмысления фашизма: взаимовлияние фашистских сил между двумя мировыми войнами // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 19–29.

Многие из этих вопросов рассматривались на страницах упоминавшегося международного проекта⁵.

Межвоенный период стал временем глубинных экономических и социально-политических трансформаций не только в Европе, но и далеко за ее рубежами – в США и странах Латинской Америки. В Европе и Латинской Америке возникали политические движения и течения авторитаристской направленности с сильным националистическим дискурсом.

В Европе появились силы, выступавшие против парламентских либерально-демократических режимов. И первым движением подобного рода стал фашизм⁶. Вместе с тем испанский историк Р. Домингес Мендес считает, что, хотя правые силы (и созданные ими режимы) вдохновлялись некоторыми аспектами политики Муссолини, их не следует считать чисто фашистскими: они сочетали в себе элементы консервативных, националистических, популистских или военных диктатур⁷.

Что же касается Латинской Америки, то здесь в тот период развивались два разнонаправленных процесса, завершившихся кульминацией в одном и том же году: 1930. С одной стороны, в Бразилии это была борьба против олигархии (т.н. «кофейной олигархии»), когда революция Варгаса 1930 г. смела ее с политической арены; стали проводиться реформы, направленные на создание госсектора прежде всего в базовых отраслях тяжелой промышленности (абсолютно новое для тогдашней Латинской

⁵ Пинту А.К. Фашизм, корпоративизм и создание авторитарных институтов в диктаторских государствах Европы в межвоенный период // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 70–90; Ивани М. Кризис либеральной демократии в Португалии и «новое государство» Салазара // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 268–278; Касалс Месегер Х. Век фашизма в Испании (1918–2014) // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 279–288; Моренте Ф. Испанская фаланга, фашистские диктаторы и Гражданская война (1936–1939) // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 289–299; Бертонья Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке. С. 209–226; он же. Фашизм и правый радикализм в Бразилии в XX веке // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 242–255; Львович Д. Правый национализм в Аргентине XX века: между католическим традиционализмом и фашизмом // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 272–283; Лофф М. Бог, отечество, власть: католическая церковь и иберийские фашизированные режимы (1933–1945 гг.) // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 204–214; Томас Ж.М. Единая партия режима Франко // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 215–220; Домингес Мендес Р. Диктатуры на Пиренейском полуострове и латиноамериканский популизм: лицом к лицу (Франко, Салазар, Варгас и Перон) // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 221–234.

⁶ Домингес Мендес Р. Указ. соч. С. 222.

⁷ Там же. С. 231–232.

Америки явление), что было в интересах нарождавшейся бразильской буржуазии и предпринимательского класса. С другой – в Аргентине военный переворот 1930 г. сверг правление демократов-радикалов, привел к власти консерваторов-олигархов (т.н. «позорное десятилетие»), конец чему положил новый военный переворот 1943 г., открывший дорогу будущему приходу к власти Х.Д. Перона.

Каковы же были черты, общие для упомянутых иберийских и латиноамериканских диктатур?

Одной из основных черт диктаторской модели было устойчивое политическое лидерство. И Франко, и Салазар, провозглашали себя «спасителями нации», к чему присовокупляли «божье благословение» на исполнение роли «мессии», их лидерская роль постепенно обрастала огромным количеством постов и должностей, что должно было свидетельствовать об их незаменимости и о всеобъемлющем характере их власти. Недаром Франко провозгласил себя «каудильо» – вождем; сосредоточив в своих руках не только руководство государством, но и армией, он также провозгласил себя «генералиссимусом». Пожизненная диктатура Франко позже получила наименование «франкизм», что стало синонимом неограниченной власти. В Бразилии и Аргентине политическое лидерство подкреплялось латиноамериканской традицией каудильизма, шедшей из колониальных времен, а в XX в. воплотившейся в персонализме и популизме, ставшим в странах континента на долгое время «образцами» политического властвования. «Вождь», «предводитель», «каудильо» опирался и привлекал к себе зачастую неграмотные и не организованные в партии массы (в Бразилии первые общенациональные партии образовались на излете первого правления Варгаса – в 1945 г.); отношение «лидер – массы», прямое общение лидера с массами минуя партии и государственные институты как самая характерная черта популизма дошли до наших времен.

Во всех рассматриваемых диктатурах важную роль играла католическая церковь. Франко называл борьбу против Республики «крестовым походом против атеизма», в Португалии церковь получила большие привилегии по Конкордату 1940 г. Значение католицизма проявилось и в характерном для обеих иберийских диктатур девизе «Бог, Родина и Семья». Варгас ввел обязательное религиозное образование в школах. Большое значение придавалось ценностям католической морали – и именно это стало причиной того, что в случае Перона примат церкви не состоялся: его политика была

расценена как антиклерикальная (особенно после разрешения разводов), и Перон был отлучен от церкви⁸.

Несомненно, что все перечисленные черты говорят о консервативном характере данных режимов. Именно консерватизм приглушал модернизационные импульсы в иберийских диктатурах (в силу того, что правители ощущали угрозу модернизации для сохранения традиционных ценностей). В латиноамериканских же режимах, напротив, модернизационный дискурс усиливался (это было характерно как для режима Варгаса, который стремился противопоставить себя обветшавшей и отстраненной им от власти в 1930 г. «кофейной олигархии» с целью представить свой режим как новаторский, отбросивший консерватизм предшественников, готовый включить в себя народные массы, модернизировать государство, так и для Перона, отвергавшего наследие «позорного десятилетия» 1930–1943 гг.). Именно эта характерная черта латиноамериканских режимов, повторим, позволила Ж.Ф. Бертонье квалифицировать «Новое государство» Варгаса по преимуществу как консервативную диктатуру с модернизационной проекцией⁹.

Как же в таком случае трактовать имеющие большое хождение концепции о не столько консервативном, сколько модернистским характере фашистских режимов? Эта дискуссия, по существу, пронизывает все современные дебаты о характере фашистских (или близких к ним правых) режимов. С одной стороны, фашизм является консервативным, апеллирует к прошлому, часто – к «славному прошлому». Но с другой – «модерность», или модернизм, динамизм, устремленность в будущее как прокламируемое «движение вперед, к новому обществу», своего рода «революционность» (с особой силой провозглашавшаяся после Первой мировой войны, когда стали популярны идеи именно будущего, а не возврата к прошлому, породившему страшную войну) – все это придавало фашизму черты «модерна»¹⁰.

С этим вопросом тесно связан другой, не менее актуальный: были ли латиноамериканские диктатуры фашистскими? Даже и Франко, и Салазара называют не фашистскими, а «фашизированными», «прото-фашистскими», «профашистскими», «недо-

⁸ Там же. С. 225.

⁹ Бертонья Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке. С. 209–226.

¹⁰ Там же. С. 209–226; Эли Дж. Указ. соч. С. 31; Loff M. Salazarismo e franquismo: projecto, adaptação e história // Revista de História das Idéias. 2010. Vol. 31. P. 486–487.

фашистскими», но не в чистом виде фашистскими режимами¹¹. В случае Латинской Америки также есть своя специфика. Так, в Бразилии партия «Бразильское интегралистское движение» (БИД), взявшая на вооружение многие идеологические постулаты итальянского фашизма и символику фашизма и германского нацизма, была, по оценке многих историков, фашистской, а Варгас, который часто симпатизировал интегралистам и имел с ними немало идеологических совпадений, «фашистом» не был (после восстания интегралистов в 1938 г. Варгас запретил БИД – этот шаг шел в русле его стремления стать арбитром над всеми политическими организациями; в годы Второй мировой войны, после немалых колебаний между Германией и США, он встал на сторону США и посредством посылки Бразильского экспедиционного корпуса на театр военных действий в Северной Италии вступил в антигитлеровскую коалицию).

Идеологические постулаты рассматриваемых режимов – антилиберальный, антикоммунистический характер, доктрина хустициализма (Перон) как «третьего пути», тот же «третий путь», избранный Варгасом. Важнейшие для всех четырех режимов маркеры – роль госсектора в экономике (в Бразилии это создание базовых отраслей тяжелой промышленности в период первого правления Варгаса, 1930–1945), национализации (национализация нефти и природного газа в Аргентине), предпринимавшиеся государством широкие инфраструктурные проекты, внедрение государственных образовательных проектов. В социальной сфере для всех четырех режимов были характерны корпоративизм (для приглушения или полной ликвидации социальных конфликтов), широкомасштабные социальные программы, контроль над профсоюзами, политика примирения интересов буржуазии и трудящихся (подконтрольные государству профессиональные корпорации в Португалии, «вертикальные профсоюзы» в Испании, аргентинский перонизм как отрицание классовой борьбы и реформа трудового законодательства в интересах трудящихся, бразильские профсоюзы под эгидой министерства труда, бразильский Кодекс законов о труде 1943 г.). Другими чертами стали мобилизация масс и проведение референдумов как проявления «прямой демократии» – единения популистского лидера с народом («отца бедных» Варгаса, «отца безрубашечников»

¹¹ Saz I. *Escila y Caribdis: el franquismo, un régimen paradigmático* // Orden, jerarquía y comunidad. Madrid, 2002; Payne S.G. *La política* // El Franquismo / ed. by J.L. García Delgado. Madrid, 2000; Thomas J.M. *Los fascismos españoles*. Barcelona, 2011; Paxton R.O. *The Anatomy of Fascism*. New York, 2004. P. 197.

Перона), создание молодежных организаций в духе официального мировоззрения, система образования, основанная на воспевании образов героического прошлого (причем прямо противоположных – в случае иберийцев это прославление величия колониальных империй, а в случае латиноамериканцев – роли борцов против них), создание единственной партии (салазаристский «Национальный союз», франкистская партия «Национальное движение», Перонистская партия во главе с Пероном; в Бразилии несколько иной вариант – прежде единственная партия БИД была распущена Варгасом после попытки захвата власти), политика по ликвидации ростков оппозиции.

Каждая из перечисленных черт потенциально может представлять собой компонент фашизма, а может и нет. Так, популизм – неотъемлемая часть фашизма, но не всякий популизм является фашизмом. То же действует в отношении национализма, без которого нет фашизма, но который сам по себе отнюдь не всегда носит фашистский характер (а часто – в истории – являлся прогрессивным движением, направленным на завоевание или сохранение национальной независимости). Для того чтобы оценить степень фашизации режима, необходимы широкие сравнения с «классическим» фашизмом, который существовал только в двух государствах – Италии и Германии. Именно в этом заключена актуальность данной проблематики. Кроме того, ее изучение важно и для выводов о современной истории Запада: являются ли фашистскими современные правопопулистские движения в Европе и в некоторых латиноамериканских странах, и если нет, то в чем заключены отличия.

Все эти вопросы – база для дальнейших размышлений и анализа.

И.В. Мазуров

О ФАШИЗМЕ В ЯПОНИИ

Предлагаемая к рассмотрению проблема состоит, как минимум, из двух аспектов. Прежде всего, следует определиться в том, что мы называем «фашизмом». Вторую проблему, можно уже сформулировать следующим образом: насколько является верным определение сложившегося к концу 1930-х гг. политического строя в Японии как фашистского, — что имело место в историографии, и не только советской.

1. Что мы называем «фашизмом», «фашистским движением»?

*Окраины, провинции души,
Где мерзость наша, низость и потемки,
Годами ждут момент. Ну, а потомки
Потом гадают, как возник фашизм?*

Игорь Губерман

Пожалуй, непросто найти другое понятие в науке, которое было бы до такой степени политизировано, как слово «фашист», «фашизм». Не говоря уже о примерах, когда это слово использовалось просто как ругательство в адрес оппонента (вспомним хотя бы «фашистскую клику Иосифа Броз Тито», самостоятельной политикой которого Сталин был недоволен), бездумное употребление этого слова выхолащивает его содержание, его античеловеческую сущность («окно Овертона»). Более того, отдельные внешние атрибуты фашизма становятся даже привлекательными для некоторых не особо развитых молодых людей. Поэтому-то, так важно дать максимально ясное определение этому явлению.

В русском языке слово «фашизм» употребляется, как минимум, в следующих значениях: 1) слово «фашизм», «фашисты», как выше было упомянуто, нередко использовалось как политическое обвинение в адрес оппонента (ярлыки, вроде: «социал-фашизм», «либерал-фашизм»; данный случай употребления слова «фашизм» ненаучен и не заслуживает серьезного рассмотрения); 2) фашизм — как характеристика для иллюстрации серьезности обвинений в случаях проявления неоправданной жестокости, античеловечности того или иного политического режима. Действительно, террористический курс по отношению к собственному населению и (или) направленный вовне — довольно яркое и, по мнению некоторых

исследователей, достаточное основание для того, чтобы охарактеризовать политический режим как «фашистский» (однако при этом тот же ИГИЛ почему-то фашистским «государством» не называют, несмотря на массовый террор с его стороны); и, наконец, 3) фашизм – как один из путей девиантного развития человеческого общества. Именно в данном аспекте, фашизм – как форма отклонения общественного развития человечества, – это явление заслуживает пристального научного рассмотрения. Далее мы будем вести речь исключительно о последнем случае.

Исследованием фашизма занимаются уже много лет. Однако из-за крайней его политизированности, а также из-за того, что бесчеловечный фашистский режим внешне имел отдельные черты, схожие с политическим строем в СССР, работа по поиску максимально четкого определения шла весьма трудно. И общепризнанного определения фашизма, начиная от димитровского (коминтерновского) – надо сказать, весьма неудачного – вплоть до современных, – так и не было выработано. В результате, приступая к этой теме, исследователь зачастую вынужден в той или иной степени строить собственную конструкцию, в зависимости от своего понимания этого явления.

Ныне существует немало различных теорий фашизма и ссылаться при определении фашизма на бывшее некогда классическим димитровское¹ «фашизм есть диктатура крупного финансового капитала», сегодня считается моветоном. Действительно, крупный капитал с успехом существовал и до фашизма и после его разгрома. И отсутствие или наличие фашистских режимов кардинально не отражалось на его существовании в той или иной стране. Роспуск американцами в годы оккупации Японии (1945–1951 гг.) концернов «дзайбацу» (промышленно-финансовые группы) отнюдь не привел к отсутствию в стране «крупного капитала». Почти все представлявшие крупный капитал бывшие дзайбацу сегодня процветают в Японии, как, впрочем, и в той же Германии или любой другой развитой стране. «Распущенные» в свое время дзайбацу «Мицуи», «Мицубиси» и другие сегодня не просто процветают на родине, но известны во всем мире. В то же время, наличие крупного капитала в США совсем не свидетельствует о том, что это фашистская

¹ Полностью это определение выглядит следующим образом: «фашизм у власти есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» (VII Конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сб. документов. М., 1975. С.120).

страна. Более того, это совсем не мешает Америке претендовать на титул «самого демократичного» государства. С какой стороны не смотри, а получается, что наличие крупного капитала или в той или иной стране не может быть показателем фашизма. Но если «классическая» концепция фашизма как диктатуры финансового капитала неверна, то что же можно предложить взамен? Что является общим для всех фашистских режимов, без чего такой режим просто не может существовать?

Оказывается, есть такой критерий. Общей и, более того, *квалифицирующей чертой всех фашистских режимов* является – *тоталитарное общественно-политическое движение*, на которое опирается фашистский режим и из которого он черпает свою энергию. Потому, всякий фашизм непременно тоталитарен. И здесь для российского исследователя возникает первый «красный флажок»: но ведь СССР также считается тоталитарным. Означает ли это, что в Советском Союзе тоже был фашизм? Иначе говоря, где та грань, которая разделяет фашизм (правую форму тоталитаризма) и политический режим Советского Союза (левую форму тоталитаризма)? На этом стоит кратко остановиться.

В последние годы в западной прессе нередко пытаются уравнивать режимы Гитлера в Германии и Сталина в СССР, что в корне неверно. Из утверждения – каждый фашизм есть тоталитаризм, не следует обратное: тоталитаризм советского образца расходится с фашистскими режимами по целому ряду признаков. Наиболее ярко это различие проявляется по такому признаку, как «тоталитарная идея» (или идеология, если угодно), определяющая цель движения. У фашистского режима в Германии и у социалистического тоталитарного режима в СССР были разные «тоталитарные идеи», разные конечные цели, которые не то, что уравнивать, сравнивать даже как-то странно. Задумаемся, как можно их уравнивать, если цели правототалитарного фашистского режима в Германии, например, выраженные лозунгом «Германия превыше всего» (*Deutschland über alles*) через уничтожение «низших рас» (т.е. евреев, славян, цыган, гомосексуалов, душевно и неизлечимо больных) были направлены на достижение счастливого будущего для избранных, в то время как целью сталинского СССР было построение коммунизма, т.е. бесклассового общественного и экономического строя, основанного на социальном равенстве (счастье для всех). Исследователи неоднократно обращали внимание на это серьезное различие. В частности, немецкий историк В. Випперман прямо пишет, что коммунистические и фашистские

режимы *нельзя идентифицировать*, поскольку «политические, социальные и идеологические цели фашизма и коммунизма *диаметрально противоположны*»².

*Действительно, следует признать, что Вторая Мировая война была не просто мировой войной, но стала, фактически, противостоянием двух тоталитаризмов! И разгром фашизма советским солдатом в 1945 г. поставил жирную точку на дискуссии, что такое для человечества фашизм и что такое социализм...*³

Итак, выше мы уже отметили, что опорой фашистского режима служит правототалитарное (фашистское) общественно-политическое движение. Впервые на фактор движений тоталитарного типа указала германо-американская исследовательница Ханна Арендт, отмечавшая, что тоталитарные режимы возникают на базе общественно-политического движения (ОПД) тоталитарного типа. Позже этот фактор взяли на вооружение и другие исследователи, например, британский советолог Л. Шапиро, который сформулировал его, как «...легитимность режима, вытекающая из поддержки его массами»⁴.

Рассмотрим, что из себя представляет ОПД тоталитарного типа и какое место оно занимает в условиях тоталитарного государства. Все подобные движения зарождаются непременно в рамках демократического общества, поскольку любая реакционная структура немедленно подавит его на корню, как оппозиционное. Далее, используя демократические институты, движение стремится добиться власти. Получив ее в свои руки, ОПД формирует собственные тоталитарные структуры уже внутри государственных органов. Таким образом, формируется уже тоталитарное государство. Следовательно, в формировании и функционировании тоталитарного государства общественно-политическое движение играет ведущую роль. И причины здесь следующие.

² Wippermann W. Faschismus theorien. Zum Stand der gegenwartigen Diskussion. Darmstadt, 1972. S. 76. Вольфганг Випперман / Wolfgang Wippermann (род. 29.01.1945 в Визермюнде) – немецкий историк, адъюнкт-профессор современной истории института Фридриха Майнеке в Берлине, также преподает в Университете искусств Берлина и Fachhochschule в Потсдаме. См. его работу «Европейский фашизм в сравнении 1922–1982» в сети по адресу: URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/fascio.txt>.

³ Правда, для того же солдата, да и для простого гражданина современной России та «жирная точка» уже забывается, а вот нынешняя реальность в «побеждённой» Германии и сравнение ее с российской реальностью поднимает много вопросов...

⁴ Schapiro L. Totalitarianism. Macmillan, 1972. P. 43.

Во-первых, тоталитарное ОПД представляет социальную базу режима, и именно через него происходит формирование в общественном сознании «тоталитарной идеи», которая заслуживает того, чтобы сказать о ней пару слов.

Являясь объединяющим началом, и составляя ядро идеологии данного тоталитарного общества, «тоталитарная идея» представляет собой полностью искусственную конструкцию, созданную на базе совокупности мифов данного движения, и включает в себе **основной ценностный критерий организации тоталитарного общества**. По сути своей, «тоталитарная идея» – это оболочка, в которую «завернуто» данное общество. Именно она-то и отличает одну форму тоталитаризма от другой.

Во-вторых, через ОПД достигается всеохватывающий контроль тоталитарного государства над любыми проявлениями общественной жизни, что, в конечном счете, позволяет осуществлять не просто тотальный контроль над массами, но именно формировать позитивное отношение масс к тоталитарному режиму, иначе говоря, ОПД позволяет тотализировать массы «изнутри». Подобным образом общественно-политическое движение тоталитарного типа обеспечивает не просто господство, но тотальное господство, всепроникающее, всеохватывающее, к тому же проводимое руками самих граждан данного государства.

Не углубляясь глубоко в подробности⁵, попытаемся дать определение фашистского движения периода борьбы за власть, которое выглядит следующим образом: **фашистское движение** представляет собой оппозиционное националистическое политическое движение⁶, имеющее непримиримый террористический характер и ставящее целью установление диктатуры в той или иной форме.

2. О фашизме в Японии

Вначале в нескольких словах сделаем ретроспективный обзор основных точек зрения по поводу фашизма в Японии. До начала 1980-х годов большая часть работ в советской историографии, посвященных предвоенной Японии, трактовали политические

⁵ Более детальный анализ этого вопроса можно найти в книге: Мазуров И.В. Японский фашизм. Теоретический анализ политической жизни в Японии накануне Тихоокеанской войны. М., 1996; также: История Японии. Т. II. 1868–1998. М., 1998.

⁶ Политическое движение – движение (партия), которое борется за власть. К примеру, движение «зеленых» было обычным малопримечательным до тех пор, пока оно не стало бороться за места в парламентах своих стран. И с этого времени оно обрело характер политического движения.

процессы, происходившие в этой стране в 1930-е годы, как «фашизацию сверху». Однако постепенно накопленный материал, результаты исследований, которые не подтверждали данную концепцию, заставили историков усомниться в подобного рода выводах. Между тем, политизированная наука советского посттоталитарного общества не могла позволить себе сразу отказаться от коминтерновской трактовки Димитрова, что, в свою очередь, являлось причиной ошибочной позиции советской историографии по этой проблеме. Впрочем, не совсем верно говорить здесь только о советской исторической науке.

Так, значительная часть японской историографии, не без влияния коминтерновской трактовки, также характеризует предвоенный режим в Японии как фашистский. В частности, такую точку зрения высказывают авторы коллективной монографии «История современной Японии», которые определяют «Новую политическую структуру» как «монархо-фашизм». Это исключительно японское определение. Авторы «Истории современной Японии» утверждают, что «насильственная диктатура, которая осуществляется японской буржуазией, – это не что иное, как фашизм. А если принять во внимание исторические особенности развития японского монополистического капитализма, и учесть, что во главе государства стояла монархия и военщина, то японский фашизм можно назвать монархо-фашизмом»⁷. По мнению авторов, данное определение лучше всего отражает особенности японского фашизма. Другой японский историк – Цукамото Такэси, – придерживаясь аналогичной позиции, считает, что формирование фашистской политической системы в Японии начинается в 1930–1931 годах и завершается формированием кабинета Тодзио, который «уже являлся полностью фашистским правительством»⁸. Сравнивая Японию и Германию, Цукамото Такэси отмечает, что в Стране восходящего солнца фашизм пришел к власти не путем военного переворота, а через создание «марионеточного кабинета министров, который во всем следовал указаниям фашистской политической организации»⁹. Правда, совершенно неясным остается, что автор имеет в виду под «фашистской политической организацией».

⁷ Иноуэ Киёси, *Оконоги Синдзабуро, Судзуки Сёси*. История современной Японии. М., 1955. С. 158.

⁸ Цукамото Такэси. Особенности японского фашизма // Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. К 30-летию победы СССР в войне с милитаристской Японией. М., 1977. С. 223.

⁹ Цукамото Такэси. Указ. соч. С. 216.

Изложенная выше позиция была характерной для японской историографии 1960–1970-х гг. В личной беседе с японскими исследователями автору настоящих строк неоднократно приходилось слышать подобные точки зрения. Многие из них не согласны с самой коминтерновской формулой, но определение политического режима в Японии как фашистского сомнений у них не вызывает. Причем, аргументация у сторонников такой точки зрения не обязательно бывает весомой. Посвятивший этому вопросу много сил Танака Согоро в своем исследовании «История японского фашизма» пишет: «чтобы убедиться, что курс, который проводил лидер военных фашистов генерал Тодзио был курсом безудержного фашизма, нужно подытожить *те злоупотребления, которые существовали в законодательстве и повседневной жизни...*»¹⁰ (еще один пример ненаучного значения слова «фашизм»: злоупотребляет в законодательстве – значит фашист). Другой японский ученый Кисака Дзюнъитиро, отмечая, что «в последнее время появилась тенденция..., отрицающая существование фашизма в Японии», считает необходимым «создать новую научную концепцию японского фашизма»¹¹. В попытке ее построения автор выделяет следующие «общие черты фашизма»: 1) фашизм – это форма контрреволюции и даже псевдореволюции (с. 4); 2) агрессивная война за передел мира (с. 6); 3) создание военного ГМК фашистского типа, основой которого является тоталитарная система фашистского типа и регулируемая экономика (с. 7); 4) фашистская идеология, включающая в себя: а) антиреволюционную суть, б) национализм, в) тоталитаризм и фюрерство (с. 7). Интересно, как понимает Кисака Дзюнъитиро «систему государственного тоталитаризма». Он пишет, что она «мобилизует, организует и регулирует все людские и материальные ресурсы данной страны; указывает на унифицированную военную систему руководства, необходимую для ведения современной войны; существует, при грубом подходе, в двух формах: 1) форме демократии (английская и американская демократии в период второй мировой войны) и 2) форме фашизма»¹².

¹⁰ Танака Согоро. Нихон фасидзуму си (История японского фашизма). Токио, 1972. С. 14.

¹¹ Тайкэй. Нихон гэндай си. Дайсанкан. Нихон фасидзуму-но кокурицу то хокай (Систематизированный курс современной истории Японии. Т.3. Японский фашизм: становление и крах / Под ред. Кисака Дзюнъитиро). Токио, 1984. С. 2.

¹² Тайкэй. Нихон гэндай си. Дайсанкан. Нихон фасидзуму-но кокурицу то хокай. С. 7. Получается, что и Англия и США также были «фашистские демократии»!?

Что касается японского фашизма, то, согласно Д. Кисака, ему присущи следующие отличительные черты. Во-первых, в Японии победил «фашизм сверху», движущей силой которого стала императорская система (тэнноизм) с военщиной в центре. Фашизм был сформирован путем перестройки уже существующей системы «тэнноизма». Основную причину такого пути создания фашистской системы Д. Кисака видит в том, что, «благодаря принятому «Закону об охране общественного спокойствия», контроль над народом был прочным, а потому было вполне разумным создавать национальную «систему тотальной войны», используя механизм существовавшего государства (с. 10).

Во-вторых, для реорганизации государства незаконными (радикальными) мерами военщина не обладала субъективной способностью (с. 11). А причины, по которым в структуре «фашизма сверху» не оставалось места радикальному фашистскому движению, как считает Д. Кисака, заключались том, что программа перестройки государства «Сёва исин» у «молодых офицеров» «... представляла собой расчет на будущее, но прежде, они полагались на поддержку императора с целью устранения «обмана при дворе» некоторой части придворных кругов, заслоняющих собой «августейшую мудрость императора»¹³.

В этой точке зрения большие сомнения вызывает формула «победы фашизма сверху», при том, что «движущую силу» этой победы Д. Кисака видит в императорской системе «с военщиной в центре». Автор не замечает здесь серьезного противоречия: если, как мы знаем, фашизм представляет собой диктатуру, то зачем нужна диктатура императорской системе?

Другой японский ученый Ито Рю считает, что «... появилась настоятельная необходимость отказаться от термина «фашизм», который является туманным и легко вводит в заблуждение, и следует взять на вооружение новый термин...»¹⁴. Правда, сам Ито Рю не предлагает при этом ничего взамен. Свое несогласие с существованием фашизма в Японии высказывает также Такэяма Митио в своей статье «Проблемы Токийского трибунала», где он пишет, что «Германия начала с идеологии и совершила агрессию, чтобы сделать идеологию реальностью», получив в финале войну. Япония же, начав с локальных конфликтов, которые постепенно расширились,

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ *Ито Рю. Сёва сэйдзи си кэнкю-э-но иккэнкаку* (Изменение одной точки зрения в исследовании политической истории Сёва) // Журн. Сисо. Токио, 1976. № 624.

создавала идеологию вслед и в оправдание эскалации¹⁵. Причину сложившейся в Японии ситуации автор видит в том, что, несмотря на формальное прямое императорское правление, «в центре был вакуум». Дипломатия и управление страной юридически осуществлялись от имени императора, но фактически он был только символом, а не реальным источником власти. И все это благодаря «высокой степени демократии» в стране, – пишет автор. «Япония была настолько конституирована, что диктатор не мог появиться, и отсутствовала сама возможность кому-либо объединить страну и сконцентрировать власть», – заключает Такэяма Митио¹⁶.

Более взвешенная позиция по этому вопросу в западной историографии. Можно обратиться к книге Джорджа Вильсона «Новый взгляд на проблему «Японского фашизма». Также интересный труд «Фашизм: путеводитель по литературе», где среди различных точек зрения на фашизм представлены, в том числе, позиции ряда авторов по японскому фашизму. Характерную для западных историков позицию занимает американский исследователь проблемы фашизма Дж. Форман, который, хоть и не отказывается от термина «фашизм» применительно к режиму, сформированному в Японии накануне войны на Тихом океане, оговаривает его особый, отличный от Германии и Италии, характер. «Фашизм в Германии и Италии явился результатом консерватизма средних и высших классов, как реакции на постиндустриальный рост влияния коммунистов в среде рабочего класса, вкупе с армией, рвущейся к победам. Фашизм японского образца явился прямым результатом действия военных»¹⁷. В то же время, Дж. Форман признает, что Япония даже в период войны не шла по пути «современного тоталитарного государства». Правда, остается не совсем понятным: если Япония не была тоталитарным государством, то что там был за «нетоталитарный» фашизм? Здесь, видимо, сказывается нечеткость концепции фашизма, к которой прибегает Дж. Форман.

Другой американский исследователь фашизма Стенли Пейн пишет, что проблема фашизма особенно остра относительно Японии. Он замечает, что само понятие «японский фашизм» было «открыто советскими исследователями аж в 1934 году» (имеется в виду работа О. Танина и Е. Иогана «Военно-фашистское движение

¹⁵ *Takeyama Mitio*. The problem of Tokyo Tribunal // Japan Echo. Special Issue. 1984. № 11. P. 61.

¹⁶ Там же. P. 62.

¹⁷ *Forman J.* Fascism: The Meaning and Experience of Reactionary Revolution. New York, 1974. P. 52.

в Японии», вышедшая на английском языке в Нью-Йорке в 1934 г.)¹⁸, «... и марксистские комментаторы стали употреблять эту трактовку применительно к японскому правительству и институтам власти, начиная с 1930-х годов»¹⁹.

В то время как на Западе, при незначительных различиях, социологи понимали под фашизмом «имеющую силу концепцию, при помощи которой либо наклеивают ярлыки, либо квалифицируют режим, ставший агрессивным и авторитарным в период индустриализации в несоциалистических государственных системах»²⁰, Стенли Пейн придерживается той точки зрения, что говорить о фашизме применительно к Японии было бы неверно по целому ряду причин. Важнейшими из них являются: 1) отсутствие массового политического движения борющегося за власть; 2) весь период войны сохранялась институциональная власть, а 3) радикальные националистические элементы были разгромлены самой же этой властью²¹.

Попробуем и мы разобраться, прежде всего, в том, был ли в предвоенной Японии фашизм? Для этого нам следует выяснить, как минимум, было ли в Японии фашистское общественно-политическое движение тоталитарного типа, о котором мы говорили выше, и которое должно было бы стать опорой японского фашистского режима? Анализ общественной жизни в Японии накануне Тихоокеанской войны²² свидетельствует о наличии такого движения. Но прежде, чем рассматривать правое движение в Японии, которое было весьма разнородно и по социальному составу, и по целям, попробуем его несколько систематизировать и выделить из него фашистское движение.

Весь поток праворадикальных группировок в Японии начала XX века можно разделить на три течения: 1. *Ультранационалисты*. Основные интересы этих группировок, как, фактически, одного из подразделений военной разведки, лежали за пределами собственно империи. Если они и обращались к внутренним проблемам, то их действия не носили сколько-нибудь значительного характера и, по большей части, ограничивались агитационно-пропагандистской работой. По этой причине, деятельность этих групп внутри страны, вплоть до создания объединенной партии «Сэйсанто» в 1931 г., проходила в форме сотрудничества с другими течениями. Социальный

¹⁸ Танин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933.

¹⁹ Paine S. Fascism. Comparison and Definition. Madison, 1980. P. 161.

²⁰ Ibid. P. 162.

²¹ Ibidem.

²² См.: Мазуров. И.В. Указ. соч.

состав этой части правого движения – главным образом молодежь и военные, как правило, выходцы из обедневших самурайских родов. 2. *Центристское националистическое течение*. Деятельность группировок этого крыла правого движения также не носила радикального характера. Даже несмотря на то, что в общество «Кокухонся» (Общество государственных основ, 1924 г.), представлявшее ядро рассматриваемого течения, входили многие сторонники генерала Араки²³, можно сказать, что, в целом, деятельность этого течения была ближе установкам группы «Тосэй» (Группы контроля), нежели аракистской группы «Кодо» (Императорский путь)²⁴. Социальный состав центристского националистического течения был далеко не рядовой: высокопоставленные представители государственной бюрократии, высшее офицерство, часть крупной буржуазии и др. 3. *Национально-социалистическое течение*, которое мы можем с полным основанием назвать фашистским. Посмотрим, на чем базируется подобная убежденность, обратившись к программной работе идеолога японских национал-социалистов Кита Икки под названием «План реорганизации Японии» (1923 г.), ставшей своего рода библией для офицеров военно-фашистского движения, участвовавших в неоднократных попытках мятежа²⁵. В своей книге Кита Икки следующим образом описывал свой план «активных действий»: «...Следует обратить внимание на учения Маркса и Кропоткина. Однако выводы их базируются на информации, ограниченной лишь двумя мирами: европейским и американским, а значит, и их философия является весьма ограниченной и с современной японской точки зрения может рассматриваться лишь как философия прошлого. И если раньше европейские и американские идеи оказывали немалое влияние на развитие Японии, то в настоящее время великая волна японской цивилизации потрясает Европу и Америку. А слияние двух цивилизаций – восточной и западной – представляет собой японизацию, которая должна теперь просвещать цивилизованные страны азиатскими идеями»²⁶. Таким образом, во главу развития мира Кита выдвигает «японизацию»,

²³ Один из лидеров группы «Кодо», которую ряд авторов относят к фашистскому движению.

²⁴ «Тосэй» и «Кодо» – две группировки, в которые входили офицеры Генерального штаба армии. Ряд исследователей, сторонников точки зрения, что в Японии существовал «фашизм сверху», называют их ядром фашистского движения в Японии.

²⁵ Заметим, правда, что до сих пор не найдены какие-либо документы, свидетельствующие о том, что сам Кита Икки каким-либо образом был непосредственно причастен, либо подстрекал офицеров армии к мятежу.

²⁶ *Кита Икки тэсаку-сю* (Собрание сочинений Кита Икки). Токио, 1959, Т. 2. С. 19.

т.е. распространение «японизма»²⁷ на весь мир. Реорганизацию же самой Японии он видел на пути построения «государственного социализма», который, кстати, входил в противоречие с официальной теорией государства «Кокутай». Однако, замечает автор, это будет не социализм Маркса и Кропоткина, а социализм, базирующийся на принципе «японизма», на котором построена «самобытная раса Ямато»²⁸.

И эта цивилизация «расы Ямато», – писал Кита Икки, – подвергается в настоящее время внутренним опасностям, под которыми он понимал «несвойственные для Японии, занесенные извне» социальные структуры, такие как концерны и тресты, финансовые магнаты, огромные капиталы в руках отдельных лиц, которые своей корыстью ослабляют внешнюю мощь государства и снижают жизненный уровень населения страны. Позже к «занесенным извне» институтам Кита стал относить также «парламент и продажные политические партии».

Согласно Кита Икки, задача реорганизации Страны восходящего солнца состоит в преодолении «внутренних опасностей» и возрождении древних традиций, которые сводятся к тому, что «Япония является государством одного императора и одного народа. Весь народ объединяется вокруг своего императора, всячески содействуя тому, чтобы императорский род существовал вечно. Такая мораль всегда была неизменной основой государственного могущества Японии. И целью нынешних реформ является восстановление такого положения...»²⁹. Поэтому и суть реформ по превращению Японии в страну «государственного социализма» заключается в том, что частная собственность большого бизнеса, крупных землевладельцев и, в некоторой степени, даже императорской фамилии должна быть национализирована. Для проведения заявленных реформ в стране будет установлена *военная диктатура с императором во главе*. Волей императора распускается парламент и приостанавливается действие конституции Мэйдзи (дарованной(!), заметим, императором японскому народу в 1889 г., – И.М.) Затем

²⁷ Японизм – философское учение об избранности японской нации. Суть его сводится к тому, что особенность японской нации в сравнении с другими странами и народами заключается в превосходстве ее «национального духа», который искони присущ Японии, «но вместе с тем он сам не является объектом объяснения, напротив, он выступает методом, принципом, на основе которого и дается объяснение любому явлению в меру постижения этого метода». См.: *Дзюн Тосака*. Японская идеология. М. 1982. С.96.

²⁸ *Кита Икки тэсаку-сю*. Т. 2. С. 30.

²⁹ *Кита Икки тэсаку-сю*. Т. 2. С. 30.

будет объявлен призыв резервистов на гражданскую службу для проведения национализации.

В конце своего плана Кита Икки, обращаясь к внешней политике, замечает, что «...пролетарское государство имеет право на ведение войны с целью *нового, правильного* передела мира...»³⁰. После реорганизации Япония вступит в борьбу с Великобританией и Россией. И когда она станет осуществлять контроль над дальневосточной частью Сибири, Внутренняя и Внешняя Монголия будут гарантированы от русского вторжения, а территория Китая наконец-то будет собрана вместе.

Таким образом, «План по реорганизации Японии» Кита Икки сводился к реформам внутренней политики страны с целью построения «государственного социализма», под которым автор понимал военную диктатуру, уничтожавшую все институты демократии и устанавливавшую, по сути, тоталитарный режим. После стабилизации внутреннего положения, по плану Кита, Япония должна будет *начать войну за передел мира*.

Исследователь политического пути и творчества Кита Икки японский историк Масаки Миякэ следующим образом резюмировал план Кита: «Согласованность между реорганизацией внутренней политики, которая может быть проведена только через путч молодых офицеров, и воинственной внешней политикой, проводимой совместно с новым Китаем, подобным же образом революционизированным младшими офицерами, позволит реализовать господство над всей Азией Японии и Китая»³¹. В идеях Кита Икки мы видим и миссионерство, и национализм и ставку на насилие (война), и установление диктатуры (императора!?) как цель, — причем все это подается под «социалистическим» соусом, что дало современникам основание отнести идеи Кита Икки к фашистским. Разумеется, ни сам Кита Икки, ни его сторонники никогда себя «фашистами» не называли. Впрочем, и А. Гитлер категорически заявлял, что германский национал-социализм не имеет ничего общего с итальянским фашизмом.

Итак, даже весьма краткий анализ идей главного идеолога японских фашистов показал основные задачи и цели, а также пути достижения этих целей, из чего следует, что сторонников данного течения японских правых можно с полным основанием отнести к фашистам.

³⁰ Там же. С. 32.

³¹ Masaki Miyake. Kita Ikki's Political Ideas and February Mutiny of 1936 // International Studies. 1987. № 11. P. 40.

При этом Кита Икки отмечает, что на первом этапе главной целью национал-социалистического (фашистского) движения в Японии будет достижение диктатуры младшего и среднего офицерства, поскольку, по его мнению, они, носители идеологии обнищавших крестьян и лишившихся работы рабочих и ремесленников, «...только и были в состоянии провести реорганизацию Японии» с целью ликвидации партийно-парламентской системы, а также проведения «реставрации власти императора Сёва»³². После чего, используя «право пролетарского государства на войну», следует завоевать господство в Азии в соответствии с «современной геополитической ролью Японии».

Американский исследователь фашизма Стенли Пейн следующим образом пишет о программных установках японских фашистов. «Они требовали национализировать значительную часть крупной собственности, наряду с введением ограниченного рабочего контроля и совместного участия рабочих и служащих в прибылях, введения государственного регулирования для той части промышленности, где частная собственность сохраниться. Эти шаги должны были проводиться под авторитарным *новым императорским правлением* (под контролем всеобщего мужского избирательного права) и сопровождаться радикальными государственными реформами, которые вводили бы, по большей части общинную, частично-коллективизационную аграрную систему. Конечной целью было создание Великой новой Восточноазиатской империи»³³.

Итак, мы видим, что у рассматриваемого *Национально-социалистического течения* все признаки фашистского движения были налицо: национализм, непримиримый террористический характер, цель движения – установление диктатуры внутри страны и агрессивные завоевания во внешней политике. На ранней стадии это течение представляло собой ряд небольших группировок, которые находились в постоянной реорганизации, и которые объединяло лишь то, что все они придерживались идей Кита Икки. На первом этапе эти группировки ставили перед собой задачу завоевания масс и превращения в политическую силу. Поэтому вступление Японии в полосу экономического кризиса во второй половине 1920-х гг. было расценено лидерами фашистского движения как подходящий момент для «заявления о себе» и перехода от агита-

³² По аналогии с «реставрацией Мэйдзи» 1868 г., сопровождавшейся передачей власти от сёгуна к императору Мэйдзи.

³³ Payne S. Op. cit. P. 162–163.

ции и пропаганды к тактике «прямого действия», т.е. открытому террору. Этому способствовала также активизация фашистами деятельности в военной среде, вследствие чего движение получило новый оттенок – начинается этап военно-фашистского движения.

На этом этапе была налажена тесная связь фашистских лидеров с ультрарадикальной группировкой в военном командовании – группой «Кодо» (Императорский путь). Несмотря на то, что японское законодательство запрещало военным заниматься политической деятельностью, более того, несмотря на откровенно антиконституционные действия фашиствующих офицеров, поддержка, оказываемая генералами Генштаба, довольно продолжительное время позволила молодым офицерам (фашистам) уходить от ответственности за совершаемые ими террористические акты. Практически ни один из заговоров, раскрытых полицией (за исключением, разве что, попытки путча в мае 1932 г.), не повлек за собой сколько-нибудь значительных санкций. Процессы над убийцами виднейших политических деятелей зачастую превращались в трибуну для пропаганды фашистских идей, а сами убийцы – в национальных героев, чему в немалой степени способствовала пресса.

Отметим, тем не менее, что настроение большей части населения в то время было направлено против радикалов, как левых, так и правых. Отрицательное отношение людей к фашистам проявилось, в частности, в том, что на выборах 1936 г. выставившая антифашистские лозунги партия «Минсэйто» одержала победу над другой парламентской партией «Сэйюкай».

Правые неоднократно предпринимали попытки объединения различных группировок и создания единой массовой партии, способной противостоять ведущим партиям Японии «Минсэйто» и «Сэйюкай». Но успеха они не имели. Ряд исследователей называют главной причиной этого отсутствие в правом движении яркой личности, способной претендовать на роль объединительного лидера³⁴. Думается, однако, что причина далеко не только в этом.

Что объединяло все группировки японского фашистского движения, и за что генералы поддерживали «молодых офицеров», так это стремление к установлению военной диктатуры. Еще в одной из своих ранних работ «Частная история китайской революции» Кита сделал предположение, перешедшее затем как убеждение в «План реконструкции...», о том, что «недовольные своим положением

³⁴ См., например: *Латышев И.* Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане. М., 1955; Японский милитаризм. М., 1972 и др.

офицеры предпримут переворот». Причем, по Кита, в революционную организацию должны входить офицеры рангом не выше командира батальона, поскольку почти все офицеры высокого ранга коррумпированы³⁵. Японский историк, профессор университета Мэйдзи, Миякэ Масаки замечает, что именно эти положения и делали доктрину Кита Икки особенно притягательной для офицеров армии. Согласно Кита Икки, непременным условием революции является установление военной диктатуры. Он пишет: «Главный закон истории заключается в том, что все революции совершаются с целью установления военного правительства...», а режим, вытекающий из революции, должен представлять «военную диктатуру с диктатором во главе»³⁶. Эти положения были им сформулированы в «Плане реконструкции...» следующим образом: «Император приостанавливает конституцию на три года, распускает обе палаты парламента и объявляет военное положение с целью консолидации всего японского народа для проведения реформ»³⁷. Причем, отставив переворот, как метод революции, Кита замечает, что было бы неправильным считать переворот «оскорблением власти, основанной реакционной тиранией». И как примеры переворотов, «консолидирующих революционный режим», Кита указывает на переворот Наполеона 7 ноября 1799 г. (18 брюмера), а также на ленинское решение – используя военную силу, распустить Учредительное собрание 6 января 1918 г. Оба этих примера, по его мнению, указывают на то, что «переворот, при определенных обстоятельствах, может быть прямым продолжением революции»³⁸.

Японский социолог, профессор Цуцуи Киётада в своем исследовании, посвященном февральскому мятежу 1936 г., как наиболее типичную, описывает позицию одного из организаторов мятежа Исобэ Асаити. По мнению последнего, одной из основных задач «реставрации Мэйдзи» 1868 г. было превращение Японии в конституционное государство, в котором бы император выступал «в качестве политического центра». Вместо этого, Япония стала «страной под диктаторством гэнро, дворян, военной верхушки, политических партий и дзайбацу». Поэтому, как считал Исобэ, долгом каждого патриота является освобождение императора от рук этих «привилегированных классов», что сделает Японию демократическим государством и решит задачу, поставленную еще «реставрацией Мэйдзи».

³⁵ Masaki Miyake. Op.cit. P. 42.

³⁶ Кита Икки. Указ. соч. С. 41.

³⁷ Там же. С. 371.

³⁸ Там же.

По аналогии, это движение называлось «реставрацией Сёва». Для реализации своих замыслов Исобэ и его соратники планировали, организовав путч, через министра армии Кавадзима Нанива (Гиити) склонить императора Сёва к назначению на пост премьера генерала Мадзаки, разделявшего, как не без основания считали мятежные офицеры, их взгляды. Сформированный генералом Мадзаки кабинет должен был стать переходной ступенью к формированию следующего кабинета, который, по словам соратника Исобэ поручика Курихара Ясухидэ был бы «кабинетом Керенского» и задачей которого было установление власти мятежных офицеров³⁹.

Таким образом, цель – установление военной диктатуры – объединяла группировки японских правых. Но конечную форму диктатуры и ее носителей они понимали по-разному. К тому же, «социалистические» идеи фашистов, опирающихся на идеи Кита Икки (рабочий контроль, национализация значительной доли частной собственности, включая и частичную собственность двора (!)), – не принимались консервативными ультра националистами и лидерами центристского националистического течения. Отсюда разнонаправленность деятельности различных группировок и невозможность их объединения.

После неоднократных «репетиций» переворота, поверив в свою безнаказанность, 26 февраля 1936 г. «молодые офицеры» предприняли очередную попытку реализовать свои замыслы через военный путч.

Рано утром этого дня солдаты первого и третьего армейских пехотных полков первой дивизии и третий полк гвардейской дивизии (всего ок. 1500 чел.), поднятые по тревоге, совершили вооруженные налеты на резиденции премьер-министра, министра финансов, внутренних дел, министра двора и генерал-инспектора военного обучения. Мятежниками были убиты лорд – хранитель императорской печати Сайто Макото, министр финансов Такахаси Корэкиё, генерал-инспектор военного обучения Ватанабэ Дзётаро, и был тяжело ранен главный камергер двора Судзуки Иситаро. Премьер-министр Окада Хираюки, предупрежденный о нападении начальником своей канцелярии полковником Мацуо Кобаяси, сумел скрыться и избежал смерти⁴⁰. Мятежники захватили поли-

³⁹ *Цуцуи Киётада*. Сёва нихон-но кодзо: соно рэкиси сякайгакутэки косацу (Структура Японии в Эпоху Сёва: исследования исторической социологии). Токио, 1984. С. 190–195.

⁴⁰ По сообщению Агенства «Рейтер», вместо премьера Окада Хираюки мятежниками был убит его шурин, полковник Мацуо. Сам Окада сумел спастись от

цейское управление, редакцию газеты «Асахи» и пытались проникнуть в военное министерство и генеральный штаб. К концу дня под контролем путчистов оказались центральные кварталы Токио Кодзи-мати и Нагата-мати, включая резиденцию премьер-министра и здание Парламента.

Представляется весьма интересным остановиться на реакции императорского двора на мятеж армейских офицеров. Как верно замечает профессор Бен-Ами Силлони, «трагическая ирония путчистов состояла в том, что среди оппонентов их «движения за реставрацию Сёва» был сам император Сёва. Человек, которому повстанцы выражали свою преданность и который должен был руководить их новой Японией, оказался бескомпромиссным противником этого путча и отказался рассматривать путч иначе, нежели уголовный бунт». Профессор Силлони пишет, что через некоторое время после сообщения новости о бунте офицеров армии утром 26 февраля император сказал своему старшему адъютанту: «Они убили моих советников и сейчас пытаются надеть шелковую веревку на мою шею. Я никогда им этого не забуду. И не имеет значения, какими мотивами они руководствуются». После чего он отдал распоряжение военному министру Кавадзима «подавить путч немедленно»⁴¹. После смерти от рук путчистов лорда-хранителя императорской печати Сайто и тяжелого ранения главного камергера двора Судзуки, император Хирохито полагался на советы старшего секретаря лорда-хранителя печати маркиза Кидо Коити, министра императорского двора Юаса Курахэй и вице-камергера двора Хирохата Тадатака. Как писал в своем дневнике маркиз Кидо, в то утро 26 февраля его больше всего беспокоило то, что путчисты могут захватить императора и заставить его подписать воззвание о «реставрации Сёва». Поэтому он поспешил встретиться с генералом Хондзё, командующим императорской гвардейской дивизией, чтобы получить от него заверение в том, что гвардия будет защищать дворец. Затем, встретившись с Юаса и Хирохата, Кидо заявил им, что необходимо *подавить путч любой ценой*. Далее он сказал, что, вероятно, нынешний кабинет будет вынужден взять на себя ответственность за эти события и уйти в отставку. В этой ситуации путчисты и те, кто их поддерживает, вероятно, попытаются сформировать новый кабинет, который бы отвечал их интересам. Чтобы предотвратить такой поворот событий,

заговорщиков, спрятавшись в гробу с телом убитого шурина (*Хамадан А.* Япония на путях к большой войне. М., 1936. С. 3).

⁴¹ Ben-Ami S. Revolt in Japan: The Young Officers and the February 25, 1936 Incident. Princeton – New Jersey. 1973. P. 172–174.

следует убедить императора отклонить любые предложения о формировании нового кабинета и настоять на том, чтобы существующая власть подавила восстание. Советники согласились с доводами маркиза Кидо и рекомендовали такой курс императору⁴².

И действительно, забаррикадировавшись в центральной части Токио, путчисты послали свою петицию на имя военного министра Кавадзима, требуя «немедленно распустить парламент, назначить премьером генерала Мадзаки и сформировать новое правительство». Позже их требования сместились к назначению генерала Мадзаки Главнокомандующим Квантунской армией. В течение всего 26 февраля против путчистов ничего предпринято не было. В этой ситуации, 27 февраля император вызвал командующего императорской гвардией генерала Хондзё и заявил ему, что, если армия не двинется против путчистов, он примет на себя командование императорской гвардией и подавит их⁴³.

Высшее же армейское командование продолжало вести переговоры с восставшими (в частности, через того же генерала Мадзаки), всячески увещевая их с тем, чтобы склонить путчистов прекратить мятеж и сдаться. По мере затягивания переговоров оценка официальной пропагандой путчистов менялась от «отряда, поднявшегося на борьбу в защиту государственного строя», — в начале мятежа, «отряда нарушителей порядка» — 28 февраля, до «армии мятежников» — 29 февраля⁴⁴.

Поскольку армия не предпринимала решительных шагов и, кроме того, объектами покушений были адмиралы Сайто, Судзуки и Окада, тесно связанные с военно-морским флотом, то в качестве силы подавления мятежа ставка была сделана на флот. В порт Токио вошла первая эскадра военно-морских сил и, кроме того, в столицу были доставлены наземные части ВМФ из базы Сibaура. К утру 29 февраля были перекрыты все дороги, ведущие в Токио, а населению центральных районов было предложено эвакуироваться. После обращения военного министра к мятежникам по радио солдаты и унтер-офицеры стали постепенно возвращаться в свои казармы, а сами мятежники приходили в резиденцию военного министра, где были разоружены и посажены в отдельные помещения.

Перед судом военного трибунала предстали 17 офицеров, включая Муранака и Исобэ, а также двое гражданских Хокуити

⁴² *Танака Синао*. Докумэнто Сёва Тэнно (Документы императора Сёва). Т. 1. Токио, 1984. С. 26.

⁴³ *Ben-Ami S.* Op. cit. P. 42.

⁴⁴ *Payne S.* Op. cit. P. 162–163.

Тэру и Нисида Мицугу (Тикара). Все были приговорены к смерти и казнены на площади Ёёги в Токио; 15 человек – 12 июля, а остальные, в основном гражданские лица, включая Кита Икки, были казнены 19 августа. Причем, Кита Икки, который никогда не менял своих взглядов, единственный из всех казненных отказался перед смертью крикнуть «банзай!» в поклонении императору.

Разгром февральского путча, – как пишет профессор университета Мэйдзи Масаки Миякэ, – был не просто подавлением данного выступления, но стал крахом «самого шанса реализовать возможности, содержащиеся в идеях Кита Икки»⁴⁵.

Казалось бы, на этом история японского фашистского движения в Японии была завершена. И вести дальнейшие разговоры о «фашизме в Японии» не имеет смысла. Но... Поскольку в надвигающейся войне Япония была союзником фашистских Германии и Италии, необходимо было как-то обосновать, что Япония также является фашистским государством. Т.е., необходимо было найти «признаки фашизма» в Японии, чтобы привязать ее к союзникам. Тогда-то и была выдвинута концепция так называемого «фашизма сверху», который, якобы, пришел в этой стране на смену разгромленному «фашизму снизу». Данная концепция не выдерживает критики, поскольку утверждения об особом варианте фашизма в Японии, как заговоре генералов групп «Кодо-ха» и «Тосэй-ха», которые, без опоры на какое-либо общественное движение⁴⁶, якобы установили фашистский режим, не имеют никаких разумных оснований. Исторически подобная точка зрения, основанная на димитровской концепции фашизма как «диктатуры финансового капитала», была изложена в книге сборка газеты «Правда» в Токио И. Латышева «Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане», и, практически не поддерживается современной российской историографией. Сегодня все шире распространяется понимание, что признание фашизма в Японии было ошибочной точкой зрения, проявившейся на VI конгрессе Коминтерна, согласно которой фашизм является неизбежной ступенью развития капитализма (!)⁴⁷. Среди российских и европейских

⁴⁵ Masaki Miyake. *Opp. cit.* P. 46.

⁴⁶ Движение «молодых офицеров», которых некоторые авторы называют фашистским, также прекратило свое существование сразу после разгрома попытки переворота 26 февраля 1936 г.

⁴⁷ См.: Дамье В.В., Комолова Н.П., Корчагина М.Б., Шириня К.К. Введение // Коминтерн против фашизма. Документы / отв. ред. Н.П. Комолова. М., 1999. С. 19.

специалистов сторонников существования в предвоенной Японии фашистского режима крайне немногочисленны.

В то же время, нередко можно встретить поддержку концепции «фашизма сверху» среди японских историков, тогда как сторонники отказа от термина «фашизм» применительно к предвоенной Японии все еще весьма немногочисленны в этой стране. Можно понять японских исследователей, особенно поколение переживших войну: национальный позор поражения в этой войне, занозой засевший в сознании японцев, требовал сатисфакции, требовал найти виновников и заклеить эти годы. Потому-то так непросто отказаться от такого ярлыка, как «фашизм», применяемого к виновнику всех пережитых бед – военщине. Удобно: виновник заклеен, той военщины больше нет, вроде как, и вина с нею где-то в прошлом...

Таким образом, на поставленный в начале статьи вопрос о характеристике предвоенного режима в Японии как фашистского (был ли в предвоенной Японии фашизм?), мы можем ответить, что да, в Японии было фашистское движение. Возникнув в начале второго десятилетия XX в., фашистское движение в Японии достигло своего апогея к середине 1930-х гг. Однако оно так и не смогло завоевать власть и сформировать фашистский режим. Причина этого видится в противоречивости поставленной фашистами задачи: установление диктатуры в рамках японской монархии. На эту неувязку обратил внимание еще Рихард Зорге, писавший, что спорна сама «возможность разрешения противоречия между ролью императорского дома и необходимостью практической диктатуры»⁴⁸.

Возможность создания в Японии какой-либо альтернативной официальной системе организации с жестко централизованной структурой и лидером с диктаторскими полномочиями, подобной фашистскому движению на Западе, была просто нереальной, поскольку не могла быть реализована без благословения императора. Последний, в отличие от западных монархий, был в Японии фигурой далеко не номинальной. Несмотря на все заверения фашистов о «реставрации власти императора Сёва», его окружение, как мы видели, достаточно трезво оценивало ситуацию, и потому ни о каком благословении фашистам не могло быть и речи. Следовательно, даже в случае объединения фашистских группировок в единую партию, само существование фашистского движения как единой централизованной силы в рамках японской монархической системы

⁴⁸ Зорге Р. Статьи. Корреспонденции. Рецензии. М., 1971. С. 82–83.

было просто за пределами реальности. Исследователь японского фашизма Танака Согоро прямо написал об этом: «...в политической системе, где в строго иерархическом порядке выстроились: император, военные, бюрократия, капиталист, помещик, рабочий, мелкий производитель, где культивировалась идея сверхпочитания императора... всякое появление людей, подобных недоучке Гитлеру или фальшивому Кита Икки на фоне сияния императора, неизбежно повлекло бы их расстрел...»⁴⁹.

С такой оценкой трудно не согласиться.

⁴⁹ *Танака Согоро*. Нихон фасидзуму си (История японского фашизма). Токио, 1972. С. 13.

Н.С. Скоробогатых

ФАШИЗМ В АВСТРАЛИИ (1920-е – 1930-е гг.): МИФЫ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Вопрос о фашизме и его «национальных моделях» будет актуален до тех пор, пока исследователи не придут к согласованному мнению, а что же это собственно за феномен.

Несмотря на почти 100 лет с момента прихода к власти данного движения в Италии, сам термин по-прежнему нуждается в четком определении, которого, похоже, так и не удалось достичь. До сегодняшнего дня «нет единого мнения о том, какие диктаторские режимы могут быть охарактеризованы как фашистские»¹. В пылу полемики левые и многие либеральные историки записывают в ряды фашистов (помимо истинных приверженцев идей А. Гитлера и Б. Муссолини) всех, кто хоть как-то заявил о себе как о стороннике этих идей, проявил интерес к ним или нашел в их практике нечто, заслуживающее внимания. Представители противоположной стороны политического спектра, напротив, нередко рассматривают фашизм как синоним тоталитаризма, что позволяет консервативным политикам говорить о так называемом «красном фашизме»². Таким образом, «фашизм» превратился в некий негативный политический ярлык для всех, «кто не с нами». В пылу острых споров некоторые политики и публицисты современного Австралийского Союза (АС) обвиняют в фашизме даже руководство нынешней Китайской народной республики на том основании, что «Китай – это этнонационалистическое, корпоративистское, авторитарное государство»³.

Ныне большинство ученых придерживаются мнения, что «фашизм был идеологией, презирующей либерально-демократические ценности и права личности, закрепленные в конституциях подавляющего большинства государств», где культ вождя сочетался с яростным антикоммунизмом и агрессивным национализмом⁴. Выявлены самые

¹ Галкин А.А., Богдашкин А.А., Окунева Л.С., Строганова Е.Д., Йомэнс Р., Величко О.И., Носкова А.Ф., Пэссмор К., Ваттс Д., Чечи Л. Введение // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 9.

² Подробнее см.: *Murphy T. Australian Fascism // Quadrant. 1981. Vol. 25. № 11. P. 3–10.*

³ *Leitch S. China and the Difficulties of Dissent // Quillette. 2019. Aug., 5. URL: <https://quillette.com/2019/08/05/china-and-the-difficulties-of-dissent> (дата обращения 14.08.19).*

⁴ *Вайнберг Л. Крайне правые в Соединенных Штатах Америки // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 202.*

общие отличительные черты итальянского фашизма и германского нацизма: в области идеологии – идеи реванша, возрождения великих империй (Рим и «Третий рейх»), шовинизм в форме идей расового превосходства; в области практической политики – стремление к установлению жесткого режима власти, не допускавшего инакомыслия, который поддерживался полным контролем над обществом с помощью самых жестких государственных репрессий. Если подходить с таких позиций к оценке тех, кого называли фашистами в АС в 1920–1930-х гг., то окажется, что далеко не все они, даже если сами себя объявляли таковыми, являлись фашистами в действительности.

Очень часто стирается грань между крайне правыми движениями и сторонниками фашистской или нацистской идеологии и диктатуры. По справедливому замечанию ряда исследователей, выработка определения правых представляет не менее сложную задачу, «поскольку многие ученые предлагают использовать ряд разнообразных конкурирующих формулировок» этого явления. Одни трактуют правых как сторонников «идеологии этнической исключительности». Другие соотносят этот термин с классическими определениями фашизма и присущими ему ограничениями «индивидуальных свобод, осуществляемых во имя коллектива»⁵.

В АС правыми (консервативными) политиками того времени были сторонники идей классического британского либерализма: сохранение основ сложившейся государственности – конституционной монархии, демократии (как средства защиты прав меньшинства от тирании большинства) и свободы личности. Места классическому фашизму здесь просто не было. Единственное, что позволяло соотносить австралийских правых и фашистов – политика «белой Австралии», в которой ряд историков упорно видят только яркое проявление расизма. По убеждению абсолютного большинства австралийских политиков и общественных деятелей левых взглядов этническая однородность общества АС в начале XX в. была кошмаром: «эта гомогенизация была “квинтэссенцией расизма”»⁶. Впрочем, при таком подходе любое национальное государство может быть охарактеризовано как протофашистское общество, что далеко не так.

Предубеждение большинства населения против выходцев из стран Азии – носителей чуждой австралийским устоям культуры, было широко распространено в Австралии еще с XIX в., являясь

⁵ *Campion K.A.* “Lunatic Fringe”? The Persistence of Right Wing Extremism in Australia // *Perspectives on Terrorism*. 2019. Vol. 13. № 2. P. 3.

⁶ *Fleming A., Mondon A.* The Radical Right in Australia // *The Oxford Handbook of the Radical Right* / ed. by J. Rydgren. Oxford; New York, 2018. P. 652.

и причиной, и следствием курса правительств на ограничение иммиграции. Однако следует отметить, что в период ее проведения до середины XX в. в АС все же проживало значительное число небританцев. Единственным условием их пребывания в стране было требование ассимилироваться. Тем не менее многие иностранцы сумели сохранить свою национальную идентичность и не подвергались за это открытым гонениям со стороны властей.

Необходимо отметить, что по сравнению с обширной историографией о деятельности австралийских партий левого и социал-реформистского толка, литература о крайне правых фрагментарна. В фундаментальных трудах М. Барнард и С. Макинтайра они лишь упомянуты⁷. И только в ряде статей и монографий, увидевших свет в начале нынешнего века, эта тема освещается более подробно. Для большинства их авторов изучение деятельности крайне правых организаций стало средством «познать врага». К их числу обычно относили всех – ярких индивидуалистов и всевозможных анти-либертарианцев, сторонников клерикального и экономического корпоративизма, последователей авторитаризма и фашизма⁸. С легкой руки историка Дэвида Берда, помимо членов фашистской и нацистской партий в АС, в число «попутчиков Гитлера» попали и люди, которые виноваты лишь в том, что были современниками фашизма и нацизма и интересовались деятельностью Муссолини и Гитлера. По его словам, «австралийские нацисты находились не только на периферии». Подобные взгляды разделяли многие политики, писатели, ученые и другие видные представители элиты Австралии⁹.

Чтобы разобраться в этом, стоит вспомнить, что собой являла эпоха зарождения внимания к практике диктаторских режимов европейских стран в АС. С одной стороны, влияние Октябрьской революции 1917 г. и внешнеполитические шаги Советской России породили как минимум пристальное отношение к ней, вылившееся в мощный подъем как антикоммунизма, так и прокоммунистических настроений. С другой стороны, после Первой мировой войны Австралия, пережив сначала бурный экономический подъем «реву-щих 20-х», затем столкнулась с мощным спадом периода «вели-

⁷ См.: *Barnard M. A History of Australia*. Sydney, 1978; *Macintyre S. A Concise History of Australia* (2nd ed.). Port Melbourne, 2005.

⁸ См.: *Moore A. Writing about the Extreme Right in Australia* // *Labour History*. 2005. № 89. P. 1–2.

⁹ Цит по: *Watson J. A Brief History of Nazism in Australia* // *ABC Radio National*. 2019. Jan., 17. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-01-17/a-history-of-nazis-and-the-far-right-in-australia/10713514> (дата обращения 16.01.2020).

кой депрессии», продемонстрировавшей в глобальных масштабах деструктивную мощь нерегулируемого рынка. Единственной страной, избежавшей печальной участи, стал СССР с его государственной машиной управления всеми отраслями жизни общества. Германия и Италия также во многом использовали в борьбе с кризисом мощь государства, и этот опыт казался весьма поучительным, а для некоторых и привлекательным. В поиске выхода из «великой депрессии» взгляды левых обращались к СССР, а правых – к антикоммунистическим режимам Италии и Германии, которые, по их мнению, смогли предложить свой путь выхода из кризиса. В то же время идеи реванша, оголтелого человеконенавистничества и милитаризма не укладывались в идеологию правых в АС.

О происходящем в Европе, австралийцы были хорошо осведомлены благодаря СМИ, дипломатическим каналам и личным визитам. Большое влияние на формирование общественного мнения оказала публикация известной феминистки и общественного деятеля Джесси Стрит. Из своего европейского турне она привезла искреннюю и непоколебимую симпатию к СССР с его женским равноправием и победой социализма и столь же глубокую озабоченность приготовлениями Германии к войне¹⁰. Ее тревогу разделял профессор истории Сиднейского университета и сотрудник австралийского Института международных отношений Стивен Х. Робертс. Посетив в 1936 г. Германию и другие страны Европы, он в 1937 г. опубликовал свой бестселлер «Дом, который построил Гитлер»¹¹ и регулярно выступал с комментариями в прессе АС. Большой популярностью пользовались выступления Робертса в ряде общественных организаций Австралии. Его яркие характеристики «вождей» Германии и Италии, а также «неприятие нацистской идеологии по политическим и этическим соображениям и предостережение против угрозы войны, исходящей от нацистского режима», имели широкий резонанс в обществе. В Германии имя Робертса включили даже в список 2820 разыскиваемых службой безопасности лиц, подлежащих аресту в случае немецкого вторжения в Британскую империю¹². Благодаря усилиям таких людей общественное мнение в АС – на фоне доминировавшего тогда в общей

¹⁰ См.: *Стрит Дж.* В поисках правды. М., 1967.

¹¹ Подробнее о книге Робертса см.: *Bonnell A.G.* Stephen H. Roberts' *The House That Hitler Built* as a Source on Nazi Germany // *Australian Journal of Politics and History*. 2000. Vol. 46. № 1. P. 1–20.

¹² *Bonnell A.G.* Stephen Roberts as a Commentator on Fascism and the Road to War in Europe // *History Australia*. 2014. Vol. 11. № 3. P. 12.

массе австралийского общества равнодушия к международным делам – было по преимуществу антифашистским и антинацистским.

Однако в стране четко просматривались социальные группы, чьи представители внимательно присматривались к опыту фашистских стран. В первую очередь, это были политики и военные: и тех, и других интересовали вопросы практического плана. Несколько особняком стояли интеллектуалы. Вовлеченными в процесс распространения экстремистской идеологии оказались также диаспоры – итальянцы, немцы и русские.

Политический класс: искушение авторитаризмом

В сфере государственного управления АС основы для возникновения и распространения экстремизма не существовало. Во-первых, в австралийском обществе достаточно глубоко были укоренены британские традиции парламентаризма. Во-вторых, и что наиболее важно, необходимо учитывать особенности социальной структуры страны. В Австралии, как известно, преобладающее влияние имела средняя и мелкая буржуазия и существовали сильные профсоюзы, которые пришли в большую политику со своей сплоченной Австралийской лейбористской партией (АЛП). Австралийские политики в своей деятельности ориентировались в первую очередь на Великобританию, и если в чем и можно было бы их упрекнуть, то только в строгом следовании политическому курсу метрополии.

Собственно так и случилось с одним из наиболее ярких государственных деятелей XX в. Робертом Мензисом¹³. До сих пор левые историки напоминают, что в глазах рабочих он заслужил репутацию «фашистского миротворца № 1 в Австралии»; да и все правительство Дж. Лайонса, членом которого был Мензис, подозревали в открытых симпатиях к Гитлеру¹⁴. Хотя это обвинение оказалось преувеличенным, даже в 1960-х гг. члены Коммунистической партии Австралии (КПА) утверждали, что попытка премьер-министра Мензиса запретить деятельность КПА представляет собой «образец чисто фашистского законодательства», а службу безопасности АС называли «гестапо»¹⁵. Только сравнительно недавно появились работы, где авторы постарались непредвзято взглянуть на дела и взгляды этого человека.

¹³ Подробнее о нем: *Скоробогатых Н.С.* Сэр Роберт Мензис: личность в зеркале истории Австралии // Многоликая элита Востока. [Коллективная монография]. Т. 1. / отв. ред. Е.М. Астафьева. М., 2020. С. 178–238.

¹⁴ См.: *Hagan J.* The History of the A.C.T.U. Melbourne, 1981. P. 107.

¹⁵ *Роуз Ф.* Аборигены, кенгуру и реактивные лайнеры. М., 1972. С. 48, 49.

Еще в середине 1920-х гг. немало представителей правящего класса АС обращали внимание на опыт режима Б. Муссолини и политические и социально-экономические воззрения итальянского «дуче». Они видели в итальянском фашизме, в первую очередь, лучшее оружие против коммунизма, полагая, что фашизм был эффективным противоядием от возможного «красного господства»¹⁶. Среди откровенных сторонников такого курса оказался коллега Мензиса по работе в парламенте штата Виктория Уилфрид Кент Хьюз¹⁷. В 1933 г. он опубликовал четыре статьи под общим заголовком «Почему я стал фашистом», где назвал себя «фашистом без рубашки», отсылая к атрибутике итальянской диктатуры. Отвергая «властных диктаторов, живописные мундиры и римские салюты», он восхищался фашизмом как «духом эпохи» и видел корпоративное государство и экономическое планирование как «дом на полпути» между эгоизмом *laissez faire* и инертностью социализма, где «общий ребенок становится ничьим». По его мнению, «фашизм действительно был промежуточным звеном между двумя системами, в которых частная собственность сохраняется, как и при капитализме, и нет никакой конфискации. Государственная собственность — это исключение, а не правило; но государство оставляет за собой право вмешиваться, а также в общих чертах направлять производство и распределение, когда это необходимо в интересах общества».

Таким образом, основу его мировоззрения составила эклектичная смесь фашистского корпоративизма, индивидуалистической этики и классической экономической теории вкупе с антикоммунизмом, национализмом и проимперской позицией. Он полагал, что, хотя о диктатуре не могло быть и речи, Австралия «обладала гениальной способностью извлекать лучшее из фашизма и приспособлять его к своим собственным нуждам». Впрочем, уже к 1935 г. У.К. Хьюз пришел к выводу, что империалистическая политика Муссолини в сочетании с растущим милитаризмом Гитлера показали, что «фашизм больше не может рассматриваться в качестве практически осуществимого средства для проведения

¹⁶ Mondon A. An Australian Immunisation to the Extreme Right? // Social Identities: Journal for the Study of Race, Nation and Culture. 2012. Vol. 18. № 3. P. 360.

¹⁷ О нем см.: Hancock I.R. Kent Hughes, Sir Wilfrid Selwyn (Billy) (1895–1970) // Australian Dictionary of Biography, National Centre of Biography, Australian National University. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/kent-hughes-sir-wilfrid-selwyn-billy-10723/text19001>, published first in hardcopy 2000 (дата обращения 23.04.2020).

этических и политических реформ»¹⁸. Сколько было у него сторонников – доподлинно неизвестно, однако Мензиса среди слепых почитателей такого курса все же не было.

Мензис, хорошо знавший Хьюза еще по совместной работе в группе «Молодые националисты», во многом признавал и возможность усиления государственного контроля над экономикой, и обновления избирательной системы. Вместе с тем он постарался смягчить критическую часть тезисов соратника, завив, что «не так уж много плохого в парламенте», что «приводило всех “эмбриональных” фашистов в замешательство»¹⁹. Сам Мензис поддерживал идею о более жестком государственном контроле и вмешательстве в экономику только в том случае, если частная инициатива не в состоянии справляться со своими задачами, и в этом плане тоже интересовался опытом Муссолини. Однако он всегда оставался либеральным демократом, который выступал против фашизма для британцев и считал, что никто посторонний не имеет права определять, какую систему правления должен иметь тот или иной народ – это сугубо внутреннее дело каждой нации. Что касается примера Германии, то и здесь все обстояло не столь однозначно.

В 1938 г. Мензис, занимая пост федерального прокурора и будучи членом кабинета министров правившей в 1930-е гг. правоцентристской Партии единой Австралии (ПЕА), в составе торговой делегации побывал в Европе. Он посетил с официальным визитом и Берлин, где встречался со многими лидерами «Третьего рейха». Восхищаясь экономической эффективностью гитлеровского режима, он удивлялся философии, которая «произвела настоящий и бескорыстный энтузиазм, сопровождавшийся отказом от свободы личности и чем-то вроде исступления вроде того, с которым средневековый монах носил покаянную власяницу». В то же время Мензис отметил, что «подавление критики в конечном итоге полностью уничтожит Германию»²⁰. Во всяком случае, «принципы тоталитарного государства» он счел «не подходящими британскому

¹⁸ Цит. по: *Spenceley G. 'The Minister for Starvation': Wilfrid Kent Hughes, Fascism and the Unemployment Relief (Administration) Act of 1933 // Labour History. 2001. № 81. P. 147, 150, 151.*

¹⁹ Цит. по: *Martin A.W. Menzies, Sir Robert Gordon (Bob) (1894–1978) // Australian Dictionary of Biography, National Centre of Biography, Australian National University. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/menzies-sir-robert-gordon-bob-11111/text19783>, published first in hardcopy 2000 (дата обращения 11.09.2019).*

²⁰ Ibidem.

гению», хотя отметил и «большое желание молодых немцев посвятить себя службе и благосостоянию государства»²¹.

Оценка Мензисом намерений Гитлера оказалась глубоко ошибочной. Он последовательно выступал за политику умиротворения Германии, проводимую британским премьер-министром Невиллом Чемберленом. В своем стремлении оттянуть начало войны он порой предпринимал шаги, которые ныне смотрятся совсем нелепо. Так, в конце августа 1939 г., будучи главой правительства АС, Мензис предлагал Чемберлену «пригласить Гитлера в Лондон или более нейтральное место встречи» с тем, чтобы «разрушить психологические барьеры, которые сейчас быстро воздвигаются между британцами и немцами», «чтобы Гитлер мог продемонстрировать реальность своих мирных намерений» и «снизить европейскую температуру»²². Было это политической близорукостью или слепой верой в проводимую Чемберленом политики, которая якобы являлась последней отчаянной попыткой спасти мир – сказать трудно. И это стало самым крупным политическим просчетом Мензиса в его карьере. Однако на этом основании вряд ли можно утверждать, что он был фашистом и даже сторонником принципов управления, существовавших в Италии и Германии.

Военные: навести порядок в доме

Австралийские военнослужащие и ветераны Первой мировой войны традиционно были политически активной группой. Созданные ими объединения, по словам многих историков, стали одной из заметных фашиствующих общественных сил. Особо резкой критике подвергается деятельность «Новой гвардии» (НГ). Ныне в историографии преобладает оценка, что эта организация, хотя и «бледная имитация чернорубашечников Муссолини и гитлеровских нацистов, была самой значительной правой группой в истории Австралии»²³.

Исторические факты позволяют говорить о более сложной картине. НГ стала своего рода филиалом более мощного общественного движения – «Старой гвардии ветеранов первой мировой» и ответом на очень серьезную ситуацию, сложившуюся в самом

²¹ Цит. по: *Hazlehurst C. Menzies Observed*. Sydney, 1979. P. 138.

²² 156. Mr R.G. Menzies, Prime Minister, to Mr N. Chamberlain, U.K. Prime Minister. Cablegram unnumbered 27 August 1939 // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Historical Publications. Vol. 2. <https://www.dfat.gov.au/about-us/publications/historical-documents/Pages/historical-documents> (дата обращения 22.04.2020).

²³ *Moore A. Writing about the Extreme Right in Australia*. P. 7.

крупном штате страны Новом Южном Уэльсе (НЮУ), где на пике «великой депрессии» было сформировано правительство во главе с лейбористом Дж. Лэнга. В октябре 1930 г. оно отказалось платить по государственным займам, спровоцировав всплеск как левых, так и правых настроений²⁴. В противовес сторонникам Лэнга небольшая группа бывших армейских офицеров под руководством юриста и полковника Эрика Кэмпбелла сформировала в 1931 г. «Новую гвардию». По словам австралийской исследовательницы К. Кэмпбелл, эта организация «была гораздо более фашистской», чем другие крайне правые австралийские группировки, и намеревалась «организовать государственный переворот против правительства Лэнга»²⁵.

Впрочем, программные заявления НГ начала 1930-х гг. опирались на понятия австралийской нации и верности Британской империи: австралийская национальная идентичность в значительной степени ориентировалась на британские институты и традиции, в том числе либеральные концепции свободы и прав личности. Кэмпбелл рассматривал свое детище как «движение лояльных граждан для поддержания закона и порядка» и «советизации государства» в Австралии. Он считал, что государство в сложившихся условиях должно быть «честным, сильным и искренним», нужно «ограничить функции правительства до выполнения минимальных нужд общества и, соответственно, снизить налогообложение до минимума»; сократить «до нуля» число государственных чиновников, переведя все государственные службы на самоокупаемость. Кэмпбелл требовал «объявить коммунизм вне закона» и «депортировать всех коммунистов, импортных или доморожденных, а также всех других негодных и подрывных личностей»²⁶. НГ подчеркивала свою непоколебимую преданность трону и лояльность Британской империи и декларировала необходимость создания «разумного и честного» правительства. Кроме антикоммунизма ничего от классического фашизма в деятельности этой организации не просматривалось. Скорее это было консервативное и по сути своей патриотически-охранительное движение. Как кадровый офицер, Кэмпбелл организовал НГ на военизированной основе, хотя ее ряды в подавляющем большинстве состояли из представителей среднего класса, горожан и мелких предпринимателей: «всех

²⁴ Подробнее см.: *Скоробогатых Н.С.* История Австралии XX век. М., 2015 (глава 3).

²⁵ *Campion K.A.* "Lunatic Fringe". P. 4.

²⁶ Цит. по: *Modern Australia in Documents. 1901–1939* / ed. by F.K. Crowley. Vol. 1. Melbourne, 1973. P. 508.

лояльных граждан, независимо от вероисповедания, партийного, социального или финансового положения»²⁷.

С октября 1931 г. отряды НГ начали разгонять митинги коммунистов и безработных в Сиднее, прерывая ораторов выкриками «Боже, храни короля» и «Правь, Британия»²⁸. На пике активности численность организации в Сиднее составляла почти 50 тыс. чел., не считая отделений в других населенных пунктах. Учитывая факт, что и левые профсоюзы не собирались сидеть сложа руки, угроза гражданской войны могла стать реальностью. В результате губернатору НЮУ сэру Филиппу Гейму пришлось в мае 1932 г. отстранить от власти Лэнга и назначить дату выборов с тем, чтобы новое правительство могло пересмотреть финансовую политику штата²⁹. Напряжение пошло на спад, с ним таяли и ряды НГ: менее, чем за год, ее численность сократилась почти вдвое и среди оставшихся возникли разногласия, поскольку воззрения Кэмпбелла становились становились еще более воинственными и авторитарными.

Отношение властей к НГ было настороженным. Несмотря на то, что в 1931 г. во время федеральной избирательной кампании НГ активно помогала новой, созданной в ходе кризиса центристской ПЕА, ее правительство заняло враждебную позицию по отношению к НГ. Члены кабинета министров однозначно заявляли, что «не будут поддерживать или разрешать создание несанкционированных военных формирований в любой части страны». К слову, и губернатор Гейм отзывался о Кэмпбелле как о «совершенном зануде» и «напыщенном идиоте»³⁰. В 1932 г. влияние НГ было подорвано действиями полиции НЮУ и ее комиссара Уильяма Маккея. Против уличных столкновений власти действовали жестко – вплоть до арестов. Имели место и негласные полицейские операции с целью полной дискредитации «Новой гвардии». Маккей сделал все возможное для ликвидации угрозы общественному порядку, и его решительность стала главным фактором быстрого упадка НГ³¹.

²⁷ Amos K. Campbell, Eric (1893–1970) // Australian Dictionary of Biography, National Centre of Biography, Australian National University. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/campbell-eric-5487/text9331>, published first in hardcopy 1979 (дата обращения 23.04.2020).

²⁸ Cunningham M. Australian Fascism? A Revisionist Analysis of the Ideology of the New Guard // Politics, Religion & Ideology. 2012. Vol. 13. № 3. P. 387.

²⁹ McMinn W. Nationalism and Federalism in Australia. Melbourne, 1994. P. 260.

³⁰ Cunningham M. Op. cit. P. 391.

³¹ Evans R. A Menace to this Realm: the New Guard and the New South Wales Police, 1931–32 // History Australia. 2008. Vol. 5. № 3. P. 76.16.

Разочарованный Кэмпбелл свой новый идеал увидел в корпоративном государстве Муссолини, о чем и рассказал в серии радиопередач в 1932 г. Он призывал «принять итальянский принцип промышленных корпораций», которые якобы показали «ошеломляющий успех». Созданные в фашистской Италии корпорации, по утверждению Кэмпбелла, «сохраняют предельную свободу и индивидуализм своих субъектов, но осуществляют контроль и равновесие в промышленной зоне, в которой они действуют»³². В 1933 г. он отправился в поездку по Европе, во время которой в Лондоне установил связи с Освальдом Мосли и Британским союзом фашистов (БСФ) и по его рекомендательному письму встречался с нацистскими и фашистскими сановниками в Берлине и Риме. Вернувшись в Сидней «воодушевленный фашистским преобразованием Европы и движениями», Кэмпбелл с восхищением говорил об увиденном. На собраниях НГ переняли фашистский салют, была введена официальная форма. Свое отношение к фашизму австралийский военный объяснил в книге «Новая дорога» (1934): «Я фашист, потому что я демократ. Я демократ, потому что верю в правление по общей воле. Единственная возможная форма правления для такой страны, как Австралия, ... это разумный отбор народом наиболее высоко мыслящих и способных из своего числа взять на себя задачу государственного управления. ... Партийная система – отрицание всего, что стоит за /демократией/. Именно к идеалам фашизма мы должны стремиться, чтобы сохранить демократию как руководящий дух народа»³³. Это разъяснение свидетельствует о том, что Кэмпбелл либо прибегал к откровенной демагогии, либо не отдавал отчет своим заявлениям, предлагая своего рода политический оксюморон фашист-демократ. Однако его высказывания дали основания считать не только Кэмпбелла, но и всю НГ фашистской организацией³⁴.

³² Цит. по: *Cunningham M.* Op. cit. P. 388.

³³ Цит. по: *Smith E.* The Pivot of Empire: Australia and the Imperial Fascism of the British Union of Fascists // *History Australia*. 2017. Vol. 14. № 3. P. 14.

³⁴ Подобного рода оценки преобладают в современной австралийской историографии. См., напр.: *Alder B.* The Ideology of the New Guard Movement – Which was Established in Sydney in February, 1931– // *Journal of the Royal Australian Historical Society*. 1996. Vol. 82. № 2. P. 192–209; *Perkins Jh., Moore A.* Fascism in Interwar Australia // *Fascism outside Europe: the European Impulse against Domestic Conditions in the Diffusion of Global Fascism* / ed. by S.U. Larsen. New York, 2001. P. 269–286; *Moore A.* The New Guard and the Labour Movement, 1931–35 // *Labour History*. 2005. № 89. P. 55–72; *idem.* Discredited Fascism: the New Guard after 1932 // *Australian Journal of Politics and History*. 2011. Vol. 57. № 2. P. 188–206 и др.

Между тем от сторонников Гитлера и Муссолини австралийских правых радикалов отличало неприятие любых авторитарных форм правления. Не разделяли они и идей расового превосходства в той истребительной формулировке, которые насаждались в нацистской Германии. Скорее НГ представляла крайне правое, радикальное, но все же не чисто фашистское по сути свое течение.

По возвращении в АС Кэмпбелл попытался вовлечь остатки НГ в столь нелюбимую им партийную политику и в декабре 1933 г. сформировал свою политическую Партию центра (the Centre Party). Основой ее программы стал «сплав идеологии “Новой гвардии” с корпоративизмом»: наряду с «эволюцией системы подлинно представительных институтов, основанных на профессиональном представительстве», она призывала к «свободе частного предпринимательства» посредством снижения налогов и ликвидации государственной бюрократии³⁵. Однако сравнительно невысокий результат на выборах 1935 г. в НЮУ, где ее кандидат собрал порядка 16% голосов, отправил Партию центра в политическую тень. Обращение Кэмпбелла к фашистской риторике стало концом его политической карьеры. Окончательно отойдя от пронацистской позиции в 1938 г., он был вовлечен в целую серию судебных разбирательств, связанных с его юридической практикой, и в политике больше не участвовал³⁶.

Все это подтверждает вывод историка Мэтью Каннингема, что индивидуализм НГ не позволяет однозначно назвать ее фашистской организацией, а такие атрибуты фашизма как антикоммунизм и морализм в итоге не перевесили британских ценностей. Конечным результатом стало «австралийское движение, глубоко проникнутое британскими ценностями, которое находилось под влиянием и взаимодействовало с более широким кругом правых и фашистских организаций по всей Европе и Империи», оставшись на периферии австралийской консервативной традиции³⁷.

Интеллектуалы: в ловушке национальной идеи

Если для государственных деятелей и военных на первый план выходили проблемы управления и политического урегулирования, то для австралийской интеллигенции начала XX в. главным был

³⁵ *Cunningham M. Op. cit. P. 389.*

³⁶ См.: *Amos K. Op. cit.* В 1965 г. Кэмпбелл опубликовал книгу воспоминаний, где предлагал свое видение событий 1930-х гг. и откровенно признавал глубокие симпатии к фашизму и его лидерам (*Campbell E. The Rallying Point: My Story of the New Guard. Melbourne, 1965*).

³⁷ *Cunningham M. Op. cit. P. 393.*

вопрос национального самосознания и места страны в мире³⁸. Попытки австралийских интеллектуалов ответить на донныне спорный вопрос, кто же такие австралийцы, дали повод ряду историков отнести их, как минимум, к фашиствующим элементам. В результате поиска истины даже классика австралийской литературы поэта Генри Лоусона, истинного патриота со сложной судьбой и не менее противоречивыми взглядами³⁹, впоследствии едва не записали в фашисты: «Если бы Лоусон писал в таком стиле сегодня, его определенно квалифицировали бы как фанатика, расиста и «наци» ... Лоусон выступал за белую расу, его народ и мощный национализм против коммунистической политики интеграции и интернационализма»⁴⁰.

Самой малосимпатичной – и вследствие этого уязвимой – чертой национализма в АС была доминировавшая в обществе приверженность британскому наследию. Аналитики 1930-х гг. подчеркивали: «Рост демократического самоуправления создал национальное самосознание, в котором будущее Австралии было связано с сохранением европейского стандарта уровня жизни, институтов и традиций, а они могли быть сохранены, только если население сохранялось бы однородным»⁴¹. Культурологический аспект представляется особенно важным для правильного понимания национального менталитета, когда понятие «свои – чужие» подразумевало, в том числе, и сохранение единства нации. Страна вплоть до конца прошлого столетия гордилась эгалитаристскими основами общества. Паритет труда и капитала поднял уровень жизни до одной из самых высоких планок в мире, и «белая Австралия», в первую очередь, защищая интересы рабочих, не препятствовала проживанию здесь представителям многих других этносов с условием быть австралийцем.

³⁸ См. об этом: *Петриковская А.С.* Культура Австралии XIX–XX вв. М., 2017.

³⁹ См. о нем: *Matthews B. Lawson, Henry (1867–1922)* // Australian Dictionary of Biography, National Centre of Biography, Australian National University. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/lawson-henry-7118/text12279>, published first in hardcopy 1986 (дата обращения 02.05.2020).

⁴⁰ *McQueen H.* A New Britannia: an Argument Concerning the Social Origins of Australian Radicalism and Nationalism. Ringwood, 1970. P. 104. Квинтэссенцией такого подхода можно считать монографию Дэвида Берда «Время сновидений Наци: австралийские поклонники гитлеровской Германии», получившей в 2012 г. широкий отклик в прессе АС (*Bird D.* Nazi Dreamtime: Australian Enthusiasts for Hitler's Germany. London, 2014).

⁴¹ *Wilkinson H.L.* The World's Population Problems and a White Australia. London, 1930. P. 227–228.

Однако вопрос, кто такой «динкем Оззи»⁴², давал почву для дискуссий. Исследователи отмечали, что австралийское сообщество было «основано на трех различных, но взаимосвязанных компонентах: расовой белизне, “британскости” и “австралийскости”»⁴³. Интеллектуалы 1930-х гг. как раз оказались в числе подозреваемых в симпатиях к фашизму по причине их запутанных поисков национальной идентичности австралийцев.

Одним из «обвиняемых» стал писатель, издатель и политический активист и «политический бунтарь» Перси Реджинальд Стивенсен, которого историки считали «интеллектуалом-националистом-поселенцем, выдающейся, но сложной и явно противоречивой фигурой» в австралийском культурном и политическом ландшафте предвоенных лет⁴⁴. В 1920-х гг. Стивенсен, будучи студентом Университета Квинсленда, познакомился с брисбенскими радикалами и интеллектуалами, воззрения и деятельность которых оказали на него большое влияние. Тогда же он вступил в КПА и уехал изучать философию, политику и экономику в Королевском колледже Оксфорда. Там он был дружен с О. Хаксли и Д.Х. Лоуренсом, редактировал первую версию «Любовника леди Чаттерли» и опубликовал сборник своих австралийских рассказов⁴⁵. Вернувшись домой в 1932 г., Стивенсен пробовал себя в издательском деле, стал активным полемистом и плодовитым писателем, опубликовав более 30 книг и переводы произведений В.И. Ленина и Фридриха Ницше. Его самой значительной работой было эссе «Основы культуры в Австралии», повлиявшее на поэтическое направление Джиндиу-робаков (Jindyworobak), участники которого пытались осуществить «духовное слияние с австралийской землей через усвоение культуры ее первообитателей – аборигенов»⁴⁶. Стивенсен стремился развивать самобытную австралийскую культуру. Он сочувствовал находившимся в униженном положении коренным австралийцам, восхвалял аборигенов как «наших замечательных предшественников». Тем не менее, именно его отсылки к расовым основам («расовая

⁴² Dinkum Aussie – *англ.*: настоящий, 100%-й австралиец.

⁴³ Mondon A. An Australian Immunization. P. 359.

⁴⁴ Tout D. Encountering Indigeneity: Xavier Herbert, 'Inky' Stephensen and the Problems of Settler Nationalism // Cultural Studies Review. 2017. Vol. 23. № 2. P. 148, 149.

⁴⁵ Munro C. Stephensen, Percy Reginald (1901–1965) // Australian Dictionary of Biography, National Centre of Biography, Australian National University. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/stephensen-percy-reginald-8645/text15115>, published first in hardcopy 1990 (дата обращения 16.04.2020).

⁴⁶ Петриковская А.С. Указ. соч. 2017. С. 52.

доктрина его австралийских единомышленников классифицировала австралийских аборигенов как арийцев, поскольку они определенно не были евреями») и дала основания считать взгляды Стивенсена «крайней разновидностью изоляционистского национализма», «антиподической разновидностью европейского фашизма»⁴⁷.

Начинания Стивенсена щедро финансировались известным меценатом Уильямом Джоном Майлзом – рационалистом и бизнесменом с весьма спорной репутацией. По словам его биографа, Майлз характеризовался «опасными навязчивыми идеями» и склонностью к необоснованным тратам⁴⁸. С 1935 г. имея годовой доход около 6 тыс. фунтов, он «посвятил себя секуляристской и шовинистической пропаганде», выпускал ежемесячник «Публицист», где пропагандировал монархические, профашистские, антисемитские, антикоммунистические и про-аборигенные взгляды. В 1938 г. его профашистские воззрения и деятельность были подвергнуты критике. Майлз хотел пробудить в австралийцах позитивное, согласно его представлениям, «чувство, особый австралийский патриотизм совершенно реалистического толка», который зародился еще в конце XIX в. в духе У.Ч. Уэнтворта и Г. Лоусона. Он считал, что «белая Австралия должна быть сохранена, национализм сознательно взращиваться и любая попытка умалить австралийскую автономию должна быть отвергнута». При этом придерживаясь идеологии стран Оси и установив связи с итальянскими фашистами, он видел в политическом союзе Австралии с Японией средство обеспечить себе эту автономию⁴⁹. С 1936 по 1942 гг. Майлз опубликовал 16 выпусков «Публициста». Стивенсена он нанял в качестве «литературного консультанта» и издал его «Основы культуры в Австралии», а также роман Ксавье Герберта «Каприкорния» (1938).

Этот роман возник как выражение протеста против исключения так называемых «полукровок» (метисов от смешанных браков белых и аборигенов) из поселенческой Австралии и как осуждение самих основ колониального строя. П. Стивенсен приветствовал его как «эпохальный Великий австралийский роман». Однако в то время как Стивенсен поддерживал гипотезу об «арийских аборигенах», подчеркивая предполагаемую расовую чистоту населения Австралии

⁴⁷ *Tout D.* Op. cit. P. 148, 149.

⁴⁸ *Cunneen C.* Miles, William John (1871–1942) // Australian Dictionary of Biography, National Centre of Biography, Australian National University. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/miles-william-john-7576/text13225>, published first in hardcopy 198 (дата обращения 16.04.2020).

⁴⁹ *Campion K.A.* "Lunatic Fringe". P. 5.

и полагая австралийскую национальную культуру наследницей «принадлежности к земле», Герберт видел потенциальную возможность «евроавстралийской интеграции» для своих соотечественников путем браков белых и аборигенов для преодоления нелегитимного статуса «чужака» и «захватчика»⁵⁰. Интересно то, что объективно политические позиции Стивенсена и Герберта в целом совпадали с деятельностью и устремлениями активистов-аборигенов того времени, а Майлз в 1937–1938 гг. финансировал Прогрессивную ассоциацию аборигенов, созданную Уильямом Фергюсоном и Джеком Паттеном⁵¹. Он встал, таким образом, в ряды первых борцов за права аборигенов и 26 января 1938 г. помог им организовать День траура и протеста – в противовес празднованию 150-летия начала британской колонизации Австралии. Тогда же Майлз выпустил в свет первую в АС газету для аборигенов, «The Abo Call», с лозунгом «Голос аборигенов», в шести номерах которой содержались новости, собранные Дж. Паттеном во время его путешествий по Австралии, и от корреспондентов со всей страны. Стивенсен же охотно поддержал и левое литературное объединение Братство австралийских писателей, активно участвовавших в борьбе КПА против войны и фашизма и осуждавших массовую культуру США. Они решительно противились, с присущими ей «комиксами, пропагандировавшими демонологию, колдовство и вудуизм, а также культом супермена». Стивенсен добавил по поводу популярных американских шоу, что «американскому негру с его джунглями здесь не рады», заодно отметившись и антисемитскими сентенциями⁵².

Главной загадкой для биографов Стивенсена был внезапный сдвиг его симпатий с левого фланга вправо. По словам Н. Бернса, случай Стивенсена был самым трагичным: начинал «как коммунист, закончил криптофашистом» (тайно симпатизирующий фашистам – Н.С.)⁵³. Роман с коммунизмом длился более десяти лет; интрижка с фашизмом закончилась менее, чем за пять. Московские процессы 1936–1938 гг. убедили его, что социалистическая революция перестала быть решением всех проблем. Разочаровавшись в демократии, он склонился к крайнему национализму, хотя бого-

⁵⁰ Tout D. Op. cit. P. 147.

⁵¹ См. о ней: Скоробогатых Н.С. Аборигены-правозащитники в истории Австралийского Союза. Часть 1. Трудный путь к равноправию // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М., 2019. Т. II. № 3(44). С. 160–175.

⁵² Munro C. Op. cit.

⁵³ См. рецензию Н. Бирнса на монографию Д. Берда "Nazi Dreamtime: Australian Enthusiasts for Hitler's Germany" (London: Anthem Press, 2014) // Journal of the Association for the Study of Australian Literature. 2014. Vol. 14. № 5.

творил скорее Ганди, чем Гитлера. Известны также его восторженные отзывы о политическом режиме Японии⁵⁴.

После того как Майлз отошел от дел, Стивенсен в 1941 г. основал движение «Австралия прежде всего» (АПВ), представляющую собой группу политического давления, основанную на программе Майлза. Будучи националистами, оба выступали за приоритет своей страны даже в рамках Британской империи – отсюда их лозунг «Австралия прежде всего» (*Australia First*). Большинство историков отрицательно оценивают деятельность АПВ, которое существовавшего в 1936–1942 гг. Это движение обычно характеризуют как антисемитское, антивоенное и произоляционистское, выступавшее за независимость Австралии от Британской империи, «за национал-социализм» и «за арийство против семитизма»⁵⁵.

Вокруг АПВ было немало известных в свое время лиц, среди них были и коммунисты, и нацисты, сторонники АЛП и ПЕА и даже радикалы из Шин Фейн. Эти люди исповедовали самые пестрые взгляды: от теософии до неоязычества (одинизма). Нельзя не отметить, что большинство из них были ирландцами, исповедовавшие католицизм. Среди близких знакомых Стивенсена были ведущие политики страны – Джон Кертин, Артур Колвелл, Джек Бизли, Р. Мензис, Перси Спендер, Арчи Камерон. Ненадолго АПВ привлекло в свои ряды феминистку Аделу Панкхерст, ее супруга – социал-демократа и видного профсоюзного деятеля Томаса Уолша, а также известных литераторов – К. Герберта, Элеонору Дарк и Майлз Франклин. Все они, с легкой руки Д. Берда, попали в число почитателей фашизма⁵⁶. К последователям пронацистских настроений стали причислять и поэтов-Джиндиуробаки, симпатизировавших аборигенам (неболее яркие представители которых, кстати сказать, открыто выступили в защиту проживавших в Германии евреев). Сторонницей нацистских взглядов объявили даже дружившую с семьей Стивенсена, но не разделявшую его взглядов писательницу Майлз Франклин. «Нацистским мечтателем» стал филолог-германист профессор Огастин Лодевик и его коллега по Мельбурнскому университету профессор Алан Чисхолм, и даже известный своими левыми симпатиями историк Чарлз Мэннинг Кларк, который, после путешествий по Германии «сохранил чуткое ухо для некоторых

⁵⁴ *Munro C.* Op. cit.

⁵⁵ *Winter B.* The Australia First Movement. Brisbane, 2005.

⁵⁶ Historian David Bird on why some Australians admired Nazi Germany // 2012. Sept., 25. URL: <http://www.abc.net.au/local/stories/2012/09/25/3597486.htm> (дата обращения 06.04.2020).

немецких национальных устремлений»⁵⁷. Впрочем, биографии этих ученых не дают оснований для таких выводов. Здесь проявилась явная предвзятость Д. Берда, ведь «то, что Мэннинг Кларк и Майлз Франклин были знакомы со последователями фашизма, вовсе не означает, что они были фашистами. Равным образом, то, что люди, которые были австралийскими националистами, ... демонстрировали энтузиазм по отношению к нацистской Германии, не означает, что все, кто так настроен, могут быть связаны с нацизмом»⁵⁸.

Итак, националисты-интеллектуалы были великими путаниками и очень импульсивными людьми, с трудом искавшими свой путь в стране, где родились и в которой сталкивались с такими трудноразрешимыми даже сегодня проблемами взаимоотношений представителей разных рас и культур. Простой выход политики «белой Австралии» был для них слишком прямолинеен и груб, а их тесное сотрудничество с правозащитниками-аборигенами никак не дает возможности отнести их даже к фашиствующим элементам. Скорее, стоит согласиться с отечественным исследователем А.С. Петриковской, что это были типичные австралийские почвенники, искавшие новую национальную идентичность в рамках сложившейся в стране модели общества⁵⁹. Если и есть, в чем их обвинять, то это антисемитизм и антикоммунизм, которыми, помимо фашистов, страдали и страдают многие, но на этом основании их никто не обвиняет именно в фашизме. Следует отметить также, что движение АПВ, хотя и имело определенное влияние в интеллектуальных кругах, так и осталось на периферии общественной жизни⁶⁰.

Этнические диаспоры: пятая колонна?

Стоит подчеркнуть, что в совокупности небританские иммигранты составляли в Австралии крошечное меньшинство. По переписи населения 1940 г. 99% из 6,6 млн населения страны были

⁵⁷ Цит. по: *Munro C. Fascism and Our Forefathers. A Historian Examines the Disturbing Fervour with Which Prominent Australians Supported Hitler's Extreme Right* // *The Sydney Morning Herald*. 2012. Aug., 25. URL: <https://www.smh.com.au/entertainment/books/fascism-and-our-forefathers-20120823-24n9a.html> (дата обращения 16.04.2020).

⁵⁸ См.: *Scott S. Chisholm, Alan Rowland (1888–1981)* // *Australian Dictionary of Biography, National Centre of Biography, Australian National University*. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/chisholm-alan-rowland-12315/text22121>, published first in hardcopy 2007 (дата обращения 03.05.2020); *Journal of the Association for the Study of Australian Literature*. 2014. Vol. 14. № 5. P. 3.

⁵⁹ *Петриковская А.С. Указ. соч. С. 52.*

⁶⁰ *Fleming A., Mondon A. Op. cit. P. 653.*

британцы или англо-кельты⁶¹. В силу уже этого фактора влияние сторонников фашистских режимов из диаспор в австралийском социуме было крайне ограниченным. Однако в 1930–1940-х гг. среди них нашлись люди, вступившие в ряды фашистской и нацистской партий и находившиеся на прямой связи с Берлином и Римом.

Раньше всех зарубежные организации фашистских партий Европы были образованы среди проживавших в АС **итальянцев**. Их к 1939 г. насчитывалось около 40 тыс. чел., 2/3 которых обособились в сельских районах (Риверине, Порт-Пири в Южной Австралии, Фримантле в Западной Австралии и в Северном Квинсленде). Среди них были как состоятельные бизнесмены, например, сотрудники судоходных компаний, издательств, так и фермеры, и разноработчие. Проживавшие в городах итало-австралийцы активно участвовали в политической жизни, издавали газеты и журналы на родном языке, создавали многочисленные культурно-просветительские общества. В Канберре, например, действовали отделения Клуба Марко Поло, Общества Данте Алигьери (ОДА) и Футбольный клуб Ювентус. Италиянцы «жили в почти полной изоляции от австралийского сообщества». Более того, контакты между отдельными итальянскими общинами практически отсутствовали. По данным на 1933 г. 43% представителей итальянской диаспоры в АС не могли изъясняться по-английски⁶². Социокультурные различия усугублялись экономическим соперничеством с англо-кельтами. Не редко, особенно в годы «великой депрессии», случались конфликты между итальянцами и англо-кельтами. Особый резонанс получили выступления профсоюзов в Северном Квинсленде, где до 75% сахарных плантаций принадлежали итальянцам. Потребовалось вмешательство высокопоставленных государственных чиновников, чтобы успокоить сограждан⁶³.

Дополнительную напряженность вносила деятельность итальянских фашистских организаций в Виктории, НЮУ и Западной Австралии. Подавляющее большинство мигрантов из Италии воспринимали действия и риторику дуче как попытку «защитить их экономические интересы и политические права». Австралийские итальянцы полагали, что идеи Муссолини помогут им противосто-

⁶¹ Рассчитано по: Official Year Book of the Commonwealth of Australia. 1933–1940. Canberra, 1940. P. 553.

⁶² The Australian People. An Encyclopedia of the Nation, Its People and Their Origins / ed. by J. Jupp. Cambridge, 2001. P. 500, 501, 502.

⁶³ Pyke N.O.P. An Outline History of Italian Immigration into Australia // The Australian Quarterly. 1948. Vol. 20. № 3. P. 106.

ять неприязненному отношению к их языку, традициям и религиозным взглядам со стороны значительной части местного населения⁶⁴.

Муссолини, как известно, считал, что итальянский эмигрант должен оставаться итальянцем, независимо от места проживания. В 1923 г. в Риме Национальной фашистской партией (НФП) была учреждена организация «Фаши Ал'Эстеро» (Fasci All'Estero), целью которой стало создание ячеек НФП за пределами Италии. Предполагалось образование некоего «фашистского интернационала». С 1928 г. итальянский МИД контролировал деятельность этой организации⁶⁵. Консулам поручалось содействовать проведению политики Муссолини и распространять знания о фашизме по всей Австралии через социальные клубы и общества⁶⁶. Большая часть существовавших в стране итальянских клубов и организаций (более 23) являлись профашистскими по характеру и вели активную пропаганду своих идей. В стране действовали ячейки НФП, а также их молодежные и женские отделения. Пропаганда велась на деньги состоятельных местных бизнесменов-итальянцев, а также на средства, перечисляемые правительством Италии. Члены НФП возглавляли итальянские клубы, культурные ассоциации, такие как ОДА, итальянскую прессу и судоходные компании⁶⁷.

Однако большинство простых итало-австралийцев не спешили вступать в ряды фашистов. Достаточно сложной оказалась попытка собирать финансовые пожертвования, поскольку большинство представителей итальянской диаспоры были бедны. Дело спасло активное участие небольшой группы старых переселенцев, которые разбогатели на торговых операциях между АС и Италией. Остальных членов фашистских ячеек в большей степени привлекали установившиеся в них традиции взаимопомощи и совместного проведения праздников. До 1936 г. активность НФП в АС не вызывала у властей особого беспокойства. В собраниях участвовали порядка 400 чел. Залы украшались итальянским и австралийским флагами, портретами дуче и короля Георга. Среди присутствующих были и местные начальники полиции, советники и другие официальные лица⁶⁸. Офи-

⁶⁴ The Australian People. An Encyclopedia. P. 502.

⁶⁵ Brown D. The Case of the Brisbane Fascio: the Transnational Politics of the Italian Fascist Party // History Australia. 2009. Vol. 6. № 1. P. 05.2.

⁶⁶ Pyke N.O.P. Op. cit. P. 107.

⁶⁷ Cresciani G. A not so Brutal Friendship. Italian Responses to National Socialism in Australia // Altreitalie. 2007. Vol. 34. P. 5.

⁶⁸ O'Connor D. Viva il Duce: The Influence of Fascism on Italians in South Australia in the 1920s and 1930s // Journal of the Historical Society of South Australia. 1993. Vol. 21. P. 12.

циальное же членство НФП с 1930 по 1940 гг. в Брисбене, например, не превышало 30 чел., при том, что штат имел самое большое итальянское население. Среди лидеров встречались как вполне умеренные (президент Брисбенского Фашио врач Джованни Батталья не был яростным сторонником этой идеологии), так и преданные фашисты (сиднейский глава Фашио Фелисе Рандо или предприниматель из Брисбена Филиберто Квалья). Популяризации идей фашизма в Квисленде в немалой степени способствовала его демонстративная связь с католицизмом и итальянским национализмом⁶⁹.

Среди активистов итальянской общины выделялся, пожалуй, сэр Рафаэль Уэст (Рэй) Чиленто, итальянский мигрант в 3-м поколении, врач и директор Австралийского института тропической медицины, чиновник в министерстве здравоохранения, профессор Университета Квинсленда. Последний в своей книге «Белый человек в тропиках» (1925) открыто защищал политику «белой Австралии». Посвященный в рыцари в 1935 г., он участвовал в создании государственной медицинской системы, проводил исследования в области состояния здоровья аборигенов. Во время Второй мировой войны он попал под подозрение спецслужб АС из-за слухов о его связях с фашистским правительством Италии и такими организациями, как ОДА, которые он сам и его родные упорно отрицали⁷⁰.

Сам по себе консерватизм не был чем-то криминальным, но спецслужбы и военная разведка хорошо знали о фашистских контактах Чиленто. Документы 1936–1942 гг. содержат его переписку с генеральным консулом Италии в АС Паоло Вита-Финци, в обязанности которого входила организация и контроль разведывательной деятельности. Помимо перевода денег для «облегчения страданий» раненых в Абиссинии итальянских солдат, в 1936 г. Чиленто занял пост президента Брисбенского отделения ОДА, «полностью осознавая роль, которую играет общество в служении фашистской политике». ОДА было вспомогательной организацией НФП по распространению фашистской пропаганды, и Чиленто, как президент, стал важнейшим связующим звеном между фашистами и местной общественностью. «Едва ли мне нужно говорить, – писал он Вита-Финци, – что я был бы чрезвычайно польщен и счастлив, если бы мне выпала честь выразить этим или каким-либо другим способом

⁶⁹ Brown D. Op. cit. P. 05.3, 05.9.

⁷⁰ Finnane M. Cilento, Sir Raphael West (Ray) (1893–1985) // Australian Dictionary of Biography, National Centre of Biography, Australian National University. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/cilento-sir-raaphael-west-ray-12319/text22129>, published first in hardcopy 2007 (дата обращения 24.04.2020).

свое восхищение и почтение фашистской Италии». Как отмечала в своем комментарии австралийская разведка, «Заявление, сделанное британским рыцарем в знак почтения фашистской Италии, не оставляет сомнений в его чувствах и может быть истолковано только как акт измены»⁷¹. Чиленто отмечал итальянские праздники, водрузив фашистский флаг около своего дома в Брисбене. К слову сказать, и нацистские представители в АС отмечали, что «наш старый друг... великий дипломат и очень умный человек ... был доброжелателен к нам во все времена, в том числе и во время войны»⁷². Однако заступничество его покровителей – инспектора федерального отдела расследований Р.Ф.Б. (Боба) Уэйка и политика из Лейбористской партии Квинсленда Э.М. (Неда) Хэнлона – спасло Чиленто от судебного преследования и обвинения в государственной измене⁷³.

К числу сторонников фашизма относят и архиепископа Дьюига: «ни один другой епископ в Австралии не заходил так далеко, как он, сотрудничая с фашистскими властями». В 1927 г. Дьюиг встретился с Муссолини, которым он очень восхищался и публично хвалил; в 1935 г. поддержал вторжение Италии в Абиссинию, выступал против санкций Лиги Наций, был награжден орденом Короны Италии, вторым высшим рыцарским орденом в фашистской Италии, став первым австралийским гражданином, который был его удостоен. Он постоянно защищал интересы итальянских переселенцев в Австралии и был покровителем Брисбенского ОДА⁷⁴.

Однако другие доступные источники никак не упоминают о фашистских пристрастиях архиепископа, отмечая его заслуги перед католической церковью, итальянской общиной, которую он окормлял духовно, и Университетом Квинсленда. Сэр Джеймс Дьюиг, архиепископ Брисбена в течение 48 лет (1917–1965), запомнился современникам как человек невероятной активности, который вел обширную строительную программу (более 400 зданий, включая больницы и образовательные, благотворительные и религиозные учреждения в Брисбене), за что получил прозвище «Дьюиг-Строитель». Он создал более 50 новых приходов и ввел 20 новых орденов религиозных братьев и сестер, и в 1959 г. был удостоен рыцарского звания, став первым римско-католическим архиепископом в Австра-

⁷¹ Deery P., Kimber J. "Bordering on Treason"? Sir Raphael Cilento and Pre-Second World War Fascism in Australia // Australian Journal of Politics and History. 2019. Vol. 65. № 2. P. 183–184.

⁷² Cresciani G. Op. cit. P.20.

⁷³ Deery P., Kimber J. Op. cit. P.189, 190, 191.

⁷⁴ Ibid. P. 185.

лии, удостоенным такой чести. Его биограф настаивал, что «Дьюиг был политически нейтрален в партийных распрях», хот выступал против «социализма в его наиболее догматических формах»⁷⁵. Скорее всего, он симпатизировал своей итальянской пастве и как прелат католической церкви был антикоммунистом, что и дало основания считать его исчадием фашистского ада.

Однако присутствие Фаши в городах АС не добавляло спокойствия. В начале 1934 г. в Западной Австралии произошли беспорядки в Калгурли: фашисты стали более радикальными и агрессивными⁷⁶. Их активность встретила решительное противодействие антифашистов из числа все тех же итальянских иммигрантов: анархистов и членов Коммунистической партии Италии или Социалистической партии, которые нападали на членов фашистских организаций. Под их горячую руку попадали даже итальянские дипломаты: графа Габрио ди Сан-Марцано – итальянского консула в Брисбене, неоднократно избивали и оплевывали во время его визитов по Квинсленду. Враждебность к фашизму усилилась после вторжения Италии в Эфиопию, на демонстрации антифашистов собрались до 500 человек, скандировавшие «Долой Муссолини!»⁷⁷.

Отношение большинства австралийцев к итальянцам было как минимум настороженное: «в австралийском обществе существовало ошибочное мнение, что быть итальянцем автоматически означало быть фашистом». Власти страны также считали, что клубы иностранцев, итальянцев, в частности, нежелательны. В 1938 г. австралийское правительство было предупреждено британской разведкой о возможности участия итальянских фашистских организаций в подрывной деятельности в Австралии. «Имеются достоверные сведения, – предупреждал Лондон, – свидетельствующие о том, что Фаши Аль-Эстеро ... организованы таким образом, чтобы итальянское правительство могло использовать их в диверсионных целях»⁷⁸. Впрочем, даже в 1939 г. Отдел расследований

⁷⁵ См.: *Lyneham M.* Who was James Duhig? // Internet Archive, The University of Queensland, Australia. 2002. Oct. URL: <https://web.archive.org/web/20080801023022/https://www.library.uq.edu.au/about/duhig.htm>; *Boland T.P.* Duhig, Sir James (1871–1965) // Australian Dictionary of Biography, National Centre of Biography, Australian National University. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/duhig-sir-james-6034/text10315>, published first in hardcopy 1981 (дата обращения 02.05.2020).

⁷⁶ *Pyke N.O.P.* Op. cit. P. 108.

⁷⁷ *Cresciani G.* The Proletarian Migrants: Fascism and Italian Anarchists in Australia // *The Australian Quarterly*. 1979. Vol. 51. № 1. O'Connor D. Op. cit. P. 17.

⁷⁸ *Cresciani G.* A not so Brutal Friendship. P. 17.

АС полагал, что «фашизм – это скорее фантом, чем реальность... Итальянские поселенцы на 95% состоят из грубых, неграмотных крестьян, выходцев из сельской Италии, и для подавляющего большинства из них фашизм – это просто слово, значение или политическую философию которого они не в состоянии понять. Только 6% итальянцев в Австралии – зарегистрированные фашисты ... из них только 10% – подлинные фашисты по убеждению и бывшие боевики из Италии, 15% – просто оппортунисты, которые присоединились к ним из страха или в надежде на материальные выгоды, в то время как остальные 75% связались с фашизмом по сентиментальным причинам, симпатизируя движению, которое, как они искренне верят, возродило Италию»⁷⁹.

Крупные колонии переселенцев из Германии к началу XX в. возникли по всему миру, и в АС также существовали многочисленные поселения потомков **немцев**, прибывших сюда еще в 1850-е гг. и занимавшихся виноградарством, а затем и смешанным земледелием. Это были большие землячества со своим школами и внутренней жизнью, которые «в целом производили благоприятное впечатление» на соседей-австралийцев. В некоторых округах в 1938 г. 75% жителей имели немецкое происхождение. Согласно характеристике местных чиновников, они были «бережливыми людьми и отличными земледельцами». Главное беспокойство властей вызывала языковая проблема: использование немецкого языка, по их убеждению, делало невозможной даже постепенную ассимиляцию представителей этой диаспоры⁸⁰.

Поскольку Германия в первой половине XX в. занимала враждебные позиции в отношении Великобритании, это автоматически сказалось на положении этнических немцев в АС. Во время Первой мировой войны в Австралии были интернированы около 4 тыс. лиц немецкой национальности. В основном это были люди, либо не имевшие австралийского гражданства, либо те, кого власти подозревали в шпионаже и антигосударственной деятельности⁸¹. После окончания войны настороженное отношение к немцам сохранялось. С 1925 по 1930 гг. была запрещена германская иммиграция в Австралию. По данным переписи населения 1940 г., в стране

⁷⁹ *Cresciani G.* A not so Brutal Friendship. P. 8.

⁸⁰ *Pennay B.* An Australian Berlin and Hotbed of Disloyalty: Shaming Germans in a Country District during Two World Wars // *Journal of the Royal Australian Historical Society.* 2006. Vol. 92. № 1. P. 16, 21.

⁸¹ *Bonnell A.G.* German Immigrants to Australia: Multiple Horizons and Identities // 3rd International Symposium on International Migration and Qiaoxiang Studies 2014, Jiangmen, China, 11–14 December, 2014. Jiangmen, 2014. P. 207.

проживало около 17 тыс. лиц немецкого происхождения (с мигрантами во 2-м и 3-м поколениях эта цифра вырастала примерно до 60 тыс. чел.). Они жили в основном в крупных городах восточной Австралии, Бендиго и Балларате в Виктории и в долине Баросса в Южной Австралии. При этом отмечалась высокая доля межэтнических браков: в 1923–1940 гг. 62,5% немецких невест выходили замуж вне диаспоры и 38% выбирали австралийского спутника жизни. Лютеранская церковь и немецкий язык как основные показатели этничности сокращались: в 1933 г. в Квинсленде из почти 4 тыс. на немецком только говорили всего 496 чел.; аналогичная картина наблюдалась и в других штатах. Помимо церкви, немецкие клубы, численность членства в которых варьировалась от 200 до 300 чел., способствовали сохранению этничности, но, по свидетельству современников, их влияние было незначительным⁸².

Однако убеждение нацистов, что кровь и раса делают всех немцев естественными союзниками, привело к тому, что еще в 1931 г. Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП) создала Зарубежную организацию нацистской партии (Аусландс-организация, или АО) с целью создания филиалов партии для пропагандистской и подрывной работы среди немцев за пределами Германии. Неофициальным главой каждого зарубежного землячества стал местный немецкий консул или дипломатический представитель. АО работало с чисто немецкой педантичностью, куда более четко, чем итальянские *Fasci all'Estero*. Особенно активной ее деятельность приняла после того, как организацию возглавил Эрнст Вильгельм Боле. Однако он категорически отрицал, что его группы вмешивались в дела принимающих их стран. При этом Боле подчеркивал, что они были «посланниками доброй воли» и Гитлера, «защитниками мира – мира для Германии и мира для всего мира»⁸³.

В АС отделения НСДАП появились в крупных немецких общинах вместе с аффилированными организациями: Трудовой фронт, женские, молодежные группы и т.п. Членами партии становились только германские граждане. Элита немецкого делового сообщества (торговцы шерстью, руководители и сотрудники немецких компаний в Австралии – Krupp, AEG, Bayer, Siemens, Leicagraph и IG Farben) составляла ее костяк, финансируя деятельность общины, поддерживая контакт со штаб-квартирой партии в Рейхе, активно участвуя в коммерческом шпионаже и получая деньги из Германии

⁸² The Australian People. An Encyclopedia. P. 373.

⁸³ McKale D.M. The Swastika outside Germany. Kent (Ohio), 1977. P. 2, 3, 5, 131.

для финансирования подрывной деятельности⁸⁴. Одним из самых активных был Иоганнес Генрих Беккер, практикующий врач и ветеран Первой мировой войны, в 1927 г. эмигрировавший в Южную Австралию. С 1932 по 1936 г. он возглавлял отделения НСДАП в АС и южной части Тихого океана, но, обладая неуживчивым характером, не сумел наладить рабочих контактов даже с доктором Рудольфом Асмисом, немецким генеральным консулом в Сиднее⁸⁵. Асмис «проводил стратегию “тонкого проникновения” для установления контроля над германо-австралийскими институтами, чтобы “привести их в соответствие” с нацистской моделью». Однако результаты были невелики, дипломаты жаловались на отсутствие «активной кооперации» и «финансовых взносов», низкий уровень подписки на нацистские газеты, скандалы и склоки внутри клубов. Германские чиновники знали, что «немецкие клубы в Австралии состояли на 98% из людей немецкого происхождения, но австралийской национальности. Таким образом, влияние членов нашей партии численно составляет лишь от 1% до 2%»⁸⁶. Вместе с тем, преданные члены НСДАП выполняли свои функции исправно, и австралийская служба безопасности знала их поименно.

Большой удачей для Австралии было то, что отношения между итальянскими и немецкими иммигрантами – и соответственно между фашистскими и нацистским дипломатами – в 1933–1939 гг. нельзя было назвать дружественными. У них не было никакой общей стратегии или обмена разведывательной информацией. Языковой барьер, социальные, образовательные и экономические различия и взаимное неприятие мешали контактам и сотрудничеству. Итальянцы с трудом понимали нацистскую антиеврейскую кампанию. Когда в декабре 1935 г. Антонио Баккарини, президент ОДА в Сиднее и убежденный фашист, представил германскому генеральному консулу план сотрудничества, ему коротко ответили: «Герр Баккарини, предлагаемое сотрудничество нас не интересует»⁸⁷. С началом войны симпатии к Германии и вовсе пошли на убыль, свастики были убраны из помещений клубов, политические дискуссии были запрещены, посещаемость в немецких школах была крайне низкая. Д-р Асмис констатировал, что только 12% лютеранских пасторов были настро-

⁸⁴ *Cresciani G.* A not so Brutal Friendship. P. 14, 16.

⁸⁵ *Perkins Jh.* Becker, Johannes Heinrich (1898–1961) // Australian Dictionary of Biography, National Centre of Biography, Australian National University. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/becker-johannes-heinrich-9467/text16653>, published first in hardcopy 1993 (дата обращения 24.04.2020).

⁸⁶ *Cresciani G.* A not so Brutal Friendship. P. 6–7.

⁸⁷ *Ibid.* P. 11.

ены «пронацистски». Провал своей политики среди германо-австралийцев консул признал безоговорочно⁸⁸.

Еще одной диаспорой, которая попала в поле зрения австралийских спецслужб по подозрению в симпатиях к фашизму, стали **русские**. До Первой мировой войны из нашей страны в АС в основном приезжали либо экономические, либо политические эмигранты – беженцы от царского режима. Вторая волна политических эмигрантов – «белые русские» – прибыли сюда после победы революции 1917 г. через Китай, и большинство их осело в Квинсленде. И если большевики либо вернулись в Советскую Россию, либо были высланы туда же властями АС за подрывную пропаганду и работу, то белогвардейцев высылать было некуда. К 1940 г. русская диаспора насчитывала порядка 5 тыс. человек⁸⁹.

Ситуация, в которой оказались ее представители, по большей части молодые мужчины – недавние офицеры белых армий – была сложной: слабое знание английского языка, чужая культурная среда, тяжелый, преимущественно физический труд, не соответствовавший полученному на Родине образованию. Их политические взгляды отличались пестротой: «русская община в Австралии в 1920–1930-х гг. демонстрировала мало политического единства» и включала в себя как монархистов со всеми их предрассудками – от естественной ненависти к большевизму до оголтелого антисемитизма, – так и республиканцев⁹⁰. Накал страстей, «религиозных и личностных антагонизмов», «во многих случаях приближался к паранойе»: любого левого могли объявить «красным», либералы становились большевиками, умеренные консерваторы осуждались как «фашисты»⁹¹. В этой связи российский историк, профессор А.Я. Массов справедливо отмечал, что «вопрос о распространенности профашистских взглядов среди русских эмигрантов в Австралии до сих пор изучен недостаточно». Однако он и большинство его коллег согласны с тем, что лишь «крошечное меньшинство русских, живших в Австралии, приняло идеологию фашизма»⁹².

⁸⁸ The Australian People. An Encyclopedia. P. 375.

⁸⁹ О судьбах представителей этих волн русской эмиграции рассказал в своих монографиях А.Ю. Рудницкий (*Рудницкий А.Ю. Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории. М., 1991 (главы IV и V); Артемов Ю. Русская революция в Австралии и сети шпионажа. СПб, 2017.*

⁹⁰ The Australian People. An Encyclopedia. P. 639.

⁹¹ Perkins Jh. Fascism and the Russian Community in Interwar Queensland // Journal of the Royal Historical Society of Queensland. 1994. Vol. 15. № 8. P. 395.

⁹² Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания / отв. ред. и сост. В.Ю. Жуков. СПб., 2011. С. 140.

В основном такие люди ориентировались на Русскую фашистскую организацию (РФО) в Харбине: в 1936 г. ее отделения существовали в Брисбене и Тангуле. Брисбенское отделение РФО поддерживало самые тесные связи с единомышленниками как в АС, так и за его пределами. Члены РФО собирались в местном немецком клубе вплоть до его закрытия в сентябре 1939 г. В 1939 г. служба безопасности страны считала, что не более 40 человек из 3 тыс. русских в Квинсленде были «запятнаны связями с фашистами». В 1941 г., по словам агентов, у русских существовали «только маленькие организации, и ни одна из них не развивается сколько-нибудь успешно»⁹³. При этом стоит учесть и профессиональную малоопытность австралийской службы безопасности. Так, при обыске офицер спросил хозяина, попавшего под подозрение, не является ли икона Христа на стене «портретом Распутина». Поскольку члены русской общины, дававшие порой противоречивые и надуманные показания, были основным источником информации спецслужбы, та в результате оказывалась в тупике: одного и того же человека один агент «описывал как фашиста, в то время как другой агент определенно утверждал, что ... он просто глуп»⁹⁴.

Создателем отделения РФО в Брисбене был А.К. Витте, живший там в 1925–1938 гг. Его преемником на этом посту стал И.П. Рождественский, кадровый военный, подполковник в войсках адмирала Колчака в Сибири, работавший потом в администрации КВЖД. Обосновавшись в Таунсвилле в 1925 г., он сменил множество профессий, пока не остановился на ремесле парикмахера. Люто ненавидевший советскую власть и наладивший контакты с Немецким клубом и корреспондентами в Берлине, Токио и Харбине, в 1938 г. Рождественский оказывал местным нацистам помощь в организации торжеств в день рождения Гитлера. Он откровенно писал жене, что при том, что готов поддерживать «деловые отношения» с немцами, ему гораздо интереснее использовать эти контакты для собственных целей. Число участников его группы не превышало 20–30 человек⁹⁵.

Свято-Николаевский храм в православном приходе Брисбена был центром местной русской общины, где близко знакомый Рождественскому о. Валентин Антоньев служил настоятелем. И если Рождественский хоть как-то был связан с нацистами, то батюшка может служить, пожалуй, примером лишь чрезмерного усердия австра-

⁹³ Цит. по: Русская эмиграция и фашизм. С. 152, 158, 160.

⁹⁴ Perkins Jh. Fascism and the Russian Community. P. 395.

⁹⁵ Ibid. P. 401; Русская эмиграция и фашизм. С. 161.

лийских спецслужб в поиске врагов. Как пишет его австралийский биограф, В.А. Антоньев, участник Первой мировой и Гражданской войн, был дважды ранен и трижды награжден орденами, покинул Россию. В 1927 г. его семья обосновалась в Брисбене, где он со временем возобновил свое служение и в течение трех лет даже исполнял обязанности главы РПЦ в Квинсленде, а в 1932 г. был утвержден в должности протоиерея и настоятеля собора Святого Николая в Брисбене и в 1939 г. натурализован⁹⁶. Однако донесения офицеров разведки и полиции в 1940 г., опиравшиеся на «надежные источники», инкриминировали протоиерею Антоньеву хранение фотографии Гитлера и считали его «лидером русской национал-фашистской группы в Квинсленде». Информатор Гзель (возможно, это журналист А.А. Гзель, прибывший в Квинсленд в 1923 г.)⁹⁷, обвинял священника в краже ценной книги и на этом основании просил привлечь его к ответу вместе с другими членами «пронацистской группы или ячейки в русской общине» в количестве трех человек⁹⁸.

Антоньев, человек непростого склада, прилагал поистине нечеловеческие усилия для защиты своих прихожан от распространения вируса «сатанинского большевизма» и открыто вступал в политические дискуссии, нажив врагов задолго до того, как заговорили о фашизме. Он утверждал, что «сделает все, что в силах, чтобы сокрушить существующий в России строй Сталина и его партию, а также весь большевизм на Земле». К слову, о. Валентин также призывал уничтожить и фашистский режим, проводя весьма замысловатую параллель: «Малярию используют для лечения сифилиса. Обе болезни малоприятны. И оба этих вируса, в конце концов, погибают, когда пациент излечивается. Я использую это сравнение в отношении Германии и России. Под малярией я подразумеваю Германию, а под сифилисом большевизм»⁹⁹.

Ядром оппозиции Антоньеву были члены местного отделения Российского имперского союза, организации, которая сама проводила по меньшей мере квазифашистскую и антисемитскую политику, была «против еврейского ига в России», не терпела «никакого компромисса с еврейской марксистской революцией», выступала за

⁹⁶ Gibson D.A. Antonieff, Valentin Andreevich (1877–1962) // Australian Dictionary of Biography, National Centre of Biography, Australian National University. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/antonieff-valentin-andreevich-5041/text8395>, published first in hardcopy 1979 (дата обращения 02.05.2020).

⁹⁷ См. о нем: Кравцов А.Н. Русская Австралия. М., 2011. С. 145, 149.

⁹⁸ Русская эмиграция и фашизм. С. 145, 146.

⁹⁹ Там же. С. 168–169.

«национальную диктатуру». Существенными отличиями его программы от программы РФО были поддержка реставрации монархии и противодействие сотрудничеству с Японией¹⁰⁰.

Трудно не согласиться с выводом специалистов, что вовлеченность русской общины Квинсленда в политическую деятельность фашистского толка была крайне незначительна и не представляла для Австралии реальной угрозы. По словам известного русиста, профессора Квинслендского университета Томаса Пула, «русский фашизм в Квинсленде был “химерой”... Мешанина из антикоммунистических, антибританских, антимасонских и иногда антисемитских лозунгов никогда не поднималась до уровня внятной или хотя бы сколько-нибудь последовательной идеологии, и часто отдельные ее составляющие противоречили друг другу»¹⁰¹. Скорее, в рядах диаспоры наблюдался «синдром РОА генерала Власова»: с кем угодно против большевистского режима в России – что особенно ярко проявилось с началом Второй мировой войны.

Советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. привел русское общество в замешательство, а «впечатляющие успехи» Гитлера в 1940 г. воодушевили тех, кто решил, что это поможет свержению презираемой ими большевистской системы. Согласно отчету спецслужб, в октябре 1941 г., «фашистская пропаганда была настолько успешной, что 80% белой русской общины в Брисбене теперь можно считать фашистской»¹⁰². В противовес просоветской организации «Медицинская помощь России» и Российскому движению Красного Креста, мобилизовавшим средства для оказания помощи населению СССР, о. Валентин собирал деньги и одежду для перевоспитания русских на оккупированных немцами территориях. Однако ожесточенное сопротивление русских немецкому вторжению меняли настроения в среде эмиграции: симпатии к родной стране стали преобладать. Судьбы лиц, связанных с нацизмом, правительство АС стало решать иными способами.

Власти интернируют неблагонадежных иностранцев

Отношение властей к крайне правым группировкам варьировалось от интереса и наблюдения до жесткого подавления после начала Второй мировой войны. В 1936 г. в ответ на усилившуюся активность отделений НСДАП в Сиднее и Аделаиде министр иностранных дел Австралии сэр Джордж Фостер Пирс предупредил,

¹⁰⁰ Perkins Jh. Fascism and the Russian Community. P. 403.

¹⁰¹ Русская эмиграция и фашизм. С. 174.

¹⁰² Perkins Jh. Fascism and the Russian Community. P. 403.

что его правительство рассматривает возможность запрета этих групп¹⁰³. В 1938 г. британская служба безопасности предупредила австралийских коллег что, «хотя члены итальянской фашистской организации, возможно, работают менее методично, чем их немецкие соратники, очевидно, что они также предоставляют итальянскому правительству готовый механизм для опасных действий в британских странах в случаях чрезвычайных ситуаций». Отдел расследований АС знал об этой угрозе, внедрил агентов и информаторов в обе общины и получал сведения напрямую¹⁰⁴. С учетом деятельности местных ячеек НСДАП в Европе, которые оказывали помощь вторгшимся немецким войскам, у властей были основания для серьезного беспокойства.

Одним из первых действий правительства Р. Мензиса в 1939 г. стали меры по обеспечению внутренней безопасности: контроль за передвижениями иностранцев и интернирование всех подозрительных лиц. До 1940 г. были арестованы только активисты НСДАП и НФП. С началом войны на Тихом океане началась «всеобъемлющая политика интернирования враждебных иностранцев, проживающих в Австралии», под которую попали 98% всех японцев, 31% итальянцев и 32% немцев¹⁰⁵.

В лагерях для интернированных оказались практически все персонажи моей статьи. Разгром оказавшегося недолговечным движения АПВ был вызван не столько их фашистскими и нацистскими устремлениями, сколько обвинением в тесной связи с японцами, которое стало результатом провокации военной разведки. В 1942 г. четверо членов АПВ в Перте и шестнадцать в Сиднее были арестованы по подозрению в оказании помощи японским захватчикам. Двое были осуждены за участие в заговоре с целью оказания помощи врагу, остальные были интернированы на время военных действий. П.Р. Стивенсен разделил эту участь с другими членами АПВ. Когда стало ясно, что между этим «заговором» и Стивенсеном нет связи, в федеральном парламенте раздалась критика в адрес лейбористского правительства. Однако до конца войны его держали без суда и следствия в различных лагерях для интернированных. Адела Панкхерст и Томас Уолш попали под арест за призывы

¹⁰³ *McKale D.M.* The Nazi Party in the Fast East, 1931–45 // *Journal of Contemporary History*. 1977. Vol. 12. № 2. P. 299.

¹⁰⁴ *Cresciani G.* A not so Brutal Friendship. P. 16.

¹⁰⁵ *Winter C.* Removing Danger: the Making of 'Dangerous Internees' in Australia // *Home Fronts: Britain and the Empire at War, 1939–45* / eds by M.J. Crowley, S.T. Dawson. Woodbridge, 2017. P. 206–223.

заключить торговое соглашение с Японией, поскольку полагали, что эта страна будет лучшим торговым партнером для Австралии, чем США¹⁰⁶.

Были интернированы 4,7 тыс. итало-австралийцев, попавших в поле зрения полиции человек – включая антифашистов и евреев; но более 14 тыс. не тронули, а с 1940 г. интернированным разрешили обращаться с апелляциями в специально созданный для этого трибунал. К 1944 г. в лагерях оставались только 177 итальянцев¹⁰⁷. Их участь разделили немцы, которые были членами или тесно связаны с НСДАП.

Австралийские власти первоначально размещали интернированных в лагерях по этническому принципу, но вскоре с удивлением обнаружили, что между политически близкими группировками вспыхивают конфликты и беспорядки. Находясь в лагерях, интернированные фашисты и нацисты продолжали вести свою пропаганду, читали лекции по национал-социализму товарищам по несчастью. Такая же ситуация сложилась и в итальянских лагерях, где члены НФП носили «свои фашистские значки, ... и велели интернированным не верить тому, что они читают в австралийских газетах». Саботаж, поломка сельскохозяйственной техники и неподчинение были обычным явлением среди немецких и итальянских сторонников фашистских режимов¹⁰⁸. Поэтому следующим шагом по отношению к ним стала депортация. Так, И. Беккер в 1947 г. депортирован в Западную Германию, где прожил до своей смерти в 1961 г., что, впрочем, не помешало его сыну, Хейни Беккеру быть членом парламента Южной Австралии с 1970 по 1997 гг.¹⁰⁹

Досталось и русским: в 1942 г. «20–30 членов крайне реакционных групп были обвинены в фашизме и интернированы»¹¹⁰. Еще в августе 1939 г. после подписания пакта Молотова – Риббентропа И. Рождественский испугался преследований, сжег свои записи

¹⁰⁶ Munro C. Op. cit.; Hogan S. Pankhurst, Adela Constantia (1885–1961) // Australian Dictionary of Biography, National Centre of Biography, Australian National University. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/pankhurst-adela-constantia-9275/text15787>, published first in hardcopy 1990 (дата обращения 16.04.2020).

¹⁰⁷ The Australian People. An Encyclopedia. P. 504.

¹⁰⁸ Cresciani G. A not so Brutal Friendship. P. 21.

¹⁰⁹ Perkins Jh. Becker, Johannes Heinrich (1898–1961) // Australian Dictionary of Biography, National Centre of Biography, Australian National University. URL: <http://adb.anu.edu.au/biography/becker-johannes-heinrich-9467/text16653>, published first in hardcopy 1993 (дата обращения 16.04.2020).

¹¹⁰ The Australian People. An Encyclopedia. P. 639.

и отделился от представительства РФС в Харбине. Однако когда в 1942 г. он поинтересовался информацией о количестве и типах военной техники в Квинсленде, разведка сочла, что он «и его друзья ... чересчур опасны, чтобы сейчас оставлять их на свободе без наблюдения». Без каких-либо судебных разбирательств его арестовали, и Рождественский до 1945 г. успел поменять свои взгляды и на Гитлера, и на Сталина, и на целесообразность «борьбы за свободу» России¹¹¹. Среди арестованных в Брисбене был и В. Антоньев, а также 10 прихожан, подписавших еще в 1937 г. петицию в защиту своего священника. В лагере Лавдей в Южной Австралии старый и больной о. Валентин жаловался: «Я все еще за колючей проволокой. За что? За то, что называл коммунизм богопротивной и антихристианской идеологией? Но это правда ... Повторяю, я австралийский верноподданный». Только в 1944 г. власти освободили его – после вмешательства самого Р. Мензиса, греческих православных прелатов и генерального прокурора Г.В. Эватта¹¹².

Фашизм как наиболее грубая и прямолинейная форма правления всегда находил и находит своих приверженцев. И АС в 1920–1930-е гг. не стал исключением: это было время роста интереса австралийцев к опыту и практике Италии и Германии. Однако европейские модели фашизма не могли пустить глубокие корни в австралийском обществе. Если же говорить об оказавшихся наиболее «чувствительными» к этому социальных группам, то политический класс АС главным образом интересовала экономическая политика режимов упомянутых стран. Тем не менее, политики Австралии были плоть от плоти британской системы, их взрастившей – и увлечение фашизмом обычно оставалось недолгим. Военные также остались верны «трону и Империи», и их могла привлечь разве что солдатская прямолинейность и жесткость в отстаивании этих ценностей. Австралийская интеллигенция, так и не сумев найти четкого пути к самоидентификации, не пошла в своих поисках дальше почвенничества, некоторые культурологические компоненты которого расценивались их оппонентами как фашистские. Диаспоры выходцев из стран, в которых существовали режимы фашистского типа, были малочисленны и разобщены, и в их среде доморожденные фашисты составляли ничтожное меньшинство. Большинство же населения страны выступали за изоляци-

¹¹¹ Русская эмиграция и фашизм. С. 162, 163.

¹¹² Там же. С. 172–173.

онизм – невмешательство в дела Европы. С началом Второй мировой войны, показавшей самые неприглядные стороны фашизма и нацизма, даже зачатки увлечения ими быстро сошли на нет.

Причины слабости рассматриваемого феномена в АС были многоплановы. В первую очередь, это сама британская природа доминирующего общества: вековые традиции парламентаризма, развитая демократическая структура и мощная социал-демократическая партия – АЛП, добившаяся баланса интересов труда и капитала и обеспечивавшая высокий уровень жизни в стране, не оставляли места для широких симпатий к фашизму как таковому. С XIX по XX вв. австралийцы гордились господствовавшими в их стране принципами эгалитаризма, которые во многом способствовали утверждению здесь основ государства всеобщего благоденствия гораздо раньше, чем в других странах совокупного Запада. Социальные основы для крайне правых оставались только на периферии общества. Австралия не стала «фашистской страной. В ней либеральная демократия переплеталась с расовыми проблемами, но не оставалось места для фашизма и шовинизма, который мог бы быть использован фашистским демагогом»¹¹³.

Как следствие, лишь меньшинство англоавстралийцев проявили интерес к отдельным элементам государственного управления, установленных в муссолиниевской Италии и гитлеровской Германии – и то, скорее, как поиск выхода из трудностей «великой депрессии». Отделения итальянской фашистской и немецкой нацистской партий в АС стали уделом иммигрантов, где малочисленность и отсутствие широкой социальной базы, а также разрозненность и часто неприязненное отношение друг к другу делали их легкой добычей местных спецслужб. И хотя тех не упрекали в непрофессионализме и халатности только ленивый, со своей задачей они справились: в годы войны никакой антиправительственной пропаганды и деятельности в АС открыто не велось. Потенциальные же угрозы были подавлены в зародыше и не сказались на обороноспособности страны. В Австралии не было «пятой колонны», фашизм направлялся главным образом извне, внутренние причины его возникновения не были кардинально непреодолимы, война поставила местных фашистов вне закона, а общество их не поддержало.

¹¹³ *Smith E. Op. cit. P. 17.*

А.М. Ипатов

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФАШИЗМА СРЕДИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ

На сегодняшний день существует немалое количество книг и статей, посвященных феномену «русского фашизма». Однако ряд обстоятельств затрудняют исследование данной проблемы. Среди ученых не прекращаются споры о типологии фашистских режимов. Проблемы, связанные с изучением деятельности фашистских организаций и партий, вызывают еще большие дискуссии. В Советском Союзе, руководство которого занимало строгие антифашистские позиции, подобного рода движения не могли возникнуть априори. Поэтому распространение фашистских идей происходило среди русской эмиграции, разбросанной по всему миру и не имевшей никакой реальной возможности для воплощения своих воззрений на территории бывшей Российской империи. Таким образом, феномен «русского фашизма» можно рассматривать только как вариант фашистского движения, не имевшего шансов на получение власти.

Существующие точки зрения о наличии стран с «классической» формой фашизма приводят к появлению таких терминов как «квазифашистский», «фашизоидный», «недофашистский» и др. для анализа сложившихся в свое время праворадикальных режимов во многих государствах мира. По мнению ряда исследователей, это приводит к терминологической путанице, когда нередко разные ученые применяют определение «фашизм» к различным, имеющим между собой мало общего, политическим конструктам¹. Однако многие авторы обоснованно предложили для характеристики распространения крайне правых идей в период между двумя мировыми войнами использовать термин «фашизация», который «признает важные политические различия (по степени и видам) всего зарождавшегося блока правых (постлиберальных и антисоциалистических) диктатур, не сбрасывая со счетов их общий источник вдохновения и трансгрессивного расширения»². Более того, он предлагает не статичную классификацию, а «динамичный процесс с неопределенной траекторией»³. Посредством рассмотре-

¹ Подробнее о проблеме дефиниции фашизма см.: *Shenfield S.D. Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements. New York, 2001. P. 3–20.*

² *Каллус А.* Есть ли у фашизма будущее: размышления об истории печально известного понятия // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 13.

³ *Робертс Д.Д.* В поиске осмысления фашизма: взаимовлияние фашистских сил между двумя мировыми войнами // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 28.

ния сквозь призму фашизации роста праворадикальных настроений в части русской эмиграции можно также исследовать феномен «русского фашизма».

Под ним чаще всего понимают праворадикальные движения в русской эмиграции 1920–1930-х гг., имевшие целью свержение коммунистического строя в Советском Союзе, чаще всего при помощи внешней силы, и построение нового государства на корпоративных основах. Однако отсутствие единого подхода к пониманию феномена фашизма приводит к идентификации как фашистских множества течений русской эмиграции, нередко имевших серьезные идеологические и тактические расхождения, что затрудняет анализируемую проблему.

Целью статьи является анализ наиболее дискуссионных вопросов в изучении русского фашизма. Кроме того, необходимо попытаться ответить на вопрос: целесообразно ли применять термин фашизм для обозначения тех праворадикальных течений в русской эмиграции, которые в своих программных установках и практической деятельности стремились к уничтожению советского строя в России и построению нового государства?

Обратимся вначале к такому аспекту, как происхождение русского фашизма. В свое время достаточно широкий резонанс произвела книга известного историка и политолога из США У. Лакера «Черная сотня. Происхождение русского фашизма»⁴. Она вызывала диаметрально противоположные чувства у читателей. Некоторые исследователи указывали на многочисленные фактологические неточности. Книга содержала довольно большое количество идеологических клише, вызывавших несогласие даже у американских коллег автора (например, у известного историка Р. Пайпса⁵). Чего, хотя бы, стоит утверждение, что именно в России было подготовлено поле для развития европейский фашизма в 1920–1930-е гг.⁶ Автор приходит к подобному умозаключению посредством анализа деятельности черносотенных организаций в России. Он отмечает, что большое влияние на антисемитское направление деятельности «Черной сотни» оказали так называемые «Протоколы сионских мудрецов», признаваемые фальшивым документом большинством исследова-

⁴ Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. (Laqueur W. Black Hundred. The Rise of the Extreme Right in Russia. New York, 1993).

⁵ Там же. С. 3. Р. Пайпс считал «ложной тревогой» опасения У. Лакера по поводу «заражения» России фашистскими идеями в начале 1990-х гг., считая ее продвижение к демократии, пусть не очень быстрым, но довольно умеренным.

⁶ Там же. С. 5.

телей⁷. При этом Лакер не называет прямо черносотенцев фашистами, отмечая, что они находились на полпути к фашизму в силу своего популизма, антикапиталистических настроений, ксенофобии и агрессивного национализма. Таким образом, из его концепции можно сделать вывод об «автохтонном» происхождении русского фашизма в эмигрантской среде, развивавшей идеи, заложенные черносотенцами. Возможно, на подобные мысли автора натолкнул британский ученый Н. Кон, в своей книге «Благословение на геноцид» (1966), переведенной на русский язык в 1990 г., высказывавший идеи об огромном влиянии антисемитских идей «Черной сотни» на А. Гитлера⁸.

Отметим, что в развитие данной концепции в 2005 г. историком из США М. Келлогом была опубликована книга, само название которой – «Русские корни нацизма. Белоэмигранты и становление национал-социализма (1917–1945)»⁹ – демонстрирует убежденность автора в том, что именно Россия была родиной фашистской идеологии, которую праворадикальные представители русской эмиграции распространяли по всему миру. Таким образом, в ряде западных исследований сложилась точка зрения не только о преемственности между русским фашизмом и черносотенной идеологией и практикой, но и о влиянии последних на формирование национал-социализма в Германии. Однако возникает вопрос, в какой степени подобные утверждения зарубежных историков основаны на тщательном научном анализе проблемы, а к какой мере они являлись попыткой в рамках непрекращающегося противостояния с Российской Федерацией в информационном пространстве «переложить» на нее значительную долю вины за распространение фашизма, что является неким дополнением тех обвинений, которые звучат в адрес Советского Союза за разделение ответственности с нацистской Германией в деле возникновения Второй мировой войны? Ответы на эти вопросы, вероятно, никогда не будут носить однозначного характера, а будут оставаться в дискуссионном пространстве. Отметим, однако, что анализ книги М. Келлога оставляет впечатление,

⁷ На сегодняшний день отсутствует единая точка зрения по поводу авторства «Протоколов» и даты их появления. Подробнее об этом см.: *Библикова Л.В.* С.Г. Сватиков и происхождение «Протоколов сионских мудрецов» // *Российская история*. 2018. № 5. С. 141–157.

⁸ См. подробнее: *Кон Н.* Благословение на геноцид: миф о всемирном заговоре и «Протоколах сионских мудрецов». М, 1990.

⁹ См. подробнее: *Kellogg M.* The Russian Roots of Nazism: White Emigres and the Making of National Socialism, 1917–1945. Cambridge, 2005.

что автор сознательно стремился «обнаружить» русские корни нацизма, то есть для заранее сформулированной концепции он стремился найти веские аргументы и факты, что наталкивает на мысль об изначальной политической и идеологической ангажированности данного труда. В частности, когда представителей российской белой эмиграции обвиняют в распространении антисемитизма в Европе в 1920-е гг., возникает сомнение по поводу предвзятости подобных оценок.

Безусловно, антисемитизм был присущ многим эмигрантам, однако в Европе уже была к этому времени богатая история собственных еврейских погромов и антисемитской деятельности, начавшаяся еще в Средневековье и оформившаяся институционально в XIX столетии. В частности, в Германии еще с 1879 г. для борьбы против мирового еврейства действовала «Антисемитская лига», возглавляемая публицистом В. Марром. Там же, в 1865 г. впервые появился сам термин «антисемитизм»¹⁰. Помимо этого, в Германии в 1882, 1886 и 1889 гг. проводились Международные антиеврейские конгрессы, а в 1886 г. была создана немецкая антисемитская партия. Свои антисемиты были и во Франции, где в 1886 г. была издана широко известная в то время книга политика и публициста Э. Дрюмона «Еврейская Франция»¹¹, выдержавшая более двухсот изданий. Таким образом, не снимая ответственности с многих белых эмигрантов за распространение антисемитистской идеологии, стоит признать, что она не явилась результатом порождения потерпевшего поражение в Гражданской войне белого движения, а в каждой стране имела свою историю и особенности. Также сомнительно и то, что именно белые эмигранты способствовали распространению антикоммунизма, так как и Италия, и, особенно, Германия имели свой опыт борьбы с собственными «красными» (в Германской империи, напомним, еще в 1878 г. был принят исключительный закон против социал-демократов, так что опыт борьбы с левыми там был накоплен богатый)¹².

¹⁰ См.: *Wladika M. Hitlers Vätergeneration: Die Ursprünge des Nationalsozialismus in der k.u.k. Monarchie*. Böhlau, Wien, 2005. S. 60.

¹¹ Русское издание книги было опубликовано в Харькове в 1895 г. Возможно, именно знакомство с подобной литературой и подталкивало «черносотенцев» к еврейским погромам.

¹² О развитии и пропаганде в Германской империи экспансионистских, шовинистических идей, о создании различных милитаристских организаций, призывавших к наведению порядка внутри страны и борьбе за мировое господство, о «корнях» национал-социализма см. подробнее: *Eley G. Reshaping the German Right: Radical Nationalism and Political Change after Bismarck*. New Haven, London, 1980; *Paxton R.O.*

Отметим, что в отечественной историографии превалирует точка зрения о «подражательности» русского фашизма и об отсутствии преемственности между эмигрантскими сторонниками правого радикализма и черносотенцами. Об этом в одной из своих многочисленных работ пишет крупнейший отечественный ученый, специалист в изучении феномена фашизма А.А. Галкин¹³. Он справедливо указывает на зависимость эмигрантских фашистов от правящих кругов Японии и Германии, но, что более важно, констатирует – черносотенное движение не было ни фашистским, ни даже протофашистским по своей сути: «Оно представляло собой традиционалистско-консервативную, во многом чисто эмоциональную реакцию части городского и сельского населения на экономические, социальные и политические потрясения начала века»¹⁴. Но и среди западных исследователей были те, кто считал необоснованными обвинения черносотенцев или представителей белого движения в фашизме. Так, один из лидеров Коммунистической партии Великобритании Р.П. Датт именовал и царизм, и белогвардейские движения «диктатурами справа», отмечая, что далеко не всегда последние являются фашизмом¹⁵. Сходную точку зрения о том, что «черносотенцы» не были ни фашистами, ни национал-социалистами в 1964 г. высказал американский историк Г. Роггер¹⁶. К тому же он опровергает тезис о целенаправленной антисемитской политике Союза русского народа, считая еврейские погромы стихийными.

Несмотря на то, что в Германии были эмигрантские организации, позиционирующие себя приверженцами фашизма или нацизма, их деятельность практически сразу была пресечена нацистским руководством, запрещавшим, в том числе, перевод на русский язык идеологической литературы, а также деятельность на своей территории филиалы эмигрантских организаций, управление которыми осуществлялось из других стран. Именно за пределами Европы – в Манчжурии, США, Австралии, отдельных странах Южной Америки, Африки и Азии получили распространение организации

The Anatomy of Fascism. New York, 2004. P. 24–54; *Боннел Э.Дж.* Германские элиты и захват власти нацистами в 1933 г. // *Берегиня.* 777. Сова. 2014. № 4. С. 173–182.

¹³ *Галкин А.А.* Фашизм как общественный недуг // *Берегиня.* 777. Сова. 2014. № 4. С. 18–19.

¹⁴ Там же. С. 19.

¹⁵ *Damm P.P.* Фашизм и социалистическая революция. М., 1935. С. 66–67.

¹⁶ *Rogger H.* Was there a Russian Fascism? The Union of Russian people // *The Journal of Modern History.* 1986. Vol. 36. № 4. P. 415.

русских фашистов. Остановимся подробнее на характеристике их идеологии и практики.

Первые организации «русских фашистов» возникли в Европе еще в ноябре 1922 г.¹⁷, однако наибольшего масштаба их деятельность достигла на Дальнем Востоке, в Маньчжурии. Большинство исследователей связывает это с тем, что в данном регионе проживали представители преимущественно правых кругов российской эмиграции. Это объясняется тем, что «основную массу политэмигрантов составляли бывшие офицеры из армии А.В. Колчака и казака атамана Г.В. Семенова»¹⁸. К тому же, руководство Китая и принадлежащих Японии Кореи и Южной Манчжурии вело активную борьбу с левыми партиями и национально-освободительным движением.

Многочисленные проблемы российской эмиграции на Дальнем Востоке осложнялись и наступившим со временем конфликтом поколений. Если представители старшего поколения в большинстве своем оставались приверженцами монархизма, либо (реже) начинали отстаивать либеральные или социалистические идеи, то молодое поколение, не участвовавшее в Гражданской войне, в поисках политического ориентира все чаще обращалась к опыту фашистской Италии. Именно фашизм как «сильная идеология» был способен противостоять дальнейшему распространению «коммунистической заразы». В нем видели «свежие социально-политические идеи, которые могли бы пригодиться при конструировании модели будущей»¹⁹ России, если бы удалось освободить ее от коммунистической диктатуры. Б. Муссолини на долгие годы стал кумиром для многих приверженцев праворадикальных идей в эмигрантской среде.

После появления понятия фашизм многие представители эмиграции стали именовать себя национал-фашистами, считая, что основой движения должно стать бескорыстное служение русской нации и единому национальному государству. При этом его главными противниками назывались евреи, «иудомасоны», захватившие власть в России. Борьба против них, по утверждению сторонников

¹⁷ См. подробнее: *Базанов П.Н.* Первые организации русских фашистов // *Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания* / отв. ред.: В.Ю. Жуков. СПб., 2011. С. 23–37.

¹⁸ *Рубанов Е.А.* Фашистское и националистическое движение в среде русской эмиграции в Манчжурии в 1930–1940-е гг. // *Россия и АТР*. 2014. № 3. С. 116.

¹⁹ *Аурилене Е.Е.* Русская эмиграция в Китае: в поисках будущей России // *Вестник Евразии*. 2002. № 4. С. 11.

фашизма среди белоэмигрантов, должна быть священным долгом каждого²⁰.

Несмотря на существование на Дальнем Востоке нескольких организаций, открыто высказывавших свою приверженность фашистским идеям, наибольших результатов в своей деятельности достигла Всероссийская фашистская партия (ВФП). Фашизм ее представителями рассматривался как универсальная идея, имеющая свои особенности в зависимости от специфики того, или иного народа²¹. В своем развитии партия прошла несколько этапов, на которых имела различное наименование и возглавлялась разными людьми. Истоки ВФП относятся к юридическому факультету Харбинского университета, где усилиями трех студентов – Е.В. Корблева, Б.С. Румянцева и А.Н. Покровского была создана и функционировала Российская фашистская организация (РФО). Сама политическая атмосфера, сложившаяся в этом учебном заведении, способствовала успешному распространению фашистских идей. Одним из преподавателей был небезызвестный Н.В. Устрялов, автор книг по фашизму и национал-социализму²², считавший, впрочем, что для России они не нужны, ибо там уже есть большевизм²³. Большое влияние на умы увлекавшихся фашизмом студентов оказывали будущий известный деятель Народно-трудового союза (НТС) солидаристов Г.К. Гинс²⁴ и профессор Н.И. Никифоров.

²⁰ *Гладких А.А.* Русский фашизм в Манчжурии // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2008. № 5. С. 112–113.

²¹ *Hohler S.* Russian Fascism in Exile. A Historical and Phenomenological Perspective on Transnational Fascism // *Fascism. Journal of Comparative Fascist Studies*. 2013. Vol. 2. № 2. P. 140.

²² См. подробнее: *Устрялов Н.В.* Итальянский фашизм. М., 1999; он же. Германский национал-социализм. М., 1999. Н.В. Устрялов проводил параллели между нацизмом, фашизмом и большевизмом, считая их идеократиями и подчеркивая историческую обусловленность формирования данных идеологий. Подробнее о его политических взглядах см: *Нестерова Т.П.* Фашизм и национал-социализм: взгляд Н.В. Устрялова // Институты прямой и представительной демократии: генезис политических режимов в XX веке. Екатеринбург, 2000. С. 47–53; *Булычева М.В.* Отечественная литература о политических взглядах Н.В. Устрялова: состояние и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2007. Т. 7. № 1. С. 105–109.

²³ Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Ч. I. Россия и русское зарубежье. СПб., 1992. С. 152.

²⁴ См. подробнее: *Денисов С.И.* Г.К. Гинс о фашизме и нацизме // Н.В. Устрялов в истории мировой политической мысли: Материалы V Всероссийской (с международным участием конференции). Калуга, 2011. С. 111–119; он же. Взгляды представителей Харбинской юридической школы права на социальную сущность итальянского

В 1925 г. на юридический факультет поступает бежавший из Советского Союза 18-летний К.В. Родзаевский, будущий «фюрер» дальневосточной эмиграции, сразу же активно включившийся в деятельность РФО. В 1926 и 1927 гг. при его непосредственном участии были обнародованы программные документы организации – «Наши требования» и «Тезисы русского фашизма». Отметим, что на первом этапе своего существования РФО заметной роли в эмигрантской среде не играло²⁵.

В итоге 26 мая 1931 г. на основе РФО на I съезде была создана Российская фашистская партия (РФП). Она представляла собой военизированную организацию с четкой структурой и строго централизованным управлением. Идеологической основой партии были антикоммунизм, антисоветизм и антисемитизм, а идеалом виделось корпоративное государство в трактовке Б. Муссолини. По мнению молодого российского историка Е.А. Рубанова, непримиримый антисемитизм РФП был позаимствован у германского национал-социализма²⁶.

Продуманностью отличалась и организационная структура партии. Высшим органом управления стал съезд, каковых за годы существования организации было проведено четыре. Девиз РФП – «Бог, нация, труд», по словам ее «фюрера» К.В. Родзаевского, «... это Православная вера и свобода совести, это российская нация, оформленная в Великодержавном Российском государстве, это свободный созидательный труд на свободной русской земле в рамках справедливого национально-корпоративного строя»²⁷. Он отстаивал точку зрения, согласно которой «русский фашизм» принципиально отличался от немецкого и итальянского «собратьев» тем, что они являлись ответом на капиталистический и либеральный хаос и ставили целью централизацию экономики, в то время как РФП и их единомышленники в рядах эмиграции возникли как реакция на диктатуру большевиков и стремились к децентрализации экономики и освобождению личности. Однако несложно заметить сходство в организационной структуре РФП с ВКП(б). Вслед за коммунистами, русские фашисты в Маньчжурии создавали Центральный

фашизма и национал-социализма // История и современное мировоззрение. 2019. Т. 1. № 2. С. 54–58.

²⁵ Аблова Н.Е. Российская фашистская партия в Манчжурии // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 2. С. 58.

²⁶ Рубанов Е.А. Указ. соч. С. 117.

²⁷ Цит. по: Антропов О.К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939). Астрахань, 2008. С. 159.

комитет, Верховный совет, партийные ячейки, проводили съезды, заявляли о трудящихся массах. Правда, вместо обращения «товарищ» они применяли слово «соратник»²⁸. Впрочем, подобная структура была характерна для многих массовых партий, поэтому в данном сходстве нет ничего противоестественного.

Интенсификация деятельности Российской фашистской партии происходит после захвата японскими войсками территории Маньчжурии и образования марионеточного государства Маньчжоу-го, полностью подконтрольного Японии, однако формально возглавляемого последним китайским императором Пу-И. Практически сразу русские фашисты начинают активные контакты с подразделением японской разведки под названием Токуми Кикан в надежде на экономическую поддержку и покровительство. Японцы, в свою очередь, были заинтересованы в сотрудничестве с РФП как с потенциальными союзниками в весьма вероятном столкновении с СССР. К.В. Родзаевский надеялся с помощью японцев освободить Россию от коммунистов и построить новое государство на корпоративных основах. Подобное заблуждение, что внешний враг Советского Союза (Германия, Япония, Италия и т.д.) бескорыстно поможет активным политически кругам российской эмиграции свергнуть действующую советскую власть и позволит тем же русским фашистам создать независимое государство, было характерно для многих эмигрантов в разных частях света. Японцы, однако, начали активно привлекать членов РФП к грязным противоправным делам – рекету, нарко- и порнобизнесу, что еще больше отталкивало широкие круги российской эмиграции от маньчжурского «фюрера» и его единомышленников. Широкий резонанс получили, в частности, неудачная попытка шантажом заставить знаменитого певца Ф.И. Шаляпина перевести на партийные счета весь свой гонорар за концерты на Дальнем Востоке²⁹, а также похищение талантливого пианиста, сына богатого владельца ювелирного магазина, евреям по происхождению Иосифа Каспе Семена. Отец отказался выплачивать затребованный за отпрыска выкуп, тогда ему прислали через некоторое время отрезанные уши сына, которого впоследствии убили³⁰. Подобная варварская расправа всколыхнула все эмигрантское сообщество Маньчжоу-го.

²⁸ Национальная правая прежде и теперь. С. 155.

²⁹ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987. С. 149.

³⁰ Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М., 2005. С. 180–181.

Отметим, что в историографии существуют различные точки зрения по поводу численности РФП в самый интенсивный период ее функционирования. Сам К.В. Родзаевский в 1935 г. заявлял о 20 тысячах своих единомышленников³¹. В два раза меньшее количество членов РФП называет американский историк Дж. Стефан³², а отечественный исследователь Ю. Мельников и вовсе заявляет о 4000 человек³³. Даже если принять во внимание последнюю цифру, необходимо признать, что Российская фашистская партия была одной из наиболее многочисленных политических организаций русского зарубежья³⁴.

Первый съезд РФП в 1931 г. был также важен в связи с тем, что было принято тактическое решение выбрать президентом партии руководителя народно-монархической партии генерала В.Д. Косьмина для повешения авторитета фашистов в эмигрантских кругах. Он, в свою очередь, привлек немало бывших и действующих военных в РФП. Его помощниками стали полковник Мудрын и назначенный генеральным секретарем, а на деле – фактическим руководителем, К.В. Родзаевский³⁵. Необходимо отметить, что нередко военные, несмотря на свою приверженность монархическим взглядам, контактировали с русскими фашистами, часто снабжая их денежными средствами, оружием, оказывая политическую поддержку в надежде использовать их в своих интересах. Однако чаще всего подобный альянс заканчивался неудачей и разрывом отношений³⁶. Повторилась подобная ситуация и в 1932 г., когда генерал Косьмин после раскола партии покинул ее состав и создал независимый Русский монархический союз, ставший отныне в оппозицию РФП. Президентом последней был избран К.В. Родзаевский, открывший в 1933 г. Русский клуб в Харбине – своеобразную штаб-квартиру антисоветских мероприятий партии³⁷.

К этому времени филиалы РФП были представлены в нескольких городах Маньчжурии, партийная печать – еженедельный журнал

³¹ Аблова Н.Е. Указ. соч. С. 59.

³² Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992. С. 208.

³³ Мельников Ю. Русские фашисты Маньчжурии (К.В. Родзаевский: трагедия личности) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 119.

³⁴ Shenfield S.D. Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements. New York, 2001. P. 32.

³⁵ Гладких А.А. Указ. соч. С. 115.

³⁶ См. подробнее: Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.). Дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018.

³⁷ Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945): сб. документов / сост. Е.Н. Чернолуцкая. Южно-Сахалинск, 1994.

«Нация» (с 1932 г.), ежедневная газета «Наш путь» (с 1933 г.) и еженедельное приложение к тяньцзиньской газете «Возрождение Азии» – позволяла транслировать идей «русских фашистов» на эмигрантское сообщество. Партия имела несколько «дочерних» организаций, позволявших выстроить организованную систему воспитания национально мыслящей молодежи в необходимом русле русского фашизма. Так, еще в 1924 г. в Харбине был создан так называемый Союз мушкетеров, целью которого свержение советской и установление «законной национальной власти» на территории освобожденной России³⁸. Входившие в его состав «мушкетеры» неоднократно принимали участие в провокациях на советско-китайской границе, со временем все более превращаясь в послушное орудие японских спецслужб.

Десять лет спустя, в 1934 г. были созданы: Российское женское фашистское движение (РЖФД), Союз фашистских крошек (туда принимали по разным данным детей либо с 3, либо с 5 лет и они состояли в Союзе до 10-летнего возраста), Союзы юных фашистов и фашисток (Авангарды, дети 10–16 лет)³⁹. В 1936 г. был создан Союз фашистской молодежи (16–25 лет), а также Фашистская академия имени П.А. Столыпина. Перечисленные организации имели устав и форму, преобладающим цветом которой являлся черный, символизировавший траур по утраченной родине и самоотречение во имя служения нации⁴⁰. Руководили ими нередко деятели РФП, сочувствующие им военные или «идейные» жены и тех, и других. Несмотря на активность перечисленных структур, их деятельность также не вызывала сильного доверия со стороны широких эмигрантских масс.

Весной 1934 г. в русском фашистском движении произошло важное событие – встреча в Токио главы РФП К.В. Родзаевского и руководителя созданной годом ранее (совместно с Д.И. Кунле) в США Всероссийской Фашистской Организации (ВФО) А.А. Вонсяцкого, бывшего офицера Добровольческой армии А.И. Деникина, удачно женившегося на богатой американской еврейке М.Б. Рим.

³⁸ Ленский А. Захват и освоение Маньчжурии японским империализмом. Хабаровск, 1934. С. 184–185.

³⁹ Подробнее о структуре и деятельности детских и юношеских организаций «русского фашизма» см.: Потапова И.В. Русский фашизм в Маньчжурии: детские и юношеские организации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6. Ч. I. С. 161–165.

⁴⁰ Конталева Е.А. Религиозный синкретизм русских харбинцев: формы политического радикализма // Религиоведение. 2020. № 1. С. 50.

Ранее он участвовал в издании популярного в эмигрантской среде ежемесячного журнала «Часовой», возглавлял одно из отделений в США организации «Братство русской правды»⁴¹ (ее дальневосточное отделение возглавлял уже упоминавшийся генерал В.Д. Косьмин), а после создания ВФО начинает издавать газету «Фашист». Среди других материалов в ней нашлось место и переводам книги Гитлера «Майн кампф», печатавшимся в 1934–1940 гг. ярым анти-семитом М.М. Гроттом (псевдоним – Спасовский)⁴².

Д. Стефан ярко описал его фашистскую деятельность в Шта-тах: «Благодаря великодушному правительству, покладистой местной полицией и собственной щедрости, прирожденный актер Анастасий Андреевич Вонсяцкий закатывал, на удивление тысячам американцев, такие представления, что – куда там Голливуду»⁴³.

Немного позже, в апреле 1934 г. состоялся второй съезд РФП, на котором К.В. Родзаевским и А.А. Вонсяцким было озвучено создание новой организации – Всероссийской фашистской партии (ВФП). Номинально ее возглавил глава русских фашистов в США, а маньчжурский «фюрер» стал его заместителем. Центром организации остался, тем не менее, Харбин⁴⁴. Однако практически сразу между двумя лидерами русского фашизма начались разногласия. Вонсяцкий, несмотря на публикуемые в его газете «Фашист» антисемитские материалы, не поддерживал негативного отношения к евреям. Не стоит забывать и о происхождении его супруги. Родзаевский же, напротив, использовал антисемитизм как один из «столпов» в своей идеологии. Вторым поводом для разногласий был вопрос о сотрудничестве с влиятельным в дальневосточных эмигрантских кругах атаманом Г.М. Семеновым. Последний весьма активно сотрудничал с японцами, надеясь с их помощью осуществить вторжение в СССР с целью свержения действующей там коммунистической власти. Оставаясь в целом на монархических позициях, он, тем не менее, не исключал возможности сотрудничества с русскими фашистами, демонстрируя подлинный интерес к идеям Муссолини и Гитлера⁴⁵.

⁴¹ О деятельности этой организации см. подробнее: *Базанов П.Н.* Братство русской правды – самая загадочная организация русского зарубежья. М., 2013.

⁴² Национальная правая прежде и теперь. С. 157–158.

⁴³ *Стефан Дж.* Указ. соч. С. 113.

⁴⁴ История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года / под общ. ред. чл.-корр. РАН В.Л. Ларина. Владивосток, 2018. С. 517.

⁴⁵ О его политических взглядах см. подробнее: *Мерцалов В.И.* О политической концепции «Россизм» атамана Семенова // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 6. С. 12–21.

Вонсяцкий настаивал на прекращении сотрудничества с атаманом, дискредитировавшим себя еще в годы Гражданской войны, что было неприемлемо для Родзаевского. Итогом данных разногласий стал полный разрыв отношений уже в декабре 1934 г. Исключенный из состава ВФП Вонсяцкий, став противником бывших дальневосточных соратников, организовал в США Всероссийскую национал-революционную партию (ВНРП). Ряд его бывших соратников, тем не менее, предпочел остаться в ВФП, образовав североамериканскую ячейку партии. Вонсяцкому же каких-либо значительных успехов ему достичь не удалось. В историографии сложилось однозначное мнение о том, что эксцентричный глава «русских фашистов» в Штатах намеренно существенно завышал реальное количество своих сторонников, называя даже цифру в 1 млн в 1937 г. (несмотря на наличие подтвержденных ячеек партии в разных частях света, в том числе и на Дальнем Востоке с центром в Шанхае, который возглавлял К.А. Стеклов), писал о многочисленных провокациях и агентах на территории Советского Союза, которых в действительности не было. По крайней мере, какие-либо сведения о них отсутствуют. Им была даже организована в 1937 г. в Нью-Йорке «Партийная школа ВНРП», занятия в которой проходили по воскресениям.

В своей брошюре «Основы русского фашизма» Вонсяцкий подчеркивал: «Русский фашизм является не только мировоззрением или политическим учением, он является целостным выражением наиболее широко понимаемого русского национализма»⁴⁶. Главным идеологом ВНРП был все же М.М. Грот, доказывавший что «русский фашизм» не являлся подражателем итальянского или немецкого аналогов, а имел глубокие исторические корни. Таким образом, выстраивалась собственная мифология русского фашистского движения. Это не помешало при создании собственного гимна использовать мотив нацистского «Хорста Весселя». С движением младороссов, возглавляемых А. Казем-Бекон, Вонсяцкого и его единомышленников сближало признание необходимости заимствования ряда элементов у большевиков. В частности, в газете «Новое русское слово» в 1938 г. лидер ВНРП писал: «А ведь Сталин – самый лучший фашист из всех, сколько коммунистов убил – даже больше, чем я»⁴⁷. Как мы видим и в данном случае он

⁴⁶ Антропов О.К. Третий путь для России. Пореволуционные организации и движения российской эмиграции 1920–1930-х гг. Астрахань, 2011. С. 570.

⁴⁷ Там же. С. 572.

не изменил своей манере искусственного возвеличивания собственной персоны.

Его бурная активность, не приносящая, впрочем, реальных дивидендов, приводила к тому, что другими эмигрантскими организациями, завялившими о приверженности фашизму, он игнорировался, а его газета «Фашист» была запрещена во многих странах, в которых ранее распространялась. Подписание советско-германского пакта о ненападении в 1939 г. вызвало у него положительную реакцию, ибо он считал это тактическим ходом Гитлера, который обязательно нападет на СССР. Кризис, в который вступила ВНРП к концу 1930-х гг. привел к эволюции политической позиции Вонсяцкого. В июле 1940 г., в связи с тем, что Германия и Япония не высказали своей позиции о замене сталинского режима национальным правительством в России, он заявил следующее: «Единственная цель нашей организации – вернуть русским людям свободу и установить в России правительство, избранное народом, из народа и для народа»⁴⁸. К этому времени спецслужбы США обращают внимание на его деятельность, что, вероятно, и подтолкнуло лидера ВНРП предложить К.А. Стеклову возглавить партию и заявить о прекращении выпуска газеты «Фашист» в июле 1941 г.

Обвиненный в государственной измене, Вонсяцкий был арестован американскими властями и в июне 1941 г. был приговорен к уплате штрафа в 2 тысячи долларов и к 5 годам тюремного заключения. Он был выпущен досрочно при условиях невозможности выезда за пределы штата Коннектикут, а в последние годы жизни занимался просветительской деятельностью, претерпев эволюцию политических взглядов в сторону монархизма. Умер А.А. Вонсяцкий в 1965 г. и был похоронен в склепе рядом со своей женой Мэрион. В 1960 г. в Сан-Паулу была опубликована книга его мемуаров, которая была озаглавлена как «Расплата»⁴⁹.

По-иному сложилась судьба у его бывшего соратника К.В. Родзаевского. II съезд ВФП, состоявшийся летом 1935 г. под контролем японских военных, собрал более 100 делегатов из 9 стран. Было официально подтверждено исключение из партии Вонсяцкого и назначение главой организации Родзаевского. Как отмечает Н.А. Скорнякова, с момента создания Маньчжоу-Го вся деятельность «русских фашистов» контролировалась японскими спецслужбами, набиравшими из эмигрантов отряды для проведения

⁴⁸ Стефан Дж. Указ. соч. С. 305.

⁴⁹ Антропов О.К. Третий путь для России. С. 595.

провокаций на границе с СССР, а также для засылки вглубь страны⁵⁰. Впоследствии, именно их русских эмигрантов будет формироваться известный отряд Асано⁵¹.

В отличие от своего американского соратника К.В. Родзаевский довольно серьезно относился к вопросам идеологии, структуры, развития своего движения. Он сам и его единомышленники написали ряд программных статей, важнейшую роль среди которых занимала «Азбука фашизма», представляющая собой по форме 100 вопросов и ответы на них. Она была составлена Г.В. Тарадановым при участии самого Родзаевского и В.В. Кибардина. В 2001 г. «Азбука фашизма» совместно с другими произведениями лидера ВФП была опубликована отдельной книгой⁵², однако по решению органов государственной власти она была запрещена, как и книга исследователя А.В. Околокова⁵³.

Японские власти для контроля над деятельностью эмигрантской общины создают в конце декабря 1934 г. Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), к участию в котором активно привлекались члены ВФП. На собрании возглавляющий русский отдел японской военной миссии (ЯВМ) майор Акикуса заявил о принятии в эту структуру всех существующих в российской эмигрантской среде организаций, независимо от их политической или религиозной направленности⁵⁴, что не совсем понравилось «русским фашистам». Тем не менее, их официальное отношение к новой структуре было выражено на 3-м съезде организации в июле 1935 г.: «Наша партия будет всячески поддерживать это Бюро как общеэмигрантский руководящий центр»⁵⁵.

Стремясь активизировать деятельность ВФП, Родзаевский объявляет о начале 1 мая 1935 г. фашистской трехлетки (вновь, аналогия с советской системой), итогом которой должна стать ликвидация коммунистической партии посредством внутренних или внешних сил и установление власти РФП в России. При этом он

⁵⁰ Скорнякова Н.А. Русские националисты на службе Японии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв.: материалы XI Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 26-27 сентября 2013 г. Т. 2. Екатеринбург, 2013. С. 247.

⁵¹ О его деятельности см. подробнее: Смирнов С.В. Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-го, 1938–1945. Екатеринбург, 2012.

⁵² Родзаевский К.В. Завещание русского фашиста. М., 2001.

⁵³ Околоков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945). М., 2002.

⁵⁴ Балахшин П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. Т. 2. Нью-Йорк, 1958. С. 180.

⁵⁵ Цит. по: Гладких А.А. Указ. соч. С 117.

заявлял о том, что будущая форма государственного устройства должна будет выбрана Всероссийским Земским собором, составленным из представителей руководства корпоративных национальных объединений⁵⁶. Себя же с присущим пафосом в национальные лидеры он не выдвигал, а лишь подчеркивал цель ВФП: указать нации путь для дальнейшего успешного развития. Безусловно, итоги трехлетки достигнуты не были.

Осознавая, что в рамках пропаганды все средства хороши, Родзаевский делал упор не только на программных статьях и документах, но и также активно привлекал к сотрудничеству в печатных органах партии писателей, разделявших, хоть и с противоречиями, фашистскую идеологию, таких как Г. Гранин, Б. Юльский, М. Колосова (супруга А.Н. Покровского) и А. Несмелов⁵⁷. Последний, «самый крупный поэт дальневосточной эмиграции»⁵⁸, внес наибольший вклад в популяризацию идей русского фашизма через художественную литературу. Аудитория, на которую направлялась пропаганда, была самой разнообразной, начиная с детей, заканчивая уже состоявшимися в личностном плане взрослыми. Однако, учитывая более легкое воздействие на подрастающее поколение с его еще не сформированным мировоззрением и неразборчивостью в политических течениях, основное внимание уделялось литературе и радиопередачам (они транслировались, в том числе, на территорию советского Дальнего Востока) для детей и молодежи⁵⁹.

На том же съезде 1935 г. была принята большинством голосов «Новая программа ВФП» и проект Устава партии. Ее структура к этому времени уже была прочно выстроена и включала фашистские ячейки (2–5 человек), очаги (более крупные объединения из нескольких ячеек) и отделы (несколько очагов в пределах одной или нескольких стран). Желавшие вступить в ВФП сначала находились в статусе сочувствующих, затем становились кандидатами, а по прошествии некоего испытательного срока действительными членами партии. Подобный подход, по мнению руководства ВФП, позволял отсеивать «случайных» кандидатов. К 1937 г. партия все

⁵⁶ Аурилене Е.Е. Указ. соч. С. 11.

⁵⁷ См. подробнее: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009.

⁵⁸ Там же. С. 229.

⁵⁹ См. подробнее: Бабкина Е.С. Журналистика русского зарубежья Дальнего Востока для детей и молодежи в социокультурном контексте (1898–1945 гг.): дис. докт... филолог. наук. СПб., 2018. С. 238–264.

больше контролируется ЯВМ, к тому же считающей, что главной организацией российской эмиграции должно стать БРЭМ. По инициативе японской стороны в этом году происходит объединение РФП и казачьего союза, что привело к созданию Российского Фашистского Союза (РФС)⁶⁰.

Союз расширяет свое присутствие в разных частях света, что наглядно продемонстрировано в статье С.В. Онегиной⁶¹. В 1938 г. после присоединения Италии к Антикоминтерновскому пакту Германии и Японии представители Муссолини посетили Маньчжурию, что позволило Родзаевскому установить с ними контакты и уже через пару месяцев иметь на Аппенинах своих агентов. Отметим, что и с немецкими представителями в Маньчжурии, заинтересованными в активном плодотворном сотрудничестве с БРЭМ, лидеру РФС удалось установить деловые отношения, вопреки установке нацистского руководства на нежелательность контактов, а также более поддержки русского фашизма⁶².

Четвертый съезд РФС, состоявшийся в июне 1939 г., проходил под особенно внимательным контролем со стороны ЯВМ. На нем было подтверждено руководство лидерство К.В. Родзаевского, выступившего с обширным докладом на тему «Генеральная линия Российского Фашистского Союза». Он предложил организовать тесное сотрудничество с рядом новых праворадикальных фашистских организаций русской эмиграции, которое должно будет привести к построению «Российского национального фронта», включавшего дальневосточное и европейское отделение во главе с атаманом Г.М. Семеновым и лидером Русского Национального Союза Участников Войны (РНСУВ) генералом А.В. Туркулом⁶³.

Вместо проваленного плана фашистской трехлетки был принят план «Национального Антикоминтерновского сговора», который подчеркивал невозможность освобождения от коммунистов России без помощи внешних сил. Утверждение этого плана, вопреки стремлениям лидеров РФС, произвело противоположный эффект, еще больше приведя к падению популярности фашистов в эмигрантской среде. Способствовала их дискредитации и публикация

⁶⁰ Чапыгин И.В. Казачья эмиграция на территории Китая (1920–1945). Иркутск, 2013. С. 94.

⁶¹ Онегина С.В. Международные связи Российского Фашистского Союза в Маньчжурии // Acta Slavica Iaponica. 1996. № 14. С. 157–178.

⁶² Национальная правая прежде и теперь. С. 160.

⁶³ Онегина С.В. Указ. соч. С. 162.

брошюры влиятельного генерала А.И. Деникина «Мировые события и русский вопрос»⁶⁴, в которой он осуждал действия части эмигрантов, поверившей внешним врагам России и начавшей активно сотрудничать с ними. По его убеждению, они не осознали, что в планы Берлина и Токио не входит создание национального правительства после победы над большевиками.

Однако К.В. Родзаевского это не останавливало. По итогам напряженной деятельности удалось открыть еще в 1936 г. секцию РФС в Берлине. В Швейцарии действовал один из наиболее последовательных сторонников дальневосточного «фюрера» Б.П. Тэдли, который был резидентом РФС в Европе⁶⁵. С 1938 г. начинает формироваться (прежде всего, усилиями РФС) Российский Национальный Фронт (РНФ)⁶⁶. В его состав входили: собственно сам РФС, Национальная Организация Российских Фашистов (НОРФ), РНСУВ, Российское Национальное и Социальное Движение (РНСД) в Германии, Русский Национальный Союз в Америке и кружки друзей газеты «Голос России» И.Л. Солоневича⁶⁷. Не вдаваясь подробно в описание тех филиалов, которые создал РФС по всему миру (об этом детально пишет в своей статье С.В. Онегина), перечислим лишь страны, где они располагались: США (Нью-Йоркский и Калифорнийский отделы), Бразилия (отдел в Сан-Паулу, активно контактировали с местными интегралистами), Аргентина (самый крупный отдел из заграничных, активно сотрудничал с местными фашистскими организациями), Парагвай (в Асунсьоне), Чили, Латвия, Эстония, Литва, Болгария (контактировали с «Союзом Болгарских национальных легионов», украинскими националистами из «Унакото» и др.), Румыния, Югославия, Греция, Чехословакия, Австрия (после аншлюса немедленно был закрыт властями), Швейцария, Германия (нацистское руководство быстро запретило деятельность отделения в «Третьем рейхе»), Италия, Испания, Голландия, Франция, Бельгия, Турция, Сирия, Египет, Марокко, ЮАР, Япония, Новая Зеландия и Австралия⁶⁸.

На территории пятого континента уже с середины 1920-х гг. эмигрантов разных национальностей действовали филиалы фашистских и нацистских организаций, имевшие отделения по всей

⁶⁴ См. подробнее: Деникин А.И. Мировые события и русский вопрос. Париж, 1939.

⁶⁵ Национальная правая прежде и теперь. С. 160.

⁶⁶ Hohler S. Op. cit. P. 121.

⁶⁷ Онегина С.В. Указ. соч. С. 164.

⁶⁸ См. подробнее: Там же. С. 164–171.

стране⁶⁹. Там были представители как организаций Вонсяцкого, так и Родзаевского⁷⁰. По мнению доктора исторических наук, специалиста в области российско-австралийских отношений А.Я. Массова, наиболее отчетливо фашистские симпатии проявлялись у отдельных представителей русской диаспоры Брисбена, являвшегося своеобразным центром общественной и культурной жизни эмигрантов⁷¹. Вторым центром русского фашизма в Австралии был Сидней, где издавалась газета «Фашист». Г.И. Каневская на основе полицейских донесений о деятельности русских эмигрантов В.А. Антоньева, П.М. Смыкова (секретарь и организатор отдела РФП), В. Пешкова, В. Пожарова, Г.Л. Кускова и И.П. Рождественского приходит к выводу о том, что донесения спецслужб были явно преувеличены⁷². К тому же они были основаны на показаниях тех же эмигрантов, вероятнее всего бывших политическими оппонентами вышеперечисленных лиц. По мнению исследователя, пристальное внимание к русским эмигрантам было связано с опасностью вторжения Японии, агентами которой они могли оказаться. Сходные мысли высказывает и австралийский историк Т. Пул, отмечавший, что интернирование в апреле 1942 г. 26 русских эмигрантов, подозревавшихся в симпатиях к фашизму, было «прискорбным и совершенно излишним». Однако он добавляет, что «только после тщательного изучения обстановки того времени и внутренних процессов в русской общине Квинсленда призрак русского фашизма можно будет сдать в архив»⁷³. Т. Пул считал «русский фашизм» в Австралии «химерой», смесью из антикоммунистических, антимасонских, антибританских и реже антисемитских лозунгов, никогда не составлявших какой-либо единой стройной идеологии⁷⁴, более того, нередко противоречивших друг другу. Австралийский историк Джон Перкинс, в свою очередь, отмечал, что увлечение фашистскими идеями в русской эмигрантской общине в Австралии заметно снизилось после нападения Германии на Советский Союз. К тому же, по мере окончания Второй мировой

⁶⁹ Perkins J., Moore A. Fascism in Interwar Australia // *Fascism outside Europe: the European Impulse against Domestic Conditions in the Diffusion of Global Fascism*. New York, 2001. P. 270.

⁷⁰ Ibid. P. 271.

⁷¹ Массов А.Я. О профашистских настроениях части русской эмиграции в Австралии // *Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания* / отв. ред.: В.Ю. Жуков. СПб., 2011. С. 140.

⁷² Каневская Г.И. Австралийские документы о русских «фашистах» пятого континента // *Русская эмиграция и фашизм*. С. 142.

⁷³ Пул Т. Русские и фашизм в Квинсленде (1935–1945) // *Клио*. 2009. № 4. С. 127.

⁷⁴ Там же. С. 131.

войны место фашистов как потенциальной угрозы общественному порядку в стране начали все активнее занимать коммунисты⁷⁵.

Что же касается судьбы главного центра РФС в Маньчжурии, отметим, что к концу 1930-х гг. в его руководстве наметились противоречия, не приведшие, однако к окончательному расколу. Ряд соратников К.В. Родзаевского (С.И. Долов, Г.В. Тараданов, В.В. Кибардин и М.А. Матковский, кстати, предположительно, советский агент) выступил против оголтелого антисемитизма и считал Гитлера врагом России и славян в целом. Это не помешало многим представителям «русского фашизма» приветствовать нападение нацистской Германии на СССР. Правда, положение их самих существенно ухудшилось в связи с подписанием советско-японского договора о нейтралитете 13 апреля 1941 г. В связи с этим был запрещен к публикации специальный номер газеты «Наш путь», посвященный трагическим событиям 22 июня 1941 г. Кроме того, само издательство печатного органа РФС было перенесено в Шанхай⁷⁶. К.В. Родзаевского все чаще привлекали к работе БРЭМ, стремясь контролировать каждый шаг русской общины. На волне военных успехов Советского Союза в 1943 г. деятельность РФС 1 июля без всякого объяснения была запрещена. Переименование его в Союз национально-трудовой России особых дивидендов не принесло, поэтому фактически с русским фашизмом в Маньчжурии с этого времени было покончено. К тому же, большинство бывших соратников, в том числе Г.В. Тараданов, покинули Родзаевского, многие из них, «непримиримые» еще, казалось бы, недавно антикоммунисты, стояли в очереди в советское посольство с заявкой на получение подданства СССР и надеждой на последующую репатриацию туда⁷⁷.

После победы в Великой Отечественной войне СССР направил силы на Восток, что неизбежно должно было затронуть многочисленную эмигрантскую общину. В историографии не сложилось единой точки зрения по поводу мотивов, побудивших К.В. Родзаевского написать покаянное письмо Сталину. Кто-то считал это действительным раскаянием со стороны маньчжурского «фюрера», большинство же посчитали, что никакой идейной эволюции (заметим, что у многих сочувствовавших фашистским идеям лидеров русской

⁷⁵ Perkins Jh. Fascism and the Russian Community in Interwar Queensland // Journal of the Royal Historical Society of Queensland. 1994. Vol. 15. № 8. P. 404.

⁷⁶ Oberlander E. The All-Russian Fascist Party // Journal of Contemporary History. 1966. Vol. 1. № 1. P. 173.

⁷⁷ Балакишин П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. Т. 2. Нью-Йорк, 1958. С. 219.

эмиграции после поражения Германии произошла резкая «эволюция» идей) не было, просто он пытался спасти любым способом свою жизнь. В противовес ему приводят бывших участников белого движения, не просивших ни о какой пощаде и милости, понимая, что антисоветская деятельность в таких масштабах закончится суровым наказанием. Родзаевский же «вдруг стал сторонником сталинизма, заявив, что в Советском Союзе произошел националистический поворот, заключавшийся в возвращении офицерских званий в армии, введении раздельного обучения мальчиков и девочек, возрождении русского патриотизма, возвеличивании национальных героев Ивана Грозного, Александра Невского, Суворова и Кутузова»⁷⁸.

В письме Сталину Родзаевский перечисляет все свои ошибки, стремится всю ответственность за преступления возглавляемых им организаций возложить на себя, просит не наказывать его родных за его преступления. При этом от прочтения текста не покидает ощущение того, что он просто «вымаливал» себе прощения, доказывая свою способность в случае помилования принести большую пользу государству. Размышляя об эмигрантском фашизме, глава РФС писал о том, что он не имел ничего общего ни с итальянским, ни с немецким вариантами. Однако едва ли данное утверждение правдиво, учитывая сильное увлечение русских фашистов на начальном этапе своей деятельности идеями Муссолини. В итоге крайне необедительным выглядит вывод Родзаевского: «Не сразу, а постепенно пришли мы к этим выводам, изложенным здесь. Но пришли и решили: сталинизм это как раз то самое, что мы ошибочно называли российским фашизмом: это — наш «Российский фашизм», очищенный от крайностей, иллюзий и заблуждений»⁷⁹. Не убедил он и Сталина, поэтому вместе с другими лидерами антисоветской эмиграции 30 августа 1946 г. был расстрелян по решению суда. Рассуждая о судьбе «русского фашизма», о признании и Вонсяцким, и Родзаевским в конце своей политической деятельности Сталина «истинным русским фашистом» Д. Стефан констатировал: «В этом, возможно, и состоит суть русского фашистского движения: оно подражало своему заклтому врагу и погибло с его именем на устах»⁸⁰.

⁷⁸ Полонский И. Русские фашисты в Маньчжурии. Как эмигранты мечтали уничтожить СССР с помощью Японии // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/81481-russkie-fashisty-v-manchzhurii-kak-emigranty-mechtali-unichtozhit-sssr-s-pomoschu-yaponii.html> (дата обращения 28.04.2020).

⁷⁹ Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину // Хронос. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_r/rodz_stalin.html; Oberlander E. Op. cit. P. 173.

⁸⁰ Стефан Дж. Указ. соч. С. 437.

Таким образом, проведенное исследование не позволяет ответить однозначно на вопрос о том, можно ли считать представителей праворадикальных кругов российской эмиграции фашистами. Безусловно, многие из них увлеклись фашистскими идеями, особенно в интерпретации Б. Муссолини, однако с самого начала «русский фашизм» имел ряд особенностей. По мнению О.К. Антропова, зарождению и распространению фашистских идей в среде русской эмиграции благоприятствовала как идеологическая атмосфера, так и необходимая социальная база⁸¹. С данным утверждением можно согласиться лишь отчасти, так как, несмотря на 20-летний опыт существования фашистских организаций в среде русской эмиграции, широкие массы эмиграции относились к нему сдержанно, а чаще даже враждебно, поэтому говорить о большом количестве «идейных» фашистов не приходится. К тому же фашизм был лишь одним из множества идеологических течений в русской эмиграции, влиятельным, но не довлеющим над другими. Здесь необходимо различать теоретическую базу фашизма и ее реализацию на практике в Италии, Германии и других странах. Если теоретические построения фашистских идеологов вызвали симпатии у ряда даже выдающихся отечественных мыслителей (Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, И.А. Ильин), то конкретные мероприятия фашистских правительств чаще вызывали негативную реакцию, особенно по отношению к русскому вопросу. Нападение нацистской Германии на СССР окончательно развеяло иллюзии о «конструктивности» фашизма у большинства его прежних поклонников в эмиграции. Лишь несколько человек продолжали и дальше верить в идеи, пропагандируемые дальневосточным «фюрером».

Особенностью «русского фашизма» межвоенного периода является то, что его сторонники не находились на территории страны, в которой они желали установить фашистский режим. Разбросанные по разным частям света, русские фашисты первостепенной задачей своей видели освобождение России от советской власти. Думается, что фашизм был ценен для них не как идеология сама по себе, он должен был стать инструментом для решения проблемы «возвращения» на родину. К тому же у разных идеологов «русского фашизма» за пределами Европы были различные взгляды на политическое устройство России в случае победы над большевиками.

⁸¹ Антропов О.К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939). С. 192.

Не было единства и в вопросе отношения к евреям: далеко не все разделяли антисемитские взгляды (взять того же А.А. Вонсяцкого), что нередко приводило к расколу эмигрантских фашистских организаций. Еще одной отличительной особенностью «русского фашизма» в сравнении с его «классическими» вариантами является огромная роль, придававшаяся православию. Религиозный фактор – сохранение и укрепление роли церкви в обществе – для всех без исключения русских фашистов был неотъемлемой частью идеологических установок.

Для расширения числа своих сторонников русские фашисты стремились активно привлекать представителей всех народов, населявших Россию. Они подчеркивали (даже наиболее радикальный из всех К.В. Родзаевский), что трактуют термин «русская нация» в широком смысле, включая в нее все народы, населяющие Россию. Практическое свидетельство этого заключалось в активных контактах лидера маньчжурских фашистов с украинскими националистами и политически активными мусульманами, которым в единой, свободной от коммунистической власти России тоже найдется место.

Риторика фашистских эмигрантских лидеров, заявлявших об «исконности» «русского фашизма», ведение его то от Столыпина, то от Алексея Михайловича, а то и вовсе от Ивана Калиты, свидетельствует о собственной мифотворческой составляющей русского фашизма. Однако стоит согласиться с точкой зрения молодой отечественной исследовательницы Е.А. Конталева (которую разделяет немало специалистов по эмиграции) о подражательном характере «русского фашизма»⁸². Наконец, беру на себя ответственность высказать мнение о том, что «русский фашизм», как и другие варианты «коричневой чумы» – это ситуативное явление исключительно Новейшего времени. Все попытки найти его черты в более ранние эпохи является ничем иным как «осовремениванием» истории, попыткой с позиций послезнания встроить в исторические схемы недостающие компоненты.

Не подлежит сомнению другое. Феномен «русского фашизма» нуждается в дальнейшем всестороннем исследовании и обобщении, имеющиеся на сегодняшний день труды по данной проблематике раскрывают лишь отдельные аспекты, не позволяющие составить целостной картины этого исторического явления.

⁸² Конталева Е.А. Указ. соч. С. 56.

Е.Д. Строганова

БЫЛ ЛИ ФАШИСТСКИМ РЕЖИМ ХУАНА ДОМИНГО ПЕРОНА В АРГЕНТИНЕ? ДИСКУССИИ О СУЩНОСТИ ПЕРОНИЗМА В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУКАХ

На протяжении многих десятилетий среди историков, социологов, политологов и специалистов по смежным дисциплинам ведутся споры о характере существовавшего в Аргентине режима Х.Д. Перона (1946–1955, 1973–1974). Причем, активное обсуждение этой проблемы происходит не только в научном сообществе Аргентины, но и далеко за его пределами. Многих это удивляет, но, тем не менее, интерес к исследованию перонизма не снижается. Американский историк аргентинского происхождения Э. Элена обоснованно отмечает, что, несмотря на заявления ряда ученых об исчерпывающей изученности правления Перона, эта область исследований «показывает мало признаков застоя»: количество ежегодно появляющихся публикаций выглядит «пугающим». Некоторые из них выполнены на высочайшем научном уровне¹.

В такого рода ситуации нет ничего удивительного. Перонизм как политический феномен существует более семидесяти лет и не показывает каких-либо признаков, чтобы кануть в небытие. Связанные с деятельностью Перона такие проблемы, как власть, демократия, гегемония, популизм и социальная справедливость, являются жизненно важными не только для понимания развития Аргентины XX – начала XXI вв., но и других стран². Израильский историк Р. Рейн акцентирует внимание на наличии определенной связи между разработанными в XX в. проектами социально-политического устройства Х. Перона в Аргентине, Ж. Варгаса в Бразилии, Л. Карденаса в Мексике и современными концепциями У. Чавеса, Э. Моралеса и Р. Корреа. В зарубежной историографии распространена точка зрения, согласно которой современный латиноамериканский неопопулизм не представляет собой ничего нового, а скорее является «возвратом к прошлому опыту»³. Элена

¹ *Elena E.* New Directions in the History of Peronism // *Estudios Interdisciplinarios de América Latina*. 2014. Vol. 25. № 1. P. 17.

² *Ibid.* P. 19.

³ *Rein R.* De los grandes relatos a los estudios de “pequeña escala”: algunas notas acerca de la historiografía del primer peronismo // *Temas de historia argentina y americana*. 2009. № 14. P. 136.

подчеркивает, что долголетие перонизма примечательно в сравнении с другими массовыми политическими движениями, возникшими в середине XX века. Перонизм занимал центральное место в политической жизни Аргентины 1990-х – 2000-х гг. и продемонстрировал удивительные возможности адаптации к различным обстоятельствам, породив свои новые разновидности в виде *менемизма и киршнеризма*⁴.

Нельзя забывать, что в нашей стране, как и во многих государствах мира, перонистская Аргентина считалась прибежищем нацистских преступников⁵. Это способствовало распространению в исторических и других общественно-политических дисциплинах характеристики режима Перона как фашистского. К тому же и сам Перон уже после Второй мировой войны и разгрома фашизма подчеркнул, что «Муссолини был самым великим человеком нашего столетия, но он совершил несколько катастрофических ошибок. Я же воспользуюсь преимуществом, которое дает мне его пример: последую по проложенному пути, но сумею избежать его просчетов»⁶.

Отечественная историография перонизма претерпела существенную эволюцию. Если, повторюсь, на начальном этапе изучения режим Перона характеризовался как фашистский, то в последующем, на фоне резкого обострения отношений между Аргентиной и США и военного переворота 1955 г., отечественные исследователи отказались от столь категоричных оценок. В XXI в. один из самых авторитетных российских латиноамериканистов Б.И. Коваль заявил о необходимости провести радикальную переоценку таких

⁴ Elena E. Op. cit. P. 19. Период «менемизма» назван по имени Карлоса Менема – президента Аргентины в 1990–2000 гг., период «киршнеризма» – по имени президентов Аргентины Нестора Киршнера (2003–2007) и Кристины Френандес де Киршнер (2007–2015). Все они были избраны от Хустисиалистской партии, программные положения которой основываются на принципах сохранения государственного суверенитета, стремления к экономической независимости страны и создания социально-справедливого общества. Некоторые отечественные исследователи отмечали, что Менем, проводя в Аргентине неолиберальные реформы, отошел от принципов перонизма. Однако многие зарубежные ученые высказывают иную точку зрения. Согласно их позиции, перонизм всегда обладал удивительной возможностью мимикрии и приспосабливался к меняющимся обстоятельствам. Таким образом, Менем адаптировал перонизм к международной обстановке 1990-х гг.

⁵ Подробнее см.: Eloy Martínez T. Perón and the Nazi War Criminals. (Working papers (Woodrow Wilson International Center for Scholars. Latin American Program), № 144). Washington, D.C., 1984.

⁶ Цит. по: Домингес Мендес Р. Диктатуры на Пиренейском полуострове и латиноамериканский популизм: лицом к лицу (Франко, Салазар, Варгас, Перон) // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 231.

деятелей Латинской Америки, как Перон и Варгас⁷. Большинство современных российских исследователей склонны полагать, что первоначальная оценка Перона и Варгаса как фашистов была связана с политическими воззрениями советских ученых и их убеждением в неизбежности победы социализма в Латинской Америке и во всем мире. Все латиноамериканские лидеры, которые противились этому процессу, характеризовались как реакционеры и фашисты, что не всегда соответствовало действительности⁸.

Тем не менее, рассмотрение режима Перона в качестве фашистского было характерно не только для советской историографии. В зарубежных исследованиях 1940-х – 1950-х гг. подобного рода оценки были преобладающими. Их разделяли ученые самых различных политических убеждений. В 1980-е гг. многие историки, политологи и социологи вновь вернулись к подобного рода интерпретациям⁹. В наши дни также можно встретить немало исследований, в которых говорится о фашистском характере правления Перона или, по крайней мере, о существенном влиянии фашистской идеологии на политический и социально-экономический курс, осуществлявшейся в Аргентине. Попытаемся разобраться в этой проблеме. Но сначала приведем небольшую биографическую справку об этом лидере.

Будущий президент Аргентины Хуан Доминго Перон родился 8 октября 1895 г. в провинции Буэнос-Айрес, в семье судебного пристава. По окончании Национальной Военной академии сделал успешную карьеру на военной службе, дослужившись до звания генерал-лейтенанта (1944). Заметными были его успехи и на политическом поприще: в 1936–1937 гг. Перон был назначен аргентинским военным атташе в Чили, а 1939–1941 гг. – в Италии. В 1941–1943 гг. он был одним из руководителей так называемой Группы объединённых офицеров, осуществившей государственный переворот в Аргентине в июне 1943 г. В период военной диктатуры Перон занимал посты министра труда (1943–1944), военного министра и вице-президента (1944–1945), являясь главным разработчиком программы социальных реформ. Однако в октябре 1945 г. был смещен

⁷ Коваль Б.И. Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005. С. 286.

⁸ Подробнее см.: Строганова Е.Д. Изучение латиноамериканского фашизма в советской и постсоветской историографии // Берегиня. 777. Соч. 2015. № 3(26). С. 295.

⁹ См.: Malet M.J. El peronismo y la historiografía: una disputa en torno a su interpretación // Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea. 2007. № 6. P. 215.

с занимаемых постов и заключен в тюрьму. Но вследствие массовых протестов рабочих был освобожден и в 1946 г. избран президентом страны (в 1952 г. переизбран на второй срок).

В 1947 г. Перон создал свою собственную партию, которая в 1958 г. получила название Хустисиалистской (от исп. *justicia* – справедливость, правосудие) и возглавила народное движение в поддержку Перона, которое также стало именоваться хустисиалистским. Сам Перон так характеризовал основанное им движение: «Хустисиалистское движение, которое на протяжении десяти лет оказывало глубокое влияние на аргентинскую жизнь, не является простой политической партией, как считают некоторые. Это политическое движение в национальном масштабе, происходящее под лозунгами *социальной справедливости, экономической независимости и защиты суверенитета*. Это движение создало новый жизнеспособный порядок с помощью коренной и всеобъемлющей реформы, изменившей аргентинскую жизнь и придавшей стране только ей свойственные черты и характер»¹⁰.

Во время первого президентского правления Перона большое политическое и духовное влияние на нацию и страну имела его вторая жена Эва Перон (широко известная как «Эвита»), которая выступала с политическими заявлениями, занималась благотворительностью и активно участвовала в общественной жизни.

Экономическая программа Перона уделяла большее внимание индустриализации и самоопределению страны, в связи с чем получила поддержку консервативных националистов и значительной части рабочего класса. Однако в результате военного переворота 1955 г. Хустисиалистская партия потеряла власть, а сам Перон вынужден был выехать в Испанию. Но в 1973 г. он смог вновь вернуться в страну и одержать победу на президентских выборах. Находясь на посту президента Аргентины, Перон умер 1 июля 1974 г. в своей загородной резиденции от остановки сердца.

Однако вернемся к дискуссиям о характере созданного Пероном режима и движения. Как уже было отмечено, в 50-е гг. XX в. большинство зарубежных исследователей склонялись к мнению, что перонизм представлял собой одну из разновидностей фашизма. Нельзя не отметить, что сразу после назначения Перона министром труда и социального обеспечения в 1943 г. его взгляды и деятельность стали объектом резкой критики в средствах массовой информации. Как самые консервативные издания, так и левые, указывали

¹⁰ Перон Х.Д. Сила – закон зверей. М. 1957.

на возможные фашистские проявления «восходящего к власти полковника». Все политические партии, входившие в образованный в 1945 г. Демократический союз – Гражданско-радикальный союз, Социалистическая партия, Коммунистическая партия и Демократическая прогрессивная партия, несмотря на серьезные идеологические разногласия между собой, требовали отставки Перона с руководящих государственных постов и объединились в единый антиперонистский фронт на выборах 1946 г. Сами эти выборы они проводили под лозунгом «за демократию, против наци-фашизма»¹¹.

Описанная выше аргентинская политическая практика соответствовала широко распространенному в тот период в мире антифашистскому консенсусу, в рамках которого была сформирована антигитлеровская коалиция. Однако и с началом «холодной войны», несмотря на резко обострившееся противостояние между сторонниками социализма, либералами и консерваторами, политические деятели и ученые, придерживавшиеся этих идеологических направлений, хотя и по совершенно разным основаниям, продолжали рассматривать режим Перона как фашистский.

Так, для официальной прессы Социалистической партии Аргентины (СПА) сравнения формировавшегося в стране после победы Перона на президентских выборах 1946 г. политического строя с диктатурами Муссолини, Гитлера и Франко стали неизменным лейтмотивом публикаций. Утверждалось, что Перон, разрушая местные автономии, подавляя муниципальное управление, проводя чистки в армии, системе управления, юстиции и университетах, усиливая роль полиции, поощряя систему доносов и шпионажа, следовал курсом Муссолини и Гитлера¹².

Особенно важным для СПА был рабочий вопрос. В партийной прессе постоянной стала критика созданной Пероном «фашистской модели» организации профсоюзов. Принятые правительством законодательные акты, по которым профсоюз с наибольшим числом зарегистрированных членов государство признавало единственной отраслевой организацией, согласно утверждению социалистов, были калькой законов, регулировавших деятельность рабочих организаций в Италии и Германии. Конечную же цель постановлений социалисты усматривали в «подавлении профсоюзов и их преобразовании в простых проводников официальной политики»¹³.

¹¹ *Panella C., Fonticelli M.* La prensa de izquierda y el peronismo 1943–1949: socialistas y comunistas frente a Perón. La Plata, 2007. P. 14, 42.

¹² *Ibid.* P. 55–56.

¹³ *Ibid.* P. 60.

Ориентировавшаяся на Советский Союз Коммунистическая партия Аргентины (КПА) характеризовала перонизм как «наци-фашистское военное движение», «воплощение типичных форм нацистского фашизма». Коммунисты связывали формирование фашистских взглядов Перона с его пребыванием в Италии и Германии. Перон, по их мнению, активно распространял нацистские идеи в аргентинской армии, пытаясь устранить из ее рядов демократически настроенных офицеров. «Фашистская демагогия, нацистские издевательства, геббельсовская пропаганда нашли свое постыдное и повседневное выражение в деятельности полковника Перона, — утверждали аргентинские коммунисты. — Поощряя коррупцию, финансовые подачки и предательство коллаборационистов в профсоюзном движении, он стремится к расколу и ликвидации рабочего и демократического движения». Руководство КПА заявляло о несостоятельности попыток Перона изобразить себя «защитником рабочих», утверждало, что ряд социальных преобразований в Аргентине был осуществлен при помощи «спекулятивной и инфляционной лихорадки, которую перонизм всячески поощрял». Указывая на заимствование Пероном опыта Муссолини и Гитлера, коммунисты подчеркивали, что все они начинали с демагогии, а заканчивали «заменой масла пушками» и концентрационными лагерями¹⁴.

Однако наиболее резкой критике деятельность Перона была подвергнута в консервативных и либеральных кругах. Особой популярностью пользовалась разоблачавшая перонизм с консервативных позиций книга аргентинского политика, бывшего депутата национального парламента и губернатора штата Сан-Луис Р. Пастора «Столкновение с перонистским тоталитаризмом» (1959)¹⁵. Эта работа наилучшим образом характеризовала идеологическую атмосферу «холодной войны», когда исследователи консервативного и либерального направлений выступали апологетами капитализма и либеральной демократии как единственно возможных инструментов для эффективного развития человечества. Придерживаясь этой линии, Пастор стремился увязать свои антиперонистские воззрения с антитоталитарной риторикой, предупреждая читателей и о других угрозах для Аргентины, которые он усматривал в *фрондизизме*¹⁶,

¹⁴ Ibid. P. 90, 104, 106.

¹⁵ Pastor R. Frente al totalitarismo peronista. Buenos Aires, 1959.

¹⁶ Фрондизизм — термин, используемый в историографии для характеристики правления президента Аргентины Артуро Фрондиси (1958–1962), избранного от Радикального гражданского союза непримиримых.

коммунизме, а также деятельности прочих неперонистских левых движений. Пастор утверждал, что перонизм не может идентифицироваться иначе как «ублюдочный вариант тоталитарных отношений»¹⁷. Исследователи, разделявшие подобные взгляды, стремились продемонстрировать сходство режима Перона не только с фашистской и расистской практикой Муссолини и Гитлера, но и выявить его общие черты с «тоталитарной политикой» Сталина¹⁸.

Следует отметить, что внешнюю политику Перона в качестве аналога «наци-фашистского империализма» рассматривали и авторы, заявлявшие о себе как об активных антифашистах. Пик их работ пришелся на вторую половину 1950-х гг. Так, аргентинский политический деятель, бывший депутат от Гражданско-радикального союза Р. Дамонте Таборда характеризовал ее как «южноамериканский *лебенсraum*»¹⁹ (т.е. аналог гитлеровского «освоения жизненного пространства на Востоке»). В свою очередь, адепты теории тоталитаризма утверждали, что попытки Перона осуществить «прорыв» в странах Латинской Америки якобы были основаны на марксистских методах: он начал осуществлять «политику разрыва исторических связей братских народов»²⁰. Исследователи и публицисты консервативного толка продолжали писать о сходстве перонизма с фашистскими диктатурами в Италии и Германии. Однако это сравнение уходило на задний план, уступая первенство акцентированию сходства с коммунистическим движением и соответствующими режимами. Идеология антифашизма стала активно заменяться «антитоталитарной», как средством «защиты западной цивилизации»²¹.

В США во второй половине 1940-х – 1950-е гг., после публикации знаменитой «Синей книги» американского посла в Аргентине С. Брейдена, в которой Перон был прямо назван «фашистом»²², появилось немало публикаций, направленных на подтверждение

¹⁷ *Pastor R. Op. cit. P. 202.*

¹⁸ См.: *Bisso A. El uso del concepto "totalitarismo" en la ensayística antiperonista. El caso de Frente al totalitarismo peronista, de Reynaldo Pastor // Quinto Sol. 2017. Vol. 21. № 1. URL: <http://dx.doi.org/10.19137/qs.v21i1.1306>. P. 4, 6.*

¹⁹ *Damonte Taborda R. Ayer Fue San Perón, Gure. Buenos Aires, 1955. P. 89–92.*

²⁰ *Pastor R. Op. cit. P. 219.*

²¹ Подробнее см.: *Bisso A. Op. cit.*

²² Имеется в виду опубликованный в феврале 1946 г. правительством США меморандум, так наз. «Синяя книга», с резким осуждением Аргентины и ее роли во Второй мировой войне и непосредственно после ее окончания с целью не допустить избрания Перона на пост президента.

такой оценки²³. Большое внимание к проблеме характера перонистского режима проявили американская социология и политология, в которых в 1950-е гг. теория тоталитаризма получила значительное распространение. По мнению известного бразильского политолога Э. Триндаде, эта теория внесла «значительный вклад в обобщение использования прилагательного “фашистский” в отношении движений и политических режимов, появившихся за пределами европейского контекста»²⁴. Пожалуй, самым известным ученым, предпринявшим попытку обосновать правомерность характеристики перонизма как фашистского движения, можно считать американского социолога консервативных взглядов, занимавшего откровенно антимарксистские позиции, С.М. Липсета. В написанной в самый напряженный период «холодной войны» монографии «Политический человек. Социальные основания политики» (1960) исследователь утверждал, что коммунизм и перонизм являются лицом современной тирании. Он считал их более опасными по сравнению с традиционалистскими диктатурами, существовавшими в других странах Латинской Америки, а также Таиланде, Испании и Португалии²⁵. Тем не менее, в отличие от многих других последователей теории тоталитаризма, Липсет не ставил знак равенства между перонизмом и коммунистическим движением, склоняясь к интерпретации феномена перонизма как фашистского.

Американский социолог подчеркивал, что, в отличие от европейских стран, в Латинской Америке, в силу ее экономического развития, социальную базу фашизма составляли не средние классы, а растущий, но все еще не организованный по-настоящему рабочий класс, «который страдает от проявлений напряженности, органически присущих быстрой индустриализации. Именно эти рабочие составили первоначальную базу поддержки для единственных масштабных “фашистских” движений в Латинской Америке – движение Перона в Аргентине и Варгаса в Бразилии»²⁶.

Выявляя отличительные особенности перонизма, Липсет ввел для него специальную дефиницию – «“фашизм” низших классов». Социолог отмечал определенные сходства перонизма с партиями

²³ Alexander R.J. The Perón Era. New York, 1951; Blanksten G.I. Perón's Argentina. New York, 1953; Whitaker A.P. Argentina. New York, 1964.

²⁴ Подробнее см.: Trindade H. El tema del fascismo en América Latina // Revista de Estudios Políticos. 1982. № 30. P. 127.

²⁵ Липсет С.М. Политический человек. Социальные основания политики / пер. с англ. М., 2016. С. 55–56.

²⁶ Там же. С. 166.

марксистского толка – его ориентацию на «бедные классы» – часть сельского населения и городских рабочих. Однако он указывал, что перонизму присуща идеология сильного государства, весьма похожая на ту, что отстаивал Муссолини. Проведенные режимом Перона социальные преобразования, по убеждению Липсета, не должны затмевать то, что эти меры «сочетались с крайним национализмом, сильнейшим акцентом на доминирующую роль “лидера”, с корпоративистской идеологией, популистской демагогией и с полным отсутствием уважения к конституционализму и традиции». Он отмечал также наличие коалиции между националистически настроенными офицерами слаборазвитой страны и ее низшими классами, сориентированными против иностранных империалистов и местных буржуазных «ренегатов». Перонизм, по Липсету, представлял собой «фашизм левых сил, потому что его базой выступают именно те общественные страты, которые в противном случае непременно обратились бы к социализму или коммунизму, как к отдушине для своих фрустраций»²⁷.

Интересно, что современный аргентинский историк С. Амарал выяснил, что взгляды Липсета на перонизм сложились под влиянием публикации известного итальянского социолога, длительное время проживавшего в Аргентине, Дж. Джермани. Действительно, в опубликованной в середине 1956 г., практически сразу после падения режима Перона, статье «Интеграция масс в политическую жизнь и тоталитаризм» Джермани, констатируя существенные различия между перонизмом и диктаторскими режимами Муссолини и Гитлера, счел возможных объединить их в одну категорию «фашизм»²⁸.

Однако исследователь не был полностью удовлетворен сделанными выводами, а после знакомства с монографией Липсета существенно скорректировал свои взгляды. В опубликованной уже в 1957 г. статье он отказался от использования термина «фашизм» применительно к перонизму, ограничившись его характеристикой как авторитарного. Годом позже Джермани ввел в оборот новую дефиницию: в вышедшей в 1978 г. монографии «Авторитаризм, фашизм и национал-популизм» водораздел между классическим фашизмом как «реакционным движением средних классов» и перонизмом как «авторитаризмом низших классов» прошел по еще одной, дополнительной черте. Автор предложил термин «национал-

²⁷ Там же. С. 205–209.

²⁸ Цит. по: *Amaral S.E. Del fascismo al movimiento nacional popular: el peronismo y el intercambio Germani-Lipset 1956–1961*. Buenos Aires, 2009. P. 1–2.

популизм», который, по его убеждению, наиболее адекватно отображал свойственные аргентинскому движению признаки²⁹.

Джермани подчеркивал, что вместо классических фашистских лозунгов «порядок», «дисциплина», «иерархия» Перон и его сподвижники заявляли о необходимости «социальной справедливости» и соблюдения «прав трудящихся». Вместо продвигавшейся фашистами идеи «классового сотрудничества», перонизм способствовал усилению напряженности между различными классами³⁰. Тем не менее, исследователь отмечал, что движение Перона смогло оформиться и получить власть благодаря «неявному “классовому союзу” между рабочими и новыми промышленными предпринимателями, с участием широкого спектра политических групп, в том числе и многих фашистов, которые воспринимали перонизм в качестве совершенно иной категории, чем партии “рабочего класса”»³¹.

Перонизм, считал Джермани, был инициирован и направлялся явно фашистско-нацистско ориентированной группой. Однако социальные и исторические особенности развития Аргентины не предоставили ей поддержки средних классов, которая легла в основу модели европейского фашизма. Последователям этой идеологии в Аргентине пришлось искать массовую базу в «народных классах», что привело к значительным «внутренним миграциям». Исследователь обращал внимание на то, что это не было простой сменой терминологии, мифов, идеологической «оболочки». Не было это и простым пересмотром лозунгов. Чтобы заручиться поддержкой «народных классов», перонизм, в отличие от европейского фашизма, должен был осуществить существенную переоценку человеческих ценностей³².

Понимание этой необходимости отразили консервативная и большая часть либеральной социологии и политологии. Так, известный американский политолог Х.Х. Линц рассматривал перонизм как «популистский авторитарный режим с некоторыми фашистскими компонентами». Его утверждение во власти исследователь связывал с реакцией аргентинского национализма на внешнее давление и требованиями зародившегося в результате осуществленной индустриализации нового рабочего класса. Эти процессы,

²⁹ Germani G. *Authoritarianism, Fascism, and National Populism*. New Brunswick, N.J., 1978. Книга была переведена также на испанский язык.

³⁰ Germani G. *Política y sociedad en una época de transición*. Buenos Aires, 1962. P. 340.

³¹ Germani G. *El surgimiento del peronismo: el rol de los obreros y de los migrantes internos* // *Desarrollo Económico*. 1973. Vol. 13. № 51. P. 446.

³² Germani G. *Autoritarismo, fascismo, populismo nacional*. Buenos Aires, 1978. P. 212.

явившиеся закономерным итогом проводившейся в годы Второй мировой войны политики импортозамещения, потребовали замены существовавшего в стране военно-олигархического режима новой политической системой. В целом Линц полагал, что перонизм «отклонился» от фашизма³³. Другой американский политолог, специалист по Латинской Америке П.Х. Смит, ссылаясь на предложенную Линцем в его работе о франкистской Испании типологию режимов³⁴, пришел к выводу, что режим Перона по своей сути был «авторитарным», а не «тоталитарным» и, следовательно, не являлся фашистским. Многие специалисты по истории Аргентины стали рассматривать перонистское движение как «популистское» или «авторитарно-популистское»³⁵.

Замечу, что для западных исследователей, представлявших консервативное направление в социально-политических науках, было характерно крайне пренебрежительное отношение к перонизму. Многие из них отмечали его отличия от режимов Франко в Испании и Салазара в Португалии, которые, по их мнению, не были фашистскими. Подчеркивалось, что этот режим испытал на себе большее влияние фашизма, чем традиционные авторитарные диктатуры на Иберийском полуострове. Конечно, подобного рода выводы были обусловлены политической конъюнктурой и могут быть оспорены. И все же с середины 1960-х гг. даже консерваторы, хотя и временно, отказались от характеристики перонизма как

³³ Linz J.J. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Boulder, CO, 2000. P. 192, 225. Подобные взгляды у Линца сформировались еще в 70-е гг. прошлого века. Ученый интерпретировал тогда перонизм как движение «занимающее особое положение». Оно «возникло в конце фашистской эпохи», имело «некоторые связи с фашистским прошлым, но не обладало многими его отличительными характеристиками». См., напр.: *idem*. *Some Notes Toward a Comparative Study of Fascism in Sociological Historical Perspective* // *Fascism: A Reader's Guide: Analyses, Interpretations, Bibliography* / ed. by W. Laquer. Berkeley, 1978. P. 11.

³⁴ Linz J.J. *An Authoritarian Regime: Spain* // *Cleavages, Ideologies and Party Systems: Contributions to Comparative Political Sociology* / eds. by E. Allardt and Y. Littunen. Helsinki, 1964. P. 291–341.

³⁵ См., напр.: *Schultz L.* *The Socio-Economic Determinants of Popular Authoritarian Electoral Behavior: The Case of Peronism* // *American Political Science Review*. 1977. Vol. 71. № 4. P. 1423–1424; *Kirkpatrick J.* *Leader and Vanguard in Mass Society*. Cambridge, Mass., 1971. P. 41; *Little W.* *Peronism: Was It and Is It Populist?* Glasgow, 1975. P. 10–11; *Hodges D.* *Argentina, 1943–1976: The National Revolution and Resistance*. Albuquerque, 1976. P. 10–11, 17; *Rock D.* *The Survival and Restoration of Peronism* // *Argentina in the Twentieth Century* / eds. by D. Rock. Pittsburgh, 1975. P. 184; *Kenworthy E.* *The Function of the Little-Known Case in Theory Formation or What Peronism Wasn't* // *Comparative Politics*. 1973. Vol. 6. № 1. P. 17–45.

фашистского движения. К тому же в этот период их влияние в зарубежной историографии, политологии, социологии и других смежных науках было сведено к минимуму.

1960-е гг. знаменовались ростом интереса к изучению феномена перонизма и в Аргентине. Этот процесс характеризовался поиском новых исследовательских ракурсов, влекущих за собой переоценку ценностей. Значительные усилия прилагали к этому левые силы. Тезис о противоречивости правительства Перона, сформулированный в августе 1946 г. на XI съезде КПА ее лидером Викторией Кодовилья³⁶, был подвергнут серьезной критике.

Во многом изменения в интерпретациях левых объясняются существенной трансформацией тактики перонистов во времена их пребывания в оппозиции. С начала 1960-х гг. под влиянием Кубинской революции 1959 г. и других национально-освободительных движений в Латинской Америке, Азии и Африке происходит сближение левых перонистов с марксистскими и другими социалистическими организациями³⁷. В этих условиях перонизм начинают рассматривать как национально-освободительное социалистическое движение. Так, известный аргентинский политолог и философ, основатель постмарксистской политической теории Э. Лаклау охарактеризовал перонизм как «антиолигархическое и антиимпериалистическое движение, характерное для полуколониальных стран». Исследователь акцентировал внимание на невозможности применения европейской терминологии политических процессов применительно к Аргентине и в целом к Латинской Америке, поскольку, в отличие от Европы, здесь главное противоречие общественного развития состоит в противоборстве между «империализмом» и «национализмом», а не «буржуазией» и «пролетариатом»³⁸.

Лаклау решительным образом отверг возможность рассмотрения перонизма в рамках категории «фашизм». Автор подчеркивал, что стратегия фашизма была основана на необходимости уничтожения организованного профсоюзного движения, в то время как

³⁶ В. Кодовилья отмечал, что, с одной стороны, правительство испытывает давление трудящихся масс, которые «добиваются большей демократизации, консолидации улучшений, налаживания отношений сотрудничества со всеми народами мира». С другой стороны, серьезное влияние на деятельность правительства оказывают «фашистские, а также антинародные силы, отражающие интересы англо-американского империализма». (Подробнее см.: *Panella C., Fonticelli M.* Op. cit. P. 122–123).

³⁷ Подробнее см.: *Bozza H.A.* El peronismo revolucionario. Itinerario y vertientes de la radicalización, 1959–1969 // *Sociohistórica*. 2011. № 9–10. P. 135–169.

³⁸ Цит. по: *Hennessy A.* Fascism and Populism in Latin America // *Fascism: A Reader's Guide*. P. 277.

режим Перона базировался на поддержке профсоюзов Аргентины. К тому же, по убеждению Лаклау, основным условием прихода к власти и существования фашистских режимов в Европе была поддержка финансовых групп. В Аргентине, напротив, землевладельцы, промышленники и торговая буржуазия выступали как враги перонизма³⁹.

Подобного рода интерпретации имели немало изъянов. Исследователи, характеризовавшие перонизм в качестве одной из разновидностей социализма, подходящей для стран «третьего мира», не могли ответить на ряд принципиальных вопросов. Они оказались не в состоянии объяснить происходивший во времена правления Перона процесс «бюрократизации профсоюзов», а также глубокие разногласия, существовавшие в самом профсоюзном движении Аргентины. Критики таких подходов справедливо отмечают, что социальная структура аргентинского общества не претерпела глубоких изменений как при Пероне, так и после его изгнания⁴⁰. Повторное возвращение Перона к власти в 1973 г. показало, что его политику вряд ли можно рассматривать в качестве социалистической. Левых перонистов стали вытеснять с руководящих постов Хустисиалистской партии и профсоюзных организаций, отстранять от должностей губернаторов⁴¹. Сторонники левого крыла перонистов, главным образом из молодежного движения, были крайне разочарованы консерватизмом Перона. Они все чаще вспоминали его покойную жену Эву, которая, по их убеждению, была «хранительницей революционной добродетели». Перон же заслужил у них характеристики «манипулятора», «оппортуниста» и «демагога»⁴².

Представители американской политической социологии поставили под сомнение заключения левых интерпретаторов перонизма. К тому же в их трудах критике подвергались консервативные воззрения Липсета, Джермани и ряда других авторов. Так, американский политолог Л. Шульц заявлял о тщетности попыток ряда исследователей рассматривать народные движения в странах «третьего мира», таких как Аргентина (Перон) или Мексика (Карденас)

³⁹ Цит. по: Ibidem.

⁴⁰ Подробнее см.: Ibid. 278–279.

⁴¹ Подробнее см.: *Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке. М., 2002. С. 262–263.* В январе 1974 г. Перон добился отставки губернатора провинции Буэнос-Айрес. В конце февраля – начале марта 1974 г. правые силы подняли вооруженный мятеж в провинции Кордова – главном центре левых перонистов в стране. Восставшие свергли местное конституционное правительство. Президент фактически узаконил итоги мятежа.

⁴² *Hennessy A. Op. cit. P. 279.*

в категориях «фашизм» и/или «коммунизм». «Народные авторитарные режимы», по его убеждению, содержали в себе «парадоксальные элементы», которые превращали их идеологию и государственную политику «весьма расплывчатыми». Шульц подчеркивал, что эти режимы не вписываются в общую картину, которую изображали многие американские социологи⁴³.

Серьезные сомнения относительно выводов Липсета и Джермани высказывал другой американский политолог Э. Кенворти. Ученый выразил свое несогласие с позицией, согласно которой «низшие» классы априори не могут выступать носителями демократических идей. Наряду с этим автор подчеркнул, что на момент выборов 1946 г. численность организованного рабочего класса Аргентины составляла около 530 тыс. чел., в то время как за Перона проголосовали 1 млн 488 тыс. чел. При этом далеко не все рабочие поддержали кандидатуру Перона, часть из них последовала призыву социалистов и коммунистов голосовать против «фашистского» кандидата. Кенворти был убежден, что на этих выборах Перон получил также весьма существенную поддержку радикалов-диссидентов, а также консервативно настроенной части аргентинского общества. Автор справедливо отмечал, что многие идеи Перона получили одобрение практически всех слоев аргентинского общества. Тем самым исследователь поставил под сомнение правомерность интерпретации перонизма как «замены марксизма» в аргентинских условиях⁴⁴.

Тем не менее, некоторые американские политологи и социологи первого послевоенного поколения, рассматривавшие режим Перона как фашистский, выдвигали противоречившие Липсету аргументы в пользу своей позиции. Одной из работ такого плана была монография профессора политологии Мичиганского университета США А.Ф.К. Органски «Этапы политического развития», изданная через три года после публикации Липсета. Исследователь рассматривал режим Перона как фашистский, явившийся результатом «синкретической» политики режима – сделки некогда всемогущей сельскохозяйственной элиты с промышленной. Благодаря этому, «земельной аристократии» удалось избежать гибели⁴⁵. Органски считал, что основной мотивацией для заключения такого союза был страх перед рабочим классом, требования которого в государствах с замедленными темпами индустриализации

⁴³ Schultz L. Op. cit. P. 1424.

⁴⁴ Kenworthy E. Op. cit. P. 24–25, 27, 29.

⁴⁵ Organski A.F.K. The Stages of Political Development. New York, 1965. P. 155.

были «наиболее воинственными». Конечно, сельскохозяйственная элита не могла остановить индустриализацию, но она была в состоянии замедлить последствия этого процесса для своей власти и статуса⁴⁶.

По мнению Органски, именно национальная сельскохозяйственная элита организовала военный переворот 1943 г. для замедления темпов индустриализации, а армия выступала в роли ее «агента». Придя к власти, офицеры осознали, что индустриализация не могла быть остановлена из-за серьезных экономических последствий Второй мировой войны. Пытаясь не допустить захвата власти промышленниками, руководители аргентинской армии сочли необходимым опереться на народную поддержку, которую Перон мог обеспечить при помощи профсоюзных организаций. Органски был убежден, что по характеру экономического распределения перонистский режим как «синкретическая система» не слишком отличался от других фашистских правительств⁴⁷.

Однако и этот подход в 1970-е гг. был подвергнут решительной критике. В частности, уже упоминавшийся Кенворти указывал, что промышленный рывок Аргентины фактически произошел в 1930-е гг., когда правительство контролировалось сельскохозяйственной элитой, и интересы этой группы и большинства промышленников не были «противоположными», как предполагает интерпретация Органски. Более того, нет никаких доказательств того, что при организации переворота 1943 г. какая-либо значительная или влиятельная группа аргентинских офицеров действовала в качестве «агентов» сельскохозяйственной элиты. Некоторые офицеры выступали против консервативного кандидата из-за отвращения к коррупции. Часть офицерства полагала, что правительство должно разработать новые динамичные программы индустриализации и производства вооружений. Кенворти особенно подчеркивал, что при Пероне сельскохозяйственная элита Аргентины потеряла свое «выдающееся положение и никогда не смогла восстановить его». Ее лидеры были «лишены влияния в правительстве, высмеивались как антинациональные и анахроничные силы». Проводимая в стране экономическая политика способствовала сокращению размеров их состояний⁴⁸.

Таким образом, подавляющее большинство исследователей в конце 1960-х – 1970-е гг. отказались от характеристики режима

⁴⁶ Ibid. P. 150, 155.

⁴⁷ Ibid. P. 150, 154.

⁴⁸ Kenworthy E. Op. cit. P. 38–40.

Перона как фашистского⁴⁹. Многие авторы отмечали, что Перон был избран президентом Аргентины на абсолютно законных основаниях, а парламент, в котором были представлены антиперонистские силы, продолжал функционировать вплоть до 1955 г. Утверждалось также, что деятельность Перона, направленная на улучшение положения рабочего класса, отличает этот режим от элитарной и социально-регрессивной фашистских систем. Американский исследователь Д.Л. Джермино подчеркивал отсутствие в перонистском режиме аналогов итальянской фашистской милиции или нацистских штурмовых отрядов, а также существенные отличия Хустисиалистской партии от итальянской Национальной фашистской партии (НФП): хустисиалистам никогда «не удавалось зарекомендовать себя в качестве значительной силы, чтобы контролировать положение регулярных вооруженных сил», проводить достаточно большое количество «квазигосударственных мероприятий», контролировать бюрократию и систему образования Аргентины⁵⁰.

Даже те исследователи, которые продолжали настаивать на характеристике деятельности Перона как «подобной Гитлеру»⁵¹ и имевшей четкие фашистские признаки⁵², все же существенно скорректировали свои воззрения: признали существенные отличия перонизма от фашистских движений классического образца. Так, Органски в новой публикации отметил, что политическая мобилизация в перонистской системе привела к социальным и экономическим выгодам для «вновь мобилизованных секторов». Притом, это не были характерные для классического фашизма чисто символические выгоды, сопровождавшиеся установлением жесткого контроля над рабочим движением со стороны государства⁵³.

С течением времени исследовательская мысль претерпела значительные изменения. В 1980-е гг. «неоконсервативная волна» в западной политологии, социологии и истории реанимировала теорию тоталитаризма, которая в предыдущее десятилетие была решительно отвергнута большинством исследователей. Сформировавшаяся

⁴⁹ Hennessy A. Op. cit. P. 276.

⁵⁰ Germino D.L. The Italian Fascist Party in Power: a Study in Totalitarian Rule. Minneapolis, 1959. P. 127.

⁵¹ См. напр., монографию профессора Свободного университета Берлина Г. Мазура: Masur G. Nationalism in Latin America: An Investigation into the Peoples and Politics of our Southern Neighbors. New York, 1966.

⁵² См. напр., опубликованную в 1968 г. статью А.Ф.К. Органски: *Organski A.F.K. Fascism and Modernization // The Nature of Fascism / ed. by S.J. Woolf. London, 1968. P. 19–41.*

⁵³ Ibid. P. 41.

в мире идеологическая атмосфера способствовала также и переосмыслению феномена перонизма. Все чаще стали появляться исследования с оценками режима Перона как фашистского. Среди авторов подобного рода работ следует выделить американского политолога П.Х. Льюиса. В одной из своих статей исследователь предпринял попытку сравнить режим Перона с фашистским режимом в Италии.

В новых условиях, когда в историографии фашизма все чаще стали говорить о его «народном» характере, подчеркивая факты поддержки НФП и НСДАП со стороны различных классов и социальных групп⁵⁴, Льюис вновь вернулся к вопросу о социальной базе перонистского движения. Исследователь утверждал, что так же, как и в случае с фашистской Италией, поддержка перонизма исходила от широких кругов аргентинского общества. Мнение ряда исследователей, согласно которому перонизм не следует рассматривать в качестве фашистского движения, поскольку его социальной базой был аргентинский рабочий класс, американский политолог счел неубедительным. Во-первых, в ходе выборов 1946 г. только треть рабочих Аргентины поддержала кандидатуру Перона. Во-вторых, ссылаясь на социальный состав и численность НФП, Льюис отмечал существенное представительство в ее рядах итальянских рабочих. Исследователь был убежден, что как итальянский фашизм, так и перонизм были «мультиклассовыми движениями»⁵⁵.

Структура Хустисиалистской партии, по убеждению Льюиса, также, как и партия Муссолини, напоминала военную организацию. Перон имел полное право назначать и распускать Высший исполнительный совет партии, который, в свою очередь, руководил всеми местными организациями. В рядах партии отсутствовал принцип выборности руководителей: все партийные функционеры местного уровня назначались сверху. Деятельность партии была основана на строгом послушании, дисциплине и централизованном управлении. Политика Перона в области регулирования трудовых отношений также напоминала подходы Муссолини. Разработанный в 1945 г. Пероном, когда он был министром труда в военном правительстве, Закон о профессиональных ассоциациях, по мнению исследователя, был практически идентичен Хартии труда в фашистской Италии.

⁵⁴ Подробнее об этом см.: *Пергер Р., Альбанезе Д.* Из истории исследований итальянского фашизма и германского нацизма: режим, общество и проблема согласия // Берегиня. 777. Соч. 2016. № 4(31). С. 72–87.

⁵⁵ *Lewis P.H.* Was Perón a Fascist? An Inquiry into the Nature of Fascism // *The Journal of Politics*. 1980. Vol. 42. № 1. P. 246.

Согласно его условиям, ни один профсоюз или ассоциация работодателей не могли подписать трудовой договор без официального признания органов государственной власти. В каждой экономической отрасли была разрешена деятельность только одного объединения работодателей и одного профсоюза. Все заключенные между ними соглашения должны были получить одобрение министра труда. Правительство имело право присваивать и расходовать все профсоюзные средства. Забастовки и локауты запрещались⁵⁶.

Льюис полагал, что к 1952 г. Перону удалось установить контроль над деятельностью крупного бизнеса путем создания Всеобщей экономической конфедерации, объединявшей всех предпринимателей страны. Создав тандем с контролируемой перонистами Всеобщей конфедерацией труда, этот орган предоставил государству колоссальные властные полномочия в национальной экономической сфере. Аналогичный контроль осуществлялся над системой высшего образования через Всеобщую конфедерацию университетов. В 1954 г. была создана также Всеобщая конфедерацией профессионалов. По убеждению Льюиса, были сформированы основы «синдикалистского государства», хотя его так и не называли, а создание Экономического консультативного комитета стало «краеугольным камнем формировавшейся в Аргентине корпоративистской системы». Различия в отношениях правительства Аргентины с рабочим движением и крупным бизнесом с системой, выстроенной в фашистской Италии, не были принципиальными. После 1949 г., с началом экономического кризиса в Аргентине, правительство, как и Муссолини в годы «великой депрессии», стало ужесточать трудовую дисциплину и снижать реальные размеры заработной платы рабочих. При этом и Муссолини при благоприятных для режима экономических условиях, особенно после победы в 1936 г. в итало-эфиопской войне, принимал определенные меры по улучшению положения рабочего класса Италии. Льюис также отмечал, что взаимоотношения между фашистским режимом и промышленниками Италии не были такими уж безоблачными, как отмечали многие исследователи⁵⁷. В то же время отношения Перона и предпринимательским сообществом не были исключительно

⁵⁶ Ibid. P. 247–248.

⁵⁷ О дискуссиях по этому вопросу см. также: *Богдашкин А.А.* Американская историография о последствиях Первой мировой войны и формирования послевоенного устройства для крупного бизнеса Германии, Франции и Италии // *Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие: сборник статей Всероссийской научно-теоретической конференции* (г. Воронеж, 16–17 мая 2018 г.).

конфронтационными. Ученый обращает внимание, что к концу первого правления Перона аргентинский крупный бизнес оказался в благоприятных условиях: предпринимателям предоставлялись существенные кредиты и гарантировалось поддержание высоких цен на производимую ими продукцию⁵⁸.

Льюис считал, что существенное влияние пример итальянского фашизма оказал и на идеологию перонизма. Основами хустиализма, согласно доводам политолога, были «национализм, авторитет и лидерство»; гражданские обязанности ставились выше прав и свобод человека, приносимых в жертву ради «национальной славы». В Аргентине был создан культ Перона. Улицы, общественные здания, города и даже провинции назывались именами Хуана и Эвиты. В 1952 г. конгресс Аргентины официально присвоил генералу Перону титул «Освободитель народа», а Эве – «Духовный вождь нации». На одном из заседаний конгресса депутаты сто раз благоговейно поднимались со своих мест, услышав с трибуны имена Хуана и Эвы Перон. Наряду с этими явлениями американский исследователь заострял внимание на том, что Перон предпринимал значительные усилия для создания «аргентинского блока в Латинской Америке». На правах «старшего партнера» он заключал торговые и инвестиционные договоры с Боливией, Чили, Эквадором, Никарагуа и Парагваем. Кроме того, была создана перонистская международная федерация труда со штаб-квартирой в Буэнос-Айресе, которая через своих представителей в посольствах вела пропаганду в рабочем движении латиноамериканских государств, нередко оказывая финансовую поддержку. Исследователь приходит к выводу, что неудачные попытки Перона утвердить Аргентину в качестве центра новой сферы влияния объяснялись, скорее, надвигавшимся крахом его режима, нежели отсутствием воли⁵⁹.

Не столь существенными Льюис считал и различия в методах подавления Муссолини и Пероном деятельности оппозиции. Политолог подчеркивал, что избирательная кампания 1946 г. сопровождалась насилием со стороны сторонников Перона. Хотя некоторым представителем радикалов и консервативных партий удалось войти в новый состав Национального конгресса, их представительство было ничтожно малым. А изменения избирательного законодательства лишили Социалистическую, Прогрессивно-

Воронеж, 2018. С. 9–45; Гальярди А. Промышленная элита фашистского режима // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 88–98.

⁵⁸ Lewis P.H. Op. cit. P. 248–250.

⁵⁹ Ibid. P. 251–252.

демократическую и Коммунистическую партии возможности быть представленными в парламенте. После принятия в 1949 г. закона, согласно которому преступлением стали считаться «неуважительные разговоры о любом правительстве», парламентское представительство оппозиции в законодательном органе сократилось. Выборы 1952 г. прошли в атмосфере запугивания. Все оппозиционные партийные газеты были закрыты, противники перонистов не могли получить доступ к радио. Многие кандидаты в президенты от оппозиционных партий оказались в тюрьмах или были вынуждены скрываться. Кандидат от КПА после освобождения был зверски убит перонистскими активистами. В результате представительство оппозиции в парламенте сократилось втрое – с 45 до 14 мест⁶⁰.

Льюис отмечал, что и в Италии до событий 1924 г., известных как «кризис Маттеотти»⁶¹, в парламенте страны присутствовала оппозиция. Существует мнение, что, если бы во время этого кризиса оппозиция, покинувшая высший орган законодательной власти и образовавшая Авентинский блок, была бы готова «смягчить свои нападки», Муссолини мог отложить провозглашение однопартийной диктатуры «на неопределенное время». Исследователь высказал предположение, что в случае сохранения Пероном власти в 1955 г. существовавшая в стране оппозиция была бы уничтожена. Обосновывая этот вывод, Льюис указал на возраставший репрессивный характер перонистского режима, особо четко проявившийся на фоне экономического кризиса 1949 г., и на попытки неудачного военного переворота в ноябре 1951 г. После этого в стране было введено «постоянное осадное положение», были приостановлены конституционные свободы, университеты «захвачены» перонистами, ведущая газета страны была конфискована, в государственных школах страны вводилось изучение хустисиализма, развернулась кампания против католической церкви⁶².

В период между 1946 и 1950 гг., подчеркивал Льюис, Верховный суд и все нижестоящие суды были очищены от оппозиции, на

⁶⁰ Ibid. P. 252–253.

⁶¹ Острый политический кризис, вызванный убийством итальянского политика, основателя и политического секретаря Унитарной социалистической партии Джакомо Маттеотти (1885–1924), известного своими антифашистскими взглядами. Маттеотти потребовал в парламенте аннулировать мандаты депутатов от фашистских партий. Похищен боевиками-фашистами 30 мая 1924 г., оказал сопротивление и был убит. Созданный во время кризиса Комитет оппозиционных фракций (Авентинский блок) вручил королю Виктору Эммануилу III меморандум с просьбой о смещении Муссолини с поста главы кабинета.

⁶² Lewis P.H. Op. cit. P. 253–254.

смену которой пришли перонисты. Конституция была переписана с целью расширения функций исполнительной власти, специальная статья узаконивала возможность переизбрания Перона. Десятки оппозиционных газет были закрыты или атакованы хулиганами. Из провинциальных и местных органов власти были удалены все чиновники, обвиненные в нелояльности к перонистской партии, парламентарии изгонялись за «неуважение» к власти. Тайная полиция, подчиненная непосредственно президенту, уже начала проникать в правительственные учреждения, в том числе в военные, чтобы «отсеивать нелояльные элементы». Автор обращал особое внимание, что с первых дней существования режима в Патагонии были созданы концентрационные лагеря, в которых содержались рабочие-диссиденты, политики и военные, а пытки политзаключенных, часто с использованием электрического тока, стали обычной практикой. Все эти факты, по убеждению американского политолога, однозначно свидетельствовали о фашистском характере первого правления Перона, а сходство между этим режимом и диктатурой Муссолини выглядит, по словам автора, «поразительным»⁶³.

Еще более резкие выпады в адрес перонизма вышли из-под пера аргентинского социолога Х.Х. Себрели, ранее позиционировавшего себя как представителя «экзистенциального марксистского перонизма». Однако во времена второго правления Перона и диктатуры военной хунты во главе с генералом Х.Р. Виделой (1976–1983), когда перонисты оказали поддержку преступному режиму, Себрели кардинальным образом пересмотрел свои взгляды. Причем, он стал критиковать не только Перона, но и все левые силы страны, которые, как он считал, были популистами. А популизм, согласно взглядам ученого, был одной из форм фашизма⁶⁴. Однако в большей степени на изменение взглядов исследователя оказала влияние общая идеологическая атмосфера «неолиберальной эпохи» 1980-х – 1990-х гг.⁶⁵

В 1983 г. Себрели издал монографию «Мнимые желания перонизма». Написанная сразу после падения диктаторского режима

⁶³ Ibid. P. 254–256.

⁶⁴ Подробнее см.: *Sebreli J.J.* El peronismo va a desaparecer, no hay cosa que dure cien años // Infobay. 11.01.2020. URL: <https://www.infobae.com/politica/2020/01/11/juan-jose-sebreli-el-peronismo-va-a-desaparecer-no-hay-cosa-que-dure-cien-anos/>

⁶⁵ Многие бывшие латиноамериканские левые пересматривали свои прежние воззрения, переходя в лагерь сторонников неолиберализма. См. об этом, напр.: *Лаззара М.Д.* Сравнительный анализ мышления двух эпох: жизнеописания и трансформация взглядов левых деятелей Чили в постпиночетовский период // Берегиня. 777. Сова. 2013. № 3(18). С. 112–120.

в Аргентине и проведения в стране свободных выборов, на которых перонисты потерпели поражение, книга содержала острые формулировки. Ключевым ее положением было утверждение, что режим Перона всегда стремился стать подлинно фашистским и внедрил в Аргентине фашистскую практику, насколько позволили ему аргентинское общество и историческая эпоха, в которую он правил. В отличие от Льюиса, полагавшего, что перонизм имел большее сходство с итальянской разновидностью фашизма и существенно отличался от гитлеровского движения и режима, Себрели стремился выявить черты, роднившие аргентинский вариант с национал-социализмом. Так, исследователь был убежден, что провозглашенная Пероном в 1949 г. концепция «организованного сообщества» была калькой гитлеровского «национал-социалистического государства»⁶⁶.

Тем не менее, это сравнение не соотносится с другими основными положениями монографии. В частности, это касается важного суждения, согласно которому нацистская Германия была единственной высокоразвитой капиталистической страной, принявший фашизм в качестве модели общественного развития. Фашизм определяется автором как тип политического режима, который возник в межвоенный период. Следует говорить, — писал Себрели, — «о «фашизме бедности» в странах со слабым уровнем капитализма». Они пытались конкурировать с высокоразвитыми капиталистическими государствами и обеспечивать внутреннее господство национального капитала. Поэтому империалистические амбиции этих фашистских режимов, по мнению исследователя, приобрели здесь иной характер, нежели экспансионистские и агрессивные устремления Гитлера. Себрели утверждал, что итальянская модель фашизма оказалась привлекательной для «буржуазных националистических режимов, возникших в результате послевоенной деколонизации, которые отстали по уровню развития капитализма и должны были бороться, чтобы найти свое место среди великих держав». К такого рода режимам в Латинской Америке социолог относил диктатуры Ж. Варгаса в Бразилии, Х.Д. Перона в Аргентине, К. Ибаньеса в Чили, Г. Вильярроэля и А.В. Пас Эстенсоро в Боливии⁶⁷.

Ключевое отличие фашизма от традиционных авторитарных консервативных диктатур Себрели усматривал в стремле-

⁶⁶ *Sebreli J.J.* Los deseos imaginarios del peronismo. Buenos Aires, 1983. P. 24, 55.

⁶⁷ *Ibid.* P. 57.

нии первого к мобилизации масс, основанной на их «иллюзорной интеграции» в общественную жизнь. Исследователь уверен, что такого рода политика осуществлялась и в Аргентине во время пребывания Перона у власти. Еще более резко, чем Льюис, Себрели заявлял о неправильности интерпретации фашизма как движения, которое поддерживалось исключительно мелкой буржуазией и противостояло рабочему классу в целом. Ученый подчеркивал, что с самых первых дней своего существования немало рабочих стали проявлять сочувствие к псевдореволюционным фашистским лозунгам. Причем, поддержку фашизму оказали многие профсоюзные лидеры и бывшие социалисты. Некоторые из них даже стали известными фашистскими теоретиками⁶⁸.

Себрели категоричен в выводах. В перонизме, например, он усматривал параллель с «плебейской стадией итальянского фашизма», длившейся до 1928 г. Социолог утверждал, что «плебейский период» перонизма закончился в 1949 г., но так и не смог консолидировать интересы крупной буржуазии. А отсутствие консолидированной поддержки со стороны экономической элиты не позволило Перону полностью ликвидировать «свои плебейские представления». Это противоречие, по убеждению Себрели, и привело первый перонистский режим к падению⁶⁹.

Многие из выводов Себрели были обусловлены его активной политической позицией, а сама монография представляла собой инструмент в борьбе против перонистов. В ряде случаев автор не утруждал себя сбором необходимых доказательств. Так, утверждая, что военный переворот 1943 г. в Аргентине был организован «Третьим рейхом», он не привел ни единого факта в обоснование этой версии. Многие из утверждений ученого вряд ли можно рассматривать как достоверные. Однако это исследование достаточно хорошо иллюстрирует идеологическую атмосферу в Аргентине, сложившуюся в первые годы после падения диктаторского режима.

⁶⁸ Ibid. P. 58, 88. Это утверждение Себрели оспаривается многими зарубежными исследователями. Несмотря на наличие среди фашистов известных лидеров, первоначально принадлежавших к левому флангу, социальную базу фашизму составили сторонники правых взглядов. Некоторые бывшие профсоюзные и рабочие лидеры, вышедшие из среды левых, примкнули к фашистскому лагерю не в результате ревизии ими марксизма, а следовали совершенно другим курсом, проложенным Муссолини. Они «не привнесли в фашизм элементы левого движения, а нашли внутри фашизма те элементы, которые стали привлекательны для них, но сильно отличавшиеся от традиционных правых течений». Подробнее см.: *Лафлин М.Б.* Историография французского фашизма: «Национальный фронт» – аватар сегодняшнего дня? // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 329.

⁶⁹ *Sebreli J.J.* Los deseos imaginarios del peronismo. P. 88.

Новый интерес ученых к феномену перонизма возник в начале 1990-х гг. после избрания в 1989 г. президентом Аргентины лидера Хустисиалистской партии К.С. Менема, предвыборная программа которого была выдержана в духе традиционного перонизма. В 1995 г. он был переизбран на новый срок. Несмотря на то, что Менем начал осуществлять радикальные неолиберальные реформы, сам факт избрания представителя перонистов на высший государственный пост встревожил многих неолибералов Аргентины и США⁷⁰. Уже в 1990 г. в Гарвардском университете состоялась конференция, по результатам которой в 1998 г. была издана книга «Перонизм и Аргентина»⁷¹.

Авторы этой работы старались отказаться от ранее господствовавших в историографии представлений о правлении Перона. Так, аргентинский историк К. Бухрукер, выступил категорически против попыток сравнения перонизма с фашизмом⁷². Одновременно он отверг утверждения о социалистическом характере режима Перона, заявляя, что аргентинский лидер предпринял попытку создать в стране смешанную экономику и сделать Аргентину государством всеобщего благосостояния, в котором заметной была бы роль профсоюзов. По мнению Бухрукера, разработанная Пероном доктрина отличалась «чрезмерной широтой» и использованием опыта самых различных мировых идеологий и практик, среди которых были арабский социализм Г.А. Насера, скандинавская социал-демократия, авторитарные режимы Муссолини и Гитлера⁷³.

С возвращением к власти перонистской партии государственные структуры начали материально стимулировать ученых, изучавших отношения Аргентины с «Третьим рейхом». По решению Менема, им был предоставлен свободный доступ к архивам⁷⁴. С 1997 по 2005 гг. при поддержке аргентинского руководства функционировала специальная Комиссия по расследованию деятельности нацизма в Аргентине (СЕАНА). В ее состав вошли авторитетные ученые из Аргентины, Германии, США и других стран. Австрийский историк К. Квик полагает, что деятельность этой комиссии

⁷⁰ Plotkin M.B. Perón y el peronismo: un ensayo bibliográfico // Estudios Interdisciplinarios de América Latina y el Caribe. 1991. Vol. 2. № 1. P. 113–134.

⁷¹ Peronism and Argentina / ed. by J.P. Brennan. Wilmington, 1998.

⁷² Buchrucker C. Interpretation Peronism: Old Frameworks and New Perspectives // Peronism and Argentina. P. 6.

⁷³ Ibid. P. 10. О взглядах Бухрукера на фашизм см.: Buchrucker C. El fascismo en el siglo XX: una historia comparada. Buenos Aires, 2008.

⁷⁴ Comas J. Argentina abre hoy sus archivos sobre criminales nazis // El País. 1992. 03 Feb.

способствовала координации исследователей разных стран, которые, пытаясь проанализировать общее прошлое, внесли большой вклад в историю Трансатлантики⁷⁵.

Ученые, входившие в состав СЕАНА, кардинально пересмотрели распространенные в публицистике представления об отношениях между «Третьим рейхом» и аргентинским правительством в годы Второй мировой войны. Под сомнение были поставлены и масштабы бегства в Аргентину нацистских преступников. Аргентинские историки И. Клич, К. Бухрукер, их канадский коллега Р.С. Ньютон и ряд других исследователей заявили, что большинство встречающихся в печати утверждений о сотрудничестве нацистской Германии и Аргентины основано на бездоказательных мифах. Эти авторы настаивают, что английская секретная служба через свои новостные агентства намеренно распространяла информацию о бегстве в Аргентину нацистских лидеров, желая «вбить клин» в отношения между германской солдатской массой и правительством. Руководство США также активно раздувало подобного рода слухи, чтобы усилить давление на правящие круги Аргентины и принудить их к сотрудничеству⁷⁶. Клич утверждал, что документы, свидетельствовавшие о сотрудничестве Перона с гитлеровским режимом, полностью сфабрикованы⁷⁷.

К подобного рода выводам приходили и исследователи, занимавшиеся изучением итало-аргентинских отношений. Латиноамериканская политика Муссолини, согласно их доводам, не была достаточно успешной⁷⁸. Многие эмигрировавшие в Аргентину итальянцы, которые ранее восхищались «достижениями» дуче, после

⁷⁵ Cwik C. The Other Immigration to Argentina: the Case of Adolf Eichmann // *Clío América*. 2009. Año 3. № 5. P. 199.

⁷⁶ Среди работ такого плана см.: *Newton R.S. The "Nazi" Menace in Argentina, 1931–1947*. Stanford, 1992; *Sobre nazis y nazismo en la cultura argentina* / comp. por I. Klich. Buenos Aires, 2002. *Argentina y la Europa del nazismo* / comp. por I. Klich y C. Buchrucker. Buenos Aires, 2009 и др.

⁷⁷ *Klich I. Perón, Braden y el antisemitismo: opinión pública e imagen internacional* // *Ciclos*. 1992. Año 11. Vol. 11. № 2. P. 5–38.

⁷⁸ *Albónico A. Italia y Argentina 1943–1955: política, emigración e información periodística* // *Estudios Interdisciplinarios de América Latina*. 1992. Vol. 3. № 1. P. 41–57; *idem*. Emigración y política en la imagen de la Argentina en Italia, 1930–1955: las razones de una incompreensión // *Ciclos*. 2004. Año 11. Vol. XIV. № 28. P. 115–142; *Newton R.S. Ducini, Prominenti, Antifascisti: Italian Fascism and the Italo-Argentine Collectivity, 1922–1945* // *The Americas*. 1994. Vol. 51. № 1. P. 41–66; *idem*. Not For Export: Italian Fascism and the Argentine Right // *Proceedings from the 41st and 42nd Annual Meetings: Annual Meetings of RMCLAS* / ed. by T.R. Crevenna. Albuquerque, 1995. P. 127–142; *idem*. *Italianischer Faschismus und Deutscher Nationalsozialismus in Argentinien: Eine Vergleichende Analyse*

краха его режима считали Муссолини ответственным за страдания итальянского народа. Для них, так же как и для новых мигрантов, прибывших в Аргентину после 1945 г., именно эта страна, а не Италия, стала «реальностью»⁷⁹.

Израильский историк Р. Рейн, детально изучавший отношения между перонистской Аргентиной и франкистской Испанией, справедливо указал, что политическая и экономическая помощь, которую Испания получила от Аргентины, сыграла ключевую роль в спасении режима Франко от краха в критический переходный период. Тем не менее, ученый полагал, что экономическая и дипломатическая поддержка правительством Перона испанской диктатуры не была обусловлена идеологической близостью двух режимов. Несмотря на то, что Перон и Франко были военными, всецело разделявшими принципы авторитаризма, национализма, антикоммунизма и антилиберализма, различия между их режимами были более существенными, чем сходства. Аргентинско-испанское сотрудничество с неодобрением воспринималось левыми перонистами и имело немало противников среди оппонентов Франко. В конце концов, союз Франко и Перона продлился недолго. Быстрое ухудшение экономического положения Аргентины после 1949 г., сдвиг в расстановке сил внутри перонистского руководства и начало интеграции Испании в западный лагерь, по убеждению Рейна, способствовали прекращению «особых отношений» Аргентины и Испании⁸⁰.

Все эти утверждения имеют под собой веские основания, однако они также грешат однобокостью. Так, Р. Ньютон, разоблачая мифы о немецких подводных лодках, доставлявших нацистских преступников к берегам Патагонии, одновременно заявлял, что Перон придерживался принципов политики денацификации, соблюдая все положения Чапультепекской декларации, принятой 6 марта 1945 г. на Межамериканской конференции по вопросам войны и мира. В своих исследованиях автор не стал рассматривать вопрос

// *Nationalsozialismus und Argentinien: Beziehungen, Einflüsse und Nachwirkungen* / hrsg. von H. Meding. Frankfurt am Main, 1995. S. 117–138.

⁷⁹ Newton R.S. Ducini... P. 65–66.

⁸⁰ Rein R. *Francoist Spain and Latin America, 1936–1953* // *Fascism outside Europe: The European Impulse against Domestic Conditions in the Diffusion of Global Fascism* / ed. by S.U. Larsen. New York, 2001. P. 148–150. Подробнее о взглядах Рейна на сотрудничество Франко и Перона см.: *idem*. *The Franco–Perón Alliance: Relations between Spain and Argentina, 1946–1955*. (Pitt Latin American series). Pittsburgh, 1993; *idem*. *El Pacto Perón–Franco justificación ideológica y nacionalismo en Argentina* // *Estudios Interdisciplinarios de América Latina*. 1990. Vol. 1. № 1. P. 107–132.

об ответственности Аргентины за предоставление убежища таким известным нацистам, как Эйхман, Барби, Рауфф, Швамбергер, Менгеле и др. Ссылки на улучшение аргентинско-американских отношений в процессе денацификации не могут рассматриваться как достаточно убедительные, поскольку известны многочисленные случаи оказания помощи нацистским преступникам со стороны США и Великобритании⁸¹. Эта проблема не может быть объяснена лишь стремлением правительства Перона привлечь в Аргентину высококлассных профессионалов из Германии и других европейских стран. Аргентина стала прибежищем для многих военных преступников из Австрии, Хорватии, Прибалтики и Украины. Воссозданная после войны итальянская неофашистская партия (Итальянское социальное движение) пользовалась значительной поддержкой в Аргентине. По некоторым данным, она получала помощь (хотя и неофициальную) непосредственно от Перона⁸². Сводя испано-аргентинские отношения первых послевоенных лет к сугубо экономическим проблемам, исследователи вряд ли смогут объяснить причины, по которым Перон выбрал именно франкистскую Испанию местом своего пребывания в изгнании в 1960–1973 гг.⁸³

Тем не менее, указанные исследования оказали существенное влияние и на осмысление феномена перонизма в целом⁸⁴. Однако авторы, отрицавшие фашистский характер режима Перона, приводят более убедительные доказательства. Так, аргентинский историк Д. Львович, изучавший деятельность националистических организаций Аргентины профашистского толка, счел необходимым отметить, что политика Перона по рабочему вопросу вызывала несогласие националистов. Исследователь подчеркнул, что, являясь военным министром и вице-президентом Аргентины, Перон вел успешную борьбу с националистами, особенно с профашистски настроенным антисемитом Л. Перлингеру. Деятельность правительства при Пероне, по мнению Львовича, приобрела более либеральную направленность, и Аргентина объявила войну Германии и Японии. После

⁸¹ См. об этом в рецензии израильского историка Л. Сенкмана на книгу Р.С. Ньютона «Нацистская “угроза” в Аргентине (1931–1947)» (*Estudios Interdisciplinarios de América Latina y el Caribe*. 1994. Vol. 5. № 1. URL: <http://eial.tau.ac.il/index.php/eial/article/view/1231/1259> (дата обращения 10.08.2019)).

⁸² *Albónico A.* Italia y Argentina 1943–1955. P. 42.

⁸³ *Malet M.J.* Op. cit. P. 217.

⁸⁴ См. наиболее обстоятельную коллективную монографию: *Fascismo y antifascismo. Peronismo y antiperonismo. Conflictos políticos e ideológicos en la Argentina (1930–1955)* / ed. por M.G. Sebastiani. Madrid, 2006.

победы Перона на президентских выборах националисты стали терять свои позиции и не получали поддержки от руководителя государства. Историк утверждал, что к 1947 г. в правительстве практически не осталось ни одного деятеля националистического толка. В конце концов, многие из них стали участниками переворота, свергшего правительство Перона в 1955 г.⁸⁵

Исследователи из других латиноамериканских стран во многом разделяют подобного рода подходы. Так, известный бразильский политолог Э. Триндади убежден, что Перон, так же как и президент Бразилии Варгас, сумели воспользоваться противоречиями между английским и американским империализмом, а также блокированием мировой капиталистической системы во время войны, чтобы превратить экономику своих стран, основанную на сельскохозяйственном экспорте, в новую индустриальную экономику, заменив импорт собственным производством. В период своего первого правления Перон, действительно, проводил «агрессивную социальную политику», с помощью которой смог мобилизовать как городские слои, так и население в целом. Но впоследствии, к моменту его отхода от власти, эта политика постепенно сошла на нет. Оба режима (и аргентинский, и бразильский), по убеждению Триндади, были скорее популистскими, чем фашистскими⁸⁶. В одном из исследований, посвященном анализу латиноамериканского «наци-фашизма», автор и вовсе говорит об Аргентине как стране, в которой отсутствовали даже отголоски фашизма⁸⁷.

Известный бразильский историк Ж.Ф. Бертонья не соглашается со столь категоричным утверждением соотечественника. Однако и он полагает, что Перон был харизматичным лидером, создавшим некоторое подобие единой партии, мобилизовавшей массы, а в какой-то момент симпатизировал фашизму. Однако, считает исследователь, Перону не хватало главного идеала, традиционных для правых ценностей и масштабного использования партии для мобилизации народных масс во имя идеологии, а не как обычного подручного инструмента лидера⁸⁸.

⁸⁵ Львович Д. Правый национализм в Аргентине XX века: между католическим традиционализмом и фашизмом // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 282–283.

⁸⁶ Trindade H. Fascism and Authoritarianism in Brazil under Vargas (1930–1945) // Fascism outside Europe. P. 472–473.

⁸⁷ Trindade H. O Nazi-fascismo na América Latina: Mito e realidade. Porto Alegre, 2004. P. 21–28.

⁸⁸ Бертонья Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке. Сравнительный анализ и концептуальное осмысление // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 216.

Признанный американский историк, автор монографии «Анатомия фашизма», Р. Пэкстон убежден, что оценка подобных перонизму латиноамериканских диктатур как фашистских является «опасным занятием». В лучшем случае оно представляет собой бессмысленное наклеивание ярлыков на политических оппонентов. В худшем случае, однако, может «обострить» восприятие классического фашизма. Ученый убежден: для того, чтобы проводить адекватные сравнения, необходимо различать разные уровни сходства и различия. Сходство между латиноамериканскими режимами и фашистскими диктатурами в Европе, по его мнению, обнаруживается в механизмах управления, в методах пропаганды и манипулирования идеями, а иногда и в определенных заимствованиях, таких, например, как корпоративная экономика с ее организацией. Однако при исследовании социальных и политических условий прихода Перона к власти и взаимоотношений его режима с обществом становятся более очевидными различия. Пэкстон образно заключает, что «скальпели хирургов могли быть одинаковыми, но в Латинской Америке их использовали для операций на совершенно другом теле, нежели в Европе»⁸⁹.

Испанский ученый Р. Домингес Мендес, сравнивая диктаторские режимы Перона и Варгаса с фашистскими диктатурами в Европе, отмечал наличие в латиноамериканских режимах некоторых компонентов, близких к фашизму. Историк полагал при этом, что в результате дискуссий их определение как фашистских было отвергнуто⁹⁰. Такой вывод представляется слишком поспешным. В современной Аргентине и за ее пределами издается немало работ, авторы которых продолжают настаивать, что адекватный анализ перонизма можно осуществить только в рамках категории «фашизм». В недавно опубликованной книге аргентинский журналист И. Монтес де Ока утверждает, что фашизм возникает в условиях острого противостояния между сторонниками капитализма и социализма и позиционирует себя в качестве «третьей силы», которая сможет реализовать на практике идеи социальной справедливости в обмен на подчинение и дисциплину. Фашизм, по убеждению автора, родился в Аргентине в период подготовки переворота 1943 г., и Перон был его вдохновителем. Публицист настаивает, что установленный в 1943 г. режим при Пероне приобрел еще более выраженные фашистские черты. Лидер Хустисиалистской партии, мол, придал ему более персоналистский

⁸⁹ Paxton R.O. The Anatomy of Fascism. New York, 2004. P. 196–197.

⁹⁰ Домингес Мендес Р. Указ. соч. С. 231.

характер⁹¹. Подобного рода заявления являются в большей степени пропагандистскими. Основная цель таких писаний состоит в дискредитации любых альтернатив неолиберальному развитию человечества. Не случайно Монтес де Ока пытается обосновать тезис, согласно которому правление Нестора и Кристины Киршнер (2003–2006; 2007–2015) также отмечено отголосками фашизма. Именно те лица, которые оправдывают проводимую в странах Латинской Америки в 1980-е – 1990-е гг. политику неолиберализма, приведшую к катастрофическим для населения последствиям, активнее других некритически навешивают ярлык фашизма на Перона и его движение.

Ряд исследователей, восхваляющих ориентированную на США неолиберальную модель общественного развития, утверждают, что «фашизм был продуктом идеологического синтеза между новым социализмом, лишенным экономической и рационалистической основы Маркса, и новой концепцией радикального национализма, основанной на культурных и кровных связях». Идеологической основой возникших в Европе в межвоенный период новых правых движений, по их мнению, был синтез «антилиберального национализма и антимарксистского социализма»⁹². В условиях Аргентины, пишет израильский историк уругвайского происхождения А. Спекторовский, новые националистические движения «соединили воедино требования национального освобождения с концепцией фашизма как идеологической основы нового мирового порядка. Для них зависимость являлась прямой функцией либерализма, а новый авторитарный порядок был бы основой для реального освобождения»⁹³.

Исследователь полагает, что уже в 1930-е гг. аргентинская интеллигенция левого и правого толка начала поднимать фундаментальные проблемы, которые определяли контуры нового национального идеала: инновационный национализм, который противостоял либеральному консерватизму, социалистическому марксизму и буржуазной политике, и который подпитывал новый возрожденческий миф и синтез традиции и модерна. По его убеждению, «аргентинский национализм не был ни антимодернистским,

⁹¹ *Montes de Oca I.* El fascismo argentino: La matriz autoritaria del peronismo. Buenos Aires, 2018.

⁹² *Spektorowski A.* The Fascist and Populist Syndromes in the Argentine Revolution of the Right // *Fascism outside Europe*. P. 530. См. также работы мексиканского историка итальянского происхождения Ф. Саварино (*Savarino F.* Juego de ilusiones: Brasil, México y los “fascismos” latinoamericanos frente al fascismo italiano // *Historia Crítica*. 2009. № 37. P. 138).

⁹³ *Spektorowski A.* The Fascist and Populist Syndromes... P. 530–531.

ни ностальгическим. Он был революционным и ... начал процесс идеологического развития, который достиг своего апогея при правительстве Перона». Главный вывод Спекторовского состоял в том, что Аргентина представляет собой яркий пример страны, в которой утвердилась «фашистская идеология, адаптированная к потребностям периферийного общества». Деятельность же Перона, согласно интерпретации историка, доказывает, что фашизм за пределами Европы также может служить цели национального освобождения и социальной интеграции. При этом автор добавляет, что результатом правления Перона стал экономический, социальный и политический кризис, продолжающийся в Аргентине до настоящего времени⁹⁴.

Такого рода спорные выводы могут быть легко опровергнуты. Ведь по справедливому замечанию ряда известных ученых, «тенденция приравнивания фашизма к модернистской революции отражает лишь одну и ... не самую важную часть сущности фашизма, скрывая как его контрреволюционную основу, так и тяготение к политическим и общественным силам правых консерваторов с целью стать массовым движением»⁹⁵. Как известно, фашистские партии в Италии и Германии достигли власти отнюдь не благодаря собственным усилиям, а в результате создания коалиции с другими консервативными и правыми группами⁹⁶.

Тем не менее, ряд исследователей высказывает более веские аргументы в поддержку тезиса о фашистском характере режима Перона⁹⁷. Испанская исследовательница М.Х. Малет отмечает такие признанные учеными характерные признаки перонизма, как авторитарные черты, персонализм, культ лидера, корпоративистскую концепцию государства и организованного общества, влияние европейских моделей. Признаются также важные социальные меры, осуществленные правительством, «выдающиеся политические способности Перона», его прагматизм и умение находить общий язык с народом. Все это, по ее убеждению, свидетельствует, что режим Перона был фашистским. Аргентинские историки, однако,

⁹⁴ Ibid. P. 533–534, 559–560.

⁹⁵ Моренте Ф. Испанская фаланга, фашистские диктаторы и гражданская война (1936–1939) // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 296.

⁹⁶ Боннел Э. Германские элиты и захват власти нацистами в 1933 г. // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23). С. 173.

⁹⁷ См. напр., опубликованные в 1990-е – 2000-е гг. монографии П.Х. Льюиса: Lewis P.H. The Crisis of Argentine Capitalism. Chapel Hill, N.C., 1992; *idem*. Authoritarian Regimes in Latin America: Dictators, Despots, and Tyrants. Lanham, MD, 2006.

стараятся избегать этой концепции и по-прежнему, считает Малет, отдают приоритет поискам «длинных и сложных определений и характеристик» перонизма⁹⁸. Современный британский исследователь фашизма и неофашизма Р. Итуэлл полагает, что разрабатываемая рядом авторов концепция популизма является более сомнительной, чем теории фашизма. Сам термин «популизм», по его мнению, является слишком неопределенным. Автор утверждает, что ученым не следует отбрасывать категорию фашизма при изучении феномена перонизма, особенно на ранних его этапах⁹⁹.

Несомненный интерес представляют исследования о перонизме и фашизме современного американского историка аргентинского происхождения Ф. Финкельштейна¹⁰⁰. Основное положение разработанной ученым концепции состоит в том, что сопоставление перонизма и фашизма имеет ключевое значение для понимания политической истории Аргентины. Если задаться вопросом, был ли Перон фашистом, ответ на него, по мнению автора, будет отрицательным. Однако историк убежден в важной роли фашизма в идеологическом происхождении перонистского популизма. Финкельштейн уверен, что перонизм, если говорить о его культурной, социально-экономической и идеологической генеалогии, переосмыслил фашистское наследие, не отбрасывая его полностью. Перон отказался от многих характерных для фашизма постулатов, включая «фашистский национализм». Тем не менее, исследователь подчеркнул, что идеологическая преемственность перонизма от итальянского фашизма была заметна как в годы военной диктатуры (1943–1946 гг.), так и при первом перонистском режиме (1946–1955 гг.)¹⁰¹.

Причины, по которым Перон был вынужден пересмотреть ряд основополагающих фашистских догматов, Финкельштейн связывал с рядом объективных обстоятельств. Фашистская модель

⁹⁸ Malet M.J. Op. cit. P. 229–230.

⁹⁹ Историк подвергает критике взгляды Дж. Джермани, поскольку он склонен к преувеличению «тоталитарных» устремлений режима Муссолини и «плюрализма», который якобы был характерен для аргентинского общества в период правления Перона. Во многом взгляды Итвела совпадают с уже проанализированной концепцией П.Х. Льюиса См.: *Eatwell R. Universal Fascism? Approaches and Definitions // Fascism outside Europe*. P. 15, 22, 35.

¹⁰⁰ *Finchelstein F. Transatlantic Fascism: Ideology, Violence, and the Sacred in Argentina and Italy, 1919–1945*. Durham, 2010; *idem*. *The Ideological Origins of the Dirty War: Fascism, Populism, and Dictatorship in Twentieth Century Argentina*. Oxford; New York, 2014; *idem*. *From Fascism to Populism in History*. Oakland, 2017.

¹⁰¹ *Finchelstein F. The Ideological Origins of the Dirty War*. P. 65.

фокусировалась на целях, которые не совпадали с аргентинскими и общемировыми послевоенными реалиями: «в то время как Аргентина, казалось, созрела для фашизма, мир показал себя слишком зрелым для него». Историк заострял внимание на внутренних проблемах аргентинского общества, в котором различные социальные и политические группы – от фашистов внутри и вне вооруженных сил до левых профсоюзов и рабочего класса в целом – формулировали свои требования, вынуждая режим приспосабливаться, постоянно меняя свою идеологию¹⁰². «В поиске политического выживания, – подчеркивал ученый, – Перон переформатировал фашизм, обращаясь к рабочему классу и поддерживая нежелательный союз с армией и церковью. Преодолев традиционные националистические представления об адаптации, Перону удалось создать новую постфашистскую идеологию для эпохи холодной войны»¹⁰³.

По убеждению Финкельштейна, идеологические представления Перона основывались на фашистской традиции, но, будучи хитрым политиком, он часто отказывался от своих фашистских корней, чтобы угодить своим последователям из рабочего класса. Результатом взаимодействия между нефашистскими политическими потребностями массовой базы движения и фашистским менталитетом Перона стало создание «современного аргентинского популизма». Исследователь подчеркивал, что этот вариант популизма представлял собой сочетание социальных реформ, государственного интервенционизма, национализма и антиимпериализма с однопартийностью, социальной поляризацией, клиентелизмом, цензурой прессы, остракизмом и преследованиями противников вплоть до тюремного заключения и пыток»¹⁰⁴.

В монографии «От фашизма к популизму в истории» Финкельштейн подчеркнул, что именно перонистская Аргентина стала родиной современного популизма как политического международного феномена. Он представлял собой альтернативу либерализму в исторический момент, когда после падения режимов Муссолини и Гитлера фашизм перестал быть жизнеспособной теорией. На концептуальном уровне популизм из-за собственного авторитарного и антиплюралистического характера выступает, как и фашизм, против либерализма, но он также явно отличается от фашизма в вопросах о роли насилия и отношения к демократическим выборам.

¹⁰² Ibid. P. 66, 68.

¹⁰³ *Finchelstein F. Transatlantic Fascism. P. 168.*

¹⁰⁴ *Finchelstein F. The Ideological Origins of the Dirty War. P. 73.*

Популизм, по мнению историка, следует рассматривать как авторитарное понимание демократии, которое после 1945 г. переформулировало наследие фашизма, чтобы объединить его с различными демократическими процедурами. Иными словами, перонизм и популизм по сути являются «фашизмом, приспособленным к демократическим временам»¹⁰⁵.

С рядом положений концепции Финкельштейна трудно согласиться. Представляется, что популизм – это более сложный феномен, объединяющий разнообразные течения. Наследие фашизма, безусловно, оказало влияние на определенные круги сторонников правого популизма. Однако в числе движений и режимов, часто характеризовавшихся как популистские, были и такие, которые выдвигали левую альтернативу неолиберальной модели, решительным образом отвергали фашистские идеи и методы. Сами они подвергались преследованиям со стороны правых радикалов и военизированных отрядов, деятельность которых поддерживалась государством, которое объявляло и продолжает объявлять себя носителем идей «либеральной демократии», воплощаемой в США, Франции и в некоторых других западных странах¹⁰⁶.

Конечно, хустисиализм и режим Перона представляли собой достаточно сложный и противоречивый феномен и их нельзя однозначно классифицировать как фашистские. Безусловно, прав аргентинский историк Ф. Луна, подчеркивая важную роль Перона в истории страны. Выдвинутые им идеи социальной справедливости после первоначальных споров нашли признание в стране, а «законы, провозгласившие, что государство не может быть безразличным к судьбе обездоленных, продолжали действовать и после свержения Перона»¹⁰⁷. Однако нельзя не согласиться и с Финкельштейном в том, что Перон никогда полностью не порывал связей с фашистами. Так, находясь в изгнании в Мадриде, в 1964 г. Перон во время встречи с 23-летним лидером аргентинской организации неофашистского толка «Такура» Д. Бакстером обратился к нему с просьбой физически устранить лидера перонистских

¹⁰⁵ *Finchelstein F. From Fascism to Populism in History. P. 110–112, 117–118.* Еще более определенно это тезис звучит в интервью Ф. Финкельштейна с журналистом К. Бернардом: *Populism in History: An Interview with Federico Finchelstein // Toynbee Prize Foundation. 2018. July, 24. URL: <https://toynbeeprize.org/interviews/federico-finchelstein/> (дата обращения: 25.08.2019).*

¹⁰⁶ Подробнее см.: *Строганова Е.Д. США и левые режимы Латинской Америки (вторая половина XX – начало XXI в.). М., 2017.*

¹⁰⁷ *Луна Ф. Краткая история аргентинцев. М., 2010. С. 255–256.*

профсоюзов А.Т. Вандора, заявлявшего о готовности «возглавить перонизм без Перона». Бакстер ответил отказом, однако в 1969 г. Вандор был убит, и это преступление так и не было раскрыто. Нельзя не отметить также, что в доме бывшего аргентинского президента висел портрет Муссолини, а сам он с восхищением говорил Бакстеру о фашистской Италии и работах «дуче»¹⁰⁸.

Во время второго правления Перона и президентства его третьей жены Исабель Перон (1974–1976) влияние фашизма, по убеждению Финкельштейна, также было весьма заметным. Оно проявилось в деятельности полувоенной террористической организации «Тройка А» (Аргентинский антикоммунистический альянс), члены которой разделяли идеологию клерикального фашизма. Деятельность этой организации, превратившейся в 1973–1976 гг. в «парарасударственную структуру» по борьбе с левыми перонистами, координировал личный секретарь Перона Х. Лопес Рега. Капитан полиции А. Вильяр, проходивший в США подготовку для борьбы с повстанцами в Панаме (позднее – комиссар полиции Буэнос-Айреса), был одним из тех, кто стоял за этой террористической организацией. Известно, что Вильяр открыто пропагандировал произведения Гитлера и других нацистских и фашистских идеологов¹⁰⁹.

Финкельштейн подчеркнул, что после смерти Перона Лопес Рега оказался одним из самых влиятельных аргентинских политиков. Автор заявил даже, что, став президентом Аргентины, Исабель Перон была формальным лидером «Тройки А» и в этом смысле стала первой в мире женщиной-лидером фашистской организации. С июля по сентябрь 1974 г. члены «Тройки А» совершили 220 нападений на своих «врагов» (почти три в день), включая взрывы, изнасилования, 60 убийств (по одному каждые 19 часов), 44 человека были тяжело ранены и / или изнасилованы, осуществлено 20 похищений людей (одно в два дня). В целом за период с 1973 по 1976 гг., более 900 человек, включая парламентариев, журналистов, правозащитников и адвокатов, латиноамериканских эмигрантов, интеллектуалов, представителей профсоюзов и левых партизан стали жертвами расправ¹¹⁰. Все эти обстоятельства позволили Финкельштейну усматривать истоки «грязной войны», которая велась в период правления военной хунты (1976–1983 гг.), не только в идеологической атмосфере «холодной

¹⁰⁸ *Finchelstein F. The Ideological Origins of the Dirty War. P. 113.*

¹⁰⁹ *Ibid. P. 113–115.*

¹¹⁰ *Ibid. P. 115, 117, 120.*

войны», но и в фашистских традициях, получивших распространение в аргентинском обществе в 1930-е – 1970-е гг.

Многие аргентинские историки не соглашались с подобного рода выводами. Однако, как справедливо подчеркнул бразильский исследователь О. Кальдейра Нету, все авторы – и те, кто усматривают наличие «специфического фашизма» в деятельности аргентинских правительств, и те, кто его отрицают, признают деятельность неофашистов в репрессивном аппарате аргентинских диктатур и поддержку правого радикализма со стороны государства¹¹¹. И все же это обстоятельство не должно однозначно рассматриваться как свидетельство фашистского характера правления Перона. Никогда полностью не порывая связей с фашистами, аргентинский лидер, тем не менее, пытался также использовать в своей деятельности воззрения и методы их противников. Так, например, узнав о популярности в Латинской Америке маоистских идей, в период пребывания в Испании Перон начал активно изучать труды Мао Цзэдуна¹¹². Не меньший интерес проявлял он и к работам других видных политических деятелей XX века. Представляется, что перонизм являлся достаточно эклектическим учением, но фашизм оказал существенное влияние на его формирование.

Споры о наличии фашизма в Аргентине и других странах Латинской Америки несколько ослабели, когда в начале XXI в. проявился «левый поворот». С приходом к власти правоориентированных лидеров, в деятельности которых, как, например, в случае с бразильским президентом Ж. Болсонару, многие исследователи усматривают откровенно фашистский стиль¹¹³, эта проблема вновь начинает серьезно беспокоить общество. Нельзя забывать о том, что в 1976–1982 гг. в Аргентине установился самый жестокий в Латинской Америке

¹¹¹ Кальдейра Нету О. (Нео) фашизм и диктатуры в странах латиноамериканского южного конуса: от старых взглядов к новым представлениям // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 252. Подробнее о втором президентском правлении Перона и режиме И. Перон и их репрессиях против левых сил в перонистском движении см.: Svampa M. El populismo imposible y sus actores 1973–1976 // Nueva Historia Argentina, 1955–1976. Vol. IX / dir. por D. James. Buenos Aires, 2003. P. 383–437; Franco M. La “depuración” interna del peronismo como parte del proceso de construcción del terror de Estado en la Argentina de la década del 70 // A Contracorriente: Revista de Historia Social y Literatura en América Latina. 2011. Vol. 8. № 3. P. 23–54.

¹¹² Finkelstein F. The Ideological Origins of the Dirty War. P. 113.

¹¹³ См., напр.: Finkelstein F. Jair Bolsonaro’s Model Isn’t Berlusconi. It’s Goebbels // Foreign Policy. 2018. Oct., 5; Pereira Brandão W.N.M. Fascismo no Brasil: uma ameaça aos direitos humanos quilombolas // Capa. 2018. Vol. 1. № 1. URL: <http://www.seer.ufal.br/index.php/dphp/article/view/5674/3927> (дата обращения: 29.05.2019).

диктаторский режим. До сих пор аргентинцы с ужасом вспоминают эти трагические времена: исчезновение людей, концентрационные лагеря, судьбы аргентинцев, которых пытали, накачивали наркотиками, а затем сбрасывали с военных самолетов в Атлантический океан. Официальная статистика жертв режима варьируется от 10 до 15 тыс. чел. По данным же большинства правозащитных организаций, в результате «грязной войны» погибли 30 тыс. чел. В Аргентине была также распространена кража детей, рожденных незаконно задержанными матерями¹¹⁴. Существует множество свидетельств наличия нацистской символики, «украшавшей» аргентинские камеры пыток в течение этих восьми ужасных лет¹¹⁵. По всей видимости, следует согласиться с Финкельштейном в том, что фашистская идеология оказала серьезное влияние на организаторов «грязной войны»¹¹⁶. Необходимо признать, что распространение этой идеологии в аргентинском обществе происходило и во времена правления Перона. Об этом нельзя забывать и сегодня.

¹¹⁴ *Finchelstein F. The Ideological Origins of the Dirty War. P. 1.*

¹¹⁵ *Eloy Martínez T. Op. cit. P. 16.*

¹¹⁶ *Finchelstein F. The Ideological Origins of the Dirty War. P. 1.*

М.Ю. Конаев

МЕЖДУ ФАШИЗМОМ И ЛИБЕРАЛИЗМОМ: РЕЖИМ ЛИ СЫНМАНА И ИДЕОЛОГИЯ «НАРОДНОГО ЕДИНСТВА» В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Одним из основных спорных вопросов в истории фашистских диктатур XX века является определение границ применимости родового понятия «фашизм» к диктатурам за пределами Европы¹. Это обусловлено, во-первых, неопределённостью самого понятия, трактуемого максимально разноречиво многочисленными историческими школами², и, во-вторых, несоответствием существенных аспектов генезиса неевропейских диктаторских режимов их евроатлантическим аналогам, на примере которых определение фашизма обычно и формулируется.

Если опираться на марксистские представления о генезисе фашизма в ходе классовой борьбы крупного капитала против левого рабочего движения, то, разумеется, в заморских колониях «великих держав» обычно не было ни развитого промышленного и банковского капитала³, ни противостоящего ему многочисленного социально активного городского пролетариата, для перехвата контроля над которым крупной буржуазии могли потребоваться такие политические инструменты, как корпоративизм, этатизм и культ личности диктатора, идея национальной исключительности и историческая мифология, милитаризм, эксплуатация образа внешнего и внутреннего врага, политический террор против противников режима, пренебрежение правом в широком смысле, включая консти-

¹ Примером этому может послужить дискуссия вокруг вопроса определения природы латиноамериканских военных диктатур периода интербеллума и послевоенных лет. Подробнее см.: *Кальдейра Нету О.* (Нео)фашизм и диктатуры в странах латиноамериканского Южного конуса: от старых взглядов к новым представлениям // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 246–255; *Окунева Л.С.* Об одной давней, но столь актуально звучащей сегодня дискуссии (к 40-летию дискуссии «К проблеме современных правоавторитарных режимов» на страницах журнала «Латинская Америка») // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 41–71. *Строганова Е.Д.* Изучение латиноамериканского фашизма в советской и постсоветской историографии // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 284–298.

² См., напр.: *Сергеев И.Ф.* Проблемы интерпретации понятия «фашизм» в англо-американской историографии // Вестник Удмуртского университета. 2019. Т. 29. Вып. 1. С. 171–181.

³ Этот капитал формировался уже в период независимости, причём в случае с крупными азиатскими корпорациями – преимущественно благодаря государственной поддержке.

туционные, избирательные и гражданские права, и другие особенности режимов Гитлера – в Германии или Муссолини – в Италии, признанных классическими фашистскими. Тем не менее, это не значит, что диктатуры, использующие все или многие перечисленные выше тактики, не могли формироваться в иных условиях, чем европейские фашистские режимы.

То же самое касается иной группы определений фашизма, которые опираются не на очерчивание круга бенефициаров политики фашистского режима, а на перечисление характерных черт его идеологии и политической практики. Как отметил американский историк Р. Пэкстон, «если мы твердо придерживаемся позиции Гаэтано Сальвемини, согласно которой фашизм означает «капитуляцию свободных институтов» и, следовательно, болезнь слабых демократий, то, конечно, наше поле [исследования] ограничено теми странами за пределами Европы, которые действовали как демократии или, по крайней мере, пытались установить представительное правительство. Этот существенный критерий исключает все виды диктатур третьего мира <...> клиентские государства, даже одиозные, не могут быть с полным правом названы фашистскими, поскольку они не опирались ни на массовую поддержку, ни на проведение экспансионистской политики»⁴.

Здесь в качестве определяющих признаков фашистского движения названы его опора на массы и стремление к экспансии, но этот подход тоже небесспорен. По указанию крупнейшего отечественного исследователя нацизма А.А. Галкина, «пример фашистских режимов прошлого, в частности, в Восточной Европе, свидетельствует, что при определенных обстоятельствах фашистские силы, не имеющие массовой базы, могут создать ее после прихода к власти... создать массовую базу нельзя, стоя на позициях социальной консервации. Такая массовая база возникает лишь в ходе экономической и социальной модернизации»⁵. Как мы увидим ниже, такая модернизация действительно декларировалась как цель национальной политики в ходе консолидации восточноазиатских постколониальных диктатур.

Весьма дискуссионный подход британского историка Р. Гриффина предполагает, что наиболее яркой чертой фашистской идеологии является палингенетический популистский ультра национализм – идея перерождения нации в рамках «консервативной

⁴ Paxton R.O. The Anatomy of Fascism. New York, 2004. P. 191, 201.

⁵ Цит. по: Окунева Л.С. Указ. соч. С. 51.

революции» с опорой на массы, и очищения нации от «агентов» упадка и деградации, что может (но не обязательно) выражаться в форме зоологического расизма⁶. Фалангисты Испании, салашисты Венгрии, австрофашисты и прочие европейские диктатуры, которые не столь активно опирались на массы, обозначаются им как «парафашисты». Надо отметить, что одной из проблем подобного подхода его критики называли сложность в различении «палингенетического национализма» от национализма вообще⁷, поскольку лозунг возрождения нации в том или ином виде провозглашается большинством националистов, в особенности идеологами национально-освободительных движений. Наконец, исследователь Р. Итуэлл относит к фашистским идеологии, опирающиеся на три группы идей – национального единства перед внешними и внутренними угрозами, создания новой элиты, преобразующей по своему образцу массы в духе концепции «нового человека», и «третьего пути» в государственном и общественном устройстве – между коммунизмом и капитализмом⁸. Эти признаки также довольно характерны для диктатур, возникших после Второй мировой войны в странах «третьего мира», в том числе в Южном Вьетнаме и Южной Корее.

В данной статье мы кратко рассмотрим процесс консолидации диктатуры первого президента Республики Корея Ли Сынмана, роль, сыгранную в этом процессе идеологией «народного единства» ильминчжуи, а также причины отказа от развития этой доктрины Ли Сынманом в 1950-х гг. Вопрос о квалификации идеи «народного единства» как фашистской идеологии за пределами Кореи подробно не обсуждался, а на данный момент остаётся дискуссионным и в южнокорейской историографии. В период националистических военных диктатур он не рассматривался вообще, но в ходе становления либеральной историографической школы после демократизации 1990-х гг. был поднят в работах профессора Со Чжонсока, посвятившего несколько работ вопросу утверждения режима Ли Сынмана⁹. Они интерпретируют ильминизм как местную версию

⁶ Гриффин Р. Сравнительное изучение европейского правого экстремизма: от «нового консенсуса» к «новой волне» в западных интерпретациях родового фашизма? // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 73.

⁷ Сергеев И. Ф. Указ. соч. С. 177.

⁸ Eatwell R. Populism and Fascism // The Oxford Handbook of Populism / eds. by C.K. Rovira, P. Taggart, P.O. Espejo, P. Ostiguy. Oxford, 2017. P. 365.

⁹ 서중석 (Со Чжонсок). (Идеология ильминчжуи и фашизм в ранний период правления Ли Сынмана) // 한국사연구회보 제105호. 1950년대 남북한의 선택과 굴절

фашизма в сочетании с традиционным конфуцианским консерватизмом. Хотя его работы не избежали критических рецензий¹⁰, сейчас в корейской историографии мнение о том, что в Южной Корее до 1953 г. шёл процесс фашизации режима, как инициированный, так и впоследствии замороженный сверху, разделяется рядом авторов¹¹. Ниже мы проследим основные черты идеологии ильминизма и её реализации на практике в 1940-х – 1950-х гг., а также её дальнейшую судьбу и причины, приведшие к свёртыванию этой повестки прежде превращения Республики Корея в полноценный фашистский режим.

Корея в 1910–1945 гг. была колонией Японской империи. Японская власть в Корее опиралась на местные землевладельческие и чиновничьи элиты (т. н. *чхинильхва*, «прояпонские деятели»), которые оправдывали своё сотрудничество с имперской администрацией прогрессивностью японской модернизационной политики. В этот же период происходит формирование корейского национального капитала, который уже в этот период видит внешней угрозой своему существованию Советский Союз¹².

Во времена японского господства сложились и основные политические силы, которые придут к власти после провозглашения независимости Кореи. Радикальные борцы за независимость были в основном представителями поколения 1900-х гг. рождения, почти не помнившими независимую Корейскую империю, и идейно делились на просоветских левых и прозападных правых. Колониальная администрация не нуждалась ни в про-, ни в антияпонской

(Исследование истории Кореи. Т. 105. Выборы и искажения в Северной и Южной Корее в 1950-е гг.). Сеул, 1998. С. 1–51. Он же. 이승만의 정치 이데올로기 (Политическая идеология Ли Сынмана). Сеул, 2005. Он же. 이승만과 제1공화국 -해방에서 4월혁명까지- (Ли Сынман и Первая Республика. От освобождения до Апрельской революции). Сеул, 2007.

¹⁰ См., н-р: 전상인 (Чон Санин). 과연 이승만은 파시즘을 추구 했을까 (Действительно ли Ли Сынман следовал фашизму?) // Чосон ильбо. 23.03.2005. URL: https://www.chosun.com/site/data/html_dir/2005/03/25/2005032570277.html.

¹¹ Так, Пак Бонсу в докторской диссертации именует ильминизм «странной смесью японского колониализма, немецкого фашизма, китайского конфуцианства, ультраправого антикоммунизма и западной модели демократии» (Park B.S. *Intimate Encounters, Racial Frontiers: Stateless GI Babies in South Korea and the United States, 1953-1965*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Minneapolis, 2010. P. 67). Также см. 채오병 (Чэ Обён) 비교사의 시각에서 본 한국의 파시즘과 권위주의 («Фашизм и авторитаризм в Корее в сравнительной перспективе») // 경제와사회 (Экономика и общество). 2016. Т. 111. С. 14–49.

¹² Tikhonov V. The Controversies on Fascism in Colonial Korea in the early 1930s // *Modern Asian Studies*. 2012. Vol. 46. № 4. P. 984.

самостоятельной политической мысли и боролась с любой оппозицией полицейско-бюрократическими мерами¹³.

История левого движения в Корее началась в 1918 г. с создания коммунистических организаций в среде корейской диаспоры в Советской России и Манчжурии генерала Чжан Цзолина. В 1920-х–1930-х гг. партизаны из числа советских корейцев боролись с японскими захватчиками в Манчжурии и Китае, и среди них началась политическая карьера Ким Сончжу (Ким Ирсена, 1912–1994). На территории самой Кореи разгромленная японцами компартия объединяла в основном представителей интеллигенции и имела ограниченное влияние на массы¹⁴.

Антисоветски настроенная буржуазия и интеллигенция опирались преимущественно на поддержку США. Феномен необычайно широкого распространения христианства в Корее¹⁵ во многом связан с политикой протестантских миссий США в колониальный период. Новую религию принял ряд представителей местной европеизированной элиты, который в будущем пришёл к власти в независимой Южной Корее и способствовал дальнейшей евангелизации страны. Благодаря христианским миссионерам корейцы-неофиты могли получить образование, медицинскую помощь, возможность посетить США или найти там политическое убежище. После окончания Первой мировой войны выросло влияние корейской диаспоры в Соединённых Штатах, лидер которой, Ли Сынман¹⁶, притязал на пост главы корейского государства после возможного восстановления под американским мандатом с 1919 г. Действовавшее в китайском Шанхае, а затем в Ханчжоу Временное правительство Кореи сперва признало его президентом, но в начале 1920-х гг. объявило ему импичмент, а в 1940 г. сформировало на территории

¹³ Kim D.C. The Social Grounds of Anticommunism in South Korea-crisis of the Ruling Class and Anticommunist Reaction // Asian Journal of German and European Studies. 2017. № 2. P. 6–7.

¹⁴ Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб, 2018. С. 398.

¹⁵ За XX век численность христиан всех деноминаций в массе корейцев увеличилась с 1 до 30 % населения при том, что половина современных корейцев не относит себя к верующим вообще. См. Печерица В.Ф. Влияние христианской церкви на общественно-политическую жизнь Республики Корея // Религиоведение. 2012. № 1. С. 76.

¹⁶ Ли Сынман (1875–1965) был выходцем из сословия чунъин, потомком наложниц корейских королей. В 1904 г., после освобождения из тюрьмы, куда он был заключён в 1899 г. за участие в мятеже, он выехал в США, где учился на гранты протестантских миссионеров и получил докторскую степень, позднее женился на американской австрийке Ф. Доннер. До конца жизни исповедовал протестантизм.

Китайской республики «Армию возрождения», «начальником штаба» которой являлся Ли Бомсок (1900–1972).

2 сентября 1945 г. Японская империя капитулировала, и по 38-й параллели прошла граница советской и американской зон оккупации Кореи. К северу от неё осталась треть населения страны, а также «от 80 до 95 % важнейших природных ресурсов, продукции химической промышленности, производства стали, электроэнергии и т.д.»¹⁷. США отказались признать легитимность созданной в августе 1945 г. революционными националистами на юге Корейской Народной Республики, и Временного (Шанхайского) правительства Кореи в изгнании. Солдатам «Армии возрождения» позволялось вернуться в Корею лишь как частным лицам. С другой стороны, Ли Сынман был возвращён в Сеул по запросу американской военной администрации, чтобы составить конкуренцию политикам, несогласным с провозглашением республики на Юге ценой раскола страны. Он пользовался репутацией человека со связями в США и устраивал многих в качестве лидера Кореи – так, национал-революционеры сперва предлагали ему кресло президента, что он на первых порах комментировал так: «большая честь стать лидером коммунистов в то время, когда Москва осуждает меня как антикоммуниста»¹⁸. Кроме его собственной партии «Национальный альянс за быстрое достижение независимости Кореи», его поддерживала и созданная в 1945 г. крупная Демократическая партия Кореи (ДПК)¹⁹.

В 1946–1947 гг., на фоне укрепления в Северной Корее позиций корейских коммунистов, на юге происходила консолидация различных антикоммунистических сил. Коллаборационисты-чхинильпха активно привлекались на службу американским временным военным правительством Кореи (USAMGIK) в 1946–1947 гг. Бывшие сотрудники японских служб охраны правопорядка составили костяк корейской полиции, участвовали в обеспечении явки и организации проведения сепаратных выборов в Национальное Собрание

¹⁷ Минкова К.В. Советско-американские противоречия в решении корейского вопроса (1944–1945 гг.) // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 86.

¹⁸ Fields D.P. Syngman Rhee: Socialist // Transactions of the Royal Asiatic Society. Korea Branch. 2016. № 91. P. 103.

¹⁹ Толстокулаков И.А. Политическая модернизация в Республике Корея (1945–1987 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2005. № 2. С. 54. Позднее ДПК во главе с Ким Сонсу не получила обещанные ей Ли Бомсоком восемь кресел в его правительстве и перешла в оппозицию.

на юге страны в 1948 г., которые и привели к власти Ли Сынмана²⁰. После провозглашения Республики Корея в 1948 г. власти Юга официально объявили об уголовном преследовании «прояпонских деятелей», но реальная работа «спецкомитета по расследованию коллаборационистских действий против нации» была быстро заблокирована²¹. Для христиан аргументом против коммунистов был хорошо известный антиклерикализм «красных», но христиане в Корее тогда ещё не составляли большинства верующих²². В целом, электоральная база правых была неустойчивой, а в массах был высок авторитет коммунистов, что угрожало власти Ли Сынмана и могло повлечь переворот в духе «народно-демократических революций» 1946–1948 гг.

Как утверждали пропрезидентские идеологи, коммунисты были не только ниспровергателями устоявшихся в обществе традиционных ценностей, но прежде всего – предателями и агентами иноземного (советского) влияния, подрывающими независимость молодой республики, которая представлялась недавно освобождённым от японской оккупации корейцам высшей и самодовлеющей ценностью – без суверенитета государство не может защитить никаких прав его граждан. Яркой иллюстрацией подачи этого тезиса в Южной Корее является срежиссированная кампания протеста против режима опеки²³. Последний лидер шанхайского Временного правительства Ким Гу (1876–1949) в 1945 г. активно участвовал в кампании против введения опеки, в 1947 г. вёл безуспешные

²⁰ *Kim Jinwung*. Participating in Nation-Building: The Role of the «Military Government Police» in South Korean Politics, 1946–1948 // *The Journal of American-East Asian Relations*. 2010. Vol. 17. № 2. P. 319.

²¹ Антикоммунисты проявили свою «патриотическую позицию» в период протестов против введения опеки над Кореей в декабре 1945 г., которое правая пресса подала как инициативу СССР. Позднее антикоммунизм стал универсальной индульгенцией для правых. Так, 23 сентября 1948 г. бывший японский филёр Ю Чонхён возглавил в пригороде Сеула массовое «Шествие против коммунизма», в ходе которого заявил, что «коллаборационист есть антикоммунист». См.: *Wright B.* Civil War, Politicide, and the Politics of Memory in South Korea, 1948–1961. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Vancouver, 2016. P. 71.

²² Даже в 1962 г. их насчитывалось лишь 12,8 % населения. См.: *Печерица В.Ф.* Влияние христианской церкви... С. 70.

²³ *Вишнякова В.В.* О роли СМИ Южной Кореи в подготовке раскола страны (1945–1948) // КНДР и РК 70 лет. М., 2018. С. 242–243. Заметим, что и на Севере ресентимент национального самоопределения в 1950-е гг. во многом обусловил победу Ким Ирсена с идеологией чучхе, т. е., «самостоятельности», над просоветской фракцией Трудовой партии Кореи (ТПК).

переговоры с коммунистами Севера по поводу сохранения единства Кореи, а в 1948 г. был выдвинут как главный конкурент Ли Сынмана на парламентских выборах президента Южной Кореи. В июне 1949 г. он был убит лейтенантом Ан Духи, видимо, в интересах Ли Сынмана.

15 августа 1948 г. Ли Сынман, которого Национальное Собрание в Сеуле 20 июля избрало президентом, объявил о создании на всей территории страны от советской границы до Пусана единого корейского государства, Республики Корея (РК). Фактически территория, контролируемая сеульской администрацией, ограничивалась землями к югу от 38-й параллели. Пхеньянские коммунисты, не признав новообразованную республику, в свою очередь провели выборы с участием южных кандидатов, 9 сентября 1948 г. провозгласив Корейскую народно-демократическую республику (КНДР), опять же притязующую на всю территорию Кореи. На полуострове возникло два государства со взаимоисключающими территориальными претензиями. Деокупация Кореи советскими и американскими войсками в течение 1948 г. была общим требованием всех её политических сил (кроме Ли Сынмана), а с выводом иностранных войск с полуострова гражданская война КНДР и РК была неминуема.

Первое правительство РК, действовавшее в 1948–1950 годах во главе с премьером Ли Бомсоком, в качестве альтернативы северному коммунизму сформировало собственную идеологическую платформу. Её главным теоретиком выступил министр образования Ан Хосан (1903–1999), бывший докторант Йенского университета в Германии. Его «Принцип народного единства» (一民主義 *ильминчжуи*²⁴, также «ильминизм») соединял в себе элементы традиционных корейских конфуцианских учений с современными националистическими и социалистическими в идеологию, которая должна была стать для масс привлекательной альтернативой коммунизму советско-китайского типа, оправдать этатизм и авторитарную власть лидера, и вместе с тем не иметь ярко антидемократического облика, чтобы не создавать явного противоречия с либеральной Конституцией республики²⁵.

²⁴ По аналогии с 三民主義 (саньминчжуи), «три народными принципами» Сунь Ятсена, ставшими официальной идейной платформой Гоминьдана в Китайской республике.

²⁵ Ермолаева Е.М. Государственная идеология Республики Корея: от истоков к современности // КНДР и РК 70 лет. М., 2018. С. 254.

Первоначально идейную платформу «народного единства» поддержала основанная 9 октября 1948 г. Корейская национальная партия. Затем 7 апреля 1949 г. Ли Сынман на выступлении по случаю создания Всекорейского молодёжного корпуса обороны прочитал речь, обозначив 4 главных пункта ильминистской программы, а ответственность за просвещение корейцев в духе этой идеи возложив на партии Национального Собрания и молодёжных активистов. 25 августа 1949 г. была создана «Ассоциация распространения народного единства» (일민주의보급회), предназначенная для пропаганды нового учения в массах и возглавленная высшими чиновниками РК: премьером Ли Бомсоком, министром внутренних дел Юн Чийёном, министром образования Ан Хосаном, секретарём президента Ли Гибуном, мэром Сеула, а затем министром промышленности и торговли Юн Босоном²⁶.

Стержнем доктрины ильминизма стал национальный солидаризм, объявленный высшей ценностью и залогом процветания страны. В былых бедах Кореи идеологи новой доктрины видели закономерный итог раскола корейского народа на взаимовраждебные сословия, региональные группы влияния, кланы и т. д. Соответственно, в современной «демократической» Корее ильминизм не оставлял места и политическому плюрализму, особенно оппозиционному. Актуальными угрозами ильминисты называли коммунизм и капитализм, одинаково подрывающие солидарность классов в обществе. Ли Сынман подверг социальный строй СССР критике с левых позиций, обвинив сталинизм в бюрократическом перерождении и утверждении общественного неравенства. Капитализм в корейском официозе 1940-х–1950-х гг. подавался негативно, как синоним понятию «империализм», подразумевающему иностранное господство над Кореей и её экономическую эксплуатацию. Таким образом, для ильминистов была характерна риторика «третьего пути», по Р. Итуэллу один из признаков фашистской идеологии.

Главными пунктами программы ильминистов в изложении Ли Сынмана, являлись:

– устранение дискриминации между дворянством и массами²⁷;

²⁶ 홍태영 (Хон Тхэён). '과잉된 민족'과 '찾을 수 없는 개인': 일민주의와 한국 민족주의의 특수성 («Избыточный народ» и «найденная личность»: «принцип народного единства» и специфика корейского национализма) // 한국정치연구 (Журнал корейской политики). 2015. Т. 24. № 3. Р. 95.

²⁷ Фактически дворянское сословие *янбан* утратило своё привилегированное положение ещё при японцах, так что отмена сословий была скорее формальным требованием.

- выравнивание уровня жизни посредством земельной реформы;
- установление социального и политического равенства полов;
- прекращение дискриминации между Севером и Югом или городской столицей и сельскими провинциями.

Историческая мифология ильминистов отталкивалась от секулярной трактовки корейского средневекового этнографического мифа о легендарном предке корейцев царь-герое Тангуне, сыне бога Хвануна от превращённой в человека медведицы (рудимент тотемических верований, характерных для первобытного культа). Этот миф был основной догмой для корейской национальной религии новейшего времени, созданной На Чхолом в 1909 г. под влиянием синтоизма, *тэджонгё* (кор. «учение о великом предке»). Вероучители *тэджонгё* Пак Ынрик и Син Чхэху одними из первых обратились к теме строительства корейской нации, взаимосвязи национальной культуры и государственности как «духа» и «формы» национального организма, а второй из них впервые использовал в своих работах сам термин *минджок* (кор. «народ», «нация»)²⁸. В понимании ильминчжуи миф о Тангуне был искажённым легендой историческим свидетельством о первых царях Кореи эпохи неолита и подтверждением 5000-летней истории корейской государственности, что древнее легендарной истории Китая и Японии. В Республике Корея по закону № 4 от 25 сентября 1948 г. получил статус официального созданный сторонниками *тэджонгё* в 1905 г. календарь *танги*, в котором 1948 год от Р.Х. соответствовал 4281 году «эры Тангуна». После падения режима Ли Сынмана с 1961 г. он был отменён в пользу европейского летоисчисления²⁹.

Национальная солидарность подавалась ильминизмом как естественное развитие чувства семейной привязанности, ибо корейская нация понималась как кровнородственное объединение потомков протокорейцев эпохи Тангуна. В наши дни эссенциалистские взгляды на корейский этногенез в основном разделяются учением чучхе в КНДР, тогда как южнокорейская этнология ныне в основном отошла от представлений о «единокровии»

²⁸ Толстокулаков И.А. Идеология национально-освободительного движения Кореи в период японского протектората // Известия Восточного института. 2012. № 2. С. 62–63.

²⁹ Носкова Н.Г. Идеи, основанные на мифе о Тангуне, в контексте проблемы национальной идентичности в Республике Корея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 10. С. 153.

корейцев³⁰. Однако в то время формированием корейской национальной исторической школы занимались в основном учёные-выпускники японских университетов, и их историко-этнологические штудии содержали перелицованные под корейский антураж взгляды японских националистов 1930-х гг. на этногенез собственно японского народа³¹. По словам Ан Хосана, «если родители, братья и сёстры – одна семья, то соотечественники общей крови – одна нация. Если домохозяйство – дом семьи, то государство – дом нации»³². Эта идея была связана с традиционными конфуцианскими взглядами на государство как большую семью и правителя как её патриарха. В средневековой Корее принцип сыновней почтительности хё ставился выше принципа верности какой-либо внешней силе, и концепция «отца нации», роль которого на себя примерил Ли Сынман, фактически снимала с него те ограничения публичной власти, которые должен был налагать на правителя демократический режим, установленный Конституцией. В 1950-х гг. Конституция дважды была переписана в интересах президента³³.

Важной частью программы ильминистов являлась аграрная реформа. Националисты и традиционалисты равно поддерживали идею конфискации земель у «прояпонских деятелей» и передачи её крестьянам, поэтому власти могли лишь оформить этот процесс максимально безболезненно для прежних собственников. Если на севере Кореи «чёрный передел» в советском духе состоялся ещё в 1946 г., и в его ходе были безвозмездно изъяты все сверхнормативные излишки земли, то на юге до 1948 г. конфискованный у японских землевладельцев земельный фонд, наряду с иными капиталами, оставался под управлением USAMGIK. После провозглашения РК он был передан в её собственность, а бывшие владельцы в качестве компенсации за изъятие сверхнормативных площадей получили банковские облигации. В 1948–1950 гг. велось парламентское

³⁰ Акуленко В. С. Эволюция теорий этногенеза корейцев в РК и КНДР // КНДР и РК 70 лет. М., 2018. С. 221–222.

³¹ Акуленко В. С. Теории этногенеза корейцев в КНДР и РК на первом этапе их формирования (1948 г. начало 1960-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 12 (45). С. 183.

³² *Ou Byung-Chae*. Homology Unleashed: Colonial, Anticolonial, and Postcolonial State Culture in South Korea 1930–1950 // *East Asia Culture Critique*. 2015. Vol. 23. № 2. P. 336.

³³ Курбанов С. О. История Кореи... С. 486. В 1952 г. введение прямых президентских выборов привело к политическому кризису (см. ниже), а в 1954 г. вторая группа поправок к Конституции была принята с нарушением законной процедуры их одобрения.

обсуждение условий выкупа бедными крестьянами «прирезков» до 3-гектарной нормы из государственного фонда. Были одобрены условия пятилетней рассрочки, оплачиваемой натурой (150 % урожая с прирезанных земель). Естественно, воспользоваться реформой могли лишь «крепкие» крестьяне, способные отдавать полтора урожая с прирезков за счёт урожая их основного надела, тогда как бедняки были вынуждены снова идти в арендаторы. Кроме того, длительная парламентская волокита дала бывшим крупным землевладельцам время на то, чтобы поделить часть сверхнормативных площадей своих имений между роднёй или клиентами-арендаторами через дарение или продажу в долг. Реализовать реформу до начала войны с Севером южане не успели³⁴.

Лозунг «единства народа» подразумевал государственный курс на устранение традиционных форм внутренней розни, в первую очередь, регионализма. Несмотря на внешнее сходство с политикой Третьего Рейха по унификации германских земель, этот пункт программы ильминистов имел совершенно иное содержание. Корея исторически никогда не была федеративным государством, и верховная власть в ней была гораздо более влиятельна, чем в Германии. Однако если лидер государства сам происходил из какой-либо провинции, он гарантировал ей преференции и наводнял бюрократический аппарат кадрами своей «малой родины»³⁵. Напротив, кандидатов в президенты – выходцев из какой-либо одной провинции в некоторых других могли не поддерживать принципиально³⁶. Из всех послевоенных корейских администраций именно при Ли Сынмане государственная власть была наименее затронута этим пороком, поскольку, во-первых, её верхушка состояла в основном из проводивших на чужбине много десятилетий эмигрантов, потерявших связь с малой родиной, и, во-вторых, сам президент родился в северной провинции Хванхэ, оказавшейся под контролем КНДР, и опирался поэтому в основном на столичный регион.

Наконец, дискриминация женщин была также заявлена одной из форм национальной розни, хотя борьба с ней скорее декларировалась, чем велась реально. Уже в период японской оккупации

³⁴ Курбанов С.О. История Кореи... С. 460–461.

³⁵ Асмолов К.В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. 2-е изд. М., 2017. С. 214.

³⁶ Феномен т.н. «региональной неприязни» (кор. *чибан камчжон*) прослеживается ещё с эпохи трёх корейских царств. См.: Ланцова И.С. Президентские избирательные кампании в Республике Корея: сравнительный анализ // ПОЛИТЭК. 2009. Том 5. № 2. С. 231–243.

городские жительницы перестали быть затворницами в своих домах, и практика женского трудоустройства во времена Ли Сынмана стала нормой. Но семейное и наследственное право оставалось дискриминационным вплоть до 1990-х гг., а замужество ставило крест на дальнейшей трудовой карьере и публичной деятельности³⁷, вопреки утверждениям президента, что в рамках ильминистской политики «благодаря введению гендерного равенства, 30 млн человек разделят ответственность за наше счастье и безопасность»³⁸.

Ещё одним принципом ильминизма, который вскоре отделился от него в самостоятельную идейную доктрину, был антикоммунизм. Для подавления коммунистов был принят печально известный «Закон о национальной безопасности», который дал американским советникам основание отзываться о политике президента Ли, как о фашистской³⁹. Созданный по лекалам японских актов госбезопасности эпохи империализма, он был фактически несовместим с демократическими правами и свободами граждан, криминализировал любую антиправительственную деятельность как таковую, и без труда был превращён Ли Сынманом в орудие расправы с политическими противниками, причём не обязательно левыми. В первый же год действия закона на его основании был арестован 188 621 гражданин, в т. ч. «за нарушение национального спокойствия» — 30 членов Национального Собрания (из 198). Через десять лет всё тот же закон позволил Ли Сынману после трёх судебных заседаний повесить его главного конкурента на выборах 1956 г. Чо Бонама⁴⁰, в своё время организовавшего уничтожение документов южан в Сеуле, в то время как сам президент с женой в панике бежали от наступления северян в Пусан.

С 5 июня 1949 г. в целях «перевоспитания» лиц, подозреваемых в коммунистических взглядах (практика, имеющая японское

³⁷ *Оспанова С.М.* Развитие прав женщин в Республике Корея: тенденции и перспективы // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2012. № 1 (25). С. 140.

³⁸ Цит. по: 金賢九 (*Ким Хёнгу*). 韓國の統治イデオロギー—民主義』の登場と変容過程 (Процесс появления и трансформации корейской государственной идеологии «ильминчжу»). Происхождение корейского политического консерватизма) // *アジア研究* (Азиатские исследования). 2019. Vol. 65. № 2. P. 4. URL: https://www.jstage.jst.go.jp/article/asianstudies/65/2/65_1/_pdf.

³⁹ *Hwang S.K.* South Korea, the United States and Emergency Powers During the Korean Conflict // *The Asia-Pacific Journal*. 2014. Vol. 12. № 1. P. 6. URL: <https://apjif.org/-Su-kyoung-Hwang/4069/article.pdf>.

⁴⁰ *Kraft D.* South Korea's National Security Law: a Tool of Oppression in an Insecure World // *Wisconsin International Law Journal*. 2006. Vol. 24. № 2. P. 631.

происхождение), в Южной Корее началось формирование «Лиги гражданского руководства» (кор. *Кунмин подо ёнмэн*). На практике чиновники включали в Лигу не только бывших левых, но и обычных людей для увеличения отчётных чисел. Известны случаи, когда в Лигу приглашали записаться бедных крестьян и подростков в обмен на муку или удобрения, и под страхом объявления активными коммунистами⁴¹. После начала Корейской войны и наступления северян списки членов Лиги стали готовым инструментом мобилизации в Корейскую Народную армию. В ответ на это в июле 1950 г. южане начали бессудные расстрелы членов Лиги. Жертвами этих расправ, производимых на глазах у англичан и американцев экспедиционного корпуса ООН, стали десятки тысяч человек⁴². Позднее расправы над неблагонадёжными всё же сопровождались ускоренным судопроизводством на основании указа Ли Сынмана о наказаниях за преступления в условиях чрезвычайного положения (ЧП) или законах о наказании за сотрудничество с коммунистами, а все эксцессы президент объяснял злоупотреблением властью со стороны отдельных должностных лиц⁴³.

Идею массовых молодёжных организаций ильминисты позаимствовали у Чан Кайши, в свою очередь, подражавшего европейским фашистам. Национальный молодёжный корпус (*Чокчхон*) был создан осенью 1946 г. при участии непосредственно Ли Бомсока и Ан Хосана, вёл военную подготовку добровольцев на американские деньги и рассматривался как новое издание «Армии возрождения», а в будущем – как зародыш армии независимой Кореи. В его учебном центре в г. Сувон до Корейской войны прошли подготовку около 70 тыс. человек. Численность корпуса росла – в конце 1947 г. в нём состояло 300 тыс. корейцев, а в августе 1948 г. – 1,15 млн. Такие же организации существовали и при других политических лидерах Юга: Ким Гу, Ким Гюсике, Ли Сынмане. В 1948 г. силами этих организаций на мятежном острове Чеджудо, а затем и по всей стране, были осуществлены антикоммунистические погромы, жертвами которых стали десятки тысяч граждан. С правовой точки зрения основанием для силового подавления выступлений оппозиции было объявленное Ли Сынманом в соответствии с Конституцией

⁴¹ 현석훈 (Хён Соккун). 보도연맹사건 '10대도 학살' 공식 확인돼 (Пресс-альянс официально подтвердил «дело об убийстве подростков») // 민중의소리 (Голос народа), 28.12.2009. URL: <http://www.vop.co.kr/A00000276492.html>.

⁴² Kim D.C. Beneath the Tip of the Iceberg: Problems in Historical Clarification of the Korean War // Korea Journal. 2002. Vol. 42. № 3. P. 68–69.

⁴³ Hwang S.K. Op. cit. P. 7–8.

1948 г. ЧП, но парадокс в том, что его условия не описывались ни одним нормативным актом, кроме японских, связанных с Конституцией Мэйдзи 1889 г. (!) вплоть до ноября 1949 г.⁴⁴ 19 декабря 1948 года, ввиду того, что конкуренция между одинаково антикоммунистическими молодёжными движениями приняла острые формы, все они были директивно объединены Ли Сынманом в «Корейский Молодёжный корпус» (*Ханчхон*, КМК). Бойцы КМК носили голубую форму аналогично «голубым рубашкам», молодёжной лиге Гоминьдана, имели тот же лозунг «главное – нация, главное – государство». Для мобилизации сравнительно немногочисленного в то время южнокорейского студенчества 22 апреля 1949 г. был создан под патронажем Министерства образования и министра Ан Хосана «Студенческий корпус национальной обороны», просуществовавший до 1960 г.⁴⁵

В ходе Корейской войны в декабре 1950 г. Ли Сынман создал свой аналог ландвера, «Корпус национальной обороны» (КНО) для нестроевых 18–40-летних гражданских ополченцев, офицерами в который были назначены члены КМК. Весной 1951 года он был распущен после того, как выявились факты массовой (до 120 тыс. чел.) голодной смерти ополченцев во время отступления южнокорейской армии с Севера под натиском китайских добровольцев. Как выяснилось, средства, отпущенные на их довольствие, украл командующий КНО бригадный генерал Ким Юнгын, бывший спортсмен-борец и лидер КМК, чтобы использовать для взятки политикам партий парламента и финансирования пропрезидентского «Национального альянса...». Под нажимом американцев он и ряд других офицеров были расстреляны, а его тесть министр обороны Син Сонмо уволен.

В 1952 г. президентский срок избранного Национальным Собранием Ли Сынмана подходил к концу. Его переизбрание представлялось сомнительным, так как пропрезидентский «Национальный альянс за быстрое достижение независимости Кореи» имел всего 14 кресел в составе преимущественно одномандатного парламента 1950 г.⁴⁶ Поэтому Ли Сынман потребовал у Национального Собрания внести изменения в Конституцию, позволяющие избирать президента РК всенародно, и оно вполне ожидаемо

⁴⁴ Ibid. P. 4.

⁴⁵ Kim D. C. Moral Imperatives: South Korean Studenthood and April 19th // The Journal of Asian Studies. 2012. Vol. 71. № 2. P. 405.

⁴⁶ Nohlen D., Grotz F., Hartmann C. Elections in Asia: a Data Handbook. Oxford, 2001. Vol. II. P. 420.

отвергло эти требования. В ответ на это без одобрения парламента было незаконно введено военное положение, а среди депутатского корпуса прошли аресты (из 17 арестованных 12 были осуждены как коммунисты). В мае-июне 1952 г. в Сеуле в поддержку президента прошли срежиссированные акции протеста, в которых приняли участие несколько сотен человек. В защиту Конституции выступили студенты, однако народные массы в целом отнеслись к событиям лета 1952 г. безучастно. Надежда оппозиции на вмешательство западных демократий не оправдалась. 4 июня госсекретарь США Дин Ачесон на совещании в Госдепартаменте заявил, что Америка должна будет поддержать Ли Сынмана в организации всенародных демократических выборов президента. Некоторые наблюдатели считали, что фашизоидная политика южнокорейских властей имеет источником не самого президента, а ильминистов и Ли Бомсока, заложником которых президент якобы является. 19 июля созданная в 1951 г. Ли Бомсоком Либеральная партия выдвинула Ли Сынмана и Ли Бомсока кандидатами в президенты и вице-президенты РК соответственно, но первый потребовал снять обе кандидатуры (чтобы через 5 дней «склониться перед волей народа» и «дать убедить себя» согласиться с выдвижением в президенты). Кроме того, Ли Сынман, активно общаясь с иностранными представителями, доказывал, что народная поддержка на его стороне, и шантажировал их разрывом отношений с ООН в разгар войны. 24 июня 1952 г. генерал Кларк, командующий американскими войсками в Корее, по приказу из Вашингтона даже начал разработку плана под кодовым названием «Everready» («Всегда готов») по силовому устранению каких-либо препятствий войскам ООН в выполнении их мандата в Корее «на случай, если в этом возникнет необходимость». 4 июля 1952 г. под всесторонним давлением оппозиция в Национальном Собрании сдалась и согласилась с реформой конституции⁴⁷.

После этого Ли Сынман устранил из большой политики Ли Бомсока, поддержав вместо него на выборах вице-президента РК кандидатуру независимого протестантского пастора и судьи времён Корейской империи Тэ Ёнхама, который был на 4 года старше президента и в качестве его заместителя как «патриарх корейского национального движения» выглядел для корейских избирателей убедительнее. В 1956 г. Ли Бомсок, проиграв во внутрипартийной борьбе секретарю и другу Ли Сынмана, Ли Гибуну, утратил статус

⁴⁷ Jong Y.R. Political Crisis in Korea, 1952: The Administration, Legislature, Military and Foreign Powers // Journal of Contemporary History. 1992. Vol. 27. № 2. P. 301–318.

одного из лидеров Либеральной партии и на время вышел из её состава. «Молодёжный корпус» был распущен в конце 1953 – начале 1954 гг. по причине внутреннего раскола и конфликта его кураторов в Либеральной партии. Старая партия Ли Сынмана, «Национальный альянс», не была распущена, но утратила своё значение, став одной из малых партий Национального собрания. «Ассоциация распространения народного единства» сосредоточилась на работе по укреплению президентского культа личности. Ан Хосан в 1954 г. ушёл в преподавание философии, с тех пор и до конца жизни выступая в роли своего рода «Розенберга корейского национализма»⁴⁸.

Итак, можно ли считать ильминизм фашистским движением, а период его внедрения в Корею – консолидацией фашистской диктатуры? Если, основываясь на анализе В.И. Ленина, «разыскивать интересы тех или иных классов» за идеологией и практикой «народного единства», то очевидно, что политика правительства Ли Бомсока была деятельно антикоммунистической, в части, касающейся борьбы против левой оппозиции – открыто террористической с опорой на массовые организации ещё до принятия «Закона о национальной безопасности» и начала Корейской войны, тогда как её левые элементы (земельная реформа, наказание «прояпонских деятелей»), напротив, были в большей степени вынужденными и непоследовательными. Позднейшая политика Ли Сынмана подтвердила его курс на союз со средней буржуазией (в отсутствие национальной крупной) – Либеральная партия в приоритетном порядке обеспечивала дружественным ей бизнесменам льготы, кредиты и заказы, боролась с рабочим движением.

В идейном облике ильминизма несложно обнаружить фашистские маркеры, причём, в отличие от арабского мира⁴⁹, не только во внешней атрибутике. Шесть «мобилизационных страстей» по Р. Пэкстону – примат общего дела над частными интересами, поза жертвы, страх разложения группы под воздействием идей индивидуализма, идея кровного братства, развитая групповая

⁴⁸ В 1970-е 1980-е гг. Ан Хосан был одним из лидеров т.н. *чэясакх* («оппозиционной исторической школы»), требующей вернуть в учебники ряд ильминистских мифов и официально восстановить летосчисление *танги* (См.: Акуленко В. С. Оппозиционная историческая школа Республики Корея: фальсификация истории или борьба с ней? // Корея перед новыми вызовами. М., 2017. С. 172–184). В 1981 г. философ заявил, что границы «государства Тангуна» на юго-западе доходили до китайского Пекина. В 1992–1997 гг. он был директором высшей школы *тэджонэ*.

⁴⁹ Вьен П. Арабы и фашизм в теории и на практике // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 337.

идентичность и вождизм⁵⁰, — с успехом эксплуатировались Ли Бомсоком и Ан Хосаном (хотя последней седьмой, социал-дарвинизма и культа оздоравливающего насилия, они не провозглашали, и это следствие именно отсутствия в Корее европейских правовых традиций, при котором массы могут «устать» от демократии — что в методологии Пэкстона исключает возможность характеризовать движение «третьего мира» как фашистское).

Триада «матрицы» Р. Итуэлла — национальный солидаризм, идея преобразования сознания элиты и масс и, наконец, «третий путь», отвергающий капитализм и коммунизм в пользу патерналистской диктатуры в обрамлении имитации демократических процедур — всё это присутствовало в РК в 1948–1953 гг. «Палингенетический ультранационализм», маркер от Р. Гриффина, так же был присущ ильминизму, как и другим модернистским движениям региона, начиная с японской политики Мэйдзи. Восприятие ильминистами прошлого корейского государства было весьма критическим, а региональные, сословные, имущественные и половые предрассудки, как вредные для нации пережитки старины, официально подлежали изжитию. Инициатива лояльных власти представителей масс до отстранения идеологов ильминизма от руководящих постов в Либеральной партии в 1953–1954 гг. также ими поддерживалась, а сами эти представители, такие, как Ким Юнгын и его подчинённые по КМК, занимали важные посты в силовых структурах. Расизм для ильминистов не характерен, но ведь именно оккупанты Кореи, японцы, эксплуатировали его для организации отпора белым конкурентам за господство в регионе, а для моноэтнического населения Кореи актуальность этой темы была низка. Наконец, стремление к внешней экспансии за пределы границ колониального Чосона практического выражения не получило, но в условиях, когда южане контролировали лишь половину территории собственной страны, это и неудивительно.

Что касается дефиниции самого Ли Сынмана как идейного фашиста, то она, с нашей точки зрения, кажется малообоснованной. Это был определённо диктатор-оппортунист, исходивший из рациональных представлений о своём месте в мировом порядке. В период наибольшей зависимости от иностранной помощи, в годы Корейской войны 1950–1953 гг., он дистанцировался от соратников, имеющих репутацию фашистов, свалив на них ответственность за

⁵⁰ Paxton R. The Five Stages of Fascism // The Journal of Modern History. 1998. Vol. 70. № 1. P. 6.

террористические и незаконные эксцессы в Корее, а себя презентовал как единственного договороспособного лидера в корейском политикуме. Это не позволило ему открыто порвать с демократическими процедурами, заставив оправдывать огрехи в их имитации военным временем и противодействием собственного окружения, которое якобы заставляло президента лавировать между фашизмом и либерализмом. Можно обозначить четыре группы объективных причин, приведших к заморозке процесса фашизации РК:

1. *Существенное сокращение влияния левых сил на южнокорейские народные массы по итогам Корейской войны 1950–1953 гг.* Американская военная администрация ещё в 1946–1947 годах ввела в Корее европейские нормы трудового права – запрет детского труда, 48-часовую рабочую неделю, 8-часовой рабочий день и полуторную оплату сверхурочной работы (не более 12 часов в неделю), что по сравнению с довоенным положением рабочих было гигантским шагом вперёд⁵¹. Облегчение положения крестьян произошло скорее вопреки, чем благодаря действиям южнокорейских властей. В ходе войны большая часть территории Юга была оккупирована северянами, которые изъяли землю у помещиков и перераспределили её между арендаторами безвозмездно. Хотя после войны крестьян обязали возместить стоимость земли государству в соответствии с реформой Ли Сынмана, острота аграрного вопроса была всё же смягчена⁵². Вместе с отступлением Корейской народной армии Северной Кореи под ударами американского корпуса ООН в 1950 г. на север ушли и многие сторонники КНДР, в том числе более 10 тыс. членов Трудовой партии Южной Кореи, притом, что более 150 тыс. её сторонников погибло или было арестовано в годы войны или перед ней⁵³. Южнокорейская армия, призыв в которую значительно возрос, стала средством политического воспитания масс в духе антикоммунистического лоялизма. Потери в гражданской войне снизили демографическое напряжение, мобилизация мужчин в армию, как и в Европе в годы Первой мировой войны, продолжила реальную эмансипацию женщин⁵⁴, а огромный ущерб, который нанесли хозяйству КНДР бомбардировки США, нивелировал изначально

⁵¹ Толстоулаков И.А. Деятельность военной администрации США по формированию демократических институтов в Корее (1946–1948 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 117.

⁵² Сонг Д., Ким Х.Ч. Корейская война и изменения в южнокорейском обществе в 1950-х гг. // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 64.

⁵³ Там же. С. 70.

⁵⁴ Там же. С. 65.

более высокий уровень жизни Северной Кореи⁵⁵. Ильминизм с его массовым участием был нужен в период выстраивания институтов корейской государственности, когда власти для подавления левого движения не хватало силовых инструментов, а после Корейской войны борьбу с ослабевшими левыми Юга могла взять на себя и пользующаяся чрезвычайными полномочиями полиция.

2. *Отказ от социалистических пунктов программы южнокорейского правительства.* Крупнейшим собственником в Южной Корее середины XX века было государство, и крупные корпорации *чеболь* создавались под его непосредственным руководством вплоть до 1980-х гг., но в 1940-е гг. максимум помощи, которую они были способны обеспечить правящему режиму, сводился к участию в подобных казусу КНО коррупционных схемах для теневого финансирования лоялистских инициатив украденными из казны средствами. После войны РК переориентировалась на новый экономический курс, получивший название «экономики помощи» (кор. *вончжо кёнчжэ*)⁵⁶. В его рамках приоритетное развитие получила национальная лёгкая промышленность (в первую очередь мукомольное, ткацкое и сахарное дело), а главным источником сырья и инвестиций стали США. Эта схема, как и её японский аналог, позволяла конкурировать на мировом рынке за счёт низких цен на продукцию передела, а они обеспечивались в первую очередь за счёт снижения издержек на воспроизводство рабочей силы — экономии на фондах оплаты труда рабочих, росте нормы эксплуатации и снижении закупочных цен на производимое крестьянами продовольствие. В отличие от позднейших реформ Пак Чонхи (1960-е гг.) с его законами против роскоши, лисынмановская администрация после войны отвергла ильминистскую игру в эгалитаризм и плотно солидаризовалась с нарождающимся южнокорейским крупным бизнесом.

3. *Отход от националистической риторики.* В первом периоде Корейской войны южнокорейская армия потерпела поражение от Корейской народной армии КНДР. Своим спасением южнокорейская государственность была всецело обязана американскому вмешательству, и было очевидно, что военно-политическое

⁵⁵ Юг был аграрным. На Севере в период японского владычества располагались основные добывающие предприятия. СССР не дал японской армии демонтировать, вывезти или уничтожить основные производственные фонды и имущество в своей зоне оккупации, что она сделала на юге в августе 1945 г. во время переговоров о капитуляции.

⁵⁶ Торкунов А.В. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М., 2008. С. 213–214.

присутствие США в РК сохранится надолго. Идея избавления корейцев от любого влияния *иностранцев вообще* диссонировала с исключительным положением американцев в Южной Корее. США после заключения перемирия не были настроены на возобновление войны с КНДР. Это значило, что создание «единой корейской нации» на американских штыках откладывается на неопределённую перспективу. Реализация в корейской внешней и внутренней политике даже антияпонизма, который сам Ли Сынман разделял до конца его правления, наталкивалась на неодобрение Штатов, которые стремились к единству своих тихоокеанских союзников по сопротивлению коммунизму⁵⁷. Кроме того, Америка была экспортёром либеральной идеологии, и открыто вступать с ней в идейный конфликт президент РК не планировал. Наконец, корейские националисты со времён Ким Гу были сторонниками объединения страны, в том числе и путём компромиссов и мирной конвергенции с Севером, тогда как для сторонников Ли Сынмана этот путь был закрыт. Интересно, что в старости Ан Хосан, удовлетворённый конвергенцией северо-корейской доктрины чучхе в её кимченировской редакции в сторону корейского национализма, поддержал объединение Кореи и в 1995 г. даже посетил священную гору Гуволь в КНДР без разрешения южнокорейского правительства.

4. *Инструментальность ильминистского движения.* Ильминизм не подавался как оригинальная идейная платформа некой партии, жёстко связанная с отдельной политической группой, борющейся за власть. Помимо «Национального альянса за быстрое достижение независимости Кореи», эту повестку дня разделяла и, например, малая партия под названием «Клуб народного единства» во главе с экс-секретарём президента и экс-министром МВД Юн Чиёном (1898–1998), которая на выборах 1950 г. в Национальное Собрание набрала лишь 1 % голосов и заняла всего три места в составе депутатского корпуса⁵⁸. В условиях такого значения государства ильминизм, подобно фашистским движениям в гоминьдановском Китае⁵⁹ и Сиаме периода диктатуры генерала Пхибуна Сонгкхрам⁶⁰, был критически

⁵⁷ Ермолаева Е.М. Роль идеологии в политических режимах Ли Сынмана и Пак Чонхи // Россия и АТР. 2009. № 1. С. 154.

⁵⁸ 일민구락부 (一民 樂部) (Клуб Ильмин) // 한국민족문화대백과사전 (Энциклопедия корейской национальной культуры). URL: <http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0047188>.

⁵⁹ Дирлик А. Идеологические основы движения «За новую жизнь»: исследование контрреволюции в Китае // Берегиня. 777. Сова. 2017. № 2(33). С. 117–144.

⁶⁰ Рейнольдс Э.Б. Тайский национализм в эпоху фашизма // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 303–318.

зависим от поддержки его властями. Он носил элитарный, верхушечный характер, навязывался сверху в виде официальной идеологии государства скорее усилиями чиновников, чем партийных организаций, а политически активные представители масс использовали его в качестве социального лифта, позволяющего им лично продвинуться в высшие эшелоны власти. В 1952–1954 гг. это окно возможностей закрылось, и вместе с ним прекратил своё существование ильминизм как организованное движение.

Внутри страны Ли Сынман, подобно японскому и маньчжурскому императорам в 1930-е гг., эксплуатировал традиционный образ азиатского национального лидера, «священного царя» конфуцианского типа, который стоит вне и над внутриполитической борьбой, а не прямо руководит ею, как фюрер или дуче. Противостояние коммунистам при этом подавалось как отпор внешней агрессии, и даже в его ходе президент не притязал на лавры непосредственно руководящего ходом боевых действий гениального полководца, опять же аналогично японо-маньчжурским монархам и в отличие от, например, Ким Ирсена. Это ограничило и степень милитаризации южнокорейского режима в целом. Идеи тэджонгё с их языческими мифами о происхождении корейцев от богов и тотемных зверей диссонировали с «прогрессивной» деноминацией, христианством, которое протестант Ли Сынман решил положить в основу корейского нацбилдинга, вскоре очистив правительство РК от иноверцев⁶¹.

Вообще на облик и судьбу режима оказали значительное влияние традиционные культурные феномены аграрного общества – связанное с семейственностью и опирающееся на культ предков клановое мышление, традиционализм, патриархализм, коллективизм. Режим Ли, с одной стороны, провозгласил борьбу с негативными аспектами традиционного общества, но, с другой, в поисках легитимации своей власти корейскими народными массами опирался на традиции (чему примером президентская кампания 1952 г.). Это обусловило и двойственное положение президента. Проведший много десятилетий в США, усвоивший американские привычки и жесты, женатый на американке Франциске Доннер «доктор Сынгман Ри» плохо соответствовал образу патриарха-отца нации в глазах корейцев-соотечественников – для них он оставался чужаком. При этом он сам так вполне и не стал демократом американского

⁶¹ См: 김명구 (*Ким Мёнгу*). 해방 후 이승만, 윤보선, 장면의 사상적·계보적 갈등 연구 (Исследование иерархических и идеологических конфликтов между Ли Сынманом, Чан Мёном и Юн Босоном после освобождения от японской власти) // 한국교회사학회지 (Журнал Общества истории Церкви в Корее). 2012. № 33. С. 250–252.

образа по взглядам, сохранив конфуцианское мировоззрение, которое, учитывая его возраст и заслуги в деле освобождения Кореи, разрешало ему отождествить себя с государством в духе Луи XIV⁶². В этом отношении он противостоял прогрессивной оппозиции, которая усиливалась по мере модернизации и урбанизации социума, складываясь из представителей его верхних страт – городского студенчества, части буржуазии и бюрократов. Именно она, в конечном итоге, и низложила Ли в ходе Апрельской революции 1960 г.

Пример Южной Кореи позволяет нам провести ряд аналогий с другими восточноазиатскими диктатурами того же периода. В эпоху деколонизации в странах Французского Индокита (кроме Северного Вьетнама), Филиппинах и Корее в ходе транзита власти на смену чиновникам метрополии пришли местные элиты, составленные из помещиков, бюрократов и силовиков низшего и среднего звена, клерикалов и средней буржуазии. Политически активные, по-европейски образованные, обеспеченные, обладающие связями за рубежом, представители этих слоёв становились естественными преемниками колониальных администраций. Усиление левого движения в мире после завершения Второй мировой войны неизбежно ставило под сомнение власть новоявленных национальных элит, особенно если те ранее сотрудничали с колонизаторами, как обычно и бывало. Оказавшись под угрозой отстранения от власти и собственности местными левыми силами, «младонациональные» элиты юга Кореи переняли в политике и идеологии антидемократические и антикоммунистические тактики, уже проверенные европейскими фашистами в борьбе с левыми силами. Так родилась идеология ильминизма, которую можно охарактеризовать как разновидность фашистской. Насаждение этой идеологии и трансформация южнокорейского государства в однопартийную диктатуру были остановлены сверху после завершения Корейской войны, когда потребность правящей верхушки в массовой поддержке в борьбе с левым движением снизилась. Тем не менее, некоторые идеи ильминизма – национализм, корпоративизм, политический солидаризм (в период Юсин приведший к упразднению многопартийности), концепция «третьего пути» в форме доктрины «чучхесон» – были взяты на вооружение в 1960-е – 1970-е гг. новой корейской диктатурой во главе с президентом Пак Чонхи, изначально военной и пришедшей на смену «гнилому» либерально-демократическому режиму Второй республики.

⁶² *Ермолаева Е.М.* Истоки южнокорейского национализма. Власть и идеология в Республике Корея // *Известия Восточного института.* 2016. № 3(31). С. 61.

А.С. Балезин

ИДИ АМИН – «АФРИКАНСКИЙ ГИТЛЕР». К ВОПРОСУ О ФАШИЗМЕ В АФРИКЕ

Проблематика фашизма и неофашизма, правого радикализма, тоталитаризма и репрессивно-террористических военных диктатур после 1945 года в мире вообще и в «третьем мире» в частности является сложной и неоднозначной и составляет предмет дискуссий и в наши дни. Один из таких вопросов – природа правления Иди Амина в Уганде (1971–1979). Ученые спорят, можно ли вообще называть подобные режимы в «третьем мире» фашистскими с точки зрения теоретической.

Известный американский исследователь Р. Пэкстон оспаривает эту возможность: «Диктаторские режимы в Африке и Латинской Америке, которые способствовали американским и европейским интересам (выкачивание ресурсов, привилегии в инвестициях, стратегическая поддержка в «холодной войне») и в обмен поддерживались западными покровителями, назывались «подзащитным фашизмом», «прокси-фашизмом» или «колониальным фашизмом». Здесь имеется в виду Чили под властью генерала Пиночета (1974–1990) или такие протектораты Запада как Конго при Мобуту Сесе Секо (1965–1997). Эти подзащитные государства, хотя и одиозны, но все же не могут законно называться фашистскими, потому что они никогда не жаждали на народном признании и не были свободны в проведении политики экспансионизма. Если они допускали привлечение общественного мнения, они рисковали, что оно будет направлено против их западных хозяев и их самих. Лучше всего рассматривать их как традиционные диктатуры или тирании с поддержкой извне»¹. Однако его соотечественники Р. Пател и Ф. Макмайкл придерживаются противоположного мнения. Они считают, что можно говорить о фашизме в странах «третьего мира», если понимать его шире, чем европейский фашизм первой половины XX века: «Фашизм вполне можно отделить от своего исторического европейского дома»².

В отечественной историографии дискуссии о правоавторитарных режимах в странах «третьего мира» ведутся издавна. Так,

¹ Paxton R. The Anatomy of Fascism. New York, 2004. P. 201.

² Patel R., McMichael P. Third World is Mand the Lineages of Global Fascism: the Regrouping of the Global South in the Neoliberal era // Third World Quarterly. 2004. Vol. 25. № 1. P. 250.

известный историк, специалист по Латинской Америке, Л.С. Окунева недавно напомнила об актуальной и поныне дискуссии середины 1970-х годов³. Задавший тон в этой дискуссии С.А. Микоян высказал ряд положений, представляющихся мне крайне важными и в нашей сегодняшней дискуссии: «Нельзя слишком догматично подходить к определению фашизма, исходя из того или иного «классического образца... Наша задача – выявить то основное содержание, которое составляет понятие фашизма, выяснить, в чем его сущность, так сказать, первичные признаки, а в чем – вторичные признаки. Было бы неверным, антиисторичным искать полного тождества, а если его нет налицо – отрицать наличие фашизма вообще. Теоретически это несостоятельно. Политически – это крайне опасно, так как подобный подход мог бы привести к заключению о том, что фашизм окончательно похоронен в 1945 г., и принадлежит лишь истории»⁴. А.А. Галкин, самый крупный отечественный специалист по германскому фашизму, настаивал в ходе дискуссии, что к таким «первичным признакам» фашистских режимов относятся не только их военно-террористический характер, но и «активная, организованная, массовая социальная база». При этом, подчеркивал он, «при определённых обстоятельствах фашистские силы, не имеющие массовой социальной базы, могут создать ее после прихода к власти»⁵. Он акцентировал внимание на важности для признания фашистского характера того или иного режима «социального маневрирования фашистского типа», т.е. такой ситуации, когда режим не «делает ставку только на тюрьмы и концлагеря», не «ограничивается экономической модернизацией», а «пытается решать социальные проблемы»⁶.

Не претендуя на истину в последней инстанции, автор предлагает фактический материал о режиме угандийского диктатора Иди Амина, полагая, что он может быть полезным для современных дискуссий по этой проблематике.

Биография и военная карьера. Иди Амин родился между 1925 и 1928 гг. (большинство исследователей сходятся все же на 1925 г.).

³ Окунева Л.С. Об одной давней, но столь актуально звучащей сегодня дискуссии. (К 40-летию дискуссии «К проблеме современных правоавторитарных «режимов» на страницах журнала «Латинская Америка») // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4(31). С. 41–71.

⁴ Цит. по: Там же. С. 42–43.

⁵ Цит. по: Там же. С. 51.

⁶ Цит. по: Там же.

Его отец принадлежал к народу каква, мать – к другому народу Уганды – лугбара. Ее считали колдуньей. Она оставила мужа и вместе с сыном отправилась странствовать по свету. В конце концов, они оказались в армейских казармах г. Джинджи – второго по величине города Уганды. К шестнадцати годам Амин принял ислам. В 17 – торговал печеньем.

С 1946 г. служил в армии помощником повара. В 1948 г. Иди Амин становится капралом Королевских африканских стрелков. В 1951–1952 гг. он завоевал титул чемпиона по боксу среди Королевских африканских стрелков в тяжелом весе. Один из командиров Амина, британский офицер И. Грехэм вспоминал: «Он поступил на армейскую службу, практически не имея никакого образования; справедливо будет сказать, что до 1958 г. (когда ему было около тридцати) его можно было считать абсолютно неграмотным»⁷. В 1954 г. Иди Амин получил чин сержанта, в 1959 г. – уоррент-офицера, в 1961 г. – лейтенанта, а в 1962 г. – майора. В те годы он прославился жестокостями при улаживании этнических конфликтов. Амина отличали зверские методы обращения с пленными: их лишали знаков мужского достоинства. Будущий диктатор иногда лично увечил пленных солдат.

Когда 9 октября 1962 г. была провозглашена независимость Уганды, Амин входил в число немногих тогда офицеров-угандийцев. Его карьере в независимой Уганде немало способствовал и тот факт, что его дядя, Феликс Онама, стал министром внутренних дел в правительстве Оботе⁸. В 1964 г. Иди Амин стал заместителем Главнокомандующего армией страны и получил чин полковника. К 1966 г. бригадир Амин имел дом в Кампале с охраной, «кадиллак», двух жен и собирался жениться на третьей.

В мае 1966 г. именно И. Амин, сидя в открытом «джипе», возглавлял правительственные войска, штурмовавшие дворец кабаки (короля) Мутесы II – верховного правителя Буганды и первого президента Уганды⁹. Важно отметить, что ненависть баганда (населения Буганды) за эту акцию была направлена на премьера Оботе, а не на Амина как исполнителя, что помогло Амину впоследствии. С этого времени Иди Амин стал любимцем Оботе и вскоре был назначен командующим армией. К 1968 г. Амин сумел таким образом

⁷ *Grahame I. Amin and Uganda: a Personal Memoir*. London, 1980. P. 34.

⁸ Аполло Милтон Оботе Олото (1924–2005) был первым премьером-министром (1962–1966) и президентом Уганды (1966–1971)

⁹ Подробнее см.: Балезин А.С. Африканские правители и вожди в Уганде. М., 1986.

организовать набор в армию, чтобы создать себе опору из числа соплеменников по отцу-каква.

Одновременно ухудшились его отношения с Оботе, ставшим президентом. Оботе понимал, что Амин захватил слишком большую власть в армии и стал для него опасен.

Президент Уганды. Милитаризация страны и террор. Осуществление военного переворота Амину облегчил отъезд Оботе в Сингапур на конференцию стран Содружества. К своему возвращению президент потребовал от Амина отчета об израсходовании 40 млн угандийских шиллингов (в то время – около 2,5 млн фунтов стерлингов).

Государственный переворот произошел 25 января 1971 г. быстро и почти бескровно. По радио объявили: «Власть теперь передана такому же солдату, как и мы, генерал-майору Иди Амину Дада». Амин стал военным главой государства, верховным главнокомандующим вооруженными силами страны, а также начальником штаба обороны. Он возглавил созданный еще при Оботе совет обороны. Формирование этого важного органа теперь стало исключительной прерогативой Амина.

Свой кабинет министров Иди Амин также переделал на военный лад. На первом же заседании он присвоил всем министрам офицерские звания. Отныне каждый из них должен был носить военную форму и подчиняться военной дисциплине¹⁰.

В стране царил эйфория – все были довольны свержением непопулярного правительства Оботе. Амин выпустил из тюрем всех знатных пленников бывшего президента, много ездил по стране и выступал перед народом.

Амину нужно было привлечь на свою сторону широкие слои населения, в первую очередь баганда. Для этого он распорядился перезахоронить в столице прах кабаки Буганды и первого президента Уганды Мутесы II, умершего в изгнании в Англии¹¹.

Но маховик террора уже был запущен. Первыми жертвами становятся офицеры, оказавшие сопротивление Амину. Начальника штаба армии, бригадира Сулеймана Хусейна, жестоко избивают в тюрьме. Затем его голову доставляют в резиденцию Амина. Позже стало известно, что Иди Амин любил доставать голову Хусейна из холодильника и вести с ней беседы.

¹⁰ Kyemba H. The State of Blood: the Inside Story of Idi Amin. New York, 1977. P. 41.

¹¹ Kalemera P. Let Us Salute the Passing King. Kampala, 1971.

В течение трех недель после переворота было убито до семидесяти армейских офицеров и около двух тысяч штатских. Через три месяца число жертв превысило десять тысяч. Их тела скармливали крокодилам.

Акты террора осуществлялись с разрешения декретов Амина. Один из них предоставлял военным право задерживать любого человека, обвиненного в «нарушении порядка». Другой запрещал привлекать к суду «любое лицо, действующее именем правительства (читайте – именем Амина) в интересах сохранения общественного порядка или общественной безопасности», «укрепления дисциплины, законности и порядка».

Террор осуществлялся армейскими подразделениями, в которых Амин опирался на унтер-офицеров – людей, примерно равного с ним образования и кругозора. Он быстро продвигал их на офицерские должности, и никогда не фиксировал таких назначений письменно: просто говорил – «ты капитан» или «ты теперь майор».

Так же быстро продвигались любимцы Амина и в специальных карательных органах: Тайная полиция (официально называвшаяся Государственным исследовательским бюро), Часть общественной безопасности, а также Военная полиция.

Первыми жертвами террора были ланги – народ, к которому принадлежал Оботе, и родственный им народ, ачоли – основа оботовской армии. По спискам вылавливали и убивали людей, имена которых начинались на «О», что означало принадлежность к этим народам. Ко времени переворота Амина в угандийской армии насчитывалось примерно пять тысяч ачоли и ланги. Через год около четырех тысяч из них было убито¹².

В сентябре 1974 г. остатки верных Оботе солдат, концентрировавшиеся в Танзании, попытались свергнуть Амина. Это стало поводом для новой волны террора. Осужденных раздевали догола, кому-то выкалывали глаза перед расстрелом. Смотреть на эти зверства сгоняли толпы народа.

В начале 1975 г. было несколько покушений на Амина, также закончившихся массовыми расстрелами. После одного из покушений жена Амина – Медина была доставлена в больницу со следами жестоких побоев, в том числе со сломанной челюстью, – говорили, что Амин подозревал ее в сговоре с покушавшимися. С тех пор он принимал самые невероятные меры предосторожности – менял

¹² Ксенофонтова Н.А., Луконин Ю.В., Панкратьев В.П. История Уганды в новое и новейшее время. М., 1984. С. 203.

автомобили, в последнюю минуту изменял свои планы, сажал в президентские кортежи близких ему по комплекции подставных людей.

Для режима Амина был характерен изощренный садизм. На трупах убитых, которые изредка предъявлялись к опознанию, были следы самого невероятного насилия. Садизм Амина обошелся его стране по меньшей мере в четверть миллиона человеческих жизней – такова минимальная цифра убитых во время его правления.

Репрессии против интеллигенции. Амин, как все люди его типа, патологически ненавидел интеллигенцию, даже лечивших его врачей. Он удалил из страны трех врачей-европейцев, обвинив их в распространении «политической гонорей». Интеллигенция старалась покинуть Уганду. Эмигрировал профессор Семакула Киванука, крупнейший в Уганде авторитет в области истории, и многие другие – ученые, писатели, представители других профессий умственного труда.

В 1973 г. последовала целая серия отставок министров Иди Амина, понявших губительную сущность его режима и сбежавших за границу. Ранее наиболее строптивые из них, например, верховный судья Бенедикто Киванука, лидер Демократической партии (запрещенной, как впрочем, и все другие при Амине), были попросту убиты.

Министр просвещения Эдвард Ругумайо сообщил о своей отставке из соседней Кении и вслед обратился к главам африканских государств и правительств. Он писал об Амине следующее: «Он неполноценен с медицинской точки зрения – у него гормональный дефект. Он расист и фашист, убийца и богохульник, трибалист и диктатор. У генерала Амина нет принципов, для него не существует моральных норм, и он не щепетилен в выборе средств. Если это отвечает его интересам – укреплению его власти или достижению желаемого, будь то женщина или деньги, – он без колебаний убивает или приказывает убить. Он неисправимый лжец как во внутренних, так и в международных делах, и на его слово в делах международных никогда не следует полагаться. Для него не существует норм ни в морали, ни в политике. Он устанавливает свои собственные «нормы», пишет свои собственные «правила» и меняет их по ходу дела. Поэтому предсказать его действия очень трудно. Единственное, что можно предсказать, – это то, что он крайне непредсказуем. Амин не может просидеть в офисе целый день. Он не может сосредоточиться на каком-либо серьезном

деле даже на пол-утра. Он не читает. Он не умеет писать. Все эти неумения, вместе взятые, не позволяют ему участвовать в регулярных заседаниях кабинета или следить за дебатами в кабинете, или понимать письма, которые пишут ему министры. Короче, он живет вне связи с каждодневной жизнью страны не потому, что ему так нравится, а из-за своей неграмотности»¹³.

В 1976 г. в университетеMakerere разразился скандал. Людьми из спецслужб был убит один из студентов, а затем – главная свидетельница убийства, беременная женщина. Дело было спущено на тормозах, что возмутило университетскую молодежь. К тому же вMakerere учился один из сыновей Амина, который имел машину, личную охрану и занимал преподавательские апартаменты, что раздражало других студентов. 3 августа 1976 г. университетская молодежь устроила демонстрацию под лозунгом «спасите нас от Амина». Демонстранты были жестоко избиты солдатами и полицейскими. Затем было проведено расследование, по итогам которого несколько студентов исчезли из университета навсегда. Спустя несколько дней вMakerere на церемонии выпуска Амин получил степень почетного доктора права «за восстановление в Уганде законности и порядка» и за то, что «дал угандийцам возможность жить без страха».

К концу правления Амина из Уганды сбежало большое количество чиновников и интеллигенции¹⁴. Практически опустел университетMakerere: в эмиграции оказались профессора, деканы факультетов, лекторы по основным дисциплинам. Остались лишь конформисты, перекраивавшие по указке Амина историю, географические карты и прочее.

В 1977 г. Амин лично застрелил архиепископа Уганды Янани Лувума, который вместе с другими высшими церковниками написал петицию с критикой его режима¹⁵. Согласно правительственному сообщению Лувум и двое министров Уганды погибли в результате автомобильной катастрофы.

Важнейшими политическими акциями в этот период были декрет, разрешающий мужчинам брать себе любое количество жен (при этом брак должен быть зарегистрирован в течение шести месяцев), и запрет на мини-юбки, которые Амин объявил неприличными. Заодно женщинам запрещалось носить парики – «волосы

¹³ Цит. по: *Kamau L., Kamerom A. Lust to Kill. The Rise and fall of Idi Amin. London, 1979. P. 121–122.*

¹⁴ *Ксенофонтова Н.А., Луконин Ю.В., Панкратьев В.П. Указ. соч. С. 214.*

¹⁵ Там же. С. 215.

либо убитых империалистов, либо африканцев, убитых империалистами», а также брюки.

Сам Амин – поборник пристойности – сменил за время своего президентства пять жен и около тридцати официальных любовниц, причем некоторые из них были зверски убиты. Тело одной из этих жен, Кей Адроа Амин, с которой он развелся официально несколькими месяцами ранее, было найдено в багажнике автомобиля расчлененным.

Смена ориентиров и расистская кампания. Широкий международный резонанс имел разрыв отношений Уганды с Израилем и переориентация на арабские страны. В начале 1972 г. последовали яростные нападки Амина на израильскую политику в арабском мире, и к концу марта израильтян в стране не осталось. Эта акция, превратившая Амина в глазах мировой общественности в «борца против сионизма», ввела в заблуждение правительства многих стран. Ближайшим другом Иди Амина стал ливийский лидер Муаммар Каддафи, заинтересованный в уменьшении влияния Израиля в Африке. Он пообещал Амину солидную помощь – материальную и военную.

Тогда же началась и насильственная исламизация Уганды. Страну, где мусульмане составляли не более 10 % населения, Амин объявил частью исламского мира. Мусульманам отдавалось предпочтение при назначении на государственные должности. Так, в 1971 г. в кабинете министров было два мусульманина (включая самого Амина), а в 1977 г. – уже 14 из 21. То же самое было и в армии и полиции – из 17 частей 15 командовали мусульмане.

Переориентация Амина на арабский мир и как следствие поддержка им палестинских террористов вылилась в 1976 г. в знаменитый «рейд на Энтеббе». Группа палестинцев похитила следовавший из Тель-Авива в Париж аэробус «Эйр Франс» с пассажирами. Они потребовали освобождения 53 палестинцев, задержанных в Израиле и нескольких европейских странах. Пилотов заставили приземлиться в Энтеббе.

Иди Амин оказал террористам гостеприимство, и предоставил им оружие. 258 заложников согнали в здание аэропорта, где их охраняли аминовские солдаты. Израилю был предъявлен двухнедельный ультиматум. Операция по освобождению этих заложников была признана одной из самых блестящих во второй половине XX века. Ее провели за 50 минут. Заложников увезли из Уганды,

а всех семерых террористов и двадцать угандийских солдат убили в перестрелке. Самой тяжелой потерей для Амина было уничтожение 11 МИГов, составлявших основу ВВС Уганды.

Все произошло так быстро, что Амин не успел опомниться. Когда ему сообщили об операции, он тут же отправился в аэропорт. Четыре оператора радарного слежения были расстреляны на месте. Затем последовали другие убийства, особенный международный резонанс получили два из них – Доры Блох и Джимми Пармы. 73-летняя женщина была в больнице, во время налета на Энтеббе израильтян, и они о ней забыли. Зато не забыл Амин. В ту же ночь она исчезла. Ее труп, обожженный, но узнаваемый, был обнаружен и запечатлен на пленку фотографом из угандийского Министерства информации Джимми Пармой. Парму схватили на улице, пленку засветили, а самого его отвезли и убили в том же лесу Наманве, где он и обнаружил тело Доры Блох.

Важным международным событием стала крупная расистская акция угандийского диктатора – изгнание из страны «азиатов». 4 августа 1972 г. Амин объявил, что ночью во сне Аллах внушил ему мысль выгнать азиатов, ибо они «доят экономику Уганды».

Азиатская община Уганды восходит к началу XX века. К 1972 г. в Уганде насчитывалось около 50 тыс. «азиатов», причем только у 20 тыс. из них были угандийские паспорта, остальные имели двойное гражданство или считались подданными других стран, в основном Великобритании. Однако Амин не собирался делать различий между «азиатами» с разным гражданством. Было объявлено, что в течение 90 дней все они должны покинуть страну. Был установлен окончательный срок – 8 ноября. Банковские счета лиц азиатского происхождения арестовывались, а с собой им было разрешено взять только по сто долларов на человека. Иди Амин заявил, что те из «азиатов», что не уберутся из Уганды, должны будут перебраться из городов в деревни, чтобы «смешаться с угандийцами и жить их жизнью». Неудивительно, что к 8 ноября 1972 г. в Уганде остались лишь отдельные лица азиатского происхождения.

Откровенно расистская кампания имела целью добыть средства, чтобы расплатиться с армией за поддержку Амина. Экономика страны находилась в плачевном состоянии, а расходы на армию росли. Великобритания тут же приостановила выплату Уганде двухмиллионного займа, а США – десятиллионного (соответственно в фунтах стерлингов и долларах). Это сразу же повлекло за собой новый этап «экономической войны» Амина:

были «национализированы» предприятия, принадлежавшие англичанам¹⁶.

Распределением захваченной собственности занимались военные. В результате львиная доля добычи досталась аминовским любимцам – унтерам и офицерам. Говорили, что один из них, например, получил около двадцати домов, другой – две дюжины тяжелых грузовиков или автомобилей. Не было никаких списков, никакого учета. В общей сложности так было роздано до 4 тысяч предприятий¹⁷. Неудивительно, что все отнятое у «азиатов» практически полностью пришло в запустение – фабрики, аптеки, школы, магазины и др. Исчезли товары первой необходимости. Одно время в Кампале не было соли, спичек, сахара. Это было серьезным ударом по экономике Уганды. И тем не менее, как это ни удивительно, удаление «азиатов» широко приветствовалось в Уганде.

Международный резонанс изгнания «азиатов» был достаточно велик. В частности, осложнились взаимоотношения Уганды с Великобританией. Англичане поначалу приветствовали переворот Амина. Именно в Лондон летом 1971 г. угандийский диктатор нанес один из первых своих зарубежных визитов. Его принимали и премьер-министр, и министр иностранных дел, и сама королева. На этот раз Амину было официально заявлено об ущербе британским предприятиям в Уганде по итогам «экономической войны». Британское правительство сначала объявило о задержке выплаты Уганде займа в 10 миллионов фунтов стерлингов, а 30 ноября аннулировало соглашение о предоставлении стране других займов. 14 сентября выплату займов Уганде прекратили США, Япония, Канада. Дания и Норвегия. Вслед за этим правительства западных государств отзывали из Уганды своих технических специалистов, медицинский и педагогический персонал. В короткие сроки страну покинуло примерно 2 тыс. европейцев¹⁸.

Через год заговорили и о компенсации ущерба британским подданным – азиатам, который оценивался в 150 миллионов фунтов стерлингов. Амин основал «фонд помощи Великобритании» и внес из своего собственного кармана 10 тысяч угандийских шиллингов, как он заявил, «чтобы помочь Британии пережить охвативший ее экономический кризис». Вслед за этим Амин послал телеграмму британскому премьер-министру, в которой говорилось, что

¹⁶ Ксенофонтова Н.А., Луконин Ю.В., Панкратьев В.П. Указ. соч. С. 207–208.

¹⁷ Там же. С. 212.

¹⁸ Там же. С. 207–208.

экономические сложности Британии досадны для всего Содружества и он предлагает свою помощь в их решении¹⁹.

Популистские акции в Уганде и за рубежом. Иди Амин старательно поддерживал образ «большого папы» – отца угандийцев, простого парня из народа, безразличного к «империалистическому официозу». Так, он не явился на очередную конференцию стран Содружества, поскольку не были выполнены поставленные им условия: королева не прислала за ним самолет, экипированный караулом из шотландской гвардии; а генеральный секретарь стран Содружества не предоставил ему пару обуви его 46-го размера! В ноябре 1974 г. Амин предложил перевести штаб-квартиру ООН в Уганду, потому что это – «географическое сердце Африки и всего мира.

В 1975 г. пришла очередь Уганды принимать у себя сессию глав государств и правительств Организации африканского единства (ОАЕ). По существовавшей тогда в ОАЕ традиции глава принимающего государства становился на очередной год председателем ОАЕ. Сессия была организована в Кампале с большой помпой. Было закуплено двести «мерседесов». В угандийской столице впервые за долгое время появились мука, яйца, соль, мыло, куры, масло, молоко – но только в отелях и на виллах, предназначенных для гостей. Жителям Кампалы на время сессии было вменено в обязанность носить особые одежды с изображением Амина, эмблемы ОАЕ и карты Африки. Сам Амин по этому случаю сделал себя фельдмаршалом (а на следующий год объявил себя пожизненным президентом²⁰).

Однако независимые государства Африки проявили сдержанность в отношении сессии ОАЕ в Кампале: некоторые вообще отказались в ней участвовать, другие вместо глав государств и правительств прислали заместителей. Но Амина это не смутило. На банкете он устроил очередное представление – появился там в кресле, которое заставил нести четырех английских бизнесменов. Это называлось «бремя белого человека» – так в свое время Британская империя определяла место колоний в империи. Во время сессии ОАЕ было еще несколько зрелищ, например, воздушные маневры, изображавшие налет на Кейптаун – цитадель расистов ЮАР. На одном из островов на озере Виктория неподалеку от

¹⁹ См. подробнее: Балезин А.С. Указ. соч. С. 190.

²⁰ Ксенофонтова Н.А., Луконин Ю.В., Панкратьев В.П. Указ. соч. С. 204.

угандийского берега был водружен флаг ЮАР, и МИГи ВВС Уганды довольно долго бомбами сбивали этот флаг, а затем сбросили на островок флаг ОАЕ.

В ходе зарубежных поездок Амин всегда старался укрепить свой имидж «человека из народа». В Аддис-Абебе он демонстрировал в бассейне свое умение плавать и нырять, заявив предварительно, что поведет арабские силы на Израиль и переплывет Суэцкий канал. В Ватикане опоздал на 18 минут на прием у папы римского Павла VI – случай, подобный которому там не могли припомнить. В Нью-Йорке, на сессии Генеральной ассамблеи ООН, его встречали посланные туда заранее 47 угандийских фольклорных танцоров. На заседание он опоздал на 40 минут. Произнес приветствие на суахили. Затем передал текст своей речи на английском языке представителю Уганды при ООН. А после добавил к ней окончание на дикой смеси суахили, его родного языка каква и английского еще на десять минут. Он был в фельдмаршальской форме со всевозможными регалиями²¹.

В 1977 г. на встрече на высшем уровне афро-арабских стран в Каире, Амин сделал следующее заявление: «В Уганде нет тюрем. Мы все живем в мире и безопасности. Уганда свободна, и ее люди процветают».

Агрессивная внешняя политика. В 1976 г. Амин заявил, что Уганда претендует на часть территорий Кении и юга Судана. Что касается Кении, то он требовал «возвратить» Уганде полосу в двести миль от кенийско-угандийской границы почти до самой столицы Кении Найроби.

В октябре 1978 г. Амин двинул свои войска на Танзанию. Этот шаг оказался для него роковым. Поначалу успех сопровождал его – внезапность нападения, использование самолетов и танков дали ему возможность захватить часть территории Танзании. Однако танзанийская армия предпринимала героические усилия, и вскоре они увенчались успехом. 25 января 1979 г., выступая по поводу восьмилетия своего переворота, Амин вынужден был признать: «Сейчас, когда я выступаю, танзанийцы находятся в наших пределах». Однако он был бы не он, если бы не добавил: «Танзания не должна обманываться в том, что может захватить Уганду... Танзанийские солдаты в Уганде сидят на пороховой бочке... Начав сражение, я с точностью до минуты буду знать, когда их захвачу».

²¹ Балезин А.С. Указ. соч. С. 194.

А незадолго до захвата столицы Уганды руководитель страны заявил по радио: «Для паники нет никаких оснований. Противник сдерживается в 40 милях от столицы»²².

Тем не менее, 11 апреля 1979 г. Кампала пала. Столица встречала победителей криками: «Мы свободны!», «Убийца, тиран и каннибал всегда погибает!». Это был конец режима Иди Амина.

Король Саудовской Аравии Халед предоставил ему убежище. Но Амин не терял надежды вернуть себе власть в Уганде. Через 10 лет после краха своей диктатуры, 3 января 1989 г., он вместе с сыном Али с фальшивыми паспортами объявился в столице соседнего Заира – Киншасе. Их тут же задержали. Угандийское правительство немедленно потребовало выдачи Амина для предания его суду. Заир отказался сделать это, сославшись на отсутствие соответствующего соглашения. Амин был выслан назад в Саудовскую Аравию на частном самолете через Дакар. Но в сенегальской столице стало известно, что король Халед отказывает Амину в убежище, и тем же самолетом Амин вернулся в Заир. Потребовались дипломатические усилия нескольких глав государств, чтобы уговорить короля принять Амина обратно. В конце концов, Амину вновь было предоставлено политическое убежище с условием, что впредь он не будет вмешиваться в политику!

Иди Амин умер в Саудовской Аравии 16 августа 2003 г. в возрасте 75 лет и был похоронен в Джидде.

Итоги режима Амина. О фашизме в Уганде. Как же «процветала» Уганда и ее люди в годы правления Амина?

В 1977 г. на угандийскую армию расходовалось больше 30% валового национального продукта, а расходы на промышленное развитие ни разу не превысили 0,1%. Дефицит бюджета составлял 1,1 миллиарда шиллингов²³. Фермы разорялись. Стоимость жизни в результате хронического дефицита продуктов и товаров возросла за время правления Амина на 500%. Не было удобрений для полей, лекарств для людей. Цены на продукты были астрономическими: пол-литра молока стоило почти доллар, тридцать яиц – от 7 до 10 фунтов стерлингов, килограмм сахара – 4 фунта стерлингов, буханка хлеба – один фунт, кусок мыла – почти 4 фунта²⁴.

²² Цит. по: Балезин А.С. У Великих африканских озер. Монархи и президенты Уганды. М., 1989. С. 199.

²³ Ксенофонтова Н.А., Луконин Ю.В., Панкратьев В.П. Указ. соч. С. 218.

²⁴ См.: Балезин А.С. Указ. соч. С. 197.

Летом 1977 г. официально распалось Восточноафриканское экономическое сообщество. К его краху привели политика Амина, успевшего перессориться с двумя другими членами сообщества – Кенией и Танзанией, а также экономическая нестабильность самой Уганды. Для страны это было чревато новыми хозяйственными трудностями. В 1977 г. Уганда была одной из 25 беднейших стран мира. 1978 г., однако, принес Уганде некоторое экономическое облегчение: из-за заморозков в Бразилии существенно поднялись мировые цены на кофе. В страну вновь потекли деньги, вырученные за его продажу.

Амина часто называли «африканским Гитлером». Когда один корреспондент спросил его об этом уже в изгнании, Амин воскликнул: «Самые великие в истории – Биг Дэдди и Гитлер. Мы – сильные люди». Амин действительно часто публично восхищался Гитлером. Хотел даже поставить ему памятник в центре Кампалы с надписью «Великий ученик – великому учителю». Но, учитывая, что Гитлер был расистом и в отношении черных, Амин ограничился установкой его бюста в собственном дворце. Поэтому ряд авторов автоматически называет режим Амина фашистским.

Однако по вопросу о природе правления Амина среди исследователей истории Уганды нет единства. Так, угандийский историк индийского происхождения М. Мамдани прямо называет аминовский режим фашистским. Он рассматривает его как «неоколониальный фашизм», продукт кризиса империализма, диктатуру наиболее шовинистических агентов империализма»²⁵.

В то же время индийский историк В. Гупта в своей монографии, апологии заклятого врага Амина – Оботе, не скупится на самые негативные эпитеты в отношении Иди Амина и его режима: «жестокое подавление личности и уничтожение всех форм свободы личности» «идиотские, причудливые и бессистемные акции», «непредсказуемость» «военный диктатор», «взбалмошный клоун», «патологическая личность, абсолютно лишенная интеллекта»²⁶. Тем не менее, он нигде не пишет о режиме Амина как о фашистском.

Исследователь из Дании Х.Б. Хансен в книге, вышедшей в свет еще во времена правления Иди Амина, концентрируется на этнической опоре режима Амина и также не называет его фашистским, ограничиваясь понятием «военный режим»²⁷.

²⁵ *Mamdani M.* Imperialism and Fascism in Uganda. London, 1983. P. 39, 35–37.

²⁶ *Gupta V.* Obote. Second Liberation. New Delhi, 1983. P. 87–88.

²⁷ *Hansen H.B.* Ethnicity and Military Rule in Uganda. Uppsala, 1977.

В отечественной историографии серьёзной работой, анализирующей режим Амина, является коллективная монография «История Уганды в новое и новейшее время, вышедшая в серии «История стран Африки» в 1984 г. Автор соответствующих разделов, В.П. Панкратьев, нигде не употребляет слово «фашизм» по отношению к Амину, а называет его режим «военной хунтой» или «военной диктатурой»²⁸.

Полагаю, что режим Иди Амина в Уганде все же следует отнести к фашистским. Помимо репрессивного характера его военной диктатуре были свойственны и популистские акции, и попытка создания новой относительно широкой социальной базы в виде слоя сержантов, и попытка решения экономических и социальных проблем за счет изгнания азиатов и передачи мелкого и среднего бизнеса в руки социальной опоры режима.

²⁸ Ксенофонтова Н.А., Луконин Ю.В., Панкратьев В.П. Указ. соч. С. 204–221.

Н.С. Иванов

БОЛСОНАРУ: БРАЗИЛЬСКИЙ УЛЬТРАПРАВЫЙ ИЛИ «НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ФАШИСТ»?

Пришедший к власти в 2018 г. и ставший президентом Бразилии с 1 января 2019 г. Жаир Болсонару открыто выражает свое отвращение к демократии и, по мнению большинства исследователей, является самым экстремистски настроенным ультраправым государственным деятелем в мире. Используя весь арсенал борьбы за смену государственной власти и полный набор грязных предвыборных технологий, он и его сторонники фактически совершили переворот в стране, где у власти долгое время были левые силы. Партия трудящихся (Partido dos Trabalhadores – ПТ) находилась у власти во главе коалиционного правительства с 2003 г. Ее лидер Лула да Силва был президентом Бразилии до 2011 г., а затем его сменила на этом посту Дилма Русеф, также представлявшая ПТ.

В целом не препятствуя проведению неолиберальных реформ и ратуя за компромиссы с местными предпринимателями и иностранными (прежде всего американскими) компаниями, она, тем не менее, пыталась проводить прогрессивный курс, направленный против демонтажа социальной сферы, приватизации всех госпредприятий. Во внешней политике Дилма ратовала за независимый от США курс, направленный на кооперацию стран Латинской Америки, поддержку «розовых» правительств Венесуэлы, Боливии, за укрепление сотрудничества в рамках БРИКС.

Этого было вполне достаточно, чтобы развязать яростную борьбу против законно избранного президента, в которой местные олигархи сплотились с Вашингтонским режимом, традиционно использовавшим для подавления демократии в данном регионе экономические бойкоты и санкции, государственные перевороты и политические убийства. В июле 2013 г. бразильская пресса опубликовала серию статей с разоблачительными материалами бывшего сотрудника ЦРУ Эдварда Сноудена, в которых он утверждал, что Бразилия стала самым приоритетным объектом шпионажа, направленного на смещение со своего поста Д. Русеф¹. В сентябре того же года она выступила на заседании генеральной ассамблеи ООН с обвинениями в адрес американского правительства в нарушении международного права, незаконном сборе частной

¹ O Globo. 6.07.2013.

информации о бразильских политических деятелях, экономическом шпионаже, направленном против крупнейших государственных предприятий (в том числе нефтяной компании «Петробраз»). Причем американский президент Обама, вышедший на подиум сразу же после нее, был вынужден признать «озабоченность международной общественности размахом деятельности Агентства национальной безопасности»². Однако данная констатация никак не повлияла на подрывную деятельность спецслужб США в Бразилии, а также максимальную поддержку правой оппозиции в ходе предвыборной борьбы.

В стране была развернута антиправительственная кампания под названием «Бразильская весна», в которой главное место заняло обличение коррупции властей, критика всех без исключения политических институтов и партий под лозунгом «Мы против всего». Причем обличительный пафос строился не на фактах, а в основном на риторике, голословных выпадах и обвинениях. По сути это было повторением массированной атаки СМИ перед военным переворотом 1964 г., который привел к власти в Бразилии правую хунту, правившую в стране два десятилетия (1964–1985)³.

Американские компании и банки через свои филиалы в Бразилии оказывали значительную финансовую поддержку организациям «Движение за свободную Бразилию» (Movimento Brasil Livre) и «Все на улицы!» (Vem pra Rua). Ожилились международные неправительственные организации, многие из которых являлись филиалами ЦРУ⁴. Со стороны военных сыпались прямые угрозы государственного переворота, особенно после победы Русеф на президентских выборах 2014 г. В преддверии выборов 2018 г. военные раздавали на улицах Рио-де-Жанейро журналы для детей, в которых Партию трудящихся изображали в качестве «красного монстра» («красной опасности»), нападающего на белого мальчугана, к которому на помощь спешат мужественные бразильские солдаты.

По стране прокатилась серия политических убийств и насилия. Одной из наиболее известных жертв стала М. Франку, выступавшая за права трудящихся, женщин, жителей фавел (городских трущоб), депутат городского совета Рио-де-Жанейро от Партии социализма

² The Guardian. 24.09.2013.

³ Martins C.E. A «Primavera» brasileira: que flores florescerão? // Lutas Sociais. 2013. Vol. 17. № 31.

⁴ Bruza R. Quem financia o Movimento Brasil Livre? // Independente. 4.02.2018.

и свободы (Partido Socialismo e Liberdade). Ее расстреляли в центре города 14 марта 2018 г.⁵

Наряду с оппозиционными СМИ центральную роль в бразильском «мягком перевороте» сыграли суды, которые исторически были придатком олигархического клана, с коррумпированными судьями, прошедшими через «стажировку» и индоктринацию в США. Почти весь высший судейский корпус Бразилии получал американские гранты через Госдеп, который организовывал их поездки в Вашингтон. Этот факт был вскрыт в дипломатической переписке, опубликованной журналистом Дж. Ассанжем на его сайте Викиликс⁶.

Среди бразильских судей, ставших американскими агентами влияния, был и Сержиу Мору, который в 2015 г. инициировал судебные процессы против чиновников и политических деятелей ПТ по обвинению в коррупции в рамках так называемой «Операции Автомойка» (Operação Lava Jato). В результате фальсифицированных данных было возбуждено уголовное дело против Д. Русеф, приведшее к ее импичменту в 2016 г. (хотя ей не смогли инкриминировать ни одного эпизода получения взятки). Иронией судьбы было то, что главными «борцами против коррупции» стали самые отъявленные воры и казнокрады – пришедший в результате этого «ползучего переворота» к президентской власти Мишел Темер (находящийся сейчас в тюрьме за неопровержимо доказанные факты мздоимства) и судья Мору, замешанный в многочисленных коррупционных скандалах и получивший, тем не менее, должность министра юстиции и общественной безопасности в правительстве Болсонару.

Судейская коллегия (при полной поддержке Вашингтона) активно занималась преследованием левых журналистов, активистов правозащитного движения, профессоров и студентов, проявивших активность в социальных движениях. И эта волна репрессий, начавшаяся с момента импичмента Д. Русеф, продолжается до сих пор⁷.

В ходе избирательной кампании 2018 г. бразильская Фемида сыграла главную роль в устранении бесспорного фаворита, экс-президента Лулы да Силвы. Его арест в апреле 2018 г. по обвинению в коррупции произошел при крайне подозрительных

⁵ O Dia. 15.03.2018.

⁶ Projeto Pontes: Building bridges to Brazilian Law Enforcement // URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BRASILIA1282_a.html (дата обращения 18.05.2019).

⁷ Sader E. Brazil's Putschists, made in the USA // Brazil Wire. 28.12.2016.

обстоятельствах. В течение нескольких лет в преддверии выборов 2018 г. опросы показывали, что лидер ПТ намного опережает по популярности всех бразильских политиков, и мало кто сомневался в его победе. Оппоненты экс-президента использовали единственный легальный способ для предотвращения их неизбежного поражения – осуждение Лулы за уголовное преступление, которое, согласно бразильскому законодательству, лишило его права баллотироваться в качестве кандидата на пост президента. Причем был выдвинут совершенно смехотворный предлог – якобы экс-президент приобрел 3-комнатную квартиру (весьма скромную по бразильским меркам) в обмен на поддержку проекта одной из строительных компаний. Несмотря на отсутствие доказательств, суд под председательством С. Мору в ускоренном порядке провел процесс и приговорил Лулу к 10-летнему тюремному заключению (впоследствии апелляционный суд увеличил срок до 12 лет) за так называемую «пассивную коррупцию»⁸. Бразильские и международные правозащитные организации, в том числе структуры ООН, требуют пересмотра уголовного дела⁹.

Именно устранение с политической арены лидера ПТ открыло путь к власти представителю ультраправых сил Жаиру Болсонару. Бразильские судьи, так яростно боровшиеся против левых политиков, не заметили очевидных скандальных фактов и правонарушений в отношении Болсонару: распространение лживой информации; незаконное использование социальных сетей при спонсорстве со стороны бразильских олигархов и американских миллиардеров; субсидирование предвыборной кампании со стороны частных компаний (запрещенное законом с 2016 г.); открытое восхваление преступлений, совершенных военной хунтой в 1964–1985 гг. против тысяч оппонентов и политических заключенных (также преследуемое по бразильскому законодательству)¹⁰.

Болсонару, выпускник престижной Военной академии Агульяс-Неграс (1977), служил десантником и артиллеристом в годы военного режима, дослужился до звания капитана. После падения хунты вышел в отставку и начал политическую карьеру. С 1988 г. избирался депутатом городского совета Рио-де-Жанейро, затем депутатом национального парламента. Он сменил множество партий (Христианско-демократическую, Прогрессистскую,

⁸ Correio do Povo. 5.04.2018.

⁹ *Lula da Silva L.I.* A verdade vencerá: O povo sabe por que me condenam. São Paulo, 2018.

¹⁰ El País. 28.08.2018.

Реформистско-прогрессистскую, Партию либерального фронта и др.), прежде чем в 2018 г. вступил в Социал-либеральную партию. В президентских выборах Болсонару участвовал под лозунгом «Бразилия превыше всего, а Господь превыше всех».

В своих выступлениях и речах он позиционировал себя непримиримым противником демократии и левых сил, высказывал расистские, гомофобные и женоненавистнические взгляды. Его тактика состояла в отказе от цивилизованного диалога между политическими оппонентами, опоре на полицейское и судебное насилие (с особой жестокостью проявившееся в ходе избирательной кампании), заимствование откровенно фашистской риторики. Благодаря координированной и хорошо оплаченной (местными предпринимателями и покровителями из Вашингтона) работе СМИ из мелкой фигуры Болсонару был создан облик некоей «харизматической личности», и в этом ему большую поддержку оказал небезызвестный американский крайне правый деятель Стив Бэннон, ставший главным советником бразильца в избирательной кампании (до этого Бэннон в 2016 г. был руководителем избирательной кампании Д. Трампа)¹¹. Любопытно, что за год до выборов, в 2017 г. Болсонару побывал с визитом в США, где был принят Д. Трампом и, видимо, получил некий современный «фирман» на правление. Неслучайно в ходе избирательной кампании он часто называл себя «Трампом из тропиков».

Под руководством американского советника, которого журнал «Time» назвал «великим манипулятором», а либеральные исследователи окрестили «расистом и политиком фашистского толка», Болсонару и его сторонники широко использовали демагогию, ложь и иррациональность для создания обстановки ненависти и страха перед ПТ (которую называли «иконой Сатаны» и «главной причиной всех национальных проблем»); перед «красной угрозой» (цинично заявляя о том, что военная диктатура 60-х – 80-х гг. совершила ошибку, ограничиваясь «слишком часто» пытками заключенных, «а их следовало не пытать, а просто убивать»); перед Венесуэлой (как заявил Болсонару, «одной из моих первых акций после прихода к власти будет вторжение в Венесуэлу»)¹².

В своих выпадах против левых Болсонару дошел до того, что даже по поводу правого либерала, экс-президента Энрике Кардозу заявил, что «убил бы его как скрытого коммуниста». Для него

¹¹ The Guardian. 17.10.2018.

¹² Clark V.F. The Threat Of War With Venezuela // Brazil Wire. 30.10.2018.

характерны довольно частые расистские высказывания против чернокожих («они бездельники, и надо заставить их прекратить размножаться», «животные, которым пора в зоопарк»), индейцев («паразиты, их надо уничтожать всеми доступными способами»)¹³.

В ходе предвыборных выступлений он позиционировал себя как поборника нравственности («Необходимо уничтожать аморальных людей во имя Бога и наших бразильских традиций»), причем к «аморальным» людям причислял, прежде всего, политиков левого и либерального толка. Заявлял о решимости радикально решить проблему преступности, вооружая богатых и предоставляя полиции право расстреливать людей без суда и следствия («Если полицейский никого не убил – это не полицейский»). Предлагал решить проблемы экономического кризиса с помощью приватизации всех государственных предприятий, полной свободы действий западных (прежде всего американских) инвесторов¹⁴.

В рамках существующей конституционной демократии, декларировал он, невозможно решить поставленные задачи, поэтому пообещал уничтожить все конституционные ограничения в своей деятельности на посту президента¹⁵. По словам Болсонару, образцами для подражания для него стали перуанский президент Альберто Фухимори (который в 1992 г. устроил государственный переворот, разогнал парламент и впоследствии был приговорен к тюремному заключению за многочисленные преступления), и Д.Трамп с его правыми, популистскими лозунгами.

В речах Болсонару и его ораторской манере многое почерпнуто из опыта Гитлера, Муссолини, Франко, бразильских «интегралистов» 30-х гг.¹⁶ Однако он отрицал свою связь с «классическим» фашизмом и выставлял себя «поборником консерватизма», наследником идей бразильской военной хунты 60-х – 80-х гг. Довольно часто «Трамп из тропиков» ссылается на работы главного идеолога бразильской хунты 60-х гг. генерала Артуро Голберти до

¹³ O Globo. 22.07.2019.

¹⁴ Cernov A. Como chegamos à era Trump – nos EUA e no Brasil // Inesc site. 17.01.2019. URL: <https://www.inesc.org.br/como-chegamos-a-era-trump-nos-estados-unidos-e-no-brasil/> (дата обращения – 18.05.2019).

¹⁵ Finchelstein F. Jair Bolsonaro's Model Isn't Berlusconi. Its Goebbels // Foreign Policy. 5.10.2018.

¹⁶ Бразильский исследователь Ж.Ф. Бертона считает, что Бразилия в тот период была ближе всех стран Латинской Америки к фашизму, учитывая «наличие крупнейшей внеевропейской фашистской партии «Бразильское интегралистское действие (БИД)» См.: Бертона Ж.Ф. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке // Берегиня. 777. Сова. 2015. № 3(26). С. 217.

Коуто-е-Сильва. В книге последнего «Геополитика Бразилии» проводится идея о «всемирной борьбе не на жизнь, а на смерть между силами капитализма, христианского Запада и коммунистического, атеистического Востока» при полной невозможности какого-либо примирения или компромисса. Исходя из подобных взглядов, бразильские военные рассматривали себя (с подачи их «спонсоров» из Вашингтона) верными защитниками «западных ценностей» и неутомимыми участниками глобального противоборства с «силами зла». В этой войне с жестоким и хитроумным противником не могло быть никаких колебаний или сомнений, никакого места гуманности или состраданию. Для того, чтобы сохранить и защитить государство, необходимо принести в жертву права и свободы граждан – «небольшая цена в жестокой борьбе»¹⁷.

Нельзя также недооценивать роль США в формировании крайне правых взглядов и концепций в Бразилии. Как и в фашистской Германии, большая часть идеологем бразильской военной диктатуры была почерпнута из США. Прежде всего, это стремление к одномерной организации общества по образу и подобию американских корпораций, с жесткой вертикалью власти, беспрекословным подчинением приказам, идущим сверху. Это крайний национализм, идея богоизбранности своей нации, ее превосходства. Это милитаризм, окружение военных неким ореолом «сверхлюдей», которые призваны спасать мир от катастрофической угрозы.

После войны США резко взвинтили тему «красной угрозы» в Латинской Америке, несмотря на очевидную слабость и маргинальность местных компартий, отсутствие какой-либо значительной поддержки со стороны СССР. Однако за показной борьбой с коммунизмом эта пропагандистская машина на самом деле была направлена против всех национально ориентированных сил, прежде всего либералов, которые мечтали о суверенном развитии, техническом прогрессе, модернизации. Для сохранения и поддержания полуколониального, зависимого положения американцам были нужны прежде всего диктаторы, которые бы уничтожали прогрессивную левую и либеральную оппозицию, закрепляли господство ретроградов-латифундистов, олигархов, получающих дивиденды от распродажи сырьевых богатств, а также церкви, приучавшей граждан к послушанию властям.

С рубежа 60-х годов отдельные американские политологи, такие как С. Хантингтон, Э. Нордлингер, проповедовали позитивный

¹⁷ Couto e Silva G. do. Geopolítica do Brasil. Rio de Janeiro, 1967.

облик военных как «главной опоры общества в развивающихся странах»¹⁸ (нельзя забывать о том, что Хантингтон был официальным советником бразильской хунты). Стратегическая внешнеполитическая концепция Соединенных Штатов в отношении Латинской Америки, разработанная на рубеже 60-х гг. была ориентирована на новую роль для военных в Латинской Америке как неких «спасителей западной цивилизации». В печально известной «Школе Америк», в центрах подготовки латиноамериканского генералитета в Панаме, форте Ливенуорт и других местах, через которые прошла большая часть высших офицеров континента, с ними проводили не столько профессиональные занятия, сколько индоктринировали политические идеи с тем, чтобы сформировать «новый тип военных», главной задачей которых является не оборона страны от внешней агрессии, а поддержание так называемой «внутренней безопасности», защита от мифической «подрывной деятельности». Им внушалось, что вооруженные силы являются основным, незаменимым фактором национального развития, что военным жизненно необходимо участвовать во всех сферах общественной жизни и при необходимости смело брать на себя бремя власти.

Проводилась не только изощренная индоктринация латиноамериканских военных в русле ультраправой идеологии, но и прямое участие в подготовке и проведении путчей. В этом, помимо широко известных посольств США, была задействована гигантская сеть резидентур ЦРУ, различных советников и инструкторов, военных миссий. Известный американский политолог Альфред Степан писал: «После Второй Мировой войны и в начале Холодной войны Соединенные Штаты создали целую монополию из своих военных миссий в Латинской Америке, которые занимались оказанием помощи в приобретении вооружений, технических консультациях, вели широкие образовательные и пропагандистские программы, занимались инструктажем и подготовкой офицерских кадров»¹⁹.

Эти форпосты американского влияния дополнялись подрывной деятельностью ЦРУ и других секретных служб, финансированием и планированием военных переворотов, поддержкой правых и фашистских организаций. Как и в других латиноамериканских странах, репрессивный аппарат Бразилии с помощью США был

¹⁸ *Huntington S.P. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil–Military Relations. N.Y., 1957; Nordlinger E.A. Soldiers in Politics: Military Coups and Governments. Englewood Cliffs, (N.J.), 1977.*

¹⁹ *Stepan A.C. The Military in Politics: Changing Patterns in Brazil. Princeton, 2015. P. 126.*

переориентирован на подавление оппозиции с привлечением «эскадронов смерти», использованием самых зверских пыток и политических убийств. Американцы были создателями своеобразного интернационала военных хунт в рамках «Операции Кондор», участники которой занимались физическим уничтожением левых и либеральных деятелей, даже в том случае, если они эмигрировали из своих стран за рубеж. В этой кровавой охоте, где спецслужбы Бразилии принимали самое активное участие, были уничтожены сотни лучших людей континента.

Болсонару открыто солидаризуется со всеми негативными и отвратительными чертами военной хунты 60-х – 80-х гг. Более того, он призывает к большей жестокости в пресечении массовых «низовых» движений, репрессиям в отношении профсоюзов, крестьянских объединений и других организаций, выдвигающих экономические и политические требования; полному запрету деятельности левых и либеральных политических партий; передаче экономических и политических решений в руки военных и их советников из числа так называемых «технократов». В экономической сфере он ратует за максимальное расширение иностранных инвестиций, осуществление экономической политики, заимствованной у Милтона Фридмана и других экономистов «Чикагской школы»; за всемерное развертывание приватизации госсектора, продажу предприятий и земельных наделов американским корпорациям, демонтаж сферы социального обеспечения, осуществление так называемой «жесткой экономии», которая неизбежно приводит к массовому обнищанию «низов».

Очевидно, что такая политика может осуществляться только путем жесточайшего подавления основных гражданских свобод, ареста, тюремного заключения и физического уничтожения политических оппонентов, массового применения пыток и других репрессивных методов.

Ряд исследователей считают, что фашистские взгляды Болсонару – лишь риторика, использование в политических целях разного ряда и клишированных идей фашистских политиков 30-х годов в Германии и Италии, а также деятелей бразильской военной хунты 60-х гг. На самом же деле он – «правый радикал», «религиозный националист», «правый демагог» и «апологет диктатуры»²⁰. Однако большинство исследователей фашизма сходятся в том, что

²⁰ Almeida M.R. Afinal, Jair Bolsonaro é ou não é fascista? // Folha de S. Paulo. 20.10.2018; Jair Bolsonaro, Brazil's apprentice president // The Economist. 28.03.2019.

нет (и не может быть) четкого, «классического» описания фашизма даже в приложении к гитлеровской Германии (где картина конца 30-х гг. весьма значительно отличалась от 1933 г.). Рамки «фашизма» или «ультраправого радикализма» весьма размыты. И если современный политик открыто заявляет, что готов прибегнуть к насилию и массовым репрессиям по отношению к своим политическим оппонентам, широким демократическим движениям, установить авторитарный или диктаторский режим с упразднением парламентских прав и свобод, проводить во внешней и военной политике агрессивный лозунг «превосходства своей нации», то куда же его определить, кроме как в категорию фашистов?²¹ (Правда, в демократических кругах Бразилии порой бытует мнение, что он «просто ненормальный»²²)

Приход Болсонару к власти, как считает большинство исследователей, был вызван недовольством электората кризисными явлениями в экономике, коррупцией и непоследовательностью левых правительств в реализации социальных программ и реформ. Это раздражение было искусно направлено против правящей Партии трудящихся, которую выставили в качестве «главного зла» и источника всех проблем, начиная от высокого уровня безработицы и кончая ростом преступности. Морализм и беспокойство по поводу роста преступности стали движущей силой по возрождению массовой базы правого экстремизма.

Но значительно большую роль играла поддержка со стороны экономической элиты, олигархов, банков, Бразильской национальной аграрной федерации и других ассоциаций элиты, которые предоставили деньги, легитимность и законодательное содействие. Следует учитывать, что более 40% сената и конгресса контролируются «аграрным блоком», представляющим крупнейших латифундистов и владельцев добывающих сырьевых отраслей, которые оказали поддержку Болсонару²³.

Привлекательность нынешнего президента в глаза властвующей элиты состоит в его программе бескомпромиссного наступления на права трудящихся. Он обещал заморозить зарплаты на

²¹ *Pinheiro-Machado R.* Estive em 26 universidades dos EUA e ninguém pensa duas vezes antes de definir Bolsonaro: "fascista" // *The Intercept.* 19.03.2019; *Pita A.* Bolsonaro é um dos populistas mais próximos do fascismo que já vi // *El País.* 30.06.2019.

²² *Bolsonaro não é ultradireitista, soberanista, fascista. Ele é demente* // *Carta Capital.* 10.06.2019.

²³ *Nova Frente Parlamentar da Agropecuária reúne 257 deputados e senadores* // *De Olho Nos Ruralistas.* 22.03.2019.

20 лет, понизить пенсии и увеличить возраст выхода на пенсию на 20 лет, расширить права и прерогативы армии и полиции по подавлению забастовок и народных движений за аграрную реформу, отменить любые ограничения на уничтожение амазонских джунглей, понизить налоги на богатых, отменить любое государственное регулирование сферы бизнеса и приватизировать все государственные предприятия.

По сути политика Болсонару следует в фарватере, обозначенном Вашингтоном как создание корпоративистского государства в странах «периферийного капитализма», сочетающего «неолиберальный фашизм» с так называемой «рыночной свободой». Станет ли эта версия фашизма неким стереотипом, примером для подражания в других латиноамериканских странах? Означает ли эта победа общий поворот вправо во всем мире?

Бразильская биржа весьма оптимистично отреагировала на приход Болсонару к власти. Курс реала по отношению к доллару вырос на несколько процентов, возросли также цены на акции ведущих предприятий. Все это означает нетерпеливое ожидание тотальной отмены государственного регулирования рынка и обвальной приватизации госсектора.

Болсонару называет себя «бразильским Трампом», и налицо очевидные черты сходства: враждебное отношение к национальным меньшинствам, индейцам, иммигрантам, шовинистические выпады и националистические лозунги. Однако бразилец не рискует копировать торговый и экономический протекционизм Трампа и сопротивляется плану США привлечь Бразилию к торговой войне с Китаем. Он понимает, что его главные спонсоры – латифундисты и предприниматели из сырьевых отраслей – не позволят ему безнаказанно подрывать их главный экспортный рынок.

Программа наступления на экономические права народа в рамках режима «жесткой экономии» и опора на репрессии в подавлении демократических движений ставят под большой вопрос попытки упрочения «массовой базы», которую смогли сколотить сторонники Болсонару в ходе предвыборной борьбы, а, соответственно, стабильность и длительность бразильского «неолиберального фашизма».

Латифундисты, генералитет и банкиры без сомнения поддержат так называемую «войну с преступностью», объявленную президентом, а также его программу ликвидации трущоб и свалок вокруг крупных городов и, вполне возможно, получают от этого хорошие дивиденды. Но если Болсонару не сможет стимулировать

приток инвестиций, увеличить экспорт промышленной продукции, создать сектор инновационных технологий с квалифицированными инженерными и рабочими кадрами, то Бразилия по-прежнему будет обречена на роль сырьевого придатка США и других развитых стран с экономикой, находящейся в руках местных олигархов и зарубежных транснациональных компаний, и политической властью в руках их коррумпированных ставленников.

Поражение «неолиберального фашизма» в Бразилии (как и подобных ему режимов в других зависимых странах) зависит от масштабов и глубины организованного сопротивления. Нынешний президент выиграл выборы, но это еще не означает, что современный фашизм является жизнеспособной альтернативой левому популизму и социал-демократическому пути. «Розовая» волна, несмотря на поражение, дискредитацию и фрагментацию сил, вполне может перегруппироваться и выдвинуть новую жизнеспособную альтернативу в борьбе за власть.

АВТОРЫ

БАЛЕЗИН Александр Степанович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

БОГДАШКИН Александр Андреевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж)»)

БРОВКО Людмила Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

ГЛУХОВА Александра Викторовна, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии (Воронежский государственный университет)

ВОЛОКИТИНА Татьяна Викторовна, доктор исторических наук, заведующий отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны (Институт славяноведения РАН)

ДЕГТЯРЕВ Владимир Иванович, кандидат философских наук, научный сотрудник (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж)»)

ДУРОВ Виктор Иванович, кандидат исторических наук, доцент (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж)»)

ЗИНИЧ Маргарита Стефановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт российской истории РАН)

ИВАНОВ Николай Серафимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

ИПАТОВ Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, преподаватель (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж)»)

КИРСАНОВА Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

КНЯЗЕВА Светлана Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент (Российский государственный гуманитарный университет)

КОМАРОВ Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

КОПАЕВ Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж)»)

ЛЕБЕДЕВА Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

ЛЕПЕХИНА Галина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент (Воронежский государственный педагогический университет)

ЛОПАТИНА Елена Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт славяноведения РАН)

ЛЮБИН Валерий Петрович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Институт научной информации по общественным наукам РАН)

МАЗУРОВ Игорь Викторович, кандидат исторических наук, профессор Ниигатского университета менеджмента (Япония); доцент кафедры истории государства и права (Дальневосточный институт управления академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Хабаровск))

НАМАЗОВА Алла Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

НЕКРАСОВА Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

ОКУНЕВА Людмила Семеновна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации); главный научный сотрудник (Институт Латинской Америки РАН)

ПЕЧЕНКИН Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент (Воронежский государственный педагогический университет)

ПИЛЬКО Надежда Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт славяноведения РАН)

ПОЛУНИН Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж)»)

СЕРАПИОНОВА Елена Павловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом истории мировых войн (Институт славяноведения РАН)

СКОРОБОГАТЫХ Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт востоковедения РАН)

СОТНИКОВ Александр Иванович, профессор (Воронежский государственный институт искусств)

СТРОГАНОВА Елена Дмитриевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН)

ТЕПЛУХИН Вячеслав Владимирович, кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательского отдела (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж)»)

ТОКАРЕВА Евгения Сергеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН)

ШЕНДРИКОВ Евгений Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж)»)

Ф 30 **Фашизм**, неофашизм и их преступная практика [Текст] : сборник статей памяти Елены Дмитриевны Строгановой / редкол.: А.А. Богдашкин (отв. ред.) [и др.] ; ВУНЦ ВВС «ВВА» ; ФНИСЦ РАН ; ФГБУН Институт славяноведения РАН ; ФГБУН Институт всеобщей истории РАН; – М.: Издательство «Весь Мир», 2021. – 574 с.

ISBN 978-5-7777-0842-7

В настоящей книге основанной на материалах, проходившей в мае 2020 г. в Военном учебно-научном центре Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» Всероссийской научно-теоретической конференции «Фашизм, неофашизм и их преступная практика» рассматриваются проблемы, связанные с сущностными чертами фашизма как международного феномена и его проявлениями в различных странах мира. Отдельные статьи посвящены анализу неофашизма и современным проявлениям правого радикализма.

Для профессиональных историков, политологов, социологов, философов, всех специалистов-гуманитариев и интересующихся спецификой фашизма и неофашизма.

УДК 94(100) «19/20»
ББК 63.3(0)

Научное издание

Сборник статей памяти
Елены Дмитриевны Строгановой

ФАШИЗМ, НЕОФАШИЗМ И ИХ ПРЕСТУПНАЯ ПРАКТИКА

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук *А.А. Богдашкин* (отв. ред.);
д-р ист. наук *Т.В. Волокитина*;
д-р полит. наук, профессор *А.С. Железняков*;
канд. ист. наук *А.М. Ипатов*;
д-р ист. наук, профессор *А.С. Намазова*;
канд. ист. наук *В.В. Теплухин*

Художник: *Е.А. Ильин*

Подписано к печати 25.11.2020
Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 36,0
Тираж 500 экз. Заказ 4176

ООО Издательство «Весь Мир»

Юридический адрес:

127214, г. Москва, ул. Софьи Ковалевской, д. 1, стр. 52

<http://www.vesmirbooks.ru>

e-mail: info@vesmirbooks.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru

Факс 8 (496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87

Участники Всероссийской научно-теоретической
конференции
«Фашизм, неонацизм и их преступная практика»
проходившей 14–15 мая 2019 г.,
в Военном учебно-научном центре
Военно-воздушных сил «Военно-воздушная
академия имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

ISBN 978-5-7777-0842-7

9 785777 708427

www.vesmirbooks.ru